Джузеппе Боффа

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Джузеппе Боффа

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Giuseppe Boffa

STORIA DELL'UNIONE SOVIETICA

Dalla Guerra patriottica
al ruolo di seconda potenza mondiale
Stalin e Chruščëv
1941-1964

Arnoldo Mondadori Editore

Джузеппе Боффа

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В двух томах

2

От Отечественной войны
до положения второй мировой державы
Сталин и Хрущев
1941-1964

«Международные отношения»
Москва 1994

ББК 63.3(2)
Б72

Боффа Дж.

Б72 История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941—1964 гг.: Пер. с итал.—2-е изд.— М., Междунар. отношения, 1994.—632 с.

ISBN 5-7133-0545-7

Впервые на русском языке издается книга известного итальянского историка-марксиста. Автор поставил перед собой задачу описать историю страны и общества в их комплексе. В результате получился труд, который по полноте анализируемых тем, по характеру изложения, по охвату событий не имеет аналогов в мировой историографии. Автор приходит к выводу о полной неприемлемости сталинской модели социализма. Том 2 охватывает период войны и послевоенный период вплоть до падения Хрущева (1964).

Для читателей, интересующихся историей СССР.

0503020000-038
Б ——————— Без об'явл. ББК 63.3(2)
003(01)-94

ISBN 5-7133-0545-7 (т. 2)

ISBN 5-7133-0543-0

Книга пятая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

I. НАЦИСТСКАЯ АГРЕССИЯ

Крах пакта о ненападении с Германией

В истории Советского Союза 22 июня 1941 г. — начало нового периода, дата, уступающая по значению лишь Октябрьскому восстанию 1917 г.

В четыре часа утра фашистские вооруженные силы — 191 дивизия, из которых 153 германские, — обрушились на западную границу страны на всем ее протяжении от Балтийского моря до Черного. СССР не искал этого столкновения, наоборот, он сделал все возможное, чтобы избежать его. Позже один из главных советских военных деятелей написал в своих мемуарах: «Но, как и всякое большое несчастье, война обрушилась внезапно»[1]. А один из писателей добавил: «Казалось бы, все давно ждали войны, и все-таки... она обрушилась как снег на голову»[2]. Во всех книгах об этом страшном событии десятилетиями повторяется одно и то же: неистовый шквал огня и металла совершенно неожиданно ворвался в мирную жизнь; страна, которая на протяжении предыдущего 20-летия более, чем любая другая, чувствовала приближение мировой войны, оказалась застигнутой врасплох.

Почему же врасплох? В Азии с 1937 г. шли бои. В Европе в начале сентября 1939 г., с момента вторжения гитлеровцев в Польшу, Франция и Англия объявили войну Германии. СССР же после заключения советско-германского пакта оставался в стороне. Утверждалось, что Сталин — отныне непререкаемый вождь Советского Союза — с чрезмерным доверием отнесся к договору с Гитлером. Основная причина, похоже, заключается не в этом. Маршал Жуков в своих воспоминаниях заявил, что никогда не слышал от Сталина ни одного суждения, которое бы подкрепляло подобное впечатление[3]. Сталин был слишком недоверчив, чтобы без подозрений отнестись к любому партнеру на переговорах или дипломатическому документу, от кого бы он ни исходил. Причина, следовательно, более глубокая. Нацистская агрессия явила собой крах всей сталинской политики, нашедшей выражение в пакте о ненападении с Германией, крах того непрочного заграждения, которое эта политика возвела ради защиты СССР.

Бедствие вырисовывалось не в один день. Оно подготавливалось постепенно, хотя и стремительно нараставшими темпами. Вначале заключение пакта воспринималось как успех, по крайней мере в том, что касалось государственных интересов СССР. Стране в последний момент удалось уберечься от пожара, охватившего Европу, и в то же время урегулировать конфликт с Японией на своих дальневосточных рубежах. Главные капиталистические державы Европы не объединились против Советского Союза, как того опасались в Москве. Напро-

тив, теперь они были втянуты в военное противоборство, обещавшее быть изнурительным для обеих сторон. Быстрый распад польского государства и соглашение с Берлином позволили СССР с легкостью вернуть себе территории, вырванные у него Польшей в 1921 г., и восстановить свое вооруженное присутствие в маленьких сопредельных Прибалтийских государствах[4]. Вслед за пактом о ненападении, заключенным с Германией в августе 1939 г., месяц спустя был подписан договор о дружбе и границах. Это не помешало СССР провозгласить себя нейтральным в войне. И нейтралитет этот был подлинным*, хотя отношения Советского Союза с Германией и стали лучше, чем его отношения с Францией и Англией (Молотов, тогда глава правительства, не преминул отметить это в своих выступлениях)[5].

Первым тревожным сигналом явилась война с Финляндией. Итоги этой войны, плохо продуманной как с политической, так и с военной точки зрения, были отрицательными для СССР. Оценка эта не относится к советским требованиям, умеренным и в тот период вполне понятным, и не преследует цели оправдать финских руководителей, поведение которых не отличалось осмотрительностью. После трех месяцев отнюдь не блистательных военных операций (декабрь 1939 г. — февраль 1940 г.) СССР заключил мир, удовольствовавшись скромными территориальными уступками со стороны Финляндии: несколько военных баз и перенос границы на Карельском перешейке. Они будут затем утрачены в первые же недели после начала нацистской агрессии[6].

Высокой, однако, оказалась политическая цена этих достижений. В Финляндии поражение оставило в душах людей осадок озлобления и вызвало подъем реваншистских настроений, что усилило поддержку среди масс наиболее антисоветских групп в правящих кругах. В остальном мире финская война послужила предлогом для гигантской антисоветской кампании. Исключение СССР из умирающей Лиги Наций — лишь один из незначительных эпизодов этой кампании. Во Франции и Англии, несмотря на продолжавшиеся военные действия против Германии, правительства и генеральные штабы обсуждали планы посылки экспедиционного корпуса на помощь финнам, а также нападения на СССР с юга, в частности бомбардировки нефтяных промыслов Баку. Конечно, подобные планы свидетельствовали в первую очередь о неразумности правителей этих двух стран; на их поведе-

* Нейтральный характер советской внешней политики в первый период второй мировой войны не раз ставился под сомнение не только в политических спорах, но и в научных исследованиях некоторых историков. Так, американец Адам Б. Улам (Storia della politica estera sovietica, 1917—1967. Milano, 1970, p. 405—406) говорит о настоящем союзе между СССР и Германией, якобы продолжавшемся с сентября 1939 по июнь 1941 г. Отвергаемый советскими историками, этот тезис не находит подтверждения и в тех западных исследованиях, которые посвящены анализу частных аспектов советской истории. Например, Джордж Гинзбург приходит к выводу, который я считаю правильным: «Официальное поведение СССР... в тот период не слишком отличалось от поведения большинства нейтралов» (*George Ginsburg*. The Soviet as a Neutral. 1939—1941. — "Soviet Studies", v. 10, N 1, p. 32).

ние продолжали воздействовать те тенденции, которые привели их в 1938 г. к мюнхенской капитуляции перед Гитлером[7]. Но то было небольшим утешением для руководителей СССР: вновь возникла угроза создания единого фронта капиталистических держав — того фронта, образования которого с таким трудом удалось не допустить. Германия, связанная пактом о ненападении с СССР и войной на Западе, осталась в стороне от этих планов. На сторону финнов встали, однако, Соединенные Штаты и фашистская Италия, союзница Гитлера. Все это происходило в тот момент, когда три главных участника войны в Европе проводили взаимный зондаж с целью заключения мира[8]. Если бы не завершилась война с Финляндией — не известно, удалось ли бы предотвратить образование широкой антисоветской коалиции.

Поздно было, однако, исправлять другое зло, причиненное этой войной. Действия СССР оставили у всех опасное впечатление его военной слабости. Сталин понял это. Стремясь исправить положение, он приступил к перемещениям деятелей на высших ступенях руководства вооруженными силами. Ворошилов уступил место наркома обороны Тимошенко. Сталин сместил даже начальника Генерального штаба маршала Шапошникова, выходца из старой, дореволюционной армии, хотя тот не нес ответственности за финскую кампанию (он предложил другой оперативный план). Сталин обосновал свое решение необходимостью показать всему миру, что Москва извлекает из происшедшего необходимые уроки[9]. Но было уже поздно.

Следует отметить, что начальный, на первый взгляд удачный период сотрудничества с Германией повлек за собой многочисленные отрицательные последствия для СССР. Антифашистская пропаганда в Москве внезапно прекратилась. Гитлеровская агрессия уже не находила осуждения, разве что самое расплывчатое, общее, которое можно было извлечь из обличения всех империалистических держав и их грабительской природы. Само понятие «страна-агрессор» было отодвинуто на задний план как более не подходящее к употреблению. Никаких сожалений не было выражено в связи с ликвидацией Польши как государства, этого «уродливого детища Версальского договора». Молотов дошел даже до того, что назвал «преступной» такую войну, которая бы провозглашала своей целью «уничтожение гитлеризма». Он заявил, что подобная постановка вопроса напоминает о «старых религиозных войнах» времен средневековья. «Ответственность» за развязывание войны и в еще большей степени за ее затягивание Сталин возложил на Францию и Англию, которые «грубо отвергли... мирные предложения Германии»[10].

За границей все это серьезным образом сказалось на антифашистах — друзьях СССР. Сильная растерянность ощущалась в Коминтерне, который, следуя строго в фарватере официальной советской политики и пропаганды, вынужден был повторять все их повороты. Война была определена Коминтерном как «несправедливая, империалистическая», не отличающаяся по характеру от первой мировой войны. Действительно, на протяжении последних месяцев 1939 г. и

первых месяцев 1940 г. смысл событий, происходивших иа фроите, отнюдь не был ясен. «Страииой войиой» стали иазывать этот период коифликта[11]. После краха Польши противоборствующие армии почти не меняли своих позиций. Шел иепрерывиый поиск компромиссов, и враждующие блоки еще не приобрели окончательиых очертаний. Нельзя было исключать ни сеисациоииых закулисных ходов, ии виезапиого поворота фронта на 180 градусов. При всем этом анализ Коминтериа был чересчур одиостороиним и отставал от обстановки, ибо игиорировал аитифашистские иастроеиия широчайших слоев народа во многих страиах*.

Это повлекло за собой тяжелые последствия. Произошел резкий и для миогих непоиятиый поворот — отказ от курса иа Народный фроит, который рассматривался теперь как что-то вроде временииой и устаревшей тактики. В Коминтерне сиова вошел в моду сектаитский лексикон времеи, когда иацисты еще ие пришли к власти: острие полемики виовь было иацелеио против социал-демократии и всех промежуточных сил, проповедовавших «аитифашистскую войну»[12]. Однако сопровождавшие иовую смену курса политические лозунги были малореалистичиыми и противоречивыми, в лучшем случае чисто агитациоиными, а следовательио, бездейственными. Таким был, к примеру, призыв вести борьбу за то, чтобы «положить коиец войне»[13]. Он оправдывался, вероятио, надеждой, что с течеиием времеии изнуреиные и обескровленные войной иароды обратят взоры к СССР и коммунистам, ие участвовавшим в ией[14]. Но пока, в тогдашией обстановке, продолжение воеииых действий, которые могли бы привести к истощению двух противоборствующих коалиций капиталистических держав, было той единствеииой защитой, иа какую Советский Союз мог рассчитывать, оставаясь иейтральиым. Публично Сталии отвергал эту идею как болтовню «политиков из пивиой». В частных же беседах он тоже строил расчеты иа долгий и сложиый ход войны[15].

Коммунистические партии Европы и Америки, принуждениые к изменению политики, изолироваииые от своих вчерашних союзников, почти всюду преследуемые, переживали один из самых мрачиых и мучительных момеитов в своей истории. Но и в СССР положеиие было ие из легких, хотя страие и удалось остаться в стороне от войны. Миогие свидетельствовали о распространеиии чувства угиетениости. Не то чтобы можио было говорить о каких бы то ни было проиацистских иастроениях, которые, иапротив, имелись в страиах

* После победного окончаиия войны Сталии измеиил оценку, заявив в 1946 г., что вторая мировая войиа против держав «оси», в отличие от первой, с самого иачала имела характер антифашистской, освободительиой войны. В советской историографии встречаются различиые оценки. Чтобы дать представлеиие о тех выводах, к которым пришли советские историки, приведем оценку одного из последиих и авторитетных трудов (История второй мировой войны, т. 3, с. 8): «Война началась как империалистическая, захватническая, несправедливая со стороны главных ее участииков, а затем благодаря иеуклонно возраставшей активиости широких масс трудящихся в борьбе против гитлеровских захватчиков стала приобретать освободительный, антифашистский характер».

Западной Европы и в Америке. Но все же слово «фашизм» было исключено из политического словаря, причем инструкция на этот счет с бюрократическим педантизмом проводилась в жизнь неукоснительно действующим аппаратом цензуры. Эренбург очень хорошо воссоздал атмосферу тех месяцев, он вспоминал, как невозможно оказалось издать роман об антифашистской борьбе в довоенной Франции[16]. На людей, продолжавших считать главным врагом гитлеризм, смотрели с подозрением; некоторые из них были арестованы. Именно по этим причинам даже многие из тех, кто и сегодня уверен, что заключения пакта с Германией нельзя было избежать, справедливо ставят Сталину в вину создание «политической и психологической атмосферы» вокруг пакта [17]. Чувство подавленности ощущалось особенно среди интеллигенции. Некоторые писатели сознавались в этом лишь в сокровенных записях, которые станут известны только многие годы спустя. Главный редактор одного из литературных журналов драматург Вишневский отметил в своем дневнике: «Ненависть к прусской казарме, к фашизму... у нас в крови... Надо пока молчать...» Константин Симонов позже комментировал: в нравственном отношении совершилось нечто очень отрицательное[18]. Спасение от растерянности искали в вере в непогрешимую мудрость вождя, а стало быть, в отказе от осмысления событий. Никогда еще дипломатия в глазах народа не была столь секретной, окутанной великой тайной, которая, как сказал однажды Ленин, создает атмосферу, облегчающую подготовку к войнам[19].

Сталинские схемы и просчеты

Самый сильный удар по советской политике нейтралитета был нанесен быстрой и неожиданной капитуляцией Франции после первого же крупного наступления немцев весной 1940 г. С разгромом французской армии нарушился баланс военно-политических сил в Европе. СССР остался на континенте один на один с Германией. На Западе Гитлеру противостояла только Великобритания, изолированная на своем острове. Черчилль тем временем сменил Чемберлена на посту главы правительства. В Москве следили за воздушной битвой между англичанами и немцами летом 1940 г. с большим интересом, испытывая уважение к Великобритании[20]. Сегодня мы знаем, что именно в эти недели намерения Гитлера обратить оружие против СССР нашли выражение в первых тайных распоряжениях[21]. Даже не зная об этом, Советское правительство поспешило укрепить свои позиции. Оно аннексировало Эстонию, Латвию и Литву, принудило Румынию передать ему Бессарабию и Северную Буковину и, наконец, приняло у себя в стране первые меры по милитаризации труда[22].

Не бездействовала и советская дипломатия. Когда Гитлер вторгся в Данию и Норвегию, СССР потребовал уважения нейтралитета Швеции. Он пытался найти поддержку у Турции, которая лавировала между враждующими державами и еще в 1939 г. предпочла заручиться

гарантиями лондонского и парижского правительств. Благодаря заключению советско-германского пакта Москва получила один из главных выигрышей — возможность распространить свое влияние на Восточную Европу, рассматриваемую в качестве советской «зоны безопасности». Но как только Гитлер разделался с Францией, он почувствовал себя более свободным в попытках подчинить этот регион своему контролю. То было первое грубое проявление того пренебрежения, с каким он, опираясь на одержанные победы, считал себя вправе относиться к интересам русского партнера. В августе — сентябре 1940 г. берлинское правительство по соглашению с фашистской Италией, которая тем временем вступила в войну на его стороне, перекроило карту Балкан. Румынская Добруджа была отдана Болгарии, большая часть Трансильвании — Венгрии, Румынии — вернее тому, что осталось от нее, — Гитлер сперва предложил свои «гарантии», а вскоре оккупировал ее. Немецкие части начали размещаться в Финляндии. Между Германией, Италией и Японией был заключен тройственный пакт. Кольцо вокруг СССР сжималось.

Обстановка на Балканах и в Финляндии была предметом острой дискуссии во время очередного визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Его переговоры с Гитлером и Риббентропом многократно описаны. Оба немецких собеседника пытались обвести советского гостя вокруг пальца, изображая Великобританию как страну уже побежденную и приглашая СССР принять участие в дележе остатков ее империи. СССР должен был направить свои притязания в сторону Персидского залива и Индии. Молотов ответил ледяным безразличием. Ко всем этим предложениям он не проявил ни малейшего интереса. Речь шла лишь о Восточной Еропе. Молотов выразил недовольство по поводу действий Германии. Обычно не отличавшийся остроумием, он даже позволил себе поиронизировать на счет Риббентропа, когда оба они вынуждены были спуститься в бомбоубежище в связи с объявленной воздушной тревогой. По этому поводу он произнес одну из немногих получивших известность острот: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище?»[23]. Визит завершился полной неудачей.

В действительности, когда Молотов направлялся в Берлин, Гитлер уже принял решение о нападении на СССР. По его указаниям уже давно разрабатывались планы вторжения. Фюрер сообщил своим генералам, что они должны продолжать работу над этими планами «независимо от результатов» переговоров с советским представителем[24]. План операции был утвержден им 18 декабря. То был пресловутый план «Барбаросса». Приготовления к агрессии должны были начаться «немедленно» (если не были уже начаты) и закончены к 15 мая 1941 г.[25] Уничтожение России и ее общественно-политического строя всегда было честолюбивым намерением Гитлера; он писал об этом еще на заре своей политической карьеры в «Майн кампф». От своей цели он не отказался и в 1939 г., лишь временно отложил ее

осуществление их предосторожности[26]. Теперь он считал себя достаточно сильным, чтобы перейти от слов к делу.

У советских руководителей, таким образом, было немало оснований для беспокойства. Здесь возникает ряд вопросов. Были ли они осведомлены о планах неприятеля? Были ли в состоянии предугадать их? Пожалуй, ни одна другая проблема не вызывала столь страстных споров в СССР после 1956 г., то есть с тех пор, как деятельность Сталина впервые была открыто подвергнута критике. Споры эти постоянно подогревались не только самим значением этого вопроса в национальном сознании, но и противоречивыми свидетельствами непосредственных участников событий.

Свои решения Гитлер принимал в момент, когда в охваченной войной Европе складывался своеобразный «треугольник»: Германия, находящаяся в апогее военных успехов; Англия, подвергнутая смертельной осаде, и все более изолированный Советский Союз. Анализируя принятые в то время решения, мы не можем подходить к ним с меркой нашей сегодняшней умудренности, когда все карты в игре давно раскрыты. С этой оговоркой мы все же попытаемся сформулировать некоторые оценки.

Главным в немецких замыслах была секретность. По мнению гитлеровских стратегов, именно внезапность — одно из важнейших условий операции, которая должна была сломить советское сопротивление «одним ударом палицы» за считанные недели, от силы — месяцы[27]. Поэтому истинные намерения Гитлера тщательно скрывались. Организованная кампания дезинформации была призвана убедить противника, что целью нацистской стратегии по-прежнему является высадка на Британские острова. На эту кампанию и указывают советские авторы, объясняя трагические просчеты, допущенные Москвой[28]. Оправдание это малоубедительно. Гитлер лишь делал свое дело: задача разоблачения его планов лежала на его будущих жертвах.

Скрыть подготовку агрессии, кстати говоря, было непростым делом. Отношения между Москвой и Берлином ухудшались. Ноты, с помощью которых Советский Союз пытался продолжить переговоры, прервавшиеся после визита Молотова в Берлин, оставались без ответа. Напряженность на Балканах нарастала. Особенно трудно было скрывать огромное сосредоточение германских войск на Востоке. Когда же советские деятели уловили смысл действий гитлеровцев? По сведениям из влиятельных источников, в том числе от маршала Голикова, в то время главы военной разведки, — в 1940 г., то есть примерно тогда же, когда и американская разведка получила первые сведения на этот счет[29]. К середине года стало известно, что германское министерство транспорта должно представить генеральному штабу доклад о пропускной способности железных дорог при перевозке войск с запада на восток. 25 декабря был получен первый обстоятельный доклад о планах нападения.

Эту секретную информацию начали уточнять с февраля 1941 г., когда приготовления нацистов приобрели более интенсивный харак-

тер. Разведка сообщила, что высадка десанта в Англию отложена до конца войны с СССР[30]. К июлю 1940 г. восходят первые донесения с границы о прибытии новых дивизий. В январе 1941 г. тревожные донесения пограничников участились; выросло и число нарушений советского воздушного пространства самолетами-разведчиками[31]. В марте 1941 г. поступило первое предупреждение по дипломатическим каналам: американское правительство сообщило советскому послу Уманскому имевшиеся у него сведения о планах немцев. С этого момента поток информации резко возрос. Можно, таким образом, утверждать — как утверждает маршал Баграмян вместе со многими другими советскими авторами, — что имелось достаточно данных, чтобы правильно оценить обстановку[32]. Но поступавшая информация воспринималась в Москве скептически. «Не во всем можно верить разведке», — сказал Сталин Жукову, бывшему тогда начальником Генерального штаба, буквально накануне войны[33].

Разумеется, ориентироваться было нелегко. Вместе с приведенными сведениями поступали и другие, говорившие, казалось, о прямо противоположных намерениях Германии. Ведь не случайно некоторые из главных участников событий, например правительство Японии и английская разведка, располагая аналогичной информацией, не сумели предвидеть, какой оборот примут события[34]. Но и это не может служить весомым оправданием для Москвы. Прежде всего потому, что ошибочные заключения Токио и Лондона были в свою очередь сделаны под влиянием поведения СССР. К тому же для Советского Союза просчет неизбежно должен был повлечь за собой роковые последствия. Вот в такие-то мгновения и подвергаются проверке способности вождя. Сталин сумеет проявить себя выдающимся деятелем во время войны. Но не в 1941 г. До самого последнего мгновения он отказывался верить, что Германия действительно готовится напасть на СССР, не закончив сведения счетов с Англией. Советские авторы впоследствии упрекали его в переоценке осторожности Гитлера, в игнорировании того, что авантюрист в нем мог взять верх над государственным деятелем[35]. Это справедливое замечание. Как показали дальнейшие события, решение фюрера было жестом азартного игрока. Сталин — как, впрочем, и японский генеральный штаб — не верил, что нацистский главарь решится ввязаться в войну на два фронта. В то же время он недооценивал другое обстоятельство: его политика после 1937 г. породила впечатление слабости СССР. Сегодня мы знаем, что подготовленные немецкой разведкой и немецким генеральным штабом оценки советской мощи совершенно не соответствовали действительности[36]. Германия дорого заплатила за эту ошибку. Но в тот период ее не избежали и другие правительства, другие военные эксперты.

Сталин анализировал факты на основе жесткой схемы. Постепенно и он начинал приходить к мысли, что войны с Германией не избежать. Это явствует из его поведения весной 1941 г.: лично высказанное им Эренбургу мнение в поддержку публикации его антинацистс-

кого романа; озабоченная речь, произнесенная 5 мая перед выпускниками военных академий, содержание которой мы знаем только по противоречивым пересказам разных авторов[37]. Но и допуская такой поворот событий, он по-прежнему был убежден, что конфликт начнется не ранее весны — лета 1942 г.[38] Все более грозные признаки приближения войны, включая сосредоточение немецких войск на границе, истолковывались Сталиным как психологический нажим, шантаж Гитлера, исполненного решимости вырвать у него новые уступки. По поводу этих возможных новых требований Гитлера Сталин готовился вести переговоры[39]. Опасался он только того, чтобы какая-нибудь вражеская «провокация» или необдуманная поспешность советской стороны не помешала его расчетам. Отсюда упорная медлительность в принятии необходимых мер предосторожности и приказ не стрелять по немецким самолетам, проникавшим во все большем числе и на все бóльшую глубину в советское воздушное пространство (с января по июнь 1941 г. было зарегистрировано 152 разведывательных полета, причем в конце этого периода самолеты удалялись до 150—200 *км* от границы). Даже когда летчиков вынуждали совершать посадку и захватывали на месте с доказательствами их шпионской деятельности, то и тогда их быстро возвращали противоположной стороне вместе с самолетами[40].

Другой неотъемлемой чертой сталинской схемы рассуждений было недоверие к Англии (немецкий генерал Йодль говорил даже о «болезненной ненависти»[41]). Если верить советской историографии, поездка Молотова в Берлин позволила московским руководителям понять, что возможности соглашения между англичанами и немцами не существует[42]. Вероятно, доказательства такой возможности содержатся в каком-то неуказанном архивном источнике, ибо никакими документами это не подтверждается. По мнению Сталина, Англии в ее смертельном единоборстве с врагом нужно было поскорее втянуть Советский Союз в войну с Германией — такого рода потребность действительно ощущалась в Лондоне, — чтобы потом сговориться с Гитлером за спиной СССР (официальная история ныне признает, что в 1941 г. подобная гипотеза уже не имела оснований из-за ожесточенного характера, который приобрела война[43]). Подозрения Сталина распространялись отчасти и на американцев. Поэтому во всех сообщениях, которые он получал из этих источников, он видел тайный умысел. По поводу противоречивых сообщений, появлявшихся на страницах английской печати, он сказал однажды Жукову: «Вот видите, нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и натравливают нас друг на друга»[44]. Сталин жил устаревшими представлениями 1938—1939 гг. По утверждению лично знавшего его американского дипломата Гарримана, он находился также под влиянием воспоминаний о 1914 г., когда царь позволил своим западным союзникам убедить себя объявить всеобщую мобилизацию против Германии и Австро-Венгрии[45].

Дипломатия со связанными руками

Сталин сознавал — в этом все свидетельства единодушны, — что Советский Союз не подготовлен к войне. После заключения пакта с Гитлером Германия накопила больше снл, чем СССР. Уже в 1938 г., с завоеванием Австрии н Чехословакии, ее промышленный потенциал вновь стал превосходить советский. Затем путем военных завоеваний и заключення кабальных соглашений с малымн странамн державы «оси» сталн хозяевами всей контннентальной Европы, за исключением СССР. По сравнению с 1 сентября 1939 г., датой начала войны, к июню 1941 г. Германия более чем вдвое увеличила свою военную мощь и могла опереться на прнобретенный опыт ведения войны[46]. Осуществление же советских планов перевооружения н обороны, несмотря на напряженные усилня, предпрннятые в особенности после войны с Финляндией, пока запаздывало. Армня находилась в стадии реорганизации. Совещания комсостава, проведенные в конце декабря 1940 г., н последующие оперативные штабные «нгры» былн, бесспорно, полезными, но нх результаты не слншком обнадеживали[47]. У Сталина поэтому надо всем господствовала мысль о необходимости любой ценой отсрочнть начало войны н, добавляет Жуков, уверенность в своей способности добиться этой цели. Однако такое отчаянное стремление н такая уверенность снижалн его способность верно оценивать снтуацию[48]. Из-за постоянной озабоченностн, как бы не дать противнику предлога для нападения, он задержал осуществление необходимых оборонительных мероприятий, усугубнв тем самым неподготовленность страны к войне. Мало того, как замечает адмирал Кузнецов, поведение Сталина в конечном счете выглядело напуганно-робким нменно тогда, когда лншь решнтельная позиция могла бы побудить Гитлера к большей осторожности. Еслн тебе грозят кулаком, говорнт, по сути дела, адмнрал, то в ответ остается только поднести собственный кулак к носу противника[49].

Историки немало спорили, пытаясь установить, только ли Сталин заслуживает упрека в недальновидности. Некоторые при этом подчеркивали, что н другие руководителн несут свою долю вины. Сам Жуков в своих воспоминаниях выражает сожаление по поводу того, что не предпрннял бо́льших усилнй, чтобы убедить Сталнна в непосредственной близости войны[50]. Здесь, однако, роковым образом сказались сталинские методы правления н порожденная нмн атмосфера. Сталин был единственным, кто располагал всей секретной информацией: ею не всегда снабжалн даже Генеральный штаб н наркома обороны. Он был также единственным, от кого могли нсходить все важные распоряжения. Для обсуждения всей совокупностн имеющихся сведений ни разу не было проведено подлинно коллегиальной консультацин со всеми военными руководителями[51]. Схемы Сталина н его уверенность связывали руки и его наиболее близкнм сотрудникам. В феврале 1941 г. Молотов резко прервал доклад Жукова репликой: «Вы что же, считаете, что нам придется скоро воевать

с немцами?» В июне, накануне нападения, он был еще категоричней: «Лишь безумец мог бы напасть на нас». Жданов в беседе с встревоженными генералами напоминал о Бисмарке, о первой мировой войне, о невозможности для Германии вести войну на два фронта и заявлял, что воюющие державы слишком увязли на Западе и СССР нечего опасаться. Кстати, подобно другим членам правительства, 22 июня Жданов, ничего не подозревая, находился в отпуске на берегу Черного моря[52].

На более низких ступенях иерархической лестницы действовал страх перед ошибкой, перед возможностью навлечь на себя гнев начальства. Вплоть до самого последнего момента генералы были одержимы заботой о том, чтобы не попасться на «провокацию». Хотя шквал репрессий 1937—1938 гг. миновал, аресты в Москве еще продолжались. Именно в этот период в тюрьму были брошены командующий военно-воздушными силами Смушкевич, воевавший в Испании; бывший временный поверенный в делах во Франции Иванов, которого признали слишком антинацистом, и нарком оборонной промышленности Ванников[53]. Никто не решался доложить Сталину подлинные, неприкрашенные факты. Вся информация, рассказывал позже Хрущев, «передавалась с робкими оговорками». Даже сообщая точные сведения о действиях немцев, руководители разведывательных служб страховались: они искажали смысл этой информации, толкуя ее в духе указаний сверху. Мы знаем, что так повели себя и Голиков, и адмирал Кузнецов, и в особенности посол в Берлине Деканозов. Между тем из их донесений отчетливо явствовал агрессивный характер немецких приготовлений[54]. В момент надвигающейся опасности эти высокопоставленные исполнители так же, как простые граждане, доверялись мудрости вождя. Командующие ожидали инструкций. Своим подчиненным, просившим разъяснений по поводу происходящего, маршал Кулик ответил: «Это большая политика, не нашего ума дело!»[55]. Кулик был одним из самых твердолобых сталинцев. Но и такой чуткий писатель, как Вишневский, говорил Эренбургу: «Сталин эти вещи знает лучше нас».

Ошибочные оценки Сталина связывали его дипломатию по рукам. Единственным ее подлинным успехом в тот период было заключение договора о нейтралитете с Японией, подписанного в апреле 1941 г. Конечно, не сам по себе этот пакт удержал позже японцев от нападения на СССР, но все же он отчасти облегчил тяжелое положение Советского Союза. Еще в январе 1941 г. Москва заключила с Германией экономическое соглашение: в обмен на сырье немцы обязались поставлять машины и оборудование. Для Берлина это соглашение с самого начала входило составной частью в обманную операцию, призванную усыпить бдительность Москвы. Немцы почти сразу начали игнорировать взятые на себя обязательства, которые, напротив, со слепым педантизмом выполнялись их партнерами вплоть до 21 июня.

СССР пытался противодействовать продвижению Гитлера на Балканах, подчеркнув в особенности свой интерес к позиции Болгарии[56].

Одиако когда главарь иацистов решил оккупировать Грецию и Югославию, то его войска с согласия правительства Софии разместились и иа болгарской территории. 5 апреля 1941 г. Советский Союз заключил договор о дружбе и иеиападеиии с Югославией — доказательство стремлеиия противостоять притязаииям Гитлера. На следующий день, однако, гермаиские войска вторглись в Югославию, так что Советский Союз даже ие успел выразить протеста. Мало того, иеделю спустя, когда японский мииистр Мацуока уезжал из Москвы, Сталии личио провожал его на вокзале (жест, иепривычиый для иего), чтобы иарочито публично продемоистрировать япоиским визитерам и иемецким дипломатам свое стремлеиие «оставаться друзьями»[57].

В отношениях с США, иапротив, был достигнут иебольшой прогресс. Не улучшились отношеиия и с Аиглией. Одии влиятельиый советский историк высказал в адрес сталииского руководства упрек по поводу того, что весиой 1941 г. оио ие предприняло необходимых и возможных шагов для иалаживаиия сотрудиичества с западиыми державами[58]. Хотя автор этот остался в одииочестве, суждеиие его справедливо. Можио только добавить, что английский посол в СССР лейборист Стаффорд Криппс в своем слишком откровеииом желании перетянуть Москву иа свою стороиу отиюдь ие сделал эту операцию более легкой, лишь обострил «болезиеииую миительиость и подозрительность» Сталина. Даже искусио составлеииое зиаменитое послание, которым Черчилль 3 апреля предупредил Сталииа о перемещеииях германских войск, оказалось частичио обесцеиеииым в результате лихорадочного давлеиия на Советское правительство, предприиимавшегося тогда Криппсом[59].

Военная неподготовленность

Навязчивое стремление Сталииа избежать осложнеиия отиошений с Германией отчасти можио объясиить военной слабостью СССР. Необходимо поэтому более коикретио рассмотреть, в чем эта слабость состояла; это поможет иам лучше понять, каково было состояние СССР в момеит вступлеиия в войиу. Основиая причина — в потере времени и ущербе, причинеииом сталинским террором 1936—1939 гг. Последующая лихорадочиая работа позволила наверстать лишь часть упущеииого[60]. К этому добавились ошибки, порожденные чрезмериой осторожиостью.

В процессе реорганизации иаходились броиетаиковые соедииеиия, расформированные раиее иа осиове ошибочиого решеиия. Самолеты и танки новых типов только начинали сходить с заводских конвейеров и поступать в части. Оии составляли соответствеиио лишь 18 и 21 % этих видов боевой техники, состоявшей иа вооружеиии войск, причем личный состав еще ие имел времени обучиться их примеиеиию [61]. В феврале 1941 г. был отдаи приказ о сооружеиии 190 аэродромов вблизи от вероятиого района будущих операций — практически ни один из иих ие был закоичеи к лету. В беспорядочном состоя-

нии находилась система пограничных фортификационных сооружений. Заградительное строительство на новых рубежах, на которые вышел Советский Союз в 1939—1940 гг., было еще далеко от завершения, между тем как старые заграждения частично демонтировались именно с целью ускорить создание новой оборонительной линии.

Таковы были главные недостатки системы обороны. Противоречивую картину являл собой арсенал вооружения. В относительном изобилии имелись пулеметы, но не хватало легкого автоматического оружия. Артиллерия, которой славилась еще старая русская армия, даже превосходила немецкую, но у нее не было средств механической тяги. Очень плохо были оснащены — и это отрицательно скажется на ходе дел в начальный период войны — связисты [62]. Скудными были запасы хлеба: армия была обеспечена им на полгода; другими сырьевыми ресурсами — на еще меньший срок[63].

Просчеты имелись также в стратегических концепциях. После истребления всего руководящего ядра вооруженных сил в 1937 г. советская военная мысль длительное время находилась в застое[64]. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что основное упущение заключалось в том, что упор делался исключительно на наступательные операции. Вопросы обороны, особенно затяжной обороны, а также отступления и, следовательно, маневрирования с целью избежать окружения почти не рассматривались. Пренебрежение к этим вопросам — результат сталинского пропагандистского триумфализма, получившего полное развитие именно накануне войны и нашедшего в лице Ворошилова своего главного распространителя. Если кто-нибудь отважится напасть на СССР, гласил Полевой устав вооруженных сил 1939 г., ответом ему будет «сокрушающий удар»: война будет вестись на территории противника и «малой кровью»; Красная Армия «будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий»[65]. Хотя после кровопролитной кампании в Финляндии фраза насчет «малой крови» подвергалась критике, в общем и целом военные планы еще несли на себе отпечаток такой шапкозакидательской постановки вопроса. Все это весьма мало служило психологической подготовке солдат и гражданского населения к тем подлинным испытаниям, которые несла с собой война.

В трудах историков и воспоминаниях участников событий велся спор: имелся ли вообще советский оперативный план на случай агрессии. Из мемуаров наиболее авторитетных авторов следует, что такой план существовал. Но, будучи разработан с опозданием, он был мало известен даже командирам весьма высокого ранга и имел существенные недостатки[66]. Главный из них состоял в том, что не была предусмотрена возможность внезапного нападения крупными силами. Несмотря на опыт, уже продемонстрированный в Европе, и несмотря на то, что Сталин уже в 1936 г. высказал мнение, что войны «теперь не объявляются, а просто начинаются»[67], советские руководители в своих расчетах исходили, скорее, из традиционной схемы начала военных действий: с предъявления ультиматума,

пограничных стычек, применения войск прикрытия, обеспечивающих время для проведения мобилизации и развертывания основных сил. (Жуков утверждает, что Генеральный штаб не имел ни малейших сведений о плане «Барбаросса», хотя не исключает, что разведка знала о нем.) В сочетании с наступательной теорией эти ошибочные представления явились причиной размещения складов слишком близко к границе[68]. Не менее серьезные последствия повлекла за собой другая ошибка. Генеральный штаб предвидел, что в случае возможного вторжения главный удар противника будет нанесен к северу от белорусского Полесья, то есть в направлении Москвы. Так в дальнейшем и произошло. Сталин был убежден, что удар будет наноситься в южном направлении, по Украине с ее природными богатствами. Оперативный план был переделан в соответствии с этим ошибочным прогнозом[69].

Но и из мероприятий, намеченных планами, далеко не все осуществлялись своевременно. В период с апреля по июнь 1941 г. напряжение все больше возрастало, атмосфера становилась все более тревожной. Чтение донесений, которые посылались тогда пограничниками, оставляет глубокое впечатление: в них говорилось о сосредоточении германских войск, участившихся полетах немецких самолетов[70]. В конце апреля — начале мая в Москву поступали многочисленные сигналы, говорившие о близости дня нападения. Пожалуй, самым важным среди таких донесений был доклад Рихарда Зорге, знаменитого советского разведчика, работавшего в германском посольстве в Токио. В докладе содержались все основные сведения о плане нападения[71]. К этому периоду относятся столь же встревоженные донесения советских военных атташе в Германии и во Франции (при правительстве Виши): Воронцова и Суслопарова. В Берлине типографский рабочий-коммунист передал советским дипломатам русско-немецкий разговорник, составленный специально для оккупационной армии, не оставлявший сомнений насчет намерений германского правительства[72]. В июне развертывание нацистских войск в основном было закончено. С середины месяца они начали выдвигаться на исходные позиции. По другую сторону границы советские солдаты могли слышать гул моторов по ночам и наблюдать, как делаются проходы в минных полях[73]. Возможность начала войны со дня на день открыто обсуждалась в дипломатическом корпусе Москвы; об этом же говорили люди, приезжавшие из Германии. Слухи и предположения циркулировали в международной прессе.

Горький сюрприз нападения

Шестого мая Сталин возглавил правительство, оставив Молотову пост заместителя Председателя Совнаркома и Наркомат иностранных дел. Вплоть до этого момента Сталин управлял страной просто в качестве Генерального секретаря партии. Мотивы решения так и не были преданы гласности, но сам по себе этот акт был воспринят как

признак серьезности обстановки. Неожиданное событие несколько дней спустя вновь обострило подозрения Сталина насчет англичан: заместитель Гитлера Гесс бежал в Шотландию и, отдавшись в руки англичан, объявил, что привез с собой мирные предложения. Гитлер объявил его сумасшедшим. Московские руководители усмотрели в этом эпизоде новую попытку сговора у них за спиной*.

До самого последнего мгновения Сталин остался слепо верен схеме, по которой рассматривал все события. Он предпринял некоторые примирительные шаги в направлении немцев и прибег к дипломатическому зондажу с целью побудить их высказать свои претензии. Самым известным из усилий такого рода было сообщение ТАСС от 13 июня, опубликованное как раз в тот момент, когда слухи о русско-немецком конфликте стали особенно настойчивыми. Этот ныне знаменитый документ приписывал распространение тревожных слухов британским источникам и заверял, что Германия соблюдает пакт 1939 г. так же неукоснительно, как СССР, «ввиду чего» следует считать лишенными оснований сведения о ее намерениях напасть на Советский Союз. В сообщении говорилось также, что из Берлина не поступило предложений о новых соглашениях, «ввиду чего» никаких переговоров на этот счет не могло быть. В общем, речь шла о предложении немцам выдвинуть требования и начать переговоры. Германская печать полностью игнорировала его. У советской же общественности и военных сообщение вызвало двойственное впечатление: не развеяв сомнений, оно как бы давало некоторые гарантии[74].

Были приняты меры предосторожности, но совершенно недостаточные. С середины мая несколько армий было выдвинуто из внутренних округов в районы, прилегающие к западной границе. Речь шла о дивизиях неполного состава, укомплектованных по штатам мирного времени. Число военнослужащих было доведено до 5 млн., но их вооружение оставляло желать лучшего. Вместе с тем командующим было запрещено размещать войска поблизости от границы, на возможной линии огня[75]. Когда 14 июня Тимошенко и Жуков рекомендовали Сталину принять более энергичные меры, то в ответ услышали: «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию... Это же война! Понимаете вы это оба или нет?!»[76] В самые последние дни отдельные командующие проявили смелую инициативу: генерал

* Даже в октябре 1941 г., при встрече с первой англо-американской миссией, прибывшей в Москву, Сталин требовал от британского представителя лорда Бивербрука разъяснений насчет дела Гесса. Интересно отметить, что советская историография до сего дня отказывается разделить наиболее распространенную на Западе интерпретацию этого эпизода, стремящуюся свести к минимуму его политическое значение (см. *James Douglas Hamilton*. Il folle volo di Hess. Milano, 1973). В целом советские историки продолжают считать, что: 1) Гесс действовал если не по прямому поручению Гитлера, то по крайней мере с его молчаливого одобрения; 2) англичане не просто ограничились выслушиванием Гесса, с ним велись самые настоящие переговоры (История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1, с. 367—369; *Ф. Д. Волков*. Неудавшийся прыжок Рудольфа Гесса. — «Новая и новейшая история», 1968, № 6; *Валентин Бережков*. С дипломатической миссией в Берлин, 1940—1941. М., 1966, с. 84—88).

Кирпонос на Украине передвинул дивизии ближе к западу, генерал Кузнецов приказал ввести затемнение в прибалтийских городах. Оба получили строгие выговоры и вынуждены были отменить собственные распоряжения[77]. Дошедшие до нас воспоминания участников тех событий расходятся в оценке отдельных решений руководства, но совпадают в изображении основных моментов морального состояния вооруженных сил: общая встревоженность, неуверенность и замешательство из-за противоречивых приказов; ожидание нападения и в то же время глубокая неподготовленность к нему, ибо никто не верил, что война уже у порога[78]. Гражданское население со своей стороны пребывало в еще большем неведении.

Так события подошли к кануну 21 июня. Сведения становились час от часу тревожнее. Уже на протяжении нескольких дней германское посольство в Москве эвакуировало весь недипломатический персонал и жгло секретные документы. Немецкие суда покидали советские порты, не закончив погрузки. Сталин и Молотов сделали последнюю попытку завязать переговоры с Берлином. Советскому послу было поручено встретиться с Риббентропом и вручить ему ноту, в которой после выражения протеста по поводу враждебных актов со стороны нацистов предлагалось провести новое рассмотрение советско-германских отношений. Гитлеровский министр уклонился от встречи. Молотову пришлось лично вызывать посла Шуленбурга с целью попытаться завязать переговоры. «В чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется?» — спросил он[79]. Шуленбург не в состоянии был дать ответ.

Советские источники отмечают, что в последние часы перед началом агрессии два немецких перебежчика принесли сведения об атаке, которая вот-вот должна была начаться[80]. Рассказ третьего, судя по описаниям, был наиболее обстоятельным. Тимошенко и Жуков предложили привести войска всех приграничных округов в полную боевую готовность. Сталин счел такое решение «преждевременным»; он не хотел «сеять панику» и еще надеялся разрешить конфликт «мирным путем». Он утвердил поэтому более осторожную директиву, объявлявшую возможным «внезапное нападение». Но в первых же пунктах директивы тем не менее повторялось, что не следует «поддаваться ни на какие провокационные действия». Далее следовали другие распоряжения: занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе, рассредоточить и замаскировать авиацию, привести в боевую готовность войска и противовоздушную оборону. Без особого разрешения никаких других шагов предпринимать не следовало. Директива была передана после полуночи[81].

Было уже поздно. В 3.30 со всех сторон стали поступать сообщения о воздушных налетах на советские города. Некоторые руководители (в точности известно о Маленкове и Мехлисе) не хотели верить этим отчаянным сигналам[82]. Сталин, который незадолго до этого лег спать, был разбужен телефонным звонком Жукова. Час спустя в Кремле собрались все члены Политбюро. Молотов вызвал германско-

го посла. Телефоны звонили не переставая: из приграничных округов сообщали о том, что и сухопутные войска нацистов во многих точках перешли в наступление, и просили инструкций. Вернувшись после встречи с Шуленбургом, Молотов произнес только: «Германское правительство объявило нам войну». «Наступила длительная, тягостная пауза», — комментирует Жуков[83].

Над Москвой давно уже взошла заря воскресенья, 22 июня. Народ готовился по-праздничному провести этот выходной день. Как и во многих других городах страны, люди ни о чем не подозревали. Первые слухи начали распространяться поздним утром. Но советским гражданам пришлось ждать до полудня, прежде чем они услышали по радио, что началась война. Один из свидетелей, оказавшихся в то утро в советском посольстве в Берлине (представители посольства также были вызваны ночью к Риббентропу, где услышали страшную весть), рассказывает, что сотрудники буквально прилипли к радиоприемникам, поскольку всякая связь с Москвой была прервана. Но из Москвы слышались лишь обычные передачи и музыка мирного времени. Наконец в полдень выступил Молотов.

Сталин не обращался к советскому народу до 3 июля. Не предусмотренная им немецкая агрессия и сразу же обрисовавшаяся на границах военная катастрофа произвели на него сокрушительное действие. Первым о его растерянности поведал в 1956 г. Хрущев. Мало кто рассказал об этом так откровенно. Имеется, во всяком случае, достаточно подтверждений того, что Сталин пережил тогда тяжелый психологический кризис. Уже в ту трагическую ночь, когда Жуков разбудил его своим звонком, он долго молчал, так долго, что его собеседник был вынужден спросить: «Вы меня поняли?»[84] Потом, после первого катастрофического дня войны, он дал выход раздражению при встрече с сотрудниками Генерального штаба. Затем он уединился в своей резиденции, не желая ни видеть, ни слышать никого. Труднее установить, сколько продлилось это уединение. Хрущев говорил про «длительный период». Один писатель, имевший доступ к закрытым документам, — о нескольких «десятках часов». Из воспоминаний Главного маршала артиллерии Воронова можно заключить, что речь шла о нескольких днях[85]. Расчеты, на которых Сталин с 1939 г. строил свою политику, внезапно рухнули.

II. ТРАГИЧЕСКОЕ ЛЕТО 1941-го

Прорванные линии обороны

Когда 22 июня Молотов обратился по радио к притихшей стране, он сказал, что выступает по поручению «Советского правительства и его главы, товарища Сталина». Более всего в этой речи он позаботился подчеркнуть, насколько неоправданной была немецкая агрессия. Молотов добавил, что другой захватчик, Наполеон, потерпел в России поражение, и призвал армию и народ к войне «за родину, за честь, за свободу». Закончил он тремя лапидарными фразами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»[1]. Это звучало как клятва, ибо то, что происходило в те же часы на западной границе, напоминало всеобщий крах.

Немецкое нападение развертывалось на всем протяжении границы от Балтийского моря до Карпат и осуществлялось тремя группами армий: «Север», «Центр» и «Юг». Заданные им три главных стратегических направления были нацелены на Ленинград, Москву и Киев (с последующим выходом в индустриальный район Донбасса и Восточную Украину). Замысел нацистского командования состоял в том, чтобы за одну кампанию рассечь на части, окружить и уничтожить Советские Вооруженные Силы, причем на возможно более близких к границе рубежах. Наступление должно было завершиться оккупацией всей европейской части страны вплоть до линии от Архангельска до Волги, вдоль всего ее течения до самого устья. В соответствии со схемой, уже применявшейся при вторжении в западноевропейских странах, главной ударной силой служили четыре мощные бронетанковые группировки. Две из них были включены в состав группы армий «Центр», призванной быть главным наступательным фронтом, и по одной — в состав групп армий «Север» и «Юг»[2].

Советские войска, находившиеся в приграничных районах, представляли собой немалую силу: 170 дивизий, из которых 149 — в четырех особых округах, протянувшихся от Балтийского моря до Черного; но бо́льшая часть дивизий была неукомплектована. В целом это составляло 2,9 млн. человек (из 5 млн. уже мобилизованных) против 5,5 млн. у немцев и их союзников. Дислокация войск страдала многими недостатками. Лишь 48 дивизий находились на расстоянии 10—50 *км* от границы, остальные были удалены от нее на 80—300 *км*. Наиболее крупное сосредоточение войск находилось к югу от Припяти. Выдвинутые вперед части были слишком уязвимы для охватных маневров: так, целых две армии находились в Белостокском выступе, по флангам которого немцы нанесли чудовищной силы удары, охватив его клещами (нечто подобное происходило и к югу, в Западной Украине)[3]. Сосредоточив свои дивизии на

направлениях главных ударов, германский генеральный штаб создал здесь подавляющее превосходство сил. Уступающий по численности и распределению войск фронт советской обороны был разорван молниеносными прорывами бронированных немецких клиньев. К полудню 22 июня 1200 советских самолетов были уже уничтожены, большей частью на земле, в результате бомбардировок. Нападающие, таким образом, за считанные часы обеспечили себе и абсолютное господство в воздухе[4].

Сегодня мы располагаем авторитетной советской мемуарной литературой о войне[5]. Многие из ее участников возвращаются в своих воспоминаниях к ее первым дням. В целом их описания воссоздают одну и ту же трагическую картину. Нерешительный сигнал тревоги, переданный из Москвы в ночь с 21 на 22 июня, достиг войск с большим опозданием, когда немецкое вторжение уже началось. Мосты через пограничные реки, вроде Буга, были захвачены атакующими частями в целости и невредимости. Вся тяжесть первого удара пришлась на немногочисленные подразделения пограничников, которые сражались с большим мужеством (самый прославленный пример — сопротивление Брестской крепости, маленький гарнизон которой, даже оказавшись в полной изоляции, многие недели противостоял немецкой осаде[6]). Но бронетанковые и мотомеханизированные передовые части германской армии в первый же день прорвались в глубь советской территории, порой на расстояние до нескольких десятков километров, расстраивая и парализуя все попытки организовать оборону. С самого начала атакующим удалось нарушить и без того страдавшую недостатками систему связи Красной Армии. Это было достигнуто с помощью бомбардировок, парашютных десантов и диверсионных групп, заранее просочившихся на советскую территорию (не следует забывать, что приграничные районы лишь незадолго до этого вошли в состав СССР и местное население, особенно в Прибалтийских республиках, было настроено далеко не просоветски[7]).

Во всех свидетельствах говорится о драматической ситуации первых дней, когда нарушилась связь даже между Москвой и штабами военных округов, а командование округов в свою очередь не в состоянии было ни поддерживать связь с отдельными частями, ни обеспечить ее между собой. На поиски тех или иных частей посылались штабные офицеры[8]. Советские войска вслепую двигались навстречу наступающему противнику разрозненным фронтом и без воздушного прикрытия, что делало их уязвимыми для ударов вражеской авиации, которая могла атаковать их даже на бреющем полете. Кругом пылали охваченные пожаром города и села. Дороги были забиты беженцами и беспорядочно отступающими частями.

Эта хаотическая обстановка усугублялась вначале ошибочными распоряжениями из Москвы. Следует иметь в виду, что именно из-за нарушения связи никто в столице не имел точного представления о положении на местах. Этого, однако, еще недостаточно,

чтобы объяснить оторванность от жизни первых директив советского командования. Командующие на местах находились в крайне затруднительном положении. Многие из них, даже не получив требуемого уставом разрешения, по своей инициативе вынуждены были открыть запечатанные конверты с секретными планами на случай мобилизации. Но указанные в них диспозиции были уже решительно устаревшими по отношению к реальному развитию событий[9]. 22 июня в 7.15 из Москвы был дан приказ атаковать и уничтожить войска, вступившие на советскую территорию, однако все еще остававшееся недоверие к поступающей информации заставило авторов приказа добавить указание войскам ни в коем случае не пересекать государственную границу. То были совершенно абстрактные контрмеры, которые никто не мог выполнить[10]. Еще менее реалистичной была директива № 3, изданная вечером того же дня, в 21.15, и подписанная уже не Сталиным, а только Тимошенко, Маленковым и Жуковым[11]. В ней советским войскам ставилась задача перейти в контрнаступление, окружить и уничтожить вражеские армии, с тем чтобы потом занять их исходные базы на польской территории[12]. Эта директива еще больше усилила замешательство в штабах, которые не в силах были осуществить содержавшиеся в ней указания и тем не менее пытались сделать это. В течение трех-четырех дней предпринимались попытки остановить наступление немцев с помощью беспорядочных контратак. Попытки эти были оплачены дорогой ценой, но не дали ожидаемых результатов и задержали организацию эффективной обороны. Острие вражеских ударов тем временем проникало все дальше[13].

На севере в результате глубоких прорывов на стыках армий Северо-Западного фронта* гитлеровская армия заняла Каунас и Вильнюс уже на второй день войны. Затем захватила Даугавпилс и форсировала Западную Двину, в начале июля взяла Ригу, оккупировала всю территорию Прибалтийских республик, пересекла реку Великая у Пскова и продвинулась дальше, создав угрозу Ленинграду.

Самым тяжелым, однако, было положение, сложившееся в центре, где немцы 28 июня заняли Минск и, взяв в клещи основные силы двух советских армий, окружили их. Танковые колонны немцев продолжили движение на восток и достигли Березины. Здесь впервые отступающие советские части успели взорвать мосты, но немцам

* В русской военной терминологии «фронтами» называются объединения вооруженных сил, действующие на одном стратегическом направлении. Вначале главными фронтами были Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный. Они соответствовали прежним военным округам: Прибалтийскому, Западному, Киевскому и Одесскому. В ходе последующих операций и в зависимости от конкретных оперативных потребностей различные фронты не раз создавались или расформировывались, преобразовывались или переименовывались. Поскольку данная работа не является военной историей, мы не будем специально прослеживать все эти перемены, а просто ограничимся наименованием тех или иных фронтов.

все равно удалось форсировать реку и развернуть наступление к Днепру.

Относительно менее катастрофичным выглядело развитие событий на юго-западном участке советско-германского фронта, ибо здесь более слабой была группировка наступающих немецких армий и более сильной — советских. Контратаки здесь были более эффективными. С их помощью удалось приостановить германское наступление: между Луцком и Дубно произошло первое танковое сражение этой войны. Но, подтянув подкрепление, немцы прорвались к Житомиру, что создало угрозу Киеву. На Южном фронте в начале июля немцы вместе с румынами перешли в наступление; главным силам советских войск грозило окружение. Одновременно к северу от Ленинграда к активным действиям перешли финны.

На протяжении многих дней отступление советских войск происходило беспорядочно. Первые приказы об отходе были отданы поздно, 25 июня, когда действительность в изобилии представила доказательства того, насколько нереалистичной была идея перехода в контрнаступление. Но положения это существенно не изменило. Обойденные с тыла отдельные части пытались пробиться собственными силами. Подобно зловещей эпидемии, рассказывает маршал Рокоссовский, распространился психоз окружения[14]. Стремительное продвижение немецких моторизованных колонн рождало ужас перед танками. Поскольку тылы не были заранее подготовлены, даже те части, которые успешно сопротивлялись, вскоре ощутили перебои в снабжении: горючим, боеприпасами, запасными частями. Они также вынуждены были отходить, бросая тяжелое вооружение, предварительно выведенное из строя[15]. Не было возможности эвакуировать склады. Эти огромные материальные потери в сочетании с еще более тяжелыми людскими потерями еще долго будут сказываться на военных усилиях СССР.

Несмотря на отчаянное положение, многие советские части вели упорные бои. Немало признаний на этот счет высказывалось самими немецкими генералами[16]. Встречаясь в небе с более скоростными и лучше вооруженными немецкими самолетами, обладавшими к тому же подавляющим численным превосходством, советские летчики шли даже на таран. Из-за недостатка противотанковой артиллерии для борьбы с танками противника создавались группы смельчаков. Они шли на бронированные машины со связками гранат или даже просто с бутылками, наполненными зажигательной смесью, которые потом без всякого на то основания стали известны всему миру под названием «молотовского коктейля». Но для того, чтобы остановить немецкие дивизии, требовалось нечто куда более внушительное.

К концу июня главной заботой советского командования, которое пока не знало, где, как и когда оно сможет остановить врага, стала организация сплошной оборонительной линии[17]. Этой цели должны были служить армии, подтянутые из внутренних районов

страны и размещенные главным образом на центральном, наиболее угрожаемом участке советско-германского фронта. Вначале линия обороны была намечена вдоль Днепра и Западной Двины, потом на всякий случай были подготовлены более глубокие оборонительные рубежи. Но осуществить эти планы было непросто. За три недели войны немцы углубились на советскую территорию на 450—500 *км* на севере, 450—600 *км* — в центре и 300—350 *км* — на юге. Лишь во второй половине июля они были временно задержаны на севере, на берегах Луги. На юге советские войска с боями отступали к Днепру. Но в центре эта река уже была форсирована вражескими бронетанковыми частями, которые 18 июля ворвались в Смоленск, старинный город, считающийся «воротами Москвы».

Только здесь ход войны начал оборачиваться неблагоприятным образом для самих немцев. За Смоленском они натолкнулись на более умело организованное сопротивление. Развернувшееся сражение было мало проанализировано западными историками и, напротив, высоко оценивается историками в Советском Союзе. Военные действия шли с переменным успехом. Советские части, пытавшиеся отбить город, были окружены, и им пришлось вести тяжелые бои, чтобы вырваться из западни. Немцы продвинулись дальше, но ценою таких больших усилий, что в конце концов их наступление заглохло. Это было новое обстоятельство, которое зажгло в Москве первый огонек надежды. В Смоленске было продемонстрировано, что чудовищная военная машина нацистов может увязнуть.

Обращение Сталина и ответ народа

Редко когда война начиналась более катастрофически, чем для СССР в 1941 г. Выдержать подобное испытание казалось совершенно невозможно. Английские и американские военные эксперты предсказывали, что сопротивление Советского Союза продлится от одного максимум до трех месяцев [18]. В чем нашел советский народ энергию, позволившую ему опровергнуть подобные предсказания; что дало его руководителям способность с успехом организовать его борьбу — это тема, которой мы подробно займемся на следующих страницах. Но прежде чем делать какие бы то ни было выводы, необходимо хотя бы кратко остановиться на фактах.

Первые дни войны были свидетелями тяжелого кризиса в высшем руководстве страны, хотя мало кто имел время и возможность в тот момент составить себе картину этого кризиса. Временное самоотстранение Сталина было лишь одним из его проявлений, но, конечно, одним из наиболее впечатляющих. Если вспомнить об огромной степени концентрации власти в его руках, то вполне можно поверить авторам, утверждающим, что этот акт отрицательно повлиял на весь ход первых военных операций [19].

Воздействие его сказалось на структуре командования. Первым председателем Ставки был назначен Тимошенко, хотя естественнее

было бы, чтобы ее возглавил Сталин, как советовал, по его словам, Жуков[20]. Тимошенко не обладал необходимым авторитетом. Генеральный штаб, которому надлежало разрабатывать оперативные планы, оказался изолированным и как бы отодвинутым на второй план. Вся советская военная организация страдала от серьезных упущений: не было, например, ни командующего артиллерией, ни командующего тылом[21]. Советские дипломатические представительства за рубежом в течение нескольких дней оставались без инструкций[22]. Разумеется, меры по защите страны принимались и в этих обстоятельствах. Уже 22 июня почти на всей территории европейской части СССР была объявлена мобилизация военнообязанных 1905—1918 гг. рождения и введено военное положение, то есть все государственные функции передавались военным властям, которые наделялись чрезвычайными полномочиями, включая право реквизиции рабочей силы[23]. Недоставало тем не менее целого ряда структур, способных координировать все эти усилия национального сообщества.

В конце июня Сталин вновь занял свой пост; он сделал это, как рассказал Хрущев, под давлением остальных членов Политбюро[24]. Первые решения, под которыми стоит его подпись, относятся к 29 июня. Чем занимался Сталин в период своего уединения, не известно. Мы знаем лишь, что он вышел из него, обретя новую силу и решимость. Он обратился к советскому народу по радио только 3 июля. Но в этот день он произнес самую сильную из речей за свою долгую политическую карьеру. Его обращение было отрезвляюще скупым и непосредственным. Оно начиналось совершенно непривычными для него словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Вся страна слушала его, затаив дыхание. Есть целое поколение советских людей, которое никогда не забудет этого мгновения, всегда будет помнить эти медленно падавшие слова, сильный грузинский акцент и — подробность, почему-то запомнившаяся больше других, — бульканье воды, когда оратор делал паузу, чтобы смочить пересохшее горло[25].

Сталин сумел в нескольких фразах изложить программу войны. Он и в этом случае счел необходимым взять под защиту пакт о ненападении, заключенный им в 1939 г. «с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп». Сталин предупредил, что «враг жесток и неумолим», а война является «смертельной схваткой». Речь идет о свободе или порабощении; захватчик хочет разрушить национальную культуру всех советских народов, лишить их хлеба и всякого достояния, онемечить их и превратить в рабов немецких баронов. Нацистскую армию, однако, можно победить, потому что непобедимых армий нет. Сталин призвал народ к «Отечественной» и «освободительной» войне. Вся страна должна мобилизоваться. В ней не должно остаться места нытикам и трусам. Трусов и паникеров нужно беспощадно предавать суду военного трибунала. Долгом всего народа является оказание помощи вооруженным силам, снабжение их всем необходимым для борьбы. В случае отступления не следовало остав-

лять врагу ни оружия, ии транспортных средств, «ни килограмма хлеба, ни литра горючего». В оккупироваииых райоиах иеобходимо было разжигать пламя партизаиской войны, создавать захватчику иевыносимые условия. В городах, над которыми иависла угроза, следовало формировать иародиое ополчение. Речь идет не об обычной войне между двумя армиями, а о великой войне всего советского иарода, который сражается ие только за себя, ио и за все народы Европы, стонущие под игом германского фашизма. В этой битве поэтому ои не будет одииок: его борьба «сольется с борьбой иародов Европы и Америки за их иезависимость, за демократические свободы»[26].

Практические указания, сформулироваиные Сталииым, уже содержались в сжатом виде в особой директиве Совиаркома и ЦК ВКП(б) от 29 июня, подписаииой им самим и Молотовым, ио предиазиаченной лишь для партийных комитетов. В ней суровой критике подвергались все политические и общественные организации СССР (будто вина лежала только на иих) за то, что оии ие до коица поняли серьезиость момеита и слишком долго мешкают с перестройкой свой деятельиости иа военный лад[27]. Сразу вслед за этим был принят ряд жестких мер и создаиы чрезвычайиые органы управления. Вся власть была сосредоточеиа в руках Государствеииого Комитета Обороиы (ГКО), возглавлеиного Сталииым и уполномочеииого отдавать приказы любой партийиой или государствеииой организации как гражданского, так и военного характера. Первоначальио в состав ГКО кроме Сталииа вошли еще четыре человека: Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия. В последующие периоды — Булгаиии, Каганович, Возиесеиский и Микояи[28]. 19 июля Сталин взял иа себя также руководство Наркоматом обороны. В свою очередь Ставка также перешла под его руководство. Вскоре после этого ои был провозглашен Верховиым Главнокомандующим*.

Особыми правами были наделеиы руководители хозяйственных иаркоматов, заиятые оргаиизацией военного производства. В августе были мобилизоваиы военнообязаиные 1890—1914 и 1919—1923 гг. рождения[29].

Таковы были действия руководства. Если же мы попытаемся иа осиове имеющихся свидетельств воссоздать иастроения иародиых масс в эти первые месяцы войны, то картина неизбежно будет весьма противоречивой. Обычный в работах советских историков образ иарода, охваченного единодушиым патриотическим порывом, нельзя счи-

* В первые неделн войны н вплоть до конца августа Сталнн не работал в своем кабинете в Кремле. Комплекс правнтельственных зданнй еще не нмел соответствующего бомбоубежнща. Сталнн перебрался в связн с этнм в особняк на улице Кирова рядом со зданием, где помещался Генеральный штаб. Отсюда подземным переходом можно было попасть на станцию метро «Кнровская», которая была полностью выключена нз транспортной сетн н быстро переоборудована под служебные помещення, однн нз кабннетов предназначался для Сталнна. Здесь он работал во время воздушных налетов (*А. М. Василевский*. Дело всей жизнн. М., 1973, с. 133; *А. Чаковский*. Блокада. — «Знамя», 1971, № 6, с. 24—25).

тать убедительным. Его опровергают документы той поры. Если бы дело обстояло таким образом, то не было бы нужды ни в призывах к столь жестокой борьбе с паникерами, дезорганизаторами тыла, распространителями слухов, ни в последующих июльских приказах о дисциплине в армии, с их категорическими напоминаниями о недопустимости бросать оружие на поле боя, о необходимости сражаться до последней капли крови[30]. Значит, были и сомнения, горечь, растерянность, страх, доходивший до отчаяния. Значит, были и ропот недовольства, и голоса обвинения. Общественность была травмирована, ведь ее заверяли, что любой враг будет отброшен от границ. Немало людей в глубине души задавались вопросом о мудрости предыдущей политики правительства [31]. Сама реакция на опасность повлекла за собой истерические вспышки: повсюду мерещились шпионы, вражеские агенты, парашютисты, диверсанты[32].

Важно, однако, что господствующей была не эта реакция. Напротив, вскоре верх взяло упорное стремление к сопротивлению, острая потребность верить, что враг не одержит победы. Потери были трагическими, но, и это отметил такой проницательный наблюдатель, как Тольятти, они не превратились в общенациональное поражение, потому что отсутствовала как раз самая характерная черта всякого поражения, а именно ощущение поражения. Жуков также указывает на этот моральный фактор как на первое условие, которое не дало военным неудачам начального периода превратиться в непоправимую катастрофу[33].

Коллективная решимость нашла выражение, в частности, в двух операциях. Первой было формирование народного ополчения. В городах, над которыми нависала угроза, население призывалось участвовать в их обороне. Это участие носило разнообразный характер: от вступления в «истребительные батальоны», призванные вести борьбу с десантами и просочившейся агентурой врага, до службы в частях противовоздушной обороны, на которых лежала задача борьбы с пожарами от зажигательных бомб. Сотни тысяч граждан, преимущественно женщин, были мобилизованы на рытье окопов и заградительных сооружений под Москвой, Ленинградом, Киевом, Одессой[34]. Наконец, и здесь мы подходим к собственно ополчению, шла запись бойцов-добровольцев на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях. Число записавшихся было очень велико: один из советских источников говорит о двух миллионах человек[35].

Наибольшего размаха эта кампания достигла в Москве и Ленинграде, где таким образом были сформированы целые дивизии, брошенные затем на фронт, чтобы закрыть бреши, пробитые врагом. Участь их была трагической. Укомплектованные, как правило, пожилыми либо, наоборот, совсем еще юными бойцами, недостаточно обученными и плохо вооруженными, эти части подвергались повальному истреблению в оборонительных боях. Целесообразность их использования с военной точки зрения представляется, мягко говоря, спорной; но, оставляя этот вопрос в стороне, нельзя не видеть, что заплаченная ими обильная

дань кровью также представляла собой драматическое проявление воли народа выстоять[36].

Другой чрезвычайно важной в практическом отношении операцией была эвакуация промышленности из районов, к которым приближалась война. Целые заводы, огромные цехи и оборудование демонтировались и грузились в поезда для перевозки на восток. Главным условием успеха была быстрота маневра. Работа велась поэтому в бешеном темпе, днем и ночью. Предпочтение отдавалось военным заводам или другим предприятиям, необходимым для военного производства, например металлургическим. Не все можно было вывезти: не хватало рабочих рук, транспортных средств. Железные дороги работали с предельным напряжением. Некоторые виды ценного оборудования, скажем, на электростанциях, должны были действовать вплоть до самого последнего момента. Работа велась поэтому и под вражескими бомбами. В Днепропетровске последние станки были демонтированы и погружены на платформы, когда передовые немецкие части уже вступили в районы города на противоположном берегу реки. Оставленное оборудование приводили в негодность. По советским источникам, всего было эвакуировано более 1500 крупных промышленных предприятий[37]. Мероприятие это по своему стратегическому значению, отметил Жуков, не уступает величайшим битвам второй мировой войны[38].

Кризис управления войсками

В июле и августе изменения стали претерпевать также система управления войсками и вся военная организация. Для более гибкого оперативного управления войсками состав армий и дивизий был облегчен: это необходимо постоянно иметь в виду, ибо отныне использование одних и тех же терминов будет означать разные вещи применительно к советским и немецким вооруженным силам, так как за ними будут стоять разные по численному составу части. Чрезвычайно частыми — даже слишком частыми — были в эти месяцы замены одних командующих другими или их перемещения с одного фронта на другой, из штаба одной армии — в штаб другой[39].

Командующие тремя главными фронтами — Ф. И. Кузнецов, Д. Г. Павлов и М. П. Кирпонос — оказались не на высоте. Речь шла не просто об их личных качествах. Командный состав вообще был мало приспособлен для выполнения своих обязанностей в сложившихся обстоятельствах. Давали знать о себе последствия массовых репрессий 1937—1938 гг. Немногие оставшиеся в живых из старых генералов (вроде Буденного, Ворошилова, Кулика) были верными сталинцами, но посредственными военачальниками. Что касается новых и лучших полководцев, то у них еще не было ни времени, ни возможности проявить свои способности. Они сделают это позже, по мере того как будет возрастать их практический опыт. Однако еще в июне 1942 г. Сталин, быть может, несправедливо

заявил, что «у нас нет в резерве Гинденбургов»[40]. По убедительному анализу одного из самых доблестных генералов, командующего армией Батова, предвоенное истребление военных кадров обернулось в час испытания пагубными последствиями: отсутствием хорошо подготовленных военачальников; страхом, парализовавшим всякую инициативу у уцелевших; неопытностью недавно выдвинутых командиров[41].

И Кузнецов, и Павлов, и Кирпонос сделали молниеносную карьеру после 1938 г. Ни один из них не блистал особыми талантами. Но и тогда, когда над ними были поставлены в качестве главнокомандующих направлениями — Северо-Западным, Западным и Юго-Западным — соответственно Ворошилов, Тимошенко и Буденный, картина не стала лучше (быть может, исключение отчасти следует сделать для Тимошенко). Сталин, как только вернулся на свой пост, сместил Кузнецова и Павлова. На долю последнего выпала худшая участь. Обвиненный в катастрофе на Западном фронте, он был арестован и расстрелян вместе со многими из своих подчиненных: начальником штаба Климовских, начальником артиллерии Клычем, командующим 4-й армией Коробковым и другими.

Приговор, в основе которого лежало обвинение в «измене», был зачитан в частях вместе с новыми распоряжениями об укреплении дисциплины. Как неоспоримо установлено ныне, Павлов не был предателем (в еще меньшей степени это можно сказать о других; мало того, некоторые из них, например Климовских, были неплохими специалистами своего дела). Немецкое наступление застало Павлова совершенно неподготовленным. Главная его вина состояла в том, что он слепо верил в приказы, исходившие из Москвы, и выполнял их с исполнительностью бюрократа.

Расстрел верхушки командования Западного фронта мог выглядеть в тот момент как железная необходимость, продиктованная условиями военного времени. Требовалось найти конкретных виновников, и выбор пал на них. Эффект, однако, был отнюдь не оздоровляющим, ибо эта мера вновь возродила призрак 1937 г. и дала пищу так и не развеянным до конца подозрениям к армии и ее руководству[42]. Не случайно вынесение этих приговоров сопровождалось восстановлением должности комиссаров на всех уровнях управления войсками. В низовых подразделениях они назывались просто политическими руководителями — сокращенно политруками[43].

Столкновение стратегических концепций

К концу лета обстановка на фронтах оставалась трагической для Советского Союза. Но недоуменные вопросы вставали и перед немцами. Германские военные сводки звучали сплошь как победные фанфары. Действительность, однако, не давала оснований для восторгов. Теперь, когда известны архивные материалы, личные дневники и мемуары нацистских генералов, мы в состоянии объяснить,

чем же именно это было вызвано. Генералов вермахта преследовал призрак наполеоновского поражения. К концу июля германское наступление замедлилось, а потери возросли. Эти потери — людские и материальные — были меньшими, чем у советской стороны, но размеры их были внушительными, и увеличивались они день ото дня: в августе они превысили потери в любой из предыдущих кампаний нацистской армии за время второй мировой войны[44]. Начальник германского генерального штаба Гальдер записал в своем дневнике: «Общая обстановка показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия... был недооценен нами». Тогда же Гитлер обнаружил, что у Советского Союза больше самолетов и танков, чем ему докладывали[45].

Нацистские главари и их генералы допустили многочисленные и серьезные просчеты. Прежде всего они недооценили размеры вооруженных сил противника. Для них было полной неожиданностью, когда после первых прорывов они обнаружили перед собой дивизии и армии, прибывшие из внутренних округов страны, о существовании которых они даже не подозревали. По правде говоря, проблема резервов приобрела для советской стороны большую остроту после понесенных вначале потерь. Острой она останется еще долгое время: в 1941 г. новые части направлялись на фронт, еще не закончив обучения, не будучи как следует вооруженными. Но даже если способность СССР вооружить и бросить в бой численно превосходящие силы принесет свои плоды лишь в последующий период, ее воздействие на судьбы войны сказывалось уже в этот начальный период. Германские стратеги, кроме того, недооценили те препятствия, которые огромные русские пространства создадут на пути осуществления их стратегии «блицкрига». Препятствия эти будут усугублены плохим состоянием дорог и сложностями в использовании железнодорожных путей (размеры железнодорожной колеи в СССР не соответствуют европейским стандартам). Очень скоро снабжение ударных бронетанковых частей стало трудной задачей для командования вермахта[46].

Самый же серьезный просчет был допущен при оценке способности противника к сопротивлению[47]. Нацистские главари были убеждены, что после первых же жестоких ударов Советская Армия, государство, общество развалятся на куски. Ничего подобного не произошло. Хотя при неоднократных окружениях в плен было взято большое количество красноармейцев, Гальдер в своем дневнике сетовал на их недостаточность. Очевидно, он ожидал массовой сдачи в плен. Попав в окружение, советские части зачастую продолжали сражаться, пытаясь соединиться с главными силами; отчасти им это удавалось, отчасти сковывало продвижение немецких войск, которые по планам командования должны были развивать наступление. После первых недель войны нацистские генералы доносили, что русские «сражаются ожесточенно и фанатично». Несмотря на крупные потери Советских Вооруженных Сил, главная цель кампа-

нии — уничтожение армии противника — оставалась неосуществленной. Невозможной была и та «полная свобода действий», которую генералы вермахта, по свидетельству того же Гальдера, надеялись получить в самом близком будущем[48].

При всем том в августе немцы обладали вполне достаточными силами, чтобы наносить противнику новые тяжелые удары, вынуждая его к отступлению. Но они уже не могли вести наступление одновременно по всем трем главным намеченным направлениям: на Ленинград, Москву и южный промышленный район. Продвижение на Украине отставало от запланированных сроков. На центральном направлении фланги наступающих армий были опасно оголены. Между Гитлером и его генералами выявились первые разногласия относительно дальнейшего ведения военных операций.

Наступление на Ленинград было возобновлено и принесло результаты. Сосредоточив силы на правом фланге, немцы массированной атакой прорвали фронт в районе Луги, оккупировали Новгород, а затем стали охватывать клещами старую северную столицу. К концу августа они приблизились к городу на опасно близкое расстояние, продвинувшись на рубежи, на которых велись бои с войсками Керенского в октябре 1917 г. 21 августа они вступили в Гатчину (переименованную в Красногвардейск). Потом перерезали железную дорогу Ленинград — Москва у станции Мга и наконец достигли Шлиссельбурга на Ладожском озере, полностью изолировав город. В осажденном Ленинграде остались три советские армии. Немного западнее, на плацдарме у Ораниенбаума, остатки 8-й армии были окружены и прижаты к берегу Балтийского моря. В первых числах сентября передовые отряды немцев достигли южных пригородов Ленинграда.

Главная дилемма встала перед группой германских армий, наступавшей на центральном участке фронта и остановленной восточнее Смоленска в ходе упорных боев, где советскими войсками были даже предприняты преждевременные попытки перейти в контрнаступление[49] (небольшой тактический успех, правда, был одержан — у противника была отбита Ельня; в те дни этот факт всемерно использовался советской пропагандой[50]). Танковые части генерала Гудериана атаковали слабый южный фланг советской группировки войск, противостоявших немцам в центре. Но нацистское командование в тот момент еще не решило, какой должна быть следующая задача: наступать на Москву или повернуть атакующую группу фронтом на юг, где немцы сталкивались с бóльшими трудностями в осуществлении разработанных планов вторжения. Вопреки мнению некоторых генералов Гитлер остановил выбор на втором варианте. Он хотел во что бы то ни стало овладеть промышленными и сельскохозяйственными ресурсами Украины. Генералы, с мнением которых не посчитались, а также некоторые историки многие годы спустя заявили, что это решение было роковой ошибкой, предопределившей судьбу всей войны для Германии. Советские специалисты

опровергли этот тезис с помощью убедительных доводов[51]. В самом деле, предположение, что наступление прямо на Москву обязательно привело бы к желаемому результату, чисто гипотетическое, оно не только не доказано, но и недоказуемо, в то время как поворот на юг позволил немецким войскам добиться крупного успеха. С другой стороны, вполне объяснимо, что по мере того, как все трудней становилось добиваться нескольких целей одновременно, богатства Украины все неудержимее влекли к себе Гитлера, особенно в предвидении затягивания войны.

О спорах в высших сферах нацистского командования хорошо известно, меньше мы знаем о дискуссиях на аналогичные темы среди советских руководителей. Некоторые аспекты этих дискуссий были преданы гласности много времени спустя, в хрущевскую эпоху, в тех первых исторических работах, которые ставили под сомнение правильность военных решений Сталина. С той поры к ним прибавилось немало свидетельств непосредственных участников событий, причем некоторые из этих свидетельств отнюдь не недоброжелательны по отношению к Сталину. В своей совокупности они позволяют ныне более полно воссоздать картину столкновения мнений.

Возглавлявший тогда Генеральный штаб маршал Жуков рассказывает, что уже в конце июля он со своими сотрудниками по Генштабу предвидел возможность поворота на юг действовавших в центре немецких танковых армий. На этот случай он предлагал усилить стык между центральным и южным участками советского фронта и отвести войска на более прочные оборонительные рубежи, оставив все плацдармы на правом берегу Днепра в его среднем течении. Киев, расположенный как раз на западном берегу, тоже нужно было отдать врагу. Потеря тяжелая и с психологической точки зрения. Вот уже несколько недель стены домов в столице Украины были обклеены плакатами, на которых говорилось: «Киев был и будет советским». К тому же именно в эти дни Сталин, несколько приободренный приостановкой немецкого наступления, заверил специального помощника Рузвельта Гопкинса, что рассчитывает задержать врага до зимы примерно на тех рубежах, которых он достиг, и, во всяком случае, не допустить его в Ленинград, Москву и Киев[52]. Сталин поэтому раздраженно отверг предложения Жукова, назвав их «чепухой». Генерал попросил освободить его от занимаемой должности, что и было сделано[53].

Проблема, однако, так и не была решена. В первых числах августа немцы умелым маневром добились внушительного успеха, окружив под Уманью, то есть к югу от Киева, многочисленные части двух советских армий и открыв себе путь к быстрому продвижению вдоль всего правого берега Днепра. Киев оказался на острие опасно выдвинувшегося выступа. Документы, опубликованные до сего дня, свидетельствуют о том, что с этого момента возникла постоянная напряженность в отношениях между местным советским командованием (т. е. командованием Юго-Западного фронта, возглавляв-

шимся по-прежнему Кирпоносом, и вышестоящим командованием Юго-Западного направления, во главе которого стояли Буденный и в качестве политического комиссара Хрущев) и Ставкой Верховного Главнокомандования в Москве[54]. Поступавшие с юга просьбы об отступлении или присылке подкреплений к столице Украины, как правило, отвергались или удовлетворялись неохотно и с опозданием.

Угроза для всего левого фланга советского фронта резко усугубилась, когда танки генерала Гудериана из района Смоленска продвинулись к Гомелю и Стародубу, то есть в том направлении, где целью могла оставаться и Москва, но могло быть и дальнейшее продвижение на юг. Поскольку Сталин опасался, что маневр Гудериана предпринят с целью открыть путь к столице (похоже, это опасение разделял и маршал Шапошников, вновь назначенный на пост начальника Генерального штаба), особые надежды возлагались на Брянский фронт, созданный специально для предотвращения этой угрозы. Командующий фронтом Еременко торжественно обещал Сталину разбить этого «подлеца Гудериана»[55]. В действительности у Еременко не было ни сил, ни способностей для выполнения этой задачи. Когда по приказу Гитлера немецкие танковые колонны продолжили наступление на юг, он не сумел даже нанести им серьезного удара во фланг. Наступление Гудериана шло по линии, сходящейся с направлением удара, который немцы сумели нанести силами южной части своего фронта, действовавшими с предмостных укреплений на левом берегу Днепра. Так вырисовывалась неотвратимая угроза окружения всего советского Юго-Западного фронта, удерживавшего Киевский плацдарм.

Киев в смертельном мешке

Опасность приобрела катастрофический характер в те же дни, когда нацисты подошли к подступам окруженного Ленинграда. Южные клещи сжимались все больше. 15 сентября они сомкнулись. Приказа об отступлении все не было. В киевском мешке оказались окруженными четыре советские армии. В роковые последние дни перед катастрофой обмен посланиями между местным командованием и Москвой носил все более драматический характер. Однако, несмотря ни на что, приказ контратаковать немцев и оборонять Киев оставался неизменным. Буденный, настаивавший на другом решении, был за это освобожден от обязанностей главкома Юго-Западного направления. Даже после того как кольцо окружения сомкнулось, указание отходить с боем, прорывая вражеский заслон, было отдано не сразу, а с чрезмерным опозданием. Когда Тимошенко, назначенный вместо Буденного, убедился, что другого выхода нет, и послал на самолете офицера с приказом в окруженную группу войск, генерал Кирпонос отказался верить ему. Жесткие установки

Москвы вплоть до этого момента неизменно предписывали ему совсем иное поведение[56].

Высказывалось мнение, что упорство, с каким Верховное Главнокомандование, и в частности Сталин (но не он один), требовало от войск удерживать занимаемые позиции, возможно, было продиктовано не только уже упоминавшимися политическими причинами, но и идеей измотать наступавшие немецкие армии на удаленном от Москвы направлении[57]. Если замысел действительно был таков (никакими документами это пока не подтверждается), то он оказался неудачным. Потери советских войск в киевском мешке были очень велики. Чтобы воссоединиться с основными силами, окруженные части вынуждены были пробиваться разрозненными группами. Это была мучительно трудная операция[58]. Генерал Кирпонос, его комиссар Бурмистенко и начальник штаба Тупиков погибли в этих боях. В конце концов лишь 150 тыс. человек из 677 тыс., сражавшихся в составе Юго-Западного фронта, смогли достичь переднего края советских войск[59]. Немецкие источники называют еще более крупные цифры. В результате соотношение на советско-германском фронте изменилось, особенно на его южном фланге.

События эти оказали двоякое влияние на дальнейший ход войны. Гитлеровская армия смогла установить контроль над индустриальными районами Левобережной Украины, захватить Полтаву, Харьков, Запорожье, Таганрог и значительную часть Донбасса. Она продвинулась до самого Ростова — исходного пункта для возможного наступления на Кавказ. Захватчики проникли в Крым, оккупировав всю его территорию, за исключением базы флота — Севастополя.

Гитлер наконец получил возможность сконцентрировать свои силы для удара по Москве. 16 сентября была издана директива о проведении операции «Тайфун», объявленной кульминационным пунктом всего германского наступления. Цель операции — захват и уничтожение столицы. Немецкие генералы предназначили для битвы под Москвой две трети бронетанковых частей и половину всех армейских соединений, действовавших на Восточном фронте. Наступление началось 30 сентября; удар наносила расположенная на правом фланге немцев группировка Гудериана, которая имела возможность использовать новые позиции, захваченные после падения Киева. Решающая схватка первого года войны началась, таким образом, под самым несчастливым для Советского Союза знаком.

III. БИТВА ПОД МОСКВОЙ

Враг у ворот столицы

Первыми назвали «решающей» битву за Москву сами нацисты. Гитлер дважды употребил это слово: в директиве от 6 сентября о подготовке наступления и в день начала штурма в воззвании к войскам[1].

Поначалу все обещало немцам новую блистательную победу. Им удалось создать на данном участке фронта превосходство в силах над противником; их козырем продолжали быть танковые клинья, поддержанные крупными силами авиации. Благодаря большой мобильности своих войск германским генералам еще раз удалось прорвать советскую оборону. Танки Гудериана проникли в глубину расположения советских войск. Одна немецкая моторизованная колонна захватила Орел, причем настолько неожиданно для защитников, что в момент появления наступающих по улицам города еще ездили трамваи[2]. Другая группировка повернула фронтом на Брянск и окружила две советские армии, находившиеся под командованием генерала Еременко. Еще более тяжелая ситуация сложилась на северном участке наступления немцев. Здесь две другие их танковые колонны под командованием генералов Гота и Гёпнера взяли в клещи Вязьму и замкнули в мешке бóльшую часть четырех других советских армий. Один немецкий генерал назвал всю эту операцию «хрестоматийной»[3].

После киевской катастрофы еще одно подобное поражение грозило стать роковым для Советского Союза. Начались, как их после определят советские историки, «самые мрачные и грозные дни в истории нашей Родины»[4]. Гитлер также был убежден, что игра выиграна: его пропаганда возвестила, что противник на востоке уничтожен; он лично отдал приказ о формировании специальной команды, которой предстояло стереть Кремль с лица земли[5].

Сила, инициатива и технический опыт были тогда целиком на стороне немцев, чем и объяснялся их успех. Но определенная и немалая часть ответственности лежала и на советском командовании, которое еще раз оказалось захваченным врасплох. Позже это было признано советскими военачальниками в ходе скрытой полемики по поводу того, на ком именно лежала вина за главные из совершенных ошибок[6]. Приказ о сосредоточении самого серьезного внимания на организации глубоко эшелонированной обороны был отдан слишком поздно[7]. Вплоть до самого последнего момента в указаниях войскам оборонительные задачи переплетались с задачами наступательными. Намерения нацистов не были вовремя разгаданы. В довершение всего советские войска были неудачно сгруппированы: немецкий удар обрушился на три группы армий, нахо-

дившиеся под разным командованием (Западный фронт — под командованием Конева, Резервный фронт — Буденного, Брянский фронт — Еременко) и плохо скоординированные между собой. Попытки отступления были предприняты с опозданием и не дали результата из-за быстрого маневрирования вражеских войск[8].

Как и в момент начала войны, возникло положение, когда больше не было сплошной линии советской обороны; но на этот раз дело происходило не на дальних западных границах, а в немногих сотнях километров от Москвы. Столица внезапно оказалась без защиты. Трое из правительственных деятелей самого высокого ранга — Молотов, Ворошилов и Василевский — срочно выехали на места, чтобы лично установить, что же происходит[9]. Сталин был простужен, лежал с температурой. 5 октября, после того как не смог даже получить точной картины военной обстановки, он вызвал из Ленинграда Жукова*, куда тот был направлен месяцем раньше с задачей остановить наступление немцев. Но и Жукову, отправившемуся в район боевых действий, пришлось немало потрудиться, прежде чем он отыскал штабы командующих фронтами[10]. Генерал Рокоссовский, которого Конев отозвал с передовой, с тем чтобы он принял командование над дивизиями второго эшелона, способными предотвратить прорыв врага в глубь советской обороны, оказался в Вязьме без войск в тот момент, когда в город уже ворвались немецкие танки, и чуть не попал в плен[11].

Заблаговременно готовилась оборонительная линия на уровне Можайска, но работы по ее сооружению были выполнены лишь на 40 %[12]. Главная же трудность заключалась в поисках и сосредоточении военных сил, которые могли бы удерживать ее. Разрозненные части, еще годные для защиты столицы, были объединены в едином Западном фронте, командовать которым был назначен Жуков. Он принял на себя задачу отстоять Москву в обстоятельствах, которые почти исключали всякую надежду. Противник продолжал наступать: 12 октября немцы захватили Калугу, 14-го — Калинин. Еще один рывок — и они будут в Москве. Но именно теперь, когда они приближались к самой желанной из целей, они с горьким недоумением вынуждены были констатировать, что боеспособность и морально-политический дух Красной Армии еще не были сломлены.

Оказавшаяся во фронтовом тылу Москва переживала тем временем драму, причем дальнейшая судьба войны зависела от ее исхода не меньше, чем от результатов борьбы на поле боя. Дороги, ведущие к городу, были забиты беженцами из районов, оставленных во время отступления. Немало генералов вспоминают, что в те дни им приходилось не раз слышать горькие упреки от простых людей. Командующему армией Лелюшенко пожилая крестьянка сурово сказала:

* Даже после отстранения Жукова от руководства Генеральным штабом Сталин продолжал высоко ценить его и доверял ему самые ответственные посты.

«Вы, видать, большой начальник... Смотри!.. Народ не простит, если Москву сдадите!» Еще резче выразился старый, прикованный с постели крестьянин, упрекнувший Рокоссовского: «Сами вы уходите, а нас бросаете. Нас оставляете врагу, ведь мы для Красной Армии отдавали все и последнюю рубашку не пожалели бы... Если бы не эта проклятая болезнь, ушел бы защищать Россию»[13]. Почти полмиллиона жителей Москвы и окрестных районов, мобилизованные на сооружение оборонительных рубежей, днем и ночью рыли окопы и возводили другие оборонительные объекты. Три четверти из них были женщины. Жуков в своих воспоминаниях отдал дань уважения их нечеловеческому труду, тому героическому упорству, с каким они перетаскивали в те дни своими слабыми руками тысячи тонн грунта, вязкого от осенних дождей и оттого еще более тяжелого[14].

Но как ни была сильна воля отстоять столицу, осторожность побудила правительство принять меры на тот случай, если ее все-таки придется оставить. 14 октября было принято решение эвакуировать все, что не было жизненно необходимым для ведения вооруженной борьбы: дипломатический корпус, бо́льшую часть аппарата наркоматов, Коминтерн, наиболее ценное оборудование заводов и фабрик. По Москве поползли слухи, что город обречен. Прокатилась волна паники, достигшая максимального размаха 16 октября. Поезда брали штурмом. Множество жителей, в том числе руководящих работников и служащих, пытались (независимо от того, было ли у них на это разрешение) уехать на любом транспорте: автомобилях, телегах — на чем угодно. То был самый критический момент обороны Москвы. Город казался осужденным на гибель: остановились трамваи и весь общественный транспорт, закрылись магазины и даже булочные[15].

Правительство, к счастью, реагировало решительно и энергично. 17 октября Щербаков, один из новых секретарей ЦК партии, выдвинувшийся в самые последние годы перед войной, в выступлении по радио объявил, что Сталин остался в городе. «За Москву, — добавил Щербаков, — будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови»[16]. Было выпущено обращение к рабочим, коммунистам. 19 октября, когда стало ясно, что этой меры недостаточно, было введено осадное положение. Поддержание порядка и непосредственная защита города были доверены войскам НКВД под командованием генерала Артемьева. Нарушители его распоряжений подлежали аресту и немедленному преданию суду военного трибунала. «Провокаторов», сеющих смуту, «шпионов и прочих агентов врага» предписывалось расстреливать на месте[17].

Подход дальневосточных дивизий

Еще более тяжелое сражение разворачивалось тем временем на подступах к столице. Осуществленный немцами прорыв давал им, конечно, большое тактическое преимущество, но при всем своем зна-

чении не носил решающего характера. Мобилизовав остатки сил, Красная Армия постепенно сумела восстановить линию обороны. Попавшие в окружение войска продолжали сражаться, сковывая крупные силы противника. Предпринимавшиеся ими попытки прорыва дали несколько лучшие результаты у Брянска, чем у Вязьмы. Но и в том и в другом случаях потери были чрезвычайно велики, и лишь сильно обескровленные части смогли воссоединиться с основными силами. Вышедших из окружения тут же направляли на передовую[18]. Для защиты Москвы войска снимались с других фронтов и даже из-под осажденного Ленинграда. В бой были брошены слабые дивизии ополчения. Навстречу Гудериану были выдвинуты две танковые бригады, укомплектованные танками последней модели: им удалось временно остановить наступающих в районе Мценска. Но и после мобилизации всех этих резервов проходивший через Можайск оборонительный рубеж удерживался в середине октября лишь редкой цепочкой войск, насчитывавших в общей сложности 90 тыс. человек[19].

Здесь-то на помощь Москве и пришли знаменитые дальневосточные части, остававшиеся вплоть до этого момента главным образом на границе с Маньчжурией на случай возможного нападения японцев. У Жукова еще в июле возникала мысль об их частичном использовании[20]. Но, несмотря на подписанный с Японией в апреле договор о нейтралитете, московские руководители продолжали с недоверием относиться к намерениям Токио (и, нужно сказать, не без оснований). Если в октябре они сочли возможным рискнуть, то это было продиктовано не только властной необходимостью отстоять столицу, но и донесениями их тайного агента в Токио Рихарда Зорге. В его радиограммах говорилось о принятом японцами решении предпринять наступление в южной части Тихого океана и о более чем вероятном начале войны с Америкой и одновременно исключалась возможность их нападения на Сибирь в текущем году[21].

Точная численность войск, переброшенных с Дальнего Востока, советскими источниками не сообщается. В одном из них уточняется лишь, что в целом с момента начала войны и до 1 декабря на запад было перемещено 17 дивизий — главным образом во время битвы за Москву[22]. Впрочем, возможно, еще важнее численности было качество этих подкреплений. В силу постоянного состояния скрытой войны на дальневосточных границах СССР войска, дислоцированные в этих далеких районах, всегда отличались лучшей боевой подготовкой по сравнению с войсками западных округов. То были хорошо обученные и оснащенные части, полностью укомплектованные людьми и вооружением, привыкшие смело действовать на поле боя. Их вклад в битву под Москвой был решающим. Среди наиболее отличившихся в этом сражении дивизий многие прибыли с востока: например, прославленная 316-я дивизия генерала Панфилова, укомплектованная преимущественно казахами, которая удерживала Волоколамское шоссе; 32-я дивизия генерала Полосухина, сражавшаяся на истори-

ческом Бородинском поле; 78-я дивизия генерала Белобородова[23].

Этими силами советское командование смогло остановить немецкое наступление. Оно умело использовало также природные условия: леса и многочисленные реки служили естественными преградами для наступающих. Осенние дожди превратили почву в сплошное море грязи, в котором вязли колеса машин, лафеты, повозки вместе с лошадьми. Немцам пришлось сконцентрировать давление своих моторизованных частей вдоль шоссейных и железных дорог, сходящихся к Москве. Советские войска сумели создать на этих дорогах глубоко эшелонированную оборону, на рубежах которой за каждый метр шла яростная борьба. Сооруженные лихорадочным трудом гражданского населения траншеи и оборонительные укрепления, минные поля — все это хорошо помогало обороняющимся. Небольшие городки Кубинка, Наро-Фоминск, Серпухов превратились в опорные пункты новой линии обороны. На юге оплотом сопротивления стал старинный промышленный город Тула, к которому Гудериан подошел вплотную, пробив наконец заслон у Мценска. Немалая заслуга в организации обороны Тулы принадлежит рабочим полкам, которые крепкая местная партийная организация сумела сформировать, вооружить и послать в бой[24].

Мы подходим здесь к основному фактору, определившему исход битвы за Москву. Решимость отстоять столицу передалась от руководителей к народу, солдатам. Перед лицом наглого вражеского натиска войска требовали более энергичного отпора и хотели, чтобы командование сумело организовать этот отпор. В историю войны вошло немало индивидуальных и групповых подвигов, вписанных в легендарный послужной список Советской Армии. Но наиболее прославленные случаи — это лишь отдельные (хотя, разумеется, достойные навечно остаться в памяти) эпизоды поразительной стойкости всего народа, его коллективного мужества. Кое-кто из немецких генералов после войны задавался вопросом, что произошло бы, если бы Москва пала. И некоторые из них отвечали, что сопротивление все равно продолжалось бы[25]. Понятно, что вопрос чисто гипотетический, но в рамках этой гипотезы ответ, вероятно, правильный. Не следует вместе с тем недооценивать важности Москвы. Она представляла собой не только крупнейший экономический и стратегический центр, поскольку была главным узлом коммуникаций всей европейской части России: огромно было ее морально-политическое значение центра, воодушевлявшего весь народ на борьбу. Москва не должна была пасть, потому что народ не мог смириться с этой мыслью. Одним из девизов всего сражения сделались поэтому слова: «Дальше отступать некуда». Они означали, что за Москвой для ее защитников не было места. Речь шла, пожалуй, не столько о военном или политическом приказе, сколько о своего рода гражданском императиве[26].

И Москва не пала. После паники в середине октября город приобрел другой облик. Два миллиона жителей были по тем или

иным причинам эвакуированы[27]. Оставшееся, вдвое сократившееся население практически было мобилизовано наравне с военнослужащими. На продолжавших действовать фабриках и заводах рабочие трудились для фронта, выстаивая у станков по 12 и даже по 18 часов в сутки. Изменился внешний вид города: он стал «суровым, воинственным и героическим»[28]. Поперек улиц выстроились ряды «ежей» и противотанковых надолб. В воздухе висели аэростаты противовоздушной обороны. После потерь, понесенных в начале войны, советская авиация только-только начинала оправляться. Почти вся она была сосредоточена у Москвы, что гарантировало городу действенную и надежную защиту с воздуха: лишь 3 % вражеских самолетов смогло прорваться к намеченным объектам[29].

Немцы отброшены

К концу октября германское наступление, докатившись до рубежей всего в нескольких десятках километров от столицы, выдохлось в непрерывных фронтальных столкновениях настолько, что немцам пришлось сделать перерыв в наступательных операциях. Москва смогла перевести дыхание. Сталин воспользовался этим для проведения впечатляющего политико-пропагандистского мероприятия. Он спросил у Жукова, может ли тот гарантировать продление передышки на несколько дней, и, получив заверения, решил назначить на 6 и 7 ноября традиционное празднование годовщины революции в Москве[30]. Вечером 6-го состоялось — правда, не в Большом театре, как обычно, а в подземном зале станции метро «Маяковская» — торжественное собрание, на котором Сталин выступил с речью. Утром следующего дня на Красной площади, припорошенной первым снегом, был проведен военный парад. По площади прошли только что сформированные, полностью снаряженные войска, которые затем отправились прямо на фронт. Сталин обратился к ним с речью. Эти два выступления оказали большое влияние на моральное состояние народа и армии[31]. То было подтверждение, что Сталин действительно остается в Москве, что город, следовательно, способен защищаться, мало того — бросает вызов врагу, находящемуся у его порога. То был жест, способный поразить коллективное воображение и вдохнуть новый запас мужества всему народу.

Сталин еще больше усилил эти факторы в двух произнесенных им по этому поводу речах. Он высмеял ошибочные расчеты гитлеровского правительства, которое задумало уничтожить СССР за какую-нибудь пару месяцев «блицкрига», недооценив прочности советского строя и его вооруженных сил и надеясь — ошибочно надеясь, добавил Сталин, — что оно сможет опереться на молчаливое сочувствие западных держав. Он объяснил советские неудачи тем фактом, что СССР временно сражается в одиночку с вооруженными силами фашистской коалиции, подмявшей под себя всю Европу. Впервые он подверг публичному анализу национал-социалистскую

идеологию, объяснив, что в действительности в ней нет ничего национального и ничего социалистического, а что содержанием ее является империализм: *«Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира»**. В подтверждение своей мысли Сталин привел отрывки из инструкций немецким солдатам. В особенности же он — и в этом состояла суть его речей — усилил свой призыв к специфически русскому патриотизму, русской национальной гордости.

«И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных, — сказал Сталин о нацистах, — имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»[32]. «Немецкие захватчики, — добавил он, — хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же... они ее получат. Отныне наша задача... будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов.

Никакой пощады немецким оккупантам!

Смерть немецким оккупантам!»[33]. Днем позже, обращаясь к солдатам на Красной площади, Сталин повторил: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков... Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»[34]. Так имена революционеров и народных героев, полководцев-князей и царских генералов, художников и ученых разных идейных направлений объединялись вместе в превозношении славы отечества и победоносного сопротивления захватчикам.

Передышка, сделанная немцами, быстро кончилась. 16 ноября они возобновили наступление, пытаясь еще раз взять Москву в клещи с севера и с юга, с тем чтобы сомкнуть их к востоку от столицы. На этот раз советское командование сумело вовремя разгадать их замысел, но допустило еще одну тактическую ошибку.

Сталин потребовал от своих генералов предотвратить наступление врага контрударами, главным образом силами кавалерийских корпусов. Жуков воспротивился этому предложению, считая его малоэф-

* Следует отметить, что ни в одном из предыдущих публичных выступлений Сталина нет анализа фашизма как социального и политического явления (такой анализ, напротив, настойчиво проводился в работах его противников, например Бухарина). Это наблюдение позволяет лучше понять, насколько расплывчатой, а в некоторых отношениях и двусмысленной была его позиция по данному вопросу во второй половине 30-х гг.

фективным и ведущим к неоправданным потерям. Но Сталин не желал слушать никаких доводов. «Вы там с Жуковым зазнались, — сказал он Булганину, бывшему тогда политическим комиссаром Западного фронта. — Но мы и на вас управу найдем!»[35] Советские контрудары не дали ощутимых результатов. Нового немецкого наступления они не задержали. Мало того, в момент предусмотренной атаки противника Жуков оказался практически без резервов, поскольку они уже были израсходованы ранее в бесполезной попытке упредить немцев[36]. Наступающие поэтому продвинулись еще дальше. Сам Сталин, «стальными нервами» которого в те дни восхищался и Жуков, на какое-то мгновение упал духом. В один из вечеров он спросил у командующего Западным фронтом: «Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно...» Жуков обещал, что Москва будет удержана[37].

Главная угроза нависала с севера, где немцы, сосредоточив максимум сил, сумели завладеть Клином, Солнечногорском, Истрой, то есть населенными пунктами непосредственно в пригородной зоне Москвы. Их войскам удалось также форсировать канал Москва—Волга, а один из разведывательных дозоров достиг даже северной окраины города. На юге Гудериан нацелился на Каширу, пытаясь обойти Тулу. Ему удалось перерезать и в течение одного дня удерживать шоссе Тула—Москва. В высших советских командных сферах то были дни острой тревоги и нервозности[38]. Но оборона теперь была лучше организована, и обороняющихся снабжали лучше. Советские войска непрерывно контратаковали противника, которому удавалось продвигаться вперед лишь с огромным трудом и ценою тяжелых потерь. К концу ноября, в условиях рано наступившей суровой зимы, новое германское наступление также задохнулось, не принеся решающих результатов. Нацистское командование предприняло было последнюю лобовую атаку на столицу в районе Наро-Фоминска, но эта отчаянная попытка была сорвана в самом начале ее осуществления.

Оборону Москвы уже в те дни, когда бои шли на подступах к советской столице, сравнивали с другими знаменитыми сражениями на изматывание противника, такими, как битва на Марне. Командующий группой армий «Центр» фон Бок сказал, что победа в этом сражении будет завоевана «последним батальоном»[39]. К первым числам декабря советское командование имело в резерве куда больше, чем один батальон. С самого начала войны в тылу шла безостановочная работа по формированию новых армий. И вот теперь три готовые армии стояли позади столицы. Несмотря на самые настойчивые просьбы своих генералов, Сталин медлил с их использованием, дожидаясь последнего момента, когда будет полная уверенность в том, что войска противника измотаны. Он выжидал, чтобы получить от применения новых частей максимальный ударный эффект (генералы впоследствии признали его правоту)[40]. Первые части были введены в бой лишь тогда, когда немцы подошли настолько близко

к Москве, что могли обстреливать ее из тяжелых орудий. Основные же силы новых армий вступили в дело несколькими днями позже, обеспечив переход советских войск в контрнаступление.

Контрнаступление началось в ночь с 5 на 6 декабря, когда еще продолжались последние вражеские атаки. Удар был совершенно неожиданным для немцев. Жуков сосредоточил усилия против тех самых клиньев, которые противник вбил в советскую оборону к северу и югу от Москвы. Из трех резервных армий две были использованы на первом участке, а одна — на втором. Советская сторона не могла рассчитывать на численное превосходство, но советские войска были недавно сформированы и лучше экипированы для зимних условий. Немецкие войска были изнурены в предыдущих боях и морально подавлены: добыча, которую они, казалось, уже держали в руках, ускользнула. Они пытались оказывать сопротивление, но были опрокинуты. За десять дней боев они были отброшены на исходные позиции ноябрьского наступления. Советское наступление продолжалось вплоть до начала 1942 г. Были освобождены Калинин, Клин, Калуга. Тиски, смыкавшиеся вокруг столицы, были разжаты. Немцев отогнали на расстояние от 100 до 300 *км*. В январе битва за Москву — самое крупное сражение, какое только имело место до этого в ходе второй мировой войны, — была закончена, закончена первым тяжелым поражением гитлеровской армии.

Чтобы лучше уяснить себе вопрос о значении людских и материальных резервов, брошенных Советским Союзом в бой в столь тяжкий момент его истории, следует иметь в виду, что одновременно с контрнаступлением под Москвой советское командование с успехом осуществило две другие операции куда меньшего масштаба, но отнюдь не маловажные. Они были проведены на двух противоположных участках советско-германского фронта. 29 ноября близ берегов Черного моря советские войска сумели вновь освободить от немцев Ростов-на-Дону, утраченный 21-го числа того же месяца (по случаю взятия Ростова Сталин впервые направил частям и их командирам приказ с выражением благодарности). На севере, у берегов Ладожского озера, советские войска отвоевали Тихвин и тем самым смогли держать открытой единственную дорогу, по которой осуществлялась хоть какая-то связь с осажденным Ленинградом (о том, чего стоило поддерживать эту связь, мы поговорим отдельно).

Причины и последствия немецкого поражения

Первые полгода войны завершились, таким образом, не германской победой, как планировалось в Берлине, а неким промежуточным результатом. Мощный натиск по плану «Барбаросса» принес немцам впечатляющие успехи, но не позволил достичь стратегических целей, разбившись о стойкость Москвы. По другую сторону фронта Красная Армия была в какой-то момент на волосок от катастрофы, но сумела выстоять. Ее положение оставалось куда более трагичным,

чем у противника. И все же, если вспомнить, как началась война, у советских людей было больше оснований надеяться, чем у врага.

Что касается причин поражения немцев под Москвой, то спор на этот счет занял не один год. Гитлеровские генералы и западные историки, основывавшиеся на их свидетельствах, ставят акцент прежде всего на природных условиях: огромные русские пространства, непроходимая грязь в осеннюю распутицу, жестокие морозы континентальной зимы. Советские военачальники и историки, напротив, делают упор на морально-политические факторы, такие как прочность связей между народом и общественным строем в час смертельной опасности, сознание собственной правоты, и придают естественным факторам второстепенное значение[41].

«Конечно, — пишет Жуков, — и погода, и природа играют свою роль в любых военных действиях». Советское командование принимало это в расчет в своих решениях и планах. «Зима не сулит ему (т. е. противнику. — *Авт.*) ничего хорошего», — сказал Сталин 6 ноября[42]. Кстати, суровость русской зимы слишком хорошо известна, чтобы делать из этого открытие. В 1941 г. зима к тому же пришла раньше, чем обычно. В своих воспоминаниях немецкие генералы явно преувеличивают жестокость морозов. Некоторые даже утверждают, что на термометре было минус 60° — для Московской области это совершенно невероятная температура. В ноябре температура колебалась в пределах 7—10° ниже нуля, то есть была более холодной, чем в другие годы, но такой, к какой вполне можно было подготовиться. К тому же холод, как и распутица, создавал равные неудобства и давал равный выигрыш обеим сторонам. Правда, советские войска были лучше защищены от холода: в ноябре они уже были одеты и обуты по-зимнему, между тем как у немцев зимнего обмундирования не было. Они крали теплые вещи у местного населения и напяливали их поверх мундиров. Захватчики быстро утратили спесивый вид и впали в жалкое состояние.

Споры о климате подводят нас вместе с тем к истинным причинам поражения. Немцы сражались в природной и человеческой среде, которая была и с каждым днем становилась все более враждебной им. Их коммуникации растягивались на тысячи километров по непривычной, мало знакомой земле, и их уже начинали нарушать партизаны, мощное движение которых станет одной из характерных черт этой войны. Пьянящий эффект начальных успехов постепенно улетучивался перед фактором растущих трудностей на пути к намеченной цели. Упорство, с каким советские солдаты дрались на подступах к столице, явилось для гитлеровцев ударом, от которого они уже так и не оправятся полностью. Захваченные советскими войсками во время наступления письма немецких военнослужащих представляют собой еще одно свидетельство, более красноречивое, нежели послевоенные воспоминания их генералов. Они изобилуют выражениями вроде: «чувствую, что смерть близка», «нервы больше не выдерживают», «больше я не вынесу». «Если бы и существовал

ад, — писал жене один унтер-офицер, — то он не мог бы быть ужасней того, в котором я живу сейчас»[43].

Советские люди сражались на родной земле. О передвижениях противника сообщали разведчики-добровольцы. Будучи крупным транспортным узлом, столица стала мощным перевалочным пунктом между тылом и фронтом, а также между разными участками самого фронта, что позволяло советскому командованию быстро перебрасывать резервы из одного пункта в другой. В этом и крылись причины успеха, а успех этот был для советских людей необходимым условием выживания и имел психологические последствия, не менее важные, чем стратегические. В процессе накопления тех политических и технических ресурсов, которым в конечном счете суждено было решить исход войны, битва под Москвой сделалась поворотным пунктом. Битва под Москвой, записал потом Эренбург, не была военным эпизодом, она многое предрешила.

Советский народ ожесточился в душе, как происходит с народами, задетыми в чем-то самом сокровенном. Это ожесточение усилилось еще больше, когда в ходе первых наступлений взорам солдат стали открываться дотла сожженные деревни, трупы людей, повешенных на деревьях, рвы, заполненные изуродованными телами, — истинная картина нацистской оккупации. В армии намечались позитивные перемены: некоторые соединения демонстрировали уже не только отвагу на поле боя, но и владение тактическими и организационными принципами, соответствующими требованиям современной войны. Лучшим частям стали присваивать звание «гвардейских»: начинание, впервые примененное во время боев за Смоленск, получило широкое распространение после битвы за Москву[44]. Увеличилось число награжденных солдат и офицеров. Появились новые генералы. 13 декабря в «Правде» были напечатаны портреты тех, кто командовал наиболее крупными соединениями, отстоявшими Москву. В числе прочих фигурировали два имени, которым суждено будет стать знаменитыми: Жуков и Рокоссовский.

Советским войскам еще не хватало новейших видов вооружения, но те, что были применены под Москвой, отлично зарекомендовали себя. Танки Т-34 воевали с первых дней войны, но число их было слишком невелико. Включение нескольких десятков таких машин в состав танковых бригад, контратаковавших колонны Гудериана под Мценском, сразу повлияло на ход сражения. Обнаружив, что по тактико-техническим данным они превосходят немецкие танки и неуязвимы для их пушек, немецкий генерал послал в Берлин встревоженное донесение. Позже он записал: «Превосходство материальной части наших танковых сил... теперь перешло к противнику»[45]. Свою эффективность продемонстрировали также новые реактивные минометы, знаменитые «катюши». Первая отдельная их батарея уже была использована в июле в боях за Смоленск. Однако вначале в целях секретности их применение было обставлено такими мерами предосторожности, что сам этот вид оружия оказывался маломанев-

ренным. Под Москвой же реактивные установки впервые появились в таком большом количестве (несколько сотен штук), а эффект от их залпов оказался настолько действенным, что стала ясна целесообразность их дальнейшего массированного применения[46].

Именно потому, что причины поражения германской армии не были случайными, конец года, который должен был стать годом великого триумфа Гитлера, окрасился для него в зловещие тона. «Миф о германской непобедимости кончился», — записал Гальдер в Берлине[47]. Стратегия «блицкрига», служившая стержнем всего плана нападения на СССР, на этот раз дала осечку: высшее германское командование обнаружило, что настоящая война только начинается. Гитлер выместил злобу на своих генералах. Он произвел массовые замены в руководстве верховного главнокомандования вермахта и командования Восточным фронтом. Верховное главнокомандование вермахтом он возложил на самого себя. На протяжении последующих месяцев немецкие солдаты и офицеры с трудом смогли избежать участи наполеоновской «Великой армии» — в декабре такая угроза, по-видимому, висела над ними — и сохранить боеспособность. Но их спесивая самоуверенность лета 1941 г. была утрачена навсегда.

В те же самые дни, когда под Москвой развивалось контрнаступление советских войск, нападение японцев на Пёрл-Харбор вовлекло во вторую мировую войну Соединенные Штаты Америки. Англо-советско-американская коалиция, как мы увидим в дальнейшем, обрисовалась с первых же недель немецкого вторжения в СССР. То был один из ободряющих факторов, о котором Сталин напомнил соотечественникам в своих ноябрьских выступлениях. В декабре Гитлер и Муссолини вступили в войну с Соединенными Штатами на стороне Японии. В частном разговоре Сталин, посмеиваясь, комментировал: «Интересно, какими силами и средствами гитлеровская Германия собирается воевать с США? Для такой войны она не имеет ни авиации дальнего действия, ни соответствующих морских сил»[48]. Каким бы мучительным испытаниям ни суждено было в дальнейшем подвергаться отношениям между союзниками, великая антифашистская коалиция становилась реальным фактом. Разгром гитлеровцев под Москвой отрезвляюще подействовал на потенциальных союзников Германии по агрессии против СССР. Такие страны, как Япония и Турция, которые ранее не отказались бы от участия в разделе остатков Советского Союза, теперь предпочитали выжидать и, прежде чем ввязаться в авантюру, хотели убедиться, к кому будет благосклонней военная фортуна. Так благодаря стойкости СССР соотношение мировых сил за считанные месяцы претерпело глубокие изменения в его пользу.

Новые советские неудачи

После одержанной в боях за столицу победы дела Красной Армии пошли отнюдь не так благополучно, как надеялись некоторые

деятели, и в том числе сам Сталин. Немцы были отброшены от Москвы, и Генеральный штаб перешел к планированию генерального контрнаступления[49]. Сталин решил, что настал час решающего удара. Для этого, на его взгляд, необходимо было, не давая немцам передышки, теснить их все дальше на запад, заставить вести бои в суровых зимних условиях и израсходовать все резервы до весны. Таким образом, они будут обессилены к наступлению теплого времени, когда советские войска, напротив, получат новые подкрепления. В этом случае 1942 г. будет годом полного разгрома нацистов[50]. Идея насчет необходимости не давать покоя противнику была верной. Однако план был чрезмерно оптимистичным, в частности это выражалось в явном занижении немецких ресурсов.

Сталин изложил свои концепции в письме командующим фронтами и армиями. В этом важном документе фигурируют две идеи, созревшие в ходе первой фазы войны. В дальнейшем эти две идеи лягут в основу разработки всех советских наступлений. Во-первых, эти наступления должны осуществляться с помощью ударных группировок, создающих значительное превосходство сил над противником на участке, избранном для нанесения удара, и, следовательно, способных прорвать вражескую оборону на всю ее глубину. Во-вторых, пехоту на участке наступления не следует посылать на штурм вражеских укреплений, если предварительно здесь не сосредоточена артиллерия. Артиллерия призвана не только подготавливать атаку пехоты, но и непрерывно сопровождать и прикрывать ее, дабы избегать «бессмысленных жертв». Поступать иначе, писал Сталин, было бы «преступлением»[51]. Однако на практике он отбрасывал эти мудрые идеи, санкционируя план генерального наступления, которое должно было привести в движение весь советско-германский фронт с севера до юга. Главный удар предусматривался по-прежнему на западном от Москвы направлении с целью уничтожения группы гитлеровских армий «Центр». Одновременно намечалось деблокировать Ленинград, а на юге освободить от немцев Харьковскую область, Донбасс и Крым[52].

Намерения были слишком честолюбивые. Между директивой Сталина генералам и избранным им оперативным планом было очевидное противоречие. Девять резервных армий, которые советское командование сумело сформировать на протяжении предыдущих тяжелых месяцев, не были сконцентрированы в одном месте, а рассеяны по разным фронтам (Жуков предлагал ограничиться операцией на одном, центральном, участке советско-германского фронта, с тем чтобы развить успех, достигнутый в битве за Москву; позже он утверждал, что смог бы нанести немцам поражение, если бы в его распоряжении были еще четыре армии[53]). Советская промышленность в то время не в силах еще была дать армии столько оружия, сколько его требовалось для наступления такого масштаба. Перебазирование на восток предприятий, эвакуированных из западных районов, не было закончено. Выпуск промышленной продукции в этот период упал до

самого низкого уровня. Поэтому Вознесенский, молодой руководитель советской военной экономики, поддержал возражения Жукова и его более осторожные проекты (эпизод этот интересен тем, что представляет собой один из немногих случаев, когда кто-то из членов Политбюро оказывался несогласным со Сталиным)[54]. Все возражения, однако, были отброшены.

В исследованиях историков высказывалась гипотеза, что Сталин, также по-своему загипнотизированный аналогиями с 1812 г., верил в возможность заставить гитлеровские армии повторить опыт наполеоновского войска[55]. Впрочем, чтобы понять логику его поведения, нет нужды прибегать к подобным экскурсам в историю. Несмотря на победу под Москвой, положение СССР продолжало оставаться крайне тяжелым. Ленинград был осажден и голодал. Враг все еще находился в считанных сотнях километров от столицы. Крупнейшие промышленные и стратегически важные области были в его руках. Нетерпеливая жажда реванша в этих условиях была вполне объяснимой. Ее одной, однако, было недостаточно для обеспечения успеха.

Генеральное контрнаступление зимой 1941 г. обернулось провалом. Его результаты не вышли за пределы ограниченных тактических успехов. На юге высадка двух десантов увенчалась освобождением одного только Керченского полуострова, а не всего Крыма. На центральном участке советско-германского фронта, где бои были особенно ожесточенными, советским войскам удалось оттеснить немцев еще немного дальше от Москвы. Самое значительное наступление осуществил Северо-Западный фронт, продвинувшийся до Великих Лук (следует, однако, уточнить, что на этом участке немцы оказали наиболее слабое сопротивление). Ни одной решающей победы одержать не удалось. Ленинград оставался осажденным. На западном от Москвы направлении немцы сумели закрепиться на тех самых оборонительных рубежах, которые несколькими месяцами раньше были подготовлены для советских войск. Превращая каждый населенный пункт в опорный узел обороны, они смогли удержать район Ржев—Гжатск—Вязьма, из которого могли организовать новое наступление на столицу. В нескольких точках этого фронта советским частям удалось проникнуть на довольно большую глубину за линию фронта противника и выйти в его тылы. Немцы тем не менее сумели избежать окружения: их передний край вновь сомкнулся, отсекая советские корпуса, прорвавшиеся в глубь их расположения.

Разные причины помешали тогда Красной Армии добиться более существенной победы. На главную из них позже указал маршал Воронов: «Мы к тому времени еще не научились как следует воевать»[56]. Изъяны заключались не в недостатке отваги у бойцов, а, скорее, в организации. Одна из основных, ныне всеми признанных слабостей коренилась в снабжении. Недоставало оружия и боеприпасов. Вдобавок не было возможности доставлять их сражающимся фронтам по мере их продвижения. Транспортные пути были забиты. Наступление, по описанию Рокоссовского, раздробилось на отдель-

ные изнурительные атаки. Усталые солдаты брели по пояс в снегу под вражеским огнем, без достаточного артиллерийского прикрытия[57]. Распыление средств ради достижения сразу многих целей тотчас дало отрицательные последствия.

В драматическое положение попали части, оказавшиеся изолированными по ту сторону линии фронта. Они пытались действовать в немецком тылу во взаимодействии с нарождающимися партизанскими отрядами. Некоторые из них, например кавалерийский корпус генерала Белова, провели несколько успешных операций и, передвигаясь партизанскими районами, сумели в конце концов соединиться с основными силами Красной Армии. Но не для всех подобная операция оказалась осуществимой. Такой возможности, в частности, не оказалось у дивизий 33-й армии генерала Ефремова, которая пыталась прорвать вражеский фронт в направлении Вязьмы и попала в окружение. Значительная часть их была уничтожена, а сам Ефремов, раненный в бою, предпочел самоубийство плену[58]. Аналогичная участь выпала на долю и 2-й ударной армии, брошенной в наступление к югу от Ладоги, которая попыталась пробиться в Ленинград. Ее наступление, предпринятое без достаточной поддержки, было остановлено, а затем, после затяжных боев, армия оказалась отсеченной от остальных войск фронта. Приказ к отступлению был передан ей слишком поздно. Окруженная среди лесов и болот, армия была обречена на гибель, поскольку с первой же оттепелью какие бы то ни было ее маневры стали крайне трудным делом. Во главе армии стоял генерал Власов, один из тех командующих, которые отличились под Москвой. После долгих блужданий по лесам он был в июле 1942 г. взят в плен немцами. Он стал самым крупным из коллаборационистов, которых немцам удалось заполучить в СССР[59].

IV. БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Одесса, Севастополь и Таллинн

Не всеми крупными городами нацистская армия смогла овладеть во время своего молниеносного наступления 1941 г. Первой длительное сопротивление оказала Одесса, крупнейший порт на Черном море. В начале августа в ходе наступательных действий немецкие и румынские войска отрезали ее от остальной советской территории. Вокруг города закрепилась и на протяжении 73 дней вела бои советская Приморская армия. Сначала ее части сражались на укрепленном оборонительном рубеже. Потом они постепенно отступали все ближе к осажденному городу. Обороняющихся поддерживала артиллерия фортов и кораблей флота. Вместе с бойцами упорно дрались жители города. Лишь 15 октября защитники Одессы, удачно оторвавшись от противника, были эвакуированы морем[1].

Еще большим упорством отличалась оборона Севастополя, главной базы Черноморского флота. В октябре 1941 г. в ходе завершающей фазы своего наступления немцы сумели завладеть всем Крымом, за исключением этого превращенного в крепость города. Окруженный Севастополь отражал атаки осаждающих в течение восьми месяцев, вплоть до конца июня 1942 г., когда новые неудачи советских войск на юге сделали дальнейшее сопротивление невозможным. Эвакуация защитников города на этот раз не удалась. На бастионах гарнизон вступил в свой последний, столь же героический, сколь безнадежный бой. Боевые действия продолжались три недели и завершились гибелью большей части защитников и взятием в плен остальных[2].

Оба этих эпизода справедливо причисляются в СССР к славным страницам минувшей войны. И Одессе, и Севастополю присвоено звание «Город-герой»*. И все же ни к одному из городов, удостоенных этого звания, слово «герой» не подходит в такой степени, как к Ленинграду. Если немцы так или иначе смогли в конце концов взять и Одессу, и Севастополь, то Ленинград им так и не удалось захватить. С точки зрения чисто военной можно назвать операции, которые имели большее значение для судеб войны. Но сопротивление великой северной столицы, бесспорно, представляет собой самую страшную и самую эпическую главу всей второй мировой войны.

Как ни было затруднено снабжение Одессы и Севастополя, они все же могли получать помощь с моря. Ленинград такой помощи

---

* Во время войны это звание было присвоено четырем городам: Ленинграду, Сталинграду, Одессе и Севастополю. Их защитники награждались специальными медалями.

не получал. Среди советских морских сил Балтийский флот был самым крупным. Но с самого начала войны он превратился в узника собственных территориальных вод. Если на Черном море соотношение сил было в пользу советского флота, то на Балтике оно было неблагоприятным для него. Хотя Балтийский флот и представлял собой внушительную силу, он не был приспособлен для выполнения возникших задач[3]. Его корабли отважно дрались в первые недели войны. Потом, однако, быстрое наступление немцев лишило его баз. В 1941 г. главной стоянкой Балтийского флота был Таллинн, где находилась большая часть кораблей. В августе город был отрезан. На протяжении нескольких дней советские части обороняли его, но в конце концов вынуждены были оставить. Флот получил приказ отойти к Кронштадту и Ленинграду.

Это отступление, которое один из историков назвал «малым Дюнкерком»[4], проходило в самых тяжелых условиях. С кораблями флота из Таллинна отплыли многочисленные суда с защитниками города на борту. Конвой покинул гавань 28 августа, когда немцы с минуты на минуту должны были появиться на улицах города. Все расположенные поблизости аэродромы уже были в руках захватчиков, поэтому судам пришлось проделать все 220 миль похода без авиационного прикрытия. Путь их к тому же пролегал между двумя берегами Финского залива, уже занятыми противником, по водам, заминированным гитлеровским флотом. Под ударами вражеской авиации большая часть транспортных судов — 35 — затонула. Меньшие потери понесли военные корабли, из которых затонуло 16[5]. Когда уцелевшие участники перехода достигли Ленинграда, то он был уже отрезан от остальной страны.

Битва за северную столицу

Развитие событий на северном участке советско-германского фронта носило столь стремительно катастрофический характер, что никто в Ленинграде не в состоянии был предвидеть, а тем более предотвратить их. Гражданское население здесь, как и в Москве, было мобилизовано по «трудовой повинности» на рытье окопов и строительство оборонительных укреплений на подступах к городу. Около полумиллиона человек здесь, как и повсюду, в подавляющем большинстве своем женщины, трудились, не зная отдыха. Работая в условиях, мало чем отличающихся от тех, в которых находится солдат на фронте, они создавали все новые оборонительные рубежи[6]. Однако противник прорывал их один за другим. В начале сентября баррикады возводились уже внутри городской черты.

Ленинград был также городом, который дал наибольшее число добровольцев в дивизии народного ополчения: плохо вооруженные, они сражались с невероятной отвагой, неся большие потери[7]. В первых числах сентября возникла необходимость сформировать на заводах еще 150 рабочих батальонов на случай ведения уличных

боев[8]. Но и при всем этом население все еще не осознавало, насколько ужасна угроза, нависшая над городом.

Во главе обороны Ленинграда находились два крупнейших советских руководящих деятеля: Жданов — секретарь местной партийной организации и Ворошилов — главнокомандующий Северо-Западным направлением. В 20-х числах августа 1941 г. между ними и Москвой обнаружились острые разногласия. Хотя мы в точности не знаем, о чем шел спор, не вызывает, по-видимому, сомнений, что Сталин и, возможно, другие руководители, остававшиеся вместе с ним в столице, были настроены против ленинградских коллег. В город на Неве была послана специальная комиссия, чтобы разобраться на месте. В нее входили многочисленные политические и военные деятели, а возглавляли ее два других крупнейших партийных руководителя: Молотов и Маленков[9]. Члены комиссии с трудом добрались до места назначения; на станции Мга они попали под бомбежку, предварявшую приход немцев, а следовательно, прекращение железнодорожного сообщения с Москвой. Споры в Ленинграде носили резкий характер[10]. По словам одного из членов комиссии, огромный город жил так, словно не отдавал себе отчета, что враг у порога. К эвакуации гражданского населения еще только-только приступали[11]. Когда были приняты более энергичные меры, немецкое кольцо вокруг города, к несчастью уже замкнулось.

Участь Ленинграда, казалось, была решена. Гибель его представлялась настолько неотвратимой, что в первых числах сентября, после возвращения комиссии в Москву, Сталин приказал заминировать корабли Балтийского флота и в случае сдачи города взорвать их, но не отдавать в руки немцев. Из страха быть обвиненными в измене командующий военно-морскими силами Кузнецов и начальник Генерального штаба Шапошников не соглашались подписать его, если под ним не будет стоять также подписи Сталина. Впоследствии об этом рассказал сам Кузнецов в своих мемуарах[12]. Заминированы также были мосты, перекрестки, главные здания города и в том числе 140 наиболее важных промышленных предприятий[13]. Если бы дело дошло до уличных боев, то все это должно было взлететь на воздух. В штабе Ленинградского фронта в одной из комнат Смольного еще шло обсуждение этих трагических приготовлений, когда 10 сентября без всякого предуведомления туда явился генерал Жуков. В руках у него была записка, врученная ему накануне вечером в Москве Сталиным. В нескольких строках, написанных собственноручно Верховным Главнокомандующим, содержался приказ Ворошилову передать командование фронтом Жукову. Сцена произошла в присутствии многочисленных высших офицеров, собравшихся на военный совет[14].

Для Гитлера Ленинград был первой из крупных стратегических целей. И эта цель была почти достигнута. Командующий группой армий «Север» фон Лееб сосредоточил основные силы для наступления на город с юга, в направлении на Пулковские высоты —

последнюю естественную преграду, прикрывающую собственно городские окраины. Советские войска были измотаны, зачастую деморализованы, но отступали с боями, хотя подчас и дезорганизованно. Трудно сказать, является ли то, что произошло в дальнейшем, личной заслугой Жукова. Несомненно, что здесь, как и позже под Москвой, он продемонстрировал огромную энергию и беспощадную строгость к подчиненным. Без его письменного приказа не могла быть оставлена ни одна позиция. Мало того, он потребовал, чтобы все имеющиеся в наличии силы были использованы для непрерывных контратак. На фронт были брошены все способные держать в руках оружие. На берег сошли моряки Балтийского флота: сформированные бригады морской пехоты сражались в окопах или предпринимали попытки высадиться в тылу противника. Решающая роль принадлежала артиллерии, создавшей плотный огневой заслон на пути вражеских танков. Спасительной мерой явилось массированное использование мощной корабельной артиллерии[15]. Самые опасные моменты были пережиты во второй декаде сентября. Атаки немцев на Пулковские высоты повторялись день за днем. Советские солдаты дрались на позициях, которые становились все более шаткими. Именно в этот момент Гитлер вынужден был отвести от Ленинграда часть войск для наступления на Москву. Дата их отвода долгое время отодвигалась в надежде, что Ленинград вот-вот падет. Но ждать больше было нельзя. К концу сентября сократившиеся силы фон Лееба ослабили нажим. Советское сопротивление не было сломлено.

Хотя Ленинград устоял, его положение внушало самую острую тревогу. Огромный город со сравнительно большой массой войск в собственно городских пределах (три армии плюс Балтийский флот) оказался полностью отрезан от остальной страны, причем в такой момент, когда все усилия были сосредоточены на обороне Москвы. Кстати, и сами немцы, снимая с ленинградского направления часть войск, были убеждены, что путем осады вместо прямого наступления они наверняка прорвут оборону города. По их планам Ленинград, подобно Москве, подлежал полному уничтожению. С сентября они подвергали его массированным воздушным налетам. Потом начали систематически обстреливать из артиллерийских орудий. В сентябре были дни, когда обстрел длился более 18 часов[16]. Гитлеровское командование считало город обреченным. Предложение о его капитуляции приказано было не принимать, даже если оно будет сделано. Жители должны были погибнуть в самом городе: предполагалось разве что оставить небольшие проходы, чтобы позволить какой-нибудь жалкой кучке уцелевших гражданских лиц бежать на восток и наводить там ужас своими рассказами. По замыслам, лишь весной немецкие войска должны были войти в Ленинград: им надлежало уничтожить то немногое, что еще выжило, и сровнять с землей все уцелевшие строения[17].

Советские войска тщетно пытались прорвать блокаду. Внача-

ле надежды возлагались на 54-ю армию, оставшуюся по ту сторону окружения, к югу от Ладоги. В Ленинграде ходили даже легенды о скором подходе этой «армии-спасительницы»[18]. Ее первые атаки с внешней стороны кольца начались в сентябре, когда еще шли бои вокруг города, но немецкую оборону она прорвать не смогла. Безрезультатной была и вторая попытка, предпринятая в октябре. Напротив, инициативу вновь захватили немцы. Поскольку единственный путь сообщения между Ленинградом и остальной страной проходил по водам Ладожского озера, они попытались сомкнуть вокруг города второе кольцо, соединившись к востоку от озера с финнами, наступавшими с севера. Захватив в ноябре Тихвин, немцы действительно сумели перерезать единственную советскую железную дорогу, подходившую к Ладоге. План их, таким образом, мог считаться практически осуществленным.

Историки не раз задавались вопросом, все ли возможное было сделано с советской стороны, чтобы сорвать этот план[19]. Жуков обвинил маршала Кулика, командовавшего тогда 54-й армией (позже его понизили в должности), в том, что в сентябре он действовал пассивно. Но и сменивший Кулика генерал Хозин не смог добиться большего в октябре. Другие советские генералы впоследствии ссылались на объективные причины, объясняя повторные неудачи на этом участке фронта: хромали и вооружение, и организация[20]. Один любопытный эпизод, однако, наталкивает на мысль, что Ленинградский фронт, возможно, недооценивался правительством. После падения Тихвина 14 ноября, престарелый Председатель Президиума Верховного Совета СССР Калинин, который никак не принадлежал к числу людей, известных своими личными инициативами, написал Сталину письмо, побуждающее ускорить принятие мер к спасению Ленинграда. Калинин подчеркивал, что, покончив с Ленинградом, немцы поведут наступление на Вологду, чтобы перерезать главный путь, по которому в Советский Союз начала поступать помощь из Америки. Сталин признал, что замечания Калинина обоснованны, и обещал сделать все необходимое. Делалось ли все необходимое раньше? Нам известно слишком мало об этом необычном эпизоде, чтобы мы могли извлечь из него решающие выводы[21]. Не следует забывать, что в эти самые дни решалась и судьба Москвы. Как бы то ни было, факт тот, что в конце ноября, когда Москва была вне опасности, советские войска развернули наступление на севере и отвоевали Тихвин. Тем самым Ленинграду вновь была обеспечена тоненькая струйка кислорода, минимально необходимое условие для поддержания жизни города[22].

Трагедия блокады: умирающий город

До войны в Ленинграде насчитывалось более 3 млн. жителей, почти 3,5 млн., если считать с пригородами[23]. Летом 1941 г. здесь, как и в других районах, оказавшихся под угрозой, началась эвакуация населения и части промышленности. Много детей было выве-

зено со школами и детскими садами на юг от города, где имелось больше всего летних лагерей. Размещение их там было нелегким делом. Материальные возможности для этого были довольно скромными. И именно с этой стороны нагрянула армия захватчиков. Большую часть вывезенных детей пришлось в спешном порядке доставить обратно в город[24]. Что касается взрослого населения, то оно было настроено против отъезда. Жители не верили в опасность: подробностями об успехах вражеского наступления официальные сводки, разумеется, не изобиловали. Вплоть до самого последнего момента и сами городские власти не осознавали всей тяжести положения. Они даже одобрительно отзывались о стремлении людей остаться в городе как о признаке патриотизма[25]. Если верить официальной статистике, до начала блокады было эвакуировано 636 203 человека, но один из руководящих работников, посвященный в истинное положение дел, опроверг впоследствии эту цифру, утверждая, что число эвакуированных не превышало 400 тыс.[26] В то же время в Ленинград нахлынули — и в сентябре еще оставались в нем — многочисленные беженцы из районов, оккупированных немцами. Один из очевидцев рассказывает, что улицы казались даже более многолюдными, чем до войны[27].

Начальник снабжения Павлов подсчитал, что в городе оставалось 2544 тыс. жителей, в том числе 400 тыс. детей, плюс 343 тыс. человек в пригородной зоне, попавшей в кольцо блокады. Всех этих людей нужно было кормить. Сверх того, были военнослужащие. Продовольствие и горючее для Ленинграда завозились из других областей. К тому времени, когда кольцо окружения замкнулось, руководство было вынуждено констатировать, что имеющиеся запасы совершенно недостаточны: они способны были покрыть потребности города на срок от 30 до 60 дней[28]. К этому прибавились катастрофические последствия бомбардировки 8 сентября, когда были разбомблены и сгорели знаменитые Бадаевские продовольственные склады. Относительно размеров причиненного ущерба позже высказывались противоречивые суждения. Некоторые утверждали, что это и была одна из главных причин наступившего затем голода; другие склонны были придавать этому обстоятельству меньшее значение[29]. Для города, во всяком случае, это был жестокий удар. Были немедленно приняты меры к строгой инвентаризации продовольственных запасов, разукрупнению складов с целью уменьшить возможный урон от воздушных бомбардировок и сокращению потребительских рационов. В первое время тем не менее они оставались относительно большими по той простой причине, что в сентябре никто еще не свыкся с мыслью о предстоящей многомесячной блокаде. Позже городские власти будут горько сожалеть об этой щедрости[30].

Новые поступления могли доставляться теперь только по Ладоге. Но озеро никогда не использовалось в транспортных целях. На нем не было ни паромов, ни причалов. На лесистом западном

берегу спешно оборудовали маленький порт в Осиновце — узенькая щель для столь крупного города и к тому же без надежного выхода к железной дороге. На берегу теперь скапливался народ в ожидании эвакуации, но не было средств для переправы[31]. Все, что двигалось по воде, становилось мишенью немецких бомбардировщиков. Хотя советские моряки и в этих условиях умудрялись перевозить большое количество грузов, снабжение, обеспеченное таким путем, было совершенно недостаточным: оно не покрывало и трети городских потребностей. В конце октября штормовые ветры — осенью они отнюдь не редкость в здешних местах — на несколько дней прервали навигацию. Затем необычайно рано наступил ледостав, затруднивший движение судов, которое становилось все более редким и наконец 15 ноября совсем прекратилось. Напомним, что это было в тот самый период, когда немцы овладели Тихвином. Единственной связью с Ленинградом стал воздушный мост. Но то, что летчики при всей своей самоотверженности могли доставить по воздуху, было каплей в море[32]. С этого момента началась самая страшная из ленинградских зим.

Установленные в начале сентября нормы выдачи продовольствия по карточкам в середине месяца были сокращены. В октябре сокращены еще раз. Но ввиду уменьшения запасов не было возможности сохранить и эти минимальные количества продовольствия, и в ноябре нормы претерпели еще два кошмарных сокращения[33]. С сентября начались перебои с электричеством; потом подача электроэнергии вовсе прекратилась: для тепловых электростанций не было топлива, а гидроэлектростанции находились по ту сторону блокадного кольца, в руках врага. В ноябре остановились заводы и фабрики. С декабря прекратил движение общественный транспорт. Последний керосин — два с половиной литра на семью — был выдан населению в сентябре: больше ленинградцы не получили ни капли[34]. Во всем городе слабо освещалось лишь несколько зданий, в том числе госпитали и детские сады. Совершенно нечем было обогреваться. Зимой в Ленинграде дни короткие, считанные часы светлого времени. На этот раз к тому же зима была очень ранней и жестокой: в январе термометр показывал 30 градусов ниже нуля.

Холодные темные дома стали тогда молчаливыми свидетелями страшной трагедии. Ежедневно на город падали вражеские бомбы. Разрушенных зданий было не так много, но, как рассказывает один из свидетелей, «не осталось ни одного целого стекла в окнах»[35]. За обледеневшими оконными рамами магазинов зияли пустые полки. На улицах росли сугробы. Снежные вихри гуляли в подъездах, на лестницах, даже в квартирах. Люди предпочитали собираться в какой-нибудь одной комнате, пытаясь согреться. Все, что могло гореть, шло на растопку: мебель, книги, ящики, трибуны стадиона. Тот, у кого горела крохотная коптилка, считался счастливцем. Продолжавшие трудиться рабочие жили на казар-

менном положении. Но трудоспособных становилось все меньше. С работы и на работу приходилось делать длинные концы пешком по обледенелым улицам. В январе прекратилась подача воды, так как замерзли водопроводные трубы. Не было возможности помыться, даже если по карточкам выдавали крошечный кусочек мыла: бани не работали. Воду добывали из прорубей, проделанных во льду Невы и каналов. Для изнуренных, истощенных людей это была мучительно тяжелая операция.

Непереносимые сами по себе, эти бедствия сопровождались самым страшным из всех — голодом. Норма хлеба в октябре составляла 400 *г* в день для рабочих и 200 *г* — для остальных. В ноябре ее уменьшили соответственно сначала до 300 и 150 *г*, а потом — до 250 и 125 *г*. Но рабочую норму получала лишь треть жителей[36]. Теоретически по продовольственным карточкам должны были продаваться, пускай даже в крайне незначительных количествах, и некоторые другие продукты: мясо, сахар. Практически же ни в ноябре, ни в декабре, ни в январе не было выдано ничего из этих продуктов. Вместо них в некоторых случаях выдавали заменители, почти не обладавшие питательными свойствами[37]. А поскольку никакой иной торговли, кроме продажи по карточкам, не существовало, единственной едой, которую получали ленинградцы, был этот маленький кусочек хлеба. Однако от хлеба в нем осталось только название. В состав его входила не мука, а разного рода наполнители, например целлюлоза. Чтобы облегчить муки голода, люди ели даже собак, кошек, мышей, пока они были; потом вазелин, клей, кожу, наконец, вещества вовсе несъедобные. Ходили настойчивые слухи и о случаях людоедства, но до сего дня они не получили подтверждения в официальных советских источниках[38].

Смерть от голода, описанная пережившими блокаду, более жестокая, чем любая другая. В первые дни человек ужасно мучается, потом силы постепенно оставляют его: он со страхом замечает, что не может больше делать самых простых, прежде казавшихся столь естественными движений. Походка, речь становятся все более медленными. Все труднее противостоять холоду и слабости. Голова при этом остается совершенно ясной: умирающий вплоть до последнего мгновения сознает, что происходит с ним и вокруг него. Ослабевшие люди — мужчины, женщины, дети — медленно брели по улицам в поисках ежедневного пропитания, воды, тепла. Потом падали. Смерть начала косить ленинградцев в ноябре. По статистическим сводкам, в этом месяце насчитывалось 11 085 жертв, в декабре — 58 881. Эти цифры, однако, носят сугубо ориентировочный характер. Дело в том, что вскоре уже некому было вести точный учет смертности[39].

Ленинград стал городом трупов и призраков. Те, кто еще держался на ногах, выглядели как тени без возраста и пола. Выжившие становились беспомощными свидетелями того, как один за другим умирают их близкие. У кого еще оставались силы, заворачивал умершего родственника в простыню (о поисках гроба не

могло быть и речи) и, уложив на санки, вез к месту захоронения. Ни у кого не было, однако, сил рыть могилы в замерзшей земле. Около кладбищ, крематориев, моргов лежали горы трупов. Пришлось обратиться к помощи саперов, которые взрывчаткой подготовили рвы для общих могил[40]. Но не всегда оставались живые родственники, и не всегда у них были силы увезти покойника. Трупы в этом случае продолжали лежать в ледяных домах, во дворах, на улицах. Их заносил снег.

После войны официально сообщалось, что в Ленинграде умерли 671 635 человек, в том числе от голода — 641 тыс. [41] Эти цифры не полностью отражают действительность. Другие авторитетные советские авторы позже говорили, что погибло «не менее 800 тысяч человек»[42]. Речь идет о примерных оценках. По-видимому, мы будем ближе к истине, если назовем число порядка миллиона человек — к нему подводят и расчеты, которые можно сделать, основываясь на численности выживших. Некоторые иностранные авторы называют даже бóльшие цифры. Свидетельства перенесших блокаду, скупые дневниковые записи, врезавшиеся в память эпизоды — все это вряд ли может пролить дополнительный свет на размеры потерь. Это скорее доказательства безграничности перенесенной трагедии, главы которой по сей день составляют самую страшную из когда-либо написанных антологий человеческого страдания.

Дорога по Ладоге

Именно перерыв в сообщении через Ладожское озеро в ноябре 1941 г. создал ту паузу в снабжении, которая — учитывая и без того отчаянное положение города на Неве — сразу привела к столь трагическому ухудшению условий жизни ленинградцев. В поисках выхода из этой беды в Ленинграде и в Москве родилась идея наладить сообщение по льду озера. Кто-то предложил даже проложить по льду железную дорогу. Учитывая неосуществимость этого проекта, выбор был остановлен на автомобильном транспорте[43]. Нужно было, однако, дождаться, когда лед окрепнет, достигнув хотя бы 20-сантиметровой толщины. Конные сани, правда, пошли раньше. В конце ноября начали движение первые грузовики. Ветры, метели, отсутствие четких ориентиров, непрочный лед — все это чрезвычайно затрудняло работу транспортников: к 6 декабря было потеряно уже 126 грузовиков. Кроме того, чтобы машины могли достигать восточного берега, не плутая вокруг озера по бесконечным объездам среди лесов и болот, требовалось первым делом освободить Тихвин — а это произошло 9 декабря. Движение относительно наладилось только во второй половине декабря, когда запасы муки в Ленинграде — даже при том минимальном расходе, который был установлен в этот период, — равнялись лишь двухдневной норме[44]. Положение было настолько отчаянным, что, едва первая партия машин прибыла в город, 25 декабря, Жданов решил объявить о ма-

леньком увеличении нормы, чтобы вселить в людей немного надежды[45].

Для организации настоящей транспортной магистрали с двусторонним движением потребовалось дополнительное время. 6 января Жданов лично обратился со страстным призывом ко всем, кто был занят решением этой трудной задачи[46]. На озере действовали законы военного времени. Была создана целая система сигнализации и скорой помощи. Ледовая дорога постепенно стала функционировать не хуже любого шоссе. Ее протяженность превышала 30 *км*. Водители вели по ней свои машины, груженные продуктами питания, горючим, боеприпасами. Шоферы несли личную ответственность за каждый мешок продовольствия[47]. Назад везли истощенных жителей Ленинграда. Город смог перевести дыхание и постепенно приступить к восстановлению запасов. Всего было перевезено 361 109 *т* грузов, из которых 262 419 *т* составляло продовольствие[48]. Однако последствия страшной зимы еще долго будут напоминать о себе в Ленинграде. Массовая смертность будет продолжаться вплоть до конца марта; весьма высоким будет число умерших и в мае. С окончанием холодов потребовалось мобилизовать 300 тыс. человек на одни только работы по очистке города от трупов и обломков зданий[49].

Даже по прошествии года, в 1943 г., четверть населения, оставшегося в Ленинграде, нуждалась в стационарном лечении[50]. К этому времени здесь находились лишь наименее ослабленные люди, те, кто был остро необходим для обороны города и обеспечения сколько-нибудь исправного функционирования городского хозяйства. За период с 22 января по 15 апреля 1942 г. по ледовой дороге было эвакуировано 594 186 ленинградцев. Еще 447 929 человек было вывезено с мая по ноябрь, когда вновь открылась навигация на Ладоге. В городе оставалось лишь 637 тыс. человек[51].

Эвакуация большей части ленинградцев, переживших первую блокадную зиму, облегчила решение проблемы снабжения. «Дорога жизни» просуществовала до середины апреля 1942 г., когда лед стал таять: машины шли чуть ли не по кузов в воде. Провал советского зимнего контрнаступления в первые месяцы 1942 г. вновь отодвинул надежды на скорый прорыв блокады[52]. Но накопленный к этому времени опыт представлял большую ценность. Движение судов по озеру возобновилось в последней декаде мая. На этот раз были вовремя подготовлены необходимые плавсредства, которые втрое превышали численность судов, имевшихся осенью предыдущего года[53]. Для транспортировки горючего меньше чем за два месяца по дну Ладожского озера был проложен трубопровод, позволявший перекачивать до 300—350 *т* горючего в сутки[54]. Когда же к концу года озеро вновь замерзло, возобновила свое функционирование ледяная дорога: уроки минувшей зимы были теперь учтены.

Частично блокада была прорвана только в январе 1943 г., когда комбинированным ударом снаружи и изнутри кольца окружения советские войска вернули Шлиссельбург и очистили от немцев южный

берег озера. Лишь тогда открылся узкий проход, по которому вновь смогли пойти поезда. Однако проход этот был настолько открыт для обстрела вражеской артиллерии, что за ним закрепилось название «коридор смерти». Окончательное деблокирование города смогло быть осуществлено лишь год спустя. Только тогда подошли к концу 900 трагических дней ленинградской блокады. Ни один другой крупный современный город никогда не испытал ничего подобного. Ни одна другая осада в истории не продолжалась так долго и не сопровождалась такими жертвами.

И после того, как кошмар первой блокадной зимы остался позади, жизнь в Ленинграде не стала легкой. Немецкая артиллерия продолжала обстреливать город до самого конца осады специально с целью подавить моральный дух гражданского населения. Правда, обстрелы были уже не такими интенсивными, как в первые месяцы. Все же полностью они так и не прекратились[55]. Зато с продовольствием уже не было такого бедственного положения. Более того, в Ленинграде в последующее время было, пожалуй, даже больше продуктов питания, чем в других районах СССР. Для многих категорий населения был предусмотрен более насыщенный рацион. Постепенно стало возобновляться производство, разумеется, в рамках того, что позволяло оборудование, оставшееся после эвакуации наиболее ценных станков и агрегатов: по сравнению с довоенным временем на крупных промышленных предприятиях города действовало лишь 30 % производственных мощностей[56]. Тем не менее возобновился выпуск продукции для фронта и самых неотложных нужд города. Общественный транспорт возобновил движение 15 апреля 1942 г. Население получало теперь электричество и тепло.

Факторы стойкости

Выдержать осаду и не склонить головы перед врагом — это подвиг, вписанный в летопись славы Ленинграда. Каждый, кто занимался историей блокады, не мог не задаваться вопросом, как оказалась возможной подобная стойкость, особенно в первую зиму.

С чисто военной точки зрения оборона Ленинграда, как отметил позже один из самых активных ее организаторов, представляла собой классический образец борьбы в осажденной крепости, пожалуй, даже анахроничной в эпоху, когда средства ведения войны приобрели не просто мобильность, но и способность к передвижению на больших скоростях[57]. Город имел свои форты, бастионы, траншеи. С сентября 1941 по январь 1944 г. линия обороны почти не претерпела изменений. Одним из основных видов боевых операций постепенно сделались артиллерийские дуэли, особенно после того как перед советскими артиллеристами была поставлена задача контрбатарейной борьбы, которую они в значительной мере сумели выполнить[58]. Сражающиеся бойцы были обеспечены питанием даже в те дни, когда жители города тысячами умирали от голода. Впрочем, с ноября 1941 по февраль 1942 г. солдатский паек тоже был урезан.

Лишь части на передовой, отстаивавшие свои позиции в суровых зимних условиях, получали 500 г хлеба и рацион, равноценный 2600 калориям. В тылу и штабах эти показатели составляли соответственно 300 г и 1600 калорий. Еще меньше получали вспомогательные службы, укомплектованные гражданскими лицами[59]. Так что армия тоже вынуждена была сражаться при минимальной норме потребления, причем в декабре 1941 г. ей угрожало прекращение выдачи даже этой голодной нормы.

И все же вооруженное сопротивление не прекращалось ни на миг. Наиболее опасным участком фронта был южный сектор, на котором действовали германские войска. На севере финские части не вели наступательных операций; в целом правители Хельсинки были довольно безразличны к судьбе Ленинграда. В ходе ожесточенных боев в сентябре 1941 г. Жуков смог снять часть войск с северного участка фронта, чтобы бросить их против гитлеровцев, пытавшихся прорваться с юга[60]. Финны тем не менее до самого конца участвовали в осаде города и внесли свой вклад в проведение операций, с помощью которых немцы пытались помешать перевозке грузов по Ладожскому озеру[61].

Защитники Ленинграда показали замечательную стойкость, но самой по себе ее было бы недостаточно, если бы в тылу гражданское население не проявляло еще более поразительное мужество. Ленинградцы, как и все люди, не родились героями. В большом городе встречаются всякие люди: и эгоисты, и спекулянты, и воры. Существует много воспоминаний, в которых с презрением упоминаются подобные типы. В условиях, когда смерть витала над каждым, попадались люди, которые «не останаливались ни перед чем»: вытаскивали у соседа хлебную карточку — а это было равносильно тому, чтобы разорвать последнюю тонкую нить, связывающую человека с жизнью, — или обвешивали покупателей в булочной[62]. Хищение продовольствия, особенно вначале, представляло собой серьезную угрозу. Наряду с этим имели место случаи обмана, продиктованные не корыстью, а реакцией людей на сложившиеся обстоятельства. В октябре 1941 г. появилась необходимость произвести обмен всех продовольственных карточек, так как в обращении оказалось слишком много фальшивых. После этого на каждый случай потери карточек стали смотреть с подозрением. Для усиления контроля было постановлено, что каждый обладатель продуктовых карточек может выкупать свой скудный паек в одном-единственном магазине[63]. Труднее было предотвратить использование карточек умерших: практически невозможно было наладить учет смертности. В начальный период городские власти опасались нападений на булочные или распространения настроений в поддержку идеи объявить Ленинград «открытым городом»[64]. Впрочем, поражает не столько то, что подобные настроения проявлялись каким-то образом, сколько то, что они почти не распространялись.

По заслуживающим доверия свидетельствам, наиболее тяжелыми

в моральном отношении для ленинградцев были не дни кошмарного голода, а первые дни блокады. Людей охватил ужас перед завтрашним днем. Но и тогда не было паники[65]. «Мы все стали какие-то каменные», — записала некоторое время спустя, во время бомбардировки, в своем дневнике ленинградская преподавательница, на глазах у которой умерли муж и сын[66]. Под гнетом все новых невзгод люди становились как бы нечувствительными к страданию. Каждый, кто мог, пытался не прекращать работу, потому что работа была «единственным спасением от одиночества, единственным способом наполнить смыслом собственное существование, единственным средством участвовать в борьбе с ненавистным врагом, побеждать страх и отчаяние»[67]. Врачи продолжали трудиться в неотапливаемых и почти не освещаемых больницах, где к тому же не хватало медикаментов. Полумертвые от истощения люди, с трудом переставляя ноги, ходили в свои учреждения. Станки на заводах стояли, но немногие оставшиеся на предприятиях рабочие пытались продолжать делать что-нибудь вручную. Библиотеки были открыты максимально возможное количество часов в день. Почти символически, но продолжал функционировать университет. Похожие на призраков артисты продолжали работать над спектаклями даже за несколько дней до смерти. Горе рождало глубокую ненависть к захватчикам, и эту ненависть усиливало чувство скрытой гордости за собственную способность не сгибаться ни перед чем. «Эти люди-тени отлично сознавали свое моральное превосходство и гордились грандиозностью своего подвига», — сказал потом Корней Чуковский, не принадлежавший, как известно, к любителям риторических фраз[68].

Несколько слов следует сказать о ленинградской партийной организации и ее руководителях. Они также жили на казарменном положении в своих учреждениях. Главный штаб обороны неизменно помещался в знаменитом своими революционными традициями Смольном, где городской партийный комитет обосновался с самого 1917 г. Просчеты, допущенные сталинским правительством накануне войны, имели тяжелые последствия для Ленинграда, города, находящегося столь близко к границе. С началом войны эти просчеты были усугублены непредусмотрительностью местных властей, захваченных врасплох стремительным развитием событий на фронтах. Разумеется, никто не мог заранее предвидеть ситуацию 900-дневной блокады. Но дело было не только в этом. В общей сумятице первых месяцев как местное, так и центральное руководство принимало порой ошибочные и запоздалые решения, которые затруднили положение города. Однако, когда Ленинград оказался отрезанным, его энергичные руководители, как военные, так и гражданские, сумели быть на высоте. Какую бы помощь они ни получали извне — а вначале эта помощь была весьма скудной, — рассчитывать им приходилось прежде всего на собственные ресурсы. Самые ответственные решения должны были принимать они. Не сдаваться, не дрогнуть — таков был их девиз. Сохранение Ленин-

града, скажет потом один из них, было «делом чести нашего поколения». Похожие слова произнесет незадолго до смерти и Жданов[69].

Ленинградские руководители управляли городом по законам военного времени, тем более суровым в условиях блокады. Никто не вправе был ожидать от них иного поведения. Единственный продолжавший функционировать в городе суд стал военным трибуналом. При рассмотрении случаев бандитизма или преступлений, связанных с хищением продуктов питания, он выносил беспощадные приговоры: расстрел на месте[70]. Тем не менее сама по себе суровая дисциплина еще не могла обеспечить поддержание порядка. Помимо всего прочего, работники милиции, на которых лежала эта задача, были истощены не менее других жителей города[71]. Крайняя суровость была необходимым, но еще недостаточным условием сопротивления. Ее важное значение проявлялось в том, что она давала осажденным ощущение законности, гарантированной и в сложившихся трагических условиях. «Есть было почти нечего, — рассказывал позже один из руководящих ленинградских работников, — но каждый знал, что его рацион не достанется никому другому. То, что каждый должен получить, будет им получено»[72]. Лишения разделялись всеми: руководителями и рядовыми работниками, политическими и военными деятелями и простыми гражданами. А ведь само распределение имевшихся жалких запасов продовольствия было по-своему выдающимся подвигом. Кусочек хлеба, который выдавался ленинградцам, был совсем крошечным, но не было дня, когда бы он не был выдан. Продовольственные запасы находились под железным контролем. Лишь немногие в руководстве знали правду о подлинных размерах этих запасов[73]. Но даже когда они совсем было подошли к концу, никто из них не растерялся.

Не меньшим подвигом было устройство пути сообщения по Ладожскому озеру. Разумеется, прежде всего то была заслуга всех, кто непосредственно участвовал в создании этой дороги. Но уже сам факт, что она была задумана, а потом реализована, свидетельствовал о большой изобретательности, которая могла быть порождена лишь крайней нуждой и решимостью не сдаваться. Эта решимость наполняла людей, даже когда казалось, что все пропало. На протяжении тех недель, что не действовал водопровод, случались дни, когда вода не подавалась и в пекарни. Тогда юноши и девушки выстраивались цепочкой и передавали ведра из рук в руки, как на пожаре. С таким же упорством неопытные и не имеющие необходимых инструментов люди, к тому же предельно истощенные голодом и лишениями, заготавливали дрова в лесу и перевозили необходимые грузы. Вот эта способность мобилизовать даже самые последние силы ленинградцев на организацию отпора врагу доказывает, что руководство города сумело сохранить тесную связь с населением. Даже когда надо всем, казалось, царствовала смерть, не прекращались попытки как-нибудь скрасить жизнь людей. В общественных местах были организованы помещения, где можно было про-

вести несколько часов в относительном тепле, почитать книгу, поговорить с кем-то, кто способен был ободрить и утешить. Кое-где была организована также раздача кипятка: наряду с кусочком хлеба это было тогда единственным питанием. Добровольцы ходили по домам, помогали тем, кто не мог передвигаться, собирали осиротевших детей и отводили их в еще действующие детские сады. Все это было каплей в море страданий. Но помощь эта усиливала чувство солидарности.

Эта же самая решимость позволила спасти основную часть ленинградского промышленного потенциала. Пока не прекратилась подача энергии, заводы и фабрики работали — работали, несмотря на голод, бомбардировки и близость фронта. Когда они замерли, в цехах осталось незначительное число людей. Потери среди рабочих были очень велики, хотя они и получали немного больший паек, чем другие категории населения[74]. Как только сообщение между Ленинградом и внешним миром было восстановлено, часть оборудования была эвакуирована. Но работа на предприятиях все равно возобновилась — свидетельство воли ленинградцев возродить свой город.

Иностранные гости, прибывшие в Ленинград после ликвидации блокады, отметили, что Жданов, остававшийся во главе городского руководства на протяжении всей осады, пользуется у местных жителей даже большей популярностью, чем Сталин[75]. Лишний раз напомнить о твердости, с какой он руководил Ленинградом, вовсе не значит преуменьшить поразительную стойкость ленинградцев. Напротив, без этой стойкости ни один руководитель не смог бы ничего добиться. В этой душевной твердости пытались усмотреть отзвук местного патриотизма, как бы наложившегося на общенациональный патриотизм, сплотивший русских на борьбу с врагом[76]. В таком предположении, несомненно, есть доля истины. В любви ленинградцев к своему городу сплелись воедино старые традиции русской культуры, неугасшая революционная страсть и своего рода гордость обитателей бывшей столицы. «Ленинград — это моя родина, мой город, мой дом; тысячи ленинградцев испытывают то же самое чувство», — говорил Шостакович в начале блокады[77].

Огромное большинство населения понимало, кроме того, что спасение от гитлеровцев может принести лишь беспримерное мужество и столь же беспримерное чувство собственного достоинства. Бесчеловечному натиску захватчиков ленинградцы противопоставили сверхчеловеческую силу воли. Цена сопротивления была ужасающей. Но еще более тяжкой была бы расплата за капитуляцию. Таков ключ к пониманию истории обороны Ленинграда во второй мировой войне. «Никто не забыт и ничто не забыто», — гласит высеченная на памятнике павшим жителям города строка из стихов поэтессы Ольги Берггольц, тоже пережившей блокаду. Годы спустя на эти слова эхом откликнулся американский историк, автор наиболее обширной работы о ленинградской обороне, появившейся на Западе: «Память об этих 900 днях будет жить вечно»[78].

V. СТАЛИНГРАД

Поражения под Керчью и Харьковом

Второй год войны начался неудачно для СССР: два новых военных поражения и неверный стратегический расчет плюс тяжелые последствия от хода военных действий в 1941 г.

Когда зимнее наступление советских войск выдохлось, советское командование поняло, что с приходом лета немцы вновь овладеют инициативой[1]. Данные агентурной разведки указывали: на этот раз массированный удар будет нанесен на юге, а не в центре, как годом раньше. Но, как это уже случилось раньше, разведданные не были приняты во внимание должным образом. Сталин и его главные сотрудники продолжали считать, что основной целью вражеского удара по-прежнему будет Москва[2].

В советском командовании не было единого мнения насчет того, как ответить на немецкий удар. Опытный начальник Генерального штаба Шапошников (вскоре из-за болезни он уступит пост своему ученику Василевскому) предлагал перейти к обороне по всему фронту, с тем чтобы измотать немцев и накопить резервы для дальнейшего наступления. Жуков со своей стороны предлагал нанести удар по вражеской группировке в районе Ржева и Вязьмы, наиболее близкой к Москве. Еще более далеко идущий план был предложен Тимошенко: он предусматривал наступление по всему центрально-южному участку советского фронта с выходом на Гомель, Киев, Николаев. Сталин колебался. Он понимал, что Шапошников прав, говоря об отсутствии достаточных сил, но в то же время не хотел «бездействовать». Так родилось двусмысленное решение: переход к обороне должен был сопровождаться целой серией частичных и ограниченных наступательных операций[3]. Именно в отсутствии четкого выбора между оборонительными и наступательными целями другие военачальники усмотрели впоследствии наиболее пагубную ошибку. Ошибка эта отчасти предопределялась тем, что Сталин недооценивал мощь противника. В своем первомайском приказе он требовал, чтобы «1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск» и освобождения оккупированной территории[4].

Однако ситуация на советско-германском фронте ухудшилась. В мае советские войска потерпели два поражения одно за другим. Неприятности начались на крайне южном участке фронта. После удачной высадки десанта под Керчью на Керченском полуострове были сосредоточены крупные силы, перед которыми была поставлена задача освобождения всего Крыма. Но немцы нанесли удар первыми и за считанные дни сумели опрокинуть советские войска. Командование войсками осуществлялось плохо, части в беспо-

рядке отступали, неся большие потери. Так вместо многообещающего успеха Керченская операция обернулась тяжелым поражением. Невозможной стала и дальнейшая оборона окруженного Севастополя. Несколько генералов, начиная с командующего Крымским фронтом Козлова, были понижены в должности. Понижение коснулось и Мехлиса, одного из самых активных участников сталинских репрессий 1937 г., которого ненавидели в армии за полицейско-инквизиторские методы. Мехлис был направлен в Крым в качестве представителя Ставки, но его деятельность на месте, по оценке самого Сталина, принесла больше вреда, чем пользы (через непродолжительное время он все же нашел способ вновь выбраться наверх)[5].

Бедственное положение сложилось и под Харьковом. Дело в том, что от всего обширного замысла Тимошенко остался к этому времени лишь план ограниченного наступления с целью освобождения города. Начавшееся 12 мая с одного из плацдармов, оставшихся зимой в руках советских частей, оно, казалось, на первых порах развивалось успешно. Однако именно на данном участке фронта немцы концентрировали войска для летней кампании. Контратаками по флангам наступающих они вскоре создали угрозу отсечения их от основных сил. Тимошенко и Сталин недооценили опасность, несмотря на предостережения Генерального штаба. Приказ о прекращении наступления был отдан лишь 19 мая, когда было уже слишком поздно*. Три советские армии были окружены и понесли тягчайшие потери. В окружениях погибли многие командиры частей и соединений[6]. Было потеряно огромное количество оружия и военных материалов. К началу лета Красная Армия оказалась серьезно ослабленной как раз на южном участке фронта, где немцы готовились перейти в наступление.

После огромных потерь, понесенных в первый год войны, Гитлер уже не в силах был повторить наступление по трем направлениям одновременно, как он это попытался сделать в июне 1941 г. Однако, имея свободу рук на западе, он мог сосредоточить на Восточном фронте максимум военных ресурсов. Теперь он поставил

---

* Поражение под Харьковом, как и киевская катастрофа 1941 г., после смерти Сталина стало предметом историко-политической полемики. В своем «секретном докладе» на XX съезде КПСС Хрущев, который в начале 1942 г. был комиссаром при Тимошенко, утверждал, что лично звонил Сталину и просил приостановить наступление на Харьков. Но Сталин не захотел даже разговаривать с ним и отказался менять распоряжение. Именно в этой связи Хрущев сделал заявление, ныне опровергнутое многочисленными авторитетными свидетельствами, о том, что Сталин якобы планировал военные операции по глобусу (Kruscev ricorda, p. 607—608). Два крупнейших советских военачальника впоследствии изложили две совершенно разные версии эпизода с телефонным звонком Хрущева. Василевский (*А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 192), на которого непосредственно ссылался Хрущев, по существу, подтверждает его рассказ и датирует его 18 мая. Жуков (*Г. К. Жуков*. Воспоминания и размышления. М., 1975, т. 2, с. 69), напротив, утверждает, что присутствовал при этом телефонном разговоре, и отрицает, что Хрущев предлагал остановить наступление.

задачу достижения прежней стратегической цели — вывести СССР из войны как боеспособную силу — путем операции более избирательного свойства. Наступление должно было сосредоточиться целиком на южном направлении. Германские войска получили директиву выйти к Кавказу и нижнему течению Волги, чтобы лишить Советский Союз его главных экономических ресурсов: угля и промышленных предприятий Донбасса, хлеба Кубани и Поволжья, нефти Баку. Установление контроля над великой русской рекой должно было повлечь за собой, кроме того, лишение Советского Союза главной водной артерии, соединяющей центральные и южные районы.

Даже урезанный подобным образом нацистский замысел, как можно видеть, отличался грандиозностью притязаний[7]. Гитлер к тому же не отказывался от других целей: он по-прежнему требовал захвата Ленинграда. Мало того, он вынашивал гигантские планы на период после победы своих войск на юге. Эти планы включали, в частности, поворот германских армий от Сталинграда фронтом на север и их наступление вдоль Волги до самой Москвы, а также прорыв в южном направлении с выходом на Ближний Восток, в район, жизненно важный для Британской империи[8]. Чтобы восполнить потери, Гитлер заставил союзников Германии — румын, венгров, словаков и итальянцев — предоставить в ее распоряжение еще более многочисленные контингенты войск, чем в предыдущем году.

Немецкое наступление началось 28 июня атакой на Воронеж. Двумя днями позже гитлеровцы нанесли удар южнее. Советское командование по-прежнему считало, что целью противника остается Москва. Контрудары поэтому наносились преимущественно с севера на юг, дабы предотвратить прорыв врага в район Центральной России. Эти усилия смогли сдержать натиск наступающих в направлении Воронежа, но не отбросить их назад. Немцы между тем нацеливались не на Москву, а в юго-восточном направлении, вдоль Дона. Когда это стало явным, главной заботой советского командования стала задача избежать новых катастрофических окружений на южном участке фронта. В первых числах июля Юго-Западному фронту было приказано отступать с боями в большую излучину, которую Дон образует в своем нижнем течении перед поворотом на запад и впадением в Азовское море[9].

Приказ № 227

По прошествии времени это решение выглядит если и не абсолютно верным, то, во всяком случае, и не совершенно ошибочным. В самом деле, советскому командованию удалось избежать окружения и уничтожения основных сил на юге, что было одним из главных намерений противника. Таково суждение советских военных историков, подтверждаемое по большей части и немецкими[10]. Но

это только одна сторона дела. Отступление — всегда трудная операция. Тем более трудным оно было для армии и для народа, которые пережили страшный опыт 1941 г. Отступление проходило поэтому далеко не в строгом порядке. Правда, советские части продолжали оказывать сопротивление, как о том свидетельствуют цифры немецких потерь[11]. Но в целом эти бои были тяжелыми и неудачными для советской стороны. Личным составом подразделений легко овладевала паника, а штабами — чувство безнадежности. Наиболее искренние из мемуаристов впоследствии не скрывали этой горькой правды. Целые части беспорядочно скучивались у речных переправ, становясь легкой мишенью для германской авиации. В степи встречались разрозненные подразделения, не знающие, куда идти, и озабоченные лишь тем, чтобы убежать от стремительно надвигающегося противника[12]. Вперемешку с солдатами на восток в поисках спасения двигались группы беженцев. К моменту выхода на новые оборонительные рубежи советские дивизии были сильно измотаны и ослаблены.

В середине июля, когда немцы почти достигли крайней восточной точки излучины Дона, там, где он ближе всего подходит к крайней западной точке течения Волги, то есть Сталинграду, Советское Верховное Главнокомандование вынуждено было взять из своего стратегического резерва целых три армии — 62-ю, 63-ю и 64-ю — и бросить их на защиту этого города. Но в предвидении удара в более северном направлении эти армии были ранее сосредоточены у Тулы и Саратова, довольно далеко от того участка, над которым теперь нависла угроза. Спешно, но с большим трудом переброшенные к Сталинграду, они вынуждены были вступать в бой по частям, по мере прибытия на фронт[13].

Отступление деморализующе действовало на население. Красная Армия покидала плодоносные области в глубине России, которых захватчикам не удалось достигнуть даже в бедственный предыдущий год. К тому же если в 1941 г. гитлеровское нападение действительно захватило страну врасплох, то 12 месяцев спустя ссылка на это обстоятельство уже не убеждала. «Были казаки, да все вышли. Наши деды на Дон врага не пускали...» — бросила в лицо генералу Батову женщина в одной из покидаемых станиц[14]. Молодой лейтенант Некрасов, который станет позже известным писателем, долго помнил испытующие, молчаливо вопрошающие взгляды, которыми провожали его, уходящего на восток, крестьянки в придорожных селах. Да и уроженцам областей, далеких от этих мест, «горькое лето» 1942 г. казалось «более страшным, чем лето 1941 г.»: гнетущее чувство «смертельной опасности» охватило страну даже больше, чем годом раньше[15].

Тревога переросла в животный страх, когда немцы, форсировав Дон в нижнем течении, вновь заняли 24 июля Ростов и вырвались на равнину к северу от Кавказа. Вторичная утрата Ростова — это один из тех эпизодов войны, которые все советские историки

обходят молчанием в своих реконструкциях событий[16]. Под Ростовом также стояла задача избежать окружения, задуманного немецким командованием. Но когда город был оставлен, пошли разговоры, в которых намеками давалось понять, что причиной было если не прямое предательство, то уж, во всяком случае, полная растерянность и бездарность командования, бегство частей еще до поступления приказа об отходе[17]. В подтверждение подобной порочащей версии никогда не было приведено ни одного доказательства. Но дело ведь было не в одном Ростове. В тот момент отступление грозило превратиться в повальное бегство.

Участь Ростова, казалось, вот-вот постигнет и Сталинград. Город на Волге находился в не менее опасном положении, чем Ростов. Местные руководители испытывали сомнения насчет его дальнейшей судьбы. Из Москвы уже прибывали правительственные уполномоченные для ускорения эвакуации заводов. По указаниям все той же Москвы штаб военного округа отбыл в Астрахань. Самые мрачные слухи ходили среди гражданского населения, порождая первые приступы паники. Но Сталинград стал и местом первой животворной встряски. В ночь на 20 июля Сталин позвонил секретарю обкома Чуянову и заявил, что пора перестать думать только об отступлении. Чтобы больше не было никаких разговоров об эвакуации. Предприятия должны оставаться на месте и еще напряженней работать на фронт — иначе их руководители будут преданы суду военного трибунала. Командованию округа надлежит в 24 часа вернуться в Сталинград. Необходимо вести «беспощадную борьбу» с паникерами: город не должен пасть[18].

Правительство страны сознавало, что наступил момент, когда необходимо было любой ценой обеспечить курс на сопротивление врагу. После падения Ростова 28 июля Сталин подписал суровый приказ № 227. Два дня спустя он был зачитан во всех армейских подразделениях. Прошло много лет, но до сих пор многие фронтовики вспоминают этот приказ с содроганием. Из обнародованных отрывков мы знаем, что он начинался перечислением территориальных потерь, понесенных страной: «Мы потеряли более 70 млн. населения, более 800 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. т металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба... Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке... Если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог». «Каждую позицию», «каждый клочок советской земли» следовало отныне защищать «до последней капли крови». Весь приказ был написан в подобном высокодраматическом тоне. Врагу, говори-

лось в нем далее, можно нанести поражение. Достаточно продержаться «ближайшие несколько месяцев». Но для этого, однако, необходимо во всех частях установить «строжайший порядок и железную дисциплину». Паникеры и трусы должны истребляться на месте, говорилось в приказе. Перед каждым было жестко поставлено требование: «Ни шагу назад без приказа высшего командования...»[19] Именно под этим девизом — «Ни шагу назад!» — и вошел в историю этот приказ.

Воздействие приказа было «колоссальным», сообщают нам авторы всех воспоминаний[20]. Чтение его дополнялось интенсивной пропагандистской работой политработников с целью поднять дух у офицеров и солдат, вдохнуть в них снова стойкость. В тоне прессы зазвучал металл, наряду со старыми якобинскими мотивами слышались новые ноты: подчеркивалась национальная гордость. Отступление без письменного приказа стало рассматриваться уже не только как бесчестье, но и как преступление. Причем там, где одними призывами, по-видимому, не удавалось изменить положение, в ход шли, как их деликатно именует современная официальная история, «самые строгие меры»[21]. В частности, были произведены многочисленные расстрелы без суда и следствия военнослужащих разных рангов и званий[22]. На Кавказ Сталин послал главу полиции Берию, который применил там свои излюбленные методы[23]. Как это уже произошло летом 1941 г., после расстрела Павлова, установки нового приказа поначалу применялись на практике настолько круто, что вскоре потребовалось внести некоторые коррективы. Необходимо действовать, как было объяснено, больше убеждением и меньше репрессиями[24]. Тем не менее в общем и целом сталинский приказ, отвечавший настроениям населения, которое внутренне противилось безысходности поражения, сыграл роль удара хлыстом. И удар этот повлек за собой позитивные последствия, хотя и не был, разумеется, единственным фактором перелома в ходе войны.

Битва на Волге

Начало Сталинградской битвы датируется советскими историками 17 июля, когда части 62-й армии (одной из трех советских армий, взятых из резерва главного командования) вошли в соприкосновение в излучине Дона с передовыми частями группировки германских войск под командованием генерала Паулюса. Битва эта продлится до первых дней февраля следующего года, то есть шесть с половиной месяцев. С обеих сторон в ней участвовало более двух миллионов человек. Эта битва с полным правом считается самым крупным сражением второй мировой войны. Рассказать о ней означает рассказать обо всем том главном, что случилось с СССР на втором году войны. В самом деле, оборона Кавказа — другой важнейший участок боевых действий советских войск в тот период есть

не что иное, как своеобразное «приложение» к великой схватке в междуречье Дона и Волги. Это не значит, что одновременно на советско-германском фронте не велось других боевых действий. Бои шли, бои тяжелые, кровопролитные, но им не суждено было остаться запечатленными в золотой книге славы[25]. И все же по отношению к главному эпизоду противоборства они носили лишь вспомогательный характер: некоторые авторы военно-исторических трудов впоследствии критически отзывались о них, потому что они отвлекали на себя слишком много сил и вели к чересчур большим потерям в личном составе[26].

Первые сражения были проведены советскими войсками не лучшим образом: еще сказывалась тягостная атмосфера отступления. К тому же не все подкрепления были введены в действие. Со временем противник встречал все более энергичный отпор. Как и в других местах, население Сталинграда было мобилизовано на сооружение оборонительных рубежей на подступах к городу. Сопротивление советских войск было облегчено к тому же ошибкой нацистов, обусловленной их высокомерной самоуверенностью. В середине июля, решив, что с противником покончено, Гитлер вывел свою мощную 4-ю танковую армию из состава войск, наступавших на Сталинград, и присоединил ее к дивизиям, нацеленным на Кавказ. Город на Волге, по расчетам фюрера, можно было захватить и оставшимися частями. Вскоре он обнаружил свой промах и к концу месяца вынужден был снова повернуть танки к Сталинграду, для которого, таким образом, возникла угроза не только с запада, но и с юга[27]. Но и тогда нацистской армии не удалось добиться решительного успеха. Советские войска теперь сражались более организованно и стойко. С 17 июля по 17 августа немцам удалось продвинуться не более чем на 60—80 *км*[28].

И все-таки враг, пусть медленно, приближался к городу. Советские войска отошли на оборонительные позиции, спешно подготовленные населением. Но в середине августа, когда немцам удалось произвести перегруппировку войск, эти рубежи не могли их сдержать. Немцы форсировали Дон. Наступил трагический день 23 августа, когда прорвавшиеся немецкие танки вышли к Волге на северной окраине Сталинграда. Чтобы преградить им путь к находящимся рядом крупным заводам, навстречу танкам был брошен наспех сформированный заслон из рабочих батальонов и частей НКВД[29]. В тот же день немецкая авиация, обрушиваясь на город волна за волной, подвергла его массированной бомбардировке. К вечеру он был объят «морем пламени»[30]. Так начались массированные воздушные налеты, которые продолжались каждый день вплоть до конца месяца.

В ночь с 23 на 24 августа Сталин предупредил своих генералов в Сталинграде, чтобы они не поддавались панике. Сам же он при этом не был убежден, что армия сможет удержать Сталинград. Напротив, он опасался, что город будет сдан немцам с минуты на минуту. 27-го он вызвал Жукова, только что назначенного заместите-

лем Верховного Главнокомандующего, и предложил ему отправиться в Сталинград[31]. Задачей ему было поставлено взять на себя руководство наступлением с севера на немецкие части, прорвавшиеся к Волге. Прибыв на место 29 августа, Жуков вскоре вынужден был констатировать, что войска, предназначенные для проведения операции, еще не готовы. На протяжении нескольких следующих дней подготовка их велась со всей возможной поспешностью, подстегиваемая постоянными напоминаниями Сталина. «Сталинград могут взять сегодня или завтра... — гласила его телеграмма от 3 сентября. — Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению»[32]. Контрнаступление с севера началось наконец 5 сентября. Оно продолжалось в течение нескольких дней, но не принесло никаких ощутимых результатов, если не считать того, что немцы вынуждены были оттянуть часть своих сил из-под Сталинграда и тем ослабить свой напор[33].

12 сентября немцы прорвались и на южную окраину Сталинграда. С этого момента борьба шла уже, собственно, в городе. Родившись посреди степи, на скрещении караванных троп с речным путем, Сталинград как бы припал к Волге. В те времена это была узкая полоска городских кварталов, вытянувшаяся по правому берегу реки примерно на 60 *км* (сейчас протяженность его еще больше) и нигде не отступающая сколько-нибудь значительно в степь. Перед войной в городе было почти полмиллиона жителей[34]. За время довоенных пятилеток здесь было построено несколько крупных заводов, названия которых были известны всей стране. Несмотря на приближение немцев, к концу августа почти все гражданское население — около 400 тыс. человек — находилось еще в городе. 25 августа было провозглашено осадное положение[35]. На улицах воздвигались баррикады, которые, по правде говоря, не очень-то способны были задержать танки[36]. Сталинские приказы, послужившие стимулом к большей стойкости сопротивления, в то же время блокировали все планы эвакуации населения. И вот теперь, в последние дни августа — первые числа сентября, сталинградцам приходилось переправляться через Волгу в немыслимых условиях: город был объят пожаром, причалы разбиты, немецкая авиация бомбила все суда. Число погибших было очень велико. Несколько десятков тысяч человек, большей частью мужчин, несмотря ни на что, остались в городе, чтобы участвовать в его обороне[37].

Вот на этой узкой полоске городской территории и окопались прижатые спиной к реке остатки 62-й армии. Командовал ими генерал Чуйков, человек сорока с небольшим лет, лишь за несколько месяцев до того вернувшийся из Китая, где он был военным советником при правительстве Чан Кайши. Это был решительный и грубоватый человек, отважный и волевой, весьма энергичный как в поступках, так и в выражениях. «Только такой, как он, — скажет позже один из прославленных советских полководцев, — мог выстоять и удержать в руках эту кромку земли»[38]. Прибыв в Сталин-

град, Чуйков уже не покидал его до конца битвы. Проникшийся решимостью ни при каких обстоятельствах не дать немцам сбросить себя в реку, он твердо управлял своими войсками из командных пунктов, находившихся в 200—300 *м* от вражеского переднего края. Не раз их приходилось менять из-за попаданий бомб и снарядов[39].

Множество томов написано о Сталинграде[40]. История его обороны, следовательно, известна. Вот как выглядел город в те дни, по рассказу одного из участников боев: «Пламя пожаров поднималось на несколько сот метров. Фашистские самолеты пролетали над головой. Не только земля, но и небо дрожало от разрывов. Тучи дыма и пыли резали глаза. Здания рушились, падали стены, коробилось железо. Казалось, что все живое здесь погибнет, но люди шли в бой»[41]. Мало того, с момента начала штурма и до самого конца немцы, атакуя в этом кромешном аду, неизменно наталкивались на ожесточенное сопротивление.

Собственно военная история обороны Сталинграда может быть сведена к нескольким строкам. Дивизии Паулюса развернули массированное наступление 13 сентября, нанося удар в южной части города. Здесь им удалось прорвать оборону и выйти к Волге, отрезав 62-ю армию от 64-й, оборонявшейся непосредственно к югу от города. Самыми ужасными для защитников были дни 13, 14 и 15 сентября. Положение спасла контратака новой дивизии — прославленной 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева, которая была переправлена с левого берега в течение двух предыдущих ночей. Началась отчаянная борьба за высоту 102, более известную под именем Мамаева кургана. Ее огромная важность определялась тем, что она господствовала над городом и рекой. Высота эта бесчисленное множество раз переходила из рук в руки, бои за нее шли вплоть до последнего дня, так что Мамаев курган превратился в конце концов в месиво из земли, осколков и крови. Бои в Сталинграде велись с предельным ожесточением, на протяжении всего сентября. Немцы бросали сюда все новые подкрепления, что постепенно вынудило и советское командование ввести в бой шесть резервных дивизий, «так как от старого состава 62-й армии, по сути дела, ничего не осталось»[42]. В конце сентября — начале октября острие немецкого наступления переместилось в северную часть города, где находились рабочие районы и знаменитые заводы: Сталинградский тракторный, металлургический «Красный Октябрь» и «Баррикады». Плацдарм, который удерживала тогда 62-я армия, имел в глубину от 100 *м* до 2,5 *км*.

За время сражения в Сталинграде ни разу не было ни одной передышки: шли постоянные бои, лишь более или менее напряженные. Тем не менее 8 октября Паулюсу пришлось сделать частичный перерыв в атаках, чтобы перегруппировать свои части и подтянуть подкрепления. 14-го он возобновил наступление крупными силами, вновь пытаясь прорваться в северной части города. Для

советских войск то был самый критический момент. Немцы захватили тракторный завод и достигли Волги также в северном секторе обороны. Казалось, достаточно еще одного маленького усилия, и Сталинград будет в их руках. И все-таки им не удалось подавить последние очаги советского сопротивления, хотя силы защитников тоже были на исходе. Четыре дня спустя наступающие выдохлись и к концу месяца вынуждены были снова остановиться. Лишь тогда Чуйков понял, что победит[43]. Последнее наступление Паулюс начал 11 ноября. Ему удалось выйти к Волге в третьей точке и в последний раз поколебать оборону защитников города, но и тогда он не смог достичь окончательных результатов.

Однако чисто военный анализ мало что объясняет. Хотя Сталинград и называли «советским Верденом»[44], его оборона почти не имеет аналогий. Бои шли и днем и ночью: советские солдаты дожидались темноты, чтобы контратаковать в условиях, когда противник не может использовать свое превосходство в авиации. Были дни, когда один и тот же участок обороны выдерживал до 12 атак. Все с той же целью избежать ударов авиации защитники максимально приближали свой передний край к немецким позициям — практически на расстояние броска гранаты. Сражались за каждую улицу, за каждый дом, потом внутри каждого дома за каждый этаж, каждую квартиру, каждый подвал. Любая стена или сооружение превращались в укрепленные пункты. Заводы были превращены в груды битого кирпича и искореженного железа, но и среди руин шло сражение за каждый метр пространства. Самыми предпочтительными видами оружия были минометы, гранаты, пулеметы, автоматы, а также штык и нож. На относительно спокойных участках действовали снайперы.

В скором времени советские войска продемонстрировали свое превосходство в такого рода ближнем бою[45], не похожем ни на что известное, включая и окопные стычки 1914—1918 гг. Современные средства ведения войны давали тут лишь относительный эффект. Бой в городе, писал впоследствии Чуйков, — это особый бой. Тут решает вопрос не сила, а умение, сноровка, изворотливость и внезапность. Принужденные к тому обстоятельствами, советские войска довели искусство ведения такого боя до совершенства; в частности, вместо обычных подразделений они действовали мелкими ударными группами[46]. Оставшиеся в городе жители участвовали в боях наравне с солдатами, и в конечном счете их зачисляли в состав частей.

Обе стороны несли большие потери. Для немцев, однако, они оборачивались еще непрерывным и усиливающимся моральным износом войск. Сталинград теперь стал «адом» для их солдат и офицеров, терявших здесь последние остатки боевого духа. День ото дня возрастал, напротив, пыл уцелевших защитников города, воодушевленных надеждой на близкий перелом в ходе борьбы и гордостью за совершаемый ими подвиг. Все в стране говорили и писали о них.

Участие в обороне Сталинграда на долгие годы вперед сделалось как был аттестатом героизма.

Авиация оказывала скудную поддержку защитникам Сталинграда; чрезвычайно большую пользу им приносила, напротив, тяжелая артиллерия, своевременно сосредоточенная на другом берегу Волги, где ей не угрожали непосредственно атаки немецкой пехоты[47]. Еще более ценный вклад в борьбу вносила Волжская флотилия. Не считаясь с тяжелыми потерями и риском, моряки вплоть до самого конца продолжали доставлять обороняющимся оружие, боеприпасы, продовольствие, подкрепления, эвакуируя на левый берег раненых. Судам приходилось курсировать главным образом по ночам, под постоянным огнем противника, державшего под обстрелом обширные участки реки. Напомним, что в ноябре советские войска удерживали в городе лишь небольшие предмостные укрепления, максимальная глубина которых не превышала полутора километров, но во многих местах сокращалась до нескольких сот метров.

Контрнаступление Василевского

С течением времени, впрочем, защитникам города также пришлось довольствоваться жестко ограниченным подвозом. Наличные ресурсы придерживались Верховным Главнокомандованием для новых крупных операций, которые готовились в это время. Естественно, возникает вопрос, не было ли такое поведение чересчур рискованным, особенно в октябре и ноябре, когда советский плацдарм в Сталинграде сокращался все больше[48]. Риск действительно был, и довольно большой. Но продиктован он был определенной логикой. Смысл упорной обороны Сталинграда не исчерпывался ее огромным политико-психологическим значением. В планах Советского Верховного Главнокомандования это была прежде всего битва на истощение, призванная приковать противника к данному участку фронта на то время, то количество недель, которое необходимо было для подготовки крупного контрнаступления.

Как родился план этого контрнаступления и кому принадлежало его авторство — это вопросы, которые в послевоенное время явились предметом дискуссии в СССР[49]. По наиболее правдоподобной версии, впервые этот план наметился в ходе узкого совещания в кабинете Сталина. Его идея возникла именно в связи с провалом многократно предпринимавшихся советскими войсками в сентябре попыток атаковать немцев к северу от Сталинграда. 12 сентября Жуков и Маленков (последний также был направлен Ставкой в Сталинград) передали в Москву доклад с анализом причин этой неудачи[50]. Жуков был вызван в столицу и в тот же день явился к Сталину для доклада вместе с Василевским. Выслушав информацию, Сталин погрузился в размышления. Два генерала в это время между собой «очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение».

«А какое «иное» решение?» — вдруг, подняв голову, спросил И. В. Сталин, который, не подавая вида, следил за их разговором, хотя и находился в нескольких шагах от них. Он предложил им явиться на следующий день с уточненным замыслом. Вечером следующего дня набросок общего плана контрнаступления был готов[51]. На протяжении того же месяца, сентября, он дорабатывался. Окончательный вариант был подписан по-прежнему лишь Жуковым и Василевским. Сталин ограничился тем, что просто написал «Утверждаю» и поставил свои инициалы[52].

Основные детали стратегического замысла были подсказаны советским военачальникам главными факторами слабости в расположении вражеских войск, постепенно обнажившимися в ходе боевых действий. Продвинувшись далеко на юг, немцы оставили слабо защищенными свои фланги: как северный, вдоль Дона, так и южный, в степях Прикавказья. Прикрывать фланги было доверено войскам союзников — итальянцам, румынам, венграм, — которые, как правило, были плохо вооружены и отнюдь не горели энтузиазмом продолжать войну на бескрайних просторах России. Советские командующие задумали нанести два удара именно по участкам, удерживаемым румынами: один — вдоль Дона, к северо-западу от Сталинграда, а второй — из района между двумя озерами, к югу от города. После прорыва советские танковые колонны должны были соединиться к западу от Сталинграда, чтобы замкнуть в окружении крупную группировку вражеских войск, штурмовавшую город. В случае успеха этой операции вдоль Дона, но еще больше к западу, предстояло нанести еще один удар на участке, удерживаемом итальянцами, с целью выйти к Ростову и отрезать нацистские войска, действующие на Кавказе. Как показали дальнейшие события, план основывался на верной в общем и целом оценке обстановки. Уже в сентябре, указывали Жуков и Василевский, немцы исчерпали наступательный порыв и, следовательно, не в силах были реализовать поставленные ими перед собой стратегические цели. У Красной Армии, напротив, имелись нетронутые ресурсы. В тылу формировались новые армии. Чтобы сделать их боеспособными, требовалось лишь время[53]. Жуков просил вначале для выполнения этого плана 45 дней. На практике ушло два месяца — как раз те месяцы, в течение которых солдаты Чуйкова среди развалин Сталинграда стойко держались под ударами армии Паулюса. В этом-то и заключалось огромное оперативное значение их сопротивления.

Контрнаступление на Волге было первой крупной военной операцией, спланированной и подготовленной советским командованием со всей необходимой тщательностью. Сосредоточение огромной массы войск и техники потребовало больших организационных усилий. Особенно тяжелая задача выпала на долю транспорта, но транспортники справились с нею. Приготовления делались в строжайшей тайне. Хотя немецкая разведка с середины октября стала замечать первые передвижения войск противника, командование вермахта так и

не сумело оценить масштабы ожидающего его удара, ибо снова недооценило советские ресурсы[54]. По мере того как приближался день наступления, в советских штабах росло возбуждение и нервное напряжение. «Будет и на нашей улице праздник!» — намекнул Сталин в своем приказе 7 ноября 1942 г.[55] Последнее совещание командующих состоялось в его кремлевском кабинете 13 ноября: датой начала наступления на нем было окончательно утверждено 19 ноября[56]. Однако в самый канун атаки генерал Вольский, командующий моторизованным корпусом, которому надлежало сыграть решающую роль в предстоящей операции, направил Сталину письмо, где говорилось, что наступление следует отложить, иначе неминуема катастрофа. Василевский, только что вернувшийся из инспекционной поездки в район будущих действий, сумел доказать, что Вольский не прав[57].

Операция началась в назначенный день, 19 ноября. В ней участвовали армии трех фронтов — Юго-Западного, Донского и Сталинградского, — которыми командовали соответственно генералы Ватутин, Рокоссовский и Еременко. Координировать их действия было поручено Василевскому[58]. Ватутин атаковал 19-го с севера, используя в качестве исходных позиций два небольших плацдарма за Доном, которые советские войска сумели удержать на протяжении предыдущих месяцев. Румынские части были опрокинуты, а спешно организованная немцами контратака не привела к восстановлению нарушенной линии обороны. Днем позже с не меньшим успехом противника атаковали армии южной группы; весьма достойно при этом действовал и генерал Вольский, несмотря на все сомнения накануне. 22-го обе группировки советских моторизованных клещей уже были близки друг к другу. 23-го они встретились у поселка Советский, близ Калача, в крайней точке большой излучины Дона. Вся сталинградская группировка немцев была окружена.

Однако самая трудная часть операции была еще впереди. В атмосфере общего ликования 23 ноября кое-кто помышлял о немедленном наступлении на Ростов. Сталин лично приказал Василевскому ускорить подготовку второго этапа операции (кодовое название «Сатурн» — речь шла о прорыве итальянского участка фронта; первый этап операции — окружение под Сталинградом — имел кодовое обозначение «Уран»). Но предпочтение все же было отдано другому решению: прежде чем перейти к выполнению новых задач, следовало сомкнуть кольцо окружения и приступить к уничтожению отрезанных вражеских войск[59]. В ближайшие же дни советское командование убедилось, что и это предприятие далеко не из легких. Задача советских войск оказалась затруднена поразительной ошибкой в расчетах. Командование полагало, что в мешок попало около 90 тыс. немцев; в действительности же их было втрое больше — по разным оценкам, от 250 тыс. до 300 тыс.[60] На протяжении многих дней советские атаки против окруженных войск не приносили успеха: солдаты Паулюса, которым Гитлер обещал

быстро прислать подкрепления для их деблокирования, оказывали отчаянное сопротивление.

Немцы действительно попытались спасти свои окруженные войска. Эта операция была поручена вновь созданной группе армий под командованием искусного генерала Манштейна, перед которым была поставлена задача разбить кольцо советского окружения и соединиться с Паулюсом. Начатое 12 декабря контрнаступление проходило первое время с видимым успехом: части Манштейна приблизились к окруженным на расстояние в каких-нибудь сорок километров. У советского командования имелся, однако, мощный резерв: 2-я гвардейская армия под командованием Малиновского. Эта хорошо оснащенная и полностью укомплектованная армия сначала предназначалась для ликвидации Паулюса с последующим броском к Ростову, но Василевский, несмотря на некоторые возражения, решил двинуть ее против Манштейна. Ее вступление в бой сыграло решающую роль, ибо позволило отбросить немецкие части дальше их исходных рубежей и восстановить между окруженными и стремившимися к ним на выручку войсками непреодолимое расстояние.

С некоторым опозданием, но все же началось и осуществление операции «Сатурн». 16 декабря был прорван фронт в среднем течении Дона, там, где его удерживали итальянцы. Из рук вон плохо экипированные и вооруженные, итальянские дивизии были опрокинуты с самого начала наступления. Окруженные и разбросанные, их солдаты большей частью погибли в заснеженной степи[61]. Цель советского наступления тем не менее была изменена. Вместо того чтобы вести его прямо на юг, к Ростову, удар был нацелен в юго-восточном направлении, чтобы создать угрозу с тыла армиям Манштейна. Стремясь избежать ловушки — попасть в нее означало бы навлечь опасность на всю южную часть германского фронта в России, — эти армии вынуждены были отойти.

К рождеству обреченность войск Паулюса в Сталинграде уже не вызывала сомнений. Их ликвидация, которую и можно считать заключительным моментом всего Сталинградского сражения, была тщательно подготовлена Красной Армией. Руководство этой финальной операцией, носившей кодовое название «Кольцо», было поручено Рокоссовскому, несмотря на обиду Еременко, который хотел, чтобы назначили его[62]. Первый из этих двух генералов зарекомендовал себя лучше: отбор наиболее талантливых полководцев происходил на поле боя.

Перед началом заключительного наступления Рокоссовский и бывший при нем представителем Ставки генерал Воронов предъявили окруженным ультиматум. Капитуляция, говорилось в нем, позволит избежать ненужного кровопролития[63]. Ответа они не получили. Гитлер приказал Паулюсу сопротивляться. Последнее наступление началось 10 января. Уже в ноябре немцы использовали в качестве оборонительных рубежей те укрепленные позиции, которые были сооружены летом для защиты подступов к Сталинграду. На этот раз

они снова старались удержаться на них. Маневрируя, Рокоссовский нанес удар в центре, чтобы рассечь окруженные части на две группы и уничтожить их по отдельности. Несмотря на безнадежность положения, немцы упорно сопротивлялись. Голодные, обмороженные, снабжаемые лишь с воздуха (а это означало — в ничтожной мере), части Паулюса продержались до конца января. 26 января наступающие с запада советские войска встретились у Мамаева кургана с солдатами Чуйкова, в свою очередь также перешедшими в наступление. 31 января Паулюс со своим штабом был взят в плен частями 64-й армии в подвале универмага [64]. 2 февраля сложили оружие последние группы сопротивлявшихся немцев.

Освобождение Кавказа

Самопожертвование 6-й армии Паулюса и контрнаступление, предпринятое фон Манштейном, позволили германским войскам на Кавказе отступить и избежать окружения, на которое возлагало надежды советское командование. Продолжительная битва за Кавказ заслуживает подробного рассмотрения, но нам, к сожалению, придется ограничиться самым кратким пересказом. После падения Ростова советское командование, вместо того чтобы буквально выполнять сталинский приказ «Ни шагу назад!», продолжало отводить войска до тех пор, пока предгорья Кавказа и другие естественные препятствия, вроде Терека, не позволили создать более эффективную линию обороны. Здесь войскам была поставлена задача преградить немцам путь на трех направлениях, по которым они рвались: к Махачкале на Каспийском море, служащей как бы воротами в Баку; вдоль Черноморского побережья и по старой Военно-Грузинской дороге к Тбилиси, столице Грузии. С середины августа 1942 г. шли бои не перевалах. Немцы сумели добиться здесь еще некоторых впечатляющих побед: захвата Новороссийска, выхода на горные тропы, ведущие к Туапсе и Сухуми; продвижения к Орджоникидзе (дореволюционному Владикавказу). Им удалось даже послать группу своих альпинистов на высочайшую вершину Кавказа, Эльбрус, и водрузить там свой флаг. Но ни одного стратегически важного района они не захватили. Они не получили не только нефти Баку, но и нефти Грозного, на северном склоне Кавказского хребта. Не удалось им перейти и через сам хребет. В октябре их продвижение остановилось.

Разгром немцев под Сталинградом дал Красной Армии хорошие возможности и для окружения группировки захватчиков, прорвавшейся на Кавказ. 1 января 1943 г. советские войска перешли в наступление и в этом районе, стремясь отрезать немцам пути отхода. Эта операция удалась лишь частично. Сталин давал своим генералам указания, в которых требовал сократить сроки подготовки и подчинить каждое действие стратегическому плану[65]. Но выполнение этих задач было затруднено плохим снабжением. Немцам

пришлось покинуть все завоеванные предыдущим летом обширные пространства. В отдельные моменты, особенно во второй половине января, их войска попадали в тяжелое положение. Тем не менее немецкому командованию удалось в основном вывести свои войска через Ростов, который был освобожден советскими войсками лишь 14 февраля. Немцы смогли даже удержать в своих руках плацдарм на Таманском полуострове, по ту сторону Керченского пролива. Удержали они и Новороссийский порт (который, впрочем, почти не смогли использовать, так как советские войска контролировали соседний залив)[66].

Начавшись знойным летом в выжженной степи, Сталинградская битва завершилась в той же самой степи, только запорошенной снегом. Завершилась она победой советского оружия, причем эта победа меняла соотношение стратегических сил на Восточном фронте в целом. Советские историки и авторы воспоминаний рассматривают ее как поворотный пункт не только в войне СССР с Германией, но и в ходе всей второй мировой войны[67]. В пользу подобного суждения говорят веские доводы. Впервые немцы потеряли в окружении цвет своей армии. Никогда еще в истории Германии, скажет позже один из их генералов, «столь крупная группировка войск не знала столь ужасной гибели»[68]. Катастрофа снова постигла их в такой момент, когда они считали, что победа уже у них в руках. В Германии это произвело сокрушающее впечатление. По словам одного из очевидцев, сам Гитлер — хотя он так и не решился признаться себе в этом — в тот момент понял, что проиграл войну[69].

Советский народ и Советские Вооруженные Силы, напротив, получили заряд энтузиазма, вновь обрели чувство гордости. Мысль о возможности победы основывалась теперь не на одной лишь вере. Надежда переходила в уверенность[70]. Руководители страны и армии также обрели ту уверенность в себе, которой раньше им недоставало. «Мы твердо верили, что главные трудности позади», — скажет Василевский[71]. Размаху одержанной победы способствовали тактические просчеты германского командования, просчеты, которым удивлялись сами немцы: фланги, оставленные со столь слабым прикрытием; истощение собственных сил в уличных боях в Сталинграде; отсутствие попыток отойти, когда еще было время для отступления[72]. Советское командование, однако, умело использовало эти ошибки. Оно наконец успешно организовало крупное наступление с применением двойного охвата, того маневра, мастерами которого до этого были немцы, а жертвами — советские войска. Иными словами, война начинала принимать совсем новый оборот.

VI. ГОД ПЕРЕЛОМА

Шаткое равновесие

Сталинградская битва повлияла на весь ход войны. Но ощущение уверенности в победе окончательно утвердилось в Москве лишь летом следующего года. После великой битвы на Волге в германско-советском противоборстве наступил период продолжительностью в несколько месяцев, который и сами советские историки рассматривают ныне как промежуточный; хотя весь ход военных действий принял другой оборот, чаши весов на протяжении этого времени находились в шатком равновесии[1].

Приближение лета 1943 г. не обошлось для советских войск без тревожных моментов, причем причина их и на этот раз коренилась в событиях на фронте. В первое время после победы под Сталинградом успехи Вооруженных Сил СССР нарастали. На севере им удалось частично пробить блокаду Ленинграда. Уже в январе 1943 г., когда еще шли бои за уничтожение окруженных войск Паулюса, Советское Верховное Главнокомандование попыталось придать наступлению всеобщий характер, постепенно расширяя его к северу. Немецкая армия еще не пришла в себя от поражения, и в первое время казалось, что она вот-вот рухнет. Но позже начались новые разочарования.

Продвигаясь вдоль Дона, советские войска осуществили одну за другой две победоносные операции. В результате первой из них в районе Острогожска — Россоши была окружена еще одна группировка вражеских войск, включавшая помимо немецких частей также крупные венгерские соединения и итальянский альпийский корпус (все, что оставалось от итальянской экспедиционной армии в России). За этой первой операцией без передышки последовала вторая в районе Воронежа — Касторной, где также были окружены немецкие и венгерские войска. Кольцо окружения на этот раз не было таким же непробиваемым, но лишь малой части окруженных войск удалось с трудом прорваться на запад. Большая часть дивизий, посланных в СССР союзниками Гитлера, была разгромлена.

Чтобы не дать захватчикам прийти в себя, наступление продолжалось непрерывно. 7 февраля был освобожден Белгород, днем позже — Курск. 15 февраля, несмотря на ожесточенное сопротивление оккупантов, был отвоеван и крупный промышленный центр — Харьков. Страх перед окружением, который начинал теперь, после жестоких уроков предыдущих месяцев, распространяться среди немецких войск, побудил их оставить город, едва стала вырисовываться опасность оказаться закупоренными в нем.

Тем временем советское командование поставило перед собой куда более честолюбивые, чем прежде, цели. Ставка планировала два крупных наступления. Она исходила из того, что на юге, где

по-прежнему были сосредоточены основные силы немцев, их способность к сопротивлению уже подорвана. Планировалось поэтому мощным обходным маневром отсечь путь к отступлению вражеским войскам, действовавшим вдоль Черноморского побережья, отступавшим с Кавказа и в особенности продолжавшим оккупировать важнейший в промышленном отношении район Донбасса[2]. Второй удар намечалось нанести по центральному участку германского фронта. Для этой цели предполагалось использовать армии Рокоссовского. Сразу после окончательной ликвидации войск Паулюса в Сталинграде эти армии должны были быть переброшены под Курск. Отсюда они должны были развернуть наступление на Смоленск, чтобы вместе с советскими войсками, наступающими с севера, окружить силы немцев, расположенные в том центральном выступе фронта, откуда они еще были в состоянии угрожать советской столице[3].

Трудности начались именно на этом участке фронта. Прибывший 4 февраля из Сталинграда в Москву Рокоссовский был принят Сталиным как победитель, но тут же получил приказ быть готовым к началу наступления в направлении от Курска к 15 февраля. Рокоссовский тщетно пытался доказать, что провести подготовку за столь короткий срок невозможно[4]. Его абсолютно обоснованные расчеты не были приняты. Войскам предстояло в зимних условиях преодолеть несколько сот километров по местности, где только что шли бои. Имелась лишь одна-единственная, наспех отремонтированная железнодорожная ветка, которой было явно недостаточно для выполнения этой задачи. С первых же дней переброска войск стала отставать от намеченного графика. Когда Рокоссовский сообщил об этом в Москву, там было решено для ускорения движения пустить в дело политическую полицию — войска НКВД. Но, действуя привычными методами запугивания, они терроризировали железнодорожную администрацию до такой степени, что, как пишет сам Рокоссовский, почти полностью парализовали всякое движение составов. Генералу пришлось еще раз обратиться к Верховному Главнокомандованию с просьбой убрать чересчур ретивых агентов НКВД. Пропускная способность дороги несколько увеличилась, но недостаточно. Рокоссовский поэтому попросил, чтобы начало наступления было отсрочено на десять дней, что и было разрешено. Но даже при такой отсрочке войска прибывали на исходные рубежи с опозданием и вынуждены были вступать в бой по частям[5].

В первый момент наступление в Центральной России именно благодаря прибытию войск Рокоссовского принесло некоторый успех. На других участках фронта, где наступавшим противостояла тщательно укрепленная на протяжении длительного времени оборона немцев, продвинуться не удалось. Положительный эффект все же был достигнут. Опасаясь возникновения новой угрозы, немецкое командование было вынуждено вывести войска с обширного выступа между Ржевом, Гжатском и Вязьмой, который немцы удерживали с 1941 г., рассматривая его как трамплин для повторного прыжка на

Москву. Выведенные войска были перемещены в район Орла, откуда грозили теперь окружением передовым частям наступающих армий. Рокоссовскому пришлось остановиться — или даже отступить там, где это диктовалось необходимостью, — и перейти к обороне. Переход этот, вынужденный также тем, что и на юге дела шли не слишком успешно, был осуществлен умело и хладнокровно[6].

Между тем на юге советские войска двумя группировками, находившимися соответственно под командованием генералов Голикова и Ватутина, нацеливались через бреши в немецкой обороне одновременно в двух направлениях: на запад и к Черному морю. Одержанные победы окрыляли настолько, что в качестве главной все больше выдвигалась задача действовать возможно более стремительно, чтобы не дать противнику времени перевести дыхание. Поэтому перед войсками ставились все более отдаленные цели, хотя тяжесть непрерывных боев уже начинала сказываться на боеспособности наступающих частей. Количество танков резко сократилось. Тылы и базы снабжения оставались далеко позади[7]. Воздушная разведка обнаружила передвижение крупных вражеских соединений. Командование фронтами, как и Верховное Главнокомандование, решило, что немцы спешат отступить за Днепр. Было решено отрезать им путь к отступлению. Приказы из Москвы еще более растянули полосу действия наступающих советских армий, которым надлежало теперь не только совершить окружение Донбасса, но и прорваться к Днепру, чтобы не дать немцам укрепиться на его берегу. Во всем этом сказывалась серьезная недооценка сил противника[8]. На юге немецкими войсками по-прежнему умело командовал фон Манштейн. Он не только не собирался отступать, но, сосредоточив войска, отведенные с Кавказа и других участков фронта, подготавливал крупное наступление. Оно началось 19 февраля.

Наступление захватило Советское Верховное Главнокомандование врасплох. Лишь по прошествии нескольких дней оно полностью осознало масштабы угрозы[9]. Наступление не только поставило под удар наиболее далеко продвинувшиеся советские части, заставив их спешно отступить, но и по мере своего успешного развития на протяжении первой половины марта привело к тому, что в руки немцев вновь начали переходить районы, которые советские люди считали уже окончательно освобожденными. После победного ликования вернулись дни острой тревоги. 15 марта Манштейн вновь взял Харьков, 18-го — Белгород. Стала вырисовываться чрезвычайно серьезная опасность: дойди немцы до Курска и дальше — в окружении оказались бы не только армии Рокоссовского, но и все другие соединения, наступавшие на центральном участке фронта. Сталин позже говорил о попытке фашистов «взять реванш за Сталинград»[10]. На фронт были спешно направлены сначала Василевский, потом Жуков. Ликвидировать опасность, однако, помогло не столько их присутствие, сколько быстрая переброска подкреплений, предназначавшихся вначале Рокоссовскому. Манштейн был остановлен сразу за Белгородом.

Операция «Цитадель»

В боевых операциях наступила пауза, обусловленная весенней распутицей. Как и годом раньше, обе стороны использовали ее для уточнения своих планов. Советское командование намеревалось возобновить столь резко прерванное наступление, по-прежнему концентрируя основную часть сил на южном фланге. Не только военные, но также политические и экономические соображения побуждали его отдавать предпочтение южному театру действий. Однако в конце марта советские военачальники получили от своей агентурной разведки сведения о том, что и немцы не намерены оставаться пассивными: они готовятся к очередному, третьему подряд летнему наступлению. Позже в Москву был доставлен и точный план немецкой операции[11].

Замысел ее как бы вырастал из операции, предпринятой Манштейном в феврале — марте. В результате последних боев линия фронта стала извилистой, с выступами и впадинами. Особенно явственный выступ с советской стороны обрисовался на уровне Курска. Немецкий стратегический план, как это стало все более четко определяться в первую половину апреля, был нацелен на то, чтобы отсечь этот выступ концентрическими ударами по его основанию. Такие сдвоенные удары должны были наноситься с севера, из района Орла, и с юга, из района Белгорода. Наступающие должны были соединиться под Курском, заключив в кольцо крупную группировку советских армий, находившихся к западу от этого города. В случае успеха нацисты смогли бы еще раз добиться перелома стратегической ситуации, на этот раз в свою пользу, перехватить инициативу и снова устремиться на восток. Двойной прорыв советской обороны планировалось осуществить с помощью крупных масс танков, в том числе большого числа танков новых моделей, «тигров» и «пантер», уже примененных с успехом во время предыдущего наступления Манштейна. Вся операция носила кодовое название «Цитадель»[12].

Перед Советским Верховным Главнокомандованием вновь встала дилемма, которую годом раньше оно не в состоянии было разрешить: ждать вражеского удара на оборонительных позициях с целью измотать немцев и затем перейти в контрнаступление или предупредить противника, взяв на себя инициативу первого удара? Мнения и на этот раз разделились. В своем докладе 8 апреля Жуков категорически высказался за первое предложение[13]. Василевский придерживался такой же точки зрения. Рокоссовский со своей стороны предлагал возобновить наступление на вражескую группировку в районе Орла. Сталин колебался: он опасался, что советские войска не выдержат массированной атаки вражеских танков[14]. (Таков же был расчет немецких генералов, помнивших, что таким образом им всегда удавалось прорывать советскую оборону с первого же удара[15].) На совещании в очень узком составе, состоявшемся в Москве 12 апреля, возобладал оборонительный вариант. Однако в случае, если бы немцы

стали оттягивать начало своей операции, не исключался и второй вариант. В частности, началась разработка наступательной операции на Орел, которую предлагал Рокоссовский[16].

После двух лет войны и нескольких жестоких поражений немцы были уже далеко не те, что прежде. Но это совсем не означало, что они перестали сопротивляться. Красная Армия только что испытала это на себе, и сам Сталин, на этот раз куда более осторожный, чем год назад, публично признавал это[17]. Англичане и американцы все еще не открыли в Европе второй фронт, которого с настойчивостью добивалась Москва. Вместо этого они высадились в Северной Африке и еще только готовились к высадке в Италии. Гитлер по-прежнему мог держать в России 70 % своих вооруженных сил[18]. На его стороне к тому же был и психологический фактор: летом его дивизии всегда шли вперед.

Но благодаря напряженным организационно-политическим усилиям (о которых мы подробнее скажем ниже) советская сторона обладала теперь общим превосходством над противником: превосходством в живой силе, несмотря даже на свои колоссальные потери, и — что не менее важно — превосходством в вооружении. Это совокупное превосходство было достигнуто впервые за всю войну. Его не было даже под Сталинградом. Советские войска в этом сражении опирались на целый ряд стратегически выгодных факторов, но у них еще не было явного перевеса в живой силе и технике[19]. Теперь положение резко переменилось. Советская сторона имела 6,4 млн. человек против 5,3 млн. у противника (в числе которых было еще около полумиллиона солдат разных мелких союзников Гитлера). По артиллерии соотношение было 99 тыс. орудий против 54 тыс., по танкам — 9600 против 5850, по самолетам — 8300 против 3 тыс.[20] Отсюда та относительная уверенность, с какой советское командование могло ожидать надвигающееся испытание.

У советской стороны было еще одно преимущество. Нет таких воспоминаний или исторического исследования, в котором не признавалась бы важнейшая роль, принадлежавшая в данном случае агентурной разведке и добытым ею сведениям. Хотя Гитлер подчеркивал, что одним из условий готовящейся операции является абсолютная секретность[21], советской разведывательной сети удалось раскрыть не только общие планы немцев, но также численность и дислокацию войск, направление ударов и точный момент начала наступления[22]. Даже Сталин, который прежде — и, пожалуй, несправедливо — всегда жаловался на свои разведслужбы, на этот раз выразил удовлетворение их работой[23]. Теперь он в отличие от прошлого с доверием отнесся к полученной информации, возможно, потому, что она согласовывалась со сведениями, которые поступали от фронтовой разведки, действующей в непосредственном тылу врага, а также с выводами его генералов. Именно в этот период, рассказывает Жуков, Сталин, «как никогда, внимательно» прислушивался к мнениям военных[24].

В течение мая и июня в советских штабах царило большое напряжение. Упреждающая наступательная операция к югу от Орла в последний момент была отменена, так как стало известно, что немцы вот-вот перейдут в наступление[25]. Гражданские власти прифронтовых городов, в частности Курска, выдвинули было предложение о заблаговременной эвакуации жителей. Но военное руководство воспротивилось, так как подобные меры могли деморализовать войска: на этот раз враг не должен был пройти[26]. Нервозность усиливалась, в частности, из-за самой точности сведений, добытых агентурной разведкой: дважды она сообщала «окончательную» дату — сначала 10, потом 26 июня, — но наступление все не начиналось. И дело было не в ошибках разведслужбы, а в том, что само гитлеровское командование оба раза откладывало назначенную операцию. Некоторые советские генералы начинали проявлять нетерпение, опасаясь, как бы не был потерян удобный момент для перехвата инициативы. Наиболее настойчивым в этом отношении был Ватутин, командующий Воронежским фронтом, который занимал позиции на южном участке Курской дуги. Сталин, все еще не до конца освоившийся с идеей неподвижного ожидания первого хода противника, склонялся к тому, чтобы согласиться с Ватутиным. Но Василевский и Жуков решительно настаивали на оборонительном плане. Много лет спустя первый из них с большим удовлетворением вспоминал, что у Главнокомандования хватило тогда выдержки и нервов, чтобы не повторить ошибку 1942 г. и не начать преждевременно наступление. Такой шаг, на его взгляд, дал бы лишний шанс германским стратегам[27].

Войска использовали затянувшуюся паузу для создания на наиболее вероятных участках наступления противника мощной полосы оборонительных сооружений. В целом гитлеровское командование сосредоточило на Курской дуге 70 % своих танковых и 60 % авиационных дивизий, действующих на Восточном фронте. В свою очередь советское командование сконцентрировало здесь 34 % своей пехоты, примерно половину всей артиллерии и 70 % танков[28]. Таким образом, советская сторона имела значительный перевес на поле предстоящей битвы: решение стянуть в одно место такие силы выглядело бы, конечно, рискованным, не имей советское командование уверенности, что именно здесь, и нигде больше, немцы предпримут попытку совершить прорыв. Советская оборона была насыщена огневыми средствами и глубоко эшелонирована: различные заграждения, противотанковые препятствия, минные поля тянулись на протяжении десятков километров. В дополнение ко всему за войсками первой линии к востоку от Курска был сосредоточен мощный резервный фронт (ему было присвоено наименование «Степной», а командующим назначен Конев), представлявший группировку из пяти общевойсковых, одной воздушной армий и шести отдельных корпусов (три моторизованных и три кавалерийских). Никогда ни в одной войне в тылу у сражающихся войск не создавалось группировки подобной мощи. Основная ее цель заключалась в том, чтобы усилить удар

наступающих войск в момент, когда немецкие атаки окончательно выдохнутся. Вместе с тем перед Коневым ставились и оборонительные задачи: размещенные на равном удалении от обоих пунктов ожидаемого прорыва, его войска должны были быть наготове, чтобы вступить в действие там, где не удалось бы полностью сдержать наступающего противника[29].

Битва под Курском

Битва под Курском, продолжавшаяся почти два месяца, вошла в историю как самое крупное из когда-либо происходивших танковых сражений. Немцы начали наступление на рассвете 5 июля, обрушив на советскую оборону самые мощные танковые «клинья» за всю русскую кампанию. Острие этих «клиньев» составляли новые танки типа «тигр». Но на этот раз их ждала совсем не такая встреча, как в прошлом. Советские штабы провели бессонную ночь в ожидании начала атаки. Узнав от военнопленных точный час, на который она назначена, советское командование решило нанести по уже выдвинутым на исходные рубежи вражеским войскам упреждающий удар своей артиллерии. Хотя эта контрподготовка и не дала всех ожидавшихся от нее результатов, она все же оказала на наступающих деморализующий эффект[30]. Когда же немцы все-таки пошли в атаку, то натолкнулись на ожесточенное и хорошо организованное сопротивление. Длительная подготовка позволила советским солдатам встретить врага во всеоружии. Дни, когда в их рядах царил страх перед танками, ушли в прошлое. Из траншей, над которыми проскрежетали гусеницы танков, продолжал вестись огонь. Артиллеристы стреляли прямой наводкой по наступающим, но не уходили с позиций. С первого же мгновения противоборство приобрело предельно напряженный характер.

Немцы атаковали именно в тех двух пунктах, которые были предусмотрены: на северном отрезке фронта — южнее Орла, на участке, занятом войсками Рокоссовского; на южном — севернее Белгорода, на участке, удерживаемом войсками Ватутина. И в том, и в другом случаях оборона оказалась практически непреодолимой. В первый же день атакующие части понесли чрезвычайно высокие потери, что ослабило их способность проникновения в глубину обороны противника. Преодолев одну полосу заграждений, гитлеровцы сразу же обнаруживали новые, еще более трудные препятствия. И все же они не прекращали попыток пробить брешь в советской обороне. Ход боевых действий на двух направлениях наступления стал принимать несколько различный характер. На северном участке он был более благоприятным для советских войск. Немного продвинувшись в первый день, немцы практически оказались блокированы советскими дивизиями, расставленными Рокоссовским с большим тактическим мастерством. После пятидневных кровопролитных атак гитлеровцам — на тех двух направлениях этого участка фронта, где они сосредоточили максимум

сил, — удалось одолеть лишь около десятка километров. Однако их наступательный порыв полностью истощился. 12 июля советские части в свою очередь атаковали немцев в других пунктах Орловского выступа и вынудили наступавших остановиться, чтобы не оказаться обойденными с тыла.

Сложнее развивались события на фронте Ватутина. Здесь сопротивление советских войск отличалось не меньшим упорством. Но у атакующих были сосредоточены здесь бо́льшие силы, и, хотя каждый шаг стоил им огромных потерь, на направлении главного удара им все же удалось несколько больше потеснить советские войска*. После шести дней непрерывных атак гитлеровцы продвинулись примерно на 35 *км*, грозя взломать даже столь хорошо укрепленную оборону. В этот-то момент им навстречу и выдвинулись две армии из резерва Конева, в том числе 5-я танковая армия генерала Ротмистрова. 12 июля около деревни Прохоровка лоб в лоб столкнулись две лавины танков. С рассвета и до темноты под несмолкающий рев моторов, грохот выстрелов и взрывов, в удушающих облаках пыли и в дыму пожаров шел бой, в котором участвовало 1200 бронированных машин. К исходу дня вся местность была усеяна сожженными и развороченными остовами танков[31]. Потери были очень большими у обеих сторон. Но способность немцев к наступлению была окончательно подорвана; несколько дней спустя их обескровленные части вынуждены были отступить на исходные позиции.

В этот момент началась, как определяют ее советские авторы, вторая фаза сражения на Курской дуге: контрнаступление. Оно началось сперва на северном, а потом и на южном фасе Курской дуги. Дело в том, что и немецкий фронт вдавался выступом в расположение советских войск в районе Орла. С 12 июля удары по этому выступу наносились со всех сторон; в этих усилиях участвовали и войска Рокоссовского, перешедшие в наступление против тех самых гитлеровских частей, которые только что пытались разгромить их. На южной стороне Курского выступа, где бои носили более тяжелый характер, советским войскам для перехода в контрнаступление требовалась более длительная пауза сроком в несколько дней. Часть армий Конева уже была использована в оборонительной фазе сражения, и теперь ее нельзя было применить как единый массированный кулак для прорыва вражеского фронта[32]. Войска Ватутина и Конева, таким образом, смогли перейти в наступление лишь 3 августа. В обоих случаях — как на севере, в районе Орла, так и на юге, под Белго-

* Рокоссовскнй в своих воспоминаниях (*К. К. Рокоссовский.* Солдатский долг. М., 1968, с. 224—225) высказал мнение, что Ватутин расположил свои снлы в тактическом отношенни менее удачно, чем он сам. Ватутнн, иначе говоря, как можно понять из его слов, не рискнул сосредоточить подавляющую часть войск на предусмотренном направленнн главного удара из страха оголить другие участкн своей обороны. Полемические возражения против такого мнения были высказаны Жуковым (*Г. К. Жуков.* Указ. соч., с. 177—178, а также: Курская битва, с. 55—57), хотя в тот момент он был представителем Ставкн именно на фронте Рокоссовского, в то время как Василевский был направлен к Ватутину.

родом, — Сталин торопил своих генералов и лишь скрепя сердце согласился с доводами Жукова, который объяснял ему необходимость дать время на подготовку наступления в северном секторе[33].

Как бы ни были немцы измотаны безрезультатными наступательными действиями, в которых они потеряли большую часть своих танков (как на то и рассчитывало советское командование, принимая решение ожидать в обороне атаки противника), их части все еще были в состоянии оказывать энергичное сопротивление. Что они и делали как на южном, так и на северном направлениях наступления советских войск. Особенно медленным и трудным оно было на северном участке. 5 августа были освобождены Орел и Белгород, два типичных старинных города Центральной России. Но для того, чтобы вторично вырвать из рук оккупантов Харьков, пришлось сражаться до 23 августа. На протяжении всего этого времени немцы не переставали яростно контратаковать, доставляя немалые трудности советским войскам. Жестокие танковые бои происходили, в частности, у селений Ахтырка и Богодухов. Повторное освобождение Харькова рассматривается всеми советскими военными историками как заключительный акт битвы под Курском.

Во время этой фазы операции произошло также единственное за всю войну посещение Сталиным фронта. Район боевых действий он посетил между 3 и 5 августа в условиях полной секретности: само командование фронта было предупреждено об этом лишь в самый последний момент, когда Сталин уже был на месте. Вспоминая об этом эпизоде много лет спустя, некоторые военачальники, например Воронов, отозвались о нем с едкой иронией: «Странная, ненужная поездка»[34]. Другие, напротив, рассказывают об этом с почтительным преклонением[35]. Из всех описаний, во всяком случае, видно, что речь шла об очень формальном визите. Любопытно, что Сталин поехал не на один из тех участков фронта за Курском, где кипело сражение, а севернее, где только шла подготовка к наступлению. С войсками он никакого соприкосновения не имел; краткая встреча произошла лишь с высшим фронтовым командованием, но и этот контакт не имел большого практического значения. Понятно, почему подобный опыт больше не повторялся: никому это не было нужно[36]. На фронте Сталину было передано сообщение об освобождении Орла и Белгорода, и отсюда он отдал приказ о том, чтобы победа была в тот же вечер отмечена в Москве мощными залпами артиллерийских орудий[37]. Так было положено начало знаменитому ритуалу, которым отныне в стране будут возвещаться все крупные успехи советского оружия: сначала сообщение, прочитанное по радио звучным голосом самого знаменитого из дикторов — Левитана, а потом орудийный салют[38].

После войны советские историки и генералы не раз упрекали своих западных коллег в недооценке значения Курской битвы[39]. Сами они ставят ее в один ряд с Московским и Сталинградским сражениями и считают третьим — и решающим — этапом на пути к полному разгрому немцев на русском фронте. Такая оценка подкреплена убе-

дительными доводами. Гитлер выделил для своего третьего наступления лучшие войска и лучших генералов из всего, что у него еще оставалось, — и те и другие были разбиты[40]. После Сталинграда именно Курск явился тем ударом, который ознаменовал неотвратимый закат вермахта. По количеству участвовавших в сражении войск — в общей сложности 4 млн. человек с обеих сторон — эта битва даже превосходила самые знаменитые из предыдущих сражений[41]. Захватчикам на этот раз не помогла даже летняя пора. Битва под Курском открыла путь к последующим великим освободительным наступлениям Красной Армии: впереди была еще долгая и тяжелая война, но отныне войска Сталина будут неудержимо продвигаться только в одном направлении — на запад. Смертельный кризис нацистской Германии начался.

Решающее значение под Курском имело численное превосходство советских войск, которое оборачивалось теперь качественным превосходством всей военной машины СССР. Это превосходство было дополнено окончательным завоеванием господства в воздухе, что имеет огромное значение в современной войне. Контроль над воздушным пространством долго принадлежал немцам и облегчал им их наступления. Но уже во второй фазе Сталинградской битвы соотношение сил стало меняться. Весной 1943 г., когда непогода затрудняла полеты над северными флангами фронта, воздушные бои велись преимущественно на его крайнем южном фланге, в прилегающих к Кавказу районах, и в частности над Таманским полуостровом, который немцы еще удерживали в своих руках: гитлеровская авиация вышла побежденной из этих боев. Под Курском советских самолетов было больше немецких не только числом — они оказались также способными эффективно наносить удары по вражеским аэродромам еще до начала сражения. По окончании битвы они были хозяевами неба. Превосходство в воздухе, обеспеченное авиазаводами, которые работали теперь в тылу на полную мощность, сыграет определяющую роль во всех последующих операциях вплоть до конца войны[42].

Форсирование Днепра

Последние бои в ходе Курской операции совпали с началом общего наступления Красной Армии по всему фронту. В советском командовании существовали две противоположные концепции насчет того, как его вести. Некоторые военачальники, самым авторитетным среди которых был Жуков (но того же мнения придерживались Ватутин и часть работников Генерального штаба), настаивали на том, чтобы наступление велось с помощью крупных операций по окружению вражеских войск. Идея такого рода уже выдвигалась, правда безуспешно, когда речь шла о немецких частях в районе Орла и Харькова. Теперь, когда ставилась задача продвигаться дальше, Жуков вновь предлагал ее. От Харькова, по его мнению, советские

войска должны были нанести удар на юг, чтобы еще раз попытаться окружить немецкие дивизии в Донбассе. Но этим проектам воспротивился Сталин, которого поддержали другие руководители Генштаба. Он опасался, как объясняют непосредственные участники этих споров, что на подготовку подобных операций уйдет слишком много времени. Не исключено, что его жгло воспоминание о зимней неудаче предыдущего года. Как бы то ни было, он потребовал, чтобы наступление велось фронтальными ударами с тех позиций, которые уже были прочно завоеваны войсками. Сейчас нам трудно оценить верность каждого из этих тезисов с точки зрения практического результата. Однако в целом этот спор остается интересным для понимания того, как функционировало во время войны советское командование. В конечном счете было сделано так, как хотел Сталин. Сам Жуков предпочел не настаивать, хотя позже он сожалел об этом, потому что по-прежнему был убежден, что принятие его предложений позволило бы добиться более быстрых и значительных результатов[43].

Начиная со второй половины августа на всем фронте от Великих Лук до Черного моря Красная Армия находилась в движении, нанося все новые удары по противнику. Главные усилия предпринимались по-прежнему на южном фланге, перед которым стояла задача освобождения Украины. Четыре фронта, находившиеся соответственно под командованием (если смотреть с юга на север) Толбухина, Малиновского, Конева и Ватутина, двигались в одном направлении. На Украину нацеливал наступление частью своих сил и Рокоссовский, действовавший справа от Ватутина. Всем этим полководцам, за исключением Ватутина, который, попав в засаду, погибнет в результате смертельного ранения, суждено будет оставаться во главе своих фронтов до самого конца войны: с 1943 г., когда фортуна окончательно склонилась в сторону советского оружия, командование Вооруженных Сил СССР также обрело наконец свою стабильность.

Немцы не оставляли позиций просто так: они отступали с ожесточенными боями. Такая их тактика много лет спустя была подвергнута критике многими военными историками[44]. Советские же войска эта тактика вынуждала дорогой ценой расплачиваться за каждый шаг вперед. Гитлеровская армия пыталась цепляться за любое естественное препятствие, которое попадалось на русских и украинских землях. Особенно стремилась она закрепиться вдоль рек, которые представляли собой удобный оборонительный рубеж уже хотя бы тем, что их западные берега в этих местах были, как правило, выше и круче восточных. При уходе из населенных пунктов гитлеровские части имели приказ уничтожать там все, что могло представлять какую-нибудь ценность. То была одна из причин, по которым необходимо было преследовать немцев, не давая им ни минуты передышки. Особенно сильное сопротивление они оказали на подступах к Донбассу, вдоль рек Северский Донец и Миус, а позже — в районе Полтавы и на севере — перед Брянском. Упорно удерживали они и

все транспортные узлы. Наступление советских войск нигде не было легким.

В конце августа 1943 г. армии Толбухина освободили Таганрог на берегу Черного моря. Из опасения получить удар с тыла Манштейн после этого вынужден был отступить из Донбасса. 8 сентября был освобожден город Сталино (Донецк), главный центр этого крупного промышленного района. Немцы отошли к Днепру, который вместе с реками Сож и Молочная призван был образовать «восточный вал» — их неприступную оборонительную линию. Для советских войск началась лихорадочная гонка с целью быстрейшего выхода к Днепру, чтобы не дать немцам укрепиться на его берегах. По своим размерам Днепр занимает третье место среди рек Европы, после Волги и Дуная. 9 сентября Советское правительство специальным решением обещало звания Героя Советского Союза и награды командирам и частям, которые первыми сумеют форсировать крупные водные преграды[45]. С этого момента переправа через Днепр стала задачей номер один для армий и фронтов.

Первыми к великой реке прорвались 21 сентября подразделения одной из армий Рокоссовского (60-й армии Черняховского), встретившей на своем пути меньшее сопротивление. На протяжении последующих десяти дней к Днепру вышли многие другие части, тут же предпринимавшие попытки переправиться на другой берег. Подобные прорывы во многих точках одновременно являлись одним из факторов дальнейшего успеха, ибо немцы были не в состоянии быстро затыкать все пробоины. Другими благоприятными условиями были надежное прикрытие с воздуха и помощь партизан или, во всяком случае, местного населения. Это помогало восполнить отсутствие, по крайней мере в первый момент, технических средств. Выручала изобретательность офицеров и солдат, которые использовали любую возможность достичь противоположного берега еще до подхода саперных частей и наведения понтонных мостов: на плотах, рыбачьих лодках, самодельных паромах[46]. Когда немцы сумели оправиться, советские войска уже захватили целый ряд небольших плацдармов на западном берегу. Их огромная ценность выявилась в ходе последующих боев.

Особенно важными были два из них, расположенные соответственно к северу и к югу от главного города на Днепре — Киева. С этих плацдармов и развернулось новое наступление за освобождение украинской столицы. Первая попытка была предпринята в октябре с южного плацдарма, из района Великого Букрина, но оказалась безуспешной. Тогда одна из советских танковых армий была скрытно переброшена на северный плацдарм. Отсюда в первых числах ноября был нанесен новый удар с более успешным исходом: Киев был сперва обойден, а потом — 6 ноября — освобожден войсками Ватутина[47]. Последующая контратака немцев не смогла помешать советским войскам закрепить свой успех и создать вокруг столицы Украины обширный плацдарм стратегического значения. Нечто

сходное произошло и к югу, в районе других крупных приднепровских городов — Кременчуга, Днепропетровска, Запорожья, — где наступали армии Конева. Здесь также советские войска, действуя с плацдармов, захваченных при форсировании реки на плечах отступающего противника, сумели не только освободить эти крупные центры, но и обеспечить себе пространство для оперативного маневра на Правобережье[48]. Подобно Курской битве, сражение за Днепр теперь могло считаться выигранным.

Осеннее наступление советских войск 1943 г. было увенчано еще целой серией успешных операций. На юге фронты под командованием Малиновского и Толбухина сломили сопротивление немцев на реке Молочной и в свою очередь вышли к Днепру в его нижнем течении. Другие советские части, изгнав немцев с последнего удерживавшегося ими плацдарма на Черноморском побережье Кавказа — Таманского полуострова, осуществили десантную операцию и высадились на крайней восточной оконечности Крыма, в районе Керчи. Еще в августе пришли в движение и армии на центральном участке советского фронта. Их наступление было более трудным, потому что оно поддерживалось меньшими силами артиллерии, танков и авиации, между тем как именно на этом отрезке у немцев было время особенно тщательно укрепиться. Успехи давались здесь медленно и тяжелыми усилиями, в послевоенные годы некоторые военные авторитеты будут даже критиковать проведение этих операций[49]. Как бы то ни было, и здесь Красной Армии удалось отбросить немцев, причем даже дальше, чем вначале ожидал Сталин[50]. 17 сентября у немцев был отбит Брянск, 25-го — Смоленск. Позже войска-освободители вышли к границам Белоруссии и 25 ноября вступили в Гомель.

Война меняет облик

Таким образом, Советский Союз подошел к поворотному моменту второй мировой войны — коренному перелому ее хода и развалу всей гитлеровской коалиции, — имея в активе впечатляющие успехи. Западные противники Гитлера в свою очередь высадились на Европейском континенте, совершив бросок из Северной Африки в Италию и вызвав тем самым кризис в Риме: свержение Муссолини и выход Италии из войны. Однако еще до того, как вклад западных держав мог сколько-нибудь решительным образом повлиять на судьбу Германии, СССР в одиночку выстоял перед натиском могущественной военной машины нацизма. Вермахт еще сохранял способность энергично сопротивляться, но на просторах Восточного фронта он уже лишился своих жизненных сил. За два с половиной года войны в России были перемолоты его лучшие дивизии. Вместе с ними, говорил Сталин, «навсегда похоронены гитлеровские планы завоевания мира и порабощения народов»[51]. Иллюзорный расчет одним ударом устранить Советский Союз с исторической арены оказался несостоятельным. Даже получив серьезные раны, СССР обнаружил порази-

тельную жизнеспособность. Его армии теперь преследовали отступающих немцев на всем протяжении от Ладоги до Черного моря: две трети утраченной в предыдущие годы советской территории были освобождены. И наступлению, судя по всему, суждено было продолжаться.

Горестная картина представала перед взором наступавших бойцов. Всякий раз, когда советские войска после тяжкого отступления переходили в атаку, как это было, например, под Москвой, а потом в Сталинграде, они воочию убеждались, сколько горя принесло с собой фашистское нашествие и на какие разбойничьи действия способны оккупанты на захваченных территориях. Но тогда это были первые шаги на запад в районах, где власть немцев держалась недолго. Теперь, когда армия несла факел окончательного освобождения по дорогам областей, остававшихся в руках врага на протяжении двух лет, советским солдатам на каждом шагу открывались картины чудовищных зверств: уничтоженные селения, пустынные города, истребленное или депортированное население. В своем продвижении вперед они, с другой стороны, могли опираться на помощь партизанских отрядов, возникавших в немецком тылу именно на почве борьбы со зверствами оккупантов; и в определенные моменты противоборства на фронте эта помощь была чрезвычайно ценной.

Так мы вплотную подошли к разбору некоторых специфических факторов, определяющих ход войны, которую вынужден был вести Советский Союз. Факторы эти были разными: внутреннего и международного свойства. Лишь взятые вместе, они позволяют понять, как это стало возможно, чтобы в ходе вооруженного конфликта произошел такой поворот, в результате которого советское общество, уже ощущавшее себя на краю полного поражения, пришло к уверенности в победе. Этими факторами теперь мы и должны будем заняться, ибо как по своим непосредственным последствиям, так и по более отдаленным результатам они были, конечно же, не менее важны, чем те или иные из военных операций. Более того, они служили необходимой предпосылкой проведения этих операций, составляя вместе с тем их действенное дополнение.

VII. ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Гитлеровские планы завоевания

Всякая война несет с собой страдания. Вторая мировая война принесла их больше, чем предыдущие войны, и в силу своих колоссальных масштабов, и потому, что наряду с армиями в нее были ввергнуты огромные массы мирного населения, и потому, наконец, что неслыханной жестокостью отличались методы агрессоров. Все это проявилось в особенности в Европе — главном театре боевых действий. Необходимо добавить, однако, что на востоке Европы война носила несравнимо более варварский и беспощадный характер, чем на западе континента. Причем в СССР — более, чем в любой другой восточноевропейской стране. Первым это разграничение провел сам Гитлер, предупредивший своих генералов накануне нападения на СССР, что «война на Востоке» будет «резко отличаться от войны на Западе». Он назвал ее «борьбой между расами», «борьбой... идеологий», а следовательно, как пожелал уточнить он сам, «борьбой на уничтожение». Этой установке и должны были соответствовать практические методы[1].

О преступлениях, совершенных гитлеровцами в захваченных ими странах, о характере «нового порядка», который они намеревались установить в Европе и во всем мире, — обо всем этом существует чрезвычайно обильная документация и обширная литература[2]. Не стоило бы поэтому специально останавливаться на этой теме, если бы не было необходимо подчеркнуть, что их планы с особой жестокостью применялись к России — обстоятельство, уже отмеченное в литературе, но пока недостаточно[3]. Не будет преувеличением утверждать, что в СССР было больше жертв фашизма, чем во всем остальном мире (хотя поляки и югославы, например, пострадали относительно не меньше русских). Это было неизбежно при тех целях, к осуществлению которых гитлеровское правительство стремилось в Советском Союзе.

Эти намерения вытекали из старых нацистских программ, указывавших на восточноевропейские просторы как на «жизненное пространство», где германцы, эта раса господ, обретут богатство и могущество. Гитлер, следовательно, вторгался в СССР для завоевания всех советских земель до Урала, а может быть, и дальше. «Должно быть совершенно ясно, — говорил он (имея в виду по крайней мере руководителей Германии), — что мы из этих областей никогда уже не уйдем». Как будет устроена жизнь на огромных оккупированных территориях, можно было еще обсудить и обдумать, но в любом случае они представляли собой «огромный пирог», который следовало «освоить». Для оккупированной страны устанавливались три критерия: во-первых, овладеть; во-вторых, управлять; в-третьих,

эксплуатировать. Ради этого «мы будем применять все необходимые меры — расстрелы, выселения и т. п.»[4]. Оставшихся же негерманцев следовало «лишить какой бы то ни было формы государственной организации и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры». «Эти народы имеют только одно-единственное оправдание для своего существования — быть полезными для нас в экономическом отношении». В этом и должен был заключаться «руководящий принцип»[5].

На этой основе были выработаны планы военной и аграрной колонизации всей европейской части СССР. «Туземцам» в них отводились исключительно роли чернорабочих, батраков, слуг. Ни один местный житель по эту сторону Урала, кроме немцев, не имел права носить оружие. Среди наций, населявших эти пространства, устанавливалась своя иерархия: на вершине пирамиды стояли немцы, затем ступенька за ступенькой располагались остальные, ниже всех помещались русские. Подобными идеями определялись реальные действия руководителей рейха; ими были пронизаны их высказывания вроде печально знаменитой сентенции Гиммлера: «Меня совершенно не трогает, если 10 тысяч русских женщин падут от усталости, копая противотанковый ров: важно, чтобы работа была доведена до конца». Или изречение другого имперского сановника: «Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой мы не будем в них нуждаться, они могут хоть околевать»[6].

Для приведения в действие подобной программы одного лишь захвата территории было мало. Гитлер говорил, а его приспешники повторяли: необходимо «ликвидировать Россию», «уничтожить ее жизненную силу», рассеять ее народ, лишить его каких бы то ни было центров объединения[7]. Москву, как и Ленинград, следовало стереть с лица земли. Политические кадры и интеллигенция подлежали истреблению. Большей части населения предстояло исчезнуть, остальную часть предполагалось оттеснить за Урал. Накануне вторжения было совершенно хладнокровно подсчитано, что в зонах недостаточного сельскохозяйственного производства население будет гибнуть от голода, так как у него будет отнята возможность снабжаться из южных областей[8]. Геринг радостно делится с Чиано соображениями насчет того, что в России в первую же военную зиму умрут «20—30 миллионов человек». «Среди некоторых народов, — объяснял он, — следует просто убивать каждого десятого»[9]. В атмосфере головокружения от первоначальных успехов Гитлер заявил даже, что «партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас»[10]. Отсюда и приказы, которые отдавались войскам: «стрелять при малейших признаках сопротивления», «расстреливать каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд», «применять... карательные меры», «самые жестокие меры», действовать не наказанием, а распространением со стороны оккупационных властей такого страха и ужаса, который отобьет у населения всякое желание к сопротивлению. Дозволялось применять

«любые средства, без ограничения, также против женщин и детей». Ни один военнослужащий не должен был нести за это наказания. Человеческая жизнь в этих странах «абсолютно ничего не стоит», — заявил генерал Кейтель[11].

В послевоенной западной литературе широко дискутировался вопрос о различиях в практическом проведении оккупационной политики в СССР разными германскими учреждениями. Из самого дотошного анализа явствует, однако, что речь никогда не шла о столкновениях по существу: скорее, то были споры о пределах полномочий либо, самое большее, разногласия относительно тактической целесообразности той или иной меры с точки зрения достижения победы в войне — ведь именно победа служила необходимой предпосылкой всех завоевательских планов[12]. Можно понять поэтому, почему советские авторы отказываются от проведения тонких различий при установлении ответственности оккупантов. Нас в данной работе также интересуют их действия в том виде, как их испытали на себе жители захваченных районов СССР. Оккупационная власть осуществлялась разными органами: военными — в прифронтовой полосе, гражданскими — в более отдаленных, тыловых зонах. Однако существенных различий между теми и другими не было, хотя, разумеется, можно выискать случаи, когда немецкая администрация действовала с большей или меньшей жестокостью.

На оккупированных территориях СССР немцы вначале не выдавали населению никакого продовольствия, даже по карточкам. Позже были установлены мизерные нормы выдачи, но только для тех, кто каким-либо образом работал на оккупантов. Остальным предоставлялась возможность выходить из положения собственными средствами. Поскольку оккупационные деньги почти не имели ценности, у жителей оставалась одна-единственная надежда: добыть немного пищи путем обмена. «Бóльшая часть населения вражеских городов, — приказал генерал Манштейн, — должна пребывать в состоянии голода. Не следует уступать ложно понятому чувству гуманности и давать что-нибудь военнопленным или гражданскому населению, за исключением лиц, обслуживающих германскую армию»[13].

Школы повсеместно оставались закрытыми. Действовали лишь несколько начальных классов, но и то в смехотворно малом числе мест: немцы считали, что если «туземцев» научат считать до 100, то этого им будет более чем достаточно[14]. Не предусматривалась ни вакцинация населения, ни оказание ему какой-либо медицинской помощи. Все воззрения оккупантов пронизывало понятие «Untermenschen» — «недочеловеки», в соответствии с которым советские граждане должны были рассматриваться как «смесь более низких или низших типов человеческих особей, то есть в действительности как субчеловеческий тип»[15]. В Германии и в оккупационной армии этот тезис пропагандировался в особенности в первый период войны. Его распространение отчасти сократилось, лишь когда дело приняло неблагоприятный для немцев оборот, но полностью не прекращалось

до самого конца: подобные формулы призваны были ликвидировать в войсках какие бы то ни было угрызения совести за совершавшиеся зверства.

Масштабы убийств, грабежа и депортаций

Первыми жертвами были евреи и военнопленные. Заранее спланированные массовые казни осуществлялись особыми командами, так называемыми Einsatzgruppen. Именно они обычно занимались истреблением евреев, которые традиционно жили многочисленными группами в западных районах СССР. Все киевские евреи, например, как полагают, были уничтожены в скорбно знаменитом овраге Бабий Яр[16]. Аналогичные акции имели место в Керчи, Таллинне, Львове, Минске, Риге и многих других городах[17]. Среди военнопленных в соответствии с приказом, отданным накануне вторжения, уничтожению подлежали «политические руководители и партийные функционеры». Практически же, как только пленных военнослужащих выстраивали в пункте сбора, раздавалась команда: «Комиссары, коммунисты и евреи, шаг вперед!» Вышедших из строя тут же расстреливали. Чтобы попасть в их число, достаточно было просто иметь «интеллигентный вид», поскольку все зависело от произвола немецких офицеров[18].

Впрочем, участь остальных была не многим лучше. С ними обращались хуже, чем с бродячими собаками. Часовым было приказано стрелять по ним при малейшем подозрительном движении. Размещали их где попало, зачастую под открытым небом, просто за колючей проволокой, и нередко неделями не давали никакой еды. Раненым не оказывалось медицинской помощи. Из немецкого документа видно, что во многих случаях их преднамеренно старались умертвить голодом и холодом. Перевозившие пленных поезда приходили к месту назначения набитые трупами. Пленных травили ядом или убивали иными способами, потому что в них видели обузу, лишних едоков — и только. Зимой 1941/42 г. смертность в лагерях военнопленных достигла масштабов настоящего массового истребления. Как свидетельствует тот же документ, они умирали «как мухи», сотнями тысяч; смертность колебалась в пределах от 30 до 95 % в зависимости от лагеря[19]. Так продолжалось до тех пор, пока немцы полагали, что победа уже у них в кармане. Впоследствии они предпочли использовать военнопленных в качестве дешевой рабочей силы и даже жалели задним числом, что дали погибнуть столь многим из них. Тем не менее они продолжали обращаться с ними так же бесчеловечно (был даже отдан приказ выжигать у них на теле клеймо, но приказ этот как будто не был приведен в исполнение[20]). Кормили военнопленных настолько плохо, а работа была столь тяжелой, что число жертв среди них продолжало оставаться очень большим. Численность военнопленных была очень высокой: 5 млн. человек, из ко-

торых 3,3 млн. человек, взятых в плен в первое лето*. В неволе погибло около трех с половиной миллионов. Их смерть рассматривается как самое тяжкое преступление, совершенное немцами во второй мировой войне, после истребления евреев[21].

Следующей задачей немцы ставили себе экономическое ограбление оккупированных территорий. Как только стало ясно, что война затягивается, эта задача сделалась главной. Ее выполнением занимался обширный аппарат, в котором согласованно действовали государственные ведомства и частные компании. Возглавлявший всю эту деятельность Геринг без обиняков заявил: «Я хочу набить мешок и намерен сделать это со всей основательностью»[22]. Два типа ресурсов в особенности влекли к себе немцев: продовольствие и нефть. Не брезговали они и прочим: сырьем, лесом, углем, а там, где им удавалось пускать в ход заводы и фабрики, — также и промышленной продукцией. Но особенно безотлагательным было их стремление заполучить продовольствие. Оккупационная армия уже и так снабжалась на месте. Но немецкие планы были куда более обширными: в основе их лежала надежда, что еще до конца 1941 г. все вооруженные силы Германии смогут перейти на продовольственное снабжение за счет России. «Единственная верная политика, — заявил нацистский главарь Борман, — это та, которая обеспечивает нам максимум снабжения»[23]. Это означало: отобрать у крестьян все вплоть до последнего зернышка. Естественно, что исключения не было сделано и для украинской деревни, хотя в какой-то момент некоторые из нацистских руководителей лелеяли замыслы о предоставлении украинцам относительно привилегированного положения, чтобы противопоставить их русским.

Таким образом, оккупанты не смогли создать даже видимости функционирующей экономики на захваченных советских территориях. У местного населения, особенно в городах, были отняты даже самые элементарные потребительские блага. Сопротивление жителей, саботаж, демонтаж оборудования перед отступлением — все это довершало картину. Меры выкачивания добра немцами становились все более беспощадными, но результаты так и не смогли удовлетворить оккупантов. Подсчитано, что за вычетом снабжения собственно

* Масштабы явления побудили кое-кого из западных историков написать, что в начале войны советские солдаты не хотели воевать. На первый взгляд подобное предположение могло бы даже получить подтверждение в той подозрительности, с какой Сталин и после войны относился к людям, вернувшимся из плена. Однако оно опровергается той решимостью, с какой советские войска бились в первые месяцы войны всякий раз, когда им представлялась эта возможность. Огромная масса военнопленных была захвачена немцами в ходе колоссальных операций по окружению, осуществленных ими летом — осенью 1941 г. Речь шла о целых отсеченных соединениях, потерявших ориентацию и связь между собой и с командованием. Конечно, в подобных обстоятельствах находились и люди, которые не думали ни о чем, кроме собственного спасения. Но не они определяли общую картину. Большое число пленных — это свидетельство тяжести понесенных в начале войны поражений, а также замешательства и беспорядка, в которых находилась в этот период Красная Армия; неподготовленности ее личного состава и командования.

оккупационных войск Германия смогла взять в захваченных областях лишь немногим больше того, что она могла бы получить без войны, пользуясь обычными каналами торговли[24]. В отместку немцы в момент отступления пытались вывезти все, что оставалось, и уничтожить все то, что не могло быть вывезено.

Наконец, еще одна задача, которую поставили перед собой гитлеровцы, заключалась в депортации в Германию еще сохранившего трудоспособность советского населения с целью использовать его как рабочую силу в своем хозяйстве. Вначале они пробовали вербовать добровольцев и, особенно в Западной Украине, сумели обольстить немало людей обещаниями лучшей жизни. Немного времени, однако, потребовалось для того, чтобы обманутые увидели, что уготованное им положение не слишком отличается от положения военнопленных. Никто больше не соглашался ехать в Германию, и немцы перешли к применению силы. Началась настоящая охота на людей, напоминавшая, по свидетельству немецкого источника, «самые мрачные периоды работорговли». Искали преимущественно молодежь, но не щадили и пожилых, в том числе женщин; их зачастую насильно отрывали от детей и принуждали делать аборты в случае беременности. Под дулами автоматов, подгоняя ударами бичей, их гнали по улицам городов, а потом набивали в железнодорожные составы. Деревням, которые не поставляли установленного числа людей, грозило сожжение; и многие были сожжены. У тех, кто прятался, разрушали дом и конфисковывали жалкие остатки имущества. Перед отступлением оккупанты делали последнюю попытку угнать с собой всех трудоспособных мужчин. В Германии депортированные должны были ходить с особой отличительной нашивкой на одежде, жить в специально отведенных для них лагерях и трудиться, как каторжные. По данным советских источников, численность их в общей сложности превышала четыре миллиона (по немецким документам — около трех миллионов). Как и в случае с военнопленными, большинству из них суждено было погибнуть[25].

Суммируя вместе все эти обстоятельства, можно получить представление о том, как жилось людям на обширной территории, оккупированной немцами. Недостает только последней детали. Гитлеровская политика вызывала у населения все более сильное сопротивление, размах и ожесточенность которого постоянно нарастали. Немцы пытались подавить его с той исключительной беспощадностью, которая была заранее запланирована ими. Потом к этому стали прибавляться страх перед пребыванием во враждебной стране и ярость из-за невозможности совладать с подобным противодействием даже самыми жестокими мерами. Массовые казни становились все более частыми. В каждой из стран, оккупированных нацистами во время второй мировой войны, есть свои селения-мученики, где жители были уничтожены, а дома — разрушены: Лидице — в Чехословакии, Орадур — во Франции, Мардзаботто — в Италии. В СССР они насчитывались сотнями: не было такого города или района, где не происхо-

дило бы массовых убийств[26]. Всем известны названия немецких лагерей смерти: Освенцим, Маутхаузен, Дахау, Бухенвальд. Множество аналогичных лагерей было устроено на советской земле: под Ригой, Вильнюсом, Каунасом, Львовом, Минском — если ограничиться лишь самыми крупными лагерями. Подсчитано, что жертвами оккупации стали примерно 10 миллионов советских граждан[27]. Существует, однако, другая, еще более впечатляющая советская оценка. До войны во всех областях, подвергнувшихся затем немецкой оккупации, проживало в общей сложности 88 млн. человек; к моменту освобождения в них оставалось 55 млн. человек, причем большая часть недостающих была убита или депортирована (остальные были призваны в Красную Армию или эвакуированы на восток[28]). В таком городе, как Орел, из 114 тыс. жителей, живших там до войны, оставалось 30 тыс.[29] То же было и в других местах. Эта леденящая кровь картина и открывалась взору советских солдат при наступлении.

Коллаборационизм

Понятно, что поведение захватчиков в СССР не могло вызвать симпатий у местного населения, да немцы, впрочем, и не ставили перед собой такой задачи. Это не означает, однако, что оккупанты совсем исключали из своего военного арсенала политические средства. Напротив, по мере того как война принимала затяжной характер, они все усердней старались использовать любые проявления противоречий и размежевания в рядах противника в надежде ослабить его. Успехи их в этой области были скудными как из-за того, что подобная задача была слишком далека от истинных целей оккупации и применявшихся для их достижения методов, так и из-за недооценки действительной силы советского строя. Нацисты создали в своем воображении представление о том, что население мечтает избавиться от своих правителей и ему достаточно пообещать «избавление от большевизма», чтобы оно покорилось немецкому нашествию. Действительность была иной, но политика оккупантов тем не менее породила не одну человеческую трагедию и оставила после себя глубокие раны — все это также нужно учитывать при подведении горестного итога агрессии.

К началу 40-х гг. в Советском Союзе не было недостатка в недовольных и несогласных, чьи настроения мог использовать осмотрительный враг. Чтобы понять это, достаточно просто обратиться к предыдущему периоду истории страны. Крестьяне, недовольные коллективизацией и последующей аграрной политикой; люди, пострадавшие от сталинского деспотизма; лица, тоскующие о дореволюционных порядках, — все эти категории граждан имелись в довольно значительном количестве. Национальные противоречия не только не исчезли, но и отчасти разгорелись с новой силой вследствие сталинских репрессий. Сам факт того, что страна оказалась захваченной врасплох нападением врага, порождал новые мотивы разброда. Если

среди советских людей (по крайней мере их политически наиболее активной части) было широко распространено враждебное отношение к фашизму, то антигерманской предвзятости среди них не было. Напротив, немало было таких, особенно среди пожилых, кто питал уважение к немецкой культуре, немецкой технике и в глубине души считал, что прожить можно будет и с немцами: рассуждавшие подобным образом находились даже среди евреев[30]. Рассказы о том, что в первые дни захватчики встречали радушный прием, есть не что иное, как легенда, пущенная в обращение гитлеровскими источниками (исключение, правда, составляли Прибалтийские республики, где широко сохранялась горечь недавно пережитой аннексии[31]). Правда заключается в том, что население в первое время было парализовано и оглушено внезапно обрушившимся смерчем войны.

Главный рычаг, которым немцы попытались воспользоваться в своих интересах, заключался в противопоставлении одних национальностей другим. Так, небольшие Прибалтийские республики, которые, по планам нацистов, должны были быть германизированы и присоединены к рейху, получили право на относительно привилегированное положение. Им было разрешено сохранить систему образования, была возрождена кое-какая частная экономическая деятельность, из местных коллаборационистов была назначена администрация. Иными словами, оккупация здесь походила больше на западноевропейскую и меньше на ту, которая практиковалась на остальной захваченной территории СССР: она была менее жестокой, но, конечно же, не вызывала ликования у местных жителей; к концу оккупационного периода захватчики и здесь чувствовали себя окруженными острой враждебностью. Гитлеровцы попытались также установить льготные условия для советских граждан немецкого происхождения и тем привлечь их к себе на службу (таких людей они называли «фольксдойче»): в целом им удалось навербовать среди них несколько десятков тысяч сотрудников[32]. Определенную поддержку они получили также со стороны некоторых мусульманских этнических групп, враждебность которых к Советской власти была известна московским руководителям и вызывала у них опасения: крымских татар, а также отдельных народов Северного Кавказа, в среде которых никогда не прекращалось скрытое антирусское брожение[33]. Однако меры, предпринятые оккупантами для того, чтобы завоевать симпатии этих национальных групп, носили неизбежно ограниченный характер как из-за глубокого внутреннего презрения нацистов к этим людям, так и из-за их сугубо вспомогательного значения по отношению к главной цели — ограблению. Достаточно было поэтому даже краткой немецкой оккупации на Кавказе, чтобы возникло множество обид и озлобление.

Отдельно следует сказать об Украине. Группы украинских националистов в эмиграции, продолжая враждовать между собою, еще в предвоенные годы находились на службе у немцев и их шпионских органов. В политическом отношении их позиции, отмеченные не толь-

ко острой антирусской, но также антисемитской и антипольской враждебностью, были пропитаны идеологией нацизма[34]. В момент начала вторжения некоторые из них под командованием немецких офицеров забрасывались в советский тыл с целью усилить хаос за спиной советских войск. Другие их представители сопровождали армию захватчиков в качестве экспертов, переводчиков или чиновников оккупационных ведомств. Кое-кто из нацистских главарей, в частности Розенберг, вынашивал идею создания вассального украинского государства, которое входило бы в качестве одного из компонентов в систему германского господства на территории европейской части СССР. Поэтому вначале кое-где пленных украинцев освобождали, в то время как остальных обрекали на голодную смерть. Вскоре, однако, эта политика осторожного поощрения украинского сепаратизма была отброшена. Даже предоставление самых скромных, чтобы не сказать рабских, льгот по формуле «маленький пряник и большой кнут» вступало в противоречие со всеми остальными целями, которые поставили перед собой берлинские деятели, включая Розенберга.

Украина со своими экономическими ресурсами была как раз одной из тех стран, которые гитлеровцы намеревались подвергнуть самой интенсивной эксплуатации. Кроме того, эмигрантские националистические группы не нашли тут той поддержки, на которую надеялись; исключение составляли лишь некоторые западные районы, недавно вошедшие в состав СССР (именно здесь позже была навербована целая эсэсовская часть — дивизия «Галиция»). Оккупация на Украине носила поэтому такой же, если не еще более зверский, характер, как и повсюду. Во главе оккупационной администрации был поставлен один из самых кровожадных нацистских главарей — Кох. Всякая самостоятельная политическая деятельность националистов была запрещена. Позже, правда, они создали все в тех же западных районах несколько вооруженных формирований (особенно активными были группы Бандеры и Мельника), установивших свой контроль над некоторыми участками местной территории. Немцы относились к этим бандам со снисходительным терпением, если не с прямым доброжелательством, доходившим до поощрения, потому что те воевали исключительно против советских партизан[35].

Еще более скудные результаты дали попытки гитлеровцев стимулировать сепаратистские тенденции в Белоруссии. Немцы пытались здесь играть еще на двух струнах, помимо национальной темы: на религии и «колхозном вопросе». С большой помпой были возобновлены богослужения в нескольких ранее закрытых церквах; изо всех сил немцы старались возродить старые и посеять новые раздоры между сторонниками и руководителями разных вероисповеданий и сект. Но старания эти были очень скоро прекращены, так как оккупанты обнаружили, что и сами церкви могут превращаться в центры сосредоточения и мобилизации народной ненависти к захватчикам. Что касается земли, то по программе оккупантов она должна была перейти во владение германских колонистов (не случайно совхозы, как и

государственные предприятия в промышленности, передавались, как правило, немецким предпринимателям). В самом начале, однако, немцы попытались использовать колхозы, чтобы обеспечить себе более быстрое и систематическое поступление сельскохозяйственной продукции. Потом они пообещали — и принялись было даже проводить — некую «реформу», смысл которой заключался в том, что земля в будущем должна будет вновь стать частной собственностью и поступить в индивидуальное владение тех, кто хорошо вел себя по отношению к оккупантам. Но всерьез этих обещаний никто не воспринимал, потому что даже те, кто, может быть, и соблазнился на подобные посулы, в конечном счете поняли, что немцы хотят лишь выиграть время и вывезти в Германию побольше добра[36].

Если немцам и удалось навербовать некоторое количество людей, согласившихся сотрудничать с ними, то результат этот был достигнут не столько с помощью политических средств, сколько с помощью самого элементарного шантажа голодом. Метод этот применялся как к военнопленным, уцелевшим после первых массовых казней, так и к гражданскому населению. Хотя немцы и отказывали ему в каком бы то ни было самоуправлении, но все же им нужны были хоть какие-то местные администраторы, которые бы беспрекословно выполняли их приказы (в городах их называли на немецкий лад — бургомистрами, а в деревнях — старым русским словом «староста»). Требовалось также некоторое подобие жандармерии, которая бы помогала им грабить и угонять население. Контрреволюционной эмиграции, которая уже находилась в их распоряжении, для этого было недостаточно. Пришлось набирать людей на месте из числа недовольных Советской властью и готовых перейти на сторону врага ради выполнения вышеупомянутых функций. Но и этого было все еще мало. Здесь-то и пошел в ход шантаж. Тот, кто хотел иметь хоть какую-то еду, должен был работать на оккупантов. В первое время вермахт набирал таким образом рабочую силу для выполнения грубой физической работы в тылу. И охотники находились, потому что для многих то был единственный способ утолить голод и сохранить жизнь. Потом, особенно после Сталинграда, когда в гитлеровских частях стала ощущаться нехватка людей, оккупационные власти пошли на использование завербованных таким образом работников и в вооруженных формированиях, предназначенных для борьбы с партизанами.

После войны среди западных историков нашлись такие, которые усмотрели в подобных формированиях разновидность «антисоветской и антисталинской оппозиции»[37]. На самом же деле речь шла о куда более элементарном явлении, в котором сознательный политический выбор играл очень незначительную роль. В целом на протяжении всей войны число коллаборационистов разного происхождения и разных национальностей составило почти миллион человек. Но независимо от своей идейной окраски то были люди, окруженные ненавистью в своей стране и осужденные на суровую расплату за предательство.

Из них сколачивались банды наемников, которым было нечего терять, и во многих случаях эти банды дрались как бешеные. Но при первом же случае их бойцы стремились дезертировать или перейти к партизанам в надежде искупить вину и заслужить снисхождение. Вот почему немцы в конце концов стали выводить их с советской территории и применять в качестве оккупационных войск в других странах. Лишь в конце 1944 г., окончательно проиграв войну, гитлеровцы додумались до того, чтобы придать им — для «солидности» — видимость армии, «Русской освободительной армии», поставленной под команду перебежчика Власова и немногих других советских офицеров, примкнувших к нему в плену[38].

Развитие партизанского движения

Сопротивление угнетенного населения оккупантам и их прислужникам становилось все более упорным. Оно принимало активные и пассивные формы. Самым важным из его проявлений было партизанское движение. Благодаря ему в тылу у вражеской армии распространилось постоянное ощущение опасности, притаившейся угрозы, что оказывало убийственное действие на моральное состояние германских солдат. Партизанское движение возникло отчасти стихийно, отчасти организованным путем. Следует, однако, договориться о том, что́ понимать под «стихийным», а что́ — под «организованным». Первые указания о развертывании в оккупированных районах вооруженной борьбы с захватчиками были даны советскими руководителями летом 1941 г., сразу же после того, как Сталин вновь взял в свои руки реальное руководство правительством. Указания эти содержались в трех документах: закрытой директиве ЦК ВКП(б) партийным организациям от 29 июня, речи Сталина по радио 3 июля и, наконец, в секретном постановлении от 18 июля, дававшем более точные указания насчет организации борьбы в подполье[39]. Из этого тем не менее не следует делать вывод, будто движение было заранее тщательно продумано и подготовлено. Напротив, мысль о нем появилась внезапно после начала войны.

В прошлом, в 20-е — начале 30-х гг., советское военное руководство считало, что в случае вражеского вторжения в тылу у противника необходимо будет развернуть партизанскую войну, и с этой целью специально занималось средствами и людьми, которым предстояло организовать партизанское движение. Однако во время массовых репрессий 1936—1938 гг. подобная предосторожность стала рассматриваться как проявление пораженчества, и все приготовления были свернуты. Почти все, кто занимался этими вопросами, погибли в годы страшного сталинского террора[40]. У Сталина сложилось предубеждение против подобного рода планов. Весьма вероятно, что он опасался их отрицательного воздействия на внутриполитическую обстановку. Речь шла как о моральном духе народа, которому он тогда обещал, что любой противник будет остановлен на границе и разгромлен на

его собственной территории, так и о собственно политических опасениях: подозрении, как бы зародыш подпольного аппарата не сделался орудием в руках оппозиционных течений. Впрочем, его недоверие восходило к еще более давним истокам, включая даже те, которые переплетались с неизменным большевистским неприятием «партизанщины»[41]. Пронизанный государственностью образ мышления Сталина побуждал его рассматривать партизанскую войну, герилью, как своего рода второсортный суррогат действия регулярных армий. Подобное суждение, кстати, было высказано им и после победы[42]. Переменить мнение в 1941 г. его заставила лишь необходимость мобилизовать все и всякие возможные резервы. Не удивительно поэтому, что один из самых прославленных руководителей советского сопротивления, партизанский командир Федоров, позже писал: вплоть до сталинской речи 3 июля 1941 г. «никто не заботился о создании партизанских групп; признаюсь, что не помышлял об этом и я»[43].

Попытки оставить в неприятельском тылу нелегальный аппарат предпринимались в последний момент, когда гитлеровские полчища уже оказались у порога. Тогда для проведения секретной деятельности на оккупированной территории назначались подпольные комитеты партии, агенты Наркомата внутренних дел, активисты комсомола. Одной из их главных задач были как раз сбор и организация людей, создание баз для первых партизанских отрядов. Но, поскольку все делалось в величайшей спешке, эти мероприятия давали на первых порах скудные результаты. Ощущались недостаток подготовки и нехватка тех старых большевиков, которые обладали опытом подпольной работы. Стремительность и внезапность немецкого наступления не оставляли времени для того, чтобы установить необходимые конспиративные связи между немногочисленными ячейками будущего подполья, а также между ними и отступающими советскими войсками. Многие группы, оставленные в оккупированных районах, не сумели выполнить возложенные на них задачи и распались; другие были разгромлены репрессивным аппаратом немцев, немедленно приступившим к работе[44].

Как бы то ни было, именно от таких ядер активного сопротивления, в спешке сколоченных из людей, которые не хотели или не могли эвакуироваться, пошли первые побеги партизанского движения. Более массовый приток затем был обеспечен ему за счет попавших в окружение и потерявших управление в ходе трагических перипетий начального периода войны армейских частей. Если бóльшая часть их личного состава попала в плен, то остальные, не желая сдаваться и не имея возможности соединиться с регулярной армией, искали прибежища в лесах. Так возникли первые вооруженные отряды, которые действовали в немецком тылу уже в 1941 г. Под Москвой и Ленинградом, где гитлеровцы были наконец остановлены, советское командование постаралось установить с ними контакт. Через линию фронта забрасывались связные и специально обученные диверсанты

(в их числе была одна из самых знаменитых героинь партизанского движения, юная Зоя Космодемьянская, схваченная и зверски убитая фашистами). Битва под Москвой в своей оборонительной и в еще большей мере наступательной фазе явилась первым за всю войну сражением, в котором партизанские отряды играли важную тактическую роль. Некоторые наступавшие дивизии соединились с партизанскими отрядами, действовавшими в западных районах Смоленской области[45]. Немцам, правда, удалось в целом остановить советское наступление, после чего они провели в этой местности одну из самых массовых облав[46].

Как указывает один из советских статистических источников, к концу 1941 г. число активных партизан доходило до 90 тысяч, а партизанских отрядов — более 2 тыс.[47] Уже одни эти цифры показывают, что отряды были весьма немногочисленны: в каждом насчитывалось лишь несколько десятков человек. Из-за отсутствия должной организации зима 1941/42 г. сделалась для движения самым критическим периодом. Партизанские отряды, особенно действовавшие в наиболее отдаленных от фронта районах, не имели связи и снабжения, нужного снаряжения и приспособленных к зиме укрытий, а также соответствующей подготовки к методам ведения партизанской войны. Все это повлекло за собой распад некоторых отрядов, бойцы которых оказались в плену. Острой была нехватка оружия, но еще более острой — боеприпасов. Не было возможности оказывать помощь раненым[48]. Ряды вооруженного сопротивления поредели, но оно все же не угасло. По данным самой советской статистики (к которым следует относиться с осторожностью в силу их, по-видимому, неизбежной неточности, ибо порою встречаются противоречия между разными ее источниками), к середине 1942 г. численность партизанского движения составляла, несмотря ни на что, 65 тысяч человек[49]. Можно утверждать, следовательно, что движение это, даже будучи ослабленным, уже пустило весьма глубокие корни.

Начальные трудности партизанских отрядов породили новые сомнения и колебания в высшем советском руководстве. Партизанская война представлялась пока главным образом в виде саботажа и диверсионных актов. Среди штабных работников возникла малореалистическая идея засылать в немецкий тыл целые соединения — пехотные или кавалерийские дивизии — из состава регулярной армии. Но предложение это не было одобрено. Нарком внутренних дел Берия выражал скептицизм по поводу эффективности партизанских действий и утверждал, что лучше довериться прошедшей особую подготовку агентуре его спецслужб. Его доводы в течение некоторого времени оказывали влияние на Сталина и большинство других руководителей. Лишь в конце мая 1942 г. такие проекты были сняты с повестки дня, ибо стало ясным политическое значение борьбы в немецком тылу. Именно тогда было решено придать партизанскому движению ту организационную структуру, отсутствие которой оно

так остро ощущало в первые месяцы и которой добивались все непосредственные участники партизанской борьбы[50].

При Верховном Главнокомандовании был создан Центральный штаб партизанского движения, во главе которого был поставлен белорус Пономаренко. Партизанские штабы были созданы и в областях. Объединение под началом централизованного руководства принесло движению ценную помощь двоякого рода: связь и снабжение. По приказу командования авиация сбрасывала отрядам во вражеском тылу людей и технические средства (особенно интенсивно такая поддержка оказывалась начиная с 1943 г.)[51]. Снабжение осуществлялось и через неприкрытые участки немецкого фронта, которые постоянно имелись из-за его большой протяженности. Первостепенное значение имела доставка партизанам переносных раций, позволявших им устанавливать регулярную связь с другими отрядами и с «Большой землей», как они называли теперь остальную часть Советского Союза, со столицей и находящимся там руководством страны. Летом 1942 г. в штаб-квартире в Москве состоялось несколько совещаний с наиболее крупными из вожаков партизанского движения. Плодом этих совещаний явились новые директивы, подписанные Сталиным 5 сентября. Был даже назначен «главнокомандующий» партизанским движением в лице Ворошилова, однако это решение, носившее скорее символический, нежели реальный смысл, несколько недель спустя было аннулировано[52].

Благодаря этим мерам в сочетании с огромной силы моральным импульсом от победы под Сталинградом вооруженная борьба во вражеском тылу совершила качественный скачок как в смысле массовости, так и с точки зрения ее оперативного эффекта. Эта борьба стала перерастать в ту народную войну, которая и явилась одной из самых характерных черт всей второй мировой войны. В 1943 г. по ту сторону фронта под командованием центрального штаба сражались 250 тыс. вооруженных партизан. В целом за все время войны в партизанских отрядах побывало, по архивным данным, приводимым советскими историками, от 800 до 900 тыс. человек[53].

Тактика и результаты партизанской войны

Для успеха партизанских действий требуются определенные природные условия. В других европейских странах наиболее удобной для партизанской борьбы местностью были горы. В СССР их роль выполняли леса и в меньшей мере — заболоченные зоны. Самым партизанским районом был район центрального лесного массива, тот самый, где дольше всего по времени проходила постоянная линия фронта. Напротив, открытые южные степи, где к тому же и сами военные операции регулярных армий носили характер непрерывного маневрирования, куда меньше годились для ведения партизанской борьбы (предметом споров до сих пор остается вопрос, до какой степени причиной неудач партизанского движения в южных районах

Украины были эти неблагоприятные природные условия, а до какой — наложившиеся на них политические факторы).

Самой известной партизанской зоной были Брянские леса. Они служили как бы базой и связующим звеном с другими, более отдаленными зонами. Здесь не только располагались наиболее крупные соединения, но и находили укрытие другие отряды, которым нужна была передышка, чтобы привести свои ряды в порядок после особенно тяжелых рейдов и кровопролитных боев. На Украине партизанская война получила развитие особенно в северных районах республики, где большие пространства заняты лесами. Наконец, сплошь партизанской стала земля Белоруссии: движение здесь было более длительным и массовым, чем в любой другой части оккупированной территории СССР. В 1944 г. в одной только этой республике действовало 374 тыс. партизан. Ленинградская область, как и весь Северо-Запад, представляла собой еще один район интенсивной партизанской деятельности: здесь был образован первый областной штаб партизанского движения, по образцу которого потом создавались другие[54]. Гораздо скромнее были масштабы подпольных операций в Прибалтийских республиках. Нельзя сказать, чтобы здесь вовсе не было партизанской борьбы, хотя развитие ее, несомненно, отставало от других районов. В общем, каким бы организованным и введенным в официальные рамки ни было партизанское движение, оно всегда зависело от инициативы и боеспособности на местах. Вот почему оно до самого конца несло в себе неискоренимый элемент стихийности, о чем можно судить хотя бы по тому, что некоторые отряды так и не попали в сферу руководящей деятельности Центрального штаба партизанского движения[55].

Личный состав партизанских отрядов пополнялся из двух источников. Первым была «Большая земля», откуда прибывал наиболее квалифицированный персонал: кадровые военные и политработники, радисты, подрывники, разведчики, как правило, подготовленные к выполнению предстоящих задач на курсах ускоренной подготовки. Вторым, в численном отношении несравненно более важным источником было местное население. Речь шла о рабочих и студентах, покидавших города, в которых невозможно было больше жить; о крестьянах, предпочитавших лес родной деревне, где гитлеровцы отнимали у них скот и имущество; о молодых, да и не очень молодых людях, спасавшихся от угона в Германию, — одним словом, о всех, кто так или иначе решил с оружием в руках подняться на борьбу с оккупантами. К партизанам переходили и люди, которые пошли на первых порах на службу к немцам. Самым известным случаем такого рода был переход к ним некоего Гиль-Радионова со своим отрядом. Вначале он с особой жестокостью участвовал в подавлении партизанского движения в Белоруссии, но в августе 1943 г. согласился перейти на другую сторону и, по правде говоря, сражался с немцами с такой же отчаянной решимостью, как и прежде[56]. В общем и целом, однако, партизанское движение, как это было подмечено уже

тогда одним из иностранных наблюдателей, носило скорее городской, нежели сельский характер. Это подтверждают и статистические данные, обнародованные до сего дня советскими источниками. В начале 1944 г. партизанские отряды состояли на 41 % из крестьян, на 30 — из рабочих и еще на 29 % из «служащих», то есть кадровых военных, партийных работников, интеллигенции. Более тщательный анализ по областям показывает, что доля сельских тружеников колебалась в пределах от 31 до 47 %, между тем как районы, где действовали отряды, имели в составе населения абсолютное преобладание деревни над городом[57]. Следует помнить, однако, что у местного населения, то есть прежде всего у крестьянства, партизаны находили не только пополнение для своих рядов, но также ту моральную и материальную поддержку, и в частности продовольствие, информацию о противнике, спасительные укрытия и т. п., без которых они не смогли бы долго продержаться.

Вооруженная борьба в тылу имела как военное, так и политическое значение. Партизаны устраивали засады против подразделений противника и совершали нападения на отдельные его гарнизоны, пытаясь не вступать в бой со слишком крупными частями. Когда у них появилась связь с «Большой землей», они собирали и передавали сведения о передвижениях вражеских войск[58]. Но главным видом их деятельности были диверсии на железнодорожных и шоссейных путях. Со временем (особенно в ходе операций по освобождению Белоруссии в 1944 г.) значение подобных актов вышло за рамки чисто тактических вылазок и приобрело серьезный оперативный смысл.

Партизаны сражались всегда небольшими группами, однако отряды, насчитывавшие вначале несколько десятков человек, в дальнейшем разрастались до таких размеров, что объединяли уже порой не одну сотню бойцов. Их организация варьировалась от области к области, но, как правило, отдельные отряды сводились в более крупные соединения, которые обычно именовались бригадами. Вооружение было преимущественно легкого типа; взрывчатка занимала в нем особое место. Нередко, впрочем, в отрядах имелись также минометы, а в некоторых случаях — даже пушки и танки[59]. С развертыванием движения в тылу у немцев стали возникать целые районы, полностью изъятые из-под контроля оккупантов: речь идет о знаменитых «партизанских краях», особенно обширных в Белоруссии. Отсюда начинались не менее знаменитые партизанские рейды. Колонны по 2—3 тыс. бойцов, летом — верхом или на телегах, зимой — на санях, совершали продолжительные походы, порой длиною в несколько тысяч километров, по оккупированным немцами районам. Передвигались они по ночам, днем пережидая в укромных местах, а завершив рейд, вновь скрывались в лесных массивах. Эти походы, в которых особенно отличились такие прославленные партизанские командиры, как Ковпак, Федоров, Сабуров, Мельник, сыграли особенно важную роль в стимулировании вооруженной борьбы на Украине;

позже они помогли также дать импульс партизанскому движению в сопредельных странах[60].

Политические результаты по своей важности даже превосходили военные. Партизанское подполье на оккупированных землях знаменовало присутствие Советского государства и его Коммунистической партии, подтверждало их руководящую роль в организации отпора захватчикам. Благодаря партизанам и подпольщикам удавалось распространять листовки и даже некое подобие нелегальной печати. Передаваемые из рук в руки, эти листки поддерживали веру в победу и призывали население противодействовать немецким мероприятиям, особенно угону людей в Германию и заготовкам сельскохозяйственной продукции[61]. Борьба партизан давала поэтому и экономический эффект: оккупанты, например, лишь в минимальной степени смогли воспользоваться лесными богатствами оккупированных областей[62]. Число коммунистов и комсомольцев в партизанских отрядах также колебалось в зависимости от местных условий, но неизменно было достаточно высоким[63]; институт политических комиссаров сохранялся здесь и после того, как был отменен в армии. Действия партизан обращались своим острием не только против немцев, но и не в меньшей степени против тех, чьим сотрудничеством немцы сумели заручиться. Коллаборационистам предлагалось дезертировать и тем заслужить снисхождение. Во многих случаях подобные призывы давали результат. Если же этого не происходило, мстители не знали пощады.

По самой своей природе партизанская герилья представляет собой одну из наиболее жестоких сторон войны. Да иначе и быть не может, ибо лишь крайняя решимость способна обеспечить надежный эффект партизанским действиям. Если немцы не останавливались перед зверским обращением с безоружными людьми, пленными и гражданским населением, которых они избивали и угоняли в Германию, то легко представить себе, с каким остервенением они стремились расправиться с лесными воинами. «Борьба с партизанами на востоке, — заявил Гитлер, — есть смертельная борьба: одна из двух участвующих в ней сторон должна быть истреблена». Количество приказов, выдержанных в подобном духе, трудно сосчитать. В прифронтовой полосе карательными акциями против партизан занимались непосредственно части вермахта; во всех остальных районах эти функции были возложены на войска СС и их славившихся жестокостью офицеров. Достаточно было, чтобы на человека упала лишь тень подозрения в том, что он оказывает помощь партизанам или подпольщикам, как его хватали, подвергали мучительным пыткам и казни[64]. Ответные меры бойцов подпольной армии не могли быть мягкими. Необходимо было следовать правилу «око за око». Деятельность предателя, агента, засланного врагом, просто миг малодушия могли стать роковыми. Для жалости не было места. То была война, по словам одного из ее участников, в которой «человеческая жизнь была страшно дешевой» и люди очень быстро

усваивали «уроки решимости и необходимой жестокости»[65]. В оккупированных районах, как ни в каком другом месте, было ясно, что советские народы ведут борьбу не на жизнь, а на смерть.

Борьба в городах и пассивное сопротивление

Менее заметной, но еще более тяжелой, чем у партизан, была деятельность городских подпольщиков. За партизанами немцы вынуждены были охотиться в лесах или по крайней мере на изобилующей препятствиями местности вдали от главных путей сообщения; в городах же каждый, кто решался бросить вызов их террору, должен был действовать прямо у них на глазах. Городское сопротивление, как свидетельствуют советские источники, несло во много раз более тяжелые потери, чем партизаны[66]. В подпольных организациях царили самые строгие правила конспирации: каждая ячейка состояла всего из нескольких человек, известных лишь их непосредственному руководителю. Но гитлеровскому карательному аппарату все равно удавалось во множестве уничтожать их. Несмотря на это, группы подпольщиков действовали почти во всех крупных городских центрах. На месте уничтоженных тайных организаций, оставленных советскими властями перед самым уходом, возникали новые комитеты. В Киеве, например, нелегальная организация была целиком уничтожена гитлеровцами уже в октябре 1941 г., почти все ее участники были арестованы и казнены. Подпольная сеть была восстановлена и, хотя нацисты не раз раскрывали и обезглавливали ее, продолжала существовать до самого конца. Сходное положение наблюдалось в Минске. В первые месяцы, в особенности на Украине, деятельность подпольных комитетов была чрезвычайно трудной[67]. Но как бы то ни было, органы советского политического руководства, в частности с помощью партизан, сумели постоянно напоминать о себе в большинстве оккупированных областей и районов. В 1943 г. в подполье действовали уже Центральные Комитеты коммунистических партий Украины и Белоруссии. В Прибалтийских республиках подобную операцию осуществить не удалось[68].

Группы сопротивления в городах стремились в первую очередь срывать мероприятия оккупационных властей. Деятельность этих групп носила, следовательно, больше политический и меньше военный характер, но в немалом числе случаев подпольщики обращались также и к вооруженной борьбе. В Одессе они нашли укрытие в лабиринте катакомб, издавна знакомых жителям этого крупного южного портового города, но куда наверняка не решился бы ступить чужестранец. В Павлограде они попытались с помощью восстания овладеть городом во время наступления Красной Армии в марте 1943 г., но город вновь был оккупирован немцами[69]. Несколько подпольных групп действовало в шахтерских районах Донбасса: самой знаменитой из них — в частности, благодаря отражению ее деятельности в художественной литературе — была группа под наз-

ванием «Молодая гвардия»[70]. Немалое число подпольщиков получали неблагодарное задание проникнуть в аппарат оккупационных властей, наняться к ним на службу с целью организации саботажа и диверсий. С их помощью были осуществлены некоторые из самых сенсационных операций, такие, например, как убийство белорусского наместника Кубе в сентябре 1943 г. (подпольщица, работавшая в его резиденции, положила бомбу под его кровать) и двух ближайших сотрудников Коха на Украине (застреленных советским разведчиком).

Картина противодействия, встреченного немцами, оставалась бы, однако, неполной, если бы мы не упомянули о самом распространенном типе сопротивления: пассивном сопротивлении[71]. В разной степени освещенное политическим сознанием, оно выражалось в самых разнообразных формах: от предоставления приюта партизанам до намеренного выпуска брака на предприятиях, которые немцам удалось пустить в ход; от прикрытого разнообразнейшими предлогами отказа занять пост старосты, учрежденный немцами в деревне, до невыполнения приказов германского командования. Пассивное сопротивление, как и активное, порождалось жестокостью оккупационной политики и чувством озлобления, которое вызывали к себе немцы. Весьма часты были случаи пассивного сопротивления в сельской местности. Крестьяне прятали продукты своего труда, иногда даже зарывая их в землю, чтобы не отдавать немцам; угоняли скот в лес при первых же признаках возможной конфискации. Дело доходило до нападений и поджогов складов, где оккупанты хранили награбленное продовольствие. Мужчины в деревнях прятались, чтобы избежать угона в Германию или тяжких повинностей, налагаемых оккупационными войсками[72].

Впрочем, все эти формы сопротивления могли считаться пассивными лишь до определенной степени, ибо в любом случае они требовали прямого возмущения против захватчиков или по крайней мере явного неповиновения им. В этом смысле такие формы представляли собой как бы промежуточную ступеньку на пути перехода к вооруженной борьбе. Немцы в свою очередь карали за них не менее жестоко.

Оккупированная часть СССР стала местом, где накопился колоссальный заряд ненависти. Отсюда это глубокое чувство распространилось на весь советский народ, в том числе и тот, который оставался по другую сторону фронта. Ненависть овладевала людьми по мере того, как приходили сообщения об обращении немцев с их соотечественниками на захваченных территориях. Самое яркое свидетельство оставил писатель, сказавший: «Как и другим, ненависть мне далась нелегко, это ужасное чувство — оно вымораживает душу... Годы всеобщего затемнения, годы ненависти, обкраденная, изуродованная жизнь»[73].

Тот же автор рассказал потом в своих воспоминаниях без всякой напыщенности, просто приводя записи из своих дневников,

какая непрерывная череда чудовищных картин открывалась взору наступающих советских частей: обугленные трупы мужчин, женщин, детей, стариков; заваленные телами бесконечные длинные рвы; обезлюдевшие селения, где, словно тени, бродят среди руин несколько уцелевших жителей. Чтобы выстоять и победить, людям приходилось подавлять в себе все чувства, за исключением жажды мести. Солдаты шли, «подстегиваемые злобой», они «видели, что наделали немцы, и торопились положить этому конец». И еще: «Сцены менялись, но зрелище было все тем же... Не скрою: мне было тяжело. Я знал, что население узнало всю меру страданий — нельзя сравнивать порядки фашистов в оккупированных городах Франции, Голландии, Бельгии с теми, которые царили в захваченных гитлеровцами областях Советского Союза. Несмотря на расправы, люди оставались неукротимыми, и, может быть, именно поэтому приметы благополучия казались невыносимыми. Мы все дышали тоской, обидой, гневом»[74]. На снисхождение не приходилось рассчитывать не только тем, кто сотрудничал с оккупантами, но и людям, которые под сенью оккупации пытались создать свой уголок жалкого и зловещего благополучия: не важно, шла ли речь о кандидате в предприниматели, варившем пиво для немцев, или о девице, не слишком строго державшей себя с вражеским офицером. Война в СССР приобрела то свое наиболее элементарное и беспощадное выражение, при котором нет больше перемирий или укромных прибежищ ни для кого.

VIII. ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА: «ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА!»

Тотальная мобилизация

Сколь бы решающими ни были собственно военные действия, судьба советско-германского конфликта зависела не только от того, что происходило на фронте или в тылу у врага. Вторая мировая война принесла с собой массированное применение техники, моторизованных армий. Это потребовало большого напряжения от экономики стран — участниц войны и заставило их создавать обширнейшие тылы. В этом отношении, как и во многих других, катастрофическое начало военных действий поставило СССР в крайне невыгодное положение.

Подчинив своему господству почти всю Европу, Германия получила контроль над экономическим потенциалом, намного превосходившим советский[1]. Свои слабые места были и у нее. В отличие от СССР она не располагала всеми (или почти всеми) видами сырья и главное — не имела нефти: единственным ее поставщиком для Гитлера была Румыния. Кроме того, хотя немцы и смогли сосредоточить подавляющую часть своих вооруженных сил и ресурсов на Восточном фронте, но сражаться им приходилось не только с советскими войсками. Но все же соотношение экономических сил было с самого начала не в пользу СССР. Тем более серьезно его усугубила потеря огромных территорий в первые два военных лета.

Несмотря на оказавшееся теперь спасительным создание новых промышленных центров на востоке страны, основная часть советской индустрии находилась к западу от Волги. Теперь она была утрачена. В руки врага попали запасы природных ископаемых огромной ценности: криворожская железная руда, никопольский марганец, донбасский уголь. Через считанные месяцы после начала войны промышленный потенциал СССР оказался уменьшенным наполовину[2]. Металлургия была отброшена до уровня первой пятилетки*. Некото-

* Уже во время войны советская пропаганда подчеркивала, что довоенная политика индустриализации «спасла Родину» (см. Красная звезда, 1 апреля 1942 г.). Это утверждение, разделяемое по сей день всей советской исторической наукой, особенно верно в том, что касается развития промышленности на Урале и вообще в восточных районах страны. Не подлежит сомнению, иначе говоря, что даже при огромных потерях начального периода СССР сохранил промышленную базу, способную обеспечить его армию необходимым вооружением. Однако этот тезис выглядит отнюдь не бесспорным, если его приводят в качестве общего оправдания темпов и способа проведения индустриализации при Сталине. В самом деле, как мы знаем, политические последствия такого осуществления индустриализации тяжко сказались на всей первой фазе войны, то есть той фазе, в которой СССР утратил большую часть результатов, полученных благодаря индустриализации. Правда, мы можем только гадать, как сказалась бы на успехах СССР и на всей совокупности обстоятельств, сопровождавших его вступление в войну с Германией, какая-то иная индустриальная политика. В любом случае нужно иметь в виду, что СССР использовал для своих военных усилий не весь тот экономический потенциал, который был создан пятилетними планами, а лишь часть его, равноценную примерно объему производства, достигнутому к середине 30-х гг.

рые виды производства понесли еще больший урон. Так, выпуск шарикоподшипников сократился в 21 раз, а прокат цветных металлов — даже в 430 раз (то есть практически прекратился)[3]. Как мы вскоре увидим, ценой жесточайших усилий Советский Союз сумел прикрыть бреши в своей экономике, но так и не смог полностью ликвидировать их: ему пришлось, например, до самого конца войны сражаться при уровне металлургического производства, лишь немного превышавшем половину довоенного. Резко понизился и объем добычи нефти, хотя немцам в 1942 г. лишь на короткое время удалось завладеть одной только частью северокавказских нефтяных промыслов[4].

И вот в таких-то условиях СССР — и в этом заключается самый поразительный его успех — сумел уже с 1942 г. выпускать больше вооружения, чем Германия; в дальнейшем его преимущество продолжало возрастать. Когда мы говорим «вооружение», то имеются в виду те типы вооружения, которым принадлежала решающая роль на восточном театре войны: авиация, танки, артиллерия, автоматическое стрелковое оружие. По всем этим видам вооружений советская промышленность сумела опередить даже все остальные страны, участвовавшие в войне (единственным исключением оставалось производство самолетов в США). Этот перевес в производстве вооружений выглядит еще более удивительным, если вспомнить, что он был достигнут Советским Союзом при относительно меньшем промышленном потенциале. В самом деле, если посчитать, сколько самолетов, танков или орудий было произведено на каждый миллион тонн выплавленной стали (или на каждый миллиард киловатт-часов выработанной электроэнергии, или на каждую тысячу действующих станков — одним словом, в сопоставлении с базовыми индексами промышленного развития), то окажется, что советские показатели во много раз превосходят аналогичные цифры в других странах[5]. Иначе говоря, даже оказавшись в столь трагических обстоятельствах, Советский Союз сумел обеспечить своим вооруженным силам все необходимое для борьбы и победы. Однако это удалось сделать исключительно за счет такой степени концентрации всех своих ресурсов для нужд военного производства, какой не знала ни одна из воюющих стран. Никакое другое государство не достигло столь высокой степени милитаризации экономики.

Остается рассмотреть, как была осуществлена подобная операция. Самыми страшными были осенне-зимние месяцы 1941—1942 гг. Общие показатели промышленного производства продолжали стремительно падать вплоть до февраля[6]. Утвержденные слишком поздно, планы мобилизации промышленности были скомканы (например, план по производству боеприпасов и патронов, утвержденный 6 июня 1941 г., был введен в действие только через три дня после начала войны)[7]. Тем не менее выпуск военной продукции благодаря переводу на военное производство всех действующих предприятий все равно увеличился. Но не всех видов военной продукции: отста-

вало производство боеприпасов, боевых самолетов[8]. Из-за этого как раз тогда, когда Красной Армии, как никогда, срочно требовались свежие резервы для противодействия захватчикам, возникла острая нехватка некоторых средств, создававшая у бойцов тягостное ощущение серьезного технического отставания по сравнению с противником. Реальное наверстывание упущенного началось лишь во втором квартале 1942 г., эффект же его на полях сражений дал знать о себе лишь к концу этого года: Сталинград был первым тому доказательством[9].

Преодолеть подобный кризис, который по своим масштабам «мог парализовать всю экономику СССР и повлечь за собой катастрофические последствия», представляло собой чрезвычайно трудную задачу. Выполнение ее, как констатировал один из самых бесстрастных английских историков, явилось «выдающейся победой над устрашающими трудностями»[10]. Важный вклад в эту победу был внесен уже упоминавшейся эвакуацией более чем 1500 предприятий из городов, которые пришлось отдать немцам. Их оборудование было демонтировано, погружено в железнодорожные составы (всего потребовалось, как было подсчитано, полтора миллиона вагонов[11]) и вывезено на Восток, то есть преимущественно на Урал, в Поволжье, Западную Сибирь, Среднюю Азию[12]. Там, где была возможность, оно устанавливалось на уже существующих предприятиях. В других случаях станки и механизмы размещались в кое-как приспособленных зданиях, временных деревянных постройках либо даже под открытым небом. Авиационные заводы практически пришлось строить заново. Вместе с оборудованием удалось эвакуировать не всех рабочих, а лишь 30—40 % заводских коллективов[13]. Люди вынуждены были трудиться в невыносимых условиях, жить в палатках, наспех сооруженных строениях или в уже перенаселенных квартирах. На первых порах в новых местах размещения не хватало электроэнергии. И все же, несмотря на препятствия, которые казались непреодолимыми, эвакуированные заводы один за другим начинали работать: первые — весной 1942 г., другие — летом того же года, последние — в начале 1943 г.[14]

Восточные районы СССР, и прежде всего Урал с его металлургической базой, созданной во время первой пятилетки, превратились в огромный арсенал, который — к удивлению Гитлера — без устали снабжал сражающуюся армию. Но одна лишь эвакуация не могла бы дать такого эффекта. Практически вся советская промышленность, включая мелкие предприятия и промысловые кооперативы, была переведена на военное производство. Чем бы раньше ни занимались те или иные заводы и фабрики, выпускали ли они сельскохозяйственные машины или строили речные суда, — теперь все они были поставлены на службу фронту. И без того недостаточно развитая легкая промышленность поставляла армии боеприпасы, шелк для парашютов, шинельное сукно, ткань для гимнастерок. Выпуск же тканей, обуви или других потребительских

товаров для гражданского населения вновь упал до низшего уровня начала 20-х гг.[15] Военные нужды пользовались абсолютным приоритетом при распределении электроэнергии и топлива, которых также не хватало: в городах, включая и такие крупные, как Москва, отопление поддерживало в жилищах лишь несколько градусов тепла, а электричество подавалось крайне скупо и часто выключалось[16].

Но и это еще не все. Во время войны Советское государство продолжало вести капитальное строительство и сооружать новые предприятия на остававшихся под его контролем территориях. Вначале число строительных площадок было резко сокращено: с 5700 до 614[17]. Потом, однако, усилия стали наращиваться. Львиная доля капиталовложений предназначалась Уралу и другим восточным районам, причем средства шли почти исключительно (в размере 93 %) на оборонные заводы и предприятия тяжелой индустрии. Такая способность вести капитальное строительство, жертвуя любыми видами потребления, кроме военного, позволила позже Советскому правительству приступить к восстановлению хозяйства в освобожденных районах уже с 1944 г., когда еще шли сражения. Всего за войну было создано 3500 производственных единиц и проведена коренная реконструкция еще 7500 предприятий. Нередко речь шла о временных цехах и производствах, которые позже предстояло завершить, но тем временем и они выпускали военную продукцию[18].

Женщины и дети за станком

Требовалось, однако, обеспечить эти предприятия необходимой рабочей силой. То была одна из самых трудных задач как потому, что большая часть работоспособных мужчин была на фронте, так и потому, что огромные территориальные потери лишили страну большого числа рабочих рук, способных не только держать винтовку, но также работать на заводе или стройке. Решение — в соответствии с курсом, обрисовавшимся уже накануне войны, но восходившим к более давним традициям советской политики, — было найдено на путях максимальной милитаризации труда[19]. От призыва в армию были освобождены только наиболее квалифицированные рабочие и необходимый инженерно-технический персонал, однако они обязаны были по приказу переходить с одних предприятий на другие и переезжать из одной области в другую. С первых же дней войны были упразднены выходные дни и дано право директорам предприятий продлевать рабочий день на три часа (на два часа для подростков до 16 лет)[20]. На практике это означало переход на 11-часовой рабочий день (с немногими исключениями для наиболее вредных производств). В самые напряженные моменты, например в Москве, когда над ней нависла угроза, или на Востоке в период установки эвакуированного оборудования, дело доходило и до рабочего дня неограниченной продолжительности[21].

С декабря 1941 г. уход с рабочего места в промышленности, считающейся военной — то есть почти во всей промышленности, —

был приравнен к дезертирству из рядов армии и объявлен преступлением, караемым с соответствующей строгостью[22]. Еще в начале войны была учреждена трудовая повинность, на основе которой все взрослое население могло быть мобилизовано на особо срочные работы, такие, например, как строительство оборонительных сооружений. В феврале 1942 г. все мужчины с 16 до 55 лет и женщины с 16 до 45 лет были объявлены подлежащими мобилизации на работу в промышленности и строительстве при соблюдении абсолютного приоритета для заводов, выпускавших самолеты, танки, оружие и боеприпасы, предприятий металлургической, химической и топливной промышленности. На протяжении всей войны это был главный источник получения рабочей силы: мобилизация затронула около 12 млн. человек, из которых половина использовалась на сезонных работах и примерно 3 млн. было направлено на постоянную работу на заводы и строительные площадки. Наибольшая численность мобилизуемых была достигнута в 1944 г., когда трудовые ресурсы пополнились за счет освобожденных областей[23]. Таким образом, когда уже в те годы говорилось, что «вся страна стала одним огромным военным лагерем» или что «ни завод — фронт, что ни колхоз — фронт», когда уже в наши дни советские историки утверждают, что была осуществлена «полная, всеобщая мобилизация экономики для обеспечения победы над врагом»[24], — то это не риторика, а точное описание действительности.

Подобные формы привлечения рабочей силы, однако, лишь в самой малой степени могли обеспечить приток мужчин зрелого возраста, так как большинство их было на фронте. К работе были привлечены пенсионеры и инвалиды, но это не могло дать решения проблемы. Основным резервом для народного хозяйства явились подростки и женщины. Во время войны советские заводы и фабрики были заполнены безусыми юнцами и женщинами. В различных отраслях промышленности доля рабочих, не достигших 18 лет, колебалась в пределах от 15 до 23 %, но имелись отдельные предприятия, где она превышала 60—70 %[25]. Еще более высокой была доля женщин. В обращении 8 марта 1942 г. содержалось требование, чтобы ни одна женщина «ни в городе, ни на селе» не оставалась в стороне от производительного труда. Доля женщин среди занятых в народном хозяйстве в целом превышала 57 % (53 % в промышленности). Работали женщины и на тяжелых производствах: в отдельные моменты их было более 38 % среди работников металлургии и более 35 % — среди работников угольной промышленности [26].

Своей победой в войне СССР обязан женщинам не меньше, чем мужчинам. Среди пришедшей на работу молодежи добрую половину составляли девушки. У многих тружениц дома оставались дети. Всем им были знакомы тягостные трудности поисков пропитания для себя и членов семьи. Все или почти все они были одиноки, так как мужья, братья, сыновья были на фронте. Главный маршал артил-

лерии Воронов пишет: «Советские женщины в тылу проявили героизм не меньше, чем воины на фронтах». Писатель Чаковский, непосредственный свидетель блокады, утверждал, что женщины в Ленинграде обладали большей стойкостью, чем мужчины[27]. Но женщины не ограничивались работой в тылу: много их было и в вооруженных силах. В армии они были поварами, санитарками, телефонистками и радистками, медицинскими сестрами, врачами. Ими был укомплектован личный состав зенитных батарей в тылу и на фронте. В некоторых авиационных частях имелись смешанные или даже целиком женские экипажи. Женщины сражались даже в аду Сталинграда. Воздавая должное их участию в знаменитой битве, Чуйков сказал, что никогда, ни в одну войну, женщины не играли такой роли, как в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг.[28]

Процесс организации военной экономики сопровождался централизацией управления ею; причем степень этой централизации была даже больше, чем та, которая была достигнута в ходе первой пятилетки[29]. На протяжении всего времени с начала индустриализации, даже в мирных условиях, советский производственный аппарат ни разу не испытал ничего похожего на реальную децентрализацию. Еще менее на это можно было рассчитывать в военное время. Поскольку же функционирование всего народного хозяйства было подчинено достижению лишь нескольких предельно ограниченных целей, централизация достигла своего максимального уровня. Немногие люди и органы управления могли диктовать законы всей национальной экономике: перемещать машины и оборудование из одной отрасли в другую, мобилизовать рабочую силу и направлять ее туда, где она была, по их мнению, всего нужнее; решать, как распределить имеющиеся блага, — одним словом, управлять всеми людскими, техническими, материальными и финансовыми ресурсами. Значительная часть советских историков продолжает указывать на столь мощную концентрацию полномочий, к чему советская экономика была предрасположена всей предшествующей историей ее планирования, не только как на одно из условий победы, но и как на признак абсолютного превосходства советской экономической системы[30]. Если второе из этих двух утверждений, как мы увидим, весьма спорно, то следует сказать, что и первое оспаривается учеными других стран, выражающими сомнения насчет эффективности подобных методов[31]. Факт тот, однако, что в той обстановке, в которой оказался Советский Союз, эти методы дали возможность правительству обеспечивать фронт всем необходимым, а обществу — продолжать существовать и производить, пусть даже ценой тяжелых лишений.

Производство вооружения нарастало от месяца к месяцу, и так продолжалось до самого конца 1944 г., когда были созданы настолько внушительные запасы, что стало возможным уже в первые месяцы 1945 г. осуществить первые осторожные шаги по возвращению к выпуску мирной продукции[32]. И то был не просто количественный

рост. Военный опыт позволил постепенно отобрать лучшие образцы военной техники и сосредоточить усилия промышленности именно на них. Типичным можно считать развитие танкостроения, где превосходный Т-34, который произвел столь сильное впечатление на Гудериана под Москвой, завоевал абсолютно господствующие позиции[33]. Но не только танки, а и другая отобранная на основе опыта войны боевая техника — самолеты, пушки и т. д. — превосходила технику вермахта. После Сталинграда облик Красной Армии переменился: солдаты были вооружены уже не винтовками, а автоматами; численно меньшие, чем немецкие, советские дивизии обладали большей огневой мощью; на земле и в небе перевес в технических средствах над немцами нарастал, пока не сделался подавляющим[34]. По мере того как улучшалось качество и количество вооружений, в душах бойцов крепла вера в победу.

На основе таких же железных критериев централизации, какие определяли выпуск оружия и боеприпасов, обеспечивалась их доставка фронту, да и вообще снабжение фронта всем необходимым: от продуктов питания до обмундирования и снаряжения, в котором нуждалась современная армия. В первые недели войны обнаружилось, что у Советских Вооруженных Сил нет действенной организации тыла. То, что существовало, возглавлялось не специальным органом управления, а просто одним из отделов Генерального штаба, вскоре заваленным тысячами других заданий. Выявившиеся серьезные недочеты были усугублены беспорядками отступления: не хватало госпиталей для раненых, на железнодорожных узлах, где скапливались вагоны с горючим и боеприпасами, возникали пробки[35]. Летом 1941 г. был создан специальный орган управления службой тыла, во главе которого был поставлен генерал Хрулев, действовавший под верховным руководством Микояна, занимавшегося всем комплексом вопросов снабжения с начала войны и до ее конца. Руководителям службы тыла Сталин сказал: «Вам нужно быть диктаторами в тыловой полосе своих фронтов»[36]. Чтобы новый аппарат смог начать функционировать, понадобилось время, но уже летом 1942 г. он действовал на полную мощь. Войска получали не только боеприпасы, но и горячую пищу утром и вечером. Санитарная служба была в состоянии оказывать помощь раненым и не допускать распространения эпидемий — этого постоянно таившегося в засаде спутника войн такого масштаба, как та, что вели советские люди.

Самым слабым местом был транспорт. Он и до войны представлял собой одно из узких мест советской экономики. Зимой 1942 г. транспортной системе, подорванной потерей целых областей и республик, вражескими бомбардировками, перенапряжением в ходе эвакуации и доставки войск и техники к фронту, угрожал полный паралич. Транспорт поэтому был также отдан в подчинение Хрулева. Весной 1943 г. здесь была проведена полная милитаризация: любое нарушение дисциплины каралось военным трибуналом[37]. Так или иначе

свои основные функции, тесно связанные с операциями на фронте и деятельностью военной экономики, транспорт смог выполнить. Это требовало от него подчас совершенно отчаянных усилий, как, например, летом 1942 г., когда немцы захватили Северный Кавказ и все сообщение с Закавказьем, а следовательно, в первую очередь с Баку, должно было вестись через Каспийское море и по бесконечно долгим путям в пустынях Средней Азии. Во время войны строилось относительно больше железных дорог, чем в предвоенные годы. В результате этого, а также благодаря быстрому восстановлению разрушенных путей СССР к концу войны располагал железнодорожной сетью длиною более 7 тыс. *км*[38].

Продовольственный вопрос

Решения требовала проблема обеспечения продуктами питания. Сельское хозяйство до войны также принадлежало к самым уязвимым местам советской экономики[39]. Захватчики к тому же лишили его наиболее урожайных областей: Украины и в 1942 г. Северного Кавказа. Армия состояла большей частью из крестьян: село лишилось мужчин в еще большей мере, чем город. Две трети колхозников были призваны на фронт или направлены на другие работы. В деревнях неоккупированных областей остались женщины, дети и старики: они составляли 86 % всей наличной рабочей силы. При этом им приходилось выполнять больший объем работы, чем тот, который раньше выполняли мужчины зрелого возраста, потому что с полей исчезли сельскохозяйственные машины: в 30-е гг. они уже были распространенным явлением в советской деревне[40]. И без того низкая производительность труда претерпела дальнейшее сильное понижение (так же, впрочем, было и в промышленности, и строительстве). Объем сельскохозяйственного производства резко сократился. Некоторые ценные культуры, например сахарная свекла, подсолнечник, почти целиком оказались по ту сторону фронта: потребление сахара уменьшилось в 20 раз и оставалось на очень низком уровне в течение всей войны[41]. Весьма тяжкими были потери и в главной отрасли: производстве зерновых. В неоккупированных районах средняя урожайность, которая и так была невысока (7,7 *ц* с 1 *га* в последние три года перед войной), упала до 4,4 *ц* с 1 *га* в 1942 г. и 4,2 *ц* в 1943 г. С точки зрения продовольственного снабжения 1943 г. был наиболее трудным. Положение стало улучшаться лишь в 1944 г. с освобождением западных областей; но, разоренные хозяйничаньем оккупантов, они мало что могли дать. В целом за время войны потребность страны в зерновых удовлетворялась на одну треть — одну вторую довоенного уровня[42].

В Москве и Ленинграде карточки были введены в июле 1941 г.; потом они постепенно распространились на все другие города и на все население, включая сельских жителей, но не крестьянство. Карточки выдавались на продовольствие и на все другие основные

потребительские товары. Численность людей, охваченных государственной карточной системой, выросла с 62 млн. человек в 1942 г. до 80 млн. в 1945 г. Сверх того, нужно было кормить вооруженные силы, которые насчитывали примерно 11 млн. человек[43]. В зависимости от категории устанавливались разные нормы: для гражданского населения они колебались от 400 до 800 *г* хлеба в день, от 400 до 2200 *г* мяса в месяц, от 200 до 600 *г* жиров, от 200 до 500 *г* сахара. Нормы, как можно видеть, уже сами по себе были скудными (если не считать наиболее обеспеченных категорий), но к этому нужно добавить, что выдача по карточкам производилась очень нерегулярно. В более выигрышном положении находились работники промышленности, особенно на предприятиях, отнесенных к числу важнейших. В армии еда была у всех, но и здесь существовало четыре разных рациона: самый обильный предназначался войскам на передовой, самый урезанный — тыловым службам[44]. В продовольственном снабжении, таким образом, действовала та же шкала приоритетов, что и во всей военной экономике: абсолютное предпочтение отдавалось солдатам; за ними — как в годы первой пятилетки — шли промышленные рабочие. Снова повсеместно появились заводские столовые. Совхозы работали теперь для снабжения конкретных предприятий. Даже те немногие промышленные товары, которые поступали в торговлю, в первую очередь сбывались через специальные магазины на крупных заводах и фабриках[45].

Лишения были тяжелы для всех. Гражданскому населению государство обеспечивало лишь самый минимум средств существования. В дележе бремени невзгод оно сумело проявить себя суровым, но справедливым. Но то, что в общем и целом оно справилось со своей задачей, не должно затушевывать трагической действительности: страна жила в условиях крайнего обнищания. Объем благ, которые государство могло реализовать на внутреннем рынке, сократился до ничтожных величин: от 8 до 14 % объема 1940 г.[46] — лучшего из довоенных годов, хотя, разумеется, и тогда советские граждане отнюдь не купались в роскоши. Для пополнения собственного пищевого рациона люди вынуждены были обращаться к другому источнику снабжения: колхозному рынку, цены на котором подскочили до небес. Заработная плата во время войны претерпела процесс выравнивания, который усиливался действием карточной системы; но, как было подсчитано, несмотря на общий рост номинальных заработков, реальная заработная плата в 1945 г. равнялась лишь 40 % довоенной (43 % — в промышленности)[47]. Это означало, иначе говоря, что она упала ниже среднего уровня заработной платы середины 20-х гг.

Советское государство не сочло необходимым (или целесообразным) вносить качественные изменения в свои взаимоотношения с селом, как это вынуждены были сделать другие государства, с целью гарантировать себе заготовку минимально необходимого количества сельскохозяйственных продуктов для военных потребностей. Система

колхозов с изъятием у них по крайне низкой цене большей части их продукции с помощью разных форм обязательных поставок, их молчаливое, но от этого не менее эффективное огосударствление («Возможности государственного руководства колхозами практически были так же неограниченны, как и государственными предприятиями», — пишет один из советских историков[48]) — все это были черты, свойственные советскому сельскому хозяйству со времени его предвоенной коллективизации. Менять их не было нужды: во время войны они пригодились не меньше, чем во время индустриализации.

Тем не менее бремя, лежавшее на колхозах, стало тяжелее. Государство стало требовать сдачи ему большей доли колхозной продукции, хотя объем поставляемых им в обмен услуг (работ, выполнявшихся машинно-тракторными станциями) намного сократился (колхозникам приходилось пахать на коровах). Какова бы ни была действенность обращения к патриотическому чувству крестьянина, взимание подобной дани могло осуществляться, как пишет процитированный выше историк, лишь путем обращения к «жестокости»[49]. В сельский труд также были введены элементы милитаризации, не ограничивавшиеся мобилизационными предписаниями, по которым крестьяне и крестьянки могли быть направлены и на несельскохозяйственные работы. Для политического и государственного руководства колхозами в ноябре 1941 г. были восстановлены политотделы МТС и совхозов — органы военного происхождения, уже применявшиеся на селе в 1933—1934 гг., в период столкновения между сталинским правительством и только что народившимися колхозами. Воссозданные в 1941 г., они были распущены лишь в мае 1943 г., когда их персонал был направлен назад, в ряды армии[50]. Повсеместно было увеличено число обязательных трудодней, которые члены колхозов (а точнее, члены их семей, потому что сами колхозники почти все были на фронте) должны были отработать в хозяйстве за год; минимальная норма в 50 трудодней была установлена и для самых юных тружеников: от 12 до 16 лет[51]. В страду рабочих рук все равно не хватало: на работу в полях, особенно во время уборочной кампании, посылали тогда горожан, и прежде всего школьников, — в общей сложности несколько миллионов человек[52].

Но на протяжении всей войны Советское правительство не тронуло свободной колхозной торговли. Оно не устанавливало, иначе говоря, никакой государственной монополии на продовольственные товары, включая и такие важнейшие, как зерно. Даже в периоды самой острой нехватки, например в 1943 г., когда временно пришлось урезать нормы выдачи по карточкам, в СССР не было «черного рынка» продуктов питания. Не было по той простой причине, что его роль открыто выполнял колхозный рынок, на котором колхозы и отдельные крестьяне могли продавать, в точности как до войны, излишки продуктов, полученных от коллективного хозяйства или от труда на собственном огородике и в собственном маленьком скот-

ном дворе[53]. Количество излишков такого рода, не попавших на склады государства, значительно сократилось как из-за общего падения сельскохозяйственного производства, так и из-за того, что небольшой приусадебный участок оставался единственным источником пропитания для самого крестьянина (для которого не существовало продовольственных карточек). И все же, даже уменьшившись в объеме, эти излишки составляли во время войны бо́льшую часть оборота розничной торговли, особенно продовольственной торговли. Для того чтобы прокормиться, гражданам приходилось по крайней мере половину своих потребностей покрывать за счет колхозного рынка[54].

Это не могло не отразиться на ценах: если государственные цены на продукты по карточкам увеличились лишь незначительно (единственное исключение составляли табак и водка), то цены колхозного рынка увеличились головокружительно — в 18 раз, если взять их высший уровень в 1943 г. За усредненными показателями при этом скрывались огромные перепады по областям, возникавшие, в частности, из-за транспортных трудностей. Цены на рынках республик Закавказья или Средней Азии, где неизменно существовало известное изобилие продуктов, могли быть даже в 20 раз ниже цен в Москве или индустриальных городах Урала, где за килограмм мяса приходилось платить больше среднемесячной заработной платы[55]. От попыток административным путем контролировать цены на колхозном рынке было мало толка; положение стало меняться только тогда, когда наметился некоторый рост товарных резервов. Цены оставались чрезвычайно высокими на протяжении всего 1944 г.; постепенное их понижение началось лишь в последние месяцы войны, но все же оно привело к тому, что ко времени ее окончания цены превышали довоенные всего в 5—6 раз. Одновременно, а точнее с апреля 1944 г., открылись также государственные магазины и рестораны, в которых можно было свободно приобретать продукты по «коммерческим» ценам, то есть ценам, в несколько раз более высоким, чем те, по которым продавались нормированные товары. Этого оказалось достаточно для того, чтобы вызвать удвоение совокупного индекса государственных цен[56].

Таким образом, во время войны произошло неконтролируемое перемещение денежной массы из города в деревню — явление, которое не наблюдалось ни в какой другой период сталинского правления. Из этого, правда, не следует делать вывод, будто крестьяне стали жить лучше, чем прежде, или что они действительно попали в привилегированное положение. Их труд в колхозах плохо оплачивался до войны, и в этом отношении ничего не изменилось. Натуроплата по трудодням, особенно выдача зерна и картофеля, сократилась (за исключением некоторых районов, расположенных в климатически выигрышных зонах): за свой трудодень колхозник получал — если получал — меньше продуктов, чем средний горожанин со своей продовольственной карточкой. Правда, колхозник теперь полу-

чал немного больше денег, потому что доходы колхозов в денежном выражении слегка увеличились. Но это было, в сущности, ничтожно малое увеличение, и притом на полученные рубли колхозник мало что мог купить: на селе ощущалась острая нехватка почти всего, включая и самые элементарные товары, от соли до гвоздей, не говоря уже о тканях или предметах домашнего обихода.

Как можно видеть, ведение маленького индивидуального хозяйства, состоявшего из приусадебного участка и скотного двора, в еще большей мере, чем накануне войны, служило колхознику самым важным источником добывания средств существования и одновременно поддержания отношений с рынком. Немало признаков свидетельствует о том, что, несмотря на периодические ужесточения, власти сквозь пальцы смотрели на небольшое расширение колхозником своего приусадебного участка, если только хозяин его продолжал трудиться в колхозе. То немногое из своей продукции, что колхозник не потреблял сам, он, как правило, предпочитал обменивать либо везти в город, чтобы продать подороже[57]. Так поступал, кстати, не он один. В числе главных новшеств, введенных в военные годы, но сохранившихся и в дальнейшем, фигурировало разрешение — более того, поощрение — рабочим и вообще всем гражданам возделывать собственные огородные участки и разводить домашний скот. Многие из городских жителей, лишь недавно перебравшихся из деревни, отнюдь не брезговали подобными дополнительными ресурсами: в 1942 г. насчитывалось уже 5 млн. новоявленных земледельцев, в 1945 г. число их превысило 18 млн.[58]

Горожанин ли, колхозник ли — всем приходилось тяжело. Картошка, потребление которой увеличилось более чем в два раза, стала главным продуктом питания: именно она спасала колхозника от голода[59]. Картошку ставили на стол к завтраку, обеду и ужину. Кроме этого, у крестьянина были молоко и овощи. Мясо было большой редкостью, как, впрочем, и в городе. За исключением наименее калорийных продуктов, пищевой рацион городских жителей претерпел настолько сильное сокращение, что составлял едва половину предвоенного (по сахару сокращение достигало даже 80 %). Что касается других потребительских товаров, в том числе таких простейших, как лампы, керосин или мыло, то все это сделалось роскошью, особенно в деревне. Большая часть промышленных изделий совсем исчезла из обращения[60]. Сама Красная Армия, пускай даже досыта накормленная и превосходно вооруженная, была весьма далека от той обеспеченности, которую демонстрировали высадившиеся в Европе, сначала в Италии, а потом на Атлантическом побережье, войска богатых держав: США и Великобритании.

Американская помощь и советские ресурсы

Острая нехватка всего подвергала советскую экономику сильному инфляционному давлению. В самом деле, уменьшению количества на-

личных благ соответствовало не уменьшение, а увеличение денежной массы в обращении. С 1941 по 1943 г. государственный бюджет СССР сводился с пассивом (в этом отношении Советский Союз не был исключением из правила), который покрывался за счет выпуска новых денежных знаков. Часть этих средств, которые, как мы уже видели, беспорядочно устремлялись в деревню, Советское правительство постаралось отсасывать назад с помощью более жесткой налоговой политики. С первых же недель войны были удвоены подоходный и сельский налоги — от увеличения были освобождены только крестьяне с двумя или более членами семьи на военной службе и граждане с наиболее низким уровнем дохода. В октябре 1941 г. был введен налог на холостых и бездетных: освобождение в данном случае распространялось главным образом на военнослужащих. Два месяца спустя был учрежден особый военный налог: от его уплаты также освобождались только военнослужащие и инвалиды[61].

Другой формой налогообложения были военные займы. Первый, рассчитанный на 20 лет заем был выпущен весной 1942 г., за ним последовали другие — по одному в год — на все бо́льшие суммы. Практически дело обстояло так, что каждому гражданину прямо на месте работы настойчиво предлагали подписаться на заем в объеме своей заработной платы за несколько недель: то были, по сути дела, принудительные займы, по крайней мере морально принудительные, что и позволяло обеспечивать их размещение за чрезвычайно короткий отрезок времени. С апреля 1942 г. была прекращена также выдача повышенной платы за сверхурочные и работу в выходные дни: надбавка переводилась на специальные счета, которыми нельзя было воспользоваться до окончания войны. Заморожены были и прежние текущие счета в сберегательных кассах: вклады выдавались только со счетов, открытых и пополнявшихся после начала войны. Дополнительные средства, особенно на селе и в относительно пощаженных войной районах, приносила такая форма мобилизации накоплений, как взносы в специальный Фонд обороны, а также особый вид подписки, усиленно пропагандировавшейся на протяжении всей войны и состоявшей в том, что колхозники какого-то определенного района или области обязывались «купить» самолеты либо танки (то есть покрыть стоимость) для той или иной воинской части[62]. Используя все эти многообразные каналы, государство сумело если не изъять из обращения всю запущенную в него денежную массу, то по крайней мере держать инфляцию под контролем. В 1944—1945 гг. бюджетный дефицит был ликвидирован. Простой перечень мер, принятых с этой целью, достаточно красноречиво дополняет картину тех тяжелых лишений, на которые вынужден был пойти народ, чтобы вооружить своих защитников.

Прежде чем подвести окончательный итог функционирования советской военной экономики, следует рассмотреть последний и по сей день вызывающий споры пункт: роль и значение иностранной помощи, главным образом в форме американских поставок по закону

о ленд-лизе («аренде и займах»). По поводу их влияния на ход военных действий между советскими историками и мемуаристами, с одной стороны, и западными авторами — с другой, завязалась после войны длительная полемика. Цифры, приводимые в ней обеими сторонами, позволяют сделать некоторые заключения. Если ограничиться основными средствами ведения войны на Восточном фронте, то содействие западных союзников Советским Вооруженным Силам выглядит довольно скромно: 18 700 самолетов против 137 000, построенных Советским Союзом во время войны; 10 800 танков против 102 500; 10 000 артиллерийских орудий против примерно миллиона, произведенного в СССР лишь за 1941—1945 гг. Поставки, следовательно, составляли лишь 10—12 % объема военного производства СССР[63]. Настоящий советский арсенал находился, конечно же, по ту сторону Волги, на Урале, в Сибири, а не по ту сторону Атлантики.

Картина меняется, если мы распространим анализ и на другие сферы экономики. Меняется не столько в силу глобальных количественных показателей этой помощи (хотя американские источники и говорят о «примерно одиннадцати миллиардах долларов», в которые включают также расходы на транспортировку[64]), сколько из-за их качественных характеристик. Они были поистине драгоценными с точки зрения преодоления наиболее серьезных узких мест советской экономики. Чрезвычайно полезными, например, были поставки грузовиков (более 400 тыс.), которые помогли моторизовать Красную Армию и одновременно позволили перевести немногочисленные автомобильные заводы СССР на выпуск другой военной продукции. То же самое можно сказать о некоторых высококачественных видах нефтепродуктов, например высокооктановом бензине для авиации, или о поставках дефицитного металла для советской промышленности. Закупки в кредит промышленного оборудования и подвижного состава для железных дорог позволили СССР продолжать наращивать мощности своей индустрии и транспорта. Наконец, американское продовольствие, предназначавшееся почти исключительно армии, сыграло немалую роль: пускай оно было лишь частью того, что потреблялось советскими солдатами, но частью довольно существенной.

Ценность, чтобы не сказать жизненная важность, помощи союзников зачастую заключалась в том, что для СССР она представляла как бы страховку на случай еще больших бедствий. Однако при подведении общего итога верной выглядит оценка помощи союзников, высказанная маршалом Жуковым: «Она в определенной степени помогла Красной Армии и военной промышленности, но ей все же нельзя отводить роль больше той, чем она была в действительности». Подобный итог разделяют и наиболее объективные западные историки[65]. Истина же заключается в том, что решающую часть тех непомерных усилий, которые были навязаны экономике СССР войной, вынес именно советский народ, располагавший даже после десяти лет индустриализации значительно меньшими ресурсами, чем другие на-

ции. Мы не говорим здесь о плате кровью — это требует отдельного разговора; речь идет об экономическом напряжении, то есть о тяготах, труде, материальных лишениях, которые война принесла советским людям.

Для того чтобы такой рывок стал возможен, мало было патриотических воззваний и других способов воздействия на моральный дух населения, сколь бы важными сами по себе они ни были. Потребовались также организационная работа и принудительные меры. Характер сталинского государства делал его вполне подходящим для выполнения таких задач. Из этих страниц, полагаю, ясно видно, что мероприятия авторитарного свойства были весьма многочисленны. Но думать, что их одних достаточно для объяснения общенародного участия в войне, значило бы впадать в ошибку односторонности. Все меры, в том числе и самого принудительного свойства, которые принимались с целью получить деньги от населения или заставить трудиться каждого трудоспособного, неизменно сопровождались широкой пропагандистской работой. Цель ее заключалась в том, чтобы дать людям, подвергающимся столь жестоким лишениям, ясно понять, что каждый из них, где бы он ни находился, на фронте или в самом дальнем уголке страны, и есть главный участник общей борьбы. Когда Тамбовской и Саратовской областям было предложено выступить с инициативой приобретения за свои деньги самолетов или танков для фронта, то резолюции, которые по указанию свыше принимались в колхозах, оставляли не много места для возражений: каждый колхозный двор обязывался внести определенную сумму и не имел возможности уклониться от уплаты этой отнюдь не маленькой подати. Результаты подписки, однако, затем предавались широкой гласности, а колонны танков, названных в честь колхозников этих областей, торжественно вручались делегациями самих этих колхозников бойцам на фронте. Бойцы в свою очередь благодарили за подарки и клялись достойно использовать это оружие[66]. Эпизодов такого рода было много. Аналогичные методы применялись на заводах, в учебных заведениях, по месту жительства.

Как было справедливо подмечено, те же самые крестьяне, которые всего 10—12 годами раньше — не говоря уже о гражданской войне — всеми силами сопротивлялись коллективизации и принудительным поставкам зерна, не останавливаясь и перед мятежами, теперь отдавали Сталину почти весь свой хлеб (то есть гораздо больше того, что от них требовали на предыдущих этапах) без малейших намеков на выступления оппозиционного характера[67] — а ведь у сыновей этих крестьян на фронте было оружие в руках. Отсутствуют и какие-либо сведения о манифестациях протеста в городах, хотя условия жизни в них были не лучше. Разумеется, теперь все социальные группы, и в том числе крестьянство, были куда более прочно, чем прежде, «вцементированы» в политическую систему Советского государства. Но то была не единственная причина. Верно было написано: «Не мерой хлеба определялось благополучие народа в это время.

Главным была линия фронта, красным нервом разделившая географическую карту... Чтобы эта линия продвигалась на запад, чтобы она исчезла наконец, и исчезла навсегда, народ принимал лишения как нечто необходимое и оправданное». В будущем, после войны, — это другое дело: каждый ждал лучшей жизни и открыто говорил об этом[68]. Тот характерный элемент, который постоянно присутствовал и ни на миг не терялся во время войны советского народа, состоял именно в связи, одновременно эмоциональной и политической, между всей страной в целом и этой красной линией, где у каждого, от руководящего деятеля до простого гражданина, был обязательно кто-нибудь близкий, который сражался и рисковал жизнью. В конечном счете это и было решающим морально-политическим условием победы.

IX. АНТИФАШИСТСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Рождение союза и его противоречия

Победоносным исходом единоборства с гитлеровской Германией Советский Союз был обязан не только своим собственным заслугам. В этой войне, охватившей весь мир, СССР был не одинок: он входил в могущественную коалицию, двумя другими опорами которой были Великобритания и Соединенные Штаты. Союз этот, правда, полностью обрел свое значение и свой облик (которым суждено было оказать неизгладимое влияние на весь послевоенный мир) лишь после того, как СССР сумел выстоять под ударом германской агрессии и склонить в свою сторону чашу весов противоборства на полях сражений.

В советской литературе часто подчеркивается, что возникновение антифашистской коалиции служит дополнительным подтверждением правильности довоенной сталинской внешней политики в период от борьбы за «коллективную безопасность» до заключения пакта с Гитлером в 1939 г. Именно эта политика, по мнению советских авторов, позволила СССР оказаться втянутым в конфликт тогда, когда Англия уже сражалась с Германией[1]. В подобных утверждениях есть доля истины, но не больше. Первым творцом коалиции вопреки собственным намерениям был Гитлер. Развязав агрессию против СССР в тот момент, когда еще шла война на Западе, он объединил в одном лагере трех главных своих противников.

В отличие от Сталина Черчилль не был захвачен врасплох немецким наступлением на Восток: он предчувствовал его, более того — возлагал на него надежды. Поэтому уже вечером того же дня, 22 июня 1941 г., он произнес по радио свою известную речь: «Каждый человек, каждое государство, которое будет воевать с нацизмом, получит нашу поддержку... Из этого следует, что мы окажем всю возможную помощь России и русскому народу... Дело каждого русского, который сражается в защиту своего очага и своего отечества, есть дело свободных людей и народов во всех частях света»[2]. Сталин в растерянности первых дней войны, опрокинувших все внешнеполитические расчеты, сомневался в искренности намерений английского премьера. Об этом свидетельствуют, в частности, самые последние данные, имеющиеся в нашем распоряжении. Однако Сталин не замедлил сообразить, какие выгоды он может извлечь из предложений Черчилля[3].

Истории великой антифашистской коалиции посвящено уже столько исследований, воспоминаний участников событий и документальных публикаций, что нет необходимости подробно воспроизводить отдельные этапы ее становления[4]. Достаточно будет лишь напомнить здесь наиболее важные с советской точки зрения моменты этого процесса. Союз не родился сразу же после первоначальных обяза-

тельств, провозглашенных его будущими участниками: он явился плодом дипломатических и военных усилий, увенчавшихся первым формальным результатом по истечении почти что года после нападения гитлеровцев на Советский Союз.

12 июля 1941 г. в Москве было подписано первое официальное англо-советское соглашение, в котором правительства обеих стран обязывались оказывать друг другу помощь в войне и не заключать сепаратного мира или перемирия[5]. В конце этого же месяца в Москву прибыл доверенный представитель президента США Рузвельта Гарри Гопкинс; он был первым западным государственным деятелем, который смог убедиться в твердой решимости советского народа дать отпор агрессору[6]. В конце сентября в Москве состоялась трехсторонняя конференция с участием Бивербрука от Англии и Гарримана от США, на которой была выработана первая программа оказания экономической и военной помощи СССР. 7 декабря нападение японцев на Пёрл-Харбор, сразу же поддержанное Гитлером и Муссолини, повлекло за собой вступление Соединенных Штатов в мировую войну. Несколько дней спустя в Москву прибыл британский министр иностранных дел Иден для обсуждения собственно политических проблем союза[7]. Свое юридическое оформление этот союз получил после настойчивых советских напоминаний в мае — июне 1942 г., когда Молотов в свою очередь посетил Лондон и Вашингтон. В ходе визита он подписал с Великобританией 20-летний договор против германской агрессии, а затем соглашение с США, регулирующее принципы взаимопомощи между двумя странами во время войны[8].

Союз явился историческим событием чрезвычайной важности, сдвинувшим с места горы предубеждений. Вступавшие в коалицию люди и государства воплощали не просто разные национальные культуры, но и противоположные мировоззрения, взаимоисключающие политические институты и общественные порядки, которые в прошлом вели друг против друга беспощадную борьбу. Сотрудничество с СССР, особенно в США, имело еще многочисленных противников, в первую очередь в католических кругах[9]. В ноябре 1941 г. Черчилль и Сталин обменялись посланиями, в которых заверяли друг друга, что различия в общественном строе их стран не помешают их сотрудничеству ни в ходе войны, ни в послевоенный период[10]. Подобное взаимное обещание заключало в себе огромной важности новшество, но само по себе не могло еще помешать тому, чтобы обе стороны продолжали питать друг к другу сильное недоверие. Опубликованные много лет спустя документы и мемуары позволяют констатировать, насколько глубоко укорененным оставалось это недоверие, по крайней мере в руководящих кругах трех стран, даже в периоды самого тесного братства по оружию. В разное время и по разным поводам и Черчилль, и Сталин, не сговариваясь, высказали одну и ту же мысль о том, что для уничтожения такой чумы, как Гитлер, позволительно пойти на сделку с самим дьяволом («чертом с его бабушкой» — как выразился на русский манер Сталин[11]). Таковы были предпосылки, с

которыми пошли навстречу друг другу участники союза. Но, несмотря на острые конфликты, сталкивавшие их в прошлом, руководители всех трех стран были достаточно осмотрительны и не допустили, чтобы сохраняющееся недоверие заслонило их основную цель: полный разгром фашистской коалиции. Тем не менее ни у одного из союзников так до конца и не рассеялись подозрения насчет того, что ему приходится иметь дело с «дьяволом».

Долгое время развитие союза испытывало на себе гнет тяжелой обстановки на русском фронте. В течение более чем двух лет советский партнер был лишь формально равноправным участником коалиции. Английские и американские руководители сразу поняли, насколько выгодным для них является нападение Гитлера на СССР: на определенное время оно отвлекало вооруженные силы Германии от активных действий на Западе или в других районах земного шара. Вместе с тем первоначальные расчеты убеждали их, что такое удачное стечение обстоятельств продлится недолго: военные эксперты почти единодушно считали, что крах советского сопротивления наступит очень скоро. Следовательно, заключал из этого американский генеральный штаб, необходимо наилучшим образом использовать эту краткую отсрочку[12]. Потом забрезжила надежда, что Советский Союз продержится до ближайшей зимы, что отсрочило бы развязку на Восточном фронте по крайней мере до следующего года. Нужно было, следовательно, помогать советскому народу сопротивляться и дальше — таков был смысл всех мероприятий союзников в первое лето войны. Рузвельт отдал распоряжения об оказании помощи России «до тех пор, пока она будет продолжать активную борьбу с державами „оси"». В своих первых посланиях Сталину Черчилль не скупился на выражения восхищения «изумительной борьбой» русских, хотя как раз в те недели было мало оснований приходить в восторг. В свою очередь в частных разговорах он повторял: «Лишь бы они продолжали сражаться!»[13] Но смогут ли они? Американцы и англичане не раз испытывали сомнения на этот счет. Первый раз это было во время битвы под Москвой, когда Черчилль заговорил об «агонии» России. Потом это повторилось страшным летом 1942 г., когда новый посланец Рузвельта, Уилки, отправился в Москву, напутствуемый предупреждением президента, что в СССР он может оказаться в момент последней судороги[14].

На протяжении всей этой фазы советская внешняя политика неукоснительно придерживалась оборонительной линии. Помимо развития военного сотрудничества с посланными самой судьбой союзниками, ее первоочередной целью было прикрыть тылы СССР. Япония со своей грозной Квантунской армией, нацеленной на Сибирь, вынуждала СССР держать на Дальнем Востоке огромные военные силы, но Москва бдительно следила за тем, чтобы не допустить возникновения осложнений в тех краях, что принудило бы и Советский Союз вести войну на два фронта (достаточно было того, что о провоцировании японского нападения всячески хлопотал Гитлер). У Сталина

были веские основания опасаться такого развития событий. Поэтому, когда Иден сразу после начала военных действий между Токио и двумя западными державами стал зондировать его намерения относительно войны с Японией, Сталин признался ему, что предпочитает отложить ее начало на возможно более поздний срок[15]. Напротив, когда речь зашла о сопредельных государствах, которые немцы надеялись мобилизовать себе на помощь, — о Турции, Иране, Афганистане, — то здесь советская дипломатия вместе с английской прибегла к нажиму с целью обеспечить их нейтралитет. Что касается Ирана, по территории которого проходил жизненно важный путь, связывавший СССР с западными державами, то Советский Союз договорился с англичанами о совместной оккупации этой страны.

В тот момент никто не мог знать, как и когда закончит войну СССР и каков будет к ее окончанию его вес среди других держав. Так или иначе, и в Лондоне, и в Вашингтоне, где мало кто подозревал, какой способностью к восстановлению своих сил обладает Советский Союз, полагали, что вес этот будет небольшим. В откровенном разговоре со своими сотрудниками Черчилль говорил: «Никто не может предвидеть, какой будет к концу войны баланс сил и где окажутся армии держав-победительниц. Достаточно вероятно, во всяком случае, что Соединенные Штаты и Британская империя, далеко не исчерпав свои силы, образуют самый мощный в экономическом и военном отношении блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для послевоенного восстановления гораздо больше, чем мы в его»[16]. Подобные прогнозы, разумеется, не могли доставить удовольствия советским партнерам, тем более что те понимали, насколько велика их вероятность. Именно в различии взглядов на будущее заключался один из глубинных источников противоречий между участниками коалиции.

С самого начала эти противоречия сфокусировались на Восточной Европе, то есть той части континента, которая в межвоенный период образовала «санитарный кордон» вокруг коммунистической державы и немало способствовала провалу англо-франко-советских переговоров в 1939 г. Черчилль, как сказал он сам, испытывал сильнейшее «внутреннее сопротивление» при мысли об объявлении войны странам, которые Гитлер привлек в качестве союзников в войне с СССР, то есть Финляндии, Румынии и Венгрии. Разделяемые американцами, эти его настроения вызвали первую вспышку гнева Сталина в их личных отношениях; вспышку, которую сам Сталин тут же позаботился смягчить во избежание дальнейших осложнений[17]. Англия и Соединенные Штаты отказались признать новые западные границы, завоеванные СССР в 1939—1940 гг. путем аннексии (или возвращения, как предпочитала выражаться советская сторона) Прибалтийских государств, Карелии, Западной Белоруссии и Западной Украины, Бессарабии и Буковины. Вопрос этот тщетно обсуждался Сталиным с Иденом в Москве и Молотовым во время его визита в Лондон и Вашингтон с руководителями двух западных держав. Американцы

занимали в этом отношении даже еще более непримиримые позиции, чем англичане. Советским руководителям поэтому пришлось смириться с тем, что в заключенном с Англией договоре были опущены какие бы то ни было упоминания о западных границах СССР[18].

Противоречия не ограничивались только областью прямых отношений СССР с Соединенными Штатами и Великобританией. Во время войны Москва восстановила дипломатические связи с находившимися в изгнании правительствами небольших европейских государств, ставших жертвами фашистской агрессии. Как правило, это было нетрудным делом, особенно с чехословацким правительством Бенеша, которому Советский Союз сразу же, намного раньше англичан, обещал считать недействительным Мюнхенское соглашение и, следовательно, рассматривать в качестве законных те границы, которые Чехословакия имела до 1938 г.[19] Куда более тернистыми были переговоры с поляками, нашедшими, подобно Бенешу, убежище в Лондоне. В виде предварительного условия любой договоренности они выдвигали требование восстановления советско-польской границы в том виде, как она существовала до начала второй мировой войны. Благодаря посредничеству англичан препятствие это на первых порах удалось обойти. Но оно осталось скрытым источником конфликта. В декабре 1941 г. Сталин принял премьер-министра польского правительства в изгнании Сикорского и попытался склонить его к согласию, как он выражался, с «небольшими изменениями» границы. В ответ, однако, последовал отказ. То был, по-видимому, последний случай, когда представилась возможность достичь соглашения между Москвой и правящими кругами старой Польши, и возможность эта была упущена[20]. По свидетельству Идена, польские руководители продолжали считать — причем расчеты их выходили за всякие разумные пределы, — что СССР выйдет из войны обескровленным и изувеченным, а Польша тем временем утвердится в Восточной Европе как самое могущественное государство региона[21].

В тот период войны, когда Советский Союз рассматривался скорее как «обуза», нежели как равноправный член коалиции, великий антифашистский союз впервые выразил свою идеологию в документе, который вошел в историю под названием «Атлантическая хартия». Текст этого типично англосаксонского документа был утвержден Рузвельтом и Черчиллем во время их первой встречи летом 1941 г. в море близ берегов Соединенных Штатов. Помимо таких милых сердцу руководителей США принципов, как свобода плавания по морям и океанам и свобода международной торговли, хартия, по существу, провозглашала право народов на самоопределение и требование мира, основанного на отказе от применения силы. Речь шла, иначе говоря, о принципах, восходивших к далеким традициям русской революции и большевиков, но впоследствии погребенных под грузом тяжких противоречий, порожденных в мире первой мировой войной и империалистической интервенцией в России. СССР не участвовал ни в обсуждении, ни в подписании Атлантической хартии, но впоследствии

присоединился к ней, ограничившись лишь оговоркой, что «практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»[22]. Более или менее явные оговорки имелись у всех держав, поставивших свои подписи под документом, и им суждено было выйти наружу сразу же, как только в повестку дня начали ставиться конкретные вопросы (Черчилль, например, был против применения принципов хартии к Британской империи или к системе торговых преференций внутри английского Содружества наций). Это, впрочем, не лишает документ его важности. В самом деле, провозглашенные в нем принципы запали в душу миллионов людей, сражавшихся с фашизмом. Порожденный ими во всем мире отклик не угас с концом войны.

Проблема второго фронта

Все же наиболее крупной причиной антагонизма между СССР и его великими западными союзниками были разногласия из-за стратегии. Уже в первом своем послании Черчиллю в июле 1941 г. Сталин потребовал, чтобы англичане открыли в Европе второй фронт, высадившись во Франции и Норвегии. Черчилль ответил, что у него нет достаточных сил для такого предприятия[23]. С этого момента проблема второго фронта, то есть наступления с тыла на Германию, которое заставило бы ее перебросить из СССР несколько десятков дивизий и воевать одновременно на двух оконечностях Европейского континента, стала предметом постоянного спора внутри коалиции. В первых числах сентября 1941 г., когда ход войны на Восточном фронте, казалось, вот-вот приведет к трагическому исходу, Сталин, чтобы убедить своих собеседников, прибег даже к остродраматическим тонам. Советский Союз, заявил он, поставлен «перед смертельной угрозой» и без помощи Англии и США «либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам». Впоследствии между советскими историками возник спор насчет того, действительно ли Сталин считал положение настолько безнадежным или же он нарочито сгущал краски с целью оказать нажим на Лондон[24]. Сведения, которыми мы располагаем, не дают возможности вынести окончательное суждение по этому вопросу. Мы знаем, что в тот момент Сталин и впрямь опасался худшего, но не можем полностью исключить и второго предположения. Но если оно соответствует истине, то результат получился совсем не тот, на который рассчитывали, потому что у западных партнеров возникло подозрение, что Москва уже ведет поиски сепаратного мира: это сделало их еще более осторожными и недоверчивыми[25].

Более сдержанные, но столь же драматические выражения были употреблены Молотовым в ходе его поездки весной 1942 г. в Лондон и Вашингтон[26]. Результат был на этот раз, видимо, лучшим, по-

тому что советскому представителю удалось вырвать сначала у Рузвельта, а потом у англичан полуобещание высадки на западной оконечности Европы в течение года. «Между обеими сторонами, — говорилось в совместном официальном коммюнике, — была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Эта фраза, которой суждено было многие годы служить предметом политических и исторических споров, была истолкована в Москве как обязательство, союзники же позже заявили, что понимали ее иначе[27]. В самом деле, немного спустя они по настоянию Черчилля объявили, что нацеливают свои усилия на Африку, и действительно высадились на относительно не защищенное побережье французских владений в северной части континента. В середине августа, в разгар Сталинградской битвы, Черчилль лично отправился в Москву в сопровождении американца Гарримана, чтобы сообщить Сталину «неприятное известие» и попытаться тем не менее оставить открытой возможность дальнейшего диалога с ним. Сталин жестко реагировал на сообщение, он даже намекнул на то, что английская армия просто трусит; но потом, поняв, как он сам открыто признался, что не в его власти изменить решение партнеров, сделал все для того, чтобы эта первая встреча двух государственных деятелей завершилась в конструктивном духе[28].

Противоречия обострились год спустя. Во время своего пребывания в Москве Черчилль обещал — и на этот раз самым недвусмысленным образом, — что высадка в Европе будет произведена в 1943 г. Сталин без устали настаивал на необходимости открытия второго фронта. 6 ноября 1942 г. он указал на его отсутствие как на главную причину поражений, понесенных в тот год советскими войсками. Даже отзываясь с похвалой об африканской экспедиции союзников, он напомнил, что полем решающего сражения должна стать Европа[29]. Послы СССР в Вашингтоне и Лондоне, Литвинов и Майский, не только продолжали постоянно напоминать об этом соответствующим правительствам, но и, не слишком считаясь с дипломатическими традициями, взялись непосредственно за организацию кампаний в пользу открытия второго фронта среди общественности двух стран. Как в Америке, так и в Англии эти кампании встречали благожелательный отклик, становились все более популярными среди масс, которые понимали, как сказал Рузвельт, что «русские армии убивают больше солдат держав «оси» и уничтожают больше их боевой техники, чем все остальные 26 объединенных наций, вместе взятые»[30]. Однако тем временем стратегия периферийных операций, начатая англичанами и американцами высадкой в Африке, диктовала свою логику. Наступление на Францию вновь было отложено из-за необходимости развивать успех в Средиземноморье, на этот раз в Италии. Повторные напоминания Сталина остались втуне. Когда его информировали о новой отсрочке, он написал Рузвельту и Черчиллю письма, полные резких и открытых упреков: это решение, писал он, «пре-

доставляет советскую Армию... своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом»[31]. Таким образом, в середине 1943 г., когда все это происходило, трехсторонняя коалиция пережила свой самый острый кризис за время войны.

Сегодня нам известны все доводы, которые приводились руководителями двух западных держав в оправдание своих решений. Черчилль подчеркивал, что численность английских войск ограниченна и они разбросаны по другим театрам войны, что английская авиация и так уже подвергает германские тылы интенсивным бомбардировкам, что, наконец, англичане и американцы сражаются также в Тихом океане и тем не менее посылают военные материалы Советскому Союзу. Мы знаем также, что на протяжении всех этих месяцев между английскими и американскими политическими и военными руководителями шел спор. Первые выступали в пользу средиземноморского варианта, более созвучного их имперской политике; вторые выражали убеждение, что бросок во Францию непосредственно к сердцу Европы и Германии ускорит поражение Гитлера, но в конце концов соглашались с доводами англичан. Здесь нет смысла анализировать мотивы «священного эгоизма», которыми обосновывались решения союзников, и их политические концепции. Нет смысла здесь разбирать и доводы стратегического характера, приводившиеся в их объяснение, отметим лишь, что эти доводы неизменно опровергаются советскими военными историками[32]. Однако исследователь, занимающийся историей СССР, должен учитывать, какое глубокое воздействие эти решения оказали на образ мыслей советских людей и в конечном счете на сами результаты войны.

Конечно, когда Сталин и его пресса называли отсутствие второго фронта главной причиной нового отступления советских войск в 1942 г., то это было явное упрощение. Тем не менее в том ужасающем положении, в котором находился тогда Советский Союз, подобное пропагандистское преувеличение было вполне объяснимо. В тогдашних условиях оно было вполне оправданно. В течение трех лет Советский Союз в одиночку выдерживал натиск подавляющей части вооруженных сил Германии и ее европейских сателлитов. За эту прискорбную «привилегию» СССР расплачивался не только чудовищным истощением своих материальных ресурсов, но и миллионами человеческих жизней, по сравнению с которыми потери союзников выглядели ничтожно малыми. Для самих немцев понятие «война» ассоциировалось прежде всего с теми военными операциями, которые они вели на Восточном фронте[33]. Вынужденные жертвовать всем ради сопротивления и победы, советские люди невольно приходили к мысли, что союзники хотят вести войну с Германией их руками. Отсюда рождалось и другое подозрение: что две западные державы, в сущности, были бы не против того, чтобы СССР и Германия взаимно обескровили друг друга — тем легче было бы потом диктовать им свою волю. Поведение союзников усиливало по-

добные подозрения, тем более что в начале войны замыслы такого рода действительно получили известное распространение в правящих кругах обеих держав (их, в частности, выложил без обиняков один американский сенатор, которому была уготована в будущем большая известность, — Гарри Трумэн[34]).

Открыто это обвинение было сформулировано в советских документах после войны. Но, вероятно, эта мысль никогда не покидала Сталина. И не его одного (иначе все ограничилось бы полемикой в верхах: ведь Черчилль в свою очередь обвинял Сталина в том, что тот хотел проделать то же самое с англичанами в 1939 г.[35]). Между тем эту мысль разделяло куда большее число людей. Утверждение о том, что истощение СССР входило в стратегические расчеты западных держав (даже если они в том и не признавались вслух), до сего дня было повторено с убеждением всеми советскими историками независимо от их разногласий по многим другим вопросам[36]. Мысль эта присутствовала уже в дипломатических депешах, которые во время войны посылали в Москву советские представители за рубежом; по-разному выраженная, но равно настойчиво она проводится в многочисленных мемуарах, написанных после войны советскими генералами[37]. Это свидетельствует о том, что указанное убеждение за время войны укоренилось во всем руководящем слое советского общества. Его корни вместе с тем шли и много глубже. Иностранные корреспонденты рассказывают, что аналогичные вопросы и упреки им адресовали простые граждане и солдаты, на фронте и в осажденном Ленинграде, в набитых ранеными московских госпиталях и даже дети в школах. Один из них написал, что в 1943 г. Советское правительство относилось к союзникам более благожелательно, чем народ[38]. Посол США Стэндли также сообщал в 1942 г. в Вашингтон: если второй фронт не будет открыт «в скором времени и широких масштабах, эти люди настолько разуверятся в искренности наших намерений... что делу объединенных наций будет нанесен неизмеримый ущерб»[39].

Имеется, наконец, еще одно красноречивое свидетельство. Указанный мотив неизменно воспроизводится советскими писателями в их произведениях о войне. Их отношение к нему выражают в обобщенном виде слова Эренбурга: «Конечно, я понимаю, почему союзники начали военные операции летом 1944 года, а не 1942-го. Уилки, а позднее Иден говорили мне, что к десанту они не были достаточно подготовлены и не хотели «лишних жертв». Армия Гитлера, по их мнению, должна была сноситься на нашем фронте. «Лишние жертвы» достались нам. Понять подобный расчет можно — не такие уж это сложные выкладки, а вот забыть о происшедшем трудно — почти у каждого из нас оно связано с личным горем»[40].

Из всего этого неверно было бы заключить — как это сделал кое-кто из советских авторов в пылу послевоенной полемики, — что стратегия двух великих западных держав сводилась попросту к бездействию. Коалиция была необходима всем ее участникам для

достижения окончательного результата: победы в войне. То, что советский народ имел на своей стороне столь могущественных союзников, было для него источником утешения даже в самые суровые военные годы, и Сталин (а с ним и вся советская пропаганда) не раз подчеркивал большую ценность этого фактора, в том числе и в моменты острейших разногласий внутри коалиции. Действия англичан и американцев ослабляли Гитлера и отводили от СССР японскую угрозу. О потоке военно-экономической помощи в Советский Союз мы уже говорили. Правда, и в этой области не обходилось без трений, особенно летом 1942 г., когда конвои транспортных судов союзников, следовавших арктическими широтами, на время прекратили движение (перерыв повторился и год спустя). В обоснование такого решения союзники сослались на тяжелые потери, понесенные конвоем PQ-17. Командовавший им английский адмирал из страха перед массированным нападением немецких кораблей в открытом море внезапно приказал военному сопровождению покинуть транспорты. Грузовым судам был дан приказ рассредоточиться и продолжать движение поодиночке, на свой страх и риск. Беззащитные суда стали легкой добычей вражеских самолетов и подводных лодок[41]. Последовавший за этим перерыв в отправке конвоев — и притом как раз в то время, когда шло сражение в Сталинграде, — оставил у советских руководителей новый осадок горечи.

В 1941 г., когда судьбы войны поворачивались, казалось, к худшему, Сталин даже предложил было, чтобы на русский фронт были направлены английские и американские войска, которые бы оставались при этом под своим национальным командованием[42] (позже подобные идеи никогда не приходили ему в голову). Из этого предложения, натолкнувшегося и на технические, и на психологические препятствия, так ничего и не вышло. Единственный союзнический контингент, довольно внушительный по численности, который мог бы сражаться на Восточном фронте плечом к плечу с советскими войсками, был представлен поляками. В соглашениях, заключенных в августе 1941 г. с Бенешем и Сикорским, СССР взял на себя обязательство сформировать на своей территории чешские и польские автономные военные части. Более крупными должны были быть именно польские соединения (в соглашении даже говорилось о «польской армии»), ибо на советской территории были интернированы или, во всяком случае, находились многочисленные граждане Польши[43]. В отношениях с ними, однако, психологические трудности были неимоверно более значительными, чем технические, хотя и эти последние были отнюдь не малы.

Офицеры и солдаты рождающихся польских частей перед тем провели почти два года в концентрационных лагерях, и у них свежо было воспоминание о 1939 г., когда советские войска вошли в их страну вместе с германскими. Понятно, что многие из этих людей затаили обиду на русских. Между Советским правительством и эмигрантским правительством Польши к тому же не было никакой до-

говоренности относительно критериев вербовки в новую армию. Поляки продолжали считать своими согражданами тех западных украинцев и белорусов, которых Москва, напротив, рассматривала как советских граждан. Наконец, нехватка продовольствия и снаряжения, беспорядок, трагические обстоятельства зимы 1941/42 г. — все это делало весьма тягостным положение формирующихся польских частей (впрочем, советским частям приходилось не лучше). Начиная с декабря 1941 г. Сикорский и назначенный командующим польской армией в СССР генерал Андерс просили у Сталина перевести армию в Иран, под эгиду англичан[44]. Несмотря на возражения московского правительства, поляки в конце концов добились удовлетворения своей просьбы: первый контингент отбыл весной 1942 г., а остальные — в августе, то есть в самый разгар Сталинградской битвы. Всего, то есть вместе с вспомогательными службами, в польской армии насчитывалось 100 тыс. человек. Их отбытие напоминало бегство с тонущего корабля. Польские лидеры полагали, что поступают очень дальновидно: после ожидаемого поражения СССР у них останутся нетронутыми их вооруженные силы, которые, сражаясь вместе с англичанами, победоносно вернутся в Польшу и образуют там ядро самой могущественной армии Восточной Европы. На самом же деле они упустили последнюю возможность оказаться на родной земле в момент ее освобождения[45].

Коммунистический Интернационал и СССР во время войны

Как мы видели, несмотря на рождение великой коалиции, советские люди, особенно в ходе начальной фазы войны, испытывали горестное чувство одиночества. Об этом говорят многие свидетельства. Прямолинейная в своем шапкозакидательстве пропаганда в течение длительного времени заверяла их, что трудящиеся той страны, которая решится напасть на СССР, непременно восстанут. Особенно настойчиво это повторялось в отношении Германии. И вот теперь немцы, финны, итальянцы, венгры и румыны воевали с СССР, в их рядах было немало рабочих, и, однако, никто не восставал[46].

В самом деле, в охваченном войной мире немецкая агрессия против СССР вызвала очень сложную реакцию. Гитлеровское нападение вернуло советскому народу временно утраченные симпатии людей с глубоко укоренившимися антифашистскими чувствами. Следует помнить, впрочем, что эта новообретенная солидарность вдохновлялась прежде всего боеспособностью Красной Армии: когда эта армия одерживала победы, солидарность росла; когда, казалось, будет вот-вот смята — убывала. Для коммунистов других стран кончилось время противоестественного раздвоения между их антифашистскими убеждениями и поддержкой советской политики. 22 июня 1941 г. они в едином порыве встали на сторону СССР против германского и итальянского фашизма[47]. В Европе, попавшей под господство нацизма, они отдали свой опыт подпольной работы един-

ственному реально существующему движению — Сопротивлению. Но многие партии еще страдали от последствий кризиса, пережитого в конце 30-х гг.; члены этих, как правило, малочисленных и разъединенных компартий с замиранием сердца воспринимали неудачи советских войск на фронте.

Секретариат Коминтерна в Москве собрался на свое заседание уже 22 июня 1941 г. Для оперативного руководства был избран триумвират в составе Димитрова, Мануильского и Тольятти[48]. Многим компартиям в те дни были направлены очень ясные инструкции. Задачи войны против гитлеровской коалиции ставились выше всех остальных задач. Антифашистские установки VII конгресса Коммунистического Интернационала были не только безоговорочно взяты на вооружение, но и решительно расширены. Компартии стран, сражавшихся с Гитлером, должны были поддерживать собственные правительства и их военные мероприятия, сохраняя, правда, при этом свою независимость (английские и американские коммунисты в дальнейшем воспользовались этим положением, выдвигая требования об открытии второго фронта). Компартии стран, оккупированных Гитлером и Муссолини, призваны были выступать инициаторами создания союзов с участием широких социальных слоев и всех политических антифашистских сил, то есть уже не просто народных фронтов, а более широких национальных фронтов, способных вести борьбу за свободу своей страны. На долю коммунистов в фашистских государствах выпадала самая трудная задача: бороться за поражение правящего режима. Однако и эти партии должны были в своей деятельности стремиться к установлению возможно более широких социальных и политических связей, принося в жертву этому требованию все остальные соображения. Наконец, компартии нейтральных государств, даже не требуя вступления своих стран в войну, должны были добиваться, чтобы их нейтралитет развивался в сторону бóльших симпатий к СССР и всему антифашистскому лагерю. Такая рекомендация в особенности была высказана шведским коммунистам, которые на первых порах ограничились было лозунгом «нейтралитета Швеции в отношении всех государств»[49]. Национальный мотив повсюду выдвигался на первый план. Подобно тому как в СССР обращение к патриотическим чувствам сразу стало главным средством мобилизации народа, так для каждой коммунистической партии доминирующей становилась тема независимости и спасения нации.

Коминтерну пришлось также спешно исправить одну из своих самых серьезных ошибок, совершенных в ходе довоенных сталинских репрессий, и воскресить Компартию Польши, распущенную в 1938 г. Часть ее уцелевших деятелей, находившихся в Москве, была заброшена в Польшу (первая попытка, предпринятая в августе 1941 г., закончилась провалом; успеха удалось добиться лишь в последние дни этого года). Цель, поставленная перед ними, заключалась в восстановлении связей между разрозненными группами коммунистов,

которые пытались воссоединиться в условиях немецкой оккупации. Благодаря им в начале 1942 г. партия восстала из пепла под названием Польской рабочей партии. Но лишь в мае ее новый глава Новотко, который вскоре пал от руки немцев, сумел установить радиосвязь с Димитровым[50].

Сеть международных связей и взаимной помощи, созданная Коминтерном за двадцать с лишним лет его существования, сослужила Советскому Союзу большую службу во время войны. Заметим, что три самые знаменитые советские разведывательные организации в стане нацистов — группа немца Зорге в Японии, венгра Радо в Швейцарии и поляка Треппера в нескольких странах Западной Европы — были организациями политического происхождения, то есть состояли в большей степени из бойцов-антифашистов, коммунистов старой закалки, нежели из профессиональных агентов: их деятельность, впрочем, не следует смешивать с работой Коминтерна[51]. Вместе с тем годы войны нельзя рассматривать как период политической активизации Коммунистического Интернационала после кризиса, пережитого им в момент начала второй мировой войны. Более того, эти годы стали свидетелями его упадка как коллективного органа. Вся деятельность Коминтерна сосредоточилась на двух участках. Первым была радиопропаганда, которая велась двумя путями. Один был представлен вещанием ряда национальных радиостанций, вроде итальянской «Радиостанции Свободный Милан», которые подчинялись Коминтерну (ими руководил Тольятти), но скрывали свое местонахождение на советской территории. Другим путем были официальные передачи Московского радио на иностранных языках, в которых часто принимали участие крупнейшие деятели других коммунистических партий, но которые осуществлялись под неусыпным советским руководством. Вторым участком деятельности — также находившимся под полным советским контролем — была пропагандистская работа среди военнопленных[52].

Хотя главные руководители европейского коммунистического движения нашли прибежище в СССР, связь с их странами была очень затруднена и поддерживалась от случая к случаю. Каждой партии поэтому приходилось брать на себя большую инициативу и идти на большой риск. Оперативная радиосвязь поддерживалась между Москвой и некоторыми подпольными центрами зарубежных компартий (например, югославской, французской, чехословацкой). Занимался ею лично Димитров, но все материально-техническое обеспечение находилось в руках советского военного командования. Ведением войны руководили — да иначе и быть не могло — Сталин и его непосредственные сотрудники (к числу которых может быть отнесен и сам Димитров). Основные указания исходили от них. Для самостоятельной разработки стратегии и тактики руководящими органами Коммунистического Интернационала оставалось, следовательно, меньше возможностей, чем когда бы то ни было. В момент эвакуации учреждений из Москвы руководящий аппарат Коминтерна был пере-

веден в Уфу, на Урал. Уже вскоре свою работу в нем прекратил Мануильский, перешедший в органы политического руководства Красной Армии[53].

Роспуск Коминтерна

Инструкции Коминтерна более или менее успешно проводились в жизнь повсюду. Но наиболее ощутимые политические результаты они принесли вначале в Югославии. Югославская компартия была численно небольшой, но хорошо организованной «кадровой» партией. К выполнению своих новых задач она была хорошо подготовлена напряженным и тяжелым опытом весны 1941 г.: антифашистским восстанием в Белграде, образованием антинацистского правительства и наглым немецким вторжением с последующим разделом страны на несколько частей. Все это было незадолго до агрессии против СССР. Возглавляемые своим тогда еще малоизвестным руководителем Иосипом Броз Тито, югославские коммунисты уже 4 июля 1941 г. обратились к стране с призывом к всенародному восстанию против оккупантов и придали своей партии военную структуру. Осенью эта партия уже была душой внушительного партизанского движения. Несколько месяцев спустя журнал Коминтерна ставил его в пример всем народам оккупированной Европы и задавал вопрос, «скоро ли и там национально-освободительное движение примет более активные, боевые формы» и «скоро ли чешские, французские, австрийские, польские, голландские народные массы пойдут в наступление против проклятого германского фашизма». В статье этой, отвечавшей, как было недавно установлено, общей установке Коминтерна на повсеместное стимулирование более активных форм борьбы, опровергались доводы в пользу выжидательной тактики, которые выдвигались деятелями антифашистского движения европейских стран: трудности добыть оружие, стремление избежать ненужных жертв из-за ответных репрессий, выгоды пассивного неповиновения[54].

В европейском движении Сопротивления, которое представляло собой одну из наиболее примечательных черт второй мировой войны, одно из главных проявлений ее политически обновительного характера, коммунисты были самым радикальным крылом, инициаторами немедленной вооруженной борьбы, городской партизанской войны, систематического саботажа и даже массовых манифестаций, где только к этому имелась малейшая возможность. Им противостояло более осторожное крыло, связанное, как правило, с западными державами и эмигрантскими правительствами или политическими группами в Лондоне. Это крыло ратовало больше за отдельные вылазки силами малочисленных, глубоко законспирированных групп и за подготовку исподволь более широких выступлений, приуроченных к подходу союзных армий-освободительниц.

Тем не менее подлинное партизанское движение получило развитие только в нескольких странах: Греции, Албании, Франции. Что

касается Польши, то она заслуживает отдельного разговора. В Италии партизанская война развернулась только осенью 1943 г., после падения Муссолини, выхода из войны и частичной оккупации страны немцами[55]. Повсюду участники движения вдохновлялись стойкостью советского народа и его армии, их первыми победами. Стимулирующее действие оказывал пример советских и югославских партизан.

И, однако же, именно в Югославии ход борьбы менее всего соответствовал курсу на согласие между всеми национальными силами, который был главным пунктом в инструкциях, переданных из Москвы, и которому суждено было продемонстрировать свою плодотворность в других странах. Антифашистское сопротивление в Югославии сопровождалось самой настоящей гражданской войной. Страна как бы распалась на заселенные отдельными национальностями зоны, и среди некоторых из этих национальностей (особенно хорватов) оккупанты смогли даже навербовать банды коллаборационистов, отличавшихся особой жестокостью. Партизанам приходилось сражаться и с ними. Кроме того, разногласия относительно методов борьбы с захватчиками среди самих сторонников национального освобождения не ограничивались просто спорами о тактике и политическими расхождениями. Распри превратились в вооруженный конфликт между партизанскими отрядами Тито и отрядами так называемых четников полковника Михайловича, связанных с эмигрировавшим королем. Четники видели в повстанцах-коммунистах главного врага и ради их уничтожения готовы были пойти на сговор против них даже с оккупантами (особенно с итальянцами)[56]. Вооруженная борьба поэтому носила некоторые признаки социальной и политической революции. Для тех, кто следил за этой борьбой издалека, нелегко было разобраться в ее истинных оттенках. Москву тогда все это очень тревожило, тем более что СССР не в состоянии был в тот момент оказать югославским партизанам ту военную помощь, о которой они не раз просили. Димитров в своих радиограммах Тито рекомендовал ему быть более осторожным и уговаривал приложить все усилия для достижения национального единства[57]. Взаимное недовольство по этим вопросам не разрослось до того, чтобы подорвать основную, просоветскую направленность югославского партизанского движения или лишить его политической поддержки СССР. Однако то был первый знак серьезных трудностей в налаживании взаимопонимания.

Война в Европе поставила трудные проблемы и перед другой компартией, действовавшей на противоположной стороне земного шара, — Коммунистической партией Китая, делами которой в прошлом столько занимался Коминтерн. С 1937 г. она участвовала в войне с японцами в нелегком сотрудничестве (скорее перемирии, нежели союзе, ибо оно не исключало периодических столкновений) с Гоминьданом Чан Кайши. Китайская компартия еще меньше, чем югославская, могла рассчитывать на советскую помощь, во-первых, потому, что все силы СССР были сосредоточены на западном театре войны, а во-вторых, потому, что Москва стремилась не дать повода для

войны Японии. На Востоке вступление СССР в войну вызвало последствия, противоположные тем, которые можно было наблюдать в Европе. Если в период с 1939 по 1941 г. журнал Коминтерна почти в каждом своем номере занимался положением в Китае (в 1939 г. китайские руководители Чжоу Эньлай и Чжу Дэ находились в Москве), то с июня 1941 г. он практически прекратил публикации об этой стране. Контакты, которые китайские коммунисты могли поддерживать с Коминтерном из своей цитадели в Яньани, были крайне редкими. Руководители партии не знали — да и вряд ли могли бы узнать, даже если бы контакты были более частыми, — вступит ли СССР и если вступит, то когда, в войну с Японией, с которой уже воевали американцы и англичане. Насколько можно судить, Димитров и китайским коммунистам рекомендовал предпринять более активные усилия для достижения единства с Гоминьданом, однако будущее таило для них больше загадок, чем для европейских коммунистов[58]. В столь сложных обстоятельствах Мао Цзэдун развернул в партии известную кампанию так называемого «исправления стиля работы». В спорах, которые разгорятся два десятилетия спустя, советские историки охарактеризуют ее как «националистическую». Если же обратиться к официальным формулировкам этой кампании, то они просто призывали китайских коммунистов «не считать марксизм-ленинизм религиозной догмой», не ограничиваться «чтением произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина», а «изучать на основе их теории исторический опыт и революционную практику Китая», то есть действовать прежде всего в соответствии с условиями борьбы в собственной стране[59].

Мы не знаем, в какой степени подобные сложности повлияли на постановление об упразднении Коминтерна, принятое в Москве в 1943 г. Решение было принято очень узким кругом руководителей весной (в апреле уже готов был соответствующий документ) и предано гласности 22 мая[60]. По некоторым свидетельствам, предложения о роспуске уже обсуждались несколькими годами раньше главными руководителями Интернационала и были лишь временно отложены. Как бы то ни было, сообщение о роспуске было полнейшей неожиданностью и для участников этих обсуждений[61]. В официальном тексте также упоминалось о прошлых дискуссиях на эту тему. «Еще задолго до войны», утверждалось в нем, становилось ясным, что «решение задач рабочего движения каждой отдельной страны силами какого-либо международного центра будет встречать неодолимые препятствия». Это предвидение, говорилось далее в документе, было подтверждено опытом войны, которая поставила перед отдельными компартиями весьма различные задачи даже притом, что всех их объединяет единое стремление: ускорить разгром гитлеровской коалиции. В этой битве каждая партия лучше всего могла бы действовать «в рамках своего государства». Коммунистическое движение поэтому должно отбросить «изжившие себя организационные формы», ибо формы и методы организации коммунистов всегда должны

подчиняться «коренным политическим интересам рабочего движения в целом»[62].

Для тех, кто помнил, какие дискуссии сопровождали рождение Коминтерна и его развитие, подобное объяснение, пусть даже вполне обоснованное само по себе, должно было показаться слишком уж легковесным. Примечательно, что тут же в рядах коммунистического движения и за его пределами получило хождение другое объяснение: роспуск Коминтерна — это дань Советского Союза делу укрепления антифашистской коалиции, ибо тем самым удовлетворяется одно из давних требований новых союзников СССР. Подобное толкование было подкреплено самим Сталиным в интервью, данном английскому журналисту. Сталин подчеркнул в нем, что решение о роспуске призвано опровергнуть целый ряд доводов враждебной пропаганды (будто СССР намерен вмешиваться в дела других государств или что коммунисты якобы действуют по приказам из-за границы), а следовательно, способствовать единству всех патриотов-антифашистов в отдельных странах и единству «свободолюбивых народов» в международном масштабе[63]. Западная дипломатия и пресса также истолковали решение как уступку партнерам. Вопреки некоторым утверждениям нет явных признаков того, что Рузвельт или Черчилль открыто просили Сталина о таком акте: дипломатическое давление союзников на СССР носило, несомненно, упорный характер, но осуществлялось в более завуалированных формах. Роспуск Коминтерна, таким образом, был воспринят на Западе положительно, как проявление стремления к сотрудничеству, хотя у западных деятелей так и не исчезло до конца подозрение, что это была просто тактическая уловка советских и иностранных коммунистов[64].

Впрочем, одни лишь внешнеполитические мотивы — которые, вероятно, и впрямь были определяющими как по существу, так и в выборе момента — еще не дают адекватного представления об историческом значении этого события. А между тем оно было также результатом длительного кризиса, от которого Коминтерн так и не смог оправиться. Американская компартия, достигшая к середине войны наивысшего за свою историю влияния и насчитывавшая около 100 тысяч человек, еще в 1940 г. попросила считать ее не связанной с Интернационалом. Эта ее просьба была удовлетворена[65]. Возродившаяся Польская компартия вовсе не вступала в Коминтерн. Все опрошенные партии одобрили решение о роспуске, повторив в своих заявлениях аргументы официального постановления. Китайская партия, однако, добавила к ним еще кое-что. Она была единственной партией, которая подчеркнула, что считает себя «освободившейся от обязанностей, вытекающих из Устава и решений конгрессов Коммунистического Интернационала». «Китайские коммунисты, — добавила она, — давно уже имели возможность самостоятельно намечать политическую линию и проводить ее в жизнь исходя из конкретной обстановки и из специфических условий своей страны». «Верные сыны китайской нации», китайские коммунисты провозглашали себя также на-

следниками всех «лучших традиций ее культуры, науки, этики»[66]. Позже все эти идеи получат широкое распространение среди коммунистов, но в тех условиях они звучали довольно необычно.

Закат Коминтерна происходил в тот момент, когда благодаря военным победам 1943 г. авторитет Советского государства и его вождя восходил к зениту. На протяжении последних лет перед этим судьбы коммунистического движения более чем когда-либо зависели от жизнеспособности и успехов СССР. Покинув опустевшие кабинеты Коминтерна, Димитров перебрался в здание, где помещалось руководство Коммунистической партии СССР. Партийные работники, которые спрашивали, как же будет осуществляться международная координация борьбы коммунистов, слышали в ответ, что остается СССР, остается Сталин[67]. Возможно, Сталин действительно думал, что могущество Советского государства отныне настолько велико, что он лично сможет осуществлять руководство мировым коммунистическим движением, не нуждаясь в специальном международном аппарате. Как выяснилось позже, задача эта оказалась не из легких.

Тегеранские соглашения

Год роспуска Коминтерна, 1943-й, был также годом перелома («коренного перелома», как сказал Сталин[68]) в событиях на русском фронте, а следовательно, и во всей второй мировой войне. Именно по этой причине он явился также «часом истины» для всей антифашистской коалиции. В Европе стали вырисовываться очертания победы. Причем эти очертания все больше принимали форму победы советского оружия. После Сталинграда и Курска отпадала черчиллевская гипотеза об СССР, поставленном на колени Гитлером и вызволенном из беды англичанами и американцами и, следовательно, играющем неизбежно подчиненную роль за столом мирных переговоров. Советский Союз обнаружил способность преследовать немецкую армию и за пределами своих границ. В заключительной фазе войны он представал как самая могущественная военно-политическая держава континента, с которой необходимо серьезно считаться по всем вопросам послевоенного устройства в мире. Соотношение сил переменилось и внутри антигитлеровского союза, и коалиции нужно было приспособиться к этой новой действительности. То была крайне сложная переходная фаза, на протяжении которой коалиция пережила свой самый критический момент.

Англо-американская высадка во французских владениях в Северной Африке, а затем в Италии породила первые политические проблемы, связанные с внутренней обстановкой в странах, вырванных из фашистской коалиции: в данном случае Италии и Франции. Английские и американские руководители не скрывали, что считают себя вправе решать эти вопросы непосредственно с представителями указанных стран, в частности, в интересах дальнейшего ведения войны. Москва потребовала, чтобы с нею консультировались, и обратилась к

союзникам с упреками, когда сочла, что ее обошли; однако добилась, как мы увидим, весьма немногого. То была одна из причин трений. Разногласия между тем могли распространиться и на куда более серьезные вещи. Поворот в ходе военных событий и поражение фашистской Италии побудили мелких сателлитов Германии — финнов, румын, венгров — предпринять первый зондаж насчет возможностей выхода из конфликта. В середине года участились слухи и предположения о сепаратном мире с самой Германией. Шли они в основном из Швеции и Ватикана, но намек такого рода содержался и в словах Сталина[69]. Кое-какие осторожные шаги действительно были предприняты: советские деятели заявили, что со стороны Японии было сделано, но отвергнуто завуалированное предложение о посредничестве. Глава американской разведки в Швейцарии Аллен Даллес имел контакты с немецкими эмиссарами, связанными в первую очередь с теми военными кругами, которые годом позже предприняли попытку убить Гитлера[70]. В отношениях между союзниками, таким образом, не только сохранялась, но и нарастала определенная напряженность.

Резкое ухудшение произошло в отношениях между Советским Союзом и польским правительством в Лондоне. Дело дошло до полного дипломатического разрыва. Поводом послужило зловещее открытие, сделанное на окраине Смоленска, в деревне Катынь. Немцы объявили, что обнаружили здесь ров, заполненный телами нескольких тысяч расстрелянных польских офицеров, и обвинили в их убийстве советские власти. Еще до того как Москва ответила на эти обвинения, лондонские поляки приняли на веру гитлеровскую версию и потребовали проведения заведомо невозможного международного расследования*. Советское правительство сочло подобное поведение враждебным по отношению к СССР и сочувственным по отношению

* Правда о катынской трагедии так и не установлена с полной объективностью и по сей день служит предлогом для периодически возобновляющихся вспышек полемики. Принятие той или иной версии поэтому скорее результат политических убеждений авторов, нежели плод исчерпывающего исследования. Уже в то время, о котором идет речь, советская сторона обвинила нацистов в том, что истинными виновниками преступления являются именно они. И действительно, по всем признакам это преступление ничуть не отличалось от множества аналогичных, совершенных немецкими оккупантами на советской земле. Английские и американские власти в общем и целом приняли, правда с кое-какими оговорками, тезис своего союзника. Многие участники тогдашних событий не изменили своих публично выраженных оценок и в последующих мемуарах (см. *W. Averell Harriman and Elie Abel*. Special Envoy to Churchill and Stalin. New York, 1975, p. 301—302). К сожалению, советские авторы ни тогда, ни позже не смогли документально обосновать свою версию таким образом, чтобы устранить все сомнения: это обстоятельство отмечено даже авторами, благожелательно относящимися к СССР, и в таких работах, которые сама советская критика в целом оценила достаточно высоко (см. *Alexander Werth*. La Russia in guerra. Milano, 1966, p. 645—650; советскую оценку этой книги см.: История СССР, 1965, № 5, с. 187—188). Указанные обстоятельства, однако, не меняют того факта, что реакция польского правительства в Лондоне носила поспешный характер и могла объясняться только атмосферой острой враждебности к СССР, царившей в эмигрантских кругах. С аргументами авторов, продолжающих обвинять Советский Союз, можно познакомиться в работе: *Janusz K. Zawodny*. Death in the Forest. The Story of the Katyn Forest Massacre. London, 1971.

к Германии и с этого момента отказалось от поддержания каких бы то ни было связей с эмигрантским правительством Польши[71]. Полным контрастом этому разрыву были превосходные отношения, которые продолжали развиваться между Москвой и чехословацким правительством Бенеша. Этот последний считал, что странам Восточной Европы необходимо соглашение с Москвой, и был поэтому настроен критически по отношению к полякам. В те же месяцы он предложил Советскому Союзу договор о дружбе, который и был подписан в конце года, несмотря на затяжную оппозицию англичан[72].

На этом фоне возникающих новых противоречий продолжался главный стратегический спор о втором фронте, переплетавшийся теперь с дискуссией по поводу первых проектов послевоенного устройства в Европе и во всем мире. Все главные участники спора, правда, внимательно следили за тем, чтобы эти две темы не смешивались, и неизменно обосновывали свои оперативные замыслы исключительно соображениями военного характера. На протяжении всего 1943 г. Черчилль пытался соблазнить американцев своим «балканским вариантом» второго фронта, предлагая им провести целую серию десантов в Восточном Средиземноморье. При этом он также отстаивал свои тезисы чисто стратегическими резонами, хотя его собеседникам было ясно, что им движут типично политические соображения: стремление не допустить, чтобы советские войска пришли в Восточную Европу раньше, чем англо-американские[73]. Тем временем все интенсивнее велись консультации о вопросах послевоенного мира: печать всех трех держав широко обсуждала их. На протяжении 1943 г. состоялось целых три личных свидания Рузвельта и Черчилля (в январе — в Касабланке, в мае — в Вашингтоне и в августе — в Квебеке); кроме того, английский министр иностранных дел Иден провел 20 дней в Соединенных Штатах, обсуждая эти темы с американцами. СССР оставался пока в стороне. Одновременно с роспуском Коминтерна Сталин сменил своих послов в Вашингтоне и Лондоне. Вместо прославленных стариков — Литвинова и Майского, деятелей социалистического движения с дореволюционной поры и активных проводников предвоенной внешней политики, способных на самостоятельную инициативу (оба они, покидая свои посты, понимали, что их уход имеет политическое значение[74]), — пришли два молодых чиновника, Громыко и Гусев, — безвестные, но послушные исполнители полученных директив.

Впрочем, время послов уже миновало. Рузвельт, тщетно предлагавший Сталину принять участие в англо-американской встрече в Касабланке, теперь хотел личной встречи с ним. Его предыдущее предложение не было принято советским лидером[75]. Но поскольку Черчилль опасался оказаться исключенным из прямого соглашения между Рузвельтом и Сталиным, начала вырисовываться идея встречи втроем, предварительно подготовленной совещанием министров иностранных дел. Сталин добился того, чтобы обе встречи происходили в указанных им местах: совещание министров — в Москве, глав пра-

вительств — в Тегеране. В поддержку своей позиции он приводил солидный довод: важность осуществляемых под его руководством военных операций требует его каждодневного присутствия в СССР или в непосредственной близости от его границ. Сталин не хотел покидать территорию, контролируемую его войсками[76], к тому же он не летал на самолете. Однако им руководили не только эти личные мотивы. В своих маневрах ему неизменно удавалось добиваться, чтобы трехсторонние встречи на высшем уровне происходили в тех местах, при тех обстоятельствах и в те моменты (когда военные успехи его армий были уже неоспоримы), которые не могли оставлять никаких сомнений насчет необходимости считаться с представляемой им державой как с равной.

Конференция министров иностранных дел состоялась в Москве с 19 по 30 октября; встреча Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране — с 28 ноября по 1 декабря. Не многие международные совещания могут сравниться с ней по своей плодотворности. В Москве были обсуждены многочисленные вопросы, ряд которых затем рассматривался и главами правительств. Были приняты некоторые важные решения. Так, была одобрена декларация о принципах «всеобщей безопасности». Среди прочего в ней содержалась формула «безоговорочной капитуляции» Германии, выдвинутая Рузвельтом в Касабланке. Впоследствии у нее нашлось немало критиков, но в тот момент ее достоинство состояло в устранении подозрений о возможности сепаратной договоренности с врагом. Сверх того, декларация возвещала о создании в будущем широкой «международной организации» для поддержания мира[77]. Другими преданными гласности документами были: 1) резолюция относительно Италии, устанавливавшая демократические принципы, которые предстояло ввести в этой стране (была создана и консультативная комиссия, в состав которой был включен советский представитель при союзном командовании на Апеннинском полуострове); 2) решение о восстановлении независимости Австрии; 3) заявление об ответственности немецких военных преступников, которые должны быть судимы в тех странах, где ими были совершены преступления[78]. Наконец, для подготовки решения европейских проблем была учреждена политическая комиссия трех правительств с местонахождением в Лондоне.

По своему значению Тегеранская конференция намного превосходила свой московский пролог. Впервые сошлись вместе все три авторитетнейших лидера коалиции. Собственно конференция заключалась в ежедневных совместных заседаниях, за которыми обычно следовали менее официальные (но не менее важные) разговоры за ужином, который давался по очереди каждым из участников, и во время нескольких двусторонних бесед[79]. Первым и главным результатом, потребовавшим наиболее длительных дебатов, явилось принятие общей военной стратегии. Обнаружив, что западные партнеры все еще колеблются, Сталин не остановился перед жесткими выражениями; он даже дал понять, что если вопрос о втором фронте не будет

решен, то он не намерен попусту терять время и готов уехать домой[80]. Черчилль и во время этого последнего раунда упорно отстаивал свой «балканский вариант». Но поскольку Рузвельт еще до этого склонялся к поддержке советского тезиса, верх взяла сталинская постановка вопроса. Было решено, что англичане и американцы высадятся в мае 1944 г. на севере Франции, причем эта главная операция будет сопровождаться еще десантом на юге. Сталин со своей стороны гарантировал, что Красная Армия осуществит ряд наступательных операций на Востоке, с тем чтобы не дать немцам возможности свободно маневрировать резервами между Восточным и Западным фронтами. От черчиллевского «балканского варианта» осталось лишь согласованное решение оказать нажим на Турцию с целью заставить ее вступить в войну (хотя Сталин заявил — и факты доказали, что он был прав, — что турки на это не пойдут)[81]. Соглашения касались не одной Европы: зона их действия простиралась вплоть до Дальнего Востока. Еще в Москве Сталин объявил государственному секретарю США Хэллу, что СССР начнет войну с Японией, как только Германия сложит оружие. В Тегеране он повторил это обещание, к большому удовлетворению американцев, которые неизменно давали понять советским деятелям, что в США очень хотели бы такого обязательства с их стороны[82].

После урегулирования стратегических вопросов было намечено также решение ряда политических проблем. Выдвигавшиеся в 1941—1942 гг. американцами и англичанами возражения насчет будущих западных границ СССР в 1943 г. были молчаливо сняты с повестки дня. Спорной оставалась лишь граница с Польшей. Щекотливость советской позиции заключалась в том, что границу эту СССР получил по соглашению с Гитлером; но был у советской стороны и весомый довод: предлагаемая ею пограничная линия совпадала с этническим водоразделом и, в сущности, повторяла очертания границы, рекомендованной в 1920 г. английским министром Керзоном[83]. Возник вариант с компенсацией Польше за счет Германии: Польша в этом случае должна была бы получить Восточную Пруссию (кроме Кёнигсберга, который советская сторона потребовала оставить за ней) и расширить свою территорию на западе вплоть до Одера. Никакого соглашения, напротив, не было достигнуто по вопросу о возобновлении контактов между СССР и эмигрантским правительством в Лондоне.

В Тегеране были также впервые обсуждены судьбы Германии. Рузвельт и Черчилль представили два разных плана расчленения этой страны. Сталин воздержался от оценки этих конкретных проектов: приняв их во внимание, он вместе с тем дал понять, что считает их недостаточными, и потребовал более радикальных гарантий против возрождения германской агрессии. Напротив, Сталин решительным образом отверг британские рекомендации, направленные на создание в Европе конфедераций мелких государств: в этом плане он усмотрел попытку возродить под новой вывеской старый «санитарный

кордон» вокруг СССР. Наконец начал уточняться общий облик будущей всемирной организации, призванной занять место почившей в бозе Лиги Наций, но наделенной — по крайней мере в замыслах — значительно большей дееспособностью.

Тегеран, таким образом, ознаменовал высшую точку в развитии отношений внутри антифашистской коалиции. Наряду с выработкой общей стратегической линии три великие державы набросали первые очертания соглашений о мирном послевоенном урегулировании. Один из американских историков справедливо подчеркнул, что именно тогда обрисовались решения, которые обычно принято относить к более поздним периодам (на том единственном основании, что они были окончательно сформулированы позже[84]). Это стало возможным прежде всего потому, что в Тегеране «большая тройка» решила не дать отвлечь себя от наиглавнейшей задачи — победы над общим врагом — и рассматривать все проблемы, в том числе и продолжающие вызывать споры между союзниками, в духе необходимого сотрудничества, с учетом интересов каждого. В этом коренилось историческое значение события.

X. СТАЛИНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Борьба за независимость

«Оглядываясь назад, я позволю себе сказать, что никакое военно-политическое руководство любой другой страны не выдержало бы подобных испытаний и не нашло бы выхода из создавшегося крайне неблагоприятного положения» — таково суждение, высказанное маршалом Жуковым в его воспоминаниях[1]. В этих словах звучит понятная гордость людей, руководивших Советским Союзом во время войны. В официальных исторических изданиях, однако, это утверждение превращается уже в тезис о победе как о почти предопределенном, «исторически закономерном» следствии самой «природы» того общественно-политического строя, который утвердился в СССР накануне второй мировой войны[2]. Подобные заключения требуют более тщательного рассмотрения: принять их без оговорок, на наш взгляд, нельзя.

В самом деле, ведь тяжкие поражения начального периода войны были вызваны не только теми внешними причинами, на которых сосредоточивает свое внимание советская историческая наука, но и причинами внутреннего характера, связанными с политической системой СССР 30-х гг. Таких причин было по меньшей мере три. Первая и самая важная, поскольку она лежит в основе двух других, связана со сталинскими массовыми репрессиями 1936—1938 гг., с порожденными этими репрессиями политической атмосферой и методами правления, с вызванным ими отставанием во всей военно-экономической подготовке страны. Вторая заключалась в провале сталинской внешней политики последних предвоенных лет. Эта политика смогла временно отвести от СССР поползновения гитлеровской Германии, но оказалась не в состоянии создать у Гитлера и его генералов то представление о могуществе Советского Союза, которое единственно могло удержать их от агрессии. Третья и наиболее непосредственная причина состояла в стратегических и политических просчетах в самый канун вторжения и на протяжении его первых месяцев, просчетах, совершенных из-за сосредоточения власти в руках одного человека. Цена, уплаченная за все эти факторы внутренней слабости, оказалась очень высокой. Сам Сталин позже произнес свою знаменитую фразу, в которой признал, что любой другой народ в 1941—1942 гг. вряд ли устоял бы перед искушением прогнать прочь такое правительство[3].

В чем же нашел советский народ силы победить, несмотря на столь бедственное начало войны? В чем почерпнул он стойкость, которая дала ему возможность вынести подобные испытания на фронте, в тылу или под гнетом немецкой оккупации? По крайней мере в одном отношении все авторы всегда сходятся в ответе: в патриотиз-

ме. На этот счет нет расхождений между историками СССР и исследователями из других стран. Один писатель тонко подметил, что, говоря словами Толстого, речь шла о «скрытом жаре патриотизма»[4]. Но ведь патриотизм является настолько сложным чувством, что этот ответ, правильный сам по себе, рискует обернуться тавтологией.

Был ли то «русский» патриотизм, как пишут многие западные историки, или «советский» патриотизм, как утверждают в полемике с ними их московские коллеги?[5] Разграничительную линию провести нелегко, хотя нет сомнения, что собственно русский патриотизм явился одной из самых сильных пружин победы. Не одни лишь русские сражались в рядах Красной Армии, воевали в партизанских отрядах или трудились на военных заводах в тылу. «Одни знали, — скажет другой писатель, — что защищают Октябрьскую революцию от тупого, жестокого фашизма, другие думали о родном домике...»[6] Как верно было подмечено, родина или социализм суть абстрактные понятия: конкретными они становятся, когда воплощаются для одного — в его товарищах по батальону, для другого — в далекой алтайской деревне, для третьего — в окрыляющих надеждах, рожденных первыми пятилетками. Впрочем, людей вело в бой и еще более простое чувство: отчаянное желание выжить перед лицом угрозы, смертельный характер которой ощущался всеми. Даже сами катастрофические обстоятельства бесспорно неспровоцированного вторжения поддерживали в людях ощущение собственной правоты. И каким бы тягостным ни было их ощущение международного одиночества в начале войны, но и оно служило стимулом к отдаче всех своих сил без остатка. «Другого выхода, — скажет уже процитированный автор, — ни у меня, ни у моих соотечественников тогда не было»[7]. Война была для СССР прежде всего войной национального сопротивления*.

Но одного лишь коллективного чувства, каким бы сильным оно ни было, еще недостаточно для обеспечения победы. В прошлой истории русского народа были замечательные образцы патриотизма, как, например, в 1812 г. перед лицом наполеоновского нашествия (прецедент, который постоянно подчеркивался и прославлялся во время войны), но они не спасли Россию и от многих бесславных поражений. Новое состояло в том, что в СССР это чувство слилось с волей и стремлениями руководящих сил страны: Коммунистической партии, органов, непосредственно управлявших обществом, их руководящих

* Один немецкий генерал с изрядной долей расистской спеси объясняет, что советские люди сражались с таким упорством в силу своей «примитивности», большей близости к исходному природному состоянию (The Fatal Decisions, p. 37—38). Этот довод приходилось слышать и в связи с другими примерами беззаветного национального сопротивления империалистической агрессии; последним по времени был Вьетнам. Верно здесь другое. Варварские действия гитлеровцев послужили стимулом к обострению силы сопротивления у советского населения. Это признавал и Сталин, когда в 1944 г. доверительно говорил де Голлю: «Немцы помогли нам в этом отношении. Своим режимом оккупации они возвратили народам чувство патриотизма» (Советско-французские отношения, с. 341).

деятелей, и в первую очередь их признанного вождя — Сталина. Эти силы защищали свой строй, свою власть, свои послереволюционные достижения. Но это их стремление к защите совпадало с интересами и чаяниями народа, и совпадало тем больше, чем выше была их решимость сражаться за свои завоевания. За плечами у них было немало ошибок, да и во время войны их деятельность по руководству страной не была свободной от изъянов. Но в целом они доказали, что обладают огромной способностью мобилизовать и направлять народную волю к сопротивлению захватчику, давая ей верное политическое выражение. В равной степени они продемонстрировали способность организовать в почти безнадежных условиях как собственно борьбу на фронтах, так и военные усилия всей страны в целом. В сочетании этих двух факторов — всенародного порыва и организующей силы руководства — заключается первое условие победы. По справедливости должны быть упомянуты и другие условия: необозримые пространства России с заключенными в них возможностями маневра, огромные людские ресурсы, помощь союзников, промахи противника. Все факторы сыграли свою роль. Но если бы не было двух основных, то и все остальное не помогло бы.

Мобилизующая способность проявилась уже в том, насколько верной оказалась политическая характеристика войны: то была именно «отечественная война», как ее с тех пор и называют. В сталинской мысли уже были заложены предпосылки, облегчавшие такую постановку вопроса: мы имеем в виду развитие его концепций от «социализма в одной, отдельно взятой стране» к ускоренной индустриализации с игрой на чувстве гордости за свою страну и вообще на национальном компоненте русской революции[8]. Отсюда, следовательно, «отечественная» и даже «священная война», а не, скажем, война революционная или якобинская. Наиболее типичные плакаты той поры просто провозглашали: «Родина-мать зовет». Другие призывали к защите «завоеваний Октября» как части великой национальной истории, но специфически социалистические мотивы в пропаганде были как бы приглушены. Не обходилось без призыва биться за «честь наших женщин», поруганную солдатом-оккупантом[9]. После некоторых колебаний в начале войны решено было придать войне не только антифашистскую, но и антинемецкую направленность. Немцы не различались на хороших и плохих: для солдата врагом был просто «фриц», жестокий и гнусный, которого с большой журналистской доходчивостью описывал в своих статьях Илья Эренбург. Патриотический призыв был адресован прежде всего русской нации, которая после потери западных республик оказалась лицом к лицу с противником и, без сомнения, образовала стержень всего сопротивления. Прославление ее исторического прошлого проходит красной нитью через всю войну. Но поскольку все же сражались не одни русские, подыскивались и стимулы для национальной гордости других народов СССР: в противоположность обычной, всегда практиковавшейся политике в области строительства вооруженных сил было даже сфор-

мировано несколько «национальных» частей, то есть соединений, укомплектованных гражданами отдельных союзных или автономных республик[10].

Политика национального единства

В такой постановке вопроса о войне, способной объединить всех независимо от того, любят ли они Сталина, его режим и его партию или не любят, заключалась первая заслуга руководства СССР. Если к рабочим — особенно в таких драматических ситуациях, какие сложились в Москве, Ленинграде или Сталинграде, — можно было обратиться с призывом встать на защиту своих заводов, которые всегда были центрами всей общественной жизни, то, уж конечно, никто ни разу не призвал крестьян сражаться за колхозы. Но между тем на практике они отстаивали и колхозы ради того, чтобы отстоять свое право не стать рабами чужеземного завоевателя. Массовым и беззаветным было участие в войне интеллигенции независимо от ее политических убеждений. Взаимоотношения Советской власти — и в особенности власти сталинской — с миром культуры никогда не были гладкими. В начале войны Сталин не скрывал известного недоверия к части интеллигенции: у него даже вырвались слова о «перепуганных интеллигентиках», а в телеграмме президенту Академии наук он выразил «надежду», что это учреждение выполнит свой долг[11]. Академия была эвакуирована, ее институты разбросаны по разным городам в далеком тылу; но и находясь в очень трудных условиях, научные работники сумели внести ценный вклад в развитие военной техники и освоение природных богатств восточных районов[12]. Наряду с учеными свою лепту в общую борьбу вносили и деятели всех остальных областей культуры.

Многие писатели явились лучшими выразителями духа сопротивления, ибо они были уверены, что их устами говорит могучая коллективная воля. Один из них сказал, что, несмотря на более чем когда-либо суровую цензуру, «у нас в первые полтора года войны писатели чувствовали себя куда свободнее, чем прежде»[13]. «Мы детям клянемся, клянемся могилам, что нас покориться никто не заставит!» — это две строки из стихотворения Анны Ахматовой, написанного в июле 1941 г.; поэтесса, несмотря даже на то, что у нее было немало причин относиться враждебно к политической системе своей страны, поставила вместе с другими свою подпись под первыми обращениями к советским женщинам и написала стихи, ставшие одним из наиболее прекрасных образцов военной поэзии[14]. Другой из критически настроенных к советскому режиму писателей, Пастернак, позже вложит в уста одного из своих героев следующие слова: «Война была... благом... Люди вздохнули свободнее, всею грудью и... бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной. Война — особое звено в цепи революционных десятилетий. Кончилось действие причин, прямо лежавших в природе переворота. Стали

сказываться итоги косвенные, плоды плодов, последствия последствий... Извлеченная из бедствий закалка характеров, неизбалованность, героизм, готовность к крупному, отчаянному, небывалому»[15]. Многие писатели стали фронтовыми корреспондентами. Некоторым их произведениям, таким, например, как «Жди меня» Симонова, вероятно, не суждено остаться в истории русской литературы, но в них выразились чувства множества людей[16]. Во время войны, возможно впервые после революции, развернулся процесс подлинного культурного созревания, становления более глубоких взаимоотношений между культурой и народом, который на протяжении предыдущих лет познал, скорее, распространение вширь образования и технических знаний.

Политика национального единства нашла отражение также в компромиссе с православной церковью. Антирелигиозная пропаганда была прекращена сразу же после начала войны как ответ на лояльность, продемонстрированную высшими церковными властями. Два самых авторитетных митрополита, Московский — Сергий и Ленинградский — Алексий, призвали верующих молиться и сражаться за победу. В ноябре 1942 г. эти два религиозных деятеля были удостоены первых официальных наград. В сентябре следующего года они были приняты Сталиным и получили разрешение на восстановление руководящих органов церкви. Был созван Собор, на котором Сергия избрали патриархом (пост этот пустовал с 1925 г., когда умер последний из патриархов — Тихон), и был образован синод. Одновременно был учрежден новый правительственный орган — Совет по делам православной церкви, на который была возложена задача сотрудничать с церковными властями (и надзирать за их деятельностью). Впервые были отпущены средства на ремонт нескольких храмов. Число прихожан на религиозных службах значительно увеличилось. Был устранен старый раскол в православии, который безуспешно пытались использовать большевики в начале 20-х гг. Оправданно поэтому говорить о годах войны как о «переломном моменте» в жизни русской церкви[17]. Аналогичные послабления, хотя и меньшего масштаба, были сделаны и в отношении других вероисповеданий, прежде всего мусульманства. Возможно, что принятию этих мер способствовал сильный нажим американцев по дипломатическим каналам. Новое отношение к церкви определялось, однако, главным образом соображениями внутриполитическими. То была уступка все еще живому — особенно в деревне — религиозному чувству — мера, которая помешала немцам играть роль ревнителей возрождения религии в России и на Украине, несмотря даже на то, что кое-где на оккупированной территории им удалось заручиться сотрудничеством отдельных священников.

Патриотизм, бóльшая терпимость, антифашизм — все эти компоненты политики СССР вызывали отклик и далеко за его пределами. Они углубили, в частности, уже существовавшее размежевание в русской послереволюционной эмиграции, насчитывавшей еще около

миллиона человек, из которых 400 тысяч — во Франции. Немцам удалось завербовать к себе на службу лишь меньшую часть эмигрантов, самых оголтелых и готовых на все ради мести. Среди известных имен наиболее примечательными были казачьи атаманы Краснов (тот самый, что пытался захватить Петроград в октябре 1917 г.) и Шкуро; в конце войны оба были взяты в плен в Австрии[18]. Другая часть эмиграции встала на сторону союзников, правда сохранив свои решительно антисоветские убеждения (например, Деникин). Другие же во имя спасения России и движимые национальной гордостью за проявленную ею стойкость примкнули к «советским патриотам», хотя и не пошли так далеко, чтобы выразить свою поддержку московскому правительству. Среди этой части эмиграции были и деятели первой величины, такие, как писатель Бунин, философ Бердяев, кадеты Милюков и Маклаков, меньшевик Дан. Наконец, часть эмигрантов, особенно молодого поколения, признала в конце концов и советскую систему. Большое число эмигрантов сражались в рядах Сопротивления во Франции и других странах[19].

Широкая поддержка, завоеванная сталинским руководством во время войны, не означает, что у всех исчезли невысказанные оговорки или скрытая враждебность по отношению к его деятельности. Напротив, наиболее искренние свидетельства сообщают нам, что такие мысли и чувства сохранялись даже у людей, мужественно сражавшихся на фронте и уже тогда понимавших, что главной причиной первых поражений были именно изъяны внутреннего свойства. Но и оговорки, и враждебность, отодвинутые в сторону перед лицом внешней опасности, сопровождались надеждой на то, что война и ее победоносное окончание многое изменят и жизнь станет «лучше, чище, справедливей»[20]. Сталинский курс на национальное единство не простирался, однако, так далеко, чтобы были открыты ворота концлагерей для политзаключенных, включая коммунистов. Между тем даже в местах заключения наблюдался патриотический порыв, выражавшийся в многочисленных просьбах отправки на фронт, чтобы с оружием в руках доказать свою лояльность. При этом авторы заявлений понимали, что это означает попасть в штрафные батальоны, которые бросали в самые отчаянные дела и из которых почти не было возможности выйти живым[21]. Но и это право заслужить прощение было предоставлено лишь немногим. Дочь одного из арестованных, юная московская девушка, погибшая в 1941 г. при выполнении секретного задания во вражеском тылу, оставила в своем дневнике такое «завещание»: «Живу одной мыслью: может быть, мой подвиг спасет отца»[22].

Роль вождя

Уже накануне войны, и в особенности после фазы «массового террора», сталинская государственная система полностью выявила свой облик[23]. Войне тем не менее суждено было оказать на нее существенное воздействие. Эта система привела страну к победе и потому

получила новую опору в народе. Из испытаний она вышла, следовательно, окрепшей. Но, пройдя их, она приобрела некоторые новые черты и обострила некоторые другие. Разумеется, это не была система, держащаяся на писаном законе, на конституции (та, что была принята в 1936 г., была задушена, еще не успев родиться). Скрупулезное отношение к закону, которое никогда не играло главенствующей роли в советской действительности, никак не могло окрепнуть в ходе войны. Моменты, когда отечество оказывалось в опасности, всегда и повсюду были наиболее благоприятными для максимальной централизации власти и диктаторского правления, ибо управляемые в такие мгновения хотят в первую очередь твердого и действенного предводительства. Сталинскому руководству, следовательно, не было больше нужды формально скрывать свои авторитарные черты, поскольку оно могло оправдать их ссылками на обстоятельства.

Во главе страны были поставлены два чрезвычайных, не предусмотренных ни конституцией, ни каким-либо другим законом органа: Государственный Комитет Обороны (ГКО) по всем политическим и гражданским вопросам и Ставка (штаб-квартира) по всем вопросам, связанным с ведением военных действий. Председателем в обоих органах был Сталин. В последние годы советские историки утверждают, что продолжали функционировать и узкие органы партийного руководства: Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б). Действительно, некоторые постановления были изданы от их имени. Но сведения, почерпнутые из все большего числа мемуаров отдельных руководящих деятелей, в общем-то, подтверждают, как это уже отмечалось в более ранних исторических работах, что ни один из этих органов, включая Ставку и ГКО, никогда не работал как подлинно коллегиальный орган. Заседания проводились зачастую в кабинете Сталина в Кремле или на его даче неподалеку от Москвы, однако участвовали в них чаще всего лишь немногие работники, связанные с обсуждающимися вопросами или вызванные специально для доклада, нежели члены того или иного органа, входившие в него по официальному списку. На этих заседаниях даже не велось протокола[24]. Проводились и более широкие совещания. Одно, сравнительно многолюдное, состоялось в декабре 1943 г., на нем обсуждались достигнутый уже в ходе войны перелом и планы ее завершения. Сталин сделал на этом совещании доклад о Тегеране, Вознесенский — об экономике, генералы Василевский и Антонов — о военной обстановке. Но и это совещание не имело никакого официального статуса. «Скорее, это было расширенное заседание Государственного Комитета Обороны с участием некоторых членов Ставки Верховного Главнокомандования» — так охарактеризовано оно в мемуарах[25].

Главные руководящие деятели, помимо отправлений своих официальных функций, отвечали еще каждый за какой-нибудь особый участок: Молотов — за производство танков, Маленков — самолетов, Вознесенский — оружия и боеприпасов, Микоян — за снабжение, Каганович — за транспорт и т. д. Это значило, что каждый из них, «на-

деленный чрезвычайными полномочиями», держал в своих руках контроль над крупными отраслями экономики и многочисленными наркоматами[26]. Другие выполняли специфические задания вне Москвы: Жданов находился в Ленинграде, Маленков летом 1942 г. — в Сталинграде, Хрущев постоянно руководил политической работой на фронте, пока не вернулся к руководству партийной работой на освобожденной Украине[27]. Начиная с 1942 г. главные военные операции проводились под присмотром «специальных представителей» Ставки, направляемых на места с задачей координировать действия нескольких фронтов. Так, Жуков и Василевский руководили наиболее крупными сражениями, но подчас аналогичные задания выпадали Ворошилову, Тимошенко, Воронову и другим генералам. Все руководящие работники были перегружены обязанностями и ответственностью. Но по всем сколько-нибудь значительным вопросам все они обращались к Сталину.

Более чем любой другой правитель в любой из воюющих стран, Сталин действительно держал в своих руках управление войной во всех ее аспектах: политических и дипломатических, экономических и военных. Он реально был Верховным Главнокомандующим, ибо своим военачальникам он оставлял лишь ограниченную самостоятельность. Его эмиссары на фронтах должны были отчитываться перед ним каждый день: достаточно было малейшего опоздания, чтобы последовал жесткий выговор[28]. Дважды в день — в полдень и вечером — Генеральный штаб докладывал ему об изменениях, происшедших в обстановке за последние часы: оперативная ситуация наносилась на большие стратегические карты. Лишь Сталин знал точную численность резервов и был единственным, кто мог разрешить ввести их в действие. Он сам подбирал кодовые обозначения для военных операций и псевдонимы — для командующих фронтами и армиями[29]. С той же дотошностью он следил за тем, чтобы и во всех других областях последнее слово принадлежало ему. Такая предельная концентрация власти давала некоторые преимущества, но она же создавала препятствия и была причиной задержек: зачастую командующие достаточно высокого ранга оказывались лишенными информации, которая была им абсолютно необходима[30].

Лично на себя Сталин взвалил во время войны гигантский труд. По прошествии многих лет его ближайшими сотрудниками были высказаны противоречивые оценки его руководства в тот период: негативные у одних (Хрущева, Воронова), хвалебные у других (Микояна, Штеменко), умеренно позитивные у третьих (Жукова, Василевского)[31]. Оценивать деятельность Сталина надо дифференцированно. В первой фазе войны, как мы видели, последствия его решений не раз были отрицательными: как бы ни объяснялось его стремление поскорее перейти в наступление, оно принесло неудачи. Сталин не был военным специалистом. Подозрительный ко всем, он долго медлил, прежде чем проникнуться доверием к генералам. Но он осознал свою ошибку. Его отношение к военным руководителям переменилось в лето Сталинградской битвы: с этого момента он внимательно прислушивался к их

предложениям, хотя всегда оставлял за собой окончательное решение[32]. Он никогда не был на фронте, но со временем приобрел солидную компетенцию в военных вопросах и, как правило, высказывался не наобум. Те качества его ума, которые объясняли его политическую фортуну, были ему полезны и во время войны: интуиция, позволявшая точно нащупывать слабое место любого партнера, будь то союзник или противник; способность сразу улавливать существенный аспект каждого вопроса; крепкие нервы, превосходная память, упорство. Отрицательную роль во время войны, как и в мирное время, играли его подозрительность, вспышки ярости, абсолютная самоуверенность. В своих отношениях с подчиненными «он был неумолимо настойчив и до жестокости строг». Результаты, которых он добивался таким образом, не всегда бывали удачными, в некоторых же случаях, однако, «он добивался, можно сказать, почти невозможного»[33]. При всех отрицательных сторонах он был в общем и целом самым деятельным из военных руководителей военных лет: самым деятельным из трех лидеров антифашистской коалиции, сказал позже американец Гарриман, который близко знал всех трех[34].

Но его самая крупная заслуга состояла в другом. Он понял, что без упорства, терпения и мужества советских людей было бы бесполезно и его руководство. Этому народу, которому в час беды требовался в первую очередь сильный предводитель, Сталин сумел явиться в роли вождя. Он был достаточно осмотрителен, чтобы не допускать ненужных восхвалений своей персоны в самые мрачные месяцы отступления. В своих немногочисленных речах он умел найти слова, внушавшие надежду. Его решение не оставлять Москву в октябре 1941 г. было ключевым в психологическом отношении актом, предпринятым точно в нужный момент: всем тогда нужно было проявление уверенности. С этого момента и сложился народный образ «сурового отца». То был условный образ, но солдаты слепо верили в него. Это не преувеличение, что они шли в атаку с возгласом: «За Родину! За Сталина!» Позже писатель Некрасов без всякой риторики рассказал, с какой неподдельной теплотой говорили о нем — «воплощении всего хорошего и справедливого» — солдаты в окопах Сталинграда. Именно в силу такого восприятия бойцов критические оценки деятельности Сталина во время войны, какими бы обоснованными они ни были, всегда имели в СССР довольно слабый отклик.

Победа не могла не остаться связанной с его именем. Сталин не замедлил воспользоваться этим глубоким народным чувством, чтобы выстроить еще более прочную опору тому «культу», которым он окружил себя уже в предвоенные годы. Как только в операциях на фронте произошел решительный перелом после Сталинграда и в еще большей степени после Курска, печать вновь принялась ежедневно превозносить его имя как синоним победы. «Правда» вновь стала писать: «Все наши победы связаны с именем Сталина». Потом появилось выражение: «Сталинская наука побеждать»[35]. Партийные организации или производственные коллективы уже не просто принимали резолюции, а

посылали «рапорты» Сталину, которые начинались словами: «Великому вождю народов». Когда они успешно справлялись со своими делами, Сталин их «благодарил». Все более частые сообщения о победоносных наступлениях и освобождении ранее отданных немцам городов появлялись в газетах за его подписью. После войны печать, называя Сталина, всегда будет добавлять «творец нашей победы». Самый авторитетный из партийных журналов дойдет даже до того, что напишет: «Сталинская военная наука превзошла все то, что давала предшествующая история военной мысли»[36].

Партия, армия и ее полководцы

Подобные панегирики не только не имели ничего общего с исторической правдой. Мало того что они затушевывали исключительные заслуги «простых людей», которых Сталин считал, конечно, заслуживающими похвалы, но не более чем «винтиками» грандиозного механизма государства, они скрывали и ту эволюцию, которую проделало во время войны советское общество и сама система сталинской власти.

Между тем важные изменения затронули все, и в первую очередь столп государства — Коммунистическую партию. Прежде всего это были изменения в ее составе. В начале войны огромные людские потери и утрата обширных районов привели к резкому падению численности ее рядов. Если к моменту нападения Германии она приближалась к 4 млн. человек, то к концу 1941 г. речь шла о трех с небольшим миллионах. Подсчеты показывают, что за первые полтора года войны, то есть до кануна наступления под Сталинградом, партия потеряла около 1400 тыс. членов, частью павших на поле боя, частью же оставшихся на оккупированной территории[37]. Для восполнения убыли в августе, а затем в декабре 1941 г. было проведено последовательное упрощение правил приема для всех военнослужащих, «отличившихся в боях»[38], — шаг, имевший славные прецеденты в героических традициях гражданской войны. Вступление в партию в тех условиях было знаком преданности Родине, и в желающих не было недостатка. В действующей армии приток новых членов в партию стал резко нарастать с начала 1942 г.: за его первую половину прием утроился по сравнению с первым военным полугодием. Рост продолжался и дальше, особенно в связи с крупнейшими сражениями, и достиг своей высшей точки в период Курской битвы. На протяжении 1943 г. двери партии были открыты, как никогда, широко. Затем прием стал медленно сокращаться. Но по-настоящему резкое замедление произошло лишь в последние месяцы 1944 г., когда по решению сверху были вновь введены более строгие нормы отбора. На протяжении 1942—1944 гг. в партию ежемесячно вступало в среднем 125 тыс. человек [39]. К 1 января 1945 г. в ее рядах насчитывалось около 6 млн. человек. За время войны кандидатами в члены партии было принято в общей сложности 5320 тысяч человек. Из них 3614 тыс. были приняты в члены партии. Около 3 млн. погибло, причем многие еще до того, как были рассмотрены их заявления о приеме[40]. Партия, таким образом, смогла влить свежую кровь

в свои артерии; более того, она претерпела самое массовое обновление своего состава за все время после гражданской войны. Произошло это благодаря патриотическому порыву советских солдат: беззаветная преданность Родине служила одновременно единственным условием приема и главной причиной наплыва желающих.

Но то было не единственное изменение. Как уже отмечалось в исторической литературе, вступление в партию главным образом под воздействием национального чувства носило «предполитический» характер[41]. С другой стороны, при приеме не учитывались больше прежние различия по социальному происхождению. Во время войны, таким образом, зародились первые очертания того, что позже будет названо «всенародной партией». Но вместе с тем усилились и те ее черты, которые превращали партию в военно-религиозный «орден» в соответствии со сталинской концепцией[42]. Здесь следует в особенности напомнить о двух из них: все более сильном армейском отпечатке и государственном характере.

С первых же дней войны мобилизация переместила большое число коммунистов из гражданской сферы в вооруженные силы: в общей сложности 1640 тыс. человек, из которых больше миллиона — в первые месяцы. Несколько десятков тысяч «кадровых» партийных работников было направлено в армию в роли политических руководителей. С конца 1942 г. свыше половины членского состава партии находилось под боевыми знаменами, так что к моменту завершения войны из каждых четырех военнослужащих один был коммунистом. Но распределение членов партии в вооруженных силах не было равномерным. Более высоким был их удельный вес среди офицеров, которые составляли 41 % всех военных-коммунистов (57 % приходилось на солдат и сержантский состав). Относительно больше партийных было в насыщенных техникой родах войск: в партии состояло 50 % личного состава авиации и 45 % — бронетанковых войск, между тем как в артиллерии соответствующий показатель равнялся 18 %, а в пехоте — лишь 8—9 %[43]. Организационная структура носила капиллярно-разветвленный характер, с первичными организациями в ротах, но на всех уровнях отличалась жесткой военной субординацией. Война, таким образом, явилась периодом новой сильной милитаризации партии, и не только на фронте, ибо военизирована была, как мы знаем, вся жизнь страны. «Аппарат партийного органа — обкома, крайкома, горкома, райкома — должен работать, как аппарат военного штаба», — писала «Правда»[44].

В самой государственной структуре партия и армия были единственными организмами, наделенными властью, достаточной для организации военных усилий. Партия поэтому, особенно в начальный период войны, вынуждена была, как это уже бывало в предыдущие моменты чрезвычайного положения, брать на себя и непосредственно административные функции. В областях, оказавшихся под угрозой вражеского вторжения, были созданы комитеты обороны по образцу центрального ГКО: во главе их неизменно стоял высший из местных партийных

руководителей, наделенный всей полнотой власти. В крупных городах основные отрасли промышленности также находились в непосредственном ведении секретарей местного партийного комитета (имелись секретарь обкома по металлургии, секретарь обкома по химии, секретарь обкома по самолетостроению, секретарь обкома по производству боеприпасов и т. д.)[45].

С победами стал расти авторитет и другого крупного органа государства: армии с ее командирами. До этого положение было иным: доказательством тому служил возврат к системе политических комиссаров после расстрела Павлова. Институт комиссаров, упраздненный в первый раз в 20-е гг., воскрешенный в 1937 г., в период «великого террора», снова отмененный в 1940 г. и наконец возрожденный в июле 1941 г., всегда был признаком недоверия политической верхушки к вооруженным силам. Тем не менее письменно опрошенные в 1941 г. командующие фронтами высказались в пользу его восстановления (в частности, Жуков): вероятно, из нежелания в одиночку нести ответственность за поражения[46]. Такое решение, однако, было не по душе военным руководителям. Некоторые генералы пишут, что позже они выдвигали предложения о возврате к системе единоначалия. И все же один из наиболее высокопоставленных среди них (Василевский) признается, что в тот период он предпочитал воздерживаться от высказывания определенных суждений по этому вопросу, хотя его и просили об этом. Тема оставалась щекотливой, по крайней мере вплоть до того дня, когда Сталин сделал окончательный выбор: в октябре 1942 г., когда началась подготовка к грандиозному контрнаступлению под Сталинградом, он решил возложить ответственность целиком на командиров, окончательно упразднив комиссаров[47]. Командование частями и подразделениями было возвращено военным специалистам, которым политические руководители призваны были помогать в качестве их подчиненных. И все же это не означало ослабления партийного контроля над вооруженными силами. Если уж на то пошло, речь шла о еще более тесном симбиозе партии и армии. С притоком военнослужащих в партию офицеры, особенно высоких рангов, теперь были поголовно партийными. Например, Говоров, сначала генерал, а потом маршал, начинавший службу в царской армии, в 1942 г., когда он после Жукова стал командующим Ленинградским фронтом, был за особые заслуги принят в партию даже без кандидатского стажа[48]. Многие комиссары в свою очередь получили командные звания и должности.

Восстановлению единоначалия предшествовал один эпизод, который можно считать типичным для сталинских методов руководства. В августе 1942 г. «Правда» напечатала полный текст — как если бы это был важный политический документ — пьесы украинского драматурга А. Корнейчука «Фронт». Пьеса немедленно была поставлена в нескольких театрах. Объяснялось это тем, что она была не только одобрена Сталиным, но и написана по его подсказке[49]. Стержнем драмы служил конфликт между старым генералом, выдвинувшимся во время граж-

данской войны, смелым, но малообразованным, и более молодыми военачальниками, подготовленными для руководства современной армией. Суть всей пьесы заключалась в финальной реплике: «Сталин говорит, что нужно смелее выдвигать на руководящие должности молодых, талантливых полководцев наряду со старыми полководцами и выдвигать надо таких, которые способны вести войну по-современному, а не по старинке, способны учиться на опыте современной войны, способны расти и двигаться вперед»[50]. Если подходить к этой пьесе как к анализу причин, обусловивших недостатки советского командования, которые выявились в начальной фазе войны, то нужно сказать, что анализ этот оказался по меньшей мере односторонним. Причины, как мы знаем, были куда более сложными, и их, конечно же, нельзя было сводить к ностальгии некоторых генералов по методам гражданской войны. Корнейчук был слишком осмотрителен, чтобы упоминать об этих причинах, но, прикрываясь авторитетом Сталина, он избирал мишенями именно тех генералов, которым не кто иной, как Сталин, в прошлом доверил руководство вооруженными силами, таких, как Буденный, Тимошенко, Кулик, да и сам Ворошилов (достаточно отважный, чтобы стоять под пулями на передовой, он также был весьма посредственным полководцем[51]). За исключением разжалованного Кулика, никто из них не был полностью отстранен от дел. Им продолжали давать ответственные задания, особенно Тимошенко. Но все же руководство крупнейшими операциями и решающие командные посты отныне были отданы другим.

Одновременно на первый план выдвинулось новое поколение военачальников. Все они были в возрасте между 40 и 50 годами, и все раньше или позже стали маршалами. Мы имеем в виду таких полководцев, как Василевский, Конев, Рокоссовский, Говоров, Ватутин, Малиновский, Толбухин, Мерецков. То были профессиональные военные в том смысле, что вся их жизнь прошла в вооруженных силах. Некоторые из них, подобно Василевскому, Толбухину, Говорову, успели дослужиться до первых офицерских чинов еще в дореволюционной армии. Другие выдвинулись во время гражданской войны в рядах едва родившейся Красной Армии. Все они зарекомендовали себя умелыми руководителями современных армий. Но даже на их фоне масштабностью и авторитетом выделялся Жуков. Военный по образованию и манерам, назначенный в августе 1942 г. заместителем Верховного Главнокомандующего, он был выдающимся полководцем, какого выдвинула вторая мировая война. Сын сапожника, унтер-офицер кавалерии в старой царской армии, потом перешедший на сторону революции, он встретил немецкую агрессию в возрасте 45 лет. Морально он завоевал свое звание полководца при обороне Ленинграда и Москвы: в те дни он создал себе авторитет, который позволял ему возражать и даже доказывать свою правоту самому Сталину[52]. В нем сочетались талант стратега, крепкая профессиональная подготовка, несгибаемая воля, огромная работоспособность и выносливость. У подчиненных он пользовался не любовью, но уважением. Методы его не раз осуждались как чересчур

властные, подчас солдафонски бездушные. В Ленинграде и Москве он не поколебался пригрозить некоторым генералам, что «поставит их к стенке», если они не выполнят его приказов (выполнить же иные из них было невозможно)[53]. Никогда вокруг него не существовало такой атмосферы симпатии, какая окружала, например, Рокоссовского, однако среди фронтовиков Жуков стал настолько знаменит, что к концу войны был самым уважаемым после Сталина человеком.

В воспоминаниях, которые оставили нам эти военачальники, нет ни малейших следов раздражения против партии и партийной опеки над военными; встречаются, скорее, полемические выпады против тех или иных отдельных политических деятелей[54]. В целом же военные приобрели в партии и через нее во всем государственном механизме большее влияние, чем когда-либо в прошлом; влияние, которое им послевоенные политические обстоятельства помогли сохранить. Если уж говорить о проявлениях недовольства военных по поводу некомпетентного оскорбительного вмешательства в их дела или даже о прямых конфликтах административно-субординационного характера, то такие, пусть даже завуалированные, признаки следует искать в другой сфере, в сфере взаимоотношений с политической полицией, НКВД. В этих трениях слышится отзвук того удара, который был нанесен по всему офицерскому корпусу армии в 1937 г. И дело не ограничивалось воспоминаниями о прошлом. Война была, разумеется, не самым благоприятным моментом для ограничения полномочий политической полиции. Вдобавок сталинские методы правления не изменили своей сути оттого, что новые нити согласия и поддержки завязались между вождем и народом, между народом и партией: просто теперь эти методы воспринимались как уплата некой обязательной дани, необходимой для дела общего спасения.

Старые и новые черты сталинизма

В начале войны у Сталина и его правительства имелись серьезные опасения за прочность внутреннего фронта. С первых же военных дней все граждане, владевшие индивидуальными радиоприемниками (в то время, по правде говоря, таких было немного), обязаны были сдать их: разрешалось держать только громкоговорители радиосети, которые передавали лишь официальные сообщения и программы из Москвы. Это был период, когда под суд военного трибунала отдавались «распространители ложных слухов, вызывающих панику среди населения». Первым Указом Верховного Совета СССР в подобных случаях предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком от двух до пяти лет. Вскоре, однако, дела такого рода были переданы на рассмотрение органов НКВД, которые применяли против виновных самые суровые меры, установленные законом об «антисоветской агитации с контрреволюционными целями»[55]. Агенты НКВД с подозрением прощупывали солдат и офицеров, которым удавалось, прорвавшись сквозь кольца немецкого окружения, выйти в расположение советских войск.

Оставив наконец позади мытарства скитаний и боев во вражеском тылу, изможденные бойцы вынуждены были проходить унизительную проверку, за которой мог последовать и арест. Военные части НКВД мужественно сражались в первые месяцы войны. Им поручалось поддержание порядка в городах, над которыми нависала самая большая угроза. При этом, однако, эти соединения неизменно составляли отдельный вид вооруженных сил, из-за чего не раз возникали субординационные недоразумения с общевойсковым командованием*. Наконец, повсюду в армии существовали «особые отделы» НКВД, выполнявшие полицейские функции совершенно независимо от командования соответствующих частей. Более того, юрисдикция этих отделов распространялась и на офицеров данной части: на основе полученного от своего начальства приказа они могли арестовать любого из них, сорвать с него погоны и орденские ленточки на виду у его товарищей без каких-либо объяснений[56].

Части НКВД были использованы также для проведения жестокой карательной операции, предпринятой по приказанию Сталина в конце 1943 — первые месяцы 1944 г. против некоторых мелких этнических групп юга, среди которых фашисты во время оккупации встретили определенное сочувствие. В виде превентивной меры еще в начале войны была ликвидирована Автономная республика немцев Поволжья. Из-за подозрения, что захватчики получат помощь и поддержку с их стороны, все население республики (свыше 300 тыс. человек, происходивших от старых колонистов времен Екатерины II) было согнано со своих земель и выслано в различные области Сибири и Казахстана. Подобная же мера, но на этот раз в виде наказания, была уготована в декабре 1943 г. калмыкам, населявшим южные степи в низовьях Волги и вдоль берегов Каспийского моря; несколько позже, в период между концом 1943 г. и весной следующего года, — некоторым народностям Северного Кавказа — карачаевцам, чеченцам, ингушам и балкарцам (численностью от нескольких десятков тысяч до примерно 400 тыс. у чеченцев); и, наконец, в июне 1944 г. — крымским татарам. Все эти народности были лишены их автономных государственных образований. Кара обрушивалась на всех без разбора, даже без попыток выяснения индивидуальной ответственности. Независимо от возраста или поведения все они, а следовательно, и коммунисты либо высшие руководители местных Советов, были силою высланы в малонаселенные районы Сибири и Средней Азии, где им пришлось селиться разрозненными группами. То была одна из самых драконовских репрессивных операций в годы правления Сталина, одно из наиболее зловещих предзнаменований на будущее. В глазах общественности эту акцию нельзя было оправдать даже ссылками на требования войны. Она была прове-

* Пример тому мы находим в воспоминаниях маршала В. И. Чуйкова. Едва вступив в командование 62-й армией в Сталинграде, рассказывает он, ему пришлось объясниться с офицером НКВД, полковником Сараевым, ранее назначенным командующим гарнизоном; под началом Сараева находилась и целая дивизия НКВД. В данном случае, правда, недоразумение было без труда разрешено.

дена поэтому без какого бы то ни было официального оповещения: достоянием гласности она сделалась лишь 12 лет спустя, когда о ней рассказал Хрущев в своем знаменитом «секретном докладе» на XX съезде партии[57].

Сталинское правление и его система организации общества вышли, бесспорно, окрепшими из победоносной войны. Но произошло это, конечно же, не потому, что они оказались в состоянии проводить карательные экспедиции подобных масштабов, не встречая ни малейшего сопротивления. В самой грубой беспощадности такого рода операций уже содержался признак слабости. В пройденных испытаниях и в патриотическом подъеме, который позволил преодолеть их, в разнородности порожденных войной мотивов поддержки сталинского режима, в новой роли интеллигенции и культуры, в надеждах, порожденных единением народа в тяжкой борьбе, — во всем этом содержались зародыши противоречий, до этого неведомых сталинской власти. Другие противоречия возникали из приобретаемых сталинизмом новых черт. Здесь в особенности следует отметить две из них.

Обращение к славным страницам национальной истории сыграло чрезвычайно важную роль в стимулировании сопротивления захватчикам. Но теперь эта минувшая слава России становилась для Сталина одним из доводов в пользу преемственности его режима по отношению к старому Российскому государству. Этот довод становился важнее, нежели напоминание о революционных истоках нового государства, родившегося в результате разрыва с прошлым. В своем кабинете Сталин распорядился повесить рядом с фотографией Ленина портреты царских полководцев Суворова и Кутузова. В начале 1943 г. он пожелал восстановить в вооруженных силах мундиры и погоны старой дореволюционной армии. Решение было принято им лично, без какого бы то ни было нажима со стороны военных: некоторые из них позже рассказали, что были поражены нововведением[58]. За этой реставрацией последовала другая: были воскрешены старые чины для разных отрядов государственной бюрократии, также облачившейся в мундиры. Меры такого рода были введены сначала для работников судебного ведомства, потом — для дипломатов[59]. Для детей, потерявших на войне родителей, были учреждены специальные училища, названные в честь Суворова и Нахимова. Их задача состояла в подготовке детей к военной карьере: в учредительном указе уточнялось, что в качестве образца им будет служить «старый кадетский корпус»[60], ликвидированный революцией.

1 января 1944 г. сменился также официальный гимн Советского государства. В этот день «Интернационал», служивший с 1918 г. Гимном СССР, сделался просто партийным гимном. Отобранный на конкурсе новый текст содержал лишь два основных образа: России и Сталина. Первая строфа гласила, что «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Вторая добавляла, что «Ленин великий нам путь озарил. Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил»[61]. Таким образом, гимн не только

содержал наивысшее закрепление сталинского «культа», но и был первым открытым провозглашением национализма как почти что естественного продолжения великого патриотизма военной поры. Национализм явился самой внушительной из черт, приобретенных идеологией и политической практикой сталинизма в заключительной фазе войны (хотя националистические тенденции наблюдались до войны, но проявиться в наиболее неуклюжей форме им будет суждено в послевоенные годы).

Как только советская земля была освобождена и армия вступила на территорию других стран, национализм широким потоком прорвался в выступлениях печати и речах. Наиболее законченное программное выражение он получил в серии установочных статей теоретического партийного журнала «Большевик». В статьях осуждались все советские произведения и авторы, которые в прошлом так или иначе признавали влияние западных образцов и тенденций на жизнь и мысли русского народа. Более того, провозглашалось, что повсюду — в экономике, философии, политике — именно русской мысли принадлежало «всемирно-историческое значение». Даже применительно к Петру I ошибочным объявлялось говорить о западных влияниях: если он и заимствовал из иностранного опыта определенные государственные установления, то «иностранная форма только прикрывала порядки, органически выросшие на московской почве»[62].

К этому «внешнему» аспекту национализма добавлялся другой, отражавшийся преимущественно на внутреннем положении страны. Официальная пропаганда, превознося положительное воздействие русской культуры на все другие народы Советского Союза, принялась даже восхвалять экспансионизм царской империи. Насколько можно судить, на совещании историков в июне 1944 г. раздавались встревоженные голоса по поводу этого «стремления к оправданию колониально-захватнической политики самодержавия»[63]. Но такие протесты не дали результатов. В момент победы тенденция, против которой они были направлены, получила самое авторитетное подтверждение в известном тосте Сталина: «За здоровье русского народа!» Русский народ, по его словам, «заслужил в этой войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны». Журнал «Большевик» так комментировал этот краткий текст, опубликованный всей печатью на самом видном месте: «Русский народ как самый передовой по уровню культуры и экономического развития шел в авангарде всех народов СССР в деле социалистического строительства»[64]. Так, примат Великой Руси весьма прочно закреплялся в идеологическом каркасе сталинизма.

В последний год войны вся эта кампания выступала как часть более широких усилий сталинского руководства взять под контроль все проблемы и противоречия, назревшие в стране за военные годы. Некоторую озабоченность у руководителей вызывало и само обновление партийных рядов в столь крупных масштабах. Советская компартия росла и менялась, не зная нормального функционирования коллективных

органов руководства. Ее уставные инстанции за это время ни разу не собирались. За годы войны не только не было ни одного съезда, что еще можно было объяснить чрезвычайностью обстановки, но и ни одного заседания Центрального Комитета, за исключением однодневного Пленума в январе 1944 г. Предпринималась попытка созвать его в октябре 1941 г., но Сталин потом отказался от этой мысли[65]: начиналась битва за Москву. Но и тогда, когда обстановка стала менее тяжелой, ничего не изменилось (состоялись, впрочем, три сессии Верховного Совета — в 1942, 1944 и 1945 гг., — однако все они носили довольно формальный характер). Тем не менее от имени Центрального Комитета, которому не дано было ни разу собраться в полном составе, во второй половине 1944 г. была выпущена целая серия «постановлений». Затрагивавшиеся в них важные политические вопросы — об освобожденных областях, о проявлениях национализма среди некоторых нерусских народностей, о возрождении религии — трактовались всегда и единственно как задачи, подлежащие решению с помощью более систематической и строже контролируемой пропаганды[66]. В этот же период в печати вновь появились нападки на некоторых представителей интеллигенции — нападки, в точности напоминавшие довоенные. В самые трудные моменты войны их не было.

И все же нерешенные проблемы и противоречия занимали пока второстепенное место в жизни страны. Их значение выявится позже. После решающих успехов, достигнутых в 1943 г., первоочередной целью для советских народов оставалась окончательная победа над Германией. Ради этого понадобятся еще кровопролитные сражения и тяжкие жертвы. К этим заключительным этапам войны и должно обратиться теперь наше повествование.

XI. ВЕЛИКИЕ НАСТУПЛЕНИЯ

Зима 1943/44 г.: Ленинград и Украина

Как бы ни была материально и морально истощена германская армия, к началу 1944 г. она представляла еще внушительную силу. Вместе с оставшимися союзниками Германия еще могла выставить на русском фронте около 5 миллионов человек[1]. Она продолжала оккупировать значительную часть захваченной территории. Немецкими войсками командовали умелые генералы с большим опытом. Теперь, когда военная фортуна повернулась против них, вынуждая их к обороне, они также допускали стратегические и тактические просчеты. В своих мемуарах все они сваливают вину на Гитлера, который приказывал войскам любой ценой удерживать позиции и с опозданием осознавал целесообразность отступлений. Не исключая полностью такого объяснения, крупнейший из полководцев в стане их противника, Жуков, утверждает, что грубые ошибки допускались и самими генералами. Эти ошибки показывали, что, попав в тиски трудностей, они утратили блистательную самоуверенность начального периода войны[2]. Да и немецкие войска были уже не те, что прежде. Но в целом они все еще были грозным врагом, способным наносить внезапные смертоносные контрудары.

Стратегическая инициатива перешла в руки Красной Армии. Теперь Ставка в Москве, опираясь на превосходство в людских и материальных ресурсах, могла устанавливать, где и когда наступать, не дожидаясь первого хода противника. На проведенном в конце 1943 г. совещании было решено, что в следующие месяцы советские войска перейдут в наступление по всему фронту, чтобы изгнать немцев из пределов СССР и преследовать их на территории других государств, а затем — в Германии. Как подсказывал прежний опыт, наступление следовало вести не одновременно по всему фронту, а в виде ряда последовательных прорывов то на одном, то на другом его участке, согласно общему стратегическому замыслу. Общий план соответствовал и решениям, принятым в Тегеране. 1944 г. призван был, таким образом, стать годом крупных операций, спланированных Советским Верховным Главнокомандованием, годом, если воспользоваться терминологией Сталина, «десяти сокрушительных ударов» по всей системе немецкой обороны на Востоке. И многие годы спустя ветераны будут гордиться тем, что им довелось участвовать в том или ином из этих сражений.

Зимняя кампания развивалась на флангах советского фронта: на Севере — в районе Ленинграда и Новгорода и на Юге — на территории всей Украины. К началу 1944 г. Ленинград хотя и не находился уже в тисках осады, но все же был еще блокирован врагом, который окопался в его пригородах и мог, следовательно, обстреливать город из тяжелых орудий. Эти обстрелы не носили уже массированного харак-

тера, какими они были в 1941 г., но во второй половине 1943 г. — возможно, в виде компенсации за поражения на других направлениях — немцы усилили их и сделали более длительными, несмотря на застой в военных действиях на данном участке фронта[3].

Таким образом, первой целью советского наступления было окончательно отвести от Ленинграда висевшую над ним более двух лет угрозу, чтобы в дальнейшем развернуть операции по освобождению северо-запада СССР, включая Прибалтийские республики[4]. Наступление началось 14 января, когда в движение пришли три фронта, которыми командовали соответственно генералы Говоров, Мерецков и Попов. Пробить немецкую оборону было нелегко, потому что в ходе длительной позиционной войны, типичной для этих районов, она была прочно укреплена.

И все же атака советских войск увенчалась успехом. За несколько дней солдаты Говорова сумели прорваться в глубь вражеского расположения к югу от Ленинграда. В их руки попали многие из тех тяжелых орудий, которые обстреливали город. Аналогичный прорыв был осуществлен войсками Мерецкова в окрестностях Новгорода, который был освобожден 20 января. Наступление продолжалось до первых чисел марта. Советские войска смогли очистить от немцев железную дорогу Москва — Ленинград на всем ее протяжении и помешали противнику закрепиться на реке Луге. Но немцы были еще в состоянии маневрировать, используя характерные особенности местности, лесистой и болотистой. Так, им удалось незаметно оторваться от армий Попова и перейти на заранее подготовленные позиции (что стоило Попову командного поста)[5]. Продвинувшись на 220—280 *км*, советские войска вынуждены были остановиться: неоднократные попытки продолжить наступление результатов не дали[6].

Главным военным театром оставалась все же Украина, где обе противоборствующие стороны сохраняли наиболее крупные группировки войск. Развернувшиеся здесь операции, по существу, были продолжением битв второй половины 1943 г. Плацдармы, захваченные при форсировании Днепра, позволяли планировать освобождение всей той половины Украины, которая известна под названием «Правобережная». Сосредоточение именно здесь максимальных усилий было продиктовано, вероятно, не только стратегическими, но и политическими соображениями. В самом деле, крайне западные области Украины — причем не только такие, как Галиция, бывшие до 1939 г. польскими, но и такие, как Волынь, отчасти уже входившие в Советский Союз, — представляли собой те зоны, где гитлеровская пропаганда и сформировавшиеся под покровительством немцев вооруженные банды националистов получили наибольшее распространение. То, что беспокойство такого рода было не чуждо советским руководителям, явствует как из некоторых воспоминаний, так и из отдельных их высказываний той поры[7].

В операциях участвовали четыре фронта под командованием — если смотреть с севера на юг — Ватутина, Конева, Малиновского и

Толбухина. Наступление на Украине развернулось еще до ленинградского наступления, в последние дни 1943 г. Началось оно из того самого района западнее Киева, где немцы пытались контратаковать и вновь захватить украинскую столицу в те самые дни, когда Сталин, Рузвельт и Черчилль встречались в Тегеране[8]. Здесь действовали армии Ватутина, пытавшиеся продвинуться как на запад, так и на юг. В начале января с плацдарма, ранее захваченного на западном берегу Днепра, нанес удар фронт Конева. Обоим фронтам, особенно первому, удалось выйти на оперативный простор. Ватутин освободил Житомир и продвинулся глубоко в расположение немецких войск южнее Винницы. Конев освободил Кировоград. Наметилось окружение вражеских войск. Январь принес краткую приостановку наступления. Но это было теперь лишь вопросом времени.

В надежде, что в один прекрасный день им удастся вновь занять всю Правобережную Украину вместе с Киевом, немцы никак не решались отойти из района Канева в широкой излучине Днепра, где у них были хорошо подготовленные позиции. Ватутин, Конев и Жуков, который координировал действия их фронтов в качестве представителя Ставки, решили тогда нанести концентрические удары по флангам немецкой группировки. Войска двух фронтов соединились 28 января, замкнув в Корсунь-Шевченковском мешке несколько германских дивизий. Это было нечто вроде малого Сталинграда. Масштабы окружения были меньшими, но не меньшим было ожесточение, с которым немцы пытались вырваться из окружения, атакуя его внутреннее и внешнее кольца. 8 февраля окруженные отвергли советский ультиматум. Десять дней спустя они были ликвидированы[9].

Ватутин тем временем продолжал наступать на запад, к Государственной границе СССР, и освободил города Луцк и Ровно. Именно в этом районе его машина 28 февраля попала в засаду националистов: тяжело раненный, генерал несколькими днями позже скончался в Киеве[10]. Учитывая значение фронта, командовать им временно был назначен Жуков. Разгром немцев под Корсунь-Шевченковским открывал перед Красной Армией возможность быстрого достижения новых крупных успехов. Южнее группам армий под командованием Малиновского и Толбухина, представителем Ставки при которых был Василевский, удалось, пусть и не со столь блистательными результатами, прорвать немецкую оборону и освободить крупные центры горнорудной промышленности Кривой Рог и Никополь. С рубежей, достигнутых Ватутиным, Жуков приказал продолжать наступление на юг с целью попытаться окружить еще одну крупную группировку немецких войск. Остальные три Украинских фронта продвигались в это время на запад.

Особенностью этого наступления было то, что оно осуществлялось в крайне неблагоприятных климатических условиях. Ранняя весна превратила украинские проселки в море жидкой грязи, в которой вязли люди, машины и повозки. С неба низвергались потоки воды. В воспоминаниях участников боев эти детали воскресают, как картины ада. «Много я повидал на своем веку распутиц, — пишет один из них. — Но та-

кой грязи и такого бездорожья, как зимой и весной 1944 года, не встречал ни раньше, ни позже»[11]. Наступление отчасти было неожиданным для немцев, которые рассчитывали на паузу в связи с преждевременной распутицей. Окружить их войска в районе Каменец-Подольского Жукову не удалось, но его армии тем не менее вышли к подножию Карпат и освободили Черновицы в Буковине. Армии Конева взяли Умань и продолжали наступление к государственной границе, не давая врагу задержаться даже на таких крупных реках, как Южный Буг и Днестр. 26 марта они вышли на Прут. Была достигнута первая точка на довоенной границе СССР. Событие было отпраздновано в Москве как крупная победа[12]. Южнее Малиновский наступал на Одессу, которая была освобождена 10 апреля. Вся Бессарабия (или Молдавская Советская Социалистическая Республика, как ее называют в СССР) была очищена от врага. Так была восстановлена вся южная граница страны. Мало того, солдаты Конева перешли ее и вступили в северо-восточный угол Румынии.

Заключительной фазой зимней кампании явилось освобождение Крыма, где оставались запертыми германские и румынские части. Операция была поручена армиям Толбухина. Учитывая конфигурацию полуострова, задача была не из простых. Решена она была тройным ударом: через Перекопский перешеек и с двух плацдармов, за Сивашем (уже прославившимся в военной истории благодаря тому, что здесь проходил маршрут финального наступления Фрунзе на Врангеля в годы гражданской войны) и в окрестностях Керчи. Бои за Крым продолжались с 8 апреля по 12 мая. Оккупанты пытались было повторить подвиг Красной Армии и закрепиться в Севастопольской крепости, но 7—9 мая были выбиты оттуда[13].

Освобождение Белоруссии

Освобождение Правобережной Украины было последней из крупных наступательных операций Красной Армии до открытия второго фронта в Европе. Вернувшись из Тегерана, Сталин продолжал уверять своих полководцев, что СССР теперь в состоянии выиграть войну в одиночку. В душе, однако, он был убежден, что его союзники, в особенности Рузвельт, на этот раз выполнят взятые на себя обязательства[14]. Кстати говоря, из Вашингтона и Лондона его регулярно информировали о планах и приготовлениях вторжения с запада[15]. 6 июня английские и американские войска высадились в Нормандии. В ответном послании Черчиллю, сообщившему ему об этом, Сталин заверил, что в соответствии с Тегеранскими соглашениями Красная Армия начнет в середине месяца наступление «на важном участке фронта». Развиваясь поэтапно, оно должно было перерасти во всеобщее наступление[16]. К этому времени в Генеральном штабе в Москве уже два месяца велась подготовка планов летней кампании. Проекты наиболее крупных операций были окончательно уточнены в ходе ряда совещаний в Кремле. Вспоминая об этом периоде, крупнейшие советские полководцы —

Жуков, Василевский, Воронов, Рокоссовский, Конев — приводят в своих мемуарах эпизоды, когда им приходилось в споре со Сталиным отстаивать, причем не без успеха, собственные стратегические и тактические взгляды. Наиболее известен эпизод с Рокоссовским, которому во время одной из таких консультаций дважды было предложено покинуть зал заседаний и в соседней комнате «продумать» свои предложения. Убежденный в правильности своих предложений, Рокоссовский не изменил мнения и в конце концов вышел победителем в споре[17]. Все генералы теперь были куда более уверены в себе.

С того момента, как гитлеровской Германии пришлось обороняться и на Востоке и на Западе, вся европейская ситуация изменилась. На одном из заседаний того же периода Сталин объяснил своим сотрудникам, что разгром немцев уже не вызывает сомнений. Вопрос, который отныне решался на полях сражений, заключался в другом: как скоро будет завершена война и в особенности «с какими военно-политическими результатами»[18]. На советскую стратегию, следовательно, начиная с этого времени все большее влияние будут оказывать уже не одни оперативные соображения. Между тем летняя кампания 1944 г. была спланирована еще преимущественно на основе целесообразностей чисто военного свойства.

После крупного наступления на Украине Восточный фронт выгнулся в виде латинской буквы S, причем в руках немцев оставался обширный выступ, позволявший им удерживать бóльшую часть Белоруссии. Уже в первой половине апреля в Москве было решено, что центр тяжести наступления будет перемещен именно на это направление, которое, кстати, было и направлением кратчайшего пути через Польшу в Берлин. Германское командование совершило ошибку, продолжая ждать главного удара южнее, на Западную Украину или даже на Балканы. Советское командование со своей стороны сумело скрытно осуществить переброску войск. К своему несомненному перевесу в войсках и технике оно добавило еще элемент неожиданности[19].

Летняя кампания, как и зимняя, началась на северном фланге фронта; на этот раз, правда, к северу, а не к югу от Ленинграда, и не против немцев, а против финнов. Наступление началось 10 июня атакой на превосходно укрепленные вражеские позиции на Карельском перешейке. Ошибка 1939 г. не была повторена: соединенными усилиями флота, авиации, наземной артиллерии опорные точки финской обороны были подавлены мощным огневым ударом. 20 июня был освобожден Выборг. Более медленно и напряженно, несмотря на первоначальный успех, развивалось наступление между Ладожским и Онежским озерами: с большим трудом оно было продолжено до второй половины августа. Как бы то ни было, результатом этих двух операций стал выход Финляндии из войны.

Сразу же после третьей годовщины германской агрессии, 23 июня, началась «Операция Багратион» — колоссальное наступление в Белоруссии. В нем принимали участие четыре фронта, которыми командовали соответственно Баграмян, Черняховский, Захаров и Рокоссов-

ский. Снова действия двух фронтов (тех, что наступали севернее) координировал Василевский, а двух других — Жуков. С учетом размаха партизанского движения в этих районах сражение за Белоруссию проводилось при самом массовом и деятельном участии партизан. В самый канун наступления они осуществили одновременно тысячи диверсионных актов на железных дорогах, сумев тем самым парализовать движение вражеских составов. Они и в дальнейшем синхронизировали свои вылазки с наступлением регулярной армии[20]. Начало было положено двумя ударами по флангам немецкой группировки: в районе Витебска (Баграмян) и Бобруйска (Рокоссовский). Быстрым прорывом в глубь вражеской обороны советские моторизованные части изолировали с тыла основные узлы сопротивления противника. Битва разворачивалась как раз в тех местах, где в начале войны произошла трагедия Западного фронта. Но роли теперь переменились. Армии Баграмяна и Рокоссовского наступали на Минск, сжимая вокруг него клещи окружения. Столица Белоруссии была освобождена 3 июля. Соединение двух клиньев позволило замкнуть в кольце к востоку от города крупные силы немцев. С помощью партизан и авиации они были постепенно ликвидированы. Несколько дней спустя по улицам Москвы прошли под конвоем 65 тыс. пленных немцев. Они шли по живому коридору, образованному молчаливой толпой, со стороны которой, кстати говоря, не было сделано ни одной попытки мести, расправы.

После прорыва у Минска в германской обороне образовалась брешь шириной в 400 *км*, и у гитлеровского командования уже не было сил, чтобы заткнуть ее. Советские армии, введенные в прорыв, устремились дальше на запад. Тем временем в действие вступали один за другим остальные фронты, нанося удары в разных направлениях: на севере — в сторону Балтийского моря и расположенных на его берегу еще оккупированных республик; на юге — южнее Полесья, на Западную Украину. Советское наступление, следовательно, охватывало фронт протяженностью свыше 1000 *км*, от Финского залива до Карпат. Наиболее мощный характер оно носило на южном фланге, где самая крупная группировка армий, какая только создавалась за время войны, под командованием Конева наступала на Львов. Справа от него действовал Рокоссовский, оставивший уже Полесье позади. Оба генерала готовились к вступлению в Польшу. Главной природной преградой на их пути была Висла.

20 июля войска Рокоссовского достигли советско-польской границы 1939 г. (то есть рубежа, который Советское правительство и рассматривало как границу Польши). По политическим причинам, к которым мы еще вернемся, Сталин потребовал, чтобы возможно скорее был освобожден по крайней мере один какой-нибудь крупный безусловно польский город. Таким городом стал Люблин, отбитый у немцев 23 июля[21]. Наступление Конева было более трудным из-за упорного сопротивления немцев, особенно в районе Львова. Чтобы преодолеть его, потребовались не только изнурительные бои, но и дерзкий маневр танковых армий. Затем оба фронта двинулись к Висле. Армиям Конева уда-

лось не только достичь ее, но и форсировать в районе Сандомира. Аналогичного результата добились и войска Рокоссовского под Магнушевом и еще в нескольких пунктах. Однако немцы, довольно быстро справившись с растерянностью, вызванной провалившимся покушением на Гитлера 20 июля, начали усиливать отпор благодаря переброске частей с других участков фронта. Оборона и укрепление плацдармов на Висле потребовали затяжных кровопролитных боев. С другой стороны, продвинувшись на 400—600 *км*, советские войска нуждались в передышке и испытывали серьезные трудности со снабжением. Гитлеровцы поэтому удержали оборонительный рубеж на Висле, и Рокоссовский не смог достичь Варшавы.

Эта фаза военных действий сопровождалась расхождением в стратегических концепциях в Советском Верховном Главнокомандовании. Жуков считал, что, вместо того чтобы сосредоточивать столько сил под командованием Конева, следует лучше употребить часть их дальше к северу для проведения обширного маневра на окружение. Он имел в виду новое наступление вдоль Вислы до Данцига, с тем чтобы отсечь всю Восточную Пруссию от остальной Германии и создать условия для уничтожения находящихся там вражеских сил. Василевский предлагал иной план, но тоже был за более массированное наступление на северном фланге[22]. Жуков в воспоминаниях выражает сожаление по поводу того, что его рекомендации не были приняты, но не объясняет, как и какими силами могла быть осуществлена столь дерзкая операция. Как бы то ни было, поддержанный Генеральным штабом Сталин отверг его план, который другие крупные военачальники раскритиковали в своих исторических работах. Довод Сталина состоял в том, что немцы в Восточной Пруссии будут сражаться как одержимые — что и оказалось на деле[23].

Советское наступление к северу от Белоруссии очень скоро натолкнулось на значительные препятствия. 13 июля войска Черняховского освободили столицу Литвы Вильнюс, потом форсировали Неман и взяли Каунас. Их дальнейшее наступление совместно с армиями Баграмяна, казалось, должно было завершиться выходом к берегу моря и грозило изолировать немецкую группировку в Прибалтийских республиках, но было блокировано контратаками противника. После затишья оно возобновилось в середине сентября. На этот раз войска Говорова полностью освободили Эстонию. Дольше всего немцам удалось удерживать Ригу и прибрежный коридор, связывавший столицу Латвии с основными силами вермахта. Но новый советский удар на Мемель (Клайпеду) полностью изолировал город, и Рига после упорных боев 12—15 октября была вырвана у врага. Несколько немецких дивизий были отсечены и оставались на Курляндском полуострове до самого конца войны. Сопротивление, встреченное в этом районе советскими войсками, было лишь предвестием тех трудностей, которые позже будут сопровождать наступление в Европе их северного фланга[24].

Прорыв у Ясс и Кишинева

На том же совещании в Ставке, где был отвергнут план Жукова, было санкционировано другое крупное наступление, давно уже готовившееся на крайнем южном фланге советско-германского фронта: на Румынию[25]. На участке фронта между Карпатами и Черным морем с весны неподвижно стояли два фронта под командованием Малиновского и Толбухина. Немцы так долго ждали их удара, что начали уже надеяться, что Советское Главнокомандование отказалось от прежних замыслов. Наступление между тем было назначено на 20 августа. Как Сталин уже объяснил своим полководцам, политические соображения на этот раз первенствовали над чисто военными: советский лидер не упускал из виду балканские планы Черчилля[26].

Германский фронт в этом районе выгибался дугой, опиравшейся на нижнее течение Днестра и имевшей своей наиболее выдвинутой точкой Кишинев. Поскольку немцы были уверены, что в случае наступления советские войска будут наносить главный удар именно на кишиневском направлении, то здесь-то они и сосредоточили свои силы, возложив задачу прикрытия флангов на румынские дивизии, которые составляли половину всех имевшихся у них в этой полосе войск. Повторилась, иначе говоря, та же диспозиция, что и под Сталинградом. И, как в Сталинграде, Малиновский и Толбухин приняли решение ударить по флангам в расчете на заведомо слабую боеспособность румын, среди которых теперь царили настроения озлобленности против немцев и нежелание воевать.

Расчет оказался точным. Прорывы фронта на флангах удались. В ночь с 23 на 24 августа войска двух фронтов сомкнули к югу от Ясс кольцо окружения, в котором осталась крупная кишиневская группировка немцев. Для гитлеровцев это была еще одна катастрофа, ибо лишь малой части их войск удалось отойти к Карпатам: остальные были рассеяны, уничтожены, взяты в плен. 23 августа в политическом положении Румынии произошел полный поворот: ликвидировав пронацистское правительство Антонеску и арестовав его главных деятелей, румыны вышли из союза с Германией и перешли на сторону антифашистской коалиции. Все их военные формирования получили приказ прекратить всякое вооруженное сопротивление советским войскам[27]. Поворот Румынского фронта на 180° открыл перед солдатами Малиновского и Толбухина двери Балкан. Фокшанский проход — дефиле между Дунаем и Карпатами — был свободен. Советские армии получили возможность обогнуть горные кряжи и выйти на равнины Молдавии и Валахии, простирающиеся до границ Болгарии и Югославии[28].

Так успехи Красной Армии на юге и на севере лишили Гитлера одновременно двух его союзников: Румынии и Финляндии. Первая подписала перемирие 12 сентября, вторая — 19-го. Еще раньше руководители этих двух стран предпринимали зондаж на этот счет; в общем виде об этом говорилось как на Московском совещании министров ино-

странных дел, так и на конференции в Тегеране. Потребовалось, однако, чтобы военные действия приобрели именно такой оборот, чтобы эти страны капитулировали.

Первый раз Финляндия запросила у Москвы — через Стокгольм — условия мира в феврале 1944 г.[29] Советские предложения были тогда отвергнуты. На протяжении последующих месяцев гитлеровское правительство оказывало на Хельсинки сильный нажим. Дело дошло даже до того, что в Финляндию были направлены дополнительные немецкие войска — лишь бы не позволить ей выйти из войны. Таким путем немцам удалось в последний раз обеспечить верность финнов союзническим обязательствам. Но советские войска тем временем приближались к финским границам. Соединенные Штаты, медлившие вплоть до этого момента, разорвали дипломатические отношения с Хельсинки. 1 августа пронемецкий президент Рюти подал в отставку. 25 августа правительство Финляндии официально попросило перемирия. Четыре дня спустя поступил советский ответ с требованием порвать какие бы то ни было отношения с Германией. 4 сентября это условие было выполнено, и финские части прекратили военные действия. Утром следующего дня остановились и советские войска.

Условия перемирия, подписанного Ждановым в Москве от имени Правительства СССР, предусматривали возврат к границе 1940 г. Финская армия должна была отойти за эту линию, и в течение двух с половиной месяцев ее численность должна была быть сокращена до размеров мирного времени. Финляндия обязывалась разоружить оставшиеся на ее территории немецкие части и передать их советской стороне. СССР должен был получить северную оконечность области Петсамо и военно-морскую базу в Порккала-Удд; одновременно он отказывался от своих прежних прав на полуостров Ханко. Наконец, правительство Финляндии должно было уплатить советской стороне 300 млн. долл. репараций на протяжении шести лет путем поставок определенных товаров[30]. Советское правительство отказалось от введения своих войск в Финляндию, ограничившись требованием об использовании нескольких авиационных баз на юге страны на весь период до окончания военных операций в северной части Балтики[31].

Румынский мирный зондаж был предпринят в конце 1943— первые месяцы 1944 г. главным образом среди англичан и американцев в надежде найти у них поддержку против Советского Союза[32]. Но ни Тегеранские соглашения, ни обстановка на фронтах не оставляли видов на успех подобных маневров. В первых числах апреля 1944 г., когда солдаты Конева уже вступили в Румынию, Советское правительство публично заявило, что оно «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии»[33]. Через несколько дней оно сообщило бухарестским правителям условия прекращения военных действий: разрыв с немцами и сотрудничество румынских войск с армиями союзников, следовательно, и с Красной Армией; возвращение к границам 1940 г. (Буковина и Бессарабия должны были оставаться совет-

скими) и выплата репараций. Взамен СССР соглашался признать румынские права на Трансильванию — область, которая в 1940 г. была передана Венгрии при «третейском» посредничестве Германии и Италии[34].

Предложения не были приняты правительством Антонеску, которое сохранило союз с Гитлером. Однако как только это правительство было свергнуто, Бухарест принял все условия целиком. На их основе 12 сентября в Москве Малиновским от имени трех союзных правительств было подписано перемирие. Документ уточнял, что правительство Бухареста гарантирует советским войскам полную свободу передвижения на румынской территории. Сумма репараций, подлежащих уплате Советскому Союзу в шестилетний срок, была установлена в размере 300 миллионов долларов (относительно скромные размеры объяснялись тем, что Румыния приняла решение объявить войну гитлеровской Германии)[35]. Как можно видеть, и для Румынии, и для Финляндии были установлены довольно мягкие условия: ни в одном из двух случаев не выдвигалось требование безоговорочной капитуляции.

От Вислы до Одера

Итак, к осени 1944 г. Красная Армия отвоевала всю территорию СССР в границах 1941 г., за исключением небольшого участка побережья Балтийского моря, и вела бои на землях стран, еще отделявших ее от Германии. Военные действия сопровождались процессом освобождения народов Восточной Европы от фашистского господства. Наступление на Балканах вовлекло в этот процесс Болгарию, позволило установить прямое сотрудничество с югославскими партизанами, в частности в совместных боях за освобождение Белграда, и, наконец, открыло доступ с юга в Венгрию, где гитлеровцы сумели в последний раз организовать затяжную упорную оборону вокруг Будапешта. Операции советских войск порождали сложные и щепетильные политические проблемы, которые требуют отдельного рассмотрения. Для того же чтобы завершить рассказ о собственно военных событиях, в результате которых советские армии оказались в центре Европы, следует уделить внимание еще одному крупному наступлению: совершенному в первые месяцы 1945 г. броску с Вислы на Одер, на территорию самой Германии.

Стержневым направлением военных действий для Красной Армии отныне было направление на Берлин. После блистательного летнего наступления в Белоруссии и Восточной Польше войска Конева и Рокоссовского закрепились на Висле и использовали последующие месяцы для подготовки к новому наступлению. Теперь, когда дело подошло к развязке, Сталин упразднил институт «представителей Ставки» и доверил высшим военачальникам непосредственное командование важнейшими фронтами. Жуков сменил Рокоссовского во главе 1-го Белорусского фронта — группы армий, наступавших на Берлин по самому

короткому пути. Слева от него действовал 1-й Украинский фронт под неизменным командованием Конева, который должен был проложить себе дорогу через Силезию. Справа был 2-й Белорусский, возглавляемый Рокоссовским, который не без уязвленного самолюбия уступил другому самый почетный командный пост[36]. Еще севернее, на уровне Восточной Пруссии, сражался 3-й Белорусский, управляемый Черняховским. Именно эти четыре фронта пришли в движение во второй декаде января. Главные усилия концентрировались на участках Жукова и Конева. Их целью был Берлин. Настоящая лавина танков, артиллерии, авиации обрушилась на немцев, которые, напротив, вынуждены были рассеять часть своих сил для удержания флангов, подвергающихся неотступному давлению советских войск[37].

Конев нанес удар 12 января, Жуков — 14-го. Исходным рубежом для обоих служили плацдармы за Вислой, которые были захвачены их солдатами летом предыдущего года. Результаты «превзошли все ожидания» советского командования[38]. Немецкая оборона была опрокинута с первых же дней. Лежащая в развалинах Варшава была обойдена с севера и с юга; задача очистить ее от оккупантов была выполнена позже.

Танковые колонны стремительно рвались вперед, чтобы не дать немцам времени ввести в бой в спешке выдвигаемые резервы. 19 января войска Жукова освободили Лодзь. 17-го войска Конева взяли Ченстохов, 19-го — Краков, 28-го — Катовице, главный центр Восточной Силезии, где у немцев были отняты невредимыми крупные промышленные предприятия. Чтобы не замедлять наступательного порыва, советские части избегали лобовых атак на те центры, где противник организовал системы обороны. Они предпочитали изолировать их и двигаться дальше. Так было, в частности, со знаменитой Познаньской крепостью, которая вместе со своим сильным немецким гарнизоном была оставлена осажденной в тылу, между тем как армии Жукова ускоряли продвижение к Одеру. К этой реке они вышли в конце января и с ходу форсировали ее в нескольких пунктах. То же произошло и на фронте Конева. Самые передовые плацдармы находились теперь от Берлина лишь в 70 километрах. После стольких страшных месяцев советские воины добрались наконец до Германии, «логова фашизма», как писали газеты. В этом последнем броске подстегиваемые надеждой поскорее покончить с войной войска продвигались со скоростью 25—30 *км* в день[39].

Значительно медленнее и труднее развивалось наступление к северу от зоны действий двух главных фронтов. На флангах глубокого клина, протянувшегося к Берлину, стала вырисовываться угроза, встревожившая сталинское командование. Через многие годы этому моменту суждено было вызвать жаркие споры между советскими полководцами, принявшимися восстанавливать в своих воспоминаниях заключительные этапы войны. Наибольшие трудности возникли перед Черняховским, который должен был наступать на Пруссию с востока. Перед войсками же Рокоссовского была поставлена задача осуществить про-

рыв в направлении на Мариенбург и устье Вислы с дальнейшим продвижением вдоль побережья Балтийского фронта, справа от Жукова, и в то же время блокировать с запада отход немецких войск из Пруссии[40]. Рокоссовский утверждает, что вся эта фаза операции была спланирована плохо: неверно были намечены направления главных ударов, недостаточно скоординированы действия фронтов[41]. Хотя на участке 2-го Белорусского фронта советские войска обладали явным перевесом сил, он не был таким подавляющим, как на участках Жукова и Конева. Точнее говоря, он не был достаточным для такого района, как Пруссия, где немцы оказывали поистине бешеное сопротивление, используя прекрасное знание местности и имевшиеся здесь с незапамятных времен мощные оборонительные сооружения. Рокоссовский тем не менее все равно дошел до Мариенбурга, но не смог помешать многочисленным вражеским дивизиям занять оборону в Восточной Померании, за Вислой, откуда они угрожали правому флангу Жукова.

Эта угроза с фланга побудила Сталина и высшее советское командование отказаться от немедленного наступления на Берлин, что составляло главную цель первоначального плана, цель, вторично подтвержденную Ставкой командующим фронтами в конце января, когда передовые советские части приближались к Одеру[42]. Впоследствии один из видных участников событий, генерал Чуйков, тот самый, который воевал в Сталинграде — теперь он командовал 8-й гвардейской армией, — писал, что решение отложить удар по Берлину было ошибкой, ибо для прикрытия столицы у немцев были лишь малочисленные и слабые части (между тем как несколько недель спустя положение стало уже совершенно иным)[43]. На основании этого критического замечания западные историки выдвинули предположение, что отложить реализацию самой вожделенной своей цели, которая к тому же была уже под рукой, Сталина побудили определенные политические мотивы[44]. Гипотеза эта практически ничем не подкреплена, в связи с чем трудно говорить о ее достоверности.

С другой стороны, следует отметить, что для оправдания сталинского решения имелись достаточные военные причины. Причины эти назывались уже тогда, а позже на них указывали те военные деятели, которые выражали несогласие с Чуйковым[45]: линии советских коммуникаций растянулись на 600 с лишним километров, и снабжение наступающих войск было затруднено тем более, что в тылу оставались еще очаги немецкого сопротивления; контрудар противника из Померании в тыл советским армиям на Одере мог привести к весьма печальным последствиям. Сталин и его советники были тем более бдительны к угрозам такого рода, что считанными днями раньше могли наглядно убедиться — на примере поражения союзников в Арденнах, — что немцы еще способны весьма чувствительно огрызаться. Бросок на Берлин в этих условиях был бы, по словам тех же военных авторитетов, «чистейшей авантюрой», если не «преступлением»[46]. Даже простая неосторожность, которая могла привести к перелому в ходе военных событий в этой заключительной фазе войны, способна была в действительности

повлечь за собой не только военные, но и тяжкие политические осложнения. Занятый трудными переговорами с союзниками в Ялте, Сталин предпочел не рисковать.

В первых числах февраля часть армий Жукова была снята с Берлинского направления и повернута против немецкой группировки в Померании в поддержку армиям Рокоссовского. Этот последний в свою очередь вынужден был передать часть своих армий Черняховскому. Уничтожение померанской группировки было нелегким делом: не случайно бои затянулись до конца марта (Гдыня была занята 28-го, а Данциг — 30-го). Фронт Конева в этот же период расширил участок своего наступления к югу от группы армий, наступавших на Берлин. Нанеся поражение немецким дивизиям, еще сосредоточенным в районе Ополе, этот фронт занял всю Западную Силезию до притока Одера, реки Нейсе. (Все эти географические названия важны для понимания дипломатической истории того времени. Линия Одер — Нейсе была только что предложена Сталиным в качестве западной границы Польши: весьма вероятно, он торопил Конева овладеть ею как можно быстрее, с тем чтобы обосновать свой контроль над этой зоной.) 6 марта был взят Бреслау (ныне польский Вроцлав); передовые дивизии 1-го Украинского фронта достигли Судетских гор.

Еще более затяжным и кровопролитным было сражение за овладение Прусским укрепленным районом. К упорству, с каким оборонялись немцы на этом клочке земли, где находилась колыбель прусского милитаризма, несомненно, примешивался страх перед жестокой расплатой за преступления, совершенные в России. Дороги и порты были забиты толпами беженцев, которые стремились ускользнуть до прихода советских войск. Сопротивление носило предельно ожесточенный характер. 18 февраля на передовой был убит сам Черняховский. В свои 38 лет он был не только самым молодым, но и одним из самых образованных и интеллигентных советских полководцев; в воспоминаниях знавших его людей остался чрезвычайно привлекательный образ человека, вызывавшего любовь и уважение[47]. На его место был назначен маршал Василевский. Сын священника, он окончательно стал крупным военачальником во время работы в Генеральном штабе. Война закрепила за ним репутацию самого талантливого стратега СССР, а также военного деятеля, пользовавшегося наибольшим доверием Сталина[48]. Но и под его командованием наступление развивалось изнурительно трудно. Прусскую группировку немцев приходилось рассекать на части и уничтожать их по отдельности: по расходу боеприпасов эта операция превзошла любую другую за всю историю войны[49]. Так, штурм крепости Кёнигсберг продолжался с 6 по 9 апреля и завершился взятием города лишь после того, как на него обрушился настоящий ураган огня, практически превративший его в руины. Прошло, однако, еще немало дней, прежде чем было подавлено сопротивление и в остальных цитаделях Пруссии.

Вплоть до самых последних дней войны в Европе Красной Армии приходилось прокладывать себе путь ценой большой крови.

Только на нынешней территории Польши, включая восточные области довоенного рейха, она потеряла убитыми почти 600 тыс. человек (т. е. столько же, сколько Италия за всю первую мировую войну)[50]. «Обидно и горько терять солдат в начале войны, — пишет один из советских полководцев. — Но трижды обидней и горше терять их на пороге победы, терять героев, которые прошли через страшные испытания, тысячи километров прошагали под огнем, три с половиной года рисковали жизнью...»[51]. Такова была участь, выпавшая на долю советских солдат вплоть до самого окончания войны.

XII. ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Восточноевропейский регион до и во время войны

Зона, в которую победоносные советские армии вступили весной — летом 1944 г. и которую мы по установившейся политической терминологии будем называть Восточной Европой*, в период между двумя войнами представляла самую слабую и нестабильную часть континента, где становление национальных государств произошло с большим запозданием и в уродливых формах. Облик этих государств был в спешке вылеплен державами-победительницами после первой мировой войны в соответствии с их антигерманскими и антисоветскими замыслами. Позже, когда в 20-е гг. эти державы предприняли шаги к сближению с Германией, в облике восточноевропейских государств возобладала антисоветская направленность. Правительства их питали глубокую враждебность к коммунистам и СССР. Ни одно из этих правительств, однако, не имело прочной опоры в народе.

Экономика восточноевропейских стран, в прошлом входивших в состав крупных империй, находилась в расстроенном состоянии и страдала отсталостью в сравнении с экономикой стран Западной Европы. Хозяйство их носило более или менее выраженный аграрный характер и опиралось на малопродуктивное сельскохозяйственное производство, отягощенное большим избытком «лишних рук», сельским населением, не находившим работы. Социальная структура крестьянства была разной в разных странах, потому что разными были системы землепользования — от латифундий в Венгрии до массы мелких земельных собственников в Болгарии и Румынии, — но деревня повсюду была синонимом нищеты и отгороженности от современной культуры.

Капиталистические отношения в этих странах были относительно слабо развиты; капитализм, в значительной части иностранного происхождения, стремился в первую очередь эксплуатировать минеральные ресурсы (там, где они имелись). Слабая национальная буржуазия лишь устами отдельных представителей интеллигенции объявляла себя носительницей идеалов демократии. В массе же своей она вступала в коалицию с сильными еще группами земельной знати, этим пережитком докапиталистических общественных отношений, и образовывала вместе с ними правящий блок. Либеральные методы правления в этих странах поэтому не отличались долговечностью и быстро уступали место авторитарным — монархическим или военным — режимам, при которых парламенты (если таковые имелись) превращались просто в сборища манекенов. Одновременно чувствовалось

* Географически более правильным было бы называть ее Центрально-Восточной Европой, поскольку Восточной Европой является европейская часть СССР.

сильное влияние фашистских идей. Коммунистов рано или поздно объявляли вне закона. Свою хилость существующие политические партии пытались возместить шовинизмом, националистическими притязаниями к соседям (поскольку в этническом отношении регион представлял крайне пеструю мозаичную картину, каждая из стран могла найти в соседнем государстве районы, населенные соплеменниками) либо репрессиями против национальных меньшинств в собственных пределах. Повсюду был весьма распространен антисемитизм.

Было, правда, одно значительное исключение — Чехословакия. Эта страна, точнее ее западная, моравско-богемская часть (но отнюдь не Словакия), имела мощную промышленность и высокоразвитое сельское хозяйство. Население городов и сел имело довольно высокий уровень жизни. Правление носило парламентарно-либеральный характер, и даже имелась легальная коммунистическая партия. Но и Чехословакию раздирали классовые конфликты, к которым добавились национальные противоречия, отчасти раздуваемые из-за границы. В результате всего этого страна стала жертвой мюнхенской сделки, которая повлекла за собой кризис всей системы межгосударственных отношений в Восточной Европе. «Коллективная безопасность» потерпела крах именно здесь. Англо-французское покровительство не внушало больше доверия ни одному государству в этой части континента. Гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз оказались здесь поэтому лицом к лицу, и после недолгого периода согласия между ними произошло столкновение.

Чехословацкое «исключение» в конечном счете оказывается не таким уж исключительным. И все же пример Чехословакии весьма важен. Он напоминает о том, что в общей набросанной нами картине положения в Восточной Европе существовали значительные различия не только между отдельными странами, но и внутри этих стран: различия в истории и культуре, уровнях экономического развития, политических порядках, формах и типах национальных противоречий. Чрезвычайно разными были поведение и участь каждой из этих стран во время войны. Югославия и Чехословакия подверглись расчленению. Польша была полностью оккупирована и лишена какой бы то ни было формы государственности. Три страны — Румыния, Венгрия и Финляндия — участвовали в нападении на Советский Союз. Одни народы Восточной Европы были для СССР врагами, другие — союзниками. Но и врагами, и союзниками все они были на свой лад. Болгария была полностью привязана к гитлеровской колеснице и предоставила рейху базы для операций против Советского Союза; однако же она не объявила войны СССР (между тем как война пусть символически, но была объявлена ею Англии и Соединенным Штатам Америки), потому что среди болгар, как и вообще среди южных славян, были сильны симпатии к России. Словакия, превращенная Гитлером в отдельное государство с клерикально-фашистским правительством, послала свои воинские части воевать в СССР: однако

дезертирство в их рядах было настолько массовым, что охватывало целые подразделения[1]. Движение Сопротивления в этих странах также сильно различалось как по направленности, так и по интенсивности: от настоящей войны, которую вели в Югославии партизаны Тито, до слабых и разрозненных действий подполья в Венгрии. Так что наступающим советским армиям приходилось сталкиваться с огромным многообразием политических проблем.

В каком же духе решались эти проблемы? В обращениях, которые правительство Москвы направило в 1944 г. народам восточноевропейских стран и в которых излагались его намерения по отношению к этим странам, значительную часть составляла откровенная пропаганда. Мы имеем в виду ту часть, в которой исключались какие бы то ни было планы вмешательства во внутреннюю жизнь этих стран: когда сегодня советские историки или мемуаристы вновь повторяют это утверждение, то они незаметно для себя впадают в серьезное противоречие, ибо тут же с восторгом рассказывают о поддержке, оказанной Красной Армией организаторам политических переворотов, сопровождавших ее победоносное продвижение[2]. Было бы неверно вместе с тем сделать из этого вывод, что все, что Москва заявляла в тот период, говорилось просто для обмана. Именно в то время Сталин утверждал, что не верит в «хитрость» как главное условие успеха в политике, и подчеркивал, напротив, необходимость большой «широты взглядов»[3]. В один из немногих моментов спокойного раздумья он доверительно сказал Жукову: «Мы хотим раз и навсегда иметь дружественную нам Польшу...» Вся пикантность этого высказывания заключалась в словах «раз и навсегда». Впрочем, и в своих переговорах с союзниками Сталин выражался примерно таким же образом[4]. Аналогичные замыслы он вынашивал и по отношению к другим сопредельным государствам. Между тем само по себе достижение «дружественности» предполагало весьма существенные перемены в большинстве упомянутых стран, ибо поставленной цели вряд ли удалось бы добиться, если бы у власти в них оставались — или вернулись — те политические группы, которые всегда проповедовали вражду к СССР.

Бытует и другое упрощенное мнение, в соответствии с которым судьбы Восточной Европы зависели якобы исключительно от переговоров между великими державами антигитлеровской коалиции[5]. Этот фактор действительно нельзя преуменьшать. Но он был не единственным. Дипломатические переговоры были для Советского Союза лишь одним из средств достижения цели. Другим, и значительно более важным, средством была Красная Армия, потому что ее солдаты несли каждой из этих стран освобождение от фашизма. Но сверх этого имелся еще целый комплекс собственно политических факторов, на которые мог опереться СССР, и главным среди них был обновительный порыв, исходивший из самых глубин общества в восточноевропейских странах. Импульс этот выражался по-разному в каждой из этих стран, но действовал повсюду. Прежние правящие классы и

политические группы несли на себе печать собственного банкротства. Европейское движение Сопротивления в своих наиболее активных проявлениях как на Востоке, так и на Западе выступало как подлинно народное движение, что придавало ему подчеркнуто радикальную политическую окраску. То, что СССР играл решающую роль в разгроме фашизма, способствовало развитию этих тенденций. В восточной части континента к этому добавлялось разочарование той двусмысленной политикой, которую западные державы проводили здесь в прошлом и которая увенчалась мюнхенской капитуляцией. Наконец, еще одним политическим фактором — не столь весомым, но все же требующим учета — был фактор славянской солидарности. СССР воспользовался им, особенно в начале войны, создав даже Славянский комитет в Москве (не будем забывать, что мелкие союзники Гитлера — румыны, венгры и финны — представляли как раз неславянские страны Восточной Европы). Комитет этот потом превратился в формальное учреждение, не играющее никакой реальной роли в общественной жизни[6]. Но мотивы, лежавшие в основе его образования, не утратили своего значения.

Все это были условия, благоприятные для Советского Союза, но для их использования требовалось разрешить целую вереницу политических проблем не только в каждой из восточноевропейских стран, но и в самом СССР. Красная Армия отлично сражалась на своей территории и продолжала отлично сражаться за ее пределами, но она была лишь отчасти подготовлена к выполнению своей новой, освободительной миссии. Она действовала за границей впервые (если исключить краткий эпизод вторжения в Польшу в 1920 г.). Ее солдаты, большей частью крестьяне, долгое время лишенные самых элементарных бытовых условий, выходцы из бедных деревень и районов, разоренных войной, вступали теперь в села, зачастую совсем не тронутые боевыми действиями, либо в города, которые, как бы скромно они ни выглядели, сохраняли куда более высокий уровень благосостояния, чем советские города. К тому же командный состав имел весьма скудные представления о тех дипломатических функциях, которые ему предстояло выполнять[7]. Чтобы подготовить солдат и офицеров к выполнению ожидающих их политических задач, партийные организации развернули широкую пропагандистскую работу в войсках[8]. Однако, сколь бы действенной она ни была, ее результаты не могли простираться дальше известных пределов.

Польша и Варшавское восстание

Польша была самой важной из стран к западу от СССР не только в силу своей протяженности и численности населения. На ее равнинах веками сходились лицом к лицу немцы и славяне. Здесь началась вторая мировая война. Отсюда полчища Гитлера двинулись на СССР. Фашистская оккупация в Польше была столь же жестокой, как и в Советском Союзе: из 30 млн. жителей погибло около 6 млн.[9] Но

Польша была для СССР и самой трудной из проблем. К давним антирусским настроениям поляков прибавились последствия пакта с Гитлером в 1939 г., разрыв отношений между Москвой и лондонским эмигрантским правительством и отсутствие на первых порах коммунистической партии в стране. Но благодаря своей роли в антигитлеровской войне Советский Союз в 1944 г. мог рассчитывать на сочувствие и поддержку даже в Польше. После ухода из СССР частей Андерса Советское правительство сумело сформировать вторую небольшую польскую армию, укомплектовав ее оставшимися поляками, а также советскими гражданами-поляками, выходцами из приграничных районов. Решение о формировании первой дивизии было принято в мае 1943 г. В октябре это соединение впервые вступило в бой в Белоруссии, а в марте следующего года оно уже превратилось в армию. По численности она уступала войскам под командованием Андерса. Но те войска находились далеко, эта же армия имела перед ними то преимущество, что сражалась вблизи собственных границ и готовилась пересечь их[10]. Тогда же в Москве вокруг группы эмигрантов-коммунистов сложилась ассоциация, принявшая название «Союз польских патриотов»: стержнем ее программы была дружба с СССР.

Еще важнее для Москвы была поддержка внутри самой Польши, даже если эта поддержка и исходила от групп, не имевших большинства в польском движении Сопротивления. Движение Сопротивления зародилось с первых же дней гитлеровской оккупации; его организаторами были военные, и с 1942 г. оно приняло название Армия Крайова (АК), то есть Национальная армия. Связанная с лондонским правительством, которое представляло собой коалицию офицерской касты с деятелями нескольких предвоенных партий, АК была пестрой и разнородной в политическом отношении. Однако она оставалась антисоветской в той же мере, что и антинемецкой: господствующим в ней было убеждение, что воевать нужно не с одним, а с двумя врагами. До самого последнего часа ее руководители считали, что освобождение страны придет со стороны англичан и американцев, но не от Советского Союза: когда действительность оказалась иной, все их планы полетели кувырком[11].

Движение Сопротивления коммунистической ориентации родилось позже и также образовало свои вооруженные отряды, названные Армия Людова (АЛ), то есть Народная армия. Ее руководители пытались прийти к объединению с АК, но тот же водораздел, который обусловил разрыв между Москвой и лондонскими эмигрантами, то есть отношение к СССР, и в частности вопрос о границах, помешал достижению соглашения. Польское Сопротивление осталось расколотым на два течения. Несмотря на многочисленные неблагоприятные обстоятельства, АЛ сумела стать реальной силой. Это произошло благодаря двум компонентам ее политики. Ее призыв к активной партизанской борьбе нашел отклик, особенно у молодежи (в то время как АК, подобно аналогичным группам в других странах, придерживалась тактики отдельных актов саботажа с целью сберечь силы для

массового финального восстания). Отклик вызывали и ее лозунги проведения радикальных экономических и социальных реформ. Руководители АК, встревоженные ростом влияния АЛ, попытались видоизменить свою политическую программу и также ввели в нее элементы реформизма, но в своем отказе от какого бы то ни было сближения с СССР остались по-прежнему непреклонны[12].

Советский Союз оказывал помощь Армии Людовой, забрасывая оружие и направляя людей: причем не только отдельных агентов, но и целые партизанские соединения, совершавшие рейды через границу. Благодаря этому АЛ к лету 1944 г. насчитывала в своих рядах около 40 тысяч человек, из которых 10 тысяч были советскими гражданами. АК способна была выставить большее число людей, несколько сотен тысяч, но имела оружие лишь для 30 с небольшим тысяч человек[13]. Не менее важную роль играли политические успехи коммунистов, которые к концу 1943 г. сумели создать в Польше Крайову Раду Народову (Национальный народный совет) с участием левых фракций других политических партий. По соглашению между этой организацией и московским Союзом польских патриотов с приближением советских армий к территории Польши был создан Польский комитет национального освобождения, обладавший всеми чертами временного правительства. 22 июля 1944 г. из города Хелма, первого освобожденного польского города, комитет обратился к стране с программным манифестом: война с немцами, независимость Польши, восстановление демократических свобод, социальные реформы. Несколько дней спустя комитет обосновался в Люблине (вот почему Сталин приказал Жукову и Рокоссовскому поскорее освободить его) и приступил к созданию национальной администрации.

АК в свою очередь попыталась принять участие собственными военными силами в некоторых сражениях, в особенности в районе Львова и Вильно, которые советская сторона считала своими. Однако удельный вес польских отрядов был крайне невелик, а политическое значение их участия в боях — ничтожно. После освобождения этих районов от немцев перед отрядами АК, отказывавшимися признавать советское командование, была поставлена альтернатива: вступить в новую польскую армию или сдать оружие. Иного пути у командования советских войск не оставалось, так как оно никоим образом не могло терпеть, чтобы в прифронтовой тыловой полосе оставались пусть даже пока пассивные, но враждебно настроенные вооруженные формирования (достаточно было забот из-за банд украинских националистов)[14].

В момент обострения этих политических разногласий центральное командование АК приняло решение — столь же поспешное, сколь трагическое: начать 1 августа восстание в Варшаве. Это было политически безответственное предприятие; беззаветное участие в нем народных масс придавало ему героический характер, но не делало менее безнадежным. В намерениях инициаторов восстания оно должно было быть направлено не только против немцев, но и против поли-

тики СССР, так как цель его состояла в том, чтобы водворить в Варшаву лондонскую администрацию за несколько часов до прихода Красной Армии. Но с самого начала восстания стало ясно — а руководители АК сознавали это и раньше, — что оно сможет победить только благодаря подходу тех самых войск, против которых восстание было нацелено и с которыми преднамеренно не было установлено никакого контакта[15].

Поведение Москвы по отношению к Варшавскому восстанию породило позже множество дискуссий. Нет сомнения, что Сталин знал его истинные цели и был исполнен решимости не допустить их осуществления. Поэтому, руководствуясь скорее политическими, нежели военными соображениями, он наложил жесткий запрет на оказание помощи восставшим путем сбрасывания им грузов с самолетов[16]. Однако в свете всех известных до сего дня документов необоснованным выглядит обвинение СССР в том, что его войска прекратили наступление, когда вот-вот должны были достичь польской столицы, специально для того, чтобы дать гитлеровцам возможность подавить восстание [17]. Если уж быть точным, то Красная Армия не столько остановилась, сколько была отброшена назад контрударом немцев на подступах к Варшаве. Изнуренные предшествующим длительным наступлением советские части, не знавшие передышки с начала операции по освобождению Белоруссии, продвигались теперь с большим трудом либо даже вынуждены были переходить к обороне. На этот счет сходятся и польские, и советские, и немецкие источники, а также оценки непредубежденных наблюдателей[18]. Сталин, если уж на то пошло, был убежден в политическом выигрыше, который принес бы ему приход его войск в восставшую Варшаву в такой момент, когда всем было ясно, что только они и могут принести спасение[19]. Воспоминания генералов (причем воспоминания Рокоссовского, которому предстояло брать Варшаву, совпадают с тем, что он говорил и в те дни) свидетельствуют о том, что в советских штабах царило тогда сильнейшее раздражение по поводу вставших на пути наступления трудностей и той политической цены, которой за них приходилось расплачиваться[20]. Войска Рокоссовского достигли Праги, предместья Варшавы на правом берегу Вислы, лишь 13 сентября. Сталин тогда решил использовать авиацию для снабжения восставших. Польская армия попыталась форсировать реку. Но восстание было уже при последнем издыхании: немцам не составило большого труда подавить его последние очаги и одновременно отразить попытку переправы[21]. 2 октября державшиеся еще опорные пункты повстанцев прекратили сопротивление. В отместку немцы разрушили город и депортировали уцелевших жителей.

Поражение Варшавского восстания ознаменовало крах АК и всего политического лагеря лондонской эмиграции. В разоренной стране, преодолевая бесчисленные трудности, люблинские власти приступили к организации гражданской жизни в освобожденных районах. Без промедления началось проведение аграрной реформы.

Предпринимались усилия воссоздать государственный аппарат. Опираясь, как и прежде, на помощь СССР, новое правительство занялось организацией собственных вооруженных сил: наряду с армией, пришедшей с боями из Советского Союза, выросла вторая польская армия. Начала складываться и польская авиация. Сталин планировал было создание и третьей армии с тем, чтобы образовать целый польский фронт, но вынужден был отказаться от замысла из-за того, что — как сообщают советские источники — ощущалась нехватка офицеров, которые в подавляющем большинстве своем находились в лагере лондонских эмигрантов. Как бы то ни было, к концу войны новые польские вооруженные силы, бесспорно, превосходили численностью и мощью далекие части Андерса[22]. В то время как люблинское правительство, позже перебравшееся в варшавские руины, получало все более широкую поддержку в стране, АК по необходимости была обречена на распад: отчасти потому, что ее деятельность свертывалась по приказу ее собственных вождей, отчасти же потому, что она попала под запрет советского командования. Подпольное ядро ее руководства во главе с генералом Окулицким, оставленное в Польше для борьбы с Красной Армией, было арестовано и несколько месяцев спустя осуждено на процессе в Москве[23]. Так в условиях крайней политической напряженности новому правительству Польши удалось приступить к реальному руководству страной.

Бенеш, Готвальд и Словацкое восстание

Варшавское восстание было не единственным, сопровождавшим наступление Красной Армии в этот период лета — осени 1944 г. Не было оно и единственным восстанием, окончившимся поражением и военным неуспехом советских войск. Столь же неудачным оказался и исход Словацкого восстания, хотя оно оставило после себя меньше взаимных обид и обвинений. Что касается Словакии, то у Москвы не было причин для подозрений политического свойства. Еще в начале года, сразу же после заключения советско-чехословацкого соглашения на случай вступления советских войск на территорию Чехословакии, правительство Бенеша информировало советских руководителей, что в Словакии следует ожидать восстания и что, когда оно начнется, повстанцам нужна будет помощь извне. Правда, конкретные предложения Бенеша не могли быть осуществлены, так как превосходили реальные возможности Советского Союза: советское командование выдвинуло поэтому иной вариант плана[24]. Как бы то ни было, однако стороны приступили к координации своих действий. Словакия в тот момент еще не была оккупирована немцами; словацкая армия, хотя и поставленная под начало профашистского правительства монсеньора Тисо, искала удобного случая повернуть фронт на 180° — именно армия и должна была составить главную вооруженную силу восстания.

В Словакии, как и в других странах, сталкивались противоборствующие политические течения. Руководители антифашистского лаге-

ря стремились к тому, чтобы словацкая нация получила после войны автономию и обладала в едином чехословацком государстве таким же статусом, что и чехи; они требовали, иначе говоря, улучшения положения Словакии по сравнению с тем, какое было в довоенной республике при президенте Бенеше. У коммунистов с Бенешем установилось сотрудничество в войне против немцев, поддерживавшееся как в Словакии, так и в Чехии; вместе с тем не прекращалась и политическая борьба коммунистов с правительством. Добавим, что чехословацкие руководители в эмиграции — как в Лондоне, так и в Москве — должны были к тому же считаться с подпольным движением Сопротивления в самой стране: не раз обезглавленное, оно тем не менее неизменно оставалось активным. Советское руководство внимательно следило за этой борьбой и за тем, какие тенденции берут в ней верх в стране и в эмигрантских политических кругах.

Проблем, таким образом, было много, но все они в 1944 г. были позитивно разрешены. В отличие от польского движения Сопротивления аналогичное движение в Чехии и Словакии сохранило, по существу, свое единство. В 1944 г. в горах Словакии получило развитие партизанское движение, становлению которого в большой степени способствовали заброшенные из СССР десантные группы и целые смешанные советско-чехословацкие партизанские соединения, проникавшие с территории соседней Украины. На Украине находился и штаб, с которым поддерживали постоянный контакт словацкие партизаны: во главе его стоял один из самых опытных организаторов партизанской борьбы в СССР — Строкач[25]. На основе так называемого Рождественского пакта 1943 г. для руководства повстанческим движением был сформирован Словацкий национальный совет, в состав которого вошли местные коммунисты и представители других политических партий. Накануне восстания совет состоял из четырех коммунистов и четырех сторонников Бенеша[26]. 20 июля в глубоком подполье было проведено совещание членов совета с офицерами из «военного центра»: на совещании был одобрен план действий. 4 августа этот план был доставлен в Москву одним коммунистом (Шмидке) и одним офицером: документ был передан советскому командованию; одновременно его утвердило эмигрантское руководство Коммунистической партии Чехословакии[27].

Однако немцы нанесли упреждающий удар, оккупировав 23 августа Словакию: этот шаг захватил советское командование врасплох[28]. В эти самые дни Красная Армия вела тяжелые бои на варшавском направлении и в Прибалтийских республиках. Полным ходом шло ее наступление на Балканы. От Словакии ее отделяли Карпаты, и в военных планах не предусматривалось фронтальное наступление на горный кряж; к тому же относительно небольшие силы, остававшиеся на этом участке фронта, только что перешли к обороне[29]. Словацкий полковник Голиан отдал своим войскам приказ сопротивляться немцам. К концу августа восстание было в разгаре: 30-го была освобождена Банска-Бистрица, которая сделалась столицей повстанцев,

контролировавших уже две трети территории Словакии. С просьбой помочь им к Советскому правительству обращались как Бенеш, так и Готвальд, лидер чехословацких коммунистов, нашедший убежище в Москве. Готвальд подчеркивал, что в Словакии идет настоящая народная война, развивающаяся под сильным влиянием коммунистов[30].

Руководствуясь больше политическими, нежели военными соображениями, Сталин решил развернуть наступление на Словакию и торопил своих генералов поскорее начать его[31]. Но когда 8 сентября его войска пошли в атаку, восставшие дивизии в Восточной Словакии, которые должны были открыть Красной Армии двери страны, заняв горные перевалы за спиной у немцев, были уже разоружены и распущены оккупантами. В рядах советских войск сражался и чехословацкий корпус; сформированный в СССР по соглашению с Бенешем, он уже отличился в предыдущих военных действиях. В помощь повстанцам был сброшен авиадесант: бригада чехословацких парашютистов, которая также была сформирована в СССР. Наступление шло медленно: как объяснили впоследствии советские военачальники, у войск отсутствовали какие бы то ни было навыки ведения боя в горах. Немцам удалось надолго задержать советские части в предгорьях Карпат[32]. Имевший ключевое значение перевал Дукла был захвачен лишь 8 октября: восстание к этому времени было в основном подавлено. Уцелевшие группы повстанцев ушли в горы, где совершали более или менее активные партизанские вылазки.

Красной Армии, таким образом, не удалось в силу неблагоприятных военных обстоятельств прийти на помощь ни Варшавскому, ни Словацкому восстаниям. Естественно, это не могло не оставить некоего горького осадка в политических отношениях. Но во втором случае горечь была не столь сильной, как в первом*. У чехословаков она не подорвала ни их симпатий к русским, ни сложившегося в ходе войны единства антифашистских сил. Сильно выросло влияние чехословацких коммунистов, несмотря даже на то, что их организация не

* Одни из серьезных исследователей Сопротивления (*Henry Michel*. La Guerra nell'ombra. La resistenza in Europa. Milano, 1973, p. 316) счел возможным высказать подозрение, что несостоявшаяся встреча советских войск с участниками Варшавского и Словацкого восстаний была обусловлена, по-видимому, тайными политическими мотивами. Документы, имеющиеся в распоряжении историков, свидетельствуют, скорее, в пользу прямо противоположного вывода. Однако подозрения становятся более объяснимыми, если вспомнить, что в самой Чехословакии позже на протяжении ряда лет Словацкое восстание квалифицировалось отнюдь не лестным образом, а его руководители, включая коммунистов, обличались и осуждались как опасные националисты. Лишь после их реабилитации — как политической, так и судебной, — последовавшей в начале 60-х гг., появились объективные исследования на эту тему. В СССР первой работой, частично заслуживающей такого определения, явилась статья А. И. Недорезова «Выдающееся событие в антифашистском движении народов Чехословакии» (Вопросы истории, 1965, № 5). Большая научная строгость и объективность в разработке указанной проблемы стала в особенности заметна в последние годы в связи с ролью, которую начиная с 1968 г. играет в жизни страны Густав Гусак — один из руководителей Словацкого восстания. Однако и в работах самого последнего времени содержится изрядная доля необоснованных обвинений против Бенеша и деятелей, поддерживавших его в описываемое время.

раз несла тяжкий урон от гитлеровских репрессий. Обойденная с севера и с юга советскими войсками, Чехословакия была последней из стран, освобожденных Красной Армией. Еще до того, как пришло освобождение, в марте 1945 г., между всеми политическими партиями страны — и в первую очередь между коммунистами и Бенешем — было заключено широкое политическое соглашение о создании правительства Национального фронта. Главой правительства был назначен социалист Фирлингер, президентом остался Бенеш. 5 апреля программа нового правительства была обнародована в только что освобожденном словацком городе Кошице. Весьма передовая по своему содержанию, она предусматривала целый комплекс политических и социальных реформ. Свой отпечаток на эту программу наложило и Словацкое восстание, несмотря на свое поражение. Так, программа признавала за словаками право считаться «отдельной нацией», вступавшей в союз с чехами в новом государстве на основе полного равноправия. Кроме того, остовом государственной администрации на всех уровнях и по всей стране, включая Чехию, программа провозглашала те национальные комитеты, которые возникли именно в ходе восстания. «Тесный союз» с СССР рассматривался в документе как «неуклонная линия» внешней политики Чехословакии; осуществление его планировалось путем «сотрудничества... во всех областях»[33].

Поворот событий в Румынии

В августе все того же 1944 г. развалился немецкий фронт на Балканах. Здесь, как и повсюду, шло бурное политическое брожение. В частности, в Румынии, как и в других странах — союзницах гитлеровской Германии, имелись консервативные группы, которые с 1943 г. лелеяли планы выхода из войны и вынашивали соответствующие предложения о перемирии, неизменно связывая их с перспективой прихода в страну прежде всего англо-американских войск. Прибытие этих войск ожидалось по воздуху и в любом случае раньше, чем подойдут советские армии[34]. Стремительность советского наступления явилась ошеломительной неожиданностью для указанных кругов. Дискредитировавшее себя профашистское правительство Антонеску было препятствием для любых переговоров с антигитлеровской коалицией. В Румынии оставались, правда, силы, которые до поры до времени держались в стороне, дожидаясь благоприятного момента, чтобы перевести страну из одного лагеря в противоположный. Имелась прежде всего монархия, которую представлял не столько молодой король Михай, сколько королевский двор в целом и связанные с ним влиятельные военные круги. Имелись также «исторические партии», либеральная и царанистская («крестьянская») партии, традиционно выражавшие взгляды той части румынской буржуазии, которая склонялась к союзу с западноевропейскими державами. Обе партии были распущены, но их лидеры, Братиану и Маниу, на протяжении всего этого времени сохранили молчаливую оппозицию режиму (за что, кстати, не подвергались никаким преследова-

ниям). Все эти группы поддерживали войну до тех пор, пока речь шла об отвоевании Бессарабии и даже присоединении советской территории вплоть до Одессы. С сокрушительными поражениями на русском фронте в стране стал стремительно нарастать политический кризис. Противниками войны с самого ее начала выступали коммунисты; однако руководители небольшой Румынской компартии находились в тюрьмах, эмиграции или глубоком подполье. Их усилия по организации широкого антифашистского движения, подобного тому, которое развернулось в других странах, до самого конца 1943 г. давали весьма скудные результаты. До начала решающего года их предложения о союзе были приняты лишь мелкими группами, которые и ранее занимали весьма сочувственные по отношению к коммунистам позиции[35].

Все переменилось весной 1944 г., когда войска Конева пересекли румынскую границу. Тогда между коммунистами и социал-демократами был заключен пакт о создании Единого рабочего фронта. Вскоре была образована более широкая коалиция с отколовшейся от либеральной партии группой бывшего премьер-министра Татареску; коалиция приняла название «Национальный фронт». Началось очень интенсивное установление контактов между двором, офицерами-монархистами и коммунистами: в ходе тайных переговоров между ними был согласован план вооруженного свержения Антонеску. В июне Маниу и Братиану тоже согласились вступить вместе с коммунистами и социал-демократами в единую организацию — Национальный блок[36]. Таковы были политические предпосылки тех военных планов, которые были окончательно подготовлены летом.

Механизм заговора должен был прийти в движение синхронно с ожидавшимся с часу на час наступлением советских войск. В последний момент, едва наметился успех прорывов Малиновского и Толбухина под Яссами и Кишиневом, дата выступления была даже перенесена на более ранний срок. Нет данных, которые бы свидетельствовали о том, что советское командование было информировано о точных деталях замыслов бухарестских заговорщиков, но не подлежит сомнению, что Москва была в курсе их плана в целом. В курсе были также англичане и американцы, ибо вплоть до самого последнего момента румынские руководители не исключали того, что провидение пошлет им для спасения войска двух западных держав[37]. 23 августа Антонеску был вызван в королевский дворец и арестован там гвардейцами; вскоре под стражу были взяты и его министры. Все они были переданы в руки вооруженного отряда коммунистов. Армия заняла стратегически важные пункты столицы и получила приказ пустить в ход оружие при любых попытках сопротивления со стороны немцев. На следующий день новое правительство объявило войну Германии. Румынское восстание увенчалось успехом благодаря высокой степени национального единства, достигнутой в решающий момент, а также благодаря быстрому и решительному применению вооруженных сил[38].

С этого дня румынская армия начала участвовать в войне с фашистской Германией. Она ускорила изгнание немцев из Румынии, что лишило Гитлера последнего из остававшихся у него источников снабжения нефтью — Плоешти. Участвовала она и в кампании по освобождению Трансильвании (обещание вернуть ее Румынии было одним из тех факторов, которые способствовали переходу Бухареста на сторону антигитлеровской коалиции). Наконец, она была использована в ходе последующих операций на территории Венгрии и Чехословакии. Вначале король и его генералы потребовали было, чтобы советские войска остановились у Фокшан и устья Дуная[39]. Но, естественно, подобное условие не могло быть принято Советским Союзом, военные и политические планы которого исходили из открывшейся перед ним возможности нанесения удара гитлеровцам и с юга. 31 августа войска Малиновского вступили в Бухарест, и страна была оккупирована в соответствии с условиями перемирия для успешного завершения военных действий. Румынские армии вследствие этого воевали, будучи включенными в состав советских фронтов.

Но достигнутое в ходе восстания национальное единство не могло продержаться долго. Возникшее на его основе правительство под председательством генерала Санатеску состояло из военных. Четыре партии Национального блока были представлены в нем лишь в минимальной степени: каждая имела по одному министру без портфеля. Все руководство государственной машиной осталось без изменений. Понятно, что оно не могло внушать доверия ни левым партиям Румынии, еще недавно подвергавшимся преследованиям, ни советским властям, которые не забыли, что румынские войска дошли до Сталинграда и не без усердия участвовали в оккупации Южной Украины. Генерал Штеменко рассказывает, что в Генштабе подумывали уже о немедленном применении «решительных мер» к самому королю, но Сталин предложил повременить[40]. После восстания в стране вулканически бурно развивалась демократическая жизнь: как грибы, появлялись на свет газеты, ассоциации, шли митинги. При участии коммунистов и социал-демократов сформировались профсоюзы. Раздавались требования реформ и наказания виновников войны. Возникли вооруженные отряды рабочих. В этих условиях перед коммунистами открылась возможность без промедления широко развернуть свою деятельность и встать во главе мощных народных выступлений под лозунгами массовой чистки государственного аппарата, аграрных преобразований, более энергичного ведения войны с немцами. Политическим выразителем их действий вновь стал Национальный фронт, в котором они сотрудничали с социал-демократами: Национальный блок, в котором началось их столкновение с «историческими партиями» Маниу и Братиану, утратил прежнее значение.

Первое правительство Санатеску просуществовало недолго. 4 ноября было сформировано второе под началом все того же генерала, но уже с более выраженным политическим характером, поскольку в нем были представлены все четыре партии Национального блока.

Месяц спустя его сменил аналогичный кабинет, возглавляемый другим военным, генералом Радеску. Ни одно из этих правительств не соответствовало реальной расстановке сил. Каждое очередное правительство появлялось на свет, уже будучи глубоко расколотым. Нарастающая в стране напряженность могла быть ликвидирована только с помощью применения вооруженной силы против левых партий, но такое решение было неосуществимо из-за присутствия советских оккупационных властей, которые не скрывали своих симпатий к Национальному фронту. 6 марта 1945 г. после резкого демарша советского представителя Вышинского перед королем Национальному фронту было поручено сформировать правительство из одних только входивших в него партий. Так был образован кабинет Грозы, лидера крестьянской организации; коммунистам в нем принадлежало решающее влияние[41].

Болгария и Югославия

Переход Румынии на сторону антифашистской коалиции вызвал сходный процесс в Болгарии. К концу августа 1944 г. советские войска вышли на ее границы. Тот факт, что в Москве находился Димитров, позволял успешно координировать операции Красной Армии и действия внутреннего антигитлеровского фронта[42]. Для Болгарии союз с итало-германской «осью» и участие в гитлеровской войне оправдывались перспективой расширения границ за счет Югославии и Греции: профашистская политика Софии, иначе говоря, на протяжении известного времени могла опираться на националистические притязания, пропитавшие ядом шовинизма политическую жизнь Болгарии. Кризис верхов начался с перелома у Сталинграда и усугубился с поражением муссолиниевской Италии, к которой давно были привязаны болгарская монархия и ее правительства. Авторитарный король Борис умер в 1943 г., и его место занял регентский совет. Начались попытки достичь соглашения с англичанами и американцами, но препятствием на пути к этому была традиционная для болгарских лидеров пронацистская ориентация.

Опорой антивоенного движения в Болгарии служила коммунистическая партия: находясь на нелегальном положении с 1923 г. и подвергаясь жестоким преследованиям во время войны, она все же сохранила в народе глубокие корни. Вокруг компартии в подполье сложился Отечественный фронт, в который вошли и другие политические партии: типично болгарская мелкобуржуазная организация «Звено», левые фракции сильного Земледельческого союза и социал-демократов[43]. Хотя коммунистам и не удалось развернуть в стране партизанское движение тех же масштабов, что и в Югославии, к лету 1944 г. в Болгарии насчитывалось несколько тысяч бойцов, сведенных в вооруженные отряды, над которыми правительство так и не смогло одержать верх[44]. Отечественный фронт пользовался поддержкой во многих частях армии и среди ее офицерского корпуса.

На протяжении 1944 г. Москва оказывала на Болгарию все более сильное давление по дипломатическим каналам с целью оторвать ее от Германии[45]. Результатом этого нажима стало образование нового правительства, которое, впрочем, все еще пыталось лавировать между разными воюющими державами и одновременно не порывать союза с Берлином. Подобное правительство, разумеется, не могло удовлетворить ни внутреннюю оппозицию, ни Советский Союз[46].

Формально Болгария не вела войны с СССР. Трудно сказать, когда точно Сталин решил положить конец этому двусмысленному состоянию необъявленной войны. Мы знаем лишь, что его решение, принятое, вероятно, намного раньше, стало оперативным распоряжением 22 августа, как только наметился успех наступления под Яссами и Кишиневом[47]. 27 августа Димитров дал компартии указания принять меры к облегчению скорейшего продвижения Красной Армии в Болгарию и подготовке формирования правительства Отечественного фронта[48]. София прибегла к последним — и бесполезным — попыткам провозгласить себя нейтральной, но 5 сентября Советское правительство решило начать военные действия, заявив, что отныне «не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, поскольку на деле она и ранее находилась в состоянии войны с СССР, но отныне и Советский Союз будет находиться в состоянии войны с Болгарией»[49]. Армии Толбухина изготовились к наступлению, но никаких военных действий в собственном смысле слова не понадобилось: войска не встретили никакого вооруженного сопротивления, их встречало лишь радушно настроенное население. Советское командование отдало поэтому приказ не разоружать болгарские дивизии и прекратить наступление сразу же после того, как будет установлен контроль над черноморскими портами страны[50]. Лишь в последующее время были размещены гарнизоны в Софии и некоторых других городах.

Одновременно с вступлением советских войск, в ночь с 8 на 9 сентября, в стране вспыхнуло восстание, подготовленное коммунистами и их союзниками. Часть армии поддержала восставших, другая часть сохраняла нейтралитет. Практически восстание одержало бескровную победу. Призрачный кабинет Муравьева был свергнут; его заменило правительство Отечественного фронта во главе с бывшим премьер-министром Кимоном Георгиевым, лидером группы «Звено». Министерские портфели были распределены между партиями коалиции на паритетной основе, но с самого начала коммунистам принадлежало если не преобладающее, то, во всяком случае, весьма сильное политическое влияние[51]. В Болгарии больше чем где бы то ни было перемены носили революционный характер. Это выражалось в наличии вооруженных народных отрядов, быстром распространении комитетов Отечественного фронта, которые брали власть на местах; формировании «народных трибуналов», где устраивались процессы над наиболее видными фашистами и главными деятелями прежнего режима, и даже в возникновении «солдатских комитетов»

в воинских частях (эти комитеты, однако, были быстро распущены, потому что советское командование стремилось к тому, чтобы болгарская армия сохранила свою боеспособность и могла быть использована в борьбе с немцами[52]).

Главным объектом политической борьбы, которая развернулась в Болгарии сразу же после 9 сентября, стала государственная машина и в особенности армия. Коммунисты первыми выдвинули требование активного участия Болгарии в антифашистской войне как условие выведения страны из третьей за неполные полвека национальной катастрофы, в которую она была ввергнута экспансионистскими притязаниями своих правящих кругов (двумя предыдущими были поражения во второй Балканской войне в 1913 г. и в первой мировой войне)[53]. Но выполнение такого требования предполагало чистку вооруженных сил от наиболее шовинистической и пронемецки настроенной прослойки офицерства, особенно многочисленной в войсках, оккупировавших югославскую Македонию и греческую Фракию. Проведение же чистки наталкивалось на противодействие части военных, ранее вставших на сторону Отечественного фронта, но повинующихся духу кастовой солидарности. В глазах советских властей гарантировать успех всей этой операции призваны были в первую очередь коммунисты. Некоторые из них уже приобрели необходимую профессиональную подготовку в училищах и академиях Красной Армии и после 9 сентября были введены в состав командования отдельных болгарских армий, где по советскому образцу был учрежден институт заместителя командира по политической части. Советское командование со своей стороны по собственной инициативе направило советников в болгарские штабы[54].

Помимо подхода советских войск, сильное влияние на развитие событий в Румынии и Болгарии оказал мощный рост партизанского движения Тито в соседней Югославии, это движение, в частности, помогло формированию партизанских отрядов в Болгарии. Летом 1944 г. силы национального освобождения, возглавленные югославскими коммунистами, представляли собой уже не отряды повстанцев, а настоящую народную армию, которая держала под своим контролем весьма обширные части страны. Успехам этой армии способствовал крах фашистского режима в Италии в 1943 г. и последовавший за ним развал итальянской оккупационной армии в Югославии. Движение приобретало политическую структуру, в которой уже вырисовывался облик нового государства, принципиально отличающегося от довоенного. Еще в ноябре 1942 г. в городке Бихач была созвана широкая ассамблея, принявшая название Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ). На ассамблее был избран Исполнительный комитет. Год спустя, как раз в те дни, когда «большая тройка» заседала в Тегеране, АВНОЮ провело свою вторую сессию в городе Яйце. На этот раз здесь было образовано самое настоящее правительство и объявлено об отказе признавать какую бы то ни было власть за королем и его министрами: Югославия, как

было провозглашено на сессии, станет федерацией национальных республик. Так курс национально-освободительной борьбы окончательно уточнился как революционный курс. Правительству Тито требовалось еще международное признание, но о признании не торопилось заявить даже Советское правительство: занятое в этот момент разыгрыванием сложной дипломатической партии с западными союзниками, оно сочло преждевременными решения, принятые в Яйце[55]. Тем не менее сначала англичане, а потом и Советский Союз направили в штаб-квартиру Тито свои военные миссии и установили тем самым постоянную регулярную связь с ним.

Воссоздавая картину советско-югославских отношений того времени, историки слишком часто делали уступку критериям и оценкам, которые были обусловлены конфликтами более позднего времени и неизбежно искажали подлинные факты[56]. Политические разногласия проявлялись уже тогда, но отходили на второй план перед лицом глубинной политической солидарности, объединявшей обе стороны: югославских и советских коммунистов. Для Тито поддержка СССР была условием, без которого он не мог бы противостоять нажиму англичан в пользу короля и эмигрантского правительства; Сталин со своей стороны был отнюдь не безразличен к перспективе образования югославского государства, возглавляемого победившими захватчиков коммунистами[57]. В сентябре 1944 г. по соглашению с советской миссией и в полной тайне от миссии англичан Тито отбыл из своей штаб-квартиры на острове Вис в Адриатическом море. Его маршрут пролегал сначала в румынский город Крайову у югославской границы, где размещался штаб Толбухина, а потом в Москву, где он впервые встретился со Сталиным[58]. Целью поездки была координация действий двух армий по освобождению Белграда и равнинных районов Воеводины, где требовались танки и авиация, которых не было у югославских войск. По свидетельству обеих сторон, согласие было быстро достигнуто. Выполнив свои задачи на сербской земле, советские части должны были развивать наступление дальше, на территории Венгрии, оставив освобожденную Югославию во власти новой администрации, созданной на местах правительством Тито[59].

Самым трудным пунктом на переговорах был вопрос о применении болгарских войск, которые советское командование хотело использовать против немцев на югославской территории. Возражения Тито против такого решения были вполне объяснимы. Речь шла о частях, которые ранее вместе с гитлеровцами участвовали в оккупации Македонии и Сербии. Мало того, македонский вопрос как до войны, так и в ходе ее был причиной конфликта не только между Болгарией и Югославией, но и между коммунистами этих двух стран: лишь огромный авторитет Димитрова позволил решить его в пользу югославов[60]. Как бы то ни было, на переговорах в Крайове между Тито и болгарской делегацией при посредничестве советского генерала Бирюзова была решена и эта проблема: болгары заявили о своей решимости отбросить прежние националистические притязания ради

установления новых, дружественных отношений между балканскими народами. Тито со своей стороны дал согласие на участие их армии в предстоящих военных операциях[61].

Столица Югославии была освобождена в ходе боев 14—20 октября совместными действиями югославских и советских частей. Болгарская армия была использована преимущественно под Нишем и вообще против той группировки немцев, которая пыталась отходить с Балканского полуострова по направлению от Белграда к Афинам; потом она была переброшена в Венгрию. Вся остальная территория Югославии была освобождена исключительно армией Тито, которая, получив советское современное вооружение, смогла образовать сплошной фронт наступления и действовать против гитлеровцев наравне со всеми остальными армиями союзников.

Оплаченная дорогой ценой победа югославского освободительного движения (за время войны страна с 16-миллионным населением потеряла убитыми более 1700 тыс. человек) решила исход борьбы и в маленькой Албании. В этой горной стране также развернулось мощное партизанское движение, тесно связанное с югославским. Освободительная война в Албании тоже была одновременно и войной гражданской. Коммунистическая партия была здесь создана в глубоком подполье в ноябре 1941 г. Осенью 1944 г. возглавляемые коммунистами повстанческие отряды насчитывали уже 70 тыс. человек и были в состоянии освободить страну без вмешательства извне: 17 ноября Тирана была в их руках[62].

Трудное наступление в Венгрии

Мучительно трудно протекала в силу разных причин последняя фаза войны в Венгрии. Профашистский режим регента Хорти был одним из самых старых союзников гитлеровской Германии в Европе. Он имел возможность поэтому нажиться на агрессивных войнах Гитлера и расширить собственную территорию за счет соседей — чехословаков, румын и югославов — в честолюбивом стремлении к созданию «Великой Венгрии». В 1943 г. Хорти предпринял кое-какой зондаж в надежде согласовать с англичанами и американцами приемлемые условия перемирия, но Гитлер предупредил его, оккупировав страну своими войсками в марте 1944 г. В сентябре этого года, когда Красная Армия подошла вплотную к венгерским границам, регент тем не менее послал своего эмиссара просить о перемирии в англо-американский штаб в Казерте. Ему было сказано в ответ, что обращаться нужно в Москву. 1 октября сюда прибыла венгерская делегация. Хорти еще надеялся, что ему удастся выйти из войны с согласия своих берлинских союзников. 15 октября он объявил стране, что Венгрия больше не будет участвовать в войне, и одновременно известил об этом немцев. Эти последние без промедления арестовали его, заставили подать в отставку и увезли в Германию. На его место они посадили самого оголтелого из главарей венгерских фашистов,

Салаши. Плохо подготовленный и проведенный без внутренней решимости маневр Хорти окончился, таким образом, провалом.

Разброд в верхах дополнялся слабостью антифашистского движения в Венгрии. Компартия здесь была весьма малочисленной; после роспуска Коминтерна она даже приняла название «партии мира» и обрела свое прежнее имя лишь в сентябре 1944 г.[63] Довольно бесплодными оказались и контакты с другими политическими группами, способными принять участие в сопротивлении фашизму. Несмотря на заброску известного числа инструкторов из СССР, в стране так практически и не возникло никакого партизанского движения. В Будапеште в подполье был основан Венгерский фронт, который занялся подготовкой восстания в столице к моменту подхода советских войск. Однако его руководящий комитет во главе с депутатом парламента Байчи-Жилински был раскрыт и арестован в ноябре 1944 г.[64] Командующий 1-й венгерской армией генерал Миклош перешел на сторону советских войск и обратился к своим солдатам с призывом прекратить сопротивление и повернуть оружие против немцев, но его воззвание дало скудные плоды[65]. Получая противоречивые приказания, венгерские солдаты не знали, что им делать. Их ряды медленно распадались, но в целом части венгерской армии продолжали сражаться.

Война в Венгрии была изматывающе трудной и для Красной Армии. После поражения в юго-восточной части Европы гитлеровское командование решило организовать здесь один из последних очагов сопротивления, перебросив сюда даже войска с других участков фронта. Армии Малиновского и Толбухина имели поддержку румынских, болгарских и югославских частей, но сами вели наступление непрерывно с августа, не имея на протяжении всего этого времени ни одной оперативной передышки. Военные решения, принятые в Москве, были отмечены печатью спешки. Иногда утверждают, что чрезмерная торопливость Сталина была обусловлена донесениями с фронта со слишком оптимистичными оценками процесса разложения венгерской армии (автором этих донесений был Мехлис). Несомненно то, что Сталин в данном случае руководствовался политическими соображениями более общего характера (не будем забывать, что минимальный вариант балканских планов Черчилля предусматривал высадку в северной части Адриатики с последующим наступлением на Любляну и в Венгрию). Именно соображения такого свойства были выдвинуты Сталиным 29 октября, когда он приказал Малиновскому немедленно начать наступление на Будапешт, хотя тот просил у него отсрочки всего в пять дней[66]. Битва за венгерскую столицу стала одним из самых упорных сражений последнего периода войны. После длительного окружения город был взят только 13 февраля 1945 г. В марте немцы предприняли последнюю попытку перейти в контрнаступление у озера Балатон и на какое-то время создали трудности войскам Толбухина.

После 25-летнего господства контрреволюционного режима в Венгрии, растерзанной и погруженной в хаос, в условиях разрухи и

голода, вызванного войной, которая шагала через всю территорию страны, начал оформляться новый строй. В первые освобожденные советскими войсками венгерские города, Сегед и Дебрецен, прибыли из Москвы коммунисты, находившиеся там в эмиграции; другие члены партии, остававшиеся в стране, находились большей частью в осажденном Будапеште. В Сегеде был образован наконец Национальный комитет Венгерского национального фронта независимости, в который, помимо коммунистов, вошли партия мелких сельских хозяев, социал-демократическая и национал-крестьянская партии.

В Дебрецене обосновалось первое венгерское антигерманское правительство под председательством генерала Миклоша. Официально сформированное Временным национальным собранием, оно включало как деятелей, которые считанные недели до того поддерживали Хорти, так и лидеров антифашистских партий. Именно представители этого правительства подписали в Москве 20 января 1945 г. перемирие, в главных своих чертах повторявшее аналогичные соглашения с Румынией и Болгарией (с последней оно было заключено 28 октября). Единственное отличие заключалось в том, что Венгрия по этим условиям лишалась земель, приобретенных с помощью Гитлера[67]. Для обеспечения массовой поддержки новым руководителям страны решающее значение имела такая мера, как проведение аграрной реформы с целью ликвидации латифундий. Решение о проведении этой реформы, разработанной коммунистами, было принято при откровенном одобрении советского командования[68] 15 марта, то есть когда еще не вся страна была освобождена. Урок краткой и неудавшейся революции 1919 г., руководители которой не сумели верно уловить требования крестьянских масс, на этот раз был учтен должным образом[69].

Так к началу весны 1945 г., когда антифашистская война приближалась к своему победоносному завершению, Красная Армия изгнала или способствовала изгнанию гитлеровцев из всех стран Восточной Европы: оставалось освободить лишь бóльшую часть Чехословакии. Приход советских войск приводил в движение процесс радикальных политических и социальных изменений, первопричина которых коренилась в отсталом характере социальных структур в этих странах. Авторитет, приобретенный Советским Союзом в результате одержанных им побед, превратился в мощный фактор европейской политики. Благодаря ему идеи социализма получали новый импульс, сравнимый по силе лишь с влиянием Октябрьской революции.

XIII. ЯЛТА И СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ

Стратегическое сотрудничество

После Тегеранской встречи военное сотрудничество между тремя великими державами — участницами антифашистской коалиции, по единодушному признанию непосредственных участников событий, было в целом удовлетворительным[1]. Сталин восхищенно отозвался о высадке в Нормандии: «Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения»[2]. С того момента, как союзные армии охватили кольцом всю Европу, между их генеральными штабами, несмотря даже на неизбежные трения, установилась неплохая связь. Американцы получили возможность создать на Украине, под Полтавой, посадочную базу, которая позволяла их бомбардировщикам совершать челночные рейсы с аэродромов в западной части континента и наносить врагу удары как при полете на восток, так и при возвращении. Советской авиации, обслуживавшей югославских партизан, было разрешено пользоваться базой под Бари. Англичане получили согласие на отправку своих специалистов в СССР для изучения на месте технически сложных видов немецкого вооружения (в частности, самолетов-ракет и пусковых установок для них), захваченных советскими войсками[3].

Американские историки справедливо отмечают, что на протяжении последнего года войны участники давнего спора о втором фронте как бы поменялись ролями. Теперь, когда он существовал и англо-американские войска сражались с немцами в западной половине Европы, именно Лондон и Вашингтон проявляли наибольшую активность по части получения от Советского Союза заверений в том, что нажим на немцев с востока не ослабнет ни на день[4]. Самым известным остался случай в январе 1945 г., когда отчаянное контрнаступление немцев в Арденнах поставило Эйзенхауэра в весьма затруднительное положение. В секретных посланиях Сталину встревоженный Черчилль просил, чтобы Красная Армия в свою очередь нанесла немцам удар, и Сталин в ответ на несколько дней ускорил знаменитый прорыв на Висле, хотя, по свидетельству маршала Конева, это было сопряжено с некоторыми дополнительными трудностями для его армий[5]. Эти подробности имеют большое значение, ибо показывают, что вплоть до самого конца Гитлер, даже будучи вынужден вести войну на два фронта, все равно держал против Красной Армии преобладающую часть своих сил. По оценкам московских экспертов, на Восточном фронте постоянно было сосредоточено не менее двух третей сил вермахта[6]. Понимание того, что именно советскому народу приходится все время нести основную часть бре-

мени военного противоборства в Европе, не покидало руководителей СССР (об этом многократно говорилось в работах историков и мемуарах) и придавало им больший вес в их отношениях с западными союзниками.

Но война и для Советского Союза не должна была ограничиваться одной Европой. Сталин дал обязательство, что сразу же после поражения Германии СССР примет участие в войне с Японией. Соответствующие планы обсуждались в обстановке строгой секретности, главным образом между советскими и американскими деятелями. Роль, которую вашингтонские стратеги намеревались доверить Советским Вооружённым Силам, была отнюдь не из второстепенных. Речь шла о разгроме мощной сухопутной армии, которую японцы держали в Маньчжурии и Северном Китае: сами американцы предпочитали уйти от выполнения этой неблагодарной задачи, а китайцы, по всем расчетам США, конечно же, были неспособны справиться с нею. Советское командование бралось выполнить ее, и это намерение производило отличное впечатление в Вашингтоне, где советское участие в войне на Дальнем Востоке неизменно рассматривалось как одна из важнейших стратегических целей политики США[7]. Этим можно, по крайней мере отчасти, объяснить тот факт, что Рузвельт и генерал Маршалл не переменили своей позиции по данному вопросу, даже когда им сообщили, что скоро в их распоряжении будет атомная бомба — таинственное оружие, действенность которого никто пока не был в состоянии точно оценить[8].

Взгляды трех союзников на послевоенный мир

Если отвлечься от военных проблем, которые были решены на основе общего стремления ускорить разгром Германии и Японии, то элементом, господствовавшим во внешнеполитических отношениях между главными союзниками в 1944—1945 гг., была необходимость подготовки послевоенного урегулирования в Европе и во всем мире. Здесь-то и начинались главные противоречия, причем такие, в решении которых — если вообще они поддавались решению — были заинтересованы не одни лишь три правительства великих держав. Все мелкие союзники Гитлера в Восточной Европе, как мы видели, пытались сдаться в плен англичанам и американцам, но только не советским войскам. И не они одни стремились спекулировать на возможности раскола коалиции по мере приближения победы. Перспектива столкновения между Советским Союзом и его западными союзниками и, как следствие этого, англо-американское вторжение в Польшу оставались вплоть до самого последнего момента той картой, на которую делали ставку польские эмигрантские круги[9]. Да, в сущности, подобная перспектива независимо от театров военных действий представляла собой надежду всех консервативных сил в Европе, вверявших свою участь главным капиталистическим державам Запада. С приближением конца она сделалась и последним шансом на

спасение, за который цеплялись Гитлер и другие главари рейха[10].

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение политического курса Соединенных Штатов и Англии. В самом общем виде и с неизбежной в таких случаях приблизительностью можно сказать, что из трех союзных держав только у американцев имелась глобальная концепция послевоенного устройства на земном шаре, устройства, которое по необходимости должно было бы испытывать на себе преобладающее влияние США. Американцы были также единственными, кто имел — или считал, что имеет, — средства, необходимые для реализации своего всемирного проекта. В Вашингтоне начинала циркулировать идея о «нашей руководящей роли в мире». Соединенные Штаты со своим колоссальным военно-экономическим потенциалом воевали на всех охваченных войной континентах, и повсюду их участие склоняло чашу весов противоборства в сторону антифашистского блока: сам Сталин без колебаний признавал это[11]. Еще более явным превосходство США должно было стать по окончании войны.

Американские взгляды слагались, таким образом, в самый настоящий план — пусть не всегда четкий и последовательный, но все же целостный план — послевоенного устройства дел на Земле. Экономической основой его должна была служить та свободная циркуляция богатств, которую некоторые американские историки определили как обновленную версию традиционной политики «открытых дверей». Политическая же надстройка должна была быть представлена широкой организацией всемирного характера, значительно более энергичной и авторитетной, чем блаженной памяти Лига Наций; эту новую организацию, по изначальному замыслу США, должна была «направлять» узкая директория в составе великих держав. Идеологической базой проекта призваны были служить принципы американского либерализма, понимаемые как идейная сила, противостоящая фашистской тирании. При всем том решающее слово во всех областях — экономической, политической или военной — должно было оставаться за Соединенными Штатами. На пути к осуществлению подобного проекта имелись, однако, препятствия, например закрытые для «чужаков» колониальные владения Великобритании и Франции. Американцы хотели бы их постепенного «открытия», тем более что в результате войны власть метрополий в них подвергалась все более разъедающему воздействию перемен. Другим грозным препятствием был СССР, но в Вашингтоне надеялись, что его удастся принудить к «сотрудничеству» (это слово наиболее часто повторяется в американских дипломатических документах той поры)[12].

Английские концепции содержали куда меньше элементов новизны, на них лежал явный отпечаток XIX века. Они основывались на традиционных установках и интересах Великобритании: защите империи и Содружества наций, сохранении равновесия сил в Европе, с тем чтобы ни одна держава не могла первенствовать на континенте (задача нелегкая уже в силу того, что и Германия, и Франция выходили из войны значительно ослабленными). Отсюда различные вы-

нашивавшиеся Лондоном проекты федеративных объединений европейских государств, особенно в центрально-восточной части Европы. По одному пункту, однако, беспокойство английских деятелей совпадало с заботами широких американских кругов. Речь шла о необходимости не допустить в Европе, да и других частях света, «революции» — этим расплывчатым термином определялись многообразные явления, в которых так или иначе проявлял себя мощный порыв к политическому и социальному обновлению, охвативший Европу и весь мир на гребне волны антифашистской войны. Эта озабоченность разрасталась до превращения ее в «навязчивую идею» перед лицом неожиданного размаха побед, одержанных Красной Армией, причем особенно характерно это было для Черчилля, отнюдь не забывшего о своей роли организатора антибольшевистских «крестовых походов» после окончания первой мировой войны. Середина 1944 г., по его словам, явилась для него моментом «принятия решения сопротивляться проникновению и узурпациям коммунизма»[13].

Были свои концепции также у Сталина и других советских руководителей. Они были, однако, далеко не столь широковещательны, как американские. Нет к тому же оснований считать, что взгляды эти в своей совокупности были заранее разработаны и выношены. В Тегеране Сталин предпочитал больше слушать других, нежели выдвигать собственные предложения (если только речь не шла о конкретных и ограниченных вопросах, в решении которых он был непосредственно заинтересован). Да и в более позднее время в его поведении прослеживаются немаловажные колебания. Одним из самых характерных примеров может служить выкидыш внутриполитической реформы, предпринятой было в связи с явными поползновениями внешнеполитического характера. В январе 1944 г. после долгого перерыва в Москве собралась сессия Верховного Совета СССР; ей предшествовал единственный Пленум ЦК ВКП(б), о котором сообщалось во время войны. На утверждение сессии был представлен проект поправки к конституции, наделявший союзные республики СССР бóльшими правами в области обороны и внешней политики и учреждавший в связи с этим соответствующие республиканские наркоматы. Наркоматы эти носили союзно-республиканский характер, то есть подчинялись центральным наркоматам СССР, но и при этом представляли собой беспрецедентное новшество. О важности нововведения говорил в своем докладе и Молотов, подчеркнувший, что оно предпринимается «в разгар Отечественной войны», когда «не каждое государство решилось бы на такие крупные преобразования». У каждой из республик, объяснил он, «имеется, например, немало специфических хозяйственных и культурных нужд», которые «могут быть лучше удовлетворены посредством прямых сношений республик с соответствующими государствами»[14].

Если вспомнить, что в 1922 г. даже Ленин (не говоря уже о Сталине) не допускал мысли о возможности децентрализации столь важных функций государства[15], то реформа и впрямь не могла не казать-

ся поразительной. Хотя все выступавшие в прениях ораторы подчеркивали ее огромный положительный смысл, подлинные цели ее не были разъяснены ни тогда, ни в последующее время. Так что по сей день невозможно установить, какие же именно выгоды рассчитывали получить с ее помощью советские руководители. Сталин и Молотов впоследствии ссылались на нее как на довод в попытках приобрести больший вес в проектировавшейся международной организации[16], но, безусловно, это еще не дает достаточных оснований заключить, что преобразование такого масштаба затевалось ради столь ограниченной цели, тем более что ее можно было достичь и другими путями. Именно потому, что нововведение выглядело таинственным с точки зрения своих истинных намерений, оно вызвало за границей настороженную реакцию[17]. Что же касается его практического значения, то в конечном счете все осталось на бумаге.

В позициях Сталина и его правительства выкристаллизовались тем не менее некоторые весьма стойкие элементы. Это не были концепции глобального характера: ничего подобного Сталин никогда не провозглашал. Было бы неверно вместе с тем сделать из этого вывод, будто он не уделял внимания революционным процессам в мировом масштабе: вся его политическая деятельность несла на себе печать влияния именно этого фактора. Но, конечно же, будучи человеком «социализма в одной, отдельно взятой стране», он видел цель своей внешней политики отнюдь не в «мировой революции». Сферой действия его внешней политики была сфера непосредственных интересов его государства. Сталин поэтому не проявил инициативы по части глобальных проектов послевоенного мирового устройства: в этом отношении он ограничивался лишь высказываниями в пользу принятия или изменения по мере возможности проектов, представленных другими. Чрезвычайно цепкое внимание, напротив, он проявлял к реальному соотношению сил, причем не только в целом, но и по каждому конкретному вопросу. Так сложилась определенная методологическая установка: максимум сосредоточенности на конкретных делах и поменьше доверия к словам, как бы заманчиво они ни звучали. Сталин не скрывал убеждения, подкрепленного горьким опытом своей страны, что наиболее серьезная угроза СССР и в будущем будет исходить от Германии (и в меньшей мере от Японии), ибо, как говорил он тогда различным собеседникам, через 20—30 лет немцы будут в состоянии начать все сначала[18]. Твердо убежденный в том, что послевоенный мир будет развиваться под преобладающим влиянием великих держав-победительниц, он выражал желание, чтобы их союз в годы войны продолжал действовать и в мирное время, оставаясь нацеленным против Германии и Японии. В ноябре 1944 г., когда подобная перспектива казалась ему реальной, он сказал, что удивляться следует не тому, что внутри «тройки» имеются разногласия, а, скорее, тому, что их так мало. Вывод, который он из этого делал, заключался в том, что «в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие

мотивы, а жизненно важные и длительные интересы». В этом же своем выступлении он провел разграничительную линию между «агрессивными нациями», то есть Германией и Японией, и «миролюбивыми нациями», которым следует объединиться против первых[19]. Разграничение это, возможно подходящее с точки зрения его непосредственных целей в тот момент, разумеется, не имеет прецедентов в предшествующей марксистской теории.

При всех этих рассуждениях общего характера одна цель четко выделялась Сталиным и ставилась им впереди всех других. Заключалась она в том, как мы уже видели из предыдущей главы, чтобы заручиться гарантиями, что вся совокупность восточноевропейских стран отныне будет представлять собой уже не прежний антисоветский «санитарный кордон», а пояс дружественных Советскому Союзу государств. Поскольку именно Красная Армия освобождала эти страны, расплачиваясь за их свободу дорогой ценой, любое другое решение в этом регионе представлялось Москве попыткой лишить СССР плодов выстраданной им победы. Правда, Советский Союз тем самым, как уже отмечалось, брал на вооружение концепции старорежимной Российской державы. Замечание это не ново: оно имело широкое хождение в политических кругах союзных стран и в описываемое время[20]. Сам Сталин в своей дипломатической переписке зачастую употреблял слово «Россия» вместо «СССР»; он же открыто заявил о преемственности своего курса по отношению к дореволюционному, когда выставил территориальные требования к Японии[21].

Сталинская политика не исчерпывалась, однако, этими установками. Как мы видели, уже само по себе желание заручиться дружбой стран, освобожденных Красной Армией, неизбежно влекло за собой глубокие политические преобразования, носившие во многих отношениях революционный характер. Это последнее обстоятельство оказывало свое влияние и за пределами восточноевропейского региона. Следует иметь в виду поэтому, что в то время, как первый аспект сталинской политики — ее преемственность по отношению к прошлому — находил тогда известное понимание у западных партнеров, ее второй аспект — порождаемый ею революционный эффект — вызывал у них, напротив, острую озабоченность.

Победители и послевоенная Европа

В течение долгого времени бытовало мнение (по правде говоря, оно было распространено скорее в политической публицистике, нежели в работах историков), что раздел Европы на сферы влияния был произведен во время второй встречи между Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным, встречи в Ялте в феврале 1945 г., на основе весьма примечательного соглашения, заключенного в октябре 1944 г.

между Сталиным и Черчиллем*. На самом деле факты слагаются в более сложно сплетенную цепь.

Противниками сфер влияния в 1944 г. были прежде всего американцы, ибо идея раздела на «сферы» была препятствием на пути осуществления их глобального проекта послевоенного устройства. Однако же сферы влияния уже существовали, и от этого факта некуда было уйти. У Соединенных Штатов была Латинская Америка, причем они блюли свое влияние в ней настолько ревниво, что с подозрением воспринимали даже простой факт установления дипломатических отношений между СССР и некоторыми из латиноамериканских стран[22]. У Англии было Содружество наций и империя. В Ялте с Черчиллем случился один из характерных для него припадков ярости; это случилось, когда ему почудилось, что в одном из документов содержится намек, ставящий под вопрос судьбу одного из старых английских доминионов. Как пишет сам Черчилль, он заявил, что никогда «не уступит ни клочка» британских владений[23]. Что касается Европы, то предположению о том, что проблемы каждой из стран будут решаться совместно тремя союзниками без какого-либо перевеса одного из них, была суждена чрезвычайно короткая жизнь. Созданные накануне Тегерана трехсторонние органы — Контрольная комиссия по Италии и Европейская консультативная комиссия — на практике играли сугубо второстепенную роль. В Италии политическая обстановка развивалась под англо-американской опекой, и советская сторона была лишена возможности сколько-нибудь серьезно влиять на ее эволюцию[24]. Находившейся в Лондоне Европейской консультативной комиссии по воле американцев доверялись лишь малосущественные вопросы[25]. При подобных предпосылках у Советского Союза не оставалось иного способа реализовать в Восточной Европе свои политические цели, как создать здесь в свою очередь собственную сферу влияния.

Следует сказать, что когда Сталин в точности осознал, каково реальное положение дел, то он не только не оспаривал, но и соблюдал преобладание англо-американских интересов в Западной Европе. Разумеется, он не отказывался от использования остававшихся в его распоряжении дипломатических средств. Например, он первым официально признал коалиционное антифашистское правительство

* Рассказанный Черчиллем в своих мемуарах (*W. Churchill.* Op. cit., v. 6, t. 1, p. 257—258), этот эпизод воспроизводился потом в стольких работах, что нет никакой нужды подробно излагать его здесь еще раз. Напомним лишь вкратце, что в октябре 1944 г. во время своего визита в Москву Черчилль пододвинул Сталину листок бумаги со следующим распределением «влияния» на Балканах: в Румынии 90 % влияния отводится Советскому Союзу, 10 — западным державам; в Греции — наоборот; в Болгарии — 75 % Советскому Союзу, 25 — западным державам; в Венгрии и Югославии — по 50 % обеим сторонам. Сталин без каких-либо комментариев завизировал листок и, возвратив его Черчиллю, сказал, чтобы тот держал его у себя. По сведениям из западных источников (*L. Woodward.* British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 308), на следующий день между Молотовым и Иденом состоялась дискуссия, в которой первый пытался увеличить советскую долю в Югославии, Болгарии и Венгрии.

Бадольо в Италии, что сразу же вызвало раздраженную реакцию западных союзников. Но когда Черчилль направил ему встревоженное послание по поводу образования в Риме кабинета Бономи, то Сталин ответил ему: «Во всяком случае, если обстоятельства подскажут Вам и американцам, что в Италии надо иметь другое правительство, а не правительство Бономи, то Вы можете рассчитывать на то, что с советской стороны не будет к этому препятствий»[26]. Аналогичным образом обстояло дело и с Францией. Москва поддерживала с де Голлем хорошие отношения, но когда последний, встав во главе правительства в Париже, направился в СССР для подписания договора о дружбе и получения поддержки своих притязаний на Рейнскую область, то Сталин остался верен рекомендациям, которые давали ему Черчилль и Рузвельт. Вот один лишь эпизод, который как нельзя лучше показывает, каков был истинный порядок приоритетов для СССР. Хотя Сталин был заинтересован в договоре с Францией, он в течение нескольких дней ставил его заключение в зависимость от мелкого жеста де Голля, который бы выглядел как частичное признание Люблинского комитета в Польше[27]. Польша была для Сталина важнее, чем Франция. В наши намерения не входит сейчас обсуждать, в какой мере был самостоятельным, а в какой — согласованным с Советским Союзом внешнеполитический курс, проводившийся тогда французскими и итальянскими коммунистами (поддержка правительства де Голля и «поворот в Салерно»*); несомненным является то, что этот курс не вступал в противоречие с позицией СССР в целом. Сходные советы давались советскими руководителями и коммунистам Греции: без огласки, но вполне недвусмысленно им рекомендовалось избегать фронтального столкновения с англичанами и политическими группировками, пользовавшимися поддержкой англичан[28].

Здесь-то и вписывается в историю рассказанный Черчиллем эпизод с процентами влияния на Балканах. Советские историки всегда испытывают большое замешательство по этому вопросу. Они никогда не отрицают самого по себе эпизода, но оспаривают утверждение, будто речь шла о каком-то соглашении, в особенности в том, что касается Югославии[29]. По правде говоря, и из рассказа английского премьер-министра, и из других свидетельств[30] явствует, что Сталин не столько заключал союз в собственном смысле слова, сколько ограничился констатацией, что его собеседник склоняется к признанию определенной сферы советских интересов. В этом случае, иначе говоря, он не брал на себя инициативы, а, как и по всем другим вопросам общего характера, ожидал, чтобы предложения последовали от партнеров. Что же касается предложенных Черчиллем процентных соотношений, то они неизбежно носили абстрактный характер, ибо

* Принятие антифашистскими партиями предложения Тольятти, только что вернувшегося из Москвы, отложить решение вопроса о форме правления (республика или монархия) на послевоенное время. Благодаря этой инициативе было сохранено единство Сопротивления и успешно завершено освобождение страны. — *Прим. ред.*

никто не мог бы сказать, с помощью каких критериев можно было бы проверить их практическое применение.

Чтó понимал Черчилль под влиянием, стало ясно уже вскоре, в декабре 1944 г., когда он бросил свои войска против греческого Сопротивления, чтобы посадить в Афинах угодное англичанам правительство. Москва никак не ответила на этот шаг. В Греции у Сталина не было средств, с помощью которых он мог бы отстаивать свои предпочтения. Иным было положение в странах, куда пришли его армии. Поэтому, заключая перемирия с румынами, болгарами, а позже с венграми, Сталин добивался, чтобы в этих случаях действовал тот же принцип, который был установлен англичанами и американцами в Италии, но только в перевернутом виде: решающее слово должно принадлежать советским штабам на местах, даже если при них имеются представители союзников. Что же касается Греции, то он ограничился лишь намеком на возможность постановки «греческого вопроса» в Ялте, когда Черчилль стал слишком уж упорствовать в вопросе о новом правительстве Польши[31]. В апреле 1945 г. Сталин пришел к заключению, что каждая из держав установит собственную идеологию и общественную систему на той территории, которую заняли ее вооруженные силы[32].

В течение длительного времени после войны раздел Европы на сферы влияния рассматривался как пагубный акт, и по сей день высказать иное мнение — значит рисковать приобрести репутацию циника в глазах общественности. Между тем никакой исторический анализ не в силах доказать, что в конце войны было практически осуществимо какое-либо иное решение. Державы-победительницы, освободившие Европу от Гитлера и оккупировавшие ее своими войсками, конечно же, должны были пользоваться здесь влиянием — это было неизбежно. Это влияние к тому же не следует воспринимать целиком отрицательно, поскольку его главной чертой был антифашизм. Влияние это не могло осуществляться всеми тремя союзниками коллективно, потому что их единство не было для этого достаточно глубоким. Поневоле влияние одного из них должно было преобладать в тех или иных частях региона. Само по себе это не исключало сотрудничества, и даже тесного сотрудничества, между ними, при условии, разумеется, чтобы каждый считался с интересами других. Собственно, проблема заключалась — да и по сей день заключается — в том, чтобы установить, какими средствами и ради каких результатов осуществляется упомянутое влияние.

СССР и его проблемы

После такого беглого обзора общей постановки вопроса о послевоенном устройстве мира остается рассмотреть отдельные проблемы, доставлявшие больше всего забот дипломатам трех держав. Ни одна из этих проблем не отнимала у них так много времени, как польская. Излишне было бы описывать здесь все перипетии, через которые

прошли переговоры по польскому вопросу[33]. После Тегерана англичане и американцы оказались перед лицом неразрешимого противоречия. С одной стороны, они с пониманием относились к желанию Советского Союза иметь в Варшаве дружественное правительство. Сталин приводил на этот счет весьма убедительные доводы: для СССР то был вопрос безопасности, «вопрос жизни или смерти», поскольку Польша была тем коридором, по которому всегда надвигались на Россию германские полчища[34]. С другой стороны, однако, у англичан на шее сидели руководители польского правительства в эмиграции, которые не имели ни малейшего намерения стать друзьями СССР. Мало того, даже притом, что их позиция делалась все слабее день ото дня, они вели себя так, словно за ними стояла мощь великой державы. После тщетных попыток склонить их к компромиссу Черчилль и Иден в частных разговорах ругали их последними словами и находили их поведение неразумным. Такого же мнения придерживались и многие американцы, хотя сам Рузвельт предпочитал держаться в стороне от этих споров[35]. По настоянию союзников Москва согласилась вступить в переговоры с лондонскими поляками на основе Тегеранских соглашений (то есть признания новой границы вдоль «линии Керзона»), к которым добавила требование об удалении из эмигрантского правительства наиболее антисоветски настроенных деятелей. Но из переговоров ничего не вышло.

Вступление Красной Армии в Польшу и трагический провал Варшавского восстания решительно изменили положение. Стало ясно, что созданный с советской помощью в Люблине Комитет национального освобождения способен управлять, в то время как силы, враждебные СССР, могли еще причинять определенные неприятности советским войскам (меньшие, впрочем, чем те, которые смогли доставлять греческие партизаны английским войскам в Греции), но не в состоянии серьезно затруднить их наступление. К концу года, таким образом, эмигрантские лидеры очутились в драматической ситуации внутренней слабости и растущей международной изоляции. Глава их правительства Миколайчик вполне осознал это, когда приехал в Москву второй раз, в октябре 1944 г., для участия в переговорах, которые шли между Черчиллем и Сталиным. Под нажимом англичан он в конце концов скрепя сердце согласился с идеей компромисса, но по возвращении в Лондон обнаружил, что его коллеги не намерены следовать за ним, и вынужден был уйти в отставку. Таким образом, эмигрантский лагерь распадался, между тем как люблинский лагерь продолжал консолидироваться. В первых числах января 1945 г. Сталин признал Комитет национального освобождения в качестве Временного правительства Польши. Он сделал это вопреки просьбам Рузвельта не предпринимать такого шага, так как на стороне СССР снова были весомые доводы: люблинские поляки были единственными, чьи войска сражались вместе с Красной Армией и кто способен был обеспечить безопасность ее тылам[36]. С этого момента Москва, с одной стороны, и Лондон с Вашингтоном — с

другой, оказались в дипломатических отношениях с двумя разными и враждующими между собой правительствами Польши.

У англичан на шее сидело еще одно эмигрантское правительство, куда более беспомощное и дискредитировавшее себя, чем польское. Речь идет о югославском короле и его кабинете министров, полностью оттесненных от дел партизанским движением Тито и новым руководством, образовавшимся в результате этого движения. Из всех трех лидеров антигитлеровской коалиции Черчилль, вероятно, лучше, чем кто-либо иной, мог составить себе точное представление о характере и мощи партизанского движения в Югославии и о его праве на формирование нового руководства в стране[37]. Однако во главе этого движения стояли коммунисты, и этого одного было достаточно для того, чтобы Черчилль стремился отстранить их от власти. Еще большее недоверие питали к ним американцы[38]. Что касается Советского Союза, то при всех неясностях, которые могли возникать тогда в оценке обстановки в Югославии, симпатии общественности и сочувствие руководства были на стороне Тито. Весной 1944 г. в московской печати развернулась даже публичная дискуссия; в ходе нее один академик прямо поставил вопрос, не пришло ли время официально признать партизанское правительство и «отказать обанкротившейся клике в Каире (т. е. королю и его министрам. — *Прим. авт.*) в праве именовать себя правительством народа, которого она не представляет и который его не признает». В ответе академику говорилось, что он прав, но что вряд ли такие вопросы могут быть решены односторонней инициативой СССР, поскольку необходимо считаться с позицией других союзников[39].

Тито обладал преимуществом, какого не было ни у одного другого отряда европейского Сопротивления: его партизанские части реально контролировали страну, освободив подавляющую часть ее территории собственными силами. Советская дипломатическая поддержка была для него важна, но все же играла вспомогательную роль. По предложению англичан, поддержанному Москвой[40], он согласился вести переговоры с эмигрантскими кругами. После нескольких раундов переговоров и уже после того, как он обосновался в Белграде, было наконец заключено соглашение с премьер-министром эмигрантского правительства Шубашичем. Соглашение откладывало решение вопроса о монархии на последующее время, но запрещало королю возвращение в страну; предусматривало оно также образование единого правительства из представителей партизанского движения и эмигрантских кругов. Соглашение было благоприятно для Сопротивления, так как фактически закрепляло тот огромный авторитет, который оно завоевало в стране. Но против соглашения выступил король. Черчилль после этого попытался добиться внесения поправок в документ; Сталин же со своей стороны потребовал немедленного осуществления записанных в нем условий[41].

Помимо специфических вопросов, связанных с той или иной отдельной страной, между союзниками дебатировались и более

комплексные проблемы. Необходимо было заложить основы той новой международной организации, решение о создании которой было принято на Московской конференции министров иностранных дел. Первоначальная инициатива в этом деле принадлежала американцам. 21 августа — 7 октября 1944 г. в Вашингтоне на вилле Думбартон-Окс состоялась трехсторонняя конференция. Советскую делегацию на ней возглавлял молодой посол Громыко. За эти недели плодотворного труда было достигнуто соглашение почти по всем обсуждавшимся вопросам и практически вычерчено целиком здание будущей ООН — Организации Объединенных Наций. Лишь один важный пункт оставался несогласованным. Помимо Генеральной Ассамблеи ООН, где должны были быть представлены все члены этой организации, был задуман и более узкий орган — Совет Безопасности, уполномоченный принимать основные и обязательные к исполнению решения, предназначенные разрешать возможные конфликты между государствами. Постоянными членами Совета Безопасности должны были стать великие державы: Соединенные Штаты Америки, Великобритания, СССР и Китай (позже к ним была добавлена Франция). В Совет должны были избираться еще несколько стран, представляющих каждая определенный регион на определенный период времени, с тем чтобы обеспечить непрерывное чередование между ними. Спорным был пункт о системе голосования в Совете Безопасности. Следовало установить, достаточно ли для принятия решения просто большинства голосов или же сверх этого необходимо, чтобы за решение голосовали все постоянные члены Совета, то есть все великие державы. Обязательно и во всех случаях необходимо единогласие постоянных членов, отвечали советские представители. Американцы и англичане соглашались с этим принципом, но стремились ввести одно важное исключение: если одна из великих держав сама выступала в качестве стороны в конфликте, она не должна участвовать в голосовании.

Советские руководители, как и их представители в Думбартон-Оксе, еще до этого почувствовали опасение, что речь идет о создании такой международной организации, в которой их страна, будучи изолированной или почти изолированной, вынуждена будет повиноваться чужой воле. И Соединенные Штаты, и Великобритания знали, что в Генеральной Ассамблее ООН они могут рассчитывать на немалое число подручных. Для Вашингтона это были латиноамериканские страны, для Лондона — доминионы Содружества наций. В стремлении исправить подобную диспропорцию Громыко прощупывал возможную реакцию в том случае, если бы СССР потребовал принятия в ООН всех союзных республик по отдельности[42]. Не будем забывать, что из числа самых великих держав две — Китай и Франция — находились тогда в тесной зависимости соответственно от Америки и Англии, а Вашингтон, кроме того, не исключал, что к постоянным членам Совета следует добавить еще и Бразилию[43]. Право обязательного единогласия постоянных членов Совета (потом получившее обиходное название «право вето») было для Советского Союза единственной гарантией

того, что он сможет действенно защищать свои интересы в органе, где в случае расхождения с другими он заведомо оказался бы в меньшинстве. Чрезвычайно показателен в этом отношении обмен посланиями по данному вопросу между Рузвельтом и Сталиным. Первый подкрепляет свою позицию юридическим аргументом, взятым из традиции американских судов (словно принцип частного права США способен регулировать межгосударственные отношения в будущей всемирной организации). Второй выставляет в ответ довод политического свойства: согласие между великими державами — это единственная предпосылка, которая вполне позволит ООН успешно действовать в будущем[44].

Наконец, еще одна, но, возможно, самая важная проблема заботила правительства трех великих союзников: что делать с побежденной Германией? Для Советского Союза эта проблема имела не меньшее значение, чем проблема Восточной Европы, с которой она, кстати говоря, была связана. Решение в тот момент казалось относительно легко достижимым уже по той причине, что мало кто в мире тогда выступал за снисхождение к немцам. Сталин был убежден, что его союзники согласятся на демонтаж германской крупной промышленности, взрастившей военную машину гитлеризма, хотя бы во имя соображений конкурентной борьбы. «После поражения Германии, — сказал он, — она, конечно, будет разоружена как в экономическом, так и в военно-политическом отношении»[45]. Однако как в точности будет выглядеть уготованная ей участь, установлено не было.

Европейская консультативная комиссия в Лондоне наметила границы оккупационных зон для армий трех держав, причем за Советским Союзом была закреплена Восточная зона, за англичанами — Северо-западная, а за американцами — Юго-западная. Наибольшие противоречия в момент проведения этих границ возникли не между Советским Союзом и двумя другими участниками коалиции, а между Великобританией и США. В Тегеране Рузвельт и Черчилль набросали разные планы расчленения Германии. Сталин и по этому пункту предпочел слушать других, чем выдвигать собственные предложения, хотя и проявил интерес к американскому варианту. Правительство США подготовило проект, центральной идеей которого было лишить немцев их промышленности. Известный как «план Моргентау», он был парафирован Рузвельтом и Черчиллем во время их свидания в Квебеке в сентябре 1944 г. Однако вскоре после этого указанный план, предусматривавший низведение Германии до положения страны с «преимущественно земледельческой и животноводческой экономикой», натолкнулся на критику в политических кругах Вашингтона и Лондона, и его пришлось снять с повестки дня[46]. Других готовых проектов не было. У политических деятелей трех держав не было, таким образом, ясно определенных представлений насчет будущего их главного врага.

Единственный пункт, по которому Советский Союз проявил собственную инициативу, был пункт о репарациях. В качестве страны, потерпевшей наибольший урон, СССР имел право и говорить первым. В част-

ных беседах в Тегеране Сталин уже затрагивал эту сторону дела. Теперь подходило время выдвинуть более обстоятельные предложения. Советское право на репарации не оспаривалось открыто союзными правительствами, которые считали даже, что СССР мог бы потребовать использования немецкой рабочей силы для залечивания хотя бы некоторых ран, нанесенных войной его хозяйству. Вместе с тем и в Америке, и в Англии проявлялась явная тенденция к сокращению запрашиваемых Советским Союзом сумм из опасения, что советское влияние на германскую экономику сделается слишком сильным. Советские руководители сталкивались в этом отношении с неуловимо тонким препятствием, существовавшим не только между правительствами, но и между населением трех держав. Представления человека, как известно, вырастают из его личного опыта: американцу и даже англичанину было очень трудно вообразить всю ту бездну страданий, которая выпала на долю советских людей. Общественность в двух западных державах все еще не верила, что содержание периодических сообщений правительства Москвы о зверствах гитлеровцев на оккупированных территориях соответствует истине: она предпочитала считать их пропагандистскими преувеличениями[17]. Отсюда недалеко было и до мысли о том, что запрошенные размеры репараций продиктованы обостренным чувством мести. На подобные трудности Москва натолкнулась уже при выдвижении относительно скромных запросов по возмещению убытков, предъявленных мелким союзникам Гитлера.

Здесь затрагивался едва ли не самый драматически острый для Советского Союза вопрос. СССР готовился победоносно завершить войну, выступая во всемогуществе своей военной мощи, но за плечами у Красной Армии лежала истощенная и вконец разоренная страна. Советские руководители понимали, хотя и предпочитали не говорить об этом, что именно здесь коренится главный фактор их слабости по отношению к англичанам и в еще большей степени американцам. Причем масштабы этого фактора были столь велики, что для его преодоления недостаточно было и репараций. В международных переговорах стал вырисовываться еще один аспект. Уже с 1943 г. и на протяжении всего 1944 г. шло неявное зондирование и велись неофициальные переговоры относительно возможности продления ленд-лиза и после окончания войны либо предоставления американцами Советскому Союзу крупного займа для приобретения товаров в США[48]. 3 января 1945 г. Молотов предпринял наконец официальный демарш, попросив у Соединенных Штатов заем в 6 миллиардов долларов сроком на 30 лет из 2,5 процента годовых на покупку промышленных товаров. Запрос был сформулирован необычным образом. «Это была самая странная просьба о займе, какую я только получал когда-либо в своей жизни», — комментировал посол США Гарриман, являющийся также банкиром-миллиардером. Молотов обосновывал ее «неоднократными заявлениями американских государственных деятелей о желательности получения крупных и долговременных советских заказов на послевоенный период, и в частности на переходное к мирному время», изображая

дело таким образом, словно это он делал одолжение Соединенным Штатам[49]. Это был неуклюжий маневр. Возможно, что отчасти он был продиктован схематичным анализом американского капитализма, который, как считали в Москве, исходя из опыта довоенного кризиса, после войны обречен на неизбежный спад производства с миллионами безработных. Как бы то ни было, ясно, что в первую очередь то был признак сильнейшего замешательства советского министра, который знал, что, выступая в роли просителя, он обнажит всю хрупкость того могущества, которое демонстрировала его страна.

Подтверждение тому мы находим в дальнейшей истории этого запроса. Американцы ожидали, что он будет поставлен на обсуждение на предстоящей конференции глав трех держав в Ялте. Посол Гарриман в своих воспоминаниях допускает неточность, когда пишет, что вопреки ожиданиям никто об этой просьбе не заводил и речи. Как явствует из самих вашингтонских документов, Молотов говорил на эту тему со своим американским коллегой Стеттиниусом одновременно с обсуждением вопроса о репарациях, но настойчивости не проявил. Возможно, он ждал, что собеседник первым вернется к данному вопросу, чувствуя, что поступить иначе значило бы сделать уязвимой всю свою позицию на переговорах. Разумеется, это не более чем домысел, но домысел обоснованный. Сверх этого мы не в состоянии ничего сказать, так как советская сторона не опубликовала никаких документов по этому вопросу. Американские источники — единственные, какие имеются в распоряжении исследователей. Молотов тем не менее высказался в том смысле, что дело это «очень важное»[50].

Крымская конференция

Вторая встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля состоялась 4—11 февраля 1945 г. в Крыму, в курортном городе Ялта. Проведению ее предшествовала история, сходная с предысторией Тегеранской конференции. Еще летом предыдущего года Рузвельт предложил Сталину встретиться в Шотландии, но тот ответил, что не может отлучиться с поста руководителя военными операциями[51]. Позже между двумя государственными деятелями состоялся обмен посланиями относительно места проведения запланированной встречи «тройки». Сталин на этот раз утверждал, что никак не может покинуть пределы СССР по состоянию здоровья. Наконец Рузвельт согласился приехать в Крым. Тем временем, в октябре 1944 г., Черчилль предпочел самолично прибыть в Москву для встречи со Сталиным. Этот последний, однако, получил от президента США предупреждение, что беседы с премьер-министром Англии могут носить лишь характер подготовительных переговоров перед трехсторонней встречей, поскольку решение любой из стоящих в повестке дня проблем требует участия всех трех глав держав. «Вы понимаете, я уверен, — писал он, — что в нынешней всемирной войне буквально нет ни одного вопроса, будь то военный или политический, в котором не были бы заинтересованы Соединенные

Штаты»[52]. Следует иметь в виду, что, согласованно ведя войну и консультируясь между собой куда чаще, чем с Советским Союзом, американцы и англичане еще не составляли прочного блока. Между ними имелось немало разногласий, которым суждено было выйти на поверхность, в том числе и в Ялте.

В Крыму были обсуждены все рассмотренные нами выше проблемы, и для большинства из них было найдено решение. Напомним о выводах конференции пункт за пунктом. В результате прямых переговоров между Рузвельтом и Сталиным соглашение об участии СССР в войне с Японией приобрело форму официального обязательства. Советские войска должны были начать военные действия не позже, чем через три месяца после окончания войны в Европе. Взамен Сталин добился территориальных уступок для СССР. Они включали: южную часть острова Сахалин (северная была советской и до этого) и Курильские острова, военную базу Порт-Артур в Китае и объявление Дайрена открытым портом при соблюдении преимущественных интересов СССР, а также мажоритарное участие в авуарах двух главных железных дорог Маньчжурии. Тем самым восстанавливались все те права, которыми Россия обладала на Дальнем Востоке до поражения в войне с Японией в 1905 г.

Что касается системы голосования в Совете Безопасности, то соглашение было найдено на базе компромиссного предложения, выдвинутого Рузвельтом и принятого после некоторых колебаний Сталиным. По существу, «право вето» великих держав сохранялось. Однако в случае, если одна из них оказывалась участницей конфликта, но при этом в действие приводилась примирительная процедура, то эта держава не должна была прибегать к «праву вето». Если же, напротив, Совет Безопасности намеревался применить против нее санкции или принять другие обязательные к исполнению меры, то указанная держава вполне могла воспользоваться своим «правом вето». В обмен на эту уступку Сталина (которую его собеседники сочли важной[53]) СССР добился принятия в ООН двух своих республик: Украины и Белоруссии.

В отношении Югославии решено было рекомендовать участникам спора немедленно претворить в жизнь соглашение Тито — Шубашича. Новое единое правительство страны должно было затем рассмотреть два выдвинутых Черчиллем требования: расширение парламента движения Сопротивления — АВНОЮ — за счет тех депутатов прежней законодательной ассамблеи Югославии, которые не запятнали себя сотрудничеством с оккупантами, и ратификация решений этого объединенного парламента будущим Учредительным собранием.

Долгим и острым был спор о Польше. Ее восточная граница была окончательно установлена по «линии Керзона» с незначительными изменениями в пользу поляков. В виде компенсации Польша расширялась за счет Германии на севере и западе. Черчилль счел все же чрезмерным предложение Сталина о границе по Одеру и Западной Нейсе и не пожелал согласиться с ним. Наибольшие трудности возникли при обсуждении вопроса о польском правительстве. Черчилль и Рузвельт

8 Зак. № 381

уже не защищали эмигрантскую компанию в Лондоне, но не признавали и Люблинский комитет, находя его непредставительным. Они требовали, чтобы было образовано новое правительство на более широкой основе. После многократного обмена полемическими высказываниями Сталин добился, чтобы решение предусматривало просто реорганизацию люблинской группы с включением в нее других «демократических» деятелей из числа находящихся в Польше и в эмиграции на Западе. Заключительные переговоры по этому вопросу польским руководителям предстояло провести в Москве под руководством Молотова и послов Англии и США. После такого рода «расширения» польское правительство подлежало признанию трех великих держав. Но и по окончании этой операции оно все еще должно было считаться временным: вплоть до того, по мнению Сталина, недалекого момента, когда в стране смогут быть проведены по всем правилам свободные выборы.

Большое внимание было уделено Германии. Уже согласованные оккупационные зоны были одобрены главами правительств. По англо-американскому требованию было решено отвести одну зону и для Франции, выделив для этого территорию из английской и американской зон. Франции, таким образом, предстояло войти наряду с Соединенными Штатами, Великобританией и СССР в коллегиальный орган — Контрольный совет, который победители намеревались учредить в Берлине. Это тоже было уступкой Сталина двум другим союзникам. Шел разговор также о расчленении Германии, и само слово «расчленение» было вставлено в текст условий о капитуляции, которые предстояло предъявить немцам. Подлинного обсуждения этой темы, однако, не состоялось. Сталин спросил у своих собеседников, по-прежнему ли их общим намерением является расчленение Германии на несколько частей. Рузвельт мельком заметил, что решение вопроса может быть предуказано уже самим делением страны на оккупационные зоны[54]. В свою очередь Черчилль вел себя настолько уклончиво, что могло даже возникнуть впечатление, что он отказался от прежней своей позиции. Дальше этого, во всяком случае, обсуждение не пошло.

Более широко развернулись дебаты по вопросу о репарациях. Советская делегация представила свой план. На немцев по этому плану накладывалось обязательство выплатить 20 млрд. долл., половину из которых — СССР. Советские представители подчеркнули при этом, что упомянутая сумма далеко не покрывает размеров причиненных разрушений. Репарации должны были выплачиваться не деньгами, а в натуральной форме и двояким образом: путем вывоза целых промышленных предприятий и путем ежегодных поставок текущей промышленной продукции. Англичане воспротивились цифрам, назначенным советской стороной, ссылаясь на то, что опыт взимания репараций после первой мировой войны показал невозможность реального получения подобных сумм. Рузвельт занимал более примирительную позицию. Он понимал, что отказ не только оскорбит, но и насторожит московских собеседников. Он высказал весьма важный критерий принципиального характера: уровень жизни немцев не должен превы-

шать уровня жизни советского народа[55]. Американцы поэтому согласились с предложениями СССР. В заключительном протоколе были зафиксированы как их согласие, так и оговорки англичан.

На Ялтинской встрече решено было также придать постоянный характер конференции министров иностранных дел трех держав: они должны были регулярно встречаться через трех-четырехмесячные интервалы в одной из трех столиц по очереди. Были приняты наконец некоторые общие декларации. Одна из них касалась Германии. «Нашей непреклонной целью, — говорилось в ней, — является уничтожение германского милитаризма и нацизма», разоружение и роспуск всех германских вооруженных сил, уничтожение «раз и навсегда» их генерального штаба, ликвидация или взятие под контроль всей германской промышленности, которая могла бы быть использована для военного производства, устранение всякого нацистского и милитаристского влияния из общественных учреждений. Другая декларация касалась освобожденной Европы. В ней говорилось, что отдельным странам нужно помочь «уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору». На протяжении переходного периода правительства трех держав будут помогать народам в любом освобожденном европейском государстве создавать условия внутреннего мира, проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам, создавать временные правительственные власти в предвидении проведения свободных выборов[56]. Поскольку эти принципы затрагивали самую суть политических систем, они могли поддаваться разному толкованию. В них выражались, однако, те общие политические и общественные идеалы, под знаменем которых различные силы вели борьбу с фашизмом в Европе и во всем мире. Принципам этим суждено было поэтому оставить глубокий след.

В последующие годы Ялтинские соглашения будут подвергаться критике с самых разных сторон, будут изображаться чуть ли не как источник тех бед, которые еще предстоит испытать Европе и всему человечеству в целом. Более беспристрастный анализ, не делающий уступок изменчивой политической конъюнктуре, должен был бы, на наш взгляд, привести к иному выводу. Договоренности, которых удалось достигнуть в Крыму, были плодом общего стремления не подорвать столь дорогой ценой заработанную победу в такой момент, когда она была уже так близка. Эти результаты потребовали уступок от всех участников: от Советского Союза не меньше, чем от западных держав[57]. Намеченное в соглашениях мирное урегулирование основывалось на реальных и глубоких изменениях, порожденных войной, в мировом соотношении сил. Оно обладало поэтому важным политическим значением. Вопрос, которым, если уж на то пошло, можно задаться, заключается в другом: не опережали ли частично эти соглашения свое время — ведь новое соотношение сил еще далеко не консолидировалось и осознание происшедших перемен отдельными участниками союза было отнюдь не таким отчетливым, каким оно

станет много позже. Отсюда и те трудности в их практическом воплощении, которые выявятся в скором времени.

Так, политическая карта Европы, особенно ее центрально-восточной части, была нарисована заново. Эта новая карта, пускай еще только временная и не вычерченная до конца, предполагала массовые перемещения населения. Первым этого потребовал чехословацкий лидер Бенеш. Памятуя о прискорбном опыте Мюнхена, он добился принятия своего предложения о переселении в Германию из Судетской области жителей немецкой национальности. Еще летом 1944 г. Украинская и Белорусская Советские Республики заключили с польским Комитетом национального освобождения в Люблине соглашение, позволявшее переезд через «линию Керзона» всем желающим воссоединиться с собственной нацией (полякам — с Польшей, украинцам — с Украиной и т. д.)[58]. Наконец, передача Польше новых территорий, ранее входивших в состав Германии, влекла за собой — и трое участников встречи в Ялте знали это — удаление немецкого населения из этих районов (Сталин заметил, что жители сами покидали их при подходе Красной Армии[59]). То было жестокое решение болезненных проблем, но это был также единственный способ обеспечить в регионе бóльшую этническую однородность.

Ялтинская конференция повлекла за собой немедленные практические последствия. 5 апреля 1945 г. СССР денонсировал договор о нейтралитете с Японией, заключенный четырьмя годами раньше. 25 апреля в Сан-Франциско открылась учредительная конференция ООН. В Югославии начало осуществляться соглашение Тито с Шубашичем. Было образовано единое правительство, в котором первый занял пост председателя, а второй — министра иностранных дел: преобладающим в кабинете, во всяком случае, было влияние сил движения Сопротивления и коммунистов. В том же апреле югославская делегация во главе с Тито и с участием Шубашича отправилась в Москву для заключения Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Югославией[60].

В те же недели вновь обострились противоречия по наиболее серьезным из европейских проблем — польской и германской, — которые и в Ялте вызывали самые острые разногласия. Перед заседавшей под председательством Молотова комиссией по формированию нового польского правительства снова во весь рост встала дилемма, казалось было, разрешенная в Крыму. Советские руководители стремились просто к расширению Люблинского комитета (уже перебравшегося в Варшаву) и предлагали решение, аналогичное тому, которое было согласовано между Тито и Шубашичем; между тем англичане и американцы помышляли о правительстве, сформированном на основе совершенно новых критериев. В апреле Сталин положил конец промедлениям и подписал с поляками такой же договор, какой незадолго перед тем был заключен с югославами[61].

Новых успехов не удалось достичь и по вопросу о германских репарациях. Идея расчленения Германии с молчаливого согласия

всех союзников была снята с повестки дня. Именно Советский Союз перед лицом плохо замаскированного сопротивления англичан в конце марта дал знать, что рассматривает план расчленения Германии «как возможную перспективу для нажима» на немцев, а не как «обязательный план»[62]. По поводу мотивов, побудивших Сталина предпринять этот шаг, ни разу не было дано сколько-нибудь убедительных сведений. В более позднее время советские историки в угоду политическим соображениям стали утверждать, что Советское правительство всегда было противником идеи расчленения (что не соответствует истине)[63]. Вероятным представляется скорее, что Сталин руководствовался многообразными мотивами: тут были и противодействие англичан, и стремление не сорвать получение репараций со всей территории Германии (а не только из Восточной зоны), и озабоченность тем, чтобы в этой последней фазе войны (которая, как мы увидим, и без того поставила перед Советским Союзом проблемы весьма неприятного свойства) не оказаться в глазах немцев единственным непримиримо жестоким врагом.

В последние годы американские историки опубликовали исследования, показывающие, что правительство Вашингтона после Ялты действовало с целью изменить соглашения и компромиссы, достигнутые в Крыму, к невыгоде советской стороны[64]. По крайней мере по двум пунктам — польскому вопросу и вопросу о репарациях — этот вывод подкрепляется фактами. Такое же впечатление было в ту пору у советских руководителей, особенно в том, что касается Польши[65].

12 апреля 1945 г. умер Рузвельт. Его место занял вице-президент Трумэн. Нет смысла здесь вдаваться в застарелый спор о том, какую роль сыграла эта внезапная перемена в руководстве в последующей эволюции американской политики. Бесплодно задаваться вопросом, какого курса придерживался бы Рузвельт, если бы не умер. Среди советских авторов долгое время было распространено убеждение, что именно новый президент явился главным виновником ухудшения отношений между двумя правительствами[66]. На самом деле ужесточение американской позиции было обусловлено объективными и глубинными причинами. Весьма сильным стал нажим со стороны тех, кто требовал более крутого обращения с советским партнером: достаточно прочитать американские дипломатические документы той поры, чтобы убедиться в этом. Прибыв в Вашингтон, Молотов сразу же констатировал, что здесь подули ветры, куда менее благоприятные для его страны. По пути на конференцию в Сан-Франциско он встретился с новым президентом, который заговорил с ним на непривычно резком языке, чуть ли не в ультимативном тоне. Несколькими часами раньше Трумэн сказал своим сотрудникам, что если русские не желают «сотрудничать», то они «могут убираться к чертям»[67].

XIV. ПОБЕДА И ЕЕ ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ

Немцы обороняются только на Востоке

Первые тучи над победой появились еще до того, как она была завоевана, когда она была, как говорится, на расстоянии протянутой руки. Гитлер был обречен, однако политический итог войны, несмотря на только что заключенные соглашения, был еще не вполне ясен. Во многих отношениях Ялтинские соглашения носили определяющий характер, но оставались в них и немаловажные пробелы. Самый серьезный из них заключался в том, что соглашения не устанавливали окончательно судьбы Германии. С разгромом гитлеризма антифашистская коалиция теряла того «общего врага», который, по выражению Черчилля, «был, в общем-то, единственной нитью, связывавшей союз»[1]. К этой объективной причине ослабления коалиции добавлялся еще один фактор, так сказать, субъективно-конъюнктурного свойства. Предсмертные попытки немецких руководителей внести рознь в ряды противников и завязать с ними сепаратные переговоры не могли спасти то, что еще оставалось от гитлеровской Германии, но давали пищу новым подозрениям в отношениях между тремя великими державами.

Как признают все специалисты по военной истории, с марта 1945 г. сопротивление немцев англо-американским войскам постепенно угасало, сохраняя вместе с тем прежнее упорство перед советскими войсками. Берлинские главари все более оголяли Западный фронт и бросали на Восточный все, что еще могли наскрести[2]. Исследователи не раз ставили перед собой вопрос, что же побуждало руководителей рейха вести это последнее сражение в условиях практически безнадежных, когда армии противника действовали уже на территории самой Германии. Ответственность за продолжение войны при этом чаще всего возлагалась на бесноватого одиночку — Гитлера. Однако более убедительный ответ, как указывают некоторые авторы, следует искать в «мистической вере» многих политических, экономических, военных руководителей нацистского рейха в то, что «им удастся в известном смысле предвосхитить будущую НАТО и вместе с западными державами повернуть войну на Восток»[3]. В тот момент подобные расчеты были абсурдом, но, как покажут дальнейшие события, их нельзя было назвать абсолютно немыслимыми. Например, один из членов «большой тройки», Черчилль, который превосходно сознавал, на что́ возлагают свои надежды немцы, позже признавался, что главнейшей его заботой в те месяцы было остановить продвижение советских войск, или, как он выражался, «обменяться с русскими рукопожатием возможно восточнее». Политическая слабость подобных замыслов заключалась в их непопулярности: человечество присутствовало наконец при издыхании фашизма и знало, какой колоссальный вклад в достижение победы

внес советский народ. Черчилль признает, что в ту пору он чувствовал себя среди ликующих толп изолированным и непонятым. Кстати говоря, он тщательно остерегался публично провозглашать то, что думал про себя или говорил в частных беседах[4].

Дело было не только в разной степени сопротивления немцев на Восточном и Западном фронтах. Советских руководителей встревожил также один эпизод, который не мог не выглядеть подозрительным в их глазах. В конце февраля — начале марта командующий войсками СС в Италии генерал Вольф установил контакт с руководителем американской разведки в Швейцарии Алленом Даллесом с целью обсудить условия капитуляции немецких войск на Апеннинском полуострове. Вольф действовал, разумеется, не по свой инициативе, и тайная цель его демарша, как обнаружилось позже, состояла в том, чтобы гитлеровским частям, сложившим оружие в Италии, было разрешено отойти в Германию. Союзники информировали Москву об этих контактах, когда советские руководители уже получили сведения о них по своим собственным каналам; они не выдвинули возражений, но потребовали, чтобы в переговорах участвовал их представитель. Союзники ответили отказом, заявив, что речь идет о сугубо предварительных беседах и что подлинные переговоры будут происходить в штаб-квартире англо-американских войск в Казерте, где будет присутствовать и советский офицер. Отказ заставил советских руководителей думать, что за их спиной готовится заключение соглашения, по которому немцы распахнут двери перед наступающими англо-американскими армиями, но будут по-прежнему удерживать на расстоянии советские войска. Вследствие этого в конце марта — начале апреля между Сталиным и Рузвельтом состоялся обмен самыми жесткими посланиями, какие только они посылали друг другу на протяжении всей войны. Кончилось это тем, что они взаимно обвинили друг друга в получении неверной информации от собственных сотрудников[5].

Миссия Вольфа окончилась ничем. Американцы неизменно заявляют в этой связи, что вели себя честно, и на самом деле нет никаких данных, которые бы доказывали противоположное. Но после того как советское руководство было отстранено таким образом от ведения общих дел, оно решило, что может основываться лишь на информации от собственных разведывательных служб[6]. Сведения, добываемые таким путем, могли быть неточными или преувеличенными, но ведь они, как подчеркивал Сталин, совпадали с практическим поведением немцев на полях сражений. Нервозность Москвы поэтому была вполне объяснимой.

С помощью все той же зарубежной агентуры советские руководители были введены в курс дискуссий, развернувшихся в англо-американском командовании по вопросу о стратегических задачах последних недель войны. В центре споров стояло завоевание Берлина. Город находился далеко в глубине будущей Советской зоны оккупации Германии. Поэтому генерал Эйзенхауэр решил, что после

форсирования Рейна англо-американские войска продолжат наступление не на столицу, а на Лейпциг, с тем чтобы соединиться с Красной Армией на Эльбе и рассечь Германию на две части. Об этом своем решении он информировал непосредственно Сталина. Черчилль же и британские генералы стремились любой ценой достичь Берлина прежде, чем туда придут русские, и не соглашались с планом американского верховного главнокомандующего. В начале апреля, таким образом, в руках у Сталина оказались два взаимно исключающих документа: послание Эйзенхауэра и донесение советской разведки, утверждавшее, что войска Монтгомери готовятся нанести удар по Берлину[7]. Сталин высоко оценил лояльность Эйзенхауэра, но все же решил прибегнуть к хитрости. В ответе американскому генералу он одобрил его планы и одновременно заверил его, что Берлин утратил свое «прежнее стратегическое значение» и что советские войска в связи с этим направят для взятия города лишь второстепенную группировку сил[8]. В действительности же он только что подписал директиву о проведении последнего крупного наступления в этой войне — на столицу Германии.

В глазах советских людей взятие Берлина должно было служить необходимым увенчанием их победы. Дело было не только в престиже. Берлин в их руках означал гарантию того, что СССР сможет заставить других считаться со своим мнением при решении вопроса о судьбах Германии. Лишь «при взятии Берлина, — писал потом Жуков, — получили окончательное решение важнейшие военно-политические вопросы, от которых во многом зависело послевоенное устройство Германии и ее место в политической жизни Европы». Участь германской столицы, по мнению того же маршала, с которым соглашаются и западные мемуаристы, была окончательно решена в тот момент, когда советские армии пошли в наступление с плацдарма на Одере[9]. Пожалуй, опасения, что союзники придут в Берлин раньше советских войск, были тогда чрезмерными; причем примечательно, что среди военных они были распространены больше, чем среди политических деятелей[10]. Однако в нагромождении слухов, сопровождавших крах гитлеровского рейха, то были не совсем безосновательные опасения.

Упорство, с каким немцы продолжали сражаться против русских, одновременно прекращая сопротивление на Западе, объяснялось не только политическими расчетами их предводителей. Действовал и владеющий населением страх, который частично был следствием многолетней антикоммунистической пропаганды, но в еще большей мере был продиктован ожиданием возмездия за содеянные немцами преступления в России. С другой стороны, у советских бойцов было объяснимое желание мести: многие из них по собственному опыту знали, что́ такое немецкая оккупация. «Да, смерть — за смерть, да, кровь — за кровь; за горе — горе...» — писал незадолго до того поэт Твардовский[11]. Эренбург заявлял: «Возмездие началось. Оно будет доведено до конца... А для меня — для советского гражданина,

для русского писателя, для человека, который видел Мадрид, Париж, Орел, Смоленск, — для меня величайшее счастье топтать эту землю злодеев и знать: не случай, не фортуна, не речи и не статьи спасли мир от фашизма, а наш народ, наша армия, наше сердце, наш Сталин»[12].

Однако же именно Эренбург был избран Сталиным мишенью для критики, косвенной целью которой было дать знать немцам, что, одержав победу, СССР сумеет проявить великодушие и что его политика по отношению к ним будет продиктована не одним лишь стремлением к расплате за все. Это было в тот момент, когда Москва только что отказалась от планов расчленения Германии. Накануне наступления на Берлин, 14 апреля, «Правда» опубликовала пространную статью одного из новых партийных деятелей, Александрова, который обвинял Эренбурга в «упрощениях». Обвинений, по сути дела, было два. Первое — что немцы изображались им как «единая колоссальная шайка»; этот тезис помогал гитлеровцам удерживать соотечественников под своим влиянием и побуждать их к отчаянному сопротивлению. Второе же заключалось в том, что, по словам Эренбурга, немцы оголяли Западный фронт и усиливали Восточный именно из страха расплаты за свои преступления: этому факту, утверждал Александров, «нужно дать совсем другое объяснение»[13].

Целью статьи было дать понять не только врагу, но и советским солдатам, что теперь, несмотря на все прошлое, необходимо проводить различие между немцами и нацистами. В этом же направлении была развернута и пропагандистская работа в армии. Но газетная полемика выглядела малосущественной деталью на фоне действительности военного времени. Выпад против Эренбурга был неблагородным не столько потому, что в статье «Правды» неточно был отражен дух его выступлений (кстати говоря, аналогичных тем, которые публиковали многие советские газеты), сколько потому, что он всегда служил излюбленной мишенью для гитлеровской пропаганды*. Но статья Александрова была не только неблагородной, а и неэффективной. Слишком ясно всем было, комментировал впоследствии сам Эренбург, что «реки крови не бутылка чернил»: для устранения ненависти, накопившейся в Восточной Европе по вине Гитлера, требовалось нечто куда более серьезное[14].

Взятие Берлина

Наступление на Берлин началось 16 апреля. Тремя днями раньше советские войска, сражавшиеся на южном фланге фронта и неза-

* По сей день утверждают, будто Эренбург призывал «насиловать немок». В годы войны это приписывал ему главарь фашистской пропаганды Геббельс. Эренбург не только сам всегда отрицал это (см. *Илья Эренбург*. Собр. соч. в девяти томах, т. 9, с. 434); ничего похожего не удалось найти и нам во всех его просмотренных нами газетных статьях военного времени.

долго перед тем отразившие последнее немецкое контрнаступление в Венгрии, вступили в Вену. В штурме германской столицы, план которого был утвержден 1 апреля на узком совещании у Сталина, участвовали армии трех фронтов: 1-го Белорусского, который под командованием Жукова занимал центральный участок полосы наступления; 2-го Белорусского под командованием Рокоссовского, наступавшего севернее, и 1-го Украинского, которым командовал Конев. Их подстегивала необходимость торопиться, чтобы одним ударом меча отсечь узел последних политических комбинаций, затевавшихся немцами. Наступление началось еще до того, как армии Рокоссовского, только что завершившие бои в Померании, успели произвести перегруппировку и подготовиться к операции[15]. В первый момент Сталин хотел доверить задачу взятия Берлина одному Жукову, но некоторые военачальники возражали, и он оставил открытой возможность того, что танковые армии Конева при благоприятных обстоятельствах тоже повернут на север для нанесения удара по Берлину с южного и юго-западного направлений[16].

Руководство операцией по овладению Берлином представляло для Жукова официальное признание его первенства среди выдающихся советских полководцев. Битва, однако, мало что добавила к его военной славе. То была, по его собственному признанию, «одна из труднейших операций второй мировой войны». Красной Армии она стоила огромных потерь: примерно 300 тыс. человек убитыми и ранеными[17]. Под Берлином агонизирующая германская армия сопротивлялась с безоглядным упорством. С конца января, когда советские войска вышли на Одер, у немцев было время укрепить подступы к городу. Жуков начал штурм глубокой ночью, при свете прожекторов. Но эффект неожиданности был относительным. За Одером его дивизии натолкнулись на грозные укрепления Зееловских высот, прикрывавших столицу; преодолеть это препятствие им удалось лишь на третий день.

Руководство операцией со стороны Жукова впоследствии стало предметом суровой критики некоторых прославленных генералов, бывших тогда у него в подчинении. Вероятно, в стремлении поскорее добиться победы он действительно допустил чрезмерное скопление танковых и пехотных дивизий в узкой полосе наступления, из-за чего войска, мешая друг другу, двигались медленнее, чем могли бы[18]. Более успешным было наступление Конева, которому не приходилось штурмовать город в лоб. Преодолев реку Нейсе, его фронт смог прорвать линию вражеской обороны и ввести в прорыв танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко, которые в свою очередь получили приказ Сталина наступать на Берлин. 20—21 апреля войска Конева и Жукова почти одновременно достигли окраин германской столицы[19].

Собственно штурм города начался 25 апреля. В этот же день другие соединения Конева достигли Эльбы и в окрестностях Торгау установили контакт с американскими частями из армий генерала

Брэдли: союзники пожали друг другу руки в самом сердце Германии. В Берлине же советские войска, охватив город со всех сторон, медленно продвигались к центру, ведя бои за каждую улицу и каждый дом. Немцы цеплялись за любое из тех многочисленных препятствий, которыми изобилует такой крупный город, как Берлин, каналы, железнодорожные насыпи и платформы, метрополитен и другие подземные коммуникации. В укрепленные бастионы превращались крупные здания, их чердаки и подвалы. Эта отчаянная оборона подавлялась шаг за шагом. Ликвидация некоторых очагов сопротивления потребовала затяжных боев. Наибольшую известность приобрело сражение за рейхстаг, которое длилось 29 и 30 апреля. К вечеру второго дня, когда на нижних этажах еще шел бой, два советских сержанта водрузили Красное знамя на огромном куполе дворца. Теперь немцы удерживали лишь небольшое пространство в центре города, где размещались правительственные учреждения.

В ночь на 1 мая в штаб Чуйкова явился генерал Кребс, с тем чтобы от имени Геббельса начать переговоры о перемирии — единственные сепаратные переговоры с советской стороной, о которых известно историкам. Именно Кребс объявил советским представителям, что Гитлер несколькими часами раньше покончил жизнь самоубийством вместе со своей женой Евой Браун*. После лихорадочных консультаций с Жуковым и Сталиным Кребсу было заявлено, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции[20]. С этими инструкциями он был отослан обратно; немного спустя и Геббельс, и Кребс покончили жизнь самоубийством. Капитуляция остатков берлинского гарнизона состоялась утром 2 мая по приказу его последнего командующего, генерала Вейдлинга.

Однако войне на Востоке суждено было затянуться еще на несколько дней: предстояло освободить западную часть Чехословакии, где оставалась пока немецкая группировка численностью около миллиона человек. Еще 28 апреля Сталин позвонил Коневу и как бы мимоходом спросил у него: «Как вы думаете, кто будет брать Прагу?»[21]. Советские войска продвигались к чехословацкой столице с юга, востока и севера. Ближе всех, однако, к ней были американские войска. Прага между тем находилась к востоку от той демаркационной линии, которая была согласованно установлена союзниками в качестве водораздела между зонами действия соответствующих армий. Немцы старались сдержать наступление советских войск

---

* Для доказательства смерти Гитлера понадобились сложные поиски, и советские руководители, начиная со Сталина, долгое время подозревали, что главарь нацизма остался жив и скрывается в подполье (см. *R. E. Sherwood*. La seconda guerra mondiale nei documenti segretti della Casa Bianca. Milano, 1949, v. 2, p. 518—519, 539; и *Г. К. Жуков*. Воспоминания и размышления. М., 1949, т. 2, с. 368). Труп фюрера был найден в обугленном состоянии, совершенно неузнаваемым: опознание стало возможным лишь после продолжительных исследований и в особенности изучения нескольких запломбированных зубов (документальный рассказ об этих изысканиях см. *Elena Rzhevskaya*. La fine di Hitler fuori dal mito e dal romanzo giallo. Milano, 1965; *Lew Besymenskij*. La morte di Hitler. Milano, 1969).

и сдаться американцам. Конев отклонил предложение Брэдли двинуть к Праге американские части[22]. 5 мая город восстал. Однако повстанцам пришлось пережить тяжелые часы, когда немцы предприняли попытку подавить восстание, угрожавшее отрезать им пути отступления на запад. Коневу вместе с тем требовалось время, чтобы перегруппировать свои войска, участвовавшие в штурме Берлина: его армии смогли начать наступление на Дрезден и далее — к столице Чехословакии — лишь 6 мая. Танковые колонны 1-го Украинского фронта прибыли в Прагу 9 мая и были триумфально встречены населением.

В западной части Чехословакии нашли конец и остатки коллаборационистской армии Власова. Теперь это были просто банды отчаявшихся людей, у многих из которых за плечами было кроваво-жестокое прошлое. Провалившаяся попытка Гиммлера придать им осенью 1944 г. видимость «самостоятельной» армии была частью тех маневров, которые призваны были стимулировать пересмотр политики западных держав в «антибольшевистском» ключе. В последние дни войны власовские части в еще большей мере, чем немецкие, переживали процесс распада, а их личный состав отчаянно стремился сдаться в плен американцам. Кое-какие подразделения власовцев попытались было примкнуть к участникам Пражского восстания, другие в полной растерянности блуждали в лесах. Большая часть их была захвачена советскими войсками: среди них был и сам Власов[23]. Позже его доставили в СССР, где над ним состоялся суд, после которого он был повешен вместе со своими главными приспешниками.

Капитуляция Германии

И вот настал наконец великий день капитуляции Германии. Гитлер перед смертью передал свои полномочия адмиралу Деницу, которого не было в Берлине: он находился на севере Германии. Дениц предпринял еще одну попытку достичь сепаратного соглашения с англичанами и американцами. Капитуляция, было заявлено ему в ответ, может быть только всеобщей. После этого в ночь с 6 на 7 мая генерал Йодль подписал в штаб-квартире Эйзенхауэра в Реймсе акт безоговорочной капитуляции перед всеми державами-победительницами. Памятуя о прецедентах, Сталин не удовлетворился этим жестом. Он потребовал, чтобы капитуляция была подписана в Берлине в присутствии представителей всех союзных армий, и в первую очередь Жукова. Исполненная суровости церемония состоялась в бывшей столице фашистского рейха в ночь с 8 на 9 мая. На этот раз от имени немцев подпись поставил генерал Кейтель. От союзников присутствовали англичанин Теддер, американец Спаатс и француз де Латр де Тассиньи. Истинным моментом капитуляции в Советском Союзе неизменно считают только этот момент[24].

В Москве сообщение было передано поздно ночью. Мало кто

спал в столице. Едва услышав новость по радио, люди стали выходить на улицы. Начался день ликования. Мужчины и женщины плакали, смеялись, пели, обнимались. Военных несли на руках, подбрасывали в воздух. Этот взрыв энтузиазма был чем-то вроде коллективного вздоха облегчения. Кошмар окончился. У каждого он оставил воспоминания о потерях и лишениях. «Это был, — скажет потом очевидец, — необычный день и в своей радости, и в печали...»[25]. Вечером Сталин произнес по радио краткую речь. Эхом откликнулись на его слова тридцать залпов тысячи артиллерийских орудий, сопровождаемых взрывом праздничного фейерверка.

Позже в Москве состоялось более официальное и организованное чествование вооруженных сил. 24 июня на Красной площади состоялся военный парад, на котором каждый из фронтов был представлен сводным полком, состоящим из наиболее отличившихся офицеров и солдат. Именно тогда 200 офицеров бросили 200 вражеских штандартов к подножию Мавзолея Ленина, с трибуны которого Сталин и другие высшие партийные руководители принимали парад. То были дни, когда командующие Красной Армией получали обильные почести и награды. Но сразу же после этого, 26 июня, специальным указом было учреждено «высшее воинское звание» Генералиссимуса, присуждаемое «за особо выдающиеся заслуги перед Родиной в деле руководства всеми Вооруженными Силами государства во время войны». Формулировка предполагала одного-единственного кандидата — днем позже новое звание было присвоено Сталину[26].

СССР вышел победителем из смертельного поединка. Планировавший уничтожение Советского Союза Гитлер вынужден был отравиться, чтобы не попасть в руки тех самых солдат, которых он третировал как «недочеловеков». Германия была наголову разгромлена. Ее имперские амбиции привели к тому, что сама немецкая территория была оккупирована армиями держав-победительниц. Фашизм был побежден. Советский Союз внес в достижение этой победы не только самый большой вклад кровью и военными усилиями. СССР сумел стать выразителем идеи необходимости самого широкого единства антифашистских сил в мире и тем оказал решающее содействие достижению этой цели. Вторая мировая война завершалась более радикальными результатами, чем первая, и СССР с полным правом занял свое место среди великих держав-победительниц.

Вместе с тем ни время, ни другие обстоятельства не позволяли упиваться победой. Дело было не только в том, что внутреннее положение страны оставалось тяжелым. Трения, взаимные подозрения, плохо скрытые разногласия, сопровождавшие продвижение победоносных армий в глубь Германии, представляли собой не преходящие явления, а первые тревожные признаки начавшегося уже процесса распада антифашистской коалиции. Мировая общественность еще мало что могла разглядеть, особенно в Советском

Союзе, где люди всегда получали лишь строго официальную информацию. Но и их чуткое ухо улавливало отзвуки все более частых полемических выступлений печати по поводу Польши, Греции, Югославии, послевоенного устройства в Европе и возможного возникновения на континенте «западного блока»[27]. Именно эти проблемы более всего занимали в тот период внешнеполитические ведомства трех держав-победительниц, порождая подспудную, но постоянно нарастающую натянутость в отношениях между ними.

Правда, коалиция была слишком крупным историческим фактом, чтобы теперь, когда ее главная цель была достигнута, она могла развалиться вот так, в течение нескольких дней или недель: слишком выстраданным было участие в ней народов и слишком весомыми взаимные обязательства продолжить сотрудничество и в мирное время. На какой-то момент отношения между союзниками, видимо, вернулись к лучшим временам военного сотрудничества: это произошло в конце мая, когда в Москву в последний раз приехал с дипломатической миссией Гарри Гопкинс. Бывший советник Рузвельта был тяжело болен: считанные месяцы спустя он последовал в могилу за покойным президентом. Обеспокоенный тем, что «на протяжении последних недель враждебность американской общественности (к Советскому Союзу. — *Прим. авт.*) настолько усилилась, что возникла серьезная угроза отношениям между нашими двумя странами», он провел со Сталиным целую серию бесед. Отмеченные большой откровенностью обеих сторон, они продолжались с 26 мая по 6 июня[28]. Их успеху, конечно, способствовала сердечность личных отношений между их участниками, но главное заключалось в точном соблюдении собеседниками духа и буквы Ялтинских соглашений.

В ходе встреч Гопкинса со Сталиным и Молотовым были устранены препятствия, мешавшие успешному завершению конференции в Сан-Франциско. 26 июня состоялось принятие Устава ООН и тем самым учреждение самой этой международной организации. С мертвой точки было сдвинуто и решение польского вопроса. После кратких переговоров между польскими деятелями при посредничестве образованной в Ялте англо-советско-американской комиссии 22 июня в Москве было сформировано правительство национального единства, в котором представители уже обосновавшегося в Варшаве Временного правительства обладали неоспоримым большинством. Согласовано было наконец и решение о проведении новой встречи глав трех держав-победительниц: она должна была состояться в середине июля неподалеку от Берлина, в Потсдаме.

Потсдамская конференция

Последняя конференция высших руководителей антифашистской коалиции, собравшаяся в Потсдаме, была и самой продолжительной: она длилась с 17 июля по 2 августа. По своему характеру она весьма отличалась от предыдущих: Тегеранской и Ялтинской. Иным

стал состав ее участников. Вместо Рузвельта был Трумэн. Черчилля сопровождал лидер лейбористской партии Эттли, который в разгар работы конференции занял его место, поскольку его партия победила на состоявшихся в те дни парламентских выборах в Англии. Лишь советская сторона была представлена теми же лицами. Как это видно даже из официальных протоколов[29], переменился и тон выступлений: он стал более резким, менее терпимым, порой язвительным. «Большой тройке» приходилось теперь обсуждать уже не вопросы ведения военных действий в Европе, а исключительно политические проблемы. За полгода, прошедшие после Ялты, шансы на достижение соглашения стали куда более зыбкими.

Центральной темой Потсдамских решений была Германия. Отказавшись от проектов ее расчленения, правительства трех держав должны были теперь согласовать принципы совместной политики по отношению к этой стране, оккупированной их войсками. Прежде всего было решено не ограничивать военную оккупацию никакими сроками. Некоторые проблемы возникли уже в день победы. Так, американцам предстояло отвести свои войска из Тюрингии и Саксонии, куда они вступили, преследуя противника, между тем как эти районы составляли часть запланированной Советской оккупационной зоны. Взамен США получали возможность наряду с другими оккупирующими державами, Англией и Францией, ввести войска в отведенный им сектор Берлина[30]. Большую настороженность в Москве вызывала та медлительность, с какой англичане осуществляли разоружение сдавшихся им немецких частей: некоторые из них сохранялись в состоянии боеготовности на протяжении определенного времени в угоду замыслам Черчилля, который не исключал, что они смогут пригодиться ему в качестве орудия давления на Советский Союз[31]. Германией должен был управлять Союзный контрольный совет в составе четырех командующих оккупационными войсками. Потсдамская конференция установила политические и экономические «принципы», которыми должны были определяться решения этого органа: по своему общему духу они повторяли идеи Ялты, но в более детализированном виде.

Обращение с немецким населением должно было быть «по мере возможности» единым на территории всей Германии. Как вооруженные силы, так и любые военизированные ассоциации в стране подлежали роспуску и ликвидации, «дабы навсегда предупредить возрождение германского милитаризма и нацизма». Признавалось необходимым вырвать эти явления с корнем из жизни немецкого народа. Все вооружения подлежали уничтожению, а их производство — запрету. Запрещена была национал-социалистская партия со всеми ее институтами; противозаконной объявлена пропаганда ее идей, особенно в школе; упразднены введенные нацистами законы, а руководители и военные преступники подлежали аресту и суду. Пока не предусматривалось никакого центрального правительства для Германии. Управление страной следовало децентрализовать.

Решено было принять меры к поощрению демократической жизни, которую предстояло постепенно укрепить путем организации политических партий, профсоюзов, свободной печати и выборной местной администрации. Некоторые общегерманские ведомства решено было все же создать: они должны были действовать под контролем оккупационных властей и их компетенция должна была ограничиваться лишь определенными сферами общественной жизни.

С экономической точки зрения Германия должна была рассматриваться как единое целое. Предприятия военной промышленности подлежали закрытию, а все виды производства, которые могли служить военным целям, поставлены под контроль и ограничены. Промышленность следовало изъять из-под господства узкого круга лиц путем ликвидации всех монополистических объединений: трестов, картелей и т. п. Уровень жизни немцев не должен был превышать средний уровень жизни других европейских народов. Общегерманские ведомства предстояло создать для руководства оставленными отраслями и предприятиями, с тем чтобы сами немцы — разумеется, под контролем союзников — занимались вопросами сельского хозяйства, транспорта, финансов, заработной платы, внешней торговли и т. п. Вся программа в целом была проникнута той идеей, что немецкому народу необходимо дать понять, что он не может перекладывать на других ответственность за последствия войны, которую он развязал, слепо следуя за своими вождями[32].

Правила эти были приняты в Потсдаме без долгих дискуссий, настолько неоспоримыми они выглядели в свете пережитого за время войны миллионами людей, в свете идей антифашистского движения Сопротивления. В этих принципах была намечена единая политика, которая могла бы послужить основой длительного сотрудничества держав-победительниц. Но их практическое применение предполагало сохранение единой политической воли, а именно этот пункт в Потсдаме выглядел наиболее проблематичным. Стоило участникам конференции перейти от общих положений, вытекавших из самой природы только закончившейся войны, к рассмотрению конкретных вопросов, как на каждом шагу стали возникать острые разногласия. Решения, которые в конце концов были приняты по отдельным пунктам, уже содержали в себе зародыши будущего раскола Германии и Европы. В этом смысле они — даже если участники Потсдамской встречи и не осознавали этого полностью — уже тогда противоречили тому единому курсу, который они пытались выработать для своей политики по отношению к Германии.

Наиболее отчетливо эта тенденция выявилась в вопросе о репарациях. К моменту Потсдамской конференции американцы отказались от согласованной в Ялте позиции и перешли на сторону англичан, оспаривавших советские запросы. Дебаты по этому пункту на протяжении многих дней оставались бесплодными. Наконец было намечено соглашение, но на основе весьма невыгодной для СССР формулы. Никаких цифр установлено не было. Просто было решено, что СССР

получит возмещение своих убытков за счет собственной зоны оккупации Германии и германского имущества в других странах Восточной Европы. За счет этих же средств Советский Союз должен был позаботиться об удовлетворении польских требований. Из западных зон Германии Советскому Союзу причиталось получить лишь 25 % оборудования и установок, подлежащих демонтажу; причем 10 — безвозмездно, а остальные 15 % — в обмен на поставку продовольственных товаров и сырья все из той же отведенной СССР оккупационной зоны[33]. Поскольку никто заранее не мог определить, сколько и каких именно немецких предприятий будет демонтировано на западе Германии, практически объем этой части репараций оказывался величиной крайне расплывчатой и, как выяснилось позже, трудно реализуемой. Восточная Германия, будучи в два раза меньше Западной и куда менее богатой, чем она, в одиночку должна была вынести бремя выплаты репараций Советскому Союзу и Польше — двум странам, наиболее пострадавшим от войны. Так создавалась одна из тех диспропорций, которые с самого начала делали невозможным проведение единой экономической политики по отношению к Германии.

Сталин пошел на такое решение лишь в самые последние часы конференции, когда было уже ясно, что большего ему не добиться. Проект решения входил в «пакет» предложений, выдвинутых американцами под занавес конференции с целью одним ударом разрешить все главные проблемы, по которым так и не было найдено соглашения. Трумэн и его новый министр иностранных дел Бирнс сформулировали свое предложение в таком тоне, который если и не был ультимативным, то, во всяком случае, исключал возможность каких бы то ни было уступок с их стороны[34]. В виде компенсации англо-американский «пакет» содержал согласие на решение другой чрезвычайно важной для Сталина проблемы: в соответствии с советскими предложениями на Ялтинской встрече и требованиями делегации нового варшавского правительства, специально прибывшей в Потсдам, западная граница Польши устанавливалась по Одеру и Западной Нейсе (окончательная ратификация этой, как и всех других границ Германии, должна была произойти с подписанием мирного договора).

Данный пункт был для Сталина стержнем всей его польской политики. О его важности свидетельствовало уже такое обстоятельство, что еще до Потсдама Сталин пошел на то, чтобы поставить союзников перед свершившимся фактом, и передал варшавской администрации все немецкие земли до Одера и Нейсе. Это соответствовало самой сердцевине его концепции «сильной и независимой» Польши, то есть Польши, как бы смещенной на запад в том смысле, что поляки, покидавшие старые восточные земли, отошедшие к СССР, получали возможность обосноваться в новых районах, откуда предстояло изгнать немцев. Эта новая Польша мыслилась как этнически однородная, обладающая солидной экономической

базой в виде Силезии, нацеленная против Германии и способная оборонять границы славянского мира в случае возрождения агрессивных поползновений Германии.

Пример с польской границей был показательным и для всей ситуации, сложившейся в Потсдаме. Советскому Союзу пришлось выступать на конференции в качестве выразителя интересов, а в некоторых случаях и защитника требований тех стран Восточной Европы, которые были освобождены его войсками. Англичане и американцы выступали с противоположных позиций. Тревожным был уже сам тот факт, что в Потсдаме гораздо больше говорилось о Восточной Европе, нежели о Западной, хотя многие политические и экономические проблемы стояли в тот момент одинаково остро для обеих частей континента. Дело было в том, что на обсуждении восточноевропейских проблем настаивали англичане и американцы, между тем как советская делегация воздерживалась от того, чтобы требовать обсуждения обстановки в западноевропейских странах. Подобная настойчивость союзников чаще всего публично обосновывалась тем, что на Востоке неважно обстояло дело с демократией. Довод этот, однако, зачастую выглядел надуманным. В одном из своих посланий Трумэну Черчилль уже заговорил о «железном занавесе» от Любека до Триеста[35], разделившем Европу надвое. По другую сторону этой линии, по его словам, все было мраком независимо от того, шла ли речь о Югославии или Венгрии, Румынии или Чехословакии — особых различий между этими странами не признавалось. Западные политики с готовностью прислушивались к жалобам и уступали нажиму общественно-политических групп, ощущавших, что их дело в восточноевропейских странах проиграно; при этом в Лондоне и Вашингтоне не слишком обращали внимание на социально-политический облик этих групп. Самым показательным примером могла служить Югославия, где западные союзники переходили теперь к поддержке противников Тито[36].

Когда Сталин в Потсдаме поднял вопрос об И[illegible]ании, Черчилль отверг перспективу каких-либо совместных действий против фашистского режима Франко под предлогом того, что не следует вмешиваться во внутренние дела других стран. Однако, противореча самому себе, он настаивал на том, чтобы сообща призвать югославское правительство изменить свою политику (требование это осталось без последствий из-за советской оппозиции)[37]. Англичане и американцы выступали в Потсдаме с жалобами по поводу того, что происходит в Румынии и Болгарии, но проявляли глухоту (в особенности англичане) к советским протестам по поводу событий в Греции, хотя, как подчеркивал Молотов, в Греции дело дошло уже до гражданской войны, между тем как ничего подобного не наблюдалось в других Балканских странах[38]. Наконец, Трумэн выдвинул предложение насчет послаблений в условиях перемирия для Италии и высказал пожелание, чтобы Италия была принята в ООН. Сталин ответил согласием, но потребовал, чтобы аналогичный жест был

сделан и по отношению к Финляндии, Румынии, Болгарии и Венгрии. В заключительном документе это требование было удовлетворено, но, чтобы добиться этого, советской делегации пришлось преодолеть упорнейшее сопротивление[39]. Если добавить ко всем этим эпизодам уже упоминавшееся решение о репарациях, по которому даже германским имуществом за границей Советский Союз мог пользоваться только в пределах Восточной Европы, то вырисовывается очень отчетливая общая тенденция: в Потсдаме был сделан новый крупный шаг вперед по пути к тому жесткому разделу Европы на сферы влияния, который был до того намечен лишь в самых общих чертах.

Были, правда, приняты на конференции и кое-какие решения, отчасти идущие вразрез с этой тенденцией. По предложению американцев был учрежден Совет министров иностранных дел с привлечением к его работе также представителей Китая и Франции. Первой его задачей должна была стать подготовка мирных договоров с побежденными государствами, начиная с Италии. Новый постоянный орган должен был действовать как бы параллельно с регулярными встречами глав внешнеполитических ведомств трех держав, о которых было принято решение в Ялте (на практике, правда, такое совмещение оказалось невозможным). Одновременно была распущена Европейская консультативная комиссия, находившаяся в Лондоне[40]. Главы трех правительств договорились о разделе военного и торгового флота Германии. Но многие другие вопросы остались открытыми. Что касается участи Дарданелл, в решении которой были очень заинтересованы советские руководители, то по взаимному согласию было заявлено о необходимости пересмотра конвенции, подписанной в Монтрё, однако принципы и формы такого пересмотра откладывались до последующих переговоров[41].

По своим итогам Потсдамская встреча выглядит самой противоречивой из встреч «большой тройки». Коалиция доживала свои последние часы, но возобладавший во время войны дух единства еще не рассеялся до конца. В то же время уже явно давали знать о себе элементы будущих столкновений и размежеваний. Отсюда двойственный характер результатов. Там, где лидеры коалиции оставались верными установкам, выработанным во время войны, и принимали решения в русле, намеченном в Ялте, этим решениям — как и Ялтинским — суждено было остаться в качестве прочных основ всей последующей политической жизни Европы. Там же, где главы союзных государств брались за решение новых, еще недостаточно разработанных в ходе прежних консультаций проблем, реального продвижения вперед не произошло. В особенности это относилось к Германии.

Атомная бомба и война с Японией

В дни Потсдамской конференции произошло одно новое событие, оказавшее влияние уже и на работу «большой тройки», но призванное в будущем куда более мощно воздействовать на все политические отношения в мире. Вечером 16 июля, накануне открытия конференции, Трумэн получил из США краткое сообщение. В четырех строках говорилось, что в пустыне штата Нью-Мехико с успехом произведен взрыв первой атомной бомбы. Несколько дней спустя пришло более обстоятельное донесение, в котором описывалась вся чудовищная мощь нового оружия[42]. По свидетельству самых авторитетных наблюдателей, поведение Трумэна сразу сделалось более жестким и решительным[43]. 24 июля по окончании дневного заседания он подошел к Сталину и, отведя его в сторону, сообщил, что Соединенные Штаты произвели эксперимент с новым типом оружия (каким именно типом, Трумэн не уточнил), превосходящим любое другое. Все западные источники сходятся в том, что Сталин не повел и бровью, не задал никаких вопросов. Он ограничился тем, что поздравил президента США и высказал пожелание, чтобы новое оружие «было с успехом применено против Японии»[44].

Советские свидетельства об этом эпизоде интереснее, хотя и носят более противоречивый характер. Маршал Жуков рассказывает, что, вернувшись к себе в резиденцию, Сталин передал Молотову содержание краткого разговора с Трумэном. Молотов комментировал: «Цену себе набивают». Сталин, если верить автору, ответил на это: «Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы». Присутствовавший при этом Жуков понял, что речь шла об атомной бомбе[45]. Этой не до конца убедительной версии маршала противоречит версия генерала Штеменко. По его словам, генерал Антонов, возглавлявший в то время Генеральный штаб и в этом качестве присутствовавший в Потсдаме, также был посвящен Сталиным в суть разговора с Трумэном. «Но ни у Антонова, ни, по-видимому, у самого Сталина не возникло впечатления, что речь идет об оружии, основывающемся на совершенно новых принципах, — пишет Штеменко. — Как бы то ни было, Генеральному штабу не было дано никаких дополнительных указаний»[46].

Понял ли Сталин, что́ представляло собой новое оружие или не понял — сомнения советских руководителей могли продолжаться лишь несколько дней. 6 августа сброшенная американцами на Хиросиму атомная бомба полностью разрушила этот японский город. Пользуясь удачным выражением одного английского ученого, можно сказать, что с этого момента все споры велись о том, была ли эта бомбардировка «последним военным актом второй мировой войны или же первой крупной дипломатической операцией» в «холодной войне» против СССР[47]. В действительности — и в этом состоит политическая суть дела — бомбардировка Хиросимы представляла

собой одновременно и то и другое. Лидерам западных держав было ясно, что новое оружие дает в руки США колоссальной мощи орудие давления: в особенности давления на СССР[48]. Разумеется, не ускользало это и от советских руководителей.

Непосредственным результатом применения атомного оружия явилось то, что оно сразу же принизило важность советского участия в войне с Японией. Можно понять в этой связи, почему советские историки и мемуаристы в дальнейшем всегда отрицали, что самой по себе бомбардировки Хиросимы могло быть достаточно, чтобы заставить Токио капитулировать[49]. Кстати говоря, американцы в Потсдаме отнюдь не отказались от настойчивых просьб о скорейшем вступлении Советского Союза в войну. В глазах мировой общественности, однако, все выглядело иначе. Вторая американская бомба взорвалась над Нагасаки 9 августа. Лишь в этот день советские войска открыли военные действия в Маньчжурии. Началось как бы краткое — и относительно нетрудное — азиатское приложение к той долгой войне, которую СССР выдержал в Европе.

Когда Сталин дал обещание принять участие в войне на Дальнем Востоке, и позже, когда его полководцы принялись планировать новую кампанию, никто в Москве не мог вообразить, что предстоит довольно легкое предприятие. Предусматривались, напротив, многочисленные трудности: удаленность театра военных действий от главных центров страны, обширность и необжитой характер местности, где предстояло вести бои, высокая боеспособность японской Квантунской армии, противостоящей советским дивизиям[50]. Разработка стратегических планов началась сразу же после Ялтинской конференции: до этого Генеральный штаб ограничился лишь примерным подсчетом средств, необходимых для этой войны. В апреле началась переброска войск с германского фронта на Дальний Восток: всего из Европы в Азию были доставлены четыре армии[51]. Вооруженные Силы, таким образом, тщательно готовились к выполнению новой задачи.

Безотносительно к обязательствам, взятым на себя Сталиным перед союзниками по коалиции, участие в войне против Японии отвечало некоторым глубинным интересам СССР, которые отнюдь не исчерпывались территориальными приобретениями, согласованными в Ялте. Можно сказать, что с 1918 г. Япония всегда представляла угрозу дальневосточным границам Советского Союза — угрозу, сделавшуюся особенно острой после 1931 г., когда японцы завершили завоевание Маньчжурии. Несмотря на договор о нейтралитете, страх перед японским ударом в спину неотвязно преследовал Москву в трагические месяцы 1941 г. Вопреки своему союзу с гитлеровской Германией Япония, правда, так ничего и не предприняла против СССР. Но советские руководители были убеждены — и вполне обоснованно, — что такая пассивность Японии была обусловлена отнюдь не благожелательным отношением к СССР, а, скорее, теми поражениями, которые немцы потерпели в решающий момент их

наступления. Советские руководители были настолько глубоко убеждены в этом, что на протяжении всей войны продолжали держать довольно внушительные — хотя и меньшие, чем прежде, — войска для защиты своих границ на Дальнем Востоке[52]. Совместное с американскими и английскими армиями участие в азиатской войне позволяло теперь нанести опасному противнику такой удар, от которого он не скоро смог бы оправиться.

Вступлению СССР в войну против Японии предшествовала напряженная дипломатическая работа. Ялтинскими соглашениями предусматривалось, что американцы выступят в качестве посредников между Советским Союзом и китайцами с целью убедить последних принять те условия послевоенного урегулирования, которые касались их страны. Но Москве пришлось вести и прямые переговоры с правительством Чан Кайши. Это были непростые переговоры: начавшись в конце апреля, они завершились лишь 14 августа, когда советские войска проникли уже глубоко на территорию Маньчжурии. Помимо целого ряда соглашений, придававших юридическую форму Ялтинским решениям, тогда был подписан и советско-китайский «договор о дружбе и союзе»[53].

С другой стороны, после поражения Германии в Европе японские правители не только всячески пытались расположить к себе советское руководство, но и начиная с июля предприняли также осторожный зондаж с целью выяснения возможности посредничества СССР на случай переговоров о мире с союзниками[54]. В Потсдаме Сталин информировал об этом Трумэна и Черчилля. Однако, если учесть отчаянное положение, в котором находилась Япония, подобные шаги выглядели чересчур осторожными и двусмысленными. Соединенные Штаты и Англия решили не принимать их во внимание. Сталин в свою очередь подтвердил намерение СССР присоединиться к военным усилиям двух других союзников[55]. Все там же, в Потсдаме, американцы и англичане совместно с отсутствующими китайцами обнародовали заявление, в котором уточнялось, чтó следует понимать под требованием о безоговорочной капитуляции, предъявленным Японии.

Об объявлении Советским Союзом войны Японии правительству Токио было сообщено 8 августа. Нет никаких сведений, которые бы говорили о том, что первоначально вступление в войну было намечено на более поздний срок и ускорить начало военных действий якобы заставило появление на сцене атомной бомбы. После окончания войны в Европе прошло ровно три месяца, то есть как раз тот срок, который Сталин назвал необходимым для перегруппировки своих войск. Маршал Василевский, назначенный Главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке, пишет, что несколько ранее он получил от Сталина послание с требованием ускорить приготовления дней на десять. Это послание, однако, было отправлено из Потсдама 16 июля, то есть прежде, чем Трумэн получил сообщение о ядерном взрыве. К тому же сам Василевский вынужден

был ответить Сталину, что сократить сроки подготовки невозможно[56]. Наступление советских войск планировалось как крупная операция на окружение. Под руководством Василевского действовали три фронта. Два основных наносили удары из далеко отстоящих друг от друга районов: первый — под командованием Малиновского — с территории Монгольской Народной Республики; второй — под командованием Мерецкова — из Приморья, имея за спиной Владивосток. Оба двигались в направлении на Харбин. Между ними действовал гораздо меньших размеров фронт, которым командовал генерал Пуркаев, — его целью также был Харбин. В общей сложности Советский Союз выставил на поле боя полтора миллиона человек[57].

Спланированная с большим стратегическим мастерством, маньчжурская кампания была проведена советскими армиями с огромным напором. Конечно, ее успех способствовал ускорению краха Японии. Сопротивление, встреченное наступающими частями, было довольно слабым[58] (во всяком случае, более слабым перед фронтом Малиновского, чем перед армиями Мерецкова), целью его было не столько удержание захваченной территории, сколько прикрытие отхода японских войск. Для обеспечения победы понадобилось поэтому всего несколько дней. Последующий спор между американскими и советскими авторами по поводу того, что именно поставило Японию на колени: атомные бомбы или наступление Красной Армии, — имел всегда подспудный политический смысл, но с исторической точки зрения особого интереса не представляет. Японское правительство уже находилось в безвыходном положении. Практически одновременный удар американцев с неба и советских войск на Азиатском материке, по сути дела, лишил всякого смысла дальнейшее сопротивление. Когда 9 августа у императора Японии собрался Высший военный совет, его участникам пришлось считаться с обоими факторами. После продолжавшихся весь день дискуссий сам монарх вынужден был принять ультиматум, предъявленный в Потсдаме, при том единственном условии, что будут сохранены прерогативы трона.

Решение Японии капитулировать было объявлено лишь 14 августа. Вплоть до этого дня продолжались бои в Маньчжурии и наступление советских войск. Практически бои шли еще и после этого, потому что Квантунская армия сдалась только 19 августа[59]. Советские авиадесантные войска овладели крупными городами — Харбином и Чанчунем, а также Дайреном и Порт-Артуром. Армии Василевского разоружили и взяли в плен японские дивизии. В соответствии с предложением президента Трумэна советские войска вступили также в пределы Кореи, бывшей тогда японской колонией, и оккупировали ее до 38-й параллели.

Как бы то ни было, главным героем войны на Тихом океане были Соединенные Штаты: именно им принадлежало право установить место и процедуру подписания официального акта о капитуляции. Подписание состоялось 2 сентября на борту американского

линкора «Миссури»; от Советского Союза не присутствовал никто из прославленных советских полководцев: Москва была представлена относительно скромной фигурой — генерал-лейтенантом Деревянко. Трумэн уже постановил, что Японию будут оккупировать исключительно части армии США, а верховный контроль над страной будет осуществляться американским генералом Макартуром. Советский Союз, тщетно просивший об участии в контроле и оккупации, был, таким образом, отстранен и от того, и от другого[60].

Длившаяся шесть лет вторая мировая война была окончена. СССР сумел и в ее завершение на Азиатском континенте внести достаточно весомый вклад, позволявший ему осуществить ряд важных политических задач на Дальнем Востоке. После длительного периода, на протяжении которого все силы Советского Союза были поглощены борьбой в Европе, теперь наступление в Маньчжурии давало возможность СССР восстановить прямой контакт с вооруженными силами коммунистов, которые под руководством Мао Цзэдуна продолжали сражаться в Китае. Но в речи, произнесенной по радио вечером 2 сентября, Сталин опустил все эти темы. Он коснулся лишь одного мотива, напомнив, что поражение, нанесенное Японией царской России в 1905 г., «легло на нашу страну черным пятном». «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил»[61]. По правде говоря, участники русской революции 1905 г. питали чувства совсем иного толка. Сталин же предпочел завершить войну принесением этой пылкой, даже несколько старомодной дани русскому национализму.

Книга шестая

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

I. ОПУСТОШЕННАЯ СТРАНА

Потрясенный мир

Революционный переворот в мире, вызванный событиями 1945 г., все еще не оценен в полном масштабе исторической критической мыслью. Советские исследователи сделали ряд интересных обобщений такого рода[1], однако даже лучшие их работы не свободны от схематичности и односторонности суждений. Обширное поле остается открытым для новых исследований. Для решения задач нашей книги необходимо напомнить о некоторых основополагающих фактах той эпохи.

Вторая мировая война охватила географические пространства более обширные и вовлекла в круговорот событий людские массы более многочисленные, чем первая. Боевые действия велись на трех континентах — в Европе, Азии и Африке, — в то время как война 1914—1918 гг. шла лишь в Европе. К тому же и на Европейском континенте зона, охваченная военными операциями, была более обширной. Увеличилось не только число непосредственных участников сражений: война в гораздо большей степени нанесла ущерб всей жизни мирного гражданского населения. Человечеством была уплачена тяжкая кровавая дань: число жертв достигло примерно 50 млн., тогда как в ходе первой мировой войны погибло 10 млн. человек[2]. Иным качественно, к тому же более многочисленным и разрушительным, стало оружие, с помощью которого люди сражались и убивали друг друга: было использовано около 650 тыс. самолетов, 300 тыс. бронемашин и танков и 1 млн. стволов артиллерии[3]. Экономика отдельных воюющих стран была поставлена в крайне затруднительное положение; это было следствие широкой мобилизации в армию трудоспособного населения, а также большей чувствительности самой экономики к последствиям этой мобилизации.

Характерной чертой второй мировой войны был и высокий героизм людей. Рядом с солдатами, призванными на военную службу, сражались миллионы добровольных героев антифашистского Сопротивления. Победа антигитлеровской коалиции означала для множества людей нечто гораздо большее, чем успех одной группы стран в борьбе с другими. Свобода, демократия, социализм были для них подлинными ставками в игре; эти цели не противоречили друг другу, напротив, они были взаимосвязанными и взаимодополняющими, точно так же как дополняли друг друга в рамках антифашистской коалиции действия различных сил, которые по исторически сложившейся традиции выступали носителями этих идеалов. Так, даже Сталин, когда победа была достигнута, признавал, что вторая мировая война не была «копией первой», и, перечисляя цели, во имя которых она велась, называл «восстановление демо-

кратических свобод»[4]. Но для огромных масс трудящихся сама демократия имела смысл только в сочетании с ценностями социального равенства, воплощенными в идеале социализма: одно было прямым продолжением другого.

В Европе в 1945 г. вся политическая атмосфера была отмечена общим сдвигом влево. Самые широкие и с политической точки зрения активные народные массы, которые в эпоху первого мирового конфликта демонстрировали всевозрастающее отвращение к войне, в это время были вовлечены в борьбу, носившую в первую очередь антифашистский характер. Во многих странах заводы и их оборудование были спасены рабочими в самых критических условиях, когда владельцы предприятий бросали все. Первые после войны выборы в июле 1945 г. в Великобритании принесли успех лейбористам; консерваторы, предводительствуемые Черчиллем, были разгромлены, несмотря на то что победа окружила их лидера ореолом. Программа новой правящей партии предусматривала национализацию важных секторов экономики. Аналогичные предложения выдвигались на Европейском континенте многими другими политическими силами. Установление государственной собственности на основные средства производства, что является фундаментальным положением социализма, не рассматривалось более как разрушение основ, а было требованием, пользовавшимся весьма широкой поддержкой.

Коммунисты добились больших успехов не только в Восточной Европе, где, пользуясь выражением Мао, консервативные силы были «вырваны с корнем железным плугом Красной Армии»[5]. Советские исследователи писали, что число коммунистов в мире за пределами СССР увеличилось с 1,5 млн. в предвоенные годы до 4,8 млн. в 1945—1946 гг.[6] Эти цифры носят приблизительный характер (в частности, слишком оптимистичными они выглядят для довоенного периода), но они с полным основанием могут рассматриваться как показатель масштаба данного явления. Во время выборов сразу после победы доля голосов, поданных за коммунистов, колебалась между 10 и 20 % почти во всех западноевропейских странах: этот показатель заметно превышал уровень 10 % даже в таких странах, как Швеция, Дания, Норвегия, Бельгия и Голландия[7], где он никогда ранее не приближался (и никогда не приблизится в более позднее время) к этому рубежу. Значительный приток новых сил вызвал важные изменения в самом коммунистическом движении; старое коминтерновское поколение было численно просто подавлено вновь вступившей массой, которая не знала всех перипетий истории движения (и его советского центра) в период между двумя войнами: новые его сторонники пришли к идее коммунизма через участие в антифашистской борьбе, они видели в СССР прежде всего силу, которая повергла нацизм.

Еще более радикальные изменения происходили за пределами Европы. Западноевропейские воюющие державы были вынуждены

в значительной степени черпать материальные и людские ресурсы в своих колониях. 2,5 млн. индийцев сражались под английским флагом. Весьма высоким был процент африканцев, призванных в войска «Свободной Франции», которые под командованием де Голля присоединились к союзникам[8]. Военные потребности метрополий стимулировали развитие местной промышленности в отдаленном заморском тылу. В то же время лозунг японской пропаганды («Азия для азиатов») дал новый импульс национализму. Китай переживал период революционного подъема: в ходе борьбы с вторгшимся агрессором действия коммунистов были эффективнее, чем действия их соперников из Гоминьдана; коммунисты окрепли, были в состоянии дать отпор правительству Чан Кайши и могли строить свои взимоотношения с ним на равных. Индия требовала независимости и обрела ее в 1947 г., хотя и ценой расчленения страны на два доминиона, вошедших в состав Британского Содружества (мусульманское население было сконцентрировано в пределах вновь образованного государства Пакистан). Бирма шла своим собственным путем; страны Индокитая и Индонезия освободились от японских захватчиков, а затем провозгласили свою независимость и оказали сопротивление возвращению к власти прежних французских и голландских угнетателей. На Ближнем Востоке Сирия и Ливан отвергли восстановление власти правительства Парижа. Хотя полный крах устарелой колониальной системы произошел несколько позже, в 50-е гг., когда процесс освобождения развернулся и в Африке, своими истоками он уходит в первые послевоенные годы.

Освобождение колониальных народов дополнило тот переворот в соотношении сил между ведущими державами, который явился результатом войны. Германия, Япония и Италия потерпели поражение и играли роль скорее объектов, а не субъектов важнейших международных решений. От довоенного могущества Франции (в последний момент она была допущена за стол великих держав), которая находилась среди стран-победительниц, осталась лишь тень; практически она стала второстепенным государством. Несколько иначе обстояло дело с Англией, во всяком случае внешне. Она вышла из войны как одна из крупнейших мировых держав. Однако этот статус во многом основывался на былой мощи; уже заметны были признаки той слабости экономики, которая вскоре не замедлила проявиться полностью и которая, наряду с потерей Англией ее колоний, вызвала в дальнейшем резкое уменьшение веса Англии в мировых делах. Принципиально новым явлением был взлет могущества СССР и его превращение в основное действующее лицо всей международной политики; этот феномен вызвал подлинный взрыв в сфере международных отношений, изменив роль и значение различных компонентов той сложной системы, какой был в довоенные времена мир капитализма. Но произошло не только это. Внутри капиталистического мира, во всех его частях, включая и США, которые надолго захватили гос-

подствующие позиции, война вызвала ускоренные структурные сдвиги; усилилось государственное вмешательство в экономическую жизнь, которое стало значительно более широким.

Глубокие изменения происходили в области развития производительных сил. Настоящий взрыв нововведений произошел несколько позже, в 50-е гг. Но и в 1945 г. они угадывались, ощущались, хотя и находились в эмбриональном состоянии. Война стимулировала научно-технические исследования и практическое применение научных открытий. На полях сражений появились радары, ракеты, реактивные двигатели. Химическая промышленность в изобилии поставляла ДДТ, пенициллин, пластические материалы, синтетический каучук. Невиданное развитие авиации, транспорта и средств связи настолько сблизило между собой отдельные части земного шара, что в течение буквально нескольких лет мир стал «значительно меньше», увеличилась взаимозависимость, географические расстояния сократились, мир все более болезненно реагировал на любые противоречия и столкновения. Представший перед народами облик научно-технического прогресса, порожденного нуждами войны, не обнадеживал, напротив, его вид был ужасен: это был лик атомной бомбы.

Оценивая в целом последствия победы над фашизмом, можно с полным основанием констатировать, что в 1945 г., так же как и в период русской революции 1917 г. или по крайней мере в ходе начатого ею социального процесса, человечество приблизилось к тому рубежу, который Ленин в 1918 г. определил как «самую важную» (и самую трудную) «историческую проблему»: к превращению революции «узконациональной» в революцию «мировую»[9]. Разумеется, переступить этот порог предстояло в таких условиях, с учетом таких моментов, которые значительно отличались от всего, чтó мог предвидеть Ленин. Как бы то ни было, рубеж приближался. Вопрос, который мы должны поставить, заключается в том, в какой степени сталинский Советский Союз 1945 г. был в культурном и политическом отношениях подготовлен к подобному перевороту.

В силу прежде всего истории своего революционного рождения, к чему в новых условиях добавилась и победа над фашизмом, СССР обладал в 1945 г. в мире колоссальным авторитетом. Но как далеко позади остались времена и проблемы 1917 и 1918 гг.! Советский народ прошел через 20 лет «социализма в одной, единственной стране», почти через 30 лет изоляции. Старая ленинская партия была растерзана и перестроена, по ней прошел паровой каток сталинских репрессий 30-х гг. Вся диалектика марксизма, ленинской мысли, самой социалистической действительности была сведена к нескольким аксиомам сталинской концепции. Молодые поколения, принимавшие участие в войне, находились в полном неведении относительно тех горячих дискуссий первой четверти века, к которым им было привито глубокое недоверие.

Страна победоносно вышла из вооруженного конфликта, который носил характер грандиозной битвы за независимость. Ее основной

материальной силой была военная мощь, созданная в тяжелейших условиях войны. Защита государственных интересов все дальше увлекала СССР на путь следования политическим амбициям старой России, которые совпадали, но далеко не всегда, со стремлениями местных революционных движений других стран. Москва боролась за приобретение базы на Дарданеллах, вступила в традиционный спор с Англией из-за влияния в Северном Иране, прежде чем вывела свои войска оттуда, требовала участия в контроле над несколькими бывшими итальянскими колониями (в Триполитании)[10]. В начале 1946 г. были разорваны даже некоторые символические связи с революционным прошлым: члены правительства не именовались более народными комиссарами, а стали называться более прозаически — министрами; Рабоче-Крестьянская Красная Армия превратилась просто в Советскую Армию[11]. В том же году Сталин провозгласил, что не только социализм, но и «коммунизм в одной стране»* вполне возможен, «особено в такой стране, как Советский Союз»[12].

Основная объективная трудность заключалась в состоянии крайнего истощения, в каком страна оказалась в конце войны. Советский Союз был обескровлен. В настоящее время считается, что общее число человеческих жертв в СССР составило примерно 20 млн., то есть оно равнялось $^{2}/_{5}$ всех жертв второй мировой войны[13]. Такова цифра, которую в СССР постоянно приводят с начала 60-х гг.; она приблизительна, но скорее занижена, чем завышена. Некоторые советские авторы предпочитают говорить о «более чем 20 миллионах погибших»; еще в 1962 г. один из московских руководителей выразился так: «А кто подсчитает те неисчислимые жертвы советского народа, которые он понес во время Великой Отечественной войны?..»[14]. Все называемые цифры получены не столько на основе прямых исследовательских данных, сколько на демографических расчетах, а они допускают возможность и более высоких оценок; зарубежные авторы, используя аналогичные методы расчета, считают возможным говорить о 25 млн. жертв войны[15]. Так или иначе, сам порядок величин исключителен. Потери американцев составили 450 тыс. человек; потери англичан — 375 тыс.; немцев — около 7 млн.[16] Сравнение необходимо не для того, чтобы произвести жуткий подсчет пролитой крови, а для того, чтобы трезво судить об отношениях, сложившихся на мировой арене в конце войны. Даже если в СССР принято включать в число военных потерь общее число

---

* Социализм и коммунизм в марксистско-ленинской теории, согласно схематическому определению, введенному позже Сталиным, являются последовательными стадиями общественного развития: фаза более высокая, коммунизм, придет на смену предыдущей только тогда, когда возникнет изобилие жизненных благ, допускающее удовлетворение всех требований каждого члена общества по его потребностям, и это удовлетворение не будет предоставляться в качестве вознаграждения по труду, затраченному им реально в интересах коллектива. Гипотеза «коммунизма в одной, единственной стране» в том виде, в каком она была высказана Сталиным, никогда не рассматривалась ранее в дискуссиях, которые велись в СССР, не выдвигалась она ранее и самим Сталиным.

умерших, а не только тех, кто погиб в боях, значительное сокращение взрослого трудоспособного населения, несомненно, прискорбный факт: по данным переписи населения СССР 1959 г., в группах соответствующих возрастов насчитывалось на 18 млн. больше женщин, чем мужчин. Понадобилось 10 лет (до 1955 г.) для того, чтобы население Советского Союза вновь достигло своей довоенной численности[17].

В ходе полемики, которая велась сразу же после войны, авторитетные источники на Западе утверждали, что СССР после победы не провел демобилизации[18]. Эти заявления не имели и не могли иметь под собой никаких оснований. Наоборот, демобилизация, и при этом как можно более быстрая, была насущно необходима, когда трагически не хватало рабочих рук, что ощущалось по всей стране. Первая очередь уволенных из армии солдат, 13 старших возрастных категорий, была возвращена домой между июлем и сентябрем 1945 г. Вторая очередь, состоявшая из 10 категорий, в том числе почти все специалисты, студенты, учителя, женщины, была демобилизована еще до конца того же года. Третья очередь была уволена в запас в период с мая по сентябрь 1946 г. В целом из армии ушло около 8,5 млн. человек. Вооруженные Силы СССР сократились к 1948 г. почти с 11,5 млн. до 2874 тыс. человек[19]. По представлениям второй половины 30-х гг., достаточно было иметь армию вдвое меньшую, но и такая численность не была чем-то из ряда вон выходящим, особенно если учесть международные обязательства СССР и напряженность в международных отношениях, характерную для послевоенного периода. Несмотря на возвращение значительного числа солдат по домам, в СССР, особенно на Украине и в Белоруссии, встречались деревни, где не было ни одного взрослого мужчины.

Демобилизация и возвращение солдат домой были связаны для СССР с такого рода трудностями, с которыми вряд ли сталкивались какие-либо другие страны. Солдаты из войск Жукова, уволенные в запас в Германии летом 1945 г., не имели необходимого для возвращения транспорта. Значительная их часть должна была добираться домой с конными обозами, которые также было решено перебросить на территорию СССР. Обсуждалась даже возможность, от которой затем отказались, отправить их на родину пешком. Впрочем, именно так вынуждено было поступить множество депортируемых, которых армия освободила в Германии, — они пересекали всю Польшу, проходя по тысяче километров[20].

Необходимо отметить крайнюю слабость экономики СССР, тяжелую разруху и нужду в первые послевоенные годы. Согласно оценкам советских источников, 1710 населенных пунктов городского типа и 70 тыс. деревень и селений были разрушены, 25 млн. человек потеряли крышу над головой, 300 тыс. семей только в Белоруссии, а в целом по стране 2 млн. были вынуждены жить в убогих землянках. В той или иной степени ущерб понесли 32 тыс. промышленных предприятий, больших и малых, а также около 100 тыс. сельскохозяйственных; часть из них была полностью уничтожена[21]. Такие

крупные города, как Минск, Сталинград, Ростов-на-Дону, представляли собой лишь груды развалин. Благодаря чрезвычайной мощи, созданной за годы войны, СССР сумел компенсировать тот огромный ущерб, который был нанесен его индустриальному потенциалу. Согласно советской статистике, индекс производства валового продукта промышленности был в 1944 г. на 4 % выше уровня 1940 г., но это увеличение шло исключительно за счет развития производства вооружений, поэтому послевоенная реконверсия и возвращение на рельсы мирного труда создавали весьма деликатные проблемы. В последующие два года произошло заметное снижение производства: если принять уровень 1940 г. за 100, то в 1944 г. индекс составлял 104, затем он снизился до 92 в 1945 г. и до 77 в 1946 г.[22]

Подлинно трагическая ситуация сложилась, однако, в деревне. Несмотря на огромные успехи в индустриализации, СССР в 1945 г. представлял собой страну по преимуществу сельскохозяйственную. Высказанное тогда Сталиным мнение о том, что еще до войны СССР превратился из «отсталой страны в передовую, из аграрной — в индустриальную», было излишне оптимистичным: накануне войны свыше $^{2}/_{3}$ населения еще жили в деревне[23]. К 1945 г. сельское хозяйство — основной источник существования народа — было доведено до крайне плачевного состояния. Объем производства снизился до 60 % предвоенного уровня; в районах же, которые были временно оккупированы врагом, — до 51 %. Обрабатываемые площади сократились с 118 до 84 млн. *га*. В конце 1945 г., даже после возвращения демобилизованных, число проживающих в колхозах было меньше довоенного на 15 %, а число трудоспособных их членов снизилось даже на 30 %. Если иметь в виду, что и в довоенный период сельское хозяйство развивалось отнюдь не теми же темпами, что и промышленность, а, напротив, находясь в состоянии стагнации, производило продукцию в дореволюционном объеме, то можно обоснованно считать, что советская деревня переживала в 1945 г. кризис в ряде аспектов более тяжелый, чем кризис 20-х гг., последовавший сразу за гражданской войной[24].

Неравенство и противоборство с Америкой

Принято утверждать, что две великие державы возвысились над всеми другими в ходе второй мировой войны: СССР и США. Это мнение кажется убедительным лишь в отраженном свете более поздних событий и не может быть обосновано реальным положением вещей в период окончания военного конфликта. В 1945 г. между двумя основными странами-победительницами существовало такое глубокое неравенство в мощи и силе, никогда, вероятно, не выявленное в полном объеме, что всякое сравнение было почти немыслимым. И перед войной, конечно, существовали диспропорции в пользу Америки, особенно в экономике. Но военные действия еще дальше развели эти две страны в противоположном направлении. Сравнительные данные

о потерях, столь очевидно различных, свидетельствуют не только о разной степени человеческих страданий, совершенно по-разному повлиявших на психологию граждан обеих стран. Конечно, и американцы несли свой траур, скорбели по погибшим, как и все люди, но население страны в годы войны росло, приближаясь по численности к советскому (тогда как перед войной разница составляла 60 млн.), война не коснулась американской земли: бои шли вдали от берегов Америки. В экономике США, которые были основным поставщиком и финансистом всей победоносной коалиции, в период между 1939 и 1945 гг. произошел невиданный скачок, что резко отличалось от периода стагнации 30-х гг. Потенциал мощностей промышленности США вырос на 50 %, производство продукции увеличилось в два с половиной раза. Выпускалось в 4 раза больше оборудования, в 7 раз больше транспортных средств. В течение одного года тоннаж грузового транспортного флота был утроен. Сельскохозяйственное же производство выросло на 36 %. Росла зарплата, так же как и все доходы населения[25].

Контраст между американскими условиями жизни и той отчаянной нищетой, в которой жил советский народ, был глубочайшим. Между экономиками обеих стран существовал очевидный разрыв. Продукция советской черной металлургии составляла 16—18 % от американского уровня. Производство химической промышленности в Соединенных Штатах было выше, чем в СССР, в 10—20 раз; производство текстильной промышленности — в 6—13 раз[26]. Хотя обоснованную общую оценку выработать почти невозможно, не будет большим преувеличением сказать, что соотношение между промышленностью двух стран может быть выражено как 1:5. Аналогичная диспропорция существовала в сельском хозяйстве, особенно в производстве продукции с наиболее высоким содержанием питательных веществ[27]. Ситуация дополнялась наличием у США господствующих позиций во всем мире. Без учета СССР промышленное производство США было бóльшим, чем производство всех других стран вместе взятых[28]. Многие из этих стран в последующие годы шаг за шагом выровняли свое положение; но все они опирались на американскую помощь. Те страны Восточной Европы, которые оказались в радиусе действий Красной Армии, также надеялись на получение поставок из Соединенных Штатов. Советские авторы позднее напоминали, что кое-что они получили от СССР, но речь идет в целом лишь о небольшом объеме поставок для покрытия чрезвычайных потребностей[29]. СССР сам остро нуждался в помощи: его руководители были неприятно поражены и возмущены, когда в последние дни войны в Европе Вашингтон внезапно приостановил действие закона о ленд-лизе в отношении Советского Союза[30].

Если и можно было говорить, пользуясь современной терминологией, о сверхдержаве, то по отношению к периоду конца войны речь шла бы лишь об одной сверхдержаве — Соединенных Штатах Америки. Атомная бомба появилась на свет в самый последний момент

как бы специально для того, чтобы придать подавляющему американскому превосходству над СССР несомненный и угрожающий характер. Отставание СССР было очевидным. Американские руководители могли надеяться, и действительно надеялись[31], что благодаря своему экономическому и научному потенциалу им удастся сохранить надолго монополию на обладание новым апокалипсическим оружием. В условиях быстро нараставшего ухудшения отношений между Москвой и Вашингтоном бомба должна была, естественно, внушать беспокойство советским руководителям не только своей ужасающей разрушительной силой. Американцы были и единственными обладателями средств доставки — авианосцев и бомбардировочной авиации дальнего действия, способных донести ядерные заряды до целей в любой части света (они могли быть использованы против территории СССР с тех позиций, которые в ходе войны заняла американская армия). США, напротив, были в то время недосягаемы и находились в большей безопасности, так как даже если бы Советский Союз приобрел атомную бомбу, он не смог бы ее применить, поскольку у него не было для этого средств. Казалось также, что он не сможет создать эти средства в ближайшем будущем[32]. Неравенство сил между двумя странами вело, таким образом, к поистине драматическим последствиям.

Позднее велось много дискуссий по поводу того, когда, в какой конкретный момент антифашистский союз был ввергнут в состояние враждебности и «холодной войны». Занятие это, возможно, и полезное в интересах защиты тех или иных политических позиций, но бесплодное: изучая подлинные истоки всего феномена в целом, исследователи неизбежно вновь возвращаются к событиям 1917 г., то есть обращаются к самому рождению Советской России, так как основная политическая проблема в действительности не изменилась и сводилась к противостоянию мира капитализма и СССР[33]. Если же, не выходя в своем анализе за пределы рассматриваемой эпохи, проследить причины развязывания «холодной войны», наиболее важную из них мы находим в том глобальном неравенстве между СССР и США, которое существовало к моменту победы над фашизмом. Отсюда следует, что основную ответственность за то, что «холодная война» началась, несут американцы. Трудно прийти к другому выводу. Американский исследователь, который первым привлек внимание к этому аспекту проблемы, писал даже: «Мощь и ответственность развиваются параллельно в прямой и тесной связи... Нация, обладающая огромным превосходством... не может позволить себе быть связанной в своей политике какой-либо жестко детерминированной линией поведения»[34].

Американские руководители ясно осознавали огромное превосходство США над СССР; дипломатическая переписка того времени, когда послом в Москве был Гарриман, доказывает это однозначно. «Мы вышли из этой войны как самая мощная в мире держава, возможно, самая могущественная в человеческой истории», — говорил Трумэн[35].

Соединенные Штаты были единственной страной в послевоенные годы, способной определить ход мировой политики. Это понимал. Черчилль, который доверительно говорил тому же Гарриману: «Центром власти является Вашингтон»[36]. Все остальные действующие лица, включая Советский Союз, могли стремиться только лишь извлечь для себя наибольшую выгоду из сложившегося положения. Таким образом, и ответственность, которая на них могла быть возложена и легла в итоге, была гораздо меньшей.

В Соединенных Штатах в значительно большей степени, чем в СССР, велись приготовления к тому, чтобы встретить революционные изменения, которые война породила в мире. В определении глобальной политики Вашингтона присутствовали не только классические мотивы империалистического господства — экспорт капитала, контроль над иностранными рынками, обладание источниками сырья, завоевание военных позиций. Стремление Соединенных Штатов перестроить весь внешний мир по своему желанию и в соответствии со своей шкалой ценностей стимулировалось таким объективным фактором, как всевозрастающее единство мирового развития, которое было неизбежным результатом роста экономики и развития современных средств связи. Такая позиция пользовалась к тому же широкой единодушной поддержкой общественного мнения США, которое еще остро ощущало окончание длительного периода изоляционизма. В США господствовало всеобщее убеждение в превосходстве своей страны над всеми другими. Все были согласны не только с амбициозной целью руководить миром, но даже со стремлением, выраженным в еще более сильной формулировке — «перестроить мир по образу и подобию Соединенных Штатов»[37].

Полная невосприимчивость была проявлена Америкой к тем глубинным явлениям, которые начали заявлять о себе в различных точках земного шара, то на одном, то на другом континенте. Это сказалось и в нежелании прислушиваться к советским требованиям, сколь бы обоснованными они ни были, и в отказе понять, что в Восточной Европе происходят изменения, определяемые прежде всего внутренними местными причинами, будь то события в Югославии или драматические коллизии конфликта, который сотрясал Грецию. В 1945 г., когда даже Сталин признавал, что Соединенные Штаты будут оказывать ведущее влияние на послевоенный Китай, революционные вожди этой страны, Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, искали соглашения с американским руководством, предлагая отправиться в Вашингтон для его обсуждения; они получили отказ[38]. Даже в конфликте между европейскими государствами и их колониями американцы выступили единым фронтом с первыми, а не со вторыми: народы Индокитая и Индонезии, которые желали подлинной независимости, увидели, что американцы при всех оговорках и колебаниях заодно с Францией и Голландией[39]. Неспособность Америки примириться с присутствием в модели мирового порядка новых революционных движений заставила их участников, и прежде

всего коммунистов, обращать свой взор к Москве как к противоположному полюсу мировой политики, в то время как наиболее реакционные силы видели в Вашингтоне защитника и руководителя. В этих условиях неизбежные трудности в реализации американских притязаний породили в Соединенных Штатах всевозрастающее антисоветское озлобление, в котором звучало множество разнообразных мотивов. Тот феномен, который был позднее назван «холодной войной», делал в своем развитии первые шаги.

Что, несомненно, удалось добавить Черчиллю к сложившейся ситуации, когда он выступил со своей знаменитой речью в Фултоне в марте 1946 г., так это формулировку программной идеологической платформы. Черчилль не был более членом правительства Англии и выступал как бы в качестве частного лица, но его престиж был велик, кроме того, он говорил в присутствии Трумэна в штате Миссури, откуда американский президент был родом. Трумэн явно с симпатией отнесся к этому выступлению. Черчилль утверждал, что Соединенные Штаты находятся на «вершине мирового могущества». Он изложил свою генеральную стратегическую концепцию. Наконец простые люди получили защиту от «двух угрожающих им насилий — войны и тирании», от «замыслов злонамеренных личностей и агрессивного духа сильных наций». Хорошо, что атомная бомба находится в руках американцев: никто не смог бы спать спокойно, если бы «временная монополия на обладание этим ужасающим оружием» была захвачена «каким-либо коммунистическим или неофашистским государством». Богу «было угодно, чтобы этого не случилось». К тому дню, когда эта монополия могла бы быть утеряна, США необходимо гарантировать себе «обладание таким превосходством, такой ужасающей мощью», которые бы предотвратили саму возможность использования кем бы то ни было другим этого оружия. Необходимо в то же время защищать повсюду в мире «великие принципы свободы и прав человека, которые являются общим историческим наследием англоязычного мира».

Затем последовало предложение, которое Черчилль объявил основной целью своего визита за океан: план создания широкой ассоциации Британской империи и Соединенных Штатов, осуществления не только политического союза, но и тесного военного сотрудничества. Необходимо спешить: «времени осталось мало». «Никто не знает, — говорил Черчилль, — чтó Советская Россия и ее международная организация намерены предпринять в ближайшем будущем и каковы те пределы, если они вообще есть, в которых будет развертываться их экспансия и их стремление к вербовке новых сторонников». «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, — произнес он фразу, которой суждено было стать знаменитой, — опустился над Европейским континентом железный занавес». Затем последовало описание «полицейских режимов», которые утверждались и действовали за этой завесой. «Только Афины, — претенциозно заявлял Черчилль, подтверждая, что речь

идет о сути его концепций, — свободны сами выбирать свое будущее». «Вдали от русских границ... пятая колонна коммунистов ведет свою работу... она представляет собой нарастающую угрозу для христианской цивилизации». Черчилль с экспрессией указывал на Китай. Он не утверждал, что Советский Союз хочет войны, но что СССР желает воспользоваться «плодами войны и получить возможность неограниченного распространения своего могущества и своей доктрины». Поэтому никакое *умиротворение* невозможно. Это замечание звучало особенно вызывающе, так как содержало аналогию, которую позднее Черчилль проводил еще более недвусмысленно, между СССР 1946 г. и Германией 30-х гг.[40] Только что выйдя из войны, мир почувствовал, что ему подготовили новый конфликт, новое столкновение между Добром, вооруженным атомной бомбой, и Злом, олицетворяемым теперь не Гитлером, а Советским Союзом.

Необходимо было резюмировать все сказанное в этой речи, так как в ней содержались все те исходные идеологические положения, которыми Запад оправдывал в дальнейшем развязывание «холодной войны». Они были провозглашены в стране, где начали говорить о неизбежности третьей мировой войны против России, когда военные действия в Европе только что закончились[41]. Практически декларация Черчилля объявляла о конце антифашистской коалиции, и в ней была обрисована новая схема международных отношений, в которой Советский Союз занимал место не союзника, а противника, и против него предстояло вести борьбу. В Москве это выступление вызвало гнев и тревогу[42].

Надежды и конфликты в советском обществе

Для советских руководителей трудности, вызванные экономической разрухой и ростом напряженности в международных отношениях, были не единственными сложными вопросами, с которыми им пришлось столкнуться. В своей стране они имели дело с целым рядом тяжелых социальных и политических проблем, таких, например, как возвращение к гражданской жизни пришедших с войны. Любая война несет такие же последствия для любой другой страны. Тем более неизбежны они были в СССР после тотальной войны, которую он вел. Причем война обрушилась на страну непосредственно вслед за двумя десятилетиями внутренней борьбы и катаклизмов, также оставивших глубокие следы.

Почти вся западная часть СССР, прилежащая к границам, пылала в огне герильи. Ее основными очагами были Западная Украина и Прибалтийские республики, особенно Литва; вооруженная борьба распространялась и далее, на другую сторону границы, на польскую территорию, где уцелевшие группы Армии Крайовы и некоторые отряды крайне правых сил (НСЗ) начали под новым названием вооруженную борьбу против варшавского режима и советских войск. Украинские и прибалтийские повстанцы опирались главным образом

на сельское население; они получили подкрепления и свободу маневра в результате того, что было произведено перемещение части населения с одной стороны новой советско-польской границы на другую для достижения национальной однородности на соответствующих территориях. Основной слабостью этого движения была межнациональная ненависть, которая существовала между этническими группами; она толкала националистические вооруженные отряды на взаимную борьбу: украинцев — против поляков, поляков — против литовцев; вражда не утихала, несмотря на то что стороны шли на временные тактические соглашения. Но в целом повстанческое движение не было лишено известной эффективности. На Украине, занятой ранее немцами, отступавшие оккупанты оставили после себя националистические формирования, которые оказались довольно устойчивыми: среди них находились и некоторые нацистские офицеры. Продолжительность борьбы говорит о ее остроте. Она длилась дольше на Украине и в Литве, чем в Латвии и Эстонии, где наиболее враждебные советскому режиму группы стремились прежде всего укрыться за рубежом. Период наиболее ожесточенных боев растянулся на долгие месяцы 1945 и 1946 гг.; в Литве и на Украине он продолжался даже до конца 1947 г., когда повстанцы понесли наиболее тяжелые потери[43].

Но в Западной Украине борьба была затяжной. Последние очаги сопротивления были подавлены лишь в 1950—1951 гг. У нас нет детальных сведений, но из немногочисленных свидетельств мы знаем, что бои были ожесточенными с обеих сторон[44]. Это была настоящая война, а не просто отдельные стычки.

По своему результату вооруженная борьба вдоль границы сохранила тем не менее локальный характер. Существовали проблемы, хоть и не столь чреватые кровопролитием, но не менее серьезные. Они носили общий для всей страны характер. Наиболее важным оставался вопрос о колхозах. После освобождения оккупированной территории они немедленно восстанавливались повсюду, так что к концу войны колхозный строй был воссоздан почти полностью, но, как указывает один советский историк, это восстановление было скорее формально юридическим, чем реальным[45]. Это произошло потому, что была разрушена производственная база хозяйств: была уничтожена та машинная техника, с использованием которой было связано само обоснование необходимости создания колхозов. Нет оснований утверждать, что среди крестьян существовало сильное стремление выходить из колхозов. По меньшей мере такие желания не оставили свидетельств и не нашли политического выражения. Однако после того, как колхозники доказали своей борьбой с оружием в руках преданность стране и советскому строю, ожидалось ослабление того давления, которое было характерно для сталинской политики по отношению к деревне в период 30-х гг.[46]

Надежды крестьян были созвучны надеждам множества людей; нельзя сказать, что это состояние духа было характерно толь-

ко для сельских районов. Действительно, в различных слоях общества жила надежда, что окончание войны принесет с собой облегчение существования. Это означало бы применение на деле принципа роста материального благосостояния, а кроме того, ослабление суровости всей сталинской политики довоенного времени. Но несмотря на то, что никто более не умирал на фронте, дела в этом отношении пошли еще хуже.

В одном литературном произведении, написанном несколькими годами позже, но воссоздающем обстановку первых послевоенных лет, ярко передан контраст в настроении людей. Двое крестьян, брат и сестра, ведут разговор об одной женщине — председателе колхоза, которую только что сняли с поста.

«— Надоело людям, — говорит брат, — понимаешь? Сколько она говорила в войну: вот война кончится — заживем, вот война кончится — заживем. А как зажили? Где эта жизнь распрекрасная?.. Понятно тебе, о чем люди думают?

— Ну и что, она не виновата, — отвечает сестра. — Не она одна, все так думали...»[47]

Все, и не только колхозники. Свидетельств этому множество, они единодушны; без такой надежды, кроме всего прочего, нельзя было бы бороться и победить[48]. Мы знаем, что многие участники войны от всей души желали, чтобы победа смела те проявления насилия, бюрократизма, некомпетентности, нетерпимости, которые омрачали прошлое и стали причиной огромного ущерба, понесенного страной в начале войны. Именно в этот период появились некоторые признаки зарождения подпольной «ленинской» оппозиции, особенно среди молодежи: последовавшие репрессии, аресты и приговоры уничтожили ее еще до того, как она смогла принять реальные формы, но она продолжала проявляться спорадически и в последующие годы[49].

Если не выходить за хронологические рамки сталинской эпохи, то невозможно заметить никаких открытых дискуссий по этим проблемам. Это не было результатом изменения методов предвоенного периода. Имеющиеся свидетельства говорят об обратном. Это было показано в предыдущей главе[50]. Подтверждением тому служит также и отношение к вернувшимся из немецкого плена. Никто не был принят с почетом, даже те, кто сумел бежать или был освобожден и славно сражался в рядах европейского Сопротивления. А таких было немало[51]. Всех подозревали в том, что они добровольно сдались врагу, и все должны были пройти тягостную проверку. Для всех пребывание в плену оставалось темным пятном на их прошлом. Очень многие были арестованы и сосланы в концентрационные лагеря, где они содержались наряду с власовцами, которые воевали вместе с немцами. Общее число попавших в заключение не называлось ни в одном советском источнике. Иностранные наблюдатели, отнюдь не злонамеренные, приводят цифру — полмиллиона, говоря при этом, что речь идет о половине репатриантов, но никем и

никогда не объяснялось, на каких данных базируется этот расчет[52]. Наиболее авторитетные советские публикации утверждают только, что эта волна репрессий носила массовый характер[53].

Чего именно боялся Сталин в случае нормального возвращения этих людей к мирной жизни, остается загадкой. В их отношении общественное мнение никогда не было доброжелательным. Во время войны не переставали повторять: плен всегда считался позором. О том, что даже сын Сталина не избежал этой участи, никогда не говорилось[54]. Основная часть пленных была захвачена в течение первого, наиболее тяжелого года войны: снисходительное к ним отношение могло открыть двери для критической переоценки всего этого периода войны, а значит, и действий сталинского правительства накануне и в ходе первых сражений.

Какое-либо обсуждение образа действий Сталина было раз и навсегда исключено. Это вытекало из его публичного выступления в феврале 1946 г. В следующем месяце должны были проводиться всеобщие выборы, первые после победы, единственные после выборов 1937 г., носивших характер плебисцита, проведенного в момент кульминации сталинского массового террора. Сталин обратился с трибуны Большого театра к избирателям Москвы. Это была речь победителя. Война, сказал он, стала «проверкой» для всей системы, для Советского государства, для правительства, для партии. Победа поэтому служит мерой оценки их достоинств. Она продемонстрировала, что «советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй». Национальный вопрос разрешен в СССР «лучше, чем в любом многонациональном государстве». Сталин пошел еще дальше. Одержанная победа была для него доказательством и того, что вся его политика довоенного периода была верной: она была представлена на всем своем протяжении как длительный процесс «предварительной подготовки всей страны к активной обороне». Без этого была бы невозможна конечная победа. Оправданной, таким образом, была политика индустриализации, не только в качестве генерального направления, но и по своим методам, которые по сути сводились к абсолютному приоритету развития тяжелой промышленности. Оправдана также была и коллективизация, потому что «без политики коллективизации, — говорил Сталин с оптимизмом, который не имел оснований из-за плачевного состояния деревни, — мы не смогли бы покончить в такой короткий срок с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства». Оправданны были также и репрессии против «антипартийных махинаций троцкистов и правых»[55]. По этому последнему пункту еще более выразительно высказались в своих предвыборных речах некоторые другие советские руководители, такие как Молотов и Маленков[56].

Сталин в нескольких словах сжато набросал также и планы на будущее: в первую очередь необходимо восстановление страны, чтобы перекрыть показатели производства, достигнутые до войны. Он обе-

щал быстрое преодоление нормирования распределения и увеличение производства потребительских товаров. Был сделан намек — не прямой, но ободряющий — на развитие атомных исследований. Сталин сказал: «Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Но основной частью программы являлось по-прежнему развитие тяжелой промышленности. В течение 15 лет СССР должен был добиться уровня производства чугуна в 50 млн. *т*, стали — 60 млн. *т*, угля — 500 млн. *т*, нефти — 60 млн. *т*, то есть производить в три раза больше того, что удалось достичь перед войной. «Только при этом условии, — сказал Сталин, — наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей»[57]. Несмотря на эту фразу, нельзя говорить, что этот план был вызван ростом напряженности в отношениях с союзниками; в еще меньшей степени он указывал на какие-либо агрессивные намерения против них, а такие утверждения раздавались за рубежом: еще в 1944 г., в разгар войны, Сталин называл аналогичные цифры в беседе с американскими визитерами[58]. Выступление Сталина показало намерение продолжать курс на индустриализацию, которую, несмотря на свои оптимистические высказывания, он считал еще далекой от завершения. Намеченные плановые показатели были довольно реалистичными, а не гипертрофированными в отличие от тех, о которых Сталин думал в период первого пятилетнего плана[59]; но сам метод экстраполяции немногих заданий демонстрировал также то, что он не намерен отходить от своей довоенной примитивной схемы индустриализации, полностью опирающейся на приоритетное развитие нескольких базовых отраслей тяжелой промышленности.

Голод 1946 г.

Обещание Сталина отменить нормирование распределения не могло быть выполнено. 1946 г. был тяжелым: наиболее важные районы производства зерна в стране поразила длительная засуха. Момент был бы трудным даже в условиях нормальной жизни. В условиях же, в которых находилась в то время деревня, последствия были катастрофическими. К природным бедствиям добавлялись еще и скудность материальных средств, нехватка техники и рабочих рук, дезорганизация, отсутствие у крестьян стимула работать. Без воды поля, возделанные плохо и с опозданием, оставались бесплодными. На больших пространствах посевы были потеряны. В европейской части страны урожай был ничтожным: с 2 до 3 *ц* с *га* в большей части районов; 3,8 центнера в целом по Украине. В Сибири, где засухи не было и жатва была довольно обильной, часть зерна была потеряна, так как хлеба не были вовремя скошены и зерно не заложили вовремя на хранение[60]. Бедствие этого года усугубило положение, и до того

достаточно тяжелое: в 1945 г. колхозы собрали урожай зерновых наполовину меньше уровня довоенных лет[61]. Кроме того, прекратились поставки из США. Все, что получал Советский Союз от американцев после победы, сводилось к продовольствию от ЮНРРА на сумму 250 млн. долларов для Украины и Белоруссии[62]. Это дало некоторое облегчение, но размеры поставок были недостаточными, и они быстро прекратились.

Зима 1946/47 г. была тяжелой для всей Европы. Повсюду ощущалась нехватка продовольствия. В СССР положение было трагическим. В конце 1947 г. правительство, хотя и отменило карточную систему на продукты питания, вынуждено было резко повысить цены (в среднем в 2,5—3,5 раза на хлеб), то есть выросли твердые цены на ненормируемые продукты, которые оставались неизменными на протяжении всей войны. На свободных колхозных рынках, где можно было найти лишь крайне ограниченный набор продуктов, необходимых для поддержания человеческого существования, цены взмыли до небес. Так как уровень зарплаты, в особенности низших ее категорий, несколько повысился, а количество продуктов питания было ограниченным и даже снизилось по сравнению с уровнем обеспеченности военного времени (по крайней мере в сравнении с последними военными годами), то возник дефицит продовольственных товаров[63]. Все это касалось прежде всего города. Еще более тягостная ситуация сложилась в деревне, где, в том числе и на Украине, буквально умирали от голода. По этому поводу существуют признания некоторых советских руководителей и ученых, сделанные в более поздний период, а кроме того, об этом же повествуют рассказы очевидцев, услышанные многими из тех, кто бывал в СССР[64]. Даже сегодня невозможно установить число жертв голода, но их было немало. До настоящего времени не публикуются данные об изменении численности населения страны между 1945 и 1950 гг. Причины этого пробела в статистике никогда не указывались. Наиболее вероятным объяснением мотивов таких действий может быть гипотеза о том, что и после победы происходил не рост численности населения, а, напротив, его сокращение. По крайней мере в 1947 г. это было следствием неурожая: можно сказать, что война продолжала уносить человеческие жизни долго еще после того, как бои закончились.

Советское правительство и в те годы стремилось скрыть масштабы постигших страну несчастий, рискуя при этом самой возможностью — как ни мала она была — получения международной помощи. Советский Союз даже экспортировал некоторое количество зерна в другие европейские страны, которым его не хватало. В выступлениях руководители хотя и не скрывали, что момент был тяжелым, но и не раскрывали подлинной глубины кризиса. Говорилось, что вся организационная деятельность социалистического общества и политика правительства направлены на устранение последствий бедствия[65]. Некоторым иностранным журналистам, совершавшим поездки по стра-

не, демонстрировали образцы процветающих колхозов: советская печать характеризовала положение в деревне таким образом, что создавалось впечатление, весьма далекое от реальности[66]. Такое намеренное умалчивание, выходящее далеко за пределы простого обмана, не было порождено только старым пристрастием Сталина к триумфам, из-за которого еще в 30-е гг. на свет не выносились реальные проблемы страны. Сталин хотел прежде всего замаскировать подлинные показатели слабости Советского Союза. Даже число жертв войны преуменьшалось. В марте 1946 г. Сталин говорил, что в СССР погибло в войне 7 млн. человек[67]. Эта цифра сама по себе ужасна; она часто приводилась и впоследствии, но, как мы теперь знаем, это лишь одна треть реальных потерь. В течение всего периода правления Сталина эти данные оставались официальной истиной.

II. ЕВРОПА, РАСКОЛОТАЯ НАДВОЕ

Выбор Сталина

Стратегия Черчилля, изложенная в Фултоне, имела много слабых мест. Чтобы привести к успеху, политика, за которую он ратовал, должна была проводиться исключительно твердо, вплоть до самых крайних форм, то есть вплоть до войны, в целях подавления сопротивления, которое эта политика могла встретить. Но в глазах человечества, которое только что вернулось к мирной жизни, подобная перспектива была столь непопулярной, что реализация такой политики была практически невозможна. Со своей удивительной способностью выражать суть явления в нескольких основных положениях Сталин выявил эту слабость нового противника, отвечая на вопросы газеты «Правда».

Это был твердый ответ на фултонскую речь. «И г. Черчилль здесь не одинок, — рассуждал Сталин, — у него имеются друзья в Соединенных Штатах, так же как и в Англии». По сути, он вместе с единомышленниками предъявил народам, а значит, и СССР «нечто вроде ультиматума»: признайте наше руководство и превосходство, и тогда все пойдет хорошо, в противоположном случае война неизбежна. «Но, — добавил Сталин, — нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей»[1]. Таким образом, позорящее сравнение с нацистами было обращено Сталиным против его оппонентов. Это было началом упорной политической и пропагандистской кампании против тех представителей Запада, которых стали называть «поджигателями войны». В основной своей части интервью было посвящено полемике по поводу ситуации в Восточной Европе. Сталин не испытывал недостатка в аргументах для опровержения той картины общего угнетения свободы, которую представил Черчилль: политические события продолжали развиваться в отдельных странах различными путями[2].

В то время, как и позднее, историки много спорили по поводу того, были ли среди советского руководства сторонники противоположных вариантов проведения внешней политики. Было выработано несколько версий, каждая из которых страдала неубедительностью, так как не находила подтверждения в каких-либо документах[3]. Единственным достоверно известным критиком официально избранного курса был Литвинов, который не стал скрывать это свое несогласие в разговоре с американцами: он был убежден, что можно было добиться бо́льших выгод для страны, используя более примирительный подход и действуя на основе тех широких симпатий, которые СССР завоевал на Западе во время войны. Но Литвинов был тогда

изолирован и не имел влияния. Летом 1946 г. он ушел с последнего своего официального поста, который и так имел второстепенное значение, — поста заместителя министра иностранных дел[4]. Любые действительно важные решения принимались под непосредственным руководством Сталина. Это относилось, в частности, и к внешней политике, которая с 1939 г. была сферой, управляемой лично Сталиным в сотрудничестве с Молотовым, и в которую Сталин не допускал никакого вмешательства[5].

Перед Сталиным стояла трудная дилемма: давать ли отпор тому давлению, которое бывшие его союзники, ныне вооруженные атомной бомбой, оказывали на СССР в условиях, когда страна истощена. Мы не знаем, в каких выражениях и обсуждалась ли вообще эта проблема в узкой группе высших советских руководителей. Знаем зато об убеждении Сталина, что Соединенные Штаты и Англия не решатся зайти так далеко, чтобы развязать войну; он выбрал путь противоборства с мощью Запада. Речь идет о фундаментальном выборе, поскольку им в значительной степени были предопределены основные черты нашего мира, каким мы его знаем теперь. Это было решение, созвучное настроению умов если и не всего народа в целом, то наверняка того руководящего слоя советского общества, который вышел с победой из жестокой войны и который в то же время испытывал страх, как дал понять в начале 1946 г. Маленков, оказаться в положении людей, потерявших плоды этой победы[6].

Выбор был сделан довольно быстро. Поведение Сталина в период завершения войны мы можем воссоздать благодаря воспоминаниям генералов. Он уже тогда предвидел возможность противоборства и был склонен вступить в борьбу. Осенью 1945 г. он долго беседовал с американским послом Гарриманом о вероятности того, что СССР будет вынужден рассчитывать только на самого себя. «Возможно, — сказал Сталин, — это будет не так плохо»[7]. В это же время Советское правительство приняло решение ускорить работу по изготовлению собственной атомной бомбы. Предложения на этот счет были внесены во время войны несколькими советскими учеными, и в 1943 г., после перерыва, вызванного вражескими вторжениями, исследовательские разработки были вновь начаты[8]. Но в полной мере работа, проводимая в обстановке самой строгой секретности, развернулась только с августа — сентября 1945 г. После Потсдама и Хиросимы Сталин образовал под верховным контролем Берии специальный комитет во главе с наркомом Ванниковым, призванный руководить всей деятельностью по созданию нового оружия; в его распоряжение были переданы большие технические и финансовые средства для достижения поставленной цели[9]. Речь Черчилля была для Сталина сигналом, что политическое наступление против СССР началось. В его глазах это было возрождением прежней враждебности капиталистического мира по отношению к Советскому государству. Наибольшее беспокойство вызывал не Черчилль, а его «американские друзья», так как в Москве ясно понимали, что в споре подлинным против-

ником, с которым СССР придется иметь дело, будут Соединенные Штаты[10].

Было ли возможным другое решение? Американская дипломатия воистину не оставляла Москве пространства для маневра. Первое заседание Совета министров иностранных дел, решение о создании которого было принято в Потсдаме в целях урегулирования послевоенных вопросов, проходило в Лондоне в сентябре 1945 г. Оно было полностью безрезультатным. Более плодотворной была встреча трех министров иностранных дел с участием американского, английского и советского представителей, которая состоялась в декабре того же года в Москве в соответствии со схемой консультаций, выработанной в Ялте. На этом заседании стороны пошли на взаимные уступки. Но государственный секретарь США Бирнс, который никак уж не был мягок в отношении СССР, по возвращении домой получил выговор от президента Трумэна, выразившегося следующим образом: «Мне противно обласкивать русских»[11].

Советский Союз упустил некоторые возможности, но не из-за промахов в ходе схваток с западными правительствами, а, скорее, из-за неудачно складывающихся отношений с общественным мнением других стран. То, что Сталин недооценивает этой проблемы, стало очевидным еще в ходе его обмена посланиями с Рузвельтом[12]. Советские руководители весьма плохо понимали западный мир, что, естественно, ограничивало их способность поддерживать всеобщее сочувствие к Советскому Союзу, которое породила война. Попытки влиять на общественное мнение за рубежом были редкими и неудачными. Ярчайший пример тому — неуклюжая и бесплодная поддержка, которую оказал Сталин крупному политическому деятелю США, критиковавшему новую политическую линию Соединенных Штатов, Генри Уоллесу. Это был один из ближайших сотрудников Рузвельта, выведенный из вашингтонского правительства из-за сопротивления антисоветской ориентации Трумэна. Поддержка, о которой идет речь, достигла пика в 1948 г., когда Уоллес попытался, с весьма сомнительным успехом, создать третью американскую партию, а Сталин публично выразил ему одобрение[13].

К этому добавились ошибочные действия советской дипломатии. Претензии, которые Москва выдвигала сразу же после войны по отношению к Ирану и Турции, отнюдь не были безосновательными. Требование нефтяных концессий на севере Ирана и помощь, оказанная повстанцам иранского Азербайджана, могли быть оправданы довольно вескими аргументами, аналогичными тем, которые англичане и американцы приводили в оправдание своих действий в других частях мира. То же самое можно сказать и о требовании предоставления военно-морской базы в Дарданеллах или о притязаниях в отношении Карса и Ардагана, которые Турция получила еще в Брест-Литовске. Все это сильно напоминало старую экспансионистскую политику царизма. Ни одна из этих целей не представляла жизненного интереса для СССР[14]: если говорить, например, о нефти,

то уже были открыты огромные месторождения в Поволжье, в Татарии и Башкирии. Советское правительство к тому же не имело средств удовлетворить свои претензии без сближения со своими союзниками или без рискованного обращения к силе, что в условиях того времени нельзя было даже рассматривать серьезно. Во всяком случае, претензии не были удовлетворены. Пришлось отступить. Но зато все враждебные группировки получили удобный предлог для организации первой идеологической кампании и первого важного дипломатического наступления против СССР[15].

Мирные договоры и ядерная монополия

Усиление противоборства между Советским Союзом и Великобританией и США началось с первого же дня, как только прекратилось чисто военное сотрудничество. 1946 г. был годом дискуссий. Благодаря соглашениям, достигнутым в декабре 1945 г. в Москве, дипломатические усилия держав-победительниц были направлены на подготовку мирных договоров с младшими союзниками нацистской Германии: Италией, Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией. Наступили долгие месяцы трудных переговоров: сначала они шли в Совете министров иностранных дел, затем — на мирной конференции, которая проходила в Париже в июле — октябре при участии представителей 21 страны, затем — снова в Совете министров. В конце концов договоры были подготовлены[16]. Их содержание в значительной степени было предопределено соглашениями о перемирии, заключенными в годы войны. В период переговоров СССР не только отстаивал свое право на преимущественное влияние в странах Восточной Европы. Чтобы сделать эти страны своими друзьями, он боролся за удовлетворение их претензий, направленных против великих держав Запада. Он это делал даже тогда, когда обоснованность этих требований была сомнительной, как, например, требование югославов об аннексии Триеста, а их реализация неизбежно порождала враждебность других стран (в данном случае Италии). Сталин демонстрировал таким образом свое намерение ни при каких обстоятельствах не отказываться от политических позиций, завоеванных в Восточной Европе. Поведение американцев там, где разместились их войска (в Японии или на островах Тихого океана, на которые Соединенные Штаты вскоре предъявили претензии как на военные базы), не могло побуждать его изменить это свое решение.

На мирной конференции, так же как и на первом заседании Организации Объединенных Наций, СССР оказывался в одиночестве всякий раз, когда вступал в противоречие с двумя другими великими державами. На его стороне были лишь правительства Восточной Европы. Соединенные Штаты и Великобритания не только действовали совместно, но и были в состоянии, когда хотели, противопоставить ему значительное большинство малых стран. Не только отношение клиентуры или политическое и идеологическое родство заставляли эти

страны поддаваться давлению западных лидеров, но также и неравенство сил: дружба с богатой и могучей Америкой для преобладающего числа государств значила гораздо больше, чем дружба с СССР. В ООН ответом Советского правительства была педантичная защита своего права вето в Совете Безопасности[17]. Немыслимым было, впрочем, чтобы СССР или какая-либо другая великая держава доверили бы большинству членов Генеральной Ассамблеи, в составе которого были заведомо враждебные силы, право решения касающихся ее важных политических вопросов. В этом плане американская концепция ООН как всемирного ареопага, имеющего право на вмешательство в качестве некоего трибунала в любые противоречия между странами, с тем чтобы гармонизировать по своему усмотрению международную жизнь, оказалась нежизнеспособной[18]. Новая организация, напротив, стала трибуной для проведения резкой публичной полемики. Противоречия не могли быть разрешены поднятием рук голосующих.

Поддержка позиции Соединенных Штатов большинством стран мира сочеталась с их исключительным положением обладателей монополии на атомную бомбу: американцы вновь продемонстрировали свою мощь, проведя на атолле Бикини летом 1946 г. испытательные взрывы. Сталин в этот период сделал ряд заявлений с целью преуменьшить значение нового оружия; он говорил, что не следует считать его «такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели», оно не может «решать судьбы войны». Оно предназначено прежде всего для «устрашения слабонервных»[19]. Эти слова задали тон всей советской пропаганде. Однако поведение представителей Советского Союза в приватной обстановке показывало в действительности их большую обеспокоенность. Сегодня официальные советские историки открыто признают, что из-за неравенства в обладании атомным оружием Советский Союз и само мировое сообщество переживали тогда «период весьма опасный и сложный»[20]. Сталин стремился подбодрить своих сторонников, действуя так же, как в весьма сходных обстоятельствах Мао Цзэдун в Китае, когда говорил о ядерном оружии образно, как о «бумажном тигре»*.

Только отказ Соединенных Штатов от секрета атомной бомбы мог бы, вероятно, помочь избежать «холодной войны» и гонки вооружений, которая длится еще и сегодня. Эта идея имела хождение между американскими и английскими учеными, то есть именно среди тех людей, которые лучше других смогли понять, что такой секрет не может долго оставаться нераскрытым[21]. Но было бы трудно, если не невозможно, требовать такой же смелости мышления от политических руководителей Америки. Они не обладали ею настолько,

---

* Мао использовал это выражение впервые еще в 1946 г. в интервью журналистке Анне-Луизе Стронг (*Mao Tse-dun*. Scritti scelti, v. 5, p. 87). Этот эпизод, видимо, предшествовал высказыванию Сталина: китайцы датируют его августом 1946 г., тогда как заявление Сталина последовало 17 сентября. Однако речь идет о весьма приблизительной дате. Формула Мао стала тем не менее знаменитой в конце 50-х гг., когда она была возрождена в полемике, начатой между Пекином и Москвой.

чтобы отказаться от нового оружия только ради успокоения далекой державы, к которой они испытывали неприязнь и недоверие, в чьих технических и экономических возможностях они сильно сомневались. Американские руководители не имели никакого желания жертвовать тем, что́ они расценивали как прочный фундамент и основной инструмент своего могущества: они даже предпочитали вызывать раздражение своих английских друзей, отказываясь и с ними поделиться технологией создания нового оружия.

В результате этих противоречивых тенденций родился проект учреждения международного контроля над атомной энергией, известный под названием «план Баруха», по имени американского деятеля, которому было поручено представить его в ООН. В соответствии с этим планом все, что связано с ядерными исследованиями и производством — запасы сырья, исследовательские институты, экспериментальные установки и промышленные предприятия, — должно было быть принудительно сосредоточено в нескольких государствах, чтобы управление всем ядерным комплексом осуществлялось бы некоей мировой властью, функционирующей в качестве наднационального органа, в котором ни одна страна не имела бы права вето. Только после того, как такой механизм был бы подготовлен, испробован и введен в действие, США, в случае отказа от ядерного оружия, считали бы свою безопасность достаточно гарантированной.

Американское предложение было встречено в Москве с недоверием. В глазах советских руководителей его реализация означала просто необходимость передать советские ядерные ресурсы, саму возможность создания собственной бомбы, а также в перспективе и возможность мирного использования нового источника энергии под контроль органа, в котором, учитывая существующую международную ситуацию, Соединенные Штаты наверняка могли получить большинство, в то время как СССР был бы лишен даже того права вето, которое было его защитой в ООН. С точки зрения СССР «план Баруха» был равнозначен передаче в руки США всего, что имеет отношение к атомной энергии, а следовательно, он был формой легализации ядерной монополии США, а возможно, и утверждения ее навечно[22].

В ответ Советский Союз выдвинул контрпроект: предложение о конвенции по запрещению ядерного оружия, включая обязательство уничтожения уже существующих его запасов. В отношении контроля за осуществлением этих мер предложения Москвы были первоначально довольно туманными, а когда были внесены уточнения, то американское правительство сочло их неприемлемыми, так как осуществление контроля должно было регламентироваться в рамках Совета Безопасности ООН, где СССР имел возможность использовать право вето[23]. Столкновение этих двух концепций с самого начала парализовало усилия по разрешению проблемы и на долгие годы сделало бесплодными все дискуссии не только по этому вопросу, но также по всем более общим проектам разоружения, инициатором которых Советский Союз выступал с 1946 г. С другой стороны, ни то,

ни другое правительства не были готовы к заключению соглашения, которое бы гарантировало одновременно и запрещение атомных бомб, и соответствующий эффективный контроль за его выполнением.

Германская проблема

Несмотря на эти противоречия и на полемику, которая велась на все более высоких тонах, заключение в конце 1946 г. первых мирных договоров, казалось, открыло путь к более трудному, но отнюдь не невозможному дальнейшему сотрудничеству держав-победительниц. В самом конце года Сталин был необычно щедр на интервью с американскими и английскими журналистами — три в течение четырех месяцев. В них с убежденностью говорилось, что не существует реальной угрозы войны между недавними союзниками (в отличие от того, что довольно часто утверждалось в Америке), а также о намерении уладить недоразумения с правительством Вашингтона[24]. Но в Европе предстояло еще заключить более важный, чем все остальные, мирный договор — договор с Германией (а также с Австрией, что было взаимосвязано, так как эта страна вновь стала независимой). Предстояло решить очень важную задачу, которая не ограничивалась лишь согласованием и редактированием текста договора. Германия не была более единым государством с правительством, способным выступить в качестве договаривающейся стороны. Победители должны были определить внутреннее устройство страны, а не только условия мира. От способности достигнуть согласованное решение по этому вопросу зависели их собственные будущие взаимоотношения в Европе. Хотя Германия и потерпела полный разгром, в действительности она оставалась чрезвычайно важной величиной: без соглашения о ее судьбе каждая из соперничающих держав испытывала бы подозрение, что ее оппоненты желают перетянуть побежденную нацию на свою сторону, с тем чтобы изменить в свою пользу баланс сил в Европе.

В Германии каждая держава-оккупант после достижения победы стремилась обеспечить себе политическую поддержку. Но как и во всей остальной Европе, они добивались этой цели, действуя в противоположных направлениях: Советский Союз, стремясь проводить прогрессивную политику в интересах широких народных слоев, осуществил аграрную реформу и конфискацию промышленных предприятий, принадлежавших нацистам; американцы и британцы действовали с консервативных позиций, ища сочувствия более традиционным образом — у старой гвардии представителей экономической власти. В этих двух различных подходах проявилось различие концепций природы нацизма, который победители приняли обязательство искоренять: Советский Союз видел суть дела прежде всего в социальной базе нацизма, считая его диктатурой наиболее агрессивной части крупного капитала и других консервативных сил; западные деятели были склонны обращать внимание лишь на его политическую структуру, расценивая нацизм как форму тиранического правления, подавля-

ющего любые проявления свободы. Эти различия в оценках с самого начала препятствовали проведению единой оккупационной политики, которую, казалось бы, предвещали соглашения в Потсдаме. В своих отношениях с немцами Советский Союз был в невыгодном положении, как и на последнем этапе войны: у обоих народов накопилась взаимная ненависть, только что закончившиеся бои носили исключительно жестокий характер, значительные части германской территории на Востоке были отсечены, наконец, СССР продолжал находиться в состоянии крайней нужды, дорого заплатив за свою победу и за трудное восстановление.

В течение марта и апреля 1947 г. в столице СССР, который еще страдал от тяжелейших последствий засухи, снова встретились четыре члена Совета министров иностранных дел (американский, английский, французский и советский министры), для того чтобы решить будущую судьбу Германии. Молотов активно излагал и отстаивал концепцию своего правительства. С твердостью, которая выглядит парадоксальной для тех, кто знает последующее изменение позиции советской дипломатии, он выступал наиболее решительным поборником необходимости сохранения единства немецкого государства. Он постоянно полемизировал с американцами, которые склонялись к идее создания германской федерации; во имя принципа единства он отвергал притязания Парижа на Саар, отказавшись таким образом от возможности получить поддержку французской дипломатии. Молотов аргументировал свою позицию двумя доводами: необходимостью избежать того, чтобы идея германского единства превратилась в знамя реванша для милитаристских сил, живучих в этой стране, а также необходимостью иметь одного политического представителя Германии, который мог бы нести ответственность за свои обязательства по отношению к победителям (важнейшим из которых советский министр считал вопрос о репарации; нам еще предстоит вернуться к этому). Молотов хотел также, чтобы становой хребет немецкой индустрии — Рур был выведен из-под исключительного контроля Германии и поставлен под совместное управление четырех стран-оккупантов. Предполагалось также, чтобы единая для всей страны экономическая администрация — администрация, решение о которой было в общих чертах принято еще в Потсдаме, — была бы создана в ближайшем будущем (она все еще не была создана из-за затянувшейся оппозиции французов[25]). Эти органы должны были послужить основой для формирования временного правительства Германии. Что касается будущего политического устройства страны, то в качестве главного ориентира Молотов предлагал взять конституцию Веймарской республики[26].

Не было ли слишком большого риска в таком быстром возрождении единого немецкого государства? Советские представители считали, что его можно исключить, так как предполагалась длительная оккупация страны: она должна была закончиться только в тот момент, когда все четыре державы будут готовы признать в Гер-

мании демократическую и миролюбивую страну, соблюдающую все свои обязательства. В этих условиях, заверяли советские дипломаты, немецкое правительство не будет иметь возможности проводить политику недружественную, враждебную какой-либо из четырех держав-победительниц[27].

Советская позиция не была проявлением мягкости по отношению к Германии, хотя в Америке ее расценили именно как проявление уступчивости немцам[28]. Конечно, Молотовым она была представлена в наиболее приемлемой форме для побежденных. В контроле над Германией дипломатия Москвы видела главным образом возможную сферу сотрудничества между союзниками по войне, область для нового компромиссного согласования их расходящихся интересов. Спрашивается, насколько был реалистичным такой план? Из-за настойчивости в борьбе за немецкое единство СССР подозревали в желании иметь одну «коммунистическую» Германию. В действительности существовали мотивы гораздо менее амбициозные. Советские руководители уже тогда боялись сепаратного западногерманского государства, усиленного в результате обладания экономическим (и военным) потенциалом Рура, государством, способным лелеять мечты о реванше на Востоке Европы[29]. С 1 января американцы и англичане решили в одностороннем порядке слить две свои оккупационные зоны в Германии в общую единицу («Бизония»), которая объединяла весь Рур. Соединенные Штаты ставили под сомнение окончательный характер немецко-польской границы по рекам Одер — Нейсе, создавая таким образом на Востоке очаг напряженности, который не будет погашен в будущем в течение более чем двух десятилетий; это делалось прежде всего в целях создать препятствие для какого-либо советско-немецкого сближения (если оно не будет происходить за счет тяжелого, серьезного конфликта между Москвой и поляками)[30].

Излишне рассматривать конференцию в Москве во всех деталях — она не дала никаких результатов, хотя и продолжалась семь недель. В Соединенных Штатах и в Англии в это время уже вырабатывались решения об изменении политики в отношении Германии и Европы в целом. Предложения Молотова были встречены поэтому с весьма слабым интересом. Было добавлено еще одно звено к длинной цепи разочарований Советского Союза в его германской политике начиная с Брест-Литовска.

«Доктрина Трумэна» и «план Маршалла»

Дипломатическая инициатива в Европе была в руках американцев. Создание «Бизонии» стало первым шагом в целой серии мероприятий, призванных создавать для СССР растущие трудности. Осуществление новой политики, провозглашенной Вашингтоном в период проведения конференции министров иностранных дел по Германии, было только начато, но ситуация сразу же приобрела драматичес-

кий характер. Эта политика касалась не только Германии, но мира в целом.

В торжественной речи, произнесенной перед обеими палатами американского конгресса, президент Трумэн объявил, что Соединенные Штаты намерены занять место ослабленной Англии в деле поддержки правительств Греции и Турции. Ситуация в этих двух странах складывалась по-разному: в Греции возобновилась гражданская война, подавленная на время англичанами в 1944 г., в то время как в Турции сохранялось относительное внутреннее спокойствие, но она находилась в распре с СССР из-за проливов (хотя в тот момент отношения были не слишком обострены). Американское решение, таким образом, носило в равной мере контрреволюционный и антисоветский характер; оно должно было означать, по выражению Трумэна, «ответ Америки на волну экспансионизма, имеющего целью установление коммунистического господства»[31]. Но американский президент пошел гораздо дальше, определяя свой жест как реализацию генеральной политической линии: было введено понятие «доктрина», чтобы вызвать ассоциации и подчеркнуть связь (и различия) с «доктриной Монро», которая в прошлом веке провозглашала особые интересы Соединенных Штатов в Западном полушарии[32]. Трумэн избрал идеологическим фундаментом своей политики положение, выдвинутое Черчиллем в Фултоне. Мир представлялся ему сценой, на которой разворачивался конфликт между силами добра и зла, то есть между «свободными обществами» и «обществами угнетения». Америка должна повсеместно в противоборстве с «обществами угнетения» поддерживать «свободные общества»[33]. Это было не просто провозглашением политической линии, это было объявлением начала крестового похода.

По правде сказать, и Грецию, и Турцию очень трудно было втиснуть в понятие «свободное общество». Но несколькими днями ранее американский президент в другой своей речи обосновывал связь политических свобод со «свободным предпринимательством», то есть с капитализмом, а сверх того добавлял, что «мир в целом должен принять американскую систему», иначе она не сможет уцелеть и в самой Америке[34]. Новая «доктрина Трумэна» обязывала Соединенные Штаты немедленно вступать в бой с любым революционным движением, любой попыткой социалистического переустройства, любыми притязаниями Советского Союза — Америка в полном смысле слова должна стать, по удачно найденному выражению, «мировым жандармом»[35].

В Москве эти идеи оценили как опасную угрозу. Три дня спустя «Правда» посвятила им редакционную статью на первой странице, что было необычно само по себе. В статье американские инициативы определялись как «направление политики, ведущее к неограниченной империалистической экспансии» во всем мире[36]. Хотя до настоящего времени мы не располагаем значительными документальными свидетельствами, все же следует задаться вопросом: представляли ли советские руководители в этот момент все последствия того выбора, который был сделан в Вашингтоне?

Выступление Трумэна обрекло на бесплодность все дискуссии, которые шли между министрами иностранных дел в Москве. Но даже тогда, когда конференция закрылась, не достигнув какого-либо соглашения, Сталин продолжал демонстрировать своим западным собеседникам убежденность, что рано или поздно компромисс будет найден, по крайней мере по вопросу о Германии[37]. В «доктрине Трумэна», отразившей грандиозную мощь Соединенных Штатов, имелись и слабые моменты, которые были вскоре вскрыты критиками этой политики в Америке. Возможно, эти слабости не укрылись также от Сталина, как и в речи Черчилля в Фултоне. Но дипломатия Вашингтона имела в запасе такие мощные, принципиально новые инициативы, о которых Сталин знать не мог и на которые ответить ему было нечем.

Ряд авторов выражал мнение (оно было высказано еще в период ухода в отставку американского министра Уоллеса), что узловой проблемой послевоенного периода был вопрос об американском займе, о котором просил СССР, и его предоставление «могло бы предотвратить „холодную войну"». Официальные американские историки стремятся, напротив, занизить значение этой проблемы[38]. В действительности заем был фундаментальным вопросом, но не сам по себе, а в силу тех моментов, которые были затронуты в ходе его обсуждения.

В первые послевоенные годы решающее значение имело неравенство, сложившееся между богатством Америки и нищетой всего остального мира, включая Европу, — неравенство столь глубокое, что сами американцы должны были искать пути его устранения, чтобы предотвратить его негативные последствия для своей экономики. Гипотетическая возможность кризиса в Соединенных Штатах после огромного военного бума принималась во внимание не только в Москве, идеологическая доктрина которой способствовала возникновению такого рода предсказаний (хотя, как мы увидим, были и иные мнения). Вероятность такого развития событий обсуждалась в той или иной степени повсюду в мире, в том числе и в Америке, где были свежи воспоминания о длительной стагнации 30-х гг., которая последовала после катастрофической депрессии 1929 г. Следовательно, считая, что американцы должны в своих собственных интересах предпринять усилия для того, чтобы получить доступ на новые внешние рынки, пожалуй, и на рынки СССР, советское руководство отнюдь не строило воздушных замков, хотя эти рассуждения в то же время не лишены схематичности и иллюзий.

В Вашингтоне, напротив, проект щедрого кредитования Советского Союза был быстро отброшен — практически еще до окончания военных действий. Наиболее влиятельные экономические и дипломатические советники, в том числе и посол Гарриман, были совершенно однозначно против проекта. Гарриман был одним из тех американских деятелей, которые наиболее ясно представляли себе масштабы чудовищной нужды, царившей в СССР после войны. Он

пришел к следующему выводу: «Русские нуждаются в нас больше, чем мы в них». Предпочтительным подходом он считал предоставление американских займов лишь капля за каплей и всякий раз на условиях выполнения правительством Москвы тех или иных политических требований. Другие советники строили планы еще более энергичного экономического давления[39]. Эта закулисная сторона дела была неизвестна советским правителям. Несмотря на холодность американцев, Сталин неоднократно возвращался к этому вопросу. Он говорил об этом с Гарриманом, когда американский посол нанес ему свой прощальный визит в январе 1946 г. Сталин в своих интервью западной печати открыто проявлял заинтересованность в проекте кредита всякий раз, когда об этом заходила речь. Он трезво отдавал себе отчет в том, что за такой кредит пришлось бы заплатить политическую цену; в беседе с Гарриманом он выразил надежду, что два правительства встретятся «на половине пути». Отвергались полностью лишь наиболее обременительные условия, подобные требованию полного ухода из Восточной Европы[40]. Даже в апреле 1947 г., когда Сталин встречался с новым американским государственным секретарем Маршаллом, он кратко отметил, что советская просьба о о кредите остается без ответа в течение вот уже двух лет*. После первых весьма скромных сумм СССР больше не получил ни одного доллара[41].

Отсутствие кредитов делало еще более острой проблему получения репараций с Германии. Советский Союз, начиная с Постдама, сталкивался со все нарастающим сопротивлением Запада по этому вопросу. Уже во время обсуждения договоров с младшими союзниками Гитлера оспаривалась уместность требований Москвы о возмещении ущерба, предъявленных Румынии и Финляндии: советские делегаты ответили на это в резкой и злой полемической форме[42]. Сегодня официальные советские историки утверждают, что проблема имела для СССР прежде всего символическое и моральное значение. Это неверно. Она была практической и весьма жгучей: Молотов в то время признавал это, и нам, знающим, какова была ситуация в стране, нетрудно это понять[43]. Дело обстояло еще сложнее в отношении Германии: существуют американские источники, утверждающие, что именно из-за репараций имел место первый разрыв

* В воспоминаниях американцев, которые имели отношение к этим событиям, всегда присутствует неясное чувство замешательства; они стремятся оправдать свой отказ самим тоном повествования, направленного на защиту этого решения. Рассказ экс-посла Беделла Смита является единственным в своем роде подробным свидетельством обо всем этом эпизоде. По поводу молчания американского деятеля, к которому Сталин обратился с жалобой, Б. Смит даже высказывается следующим образом: «Почти неправдоподобным объяснением всего этого было то, что советское письмо непонятным образом было потеряно в Вашингтоне». Такая версия является не только «неправдоподобной», но и просто неверной. Все доступные документы свидетельствуют, что было не одно письмо Советского правительства, что делает, впрочем, еще более щекотливым положение американцев: существовало два нам известных письменных запроса, которые были направлены Гарриману Молотовым и Сталиным.

между державами-оккупантами[44]. Советский Союз не встречал затруднений при получении товаров из своей зоны; но он не получил почти ничего из западных зон (33 млн. долларов — такова общая цифра, названная несколько позже Молотовым[45]), несмотря на обязательства, принятые в Потсдаме его союзниками.

На встрече министров иностранных дел в Москве, посвященной проблемам Германии, Молотов боролся за репарации упорнее, чем за какое-либо другое требование. Складывается впечатление, что все вопросы рассматривались им в свете этой проблемы. Он говорил: «Не может быть решения немецкой проблемы без решения проблемы репараций; это мнение не только наше, тех, кто находится в этом зале, но и всех советских граждан»[46]. Его настойчивость ни к чему не привела. Верно, что стремление советских руководителей скрыть внутреннюю слабость своей страны не способствовало пониманию со стороны иностранцев всей остроты ее нужд; но по поводу масштабов разрушений, которые претерпел СССР, участники переговоров, собравшиеся в Москве, не могли испытывать сомнений. Министры западных стран тем не менее не были тронуты, и тон советских делегатов становился все более раздраженным.

После этого предисловия перейдем наконец к самому предложению, призванному разрешить проблемы, связанные с диспропорциями между американским богатством и нищетой Европы. Это был знаменитый «план Маршалла». 5 января 1947 г. американский государственный секретарь выдвинул идею выделения значительных финансовых ресурсов на цели восстановления европейских стран. Средства должны были предоставляться частями в течение ряда лет; европейцы, в свою очередь, должны были изыскивать и собственные внутренние ресурсы. Эту идею бурно приветствовали французское и английское правительства; они предложили Советскому правительству провести совместное обсуждение необходимых шагов, которые создали бы благоприятные условия для реализации американской инициативы. Москва отнеслась к этому с подозрением, но достаточно осторожно. Первый комментарий «Правды» был критическим. Через несколько дней последовало официальное правительственное заявление, в котором говорилось, что Москва пока получает информацию только из газет и хотела бы знать об этом несколько больше. «Если речь идет действительно о серьезных экономических мероприятиях, — говорилось в другой авторитетной советской публикации, — то не может быть сомнения, что народы всех европейских стран и их правительства поддержат эти мероприятия»[47]. Наконец Молотов выехал в Париж в сопровождении солидной делегации экспертов. Мир приближался к узловому моменту в развитии всей послевоенной политической жизни, и московские руководители, видимо, это понимали.

В Париже Молотов признал «очевидным» тот факт, что восстановление Европы будет облегчено, если Америка окажет ей помощь. Однако он поставил два условия. Во-первых, каждая страна должна

иметь возможность самостоятельно и независимо определять свои потребности в помощи и ее форму, согласовывая эти пожелания в рамках общей программы, но не отказываясь от своей автономии в выборе соответствующей экономической политики. Во-вторых, должно быть проведено разграничение между теми странами, которые боролись в войне как союзники, нейтральными странами и бывшими противниками. Чрезвычайно важно это сделать в отношении Германии, которая представляет собой «особую проблему», поскольку связанные с ней вопросы не разрешены еще победителями; в частности, было подчеркнуто, что не решена проблема репараций[48]. Молотов стремился действовать в соответствии с общим духом и логикой соглашений, заключенных во время войны, и не выходить за их пределы. Напротив, инициатива Маршалла была построена на совершенно ином подходе.

Ни одно из двух требований Советского Союза о займах не было всерьез принято во внимание министрами иностранных дел Англии и Франции Бевином и Бидо, которые были согласны между собой в том, что на таких условиях американская финансовая помощь предоставлена не будет. Практически в Париже вообще не было реальных переговоров. Бевин и Бидо настаивали только на утверждении общего плана. «Создалось впечатление, — комментировала позднее «Правда», — что организаторы конференции заранее решили привести дело к разрыву, для того чтобы получить „свободу рук"»[49]. По истечении нескольких дней Молотов отверг англо-французские предложения, приведя два уже известных аргумента: в них не содержалось ни подтверждения национального суверенитета европейских стран, ни «особого подхода» к Германии. Он покинул Париж, вызвав таким образом к жизни призрак разделения Европы на два противостоящих лагеря и создания сепаратного западногерманского государства[50].

То, что это очень рискованно, Молотов понимал. Не было ли бы более дальновидным со стороны Москвы принять «план Маршалла» даже и на условиях, выдвинутых ее оппонентами, чтобы использовать в дальнейшем к своей собственной выгоде неизбежную противоречивость этого проекта? Закономерный вопрос; он был задан в свое время премьером лейбористского правительства Эттли, а затем повторялся неоднократно историками различных направлений[51]. Но нам неизвестно, обсуждался ли в Москве этот вопрос в такой постановке; наверняка там испытывали понятные колебания. С другой стороны, благодаря воспоминаниям основных действующих лиц мы знаем, что американская инициатива была предназначена именно для борьбы с коммунизмом и с Советским Союзом, она была спланирована заранее таким образом, чтобы исключить СССР или поставить его в такие условия, когда он вынужден будет сам отказаться от участия[52].

Однако даже те, кто в большей степени готов был понять позицию СССР, полагали, что советские руководители должны были

бы осознавать, что «план Маршалла» — это нечто гораздо более конструктивное, чем «доктрина Трумэна»[53]. Но, с точки зрения самих московских руководителей, было весьма трудно согласиться с таким мнением: обе инициативы находились в явной связи друг с другом; если предложение Маршалла более действенно и реально, то уже по одному этому оно опаснее. Это был жестокий и искусный удар, против которого трудно защититься. Сталин еще в апреле долго беседовал с американским политическим деятелем, кандидатом на президентских выборах Стассеном; сосредоточившись на обсуждении перспективы возможного экономического кризиса в Соединенных Штатах и Европе, он показал, насколько эта тема его волнует[54]. Но реальный ответ ему был дан Маршаллом. Это был эффективный ответ, полностью подрывающий всю советскую политику в Европе: было покончено с какой-либо надеждой получить прямой заем у Америки, прекращались любые дискуссии по поводу репараций, кроме того, исключалось в дальнейшем разделение европейских стран на союзников и вчерашних врагов. Американский капитализм продемонстрировал свою живучесть и свою способность осуществлять международную гегемонию. Для СССР не оставалось ничего другого, кроме как выбирать между признанием руководящей роли Америки, на что уже согласилась Западная Европа, и риском открытого противоборства с ней. Сталин по крайней мере не видел иной альтернативы, и его выбор был сделан определенно в пользу второго решения.

Но противоборство должно было быть безжалостным. Один из основных авторов «плана Маршалла», Джордж Кеннан, считающийся ведущим американским экспертом по СССР, опубликовал в те самые дни статью, которой суждено было стать знаменитой. Хотя сам ее автор критически пересмотрел излагаемые в ней позиции, эту статью можно признать самым блестящим до сей поры изложением сути политики «сдерживания» коммунизма и советского влияния[55]. Кеннан к тому же предлагал не только «сдерживать» противника. Он пришел к выводу, что Соединенные Штаты не должны «ограничиваться удержанием своих позиций». Оказывая на СССР жесткое давление, они могли бы обострить присущие советской системе противоречия и привести в действие такие пружины, которые способны вызвать ее «крах» или «ослабление»[56]. Все эти слова не могли слушать в Москве без тягостного чувства. Как далека была эпоха, когда Рузвельт говорил, что немцы не должны жить лучше, чем советские люди, или когда «тройка» договаривалась в полном согласии о том, что уровень жизни в Германии не должен быть выше, чем «в среднем в Европе». Используя американскую помощь, немцы вскоре станут если не могущественнее, чем русские, то, во всяком случае, более сытыми. Эта мало вдохновляющая перспектива соединялась для Москвы со старыми далеко не успокаивающими воспоминаниями о прежних обидах: предвоенное капиталистическое окружение, мюнхенское соглашение с Гитлером, затягивание открытия второго фронта в Европе, надежды экс-союзников на ослабление

СССР наряду с Германией, подозрения СССР, что его хотят лишить плодов победы.

«План Маршалла» поставил под угрозу влияние Советского Союза в странах Восточной Европы; это был тяжелый кризис; одной из ведущих, если не самой главной его причиной являлась оппозиция СССР по отношению к американской инициативе[57]. После отказа Молотова от участия все страны Восточной Европы на равных условиях были приглашены англичанами и французами на новую конференцию, которая также должна была состояться в Париже. Некоторые сразу же отказались, например югославы и финны. «Правда» утверждала, что правительство Хельсинки, сформированное в то время коалицией различных партий, включая коммунистическую, приняло это решение единогласно (и это было не единственное действие финских руководителей, отражающее их прозорливость)[58]. Другие правительства, такие как румынское, обратились к Советскому Союзу с вопросом, что делать; поляки же, в том числе и коммунисты, напротив, выказывали заинтересованность в приглашении, пришедшем с Запада. Чехословацкие руководители пошли даже дальше: правительство этой страны, во главе которого стоял коммунист Готвальд, в первый момент приняло единогласно решение направить представителей в Париж. Оно вынуждено было пересмотреть свое решение через несколько дней, когда делегация в составе нескольких чехословацких министров услышала от Сталина в Москве, что присоединение к «плану Маршалла» будет рассматриваться СССР как враждебное действие, противоречащее чехословацко-советскому союзу[59]. В конце концов все страны Восточной Европы образовали единый фронт с Москвой. Но раскол Европы надвое тяжело сказался на всей дальнейшей ее судьбе.

Разделенная Германия

Вторая половина 1947 г. стала как раз тем временем, когда термин «холодная война» вошел в политический словарь мира[60]. После введения в действие «плана Маршалла» отношения СССР с его экс-союзниками быстро эволюционировали в сторону открытой враждебности. Благодаря американской помощи в Европе создавался «блок» западных стран, то есть происходило именно то, чего Советский Союз боялся еще со времени последних боев войны против Гитлера. Последняя конференция четырех министров иностранных дел, посвященная проблемам мирных договоров с Германией и Австрией (в Лондоне в ноябре — декабре), свелась просто к диалогу глухих. Американо-английская дипломатия была уже сориентирована на создание сепаратного государства в Западной Германии, опирающегося на экономический потенциал Рура. Такое государство могло бы принять участие в «плане Маршалла». Последние возражения французов против этого намерения были без труда преодолены. В марте 1948 г. четырехсторонняя контрольная комиссия стран-оккупантов,

уже находившаяся в кризисном состоянии, перестала функционировать. В июне была осуществлена сепаратная денежная реформа в западных частях Германии. Немного спустя французы согласились слить свою оккупационную зону с англо-американской «Бизонией».

Реакцией Москвы была попытка нанести ответный удар по экс-союзникам в единственном их уязвимом пункте. Это была блокада Берлина. Советский Союз не несет один всей полноты ответственности за то, что решение проблемы Германии пошло совсем не тем путем, какой предполагался в период окончания войны; это верно также и в отношении бывшей германской столицы. Берлин находился в самом центре советской зоны. Он был поставлен под четырехстороннее административное управление, так как был подлинным центром всей Германии. Разрыв страны на части, который становился все глубже, сказался с неизбежностью и на положении в городе[61]. Ситуация усугубилась в тот день, когда западные оккупационные державы приняли решение распространить денежную реформу и на свои сектора города. С этого момента не только в Германии в целом, но и внутри самого Берлина в обращении стали циркулировать две различные денежные единицы, что создавало целый ряд сложностей в работе советской администрации. Способ, каким Москва пыталась заставить уважать свои интересы, нельзя назвать действительно благоразумным, так как ее действия привели лишь к новым политическим и дипломатическим столкновениям.

Поскольку соответствующие соглашения были заключены в период войны, когда никто не мог себе представить подобного хода событий, то не существовало и четко согласованных норм, которые бы регламентировали систему коммуникаций между западными оккупационными зонами и соответствующими секторами Берлина. Для этой цели просто было выделено несколько шоссе и железных дорог, а также три «воздушных коридора». Когда четко определилось отделение запада Германии от остальной ее части, советские оккупационные власти начали вводить некоторые ограничения для транзитного движения: в момент же введения в западной части Берлина новых денег оно было вовсе прервано. Очевидной целью действий Советского Союза, хотя этого и не признавали никогда открыто, было стремление заставить три западные державы пересмотреть их проекты создания сепаратного немецкого государства или же принудить их уйти из Берлина[62]. Пропагандистские утверждения о том, что Советы хотят «уморить город голодом», не соответствовали действительности: советские власти были готовы своими силами снабжать весь город при условии использования в обращении соответствующих денежных единиц[63]. Но это было равнозначно ликвидации власти трех других оккупационных держав.

Берлинский кризис в течение нескольких недель приобрел значение пробы сил. Отступление означало бы для американцев компрометацию их новой европейской политики. Появилась вероятность прямого вооруженного столкновения, которое почти наверняка стало

бы первой искрой подлинного военного пожара. Блокада бывшей столицы Германии предоставила к тому же Соединенным Штатам повод при небольших затратах подготовить грандиозную демонстрацию в Европе своей военной и технической мощи. Снабжение западных секторов Берлина было налажено с помощью авиации путем установления знаменитого «воздушного моста», который функционировал в течение более 300 дней. Вокруг этого предприятия была организована громкая пропагандистская кампания: Берлин изображался «аванпостом свободного Запада», который необходимо отстоять любой ценой. Немецкое общественное мнение получило небольшой реванш: СССР оказался в затруднительном положении, а в американцах немцы начали видеть своих подлинных защитников. Советский Союз не мог прервать воздушное сообщение, налаженное западной стороной, не идя на риск войны, что определенно не входило в его расчеты. Когда Советский Союз осознал всю тяжесть политических потерь, которые принесла ему эта операция, то было уже слишком поздно[64]. Следовало разрядить взрывоопасную ситуацию. Пути отступления были намечены самим Сталиным в интервью американскому журналисту[65]. Блокаду сняли в мае 1949 г. Единственное, что Советский Союз получил в обмен на это, было новое бесполезное заседание Совета министров иностранных дел[66], которое состоялось вскоре в Париже, но оно носило чисто формальный характер. Берлин остался разделенным надвое; сложилась та аномальная ситуация, которая так до сих пор и не исправлена. В Москве Сталин сместил ряд авиационных начальников. Хотя Молотов сохранил дожность первого заместителя Председателя Совета Министров, он оставил пост министра иностранных дел, который занял Вышинский. Поражение потребовало своих козлов отпущения.

Психологическая атмосфера, создавшаяся в результате берлинского кризиса, облегчила создание западного альянса, направленного против СССР. Экономический союз, рожденный в рамках «плана Маршалла», быстро превратился в политический и военный союз. 4 апреля 1949 г. США и Канада подписали вместе с десятью западноевропейскими странами Атлантический пакт. Говорилось, что это договор об обороне. Но любой союз является оборонительным для его членов и повернут обратной стороной к тем, против кого он направлен. Именно так расценили ситуацию в СССР[67], руководители которого имели веские основания для беспокойства.

Европа была окончательно разорвана надвое. В мае 1949 г. была принята конституция сепаратного западногерманского государства — Федеративной Республики Германии, которая к лету имела уже и свои правительственные органы. В ответ СССР в октябре месяце создал в своей зоне второе государство — Германскую Демократическую Республику. Два враждебных блока противостояли друг другу на одном континенте, который только недавно был театром разрушительных сражений; каждой из этих двух сил принадлежала теперь одна из частей побежденной Германии.

III. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ

Москва и коммунистические партии в послевоенный период

Советская Армия, готовая хлынуть внутрь Европы и занять ее вплоть до Атлантического океана, — один из наиболее распространенных мотивов пропаганды времен начала «холодной войны»; этот сюжет, называемый в наши дни в работах умеренных американских историков мифом, до настоящего времени не исчез полностью из исторических исследований[1], хотя его лживость доказана всем тем, что мы знаем о послевоенной демобилизации Вооруженных Сил СССР и об общем положении в стране. Этот миф замаскировал страх перед быстрым распространением по всему континенту коммунистических и социалистических идей, связанным с тем, что в Европе война ввергла в состояние глубокого кризиса даже самые устойчивые фундаментальные структуры капитализма. До тех пор пока Европа не была разделена на два блока, подобную возможность не отвергали также и в Москве: для Сталина рост влияния коммунистов в Европе в 1946 г. был проявлением «закона исторического развития»[2].

Левые имели абсолютное большинство в парламентах крупнейших стран. Коммунистическое и социалистическое движения вновь значительно сблизились в ходе антифашистской борьбы. Первое из них, даже после роспуска Коминтерна, сохраняло тесные политические связи с СССР, хотя они и не были оформлены каким-либо организационным образом. Говоря словами одного из активных участников событий, Москва «оставалась ориентиром, иерархической вершиной, к которой испытывали уважение даже в новых условиях динамического развития движения»; сама ликвидация Интернационала оценивалась «как адекватная и широко задуманная тактика» и скорее даже «как начало новой эпохи и новых методов». Сталин обладал необыкновенным авторитетом, он был труднодоступен, но его мнение было непререкаемым[3]. Это не мешало коммунистам различных стран разрабатывать новые политические идеи и положения на свой страх и риск, не согласовывая их более прямо с единым руководящим центром. Их представители постоянно подчеркивали в своих публичных выступлениях эту свою возможность автономного выбора: так, французские коммунисты декларировали, что их партия не вдохновляется ни из Лондона, ни из Вашингтона, ни из Москвы, а только из Парижа[4]. В действительности же они, как и все другие, внимательно и чутко прислушивались к каждому политическому указанию, исходящему из СССР, особенно если оно отдавалось лично Сталиным.

Глава американских коммунистов Браудер действовал по своей собственной инициативе, когда в 1944 г., в кульминационный момент наиболее тесного сотрудничества между союзниками по антифашист-

ской коалиции, он внес предложение относительно превращения партии в «политическую ассоциацию», более приспособленную для функционирования в рамках демократических институтов Соединенных Штатов. Несмотря на некоторую оппозицию в партии, Браудер добился одобрения своего предложения. Он тем не менее передал в Москву документацию о дебатах по этому вопросу среди американских коммунистов и получил одобрение своих действий или по крайней мере рассчитывал получить такое одобрение[5]. Годом позже, когда после Ялты возникли новые трудности в отношениях между Москвой и Вашингтоном, в адрес линии руководства американской компартии внезапно была высказана острая критика. Она исходила не прямо от СССР, а велась в форме обсуждения статьи деятеля французской компартии Дюкло, помещенной в журнале партии, но советская печать открыто поддержала эту публикацию[6]. Однако руководящие деятели американских коммунистов, которые поспешили отменить свое собственное решение, не мучались сомнениями относительно того, вдохновляются ли их действия из Москвы или нет; не испытывают они подобных сомнений и в наши дни.

В Италии, где коммунисты представляли собой многочисленную, влиятельную силу, Тольятти говорил о необходимости создания «новой партии». Он имел в виду, что партия должна быть массовой, «национальной», способной взять на себя «руководящую роль» в деле «создания демократического режима»; это была программа преодоления ленинской концепции партии как организации «профессиональных революционеров», хотя об этом предпочитали не говорить открыто. В отличие от намерений Браудера новый подход итальянских коммунистов никогда не подвергался публичному осуждению, но его реализация вызвала тем не менее недоверие со стороны других партий (а также и Москвы)[7].

Вся сложность отношений между СССР и коммунистическим движением, возникшая под воздействием новых обстоятельств и условий политической борьбы в послевоенное время, ярко проявилась в случае с компартией Греции. Имеющиеся данные говорят о том, что греческие коммунисты получали из Москвы советы избегать возвращения к гражданской войне и стремиться включиться в политическую жизнь, какими бы антидемократическими конституционными условиями она ни была бы стеснена[8]. В Афинах приняли противоположное решение. Когда же вооруженная борьба возобновилась, СССР дал задание югославам, албанцам и болгарам, прежде всего первым из них, организовать поддержку греческих партизан, но не «беря на себя инициативы» и не выступая никогда в качестве главного действующего лица[9]: в поведении СССР проявлялось осторожное одобрение, окрашенное вместе с тем в скептические тона.

Пример отношения к греческим делам можно рассматривать как обобщение всего того политического направления, которому следовал Сталин на заключительном этапе войны и в первые последующие годы. В определенных рамках он не исключал автономии компартий

и не препятствовал отдельным партиям совершать свой выбор самостоятельно, а для этого ему было бы достаточно одного знака. Но одновременно Сталин ясно показывал, что не намерен платить по всем счетам, не позволял партиям втягивать СССР в свои действия непосредственно и компрометировать его дипломатию: в случае провала Советский Союз не подвергался прямому риску. Это было вполне понятное поведение, но для его осуществления требовалось, чтобы произошло то глубокое изменение в системе отношений между СССР и коммунистическим движением, которое и было выражено в акте роспуска Коминтерна. Однако во всей этой ситуации, как мы видели, сохранялась весьма значительная доля двусмысленности.

Преобразования в Восточной Европе

Иным было положение в той части Восточной Европы, где в результате войны установилось прямое советское влияние, которому нелегко было противостоять. Но и здесь ситуация не была одинаковой в разных странах. По-разному складывались и отношения СССР с отдельными странами. Политика Москвы заключалась в проведении четкой дифференциации между побежденными странами и странами-победительницами, несмотря на то что в местных правительствах, и в тех и в других, коммунисты занимали прочные позиции[10]. Бывшие противники, за исключением Болгарии, должны были прежде всего выплачивать репарации. Некоторые страны подверглись военной оккупации, другие нет. Советские войска были довольно быстро выведены из Чехословакии, Югославии и Болгарии (в Финляндию они вообще не входили). Они оставались, хотя и в ограниченном количестве, на территории Румынии, Венгрии и Польши, которые были с политической точки зрения более нестабильными, к тому же через их территории шел транзит к советским дивизиям, расквартированным в Германии и Австрии. К факторам советского военного и политического присутствия добавлялось и большое экономическое влияние СССР в этом районе, которое было обусловлено рядом причин: распадом системы зависимости от немецкого влияния, которое в предвоенный период носило здесь массированный, если не доминирующий, характер; двойной формой репараций, включавших в себя как поставки в СССР из побежденных стран, так и германские товары, которыми в соответствии с Потсдамским соглашением Советский Союз мог распоряжаться; наконец, началом торгового обмена, связанного во многом с тем, что вся Восточная Европа столкнулась с большими трудностями в первые послевоенные годы в деле получения поставок из каких-либо иных источников, помимо СССР, а также в реализации своей продукции на более традиционных западных рынках[11].

Советское влияние ускорило те социально-политические преобразования в восточноевропейских странах, начало которым было поло-

жено в момент освобождения от фашизма. Влияние же англо-американцев, утвердившееся на Западе Европы, имело противоположный результат: отсюда, как это уже отмечалось, вытекали и различия в проводимой бывшими созниками политике, а также в используемых ими инструментах осуществления своей политики[12]. В первые послевоенные годы коммунистические партии на Востоке, несмотря на поддержку СССР, не получили каких-либо значительных преимуществ по сравнению с теми, какими пользовались умеренные и консервативные силы в остальной части Европы, где утвердились англичане и американцы. Для укрепления своих позиций каждая из этих партий должна была мобилизовать всю свою способность к выработке политических инициатив, которые стали бы ответом на запросы новой действительности, отражали бы те глубокие процессы национального обновления, которые получили развитие во всех странах с момента окончания войны.

В рамках данной книги невозможно провести анализ не только всей послевоенной истории Восточной Европы, но даже той ее весьма существенной части, в какой пути развития этих стран переплетались с Советским Союзом. Тем не менее необходимо напомнить о некоторых значительных фактах. В рассматриваемых странах были проведены глубокие реформы, которые изменили все социальные структуры и политические институты. Многочисленные монархии, сохранившиеся как пережитки прошлого в Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании, были заменены республиканскими правительствами. Такое изменение в характере государственного строя отвечало духу эпохи, оно являлось частью программных требований всех наиболее радикальных демократических политических течений ряда стран. Последней перешла к республиканской форме правления Румыния, хотя там советское присутствие было наиболее ощутимым. (СССР как держава-победительница осуществил широкую военную оккупацию Румынии, а также получил от нее значительное возмещение за понесенный в ходе войны ущерб.) Широкой поддержкой пользовались и другие реформы, проведенные в первые послевоенные годы правительствами, созданными на базе народных и национальных фронтов, в которых коммунисты играли наиболее активную роль.

Были осуществлены преобразования по следующим трем основным направлениям: аграрные реформы, национализация крупной промышленности, введение планирования экономики. Характер и скорость реализации всех этих нововведений варьировались от страны к стране. Аграрная реформа наиболее широко проводилась в Венгрии и Польше, была осуществлена она и в Чехословакии, Югославии, Албании, Румынии, а также в ограниченном масштабе в Болгарии, где мелкая крестьянская собственность уже преобладала. Распределение земли было проведено на основе скорее политических, чем экономических соображений: маленькими участками земля была роздана множеству крестьянских семей, явно чтобы удовлетворить же-

лание владеть землей как можно большего числа людей; возможность ведения на этих участках эффективного крепкого хозяйства во внимание не принималась[13]. В результате в Восточной Европе была уничтожена крупная земельная собственность и повсеместное распространение получило мелкое крестьянское хозяйство. Национализация промышленности и финансовых учреждений проводилась первоначально в странах, которые были союзниками СССР в войне, а в странах — бывших противниках значительно позже (за исключением Венгрии)[14]; она не затронула большое число мелких и средних частных предприятий и в то же время дала государству возможность контролировать экономическую жизнь. Что касается идеи планирования, то она была широко распространена среди экономистов Восточной Европы и «не только среди левых кругов»[15], что имело также определенные последствия: введение планирования вовсе не обязательно исходило прямо из Москвы, хотя сама эта идея развилась не без влияния опыта СССР на экономическую мысль послевоенной эпохи. В большей части стран исходным пунктом планирования были краткосрочные планы (на 2—3 года), направленные на восстановление народного хозяйства; исключение составляла только Югославия, где составлялись гораздо более амбициозные планы.

На всех этих реформах, особенно в первый период их реализации, лежал сильный отпечаток национальной специфики; они отражали также демократические и социалистические тенденции. Только небольшая часть той земли, которую распределяли между крестьянами в Чехословакии и Польше, была отобрана у крупных собственников; все остальные земельные угодья приходились на территории, отторгнутые у немцев (в одном случае в Судетах, в другом — в Пруссии и на западных землях Польши). В Югославии национализация была осуществлена в основном путем конфискации имущества бывших оккупантов и коллаборационистов. В Польше и Чехословакии этот процесс также начинался с аналогичных мероприятий. Он приобрел более широкие масштабы лишь позднее: в Польше это произошло прежде всего под влиянием объективно существовавшего положения вещей — бóльшая часть предприятий была покинута или потеряна бывшими владельцами еще во время войны, будь то собственники-немцы или лица других национальностей; в Чехословакии экспроприация проводилась уже в ходе непосредственной острой борьбы за социалистическое преобразование общества[16]. Национальные или даже откровенно националистические акценты, явно антинемецкие, были характерны для политики новых правительств и часто составляли основные движущие мотивы их действий. Эти черты особенно ясно проявились в тех странах, которые пережили гитлеровское вторжение. «Польша навсегда вернулась на древние земли Пястов*», — заявлял польский политический деятель Гомулка в от-

* Пясты — первая королевская династия, правившая в начале нашего тысячелетия на землях бассейна рек Одер и Висла, до того как началось длительное перемещение центра польского государства к югу и востоку, которое происходило под давлением немцев.

вет на протесты в Германии и в Соединенных Штатах против новой границы по рекам Одер — Нейсе; он без колебаний вступал в спор по этому поводу также и с немецкими коммунистами[17].

Несмотря на общий для всех стран фактор советского влияния, в политической ситуации каждой из них сохранялись специфические особенности. Внутри национальных границ отдельных стран происходили резкие столкновения различных политических сил, что было характерной чертой переживаемого переходного периода; но и эта общая тенденция проявлялась далеко не одинаково. Различались прежде всего внешние формы этих столкновений. Они носили типично парламентарный характер в Чехословакии и Венгрии, где прошли законные выборы (коммунисты получили 38 % голосов в первой стране и 17 % голосов во второй). В Польше они вылились в настоящую гражданскую войну, в которой за первые два послевоенных года только среди сторонников правительства погибло 15 тыс. человек[18]. В Румынии и Болгарии борьба велась традиционными «балканскими» методами: в качестве основных рычагов управления государством без всяких предрассудков использовались не избирательные урны, а вооруженные силы, направляемые против политических противников. Уже эти резкие различия не позволяют рассматривать Восточную Европу как нечто однородное или тем более нечто совершенно отдельное от всего остального континента: между послевоенной Чехословакией и Францией было гораздо больше общего, чем между Чехословакией и Югославией или Болгарией.

Разумеется, нельзя пренебрегать такими общими для всей этой группы стран явлениями, как советская гегемония и проникновение. Коммунисты повсюду (даже в Финляндии) находились в составе правительств, занимая там весьма влиятельные позиции, но, за исключением Югославии и Албании, они получили доступ к власти в составе широкой коалиции политических сил. Коммунисты во всех странах в период непосредственно после окончания войны имели наиболее конкретную и динамичную программу, способную получить самую широкую поддержку[19]. Даже там, где они явно находились в меньшинстве, как, например, в Польше, им удавалось играть роль движущей силы тех коллективных действий, которых оказалось достаточно для того, чтобы нейтрализовать, если не полностью подавить, враждебные политические силы[20]. Результаты были просто отличными. Преодолевая тысячи трудностей, восстановление экономики взяло хороший старт: инфляция была побеждена; заводы начали работать; уровень жизни приближался к довоенным стандартам, при этом обеспечивалась бóльшая социальная справедливость. Один историк, относящийся весьма критически к общему направлению эволюции этих стран, характеризовал период первых послевоенных лет как время достойной всяческой похвалы «национальной работы», «общего возрождения, которое шло в направлении прогресса, указанном самой жизнью». Так же вспоминала всегда об этих годах и бóльшая часть активных участников событий[21].

Споры о «народной демократии»

Преобразования, которые происходили на Востоке Европы, отличались от того, что было сделано в Советской России в результате революции. Даже экономика организована была на смешанной основе и представляла собой нечто совершенно невиданное (аналогии, которые проводятся с периодом нэпа в России, весьма поверхностны). Смущение и беспокойство испытывали не только сторонние наблюдатели; у самих творцов событий осознание новизны проводимого эксперимента вызывало сложные чувства. Все ведущие представители компартий — поляк Гомулка, чех Готвальд, венгр Ракоши, болгарин Димитров — говорили в своих выступлениях о «новом пути», «национальном пути» к социализму; время от времени указывалось, что это путь специфически польский, чехословацкий, венгерский и т. д. Те же самые выражения использовались коммунистами в Италии, Франции, Германии[22]. Говорилось о «другом пути», что в сложившихся обстоятельствах означало, и часто это ясно давали понять, выбор дороги, отличающейся от той, какой шел СССР. Димитров, лидер распущенного Интернационала, которого Сталин задержал в Москве более чем на год после освобождения Болгарии, провозгласил, что в новых исторических условиях более не нужна «диктатура пролетариата». Гомулка даже отрицал пригодность системы Советов как «формы осуществления власти»[27]. Эти утверждения не сопровождались анализом первоначального содержания этих понятий, какое они имели в ленинской терминологии и в первый период большевистской революции, в ходе которой они и родились. Имелась в виду не столько ревизия теоретических положений, сколько отказ или существенные коррективы конкретного исторического содержания этих понятий, какое они приобрели в условиях сталинского Советского Союза. Это было отражением тех новых черт, которые многие коммунистические партии приобрели в ходе антифашистской борьбы и которые находили выражение во многих формах. Но наряду с признаками нового в каждой из партий имелись проявления непонимания ситуации и скептицизма, склонность сводить все к тактическим маневрам; эти ограниченные толкования событий подвергались критике, с ними велась борьба[24].

В первый момент со стороны СССР не последовало открытых возражений. Сама синхронность отмеченных выступлений показывает, что их в большей или меньшей степени одобряли советские руководители и сам Сталин. В отдельных случаях — чехословацком, немецком, венгерском, — как выяснялось, были проведены специальные консультации с Москвой[25]. Даже советская печать поместила некоторые новаторские высказывания руководителей коммунистических партий Восточной Европы (например, выступление Димитрова). В отличие от Соединенных Штатов СССР сражался во второй мировой войне и вел борьбу в послевоенном мире не ради утверждения своих универсальных ценностей и концепций, но во имя более об-

щих идеалов демократической идеологии, которые были едиными для всей антифашистской коалиции. Сталин лелеял мечту, которую, казалось, разделяли с ним последователи левых сил в Западной Европе, о том, что социализм утвердится и в тех странах, куда не дошли советские войска, пусть даже в форме, неизбежно отличной от советской; он выражал эту мысль в частной беседе с английскими лейбористами, успех которых на послевоенных выборах произвел на Сталина сильное впечатление[26]. Но у него были по этому поводу и большие сомнения, даже замешательство. В одном из разговоров с англичанином Ласки Сталин объяснял, что у него с Молотовым существуют по этому поводу расхождения — последний более пессимистически смотрит на перспективы развития событий в Западной Европе[27]. Приведенный рассказ интересен не столько как свидетельство возможных разногласий между двумя советскими ответственными деятелями (Молотов мог иметь свое мнение, но не был вправе реально противопоставить его мнению Сталина), сколько в качестве показателя того, что глубокая неуверенность существовала тогда в самых верхних эшелонах советского руководства, начиная с самого Сталина, в отношении перспектив социализма в Европе.

Мы видим также и другие симптомы этой неуверенности. Хотя проблемы эти имели колоссальное значение для всего коммунистического движения, однако ни Сталин, ни какой-либо другой советский руководитель никогда не останавливались в публичных выступлениях на характеристике природы новых государств, которые переживали период становления в странах Восточной Европы, и не анализировали возможность достижения социализма различными путями.

Значительное внимание, однако, в Москве уделяли этим вопросам некоторые ученые, чьи труды не могли быть неизвестны руководителям страны. В их работах подчеркивалась принципиальная новизна восточноевропейского опыта; они проводили различие между теми явлениями, которые были характерны для этих стран, и общим процессом широкого распространения государственного капитализма в послевоенном мире, хотя указывалось и на связь между этими феноменами (национализированные предприятия в Восточной Европе были в первый момент определены как «государственно-капиталистические»[28]).

Экономист Варга был первым, кто еще в 1946 г. начал называть «демократиями нового типа» такие страны, как Польша, Болгария, Югославия, Чехословакия[29]. Кроме того, он определял в своих работах их становление как «неизвестный до этого в истории человечества путь развития», как нечто такое, «чего ни Ленин, ни Маркс не предвидели». Он исключал их трактовку как «диктатуру пролетариата»: вместо того чтобы быть уничтоженным, старое государство подвергается перестройке, сохраняя «внешне форму парламентской демократии». Варга подчеркнул смешанный характер их экономики. Все же определенное замешательство и неуверенность проявлялись

в его исследованиях, в частности в тех недоговоренностях и неопределенности, которые возникали всегда, когда речь шла об отличиях этих государств от советского режима: например, о положении коммунистических партий, которые в «новых демократиях» не обладали монополией на власть, как это было в СССР. Варга долго колебался, прежде чем употребил термин «народная демократия», поскольку этот термин как бы допускал, что демократия, которая была названа «советской», не была народной[30].

Против новых тенденций в коммунистическом движении раздавались и резкие возражения, но исходили они в то время не столько из Москвы, сколько из Белграда. Югославские коммунисты гордились своим успехом, достигнутым в основном их собственными силами; они не могли не замечать и не учитывать специфики своего революционного опыта, тем не менее они не акцентировали на ней внимания: югославские коммунисты с гордостью отмечали все, что сближало их собственную победоносную борьбу с русской революцией. Одними из первых они определили сущность своего государства как «народную демократию», но, не колеблясь, расценивали эту формулу в качестве простого варианта «диктатуры пролетариата» или же «советской демократии». Их народно-освободительные комитеты были похожи на Советы, Народный фронт был не коалицией различных партий, а массовой организацией, чья программа не отличалась от программы коммунистов[31]. Конституция, принятая в 1946 г., явно была вдохновлена советской конституцией 1936 г., в особенности в части решения национального вопроса путем создания федеративной системы[32]. Их первый экономический план был составлен в форме пятилетнего плана индустриализации и развития, который впоследствии был оценен в Советском Союзе как «утопия», но он был так похож на советскую первую пятилетку[33]. Уже в конце войны югославский деятель Джилас говорил Сталину, что правительство его страны является «в полном смысле слова советским по своему типу»; Сталин более сдержанно определил югославский путь как «путь посередине между Францией де Голля и Советским Союзом»[34].

Сама эта идея — быть как можно более похожим на СССР, чтобы «дальше продвинуться» по пути к социализму, — была свойственна в ту эпоху не только югославам. Это их стремление порождало некоторые трения между Белградом и руководящими группами компартий других стран, хотя в самом коммунистическом движении престиж югославов в ту эпоху был высок и уступал только престижу СССР[35]. Представители новой Югославии были склонны упрекать другие партии в том, что они не смогли использовать в той же степени, в какой это удалось югославам, революционные возможности, открывшиеся в ходе антифашистской войны. Было бы ошибкой делать на этом основании вывод, что они были бóльшими сталинистами, чем другие. Никто тогда не мыслил такими категориями. В концепциях югославских коммунистов соединялись идеи Ленина и Сталина, программные положения из эпохи деятельности большевиков и

опыт последующих лет развития советского строя. Вряд ли многие из них были в состоянии, как и кто-либо из коммунистов тех лет, проследить эволюцию этих идей, провести различие между их первоначальным революционным содержанием и тем смыслом, который они приобрели в сталинском Советском Союзе.

Рождение Коминформа

В середине 1947 г. окончательный раскол Европы надвое полностью изменил основные направления политической борьбы в обеих частях континента. В Западной Европе коммунисты в мае месяце были изгнаны из правительственных коалиций, в которых они участвовали начиная с последнего этапа войны.

Крыло социал-демократии, представлявшее ее большинство, дало свое согласие на то, чтобы изолировать коммунистов. В Восточной Европе весной и летом 1947 г. были предприняты жестокие репрессивные меры против наиболее видных руководителей ведущих крестьянских партий, которые составляли основную силу потенциальной оппозиции. Под давлением позорящих обвинений Ференц Надь, венгерский премьер-министр, вынужден был не возвращаться из-за границы, где он временно находился. Болгарский деятель Петков был арестован и приговорен к смерти, причем на процессе обвинения в преступлениях не были доказаны должным образом[36]. Румына Маниу сослали на каторгу. Поляк Миколайчик покинул свою страну, чтобы избежать той же участи.

Но подлинный ответ на «план Маршалла» пришел с Востока только в последней декаде сентября, когда в обстановке особой секретности было проведено в окрестностях Вроцлава в местечке Шкларска Пореба (в Силезии, снова ставшей польской) совещание наиболее авторитетных представителей девяти европейских коммунистических партий: семи правящих партий Восточной Европы (советской, югославской, польской, чехословацкой, венгерской, румынской и болгарской) и двух находящихся в оппозиции партий из Западной Европы (французской и итальянской). Через четыре года после роспуска Коминтерна на этом совещании родилась новая международная коммунистическая организация: Информационное бюро коммунистических и рабочих партий, более известное на Западе под сокращенным неофициальным, но широко употребляемым названием Коминформ.

Хотя организаторами совещания выступали поляки, инициатива его проведения принадлежала советскому руководству, то есть Сталину. Итальянцы и французы были приглашены в последний момент и даже не знали, что их ожидает[37]. Какие-то предварительные консультации заинтересованных сторон, видимо, проводились; возможно, они состоялись до встречи и наверняка велись в ее ходе за кулисами, но к участию в них привлекались главным образом восточноевропейские партии: все их делегаты были уже на месте к моменту прибы-

тия итальянцев и французов[38]. Активное участие в этой подготовительной работе принимали компартии СССР и Югославии: именно Югославии мы обязаны большей частью информации о содержании этой работы, но достоверность их сведений не была никогда подтверждена на каком-либо коллективном обсуждении всех этих событий. Воссоздание международного органа коммунистических партий предполагалось югославами еще в 1945 г. (а затем еще раз в 1946 г.). Сталин относился к этой идее одобрительно, но предпочитал выжидать[39]. «План Маршалла» и необходимость выработки какой-то политической структуры для организационного оформления обширной зоны своего влияния побудили его решиться на ускорение хода событий. Непосредственно в процессе предварительных консультаций в самой Шкларска Пореба основными поборниками создания новой организации выступали советские и югославские представители, в то время как поляки отнеслись к этой идее холодно, а чехословаки вели себя уклончиво. Когда речь зашла о выборе местонахождения Информационного бюро, Сталин склонялся к размещению его в Белграде, а не в Праге[40].

Совещание проходило с 22 по 27 сентября и практически было разделено на два этапа. В ходе первого выступили представители всех партий*; началась его работа с речи советского деятеля Маленкова; в выступлениях были изложены оценки политической ситуации, сообщено о достигнутых успехах, о трудностях, с которыми пришлось столкнуться, об организационной работе по укреплению соответствующих организаций. Выступления были очень разными по своему характеру, в них проявлялась неоднозначность путей, по которым шли и намеревались и далее идти различные партии; идея о том, что все должны перестроиться в соответствии с унифицированной моделью, даже не выдвигалась.

Венгерский представитель Реваи заметил, что в восточноевропейских компартиях есть две тенденции в определении политической линии: в соответствии с одной из них, это относится главным образом к полякам и чехословакам, считалась желательной широкая коалиция между многочисленными политическими силами; вторая заключалась в стремлении обеспечить абсолютное господство коммунистической партии [41]. Это замечание носит обобщенный характер, а поэтому лишь кратко резюмирует позиции (использованные в действительности в ходе дискуссий выражения не были столь ясными и отчетливыми).

На первом этапе совещания среди прочих выделялся доклад югославского представителя Карделя — это был блестящий анализ революционного опыта его народа в ходе войны. Если коммунисты вышли из боев единственными победителями, говорил Кардель, то

* Присутствовали: Ждаиов и Малеиков от СССР, Кардель и Джилас от Югославии, Гомулка и Минц от Польши, Сланский и Баштоваиский от Чехословакии, Реваи и Фаркаш от Венгрии, Георгиу-Деж и Аииа Паукер от Румыиии, Червеиков и Поптомов от Болгарии, Дюкло и Фажон от Франции, Лонго и Реале от Италии.

это произошло не в результате «случайности» или «особенно благоприятных условий»; такое стало возможным благодаря политической линии, которая доказала свою правильность; суть ее — вооруженная борьба, опора на народные массы, а не на альянс с другими партиями, уничтожение старого государственного аппарата и создание нового государства прямо во время партизанской войны. Именно потому, что такая ориентация была избрана еще в период боевых действий, югославские коммунисты смогли ясно видеть различие между великими державами антифашистской коалиции; они не ставили их в один ряд и понимали, что «братский союз Москва — Белград составляет опору, естественную гарантию нашей независимости». Здесь впервые была начата открытая полемика. Югославы, говорил Кардель, «без затруднений преодолели влияние определенных оппортунистических тенденций, которые дали себя знать в последний период войны», когда другие партии поверили даже, что наступает «период мирной парламентарной эволюции империализма», хотя в действительности с приближением периода нового кризиса капиталистической системы наиболее реакционные силы ждут первого удобного случая, чтобы перейти в наступление. «Ошибочным и опасным» было бы полагать, что какое-либо правительство с участием коммунистов могло бы воплотить «некую новую народную демократию»; ошибкой было бы думать также, что может существовать «старая форма парламентарной демократии с новым содержанием», на самом деле следует говорить о «специфической форме советской демократии»[42].

Второй, более полемический этап работы совещания начался 25 сентября со знаменитого доклада советского представителя Жданова «О международном положении»*. Он представлял собой идеологическую платформу, на основе которой руководители СССР готовились сражаться в «холодной войне»; они призывали и другие коммунистические партии присоединиться к ним. Мир, по Жданову, разделился теперь на два лагеря: один из них — «империалистический и антидемократический», во главе которого стоят Соединенные Штаты, второй — «антиимпериалистический и демократический», имеющий своей «опорой» Советский Союз. Задачей первого является «подготовка к новой империалистической войне» в целях «борьбы против социализма и демократии»; второй лагерь, таким образом, должен вступить в битву за «сохранение прочного демократического мира». В этом деле «ведущая роль принадлежит Советскому Союзу и его внешней политике». Из анализа положения, проведенного

* В действительности имеются различные указания относительно того момента, когда Жданов выступил со своим докладом. В своих воспоминаниях итальянские делегаты склонны отнести его к началу работы совещания (*E. Reale*. Op. cit., p. 25). Дата 25 сентября дается по личным записям чехословацкого деятеля Баштованского (цитируется по статье К. Каплана в еженедельнике «Панорама» от 17 марта 1977 г., с. 221). Это датирование кажется более приемлемым, так как оно согласовывается с данными о порядке работы, который можно восстановить благодаря рассказам итальянских свидетелей этих событий.

Ждановым, вытекала необходимость для каждого решиться на выбор и присоединиться к тому или другому лагерю. Он объявил «доктрину Трумэна» и «план Маршалла» «выражением единой политической линии», нацеленной на «установление широкого господства американского империализма»; роль более слабых капиталистических государств оценивалась как положение ничтожных вассалов. У европейских народов должно, следовательно, существовать «неуклонное стремление к сопротивлению»; на европейские коммунистические партии возлагалась особая «историческая задача встать во главе сопротивления» и «принять в свои руки знамя защиты национальной назависимости»[43]. Для того чтобы понять, насколько поворотным в подлинном смысле этого слова был характер речи Жданова, необходимо учесть, что всего несколькими неделями ранее коммунисты объявили разделение мира на враждебные блоки изобретением «реакционных кругов», с этим разделением необходимо бороться и разоблачать его; теперь же, напротив, сам Жданов говорил об этом как о безусловном факте; такое разделение делало, по его оценке, невозможным какой-либо нейтралитет или даже просто колебание[44].

В то время доклад Жданова был опубликован не полностью: значительная его часть вошла в текст официальной резолюции, принятой совещанием. Другая часть выступления осталась секретной, так же как и содержание всей дискуссии, последовавшей за этой речью. В ней содержалась резкая критика французских и итальянских коммунистов. Тех и других Жданов обвинял в том, что они не выступили против американского нажима, целью которого было изгнание представителей компартий из правительств, а также в том, что их отношение к «плану Маршалла» было слишком одобрительным; они как бы опасались выступать в своих странах противниками американских кредитов. Как те, так и другие (хотя по этому поводу порицания заслужили также и не названные конкретно многие иные партии) слишком уж старались подчеркивать свою независимость от Москвы, вместо того чтобы декларировать ясную и честную поддержку Советского Союза[45].

Те же критические замечания, включая последний пункт, высказывали и югославы, к тому же в еще более категорических выражениях: Кардель адресовал их итальянцам, Джилас — французам. Кардель говорил о «сползании» к «оппортунизму» и «парламентаризму», которое, помимо непростительного случая с французами и итальянцами, охватило и другие партии — в их поведении сквозит ослепление теми же иллюзиями, которые в период после первой мировой войны подорвали способность социал-демократии выступить в поддержку революционного движения. По его мнению, можно было провести аналогию между двумя ситуациями; итальянцы и французы не смогли воспользоваться возможностью для вооруженного антифашистского восстания, открывшейся в результате действий антифашистского Сопротивления. Они приняли участие в правительственных коалициях, не пытаясь даже использовать их для захвата

ключевых позиций в своих странах. Излишняя осторожность, опасения попасться на провокацию привели их в западню страха. Пример Греции, приведенный ими в их толковании, не выглядел убедительно. Напротив. В речи Кардель хотя и говорил, что никто не хочет советовать другим партиям идти тем же путем, но утверждал, что положение в Греции все же лучше, чем в Италии и Франции, так как в первой из названных стран «коммунисты находятся в наступлении»; было бы хорошо, если бы это можно было сказать и о других двух странах. Джилас повторил те же аргументы[46].

Многие из присутствующих присоединились к критике; некоторые поддержали ее, присовокупив гордые похвалы в свой собственный адрес, как это сделали румынская деятельница Паукер и венгр Фаркаш; другие — поляк Гомулка и чехословацкий представитель Сланский — выступили сдержанно. Но никто из них не имел такого престижа, как югославские и советские руководители. Хотя итальянцы и французы согласились признать свои «ошибки», Жданов, подводя итоги дискуссии, прямо заявил, что эти две партии не могут ограничиться небольшим исправлением своей ориентации, они должны провести «радикальный пересмотр» своей «политической линии»[47].

Так или иначе, в итоговой резолюции не было сказано ни слова критики в отношении итальянцев и французов. Но несмотря на это, дебаты в Шклярска Пореба ознаменовали собой начало нового периода в развитии европейского коммунистического движения. В переломный момент «холодной войны» оно следовало воле Сталина, который до мелочей направлял его деятельность, стремясь дать ответ на американский вызов. Он принял в целом правила игры, которые ему навязывали новые противники. На «холодную войну» он отвечал «холодной войной». Была воспринята логика фронтального столкновения. Во имя ее в жертву приносились даже соображения о возможности будущего распространения в мире идей социализма и коммунизма. Для Сталина задачей первоочередной важности была консолидация блока сторонников для борьбы с противостоящим блоком даже ценой изоляции коммунистического движения непосредственно в сфере советского влияния. За пределами ее границ коммунистические партии были для Сталина тем, что на военном языке называется «отрядами дальнего прикрытия». Призывая не «недооценивать своих сил» и «не переоценивать сил противника»[48], Жданов одновременно нанес удар по всей политике союзов, которые коммунисты стремились создавать. Эта политика, сказал он, не может быть такой же точно, какой она была в борьбе с фашизмом. По мнению Жданова, не следовало бояться потерять союзников, не надо и искать их обязательно в среде традиционных левых сил. Например, неверным было бы считать, что социалисты осуществляют политику, близкую линии коммунистов; напротив, они могут оказаться более реакционными, чем сама буржуазия, и могут поэтому стать главными врагами, против которых следует «сконцентрировать огонь»[49].

Действительно, различные западноевропейские социал-демократи-

ческие партии несут тяжелую ответственность за раскол Европы. Но Жданов не ограничился критикой (пусть даже весьма острой) их политики. Он произвел эксгумацию установок, типичных для Коминтерна в период конца 20-х—начала 30-х гг., то есть времени, предшествующего повороту к политике Народного фронта. Это была не единственная аналогия с тем периодом. Во всем, что касалось характеристики противника, исчез реальный внимательный анализ подлинных противоречий, он уступил место чисто пропагандистским клише: Жданов говорил о «фашизации внутренней политической жизни в Соединенных Штатах Америки» и предсказывал наступление в этой стране «неизбежного экономического кризиса»[50].

На совещании в Польше Жданов и Маленков, представлявшие СССР и Сталина, играли первостепенную роль. Они, однако, понимали, что необходимо иметь союзников, и нашли их главным образом в югославских делегатах. Атака на итальянцев и французов была заранее согласована между ними[51]. В заключительном коммюнике югославы были названы первыми, и речь Карделя была опубликована советской печатью первой среди выступлений всех других участников совещания[52]. В более поздний период белградские руководители будут каяться в таком поведении и, что гораздо важнее, сумеют извлечь из этих событий полезный урок, который сыграет большую роль при поиске основы новых взаимоотношений внутри международного коммунистического движения. Но при оценке ситуации 1947 г. нельзя удовлетвориться гипотезой, что ход совещания был результатом «дьявольских махинаций» Сталина, имевшего якобы своей целью посеять враждебность между югославами и другими участниками[53]. Как бы ни сказалась здесь игра Сталина, объяснения такого рода являются упрощенческими: сами югославы позже признавали, что «не понадобилось много слов, чтобы уговорить их согласиться» принять отведенную им роль[54]. При более беспристрастном рассмотрении учредительное совещание Коминформа предстает совместным делом, осуществленным в условиях согласованной советско-югославской гегемонии. Несмотря на соблюдение видимости равенства между представленными партиями, сами советские представители действовали так, будто они прежде всего признают необходимость участия югославов в руководстве движением наравне с советскими коммунистами, хотя это не исключало и того, что не все руководящие роли будут поделены с ними.

Двумя неделями позже были подготовлены все заключительные сообщения и документы совещания. Партии, направившие своих представителей в Польшу, приняли решение создать Информационное бюро для «обмена опытом и в случае необходимости координации своих действий на основе добровольного свободного согласования позиций», что должно было положить конец «негативным явлениям, связанным с отсутствием контактов между партиями»[55]. Что же представлял собой Коминформ? Воссоздание Интернационала? Некоторые из активных участников событий, как, например, ру-

ководители итальянских коммунистов, это отрицают; отрицал это и Сталин в своей беседе с лейбористским депутатом из Англии Зиллиакусом[56]. Действительно, имелась значительная разница между новой организацией и распущенным Коминтерном. Ее участники, а среди них были только европейские партии, представляли лишь меньшинство коммунистических партий мира; они были отобраны в соответствии с критериями, о которых можно судить в свете более широкой советской политики, но которые никогда не были названы и объяснены публично и не обсуждались в приватном порядке, так что о них можно лишь догадываться. Те партии, которые не были включены в организацию, не протестовали, но некоторые из них испытывали скрытую досаду[57]. Приглашенными оказались только две компартии, действующие за пределами Восточной Европы, — французская и итальянская, — обе они подверглись критике: это были не только наиболее влиятельные партии, но именно те, которым политика антифашистского единства принесла наибольшие успехи. Хотя Коминформ стремился представить себя организацией, существенно отличающейся от Коминтерна, но, выступая с критикой западноевропейских компартий, он действовал совершенно аналогичным образом. Однако Коминтерн в свое время был создан в качестве единой мировой революционной партии, по отношению к которой национальные организации коммунистов отдельных стран выступали как простые «секции»; таким образом, он имел для своих действий идеологическое оправдание, которого Коминформ был лишен. Новая организация поэтому с самого момента своего рождения действовала под знаком фатальной раздвоенности.

Ликвидация антифашистских единых фронтов

Изменение политической линии не замедлило проявиться; особенно сильно сказалось оно на положении в восточноевропейских странах. В первую очередь процесс этот затронул отношения между коммунистами и социалистами. В предшествующий период в тех и других партиях довольно широко распространились снискавшие себе многочисленных сторонников идеи о том, что их сотрудничество времен войны и первых послевоенных лет может стать первым шагом на пути к будущему объединению, а следовательно, и к преодолению со временем исторического раскола европейского рабочего движения. Единственный пример слияния в единую организацию этих партий имелся в советской оккупационной зоне Германии; оно произошло весной 1946 г. Хотя в этом деле была проявлена излишняя поспешность, которая принесла больше вреда, чем пользы, само объединение проходило на основе относительного равенства сторон и вызывало, по словам одного из участников событий, испытавшего затем чувство разочарования, «подлинный и искренний энтузиазм»[58]. Решающее значение имели воспоминания о том, какую трагическую роль сыграл раскол между коммунистами и социалистами в приходе

Гитлера к власти. После же учреждения Коминформа в странах народной демократии, где обе партии продолжали существовать раздельно, события стали развиваться совершенно иным образом.

Начало положили румыны, которые в наступившем 1948 г. немедленно осуществили объединение партий самым грубым авторитарным методом. В течение нескольких последующих месяцев та же самая схема была воспроизведена во всех других странах: в Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Польше. Подлинные предпосылки объединения двух политических движений повсюду еще не созрели.

Напротив, существовало сильное сопротивление объединению со стороны некоторых, часто многочисленных, групп социалистов, даже тех, которые были готовы к сотрудничеству с коммунистами. Их аргументы не были лишены основательности. Польский деятель социалистического движения Осубка-Моравский, который был первым председателем Временного правительства в Люблине, указывал на возможные негативные последствия поспешного решения для взаимоотношений между коммунистами и социалистами (или, как он выразился, для «единого фронта») в международном масштабе[59]. Возражения такого рода повсюду отметались с резкой категоричностью. Происходившее создание единых партий не было, таким образом, подлинным объединением; оно представляло собой скорее простое и насильственное поглощение коммунистическими партиями старых социалистических партий, по большей части сопротивлявшихся этому процессу. Как и предвидел Осубка-Моравский, эти события лишь углубили, а не уменьшили раскол в европейском рабочем движении, поскольку к прежним противоречиям были добавлены новые основания для обид и разрыва связей, что могло проявиться открыто повсюду за пределами сферы советского влияния.

Создание Коминформа наложило свой отпечаток на развитие положения в Чехословакии. Проба сил между правым и левым крылом Национального фронта произошла в Праге в конце 1947— начале 1948 г. Представители умеренных партий легкомысленно подтолкнули события, взяв на себя инициативу и спровоцировав правительственный кризис. Они надеялись, что коммунисты будут побеждены и потеряют свое влияние. Сражение в Праге было проведено и выиграно без прямого участия Советского Союза, хотя он и следил пристально за развитием кризиса и был готов вмешаться. Сильная коммунистическая партия одержала верх над своими противниками благодаря трем факторам: способности мобилизовать и вывести на площади массы трудящихся, которые активно поддерживали радикальную программу социальных преобразований; установлению контроля над такими фундаментальными инструментами государственной власти, как полиция и армия, соблюдавшими по меньшей мере благожелательный нейтралитет; поддержке, полученной, хотя и не без сопротивления, от социалистов, которые считали необходимым уважать букву, если не дух, конституционной законности. Ситуация становилась все более напряженной,

но в последние дни февраля 1948 г. кризис был преодолен[60]. Широкое участие народа в этих событиях делает необоснованным утверждение о том, что это был переворот, а такие утверждения встречаются до сих пор. Этого не забыли даже те из участников событий, которые испытали разочарование. «Февраль 1948 г. был нашей революцией, нашим Октябрем 1917 г., — рассказывал один из них много позднее. — Мы жили в те дни... без сна, перенося лишения, отдаваясь делу всем своим сердцем... Для нас это была революция молодых...» «Результаты столкновения сил мы восприняли с неподдельным энтузиазмом, — добавляет другой. — Мы пойдем вперед все быстрее, больше не будет саботажа... Вперед гигантскими шагами к более справедливому обществу»[61].

Но критика, прозвучавшая в Шкларска Пореба, хотя направленная против французов и итальянцев, относилась также и к чехословакам, к их пристрастию к парламентской демократии. В соответствии с новыми установками Коминформа чехословацкие коммунисты после февраля 1948 г. быстро свернули в стране все формы конституциональной активности. Были уничтожены политические партии, входившие ранее в коалицию Национального фронта, поглощена социалистическая партия, подвергнуты жестоким репрессиям политические противники. Все то, что отличало политическую жизнь Чехословакии, с ее глубокими демократическими традициями, от других восточноевропейских стран, перечеркивалось; ситуация развивалась в сторону все большего единообразия.

Последствия поворота в политике наложили свой отпечаток и на события в Москве. Летом 1947 г. была начата публичная полемика вокруг работ Варги и других ученых, исследовавших послевоенную мировую экономику. Вскоре после образования Коминформа первые удары критики были сочтены излишне «либеральными», они уступили место убийственным обвинениям, которые привели к закрытию Института мирового хозяйства и мировой политики, где Варга был директором[62]. Претензии к экономистам касались именно высказываний о природе и месте государств народной демократии: их осуждали в основном за попытки останавливаться на характеристике своеобразия развития освобожденных стран, отличавшего их от СССР, в то время как следовало подчеркивать то, чтó отделяет хозяйство стран Восточной Европы от экономики капиталистических стран и приближает к другой системе — социалистической, основополагающую близость их пути и пути Советского Союза[63]. Эта полемика переросла в широкую критику, которая велась с позиций, изложенных Ждановым на учредительной конференции Коминформа.

Варгу и его коллег обвиняли также в том, что они преувеличивают значение и возможности вмешательства буржуазного государства в экономику, в том, что они не осветили в достаточной степени «загнивание» капитализма, создавали о нем «апологетическое» представление, кризис экономики капитализма отодвигали на более отдаленные годы[64]. В ходе этой полемики на свет были извлечены

положения Сталина, выдвинутые много лет назад, в разгар знаменитого кризиса мировой экономики 1929 г. или же непосредственно после него; вновь стали говорить о так называемом третьем этапе общего кризиса капитализма, возвращаясь, таким образом, к теоретическим установкам, которые в истории СССР и Коминтерна были тесно связаны с тем, что предшествовало политике Народного фронта, то есть с периодом, когда социал-демократов называли «социал-фашистами», а атаки велись прежде всего против промежуточных политических сил[65].

Контратака Сталина американской политики еще более углубила раскол Европы и всего мира. Соединенные Штаты разорвали старые антифашистские союзы. В ответ СССР отнюдь не стал защищать их, напротив, он уничтожал их. Такова была логика «холодной войны». И те, и другие прежде всего сосредоточились на поддержании контроля над своими сферами влияния. От стран, сблизившихся с Москвой, советское руководство требовало создания системы, как можно более схожей с ее собственной. Но для достижения этой цели создания Коминформа было явно недостаточно. Требовались более сильные меры.

Следует спросить: был ли такой ответ на наступление Соединенных Штатов наиболее адекватной реакцией; были ли те симпатии и те нейтральные силы, пожалуй, даже доброжелательные нейтральные силы, на которые СССР и коммунисты могли бы рассчитывать, столь незначительными, что не оставалось возможности избрать иной путь? Другие альтернативные варианты политики остались лишь гипотетической возможностью. По своей собственной инициативе СССР изолировал себя, вызвав этим полное ошеломление и растерянность широких кругов общественности, которая смотрела на Москву с интересом и благожелательностью, особенно во время войны. Два фактора сделали невозможным для Сталина следовать иной дорогой или даже представить этот иной путь. Первый — военное и политическое господство, полученное СССР в Восточной Европе в результате победы; но так как оно не дополнялось реальным влиянием ни в идеологической, ни в культурной, ни в экономической областях, в распоряжении СССР находились лишь наиболее грубые инструменты контроля. Второй фактор, как это уже бывало не раз в прошлом, — особенность внутреннего положения в сталинском Советском Союзе[66]. Именно к ней-то мы и должны обратиться теперь.

IV. ВОССТАНОВЛЕНИЕ: УСПЕХИ И ДИСПРОПОРЦИИ

Вновь развитие промышленности

Во время критической кампании против Варги был затронут также вопрос о способности государственного вмешательства в ход воспроизводства, о возможности существования элементов планомерности в капиталистической экономике: официально одобренная точка зрения априорно отвергала такую возможность, хотя на Западе Европы было сделано уже немало шагов в данном направлении[1].

Напротив, принцип планирования экономики признавался абсолютно обязательным для СССР. Как только закончилась война, в августе 1945 г. правительство дало указание соответствующему специальному органу (Госплану) подготовить новый пятилетний план на 1946—1950 гг.[2] В марте следующего года этот документ был представлен председателем Госплана Вознесенским вновь избранному Верховному Совету.

По поводу того, следует ли продолжать осуществление практики планирования, не велось никаких дискуссий (планирование рассматривалось как весьма важный элемент жизни страны еще и в довоенный период), не было дебатов и о том, какие основные направления экономической политики должны найти отражение в новом плане. Понять причины этого довольно трудно. Разумеется, одна задача подчиняла себе все остальные: восстановление районов, опустошенных войной. Новая пятилетка была полностью посвящена решению этой проблемы. Но и здесь можно было бы руководствоваться различными критериями. Вознесенский же с самого начала исходил из того, что план просто должен отражать «дальнейшее движение по пути развития», который был уже намечен в довоенное время и был прерван нацистской агрессией[3]; на новом этапе воспроизводились, таким образом, все те противоречия и диспропорции между различными отраслями экономики, которые возникли в ходе реализации двух первых пятилетних планов в 20-е и 30-е гг.

Восстановление было уже начато в освобожденных районах, по мере того как Красная Армия с боями продвигалась все дальше и дальше[4]. Но в полной мере начать эту работу советский народ смог только после победы. В течение первых двух лет в условиях нехватки продуктов питания труд советских людей был столь же мучительно трудным, как и в военные годы. К этим тяготам добавились еще и сложности, обусловленные реконверсией производства, переводом его на мирные рельсы. Демобилизация, репатриация из-за рубежа, возвращение домой тех, кто был эвакуирован на Восток, создали в стране огромные миграционные потоки населения. Полный контроль над экономической жизнью был восстановлен правительством только к концу 1947 г. Подъем промышленного производства

после спада предшествующего года и новый урожай, который был довольно хорошим, позволили создать минимум необходимых запасов. В целях поглощения находившейся в обращении огромной денежной массы, выпущенной в период войны, была декретирована жесткая денежная реформа. Одновременно было отменено нормирование продуктов. СССР провел это мероприятие одним из первых в Европе.

Реформа привела к принудительному изъятию денег у всех, кто каким-либо образом накопил значительные суммы. Только заработная плата и стипендии остались без изменений. По банковским вкладам в размере до 3 тыс. рублей обмен денежных знаков производился один к одному; по вкладам с 3 до 10 тыс. рублей было произведено сокращение накоплений на $^{1}/_{3}$, а по вкладам в размере более 10 тыс. — на $^{2}/_{3}$. По облигациям государственного займа обмен был произведен в соотношении 1:3. Наиболее тяжкий удар постиг тех, кто хранил деньги вне государственных сберегательных учреждений: они получили только один новый рубль за десять старых. Было объявлено, что эта мера направлена против спекулянтов, которые «обогащались, используя огромную разницу в ценах государственной торговли и ценах на свободном колхозном рынке»[5], это означало, что среди пострадавших было достаточно много сельских жителей. После упразднения карточной системы цены на потребительские товары стали выше прежних, нормированных, но ниже «коммерческих», которые соответствовали условиям рынка; в целом новый уровень цен был довольно высоким, но достаточно реалистичным, так как он учитывал ту глубокую нужду, которую переживала страна. Новые цены более чем в три раза превосходили их довоенный уровень, тогда как выплаченная заработная плата увеличилась в целом только наполовину. Средний размер заработной платы не достигал 500 рублей, килограмм хлеба стоил 3—4 рубля, килограмм мяса — 28—32 рубля, сто граммов сливочного масла — более 6 рублей, одно яйцо — больше рубля, один шерстяной костюм — 1500 рублей. Это были суровые меры (как говорилось, «последняя жертва»)[6]. Они были проведены с такой суровостью, что это вызвало многочисленные комментарии зарубежных экспертов[7]; в принятых мерах отразилась сложная жизнь в СССР после войны, одной из главных пружин этих мер была уравниловка.

После оздоровления финансов дело восстановления экономики пошло быстро вперед. В 1948 г. индекс промышленного производства превзошел довоенный показатель. Уровень 1940 г. был перекрыт в производстве электроэнергии в 1946 г., угля — в 1947 г., стали и цемента — в 1948 г., чугуна и нефти — в 1949 г. В 1948 г. машиностроение также давало больше продукции, чем в предвоенный период[8]. Быстрый подъем был достигнут по большей части в результате возобновления производства на заводах и фабриках на территориях, освобожденных от немецкой оккупации. Эти предприятия получили новое оборудование, поскольку заводы, эвакуированные в на-

чале военных действий на Восток, остались на новых местах своей дислокации. Промышленность, восстанавливаемая в освобожденных районах, с самого начала была ориентирована на производство мирной продукции; военный арсенал оставался там, куда его заставила перенести война[9]: на Урале и в прилежащих районах, вдали от границ; с тех пор этим областям как бы принадлежит монополия на производство вооружений в Советском Союзе.

Превзойдя довоенный уровень, промышленное производство в целом и в своих основных показателях продолжало расти, не снижая темпа. Таким образом, в 1950 г. была реализована бо́льшая часть намеченных целей; довольно амбициозные цифры, зафиксированные в плане, по большей части были достигнуты[10]. На западе страны были введены в действие 3200 крупных предприятий; восстановлено было не все, что было разрушено, но подавляющая часть заводов была введена в строй. К тому же начиная с 1949 г. даже на опустошенных войной территориях стало разворачиваться сооружение новых предприятий[11]. В целом возрождение промышленности произошло чрезвычайно быстро; это был очевидный и весьма приятный успех. Так это и было оценено за границей.

Частично СССР мог использовать для достижения этой цели репарации и труд немцев и японцев, захваченных в плен в большом количестве в ходе войны[12]. Первоначально советские власти производили демонтаж промышленных предприятий в побежденных странах для вывоза их в свою страну. Но это оказалось малоэффективным. В дальнейшем они предпочитали получать платежи в виде поставок выпускаемой промышленной продукции, прежде всего оборудования и промышленного сырья. На базе немецких предприятий, секвестрированных в различных странах, впоследствии были созданы «смешанные предприятия», которые управлялись совместно с правительствами этих стран, но практически они находились под советским контролем: их продукция имела приоритет при экспорте в СССР. В общем невозможно установить, каков был по величине вклад в восстановление Советского Союза этих внешних источников. Советские авторы в немногочисленных работах, затрагивающих этот вопрос, говорят о «значительном количестве» оборудования, полученного такими путями, оценивают влияние этих поставок на процесс восстановления как «позитивное», но никаких конкретных цифр не приводят[13]. Каким бы важным ни был этот фактор, гораздо весомее были внутренние усилия[14]. Как мы знаем, поставки в счет репараций из западных зон Германии были незначительными. Отсутствовала также какая-либо другая зарубежная помощь. Это касалось не только отказа в кредитах со стороны американцев: в условиях раскола Европы и нарастания «холодной войны» какая бы то ни была торговля с западными странами (особенно с Америкой) была прервана (и произошло это не по инициативе СССР)[15].

Решающим фактором стала политика массированных капиталовложений государства в экономику: их объем превзошел даже тот ги-

гантский поток инвестиций, который был направлен в народное хозяйство в 30-е гг.[16] Для получения столь поразительных результатов сталинское правительство, однако, установило такие критерии и ориентиры в процессе восстановления, которые неизбежно приводили к деформации и диспропорциям. Продолжение развития по предвоенным схемам, о котором говорил Вознесенский, означало прежде всего возобновление линии на индустриализацию. Она была еще далеко не завершена к тому моменту, когда страна подверглась гитлеровскому нападению. Следовательно, основным направлением развития снова становилось форсирование роста тяжелой промышленности за счет и в ущерб развития производства потребительских товаров и сельского хозяйства; такой же была сталинская политика и в период перед войной[17]. В еще более радикальной форме эта линия проводилась в жизнь после победы.

Мы основываемся в своих оценках не на официальных формулировках заданий плана, которые, напротив, были сбалансированными, а на опыте его практической реализации. Капиталовложения в промышленность на 88 процентов направлялись в отрасли машиностроения и только на 12 процентов — в легкую промышленность[18]. Финансовые и технологические ресурсы, рабочая сила, квалифицированные руководители — все концентрировалось в первом секторе, а внутри него — на крупнейших заводах, к которым было привлечено внимание всей пропаганды и всей страны. Однако потенциал тяжелой промышленности развивался на основе устаревших решений и схем, которые не учитывали технологических достижений и новшеств, созданных в мире в ответ на потребности войны. В то время как металлургия добилась огромного прогресса, достижения химической промышленности были скромнее; без внимания были оставлены новейшие многообещающие отрасли, такие, как нефтехимия. В топливно-энергетическом балансе предпочтение отдавалось углю, а не нефти и газу, так что его доля в потреблении энергоносителей росла постоянно[19]. Такой подход настолько укоренился, что положение не менялось в течение всей первой половины 50-х гг., даже когда стало совершенно ясно, что весь мир избрал противоположное направление развития.

Но наиболее тяжелые диспропорции образовались в другой сфере. Как это было и в случае с довоенными пятилетками, выполнение планов носило однобокий характер. В то время как намеченные для тяжелой промышленности показатели значительно перекрывались на протяжении всех 50-х гг., так что объем ее продукции почти удвоился в сравнении с предвоенным периодом, производство легкой промышленности не только не достигало цифр плановых заданий, но и попросту находилось в застое, на уровне ниже довоенного. Даже те капиталовложения, которые ей выделялись первоначально, в дальнейшем из этой отрасли изымались. Ее оборудование не обновлялось. Эта диспропорция дала о себе знать и при восстановлении опустошенных войной районов: те из них, где к 1940 г. сложи-

лась экономическая структура с преобладанием тяжелой промышленности, через десять лет переживали подъем, какого не было даже перед войной; в других же районах, напротив, наблюдался застой[20]. Страна работала с огромным напряжением, а наличные ресурсы потребительских товаров увеличивались крайне медленно, их было явно недостаточно для удовлетворения нужд разоренного народа, хотя экономика находилась в состоянии бурного роста.

Сегодня даже в СССР признают, что советские люди все туже и туже затягивали пояса. Но это была не единственная жертва, принесенная во имя возрождения индустриальной мощи. Даже развитие транспорта, железных дорог, речного и морского судоходства было оставлено в запустении ради обеспечения роста крупной промышленности: он отставал и от показателей, зафиксированных в плане, и от реальных потребностей экономики[21].

Восстановление жилищного фонда происходило с теми же перекосами. Сначала поднимались из руин заводы, а затем уже дома. Хотя государственная строительная программа была гигантской, она могла удовлетворить только самые неотложные нужды. Правительство возлагало многое в этой области на плечи самих граждан: им предоставлялись кредиты и необходимые лесоматериалы, если они брались строить жилье своими собственными руками. В сельских районах практически не было таких возможностей, но и в провинциальных городах широко практиковалась эта система: кто только мог, строил себе хотя бы маленький дом, чтобы иметь крышу над головой[22].

Деградация сельского хозяйства

Ни одна отрасль не пострадала так сильно от вновь избранного курса на ускорение промышленного развития, как сельское хозяйство. Это не было чем-то новым. Еще в 30-е гг. индустриализация страны в значительной степени опиралась на ресурсы деревни: создав колхозы, сталинское правительство получало из села по заниженным ценам сельскохозяйственные продукты, которые в дальнейшем продавались по гораздо более высокой цене. За свой труд в колхозах крестьяне получали чрезвычайно мало и поэтому стремились обеспечить себя, обрабатывая свои маленькие огородные участки и используя хозяйственные постройки, которые были оставлены в их распоряжение. Задыхающееся в тисках этой политики сельское хозяйство пребывало в состоянии стагнации, уровень производства не превышал дореволюционного, что было совершенно недостаточно для удовлетворения потребностей страны[23]. Та же самая политика проводилась после окончания войны. Но в новых условиях последствия ее были гораздо более тяжелыми. Сельское хозяйство в период войны понесло разрушения, каких не знала промышленность, несмотря на имевшиеся потери.

После установления мира правительство занялось укреплением

колхозов. В сентябре 1946 г. было опубликовано постановление за подписью Сталина и Жданова, которое разоблачало нездоровые тенденции, разлагающие колхозы, и призывало с ними бороться. Было указано на два вида таких явлений. Во-первых, говорилось о стремлениях колхозников расширять за пределы, дозволенные законом, их мельчайшее индивидуальное хозяйство. Во-вторых, отмечалось, что многие государственные учреждения, исходя лишь из собственных потребностей, не колеблясь, решают свои задачи за счет сельскохозяйственной продукции колхозов и труда колхозников. Пресечь первую из названных тенденций следовало путем применения Указа Президиума Верховного Совета СССР, принятого в 1939 г., который был предназначен для борьбы с возрождением частнособственнических устремлений крестьян. Он проводился в жизнь с абсолютной твердостью (некоторое послабление было допущено только на период войны). Чтобы покончить с явлениями второго порядка, следовало соблюдать положения Примерного устава сельскохозяйственной артели, с его формальными гарантиями автономии и демократии в сельскохозяйственных кооперативах; этот документ был принят в 1935 г., но уже в довоенное время устав практически не соблюдался (и такое положение продолжало существовать, будто никаких юридических норм и не было)[24].

Это постановление увидело свет как раз в момент повышения цен. В условиях общей разрухи от сталинского руководства трудно было бы ожидать нового подхода к решению проблем подъема сельского хозяйства. Оно действовало, опираясь на те производственные и организационные структуры, которые были порождены коллективизацией и пережили войну. Однако еще предстояло выработать экономическую аграрную политику, направленную на обеспечение восстановления сельскохозяйственного производства. В феврале 1947 г. был созван Пленум ЦК партии, посвященный исключительно вопросам сельского хозяйства. Из материалов состоявшегося обсуждения в печати почти ничего не было опубликовано. Не было выработано никакой новой линии; результатом работы Пленума явился лишь план развития сельского хозяйства, который детализировал производственные задания, уточнял то, что было уже определено в пятилетке, подготовленной Вознесенским[25].

После ужасающего кризиса 1946 г. сельское хозяйство переживало медленный подъем. Государственная политика была направлена на форсирование производства сельскохозяйственной продукции, необходимой для обеспечения фабрик сырьем, населения городов — продовольственными продуктами, а также и для покрытия импортных потребностей ряда стран Восточной Европы. Капиталовложения в сельское хозяйство фактически не производились. Все имевшиеся ресурсы были использованы для развития промышленности. На нужды сельского хозяйства планировалось направить немногим более 7 % общего объема ассигнований. Государственная помощь сельскохозяйственным кооперативам, так же как в 30-е гг.,

выражалась главным образом в поставках техники. Производство тракторов и комбайнов очень быстро превысило наибольшие показатели, достигнутые в предвоенные годы; парк сельскохозяйственных машин был восстановлен к 1950 г.[26] Техника оставалась собственностью государства, она передавалась для использования в колхозах через посредничество машинно-тракторных станций (МТС). Однако сельскохозяйственные машины не решали общей проблемы механизации сельскохозяйственного производства, так как сельское хозяйство нуждалось в комплексной модернизации всей технической базы производства и в соответствующей перестройке организации труда. С помощью машин выполнялись лишь операции по вспашке полей, севу и уборке зерновых. Все остальное делалось вручную. Удобрения применялись лишь при выращивании технических культур, являвшихся важнейшим промышленным сырьем. Деревни не были электрифицированы: в 1953 г. только 15 % колхозов получали электроэнергию, при этом в мизерном количестве, так как ее источником были мелкие местные станции и энергоблоки, работавшие на кустарном оборудовании и поэтому дорогостоящие[27].

Несмотря на то что сельскохозяйственное производство оставалось на крайне низком уровне, государство изымало основную часть продукции; относительная величина этих поставок превышала часто уровень довоенного времени, который и так был чрезвычайно обременительным. Через различные каналы (обязательные заготовки, натуральные платежи МТС) колхозы передавали государству больше половины урожая[28]. Это было бы не так уж плохо, если бы эти поставки оплачивались соответствующим образом. Однако государственные закупочные цены, установленные на продукцию колхозов, оставались теми же, что и до войны, хотя все остальные цены в стране значительно выросли. Фактически они все еще оставались на уровне цен 1928 г., тогда как цены на промышленную продукцию, получаемую крестьянами, увеличились за прошедшее время в 20 раз. В результате получаемые колхозами денежные средства покрывали лишь незначительную часть издержек производства; перед войной государство платило за сельскохозяйственную продукцию мало; теперь же оно получало эту продукцию практически даром[29].

Выручка колхозов от продажи продукции государству, то есть поступления от реализации продукции основного их производства, составляла меньшую часть их доходов; все остальное они получали за счет различных дополнительных работ и в результате торговых операций на свободном рынке[30]. В сумме это все составляло весьма незначительные денежные величины, и из этого мизерного дохода надо было покрывать производственные издержки и выкраивать кое-что на новые капиталовложения. Почти ничего не оставалось для оплаты тяжелейшего труда колхозников. Затраты труда измерялись с помощью условной единицы — трудодня, оплата производилась в конце года частично в натуральной форме продуктами, частично деньгами в соответствии с количеством выработанных

трудодней. Но в большинстве колхозов эта оплата была смехотворно мала, к тому же она стала даже меньше, чем до войны: за день выплачивалось несколько копеек плюс килограмм зерна. Немало было хозяйств, где люди не получали и этого[31]. Как правило, колхозник и за год не зарабатывал столько, сколько рабочий в месяц.

До войны в деревне соблюдался негласный компромисс, в соответствии с которым крестьянам в середине 30-х гг. было позволено обрабатывать свои мелкие огородные участки. После войны очень часто делалось то же самое. В коллективном хозяйстве отрабатывали, как правило, только норму, от которой не могли уклониться. Несмотря на то что оставался в силе закон военного времени, предусматривающий уголовное наказание для тех, кто покидает свое рабочее место, 16 % колхозников не вырабатывали положенного обязательного минимума трудодней[32]. Продажа на рынке того немногого, что выращивалось на мелких индивидуальных участках, была более выгодной, чем труд в колхозе. А в ряде случаев эти участки, общая площадь которых составляла лишь 6 процентов всех засеваемых угодий страны, приносили больше продукции, чем все колхозы и совхозы; так обстояло дело с производством картофеля, мяса, молока, яиц[33]. Но и этот сохранившийся с довоенных времен молчаливый компромисс был нарушен правительством Сталина во второй половине 40-х гг. Индивидуальные хозяйства были обложены чрезвычайно высокими налогами, денежными и натуральными, с тем чтобы заставить таким образом крестьян работать в колхозах. Помимо стремления регламентировать труд введение этих налогов должно было ограничить наиболее прибыльную частную хозяйственную деятельность; оно нанесло удар, например, по владельцам поголовья скота, а также по тем, кто возделывал фруктовые сады. В ответ крестьяне начали избавляться от коров и вырубать фруктовые деревья, чтобы выращивать картофель: в 1950 г. 40 % крестьянских семей не держали молочного скота, в том числе более 15 % вообще не имели домашних животных [34].

Эта политика имела глубокие последствия не только для развития сельского хозяйства, но и для всей ситуации в советском обществе. Несмотря на успехи индустриализации, СССР оставался страной по преимуществу сельскохозяйственной[35]. Крестьяне не имели возможности протестовать, они искали случая покинуть деревню. Бегство из колхозов ускорилось начиная с 1948 г. Все еще действовал старый закон 1932 г., запрещавший крестьянам покидать деревню без специального разрешения[36]. Но способы уехать из села все же существовали, так как расширяющиеся промышленность и строительство остро нуждались в рабочей силе и рекрутировали ее где только можно. Число колхозников снизилось с 66 млн. в 1947 г. до 62 млн. в конце 1950 г. Уезжала прежде всего молодежь, которая не была привязана к дому; в селе оставались пожилые люди. Но и у тех, кто остался, было немало возможностей уклоняться от работы

непосредственно в сельском хозяйстве, поскольку они могли наниматься на сезонные земляные работы или на лесозаготовки. Уход из деревни населения нанес новый ущерб, дополнив потери времен войны: в 1950 г. трудоспособное население колхозов составляло немногим более половины уровня 1940 г. Та же тенденция господствовала и в первые годы последующего десятилетия. В деревне оставались в основном женщины, работавшие и в колхозах, и на собственных участках. А когда наступало время убирать картофель, то на колхозные поля приходилось присылать солдат или городских жителей, как это делалось во время войны, поскольку крестьяне выполняли эту работу явно неохотно[37].

Между различными районами страны образовались глубокие диспропорции. Хотя цены на все виды сельскохозяйственной продукции были чрезвычайно низкими, они все же устанавливались по-разному на разные культуры. Цены на хлопок, незаменимое сырье для промышленности, были довольно высокими, и возделывание его приносило неплохой доход; те немногие запасы удобрений, какие были в стране, использовались в производстве именно хлопка, которое сосредоточивалось в республиках Средней Азии. В Закавказье, где выращивались другие привилегированные культуры (чай, виноград, фрукты), поставки продукции села на городские рынки были облегчены и были делом выгодным. Колхозы этих регионов получали более высокие доходы и, таким образом, могли лучше оплачивать труд крестьян[38]. Средняя Азия и Закавказье не знали к тому же военных разрушений. В центральных же областях страны, в нечерноземных и черноземных краях России, в Белоруссии, северо-западной зоне страны, то есть в районах и так менее благоприятных по природным условиям, положение складывалось просто бедственное[39]. Они были опустошены в ходе военных действий, и им же был нанесен наибольший ущерб государственной политикой, так как в этих областях выращивались наименее рентабельные сельскохозяйственные культуры. Немногим лучше было положение на Украине и в целом в зерновых районах Юга. Разница между заработками колхозников Узбекистана и Кавказа, с одной стороны, и доходами крестьян Белоруссии или России — с другой, выражалась соотношением 10:1. В первой группе районов доходы крестьян росли в сравнении с довоенным периодом, сельские жители второй территориальной группы были обречены на нищету.

Ущерб был нанесен очень многим районам страны. Сельское хозяйство переживало длительный период упадка, из которого в будущем ему будет так трудно выбраться. Подъем в послевоенные годы наблюдался только в производстве ограниченного числа сырьевых культур. Но это относилось не ко всем видам производства сельскохозяйственного сырья для промышленности. Успех сопутствовал главным образом производству хлопка. В других секторах, в производстве свеклы или подсолнечника, положение улучшалось довольно медленно, урожаи не соответствовали плановым заданиям.

Льняные поля, которые когда-то были гордостью северо-западной части страны, запустели[40]. Что касается зерновых, то урожаи этих культур росли медленно и так и не достигли уровня лучших довоенных лет; начиная же с 1950 г. и позже прогресс в этой области вовсе прекратился. Животноводство переживало тяжелейший кризис, производство животноводческой продукции было ниже предреволюционного уровня, который не был перекрыт и в довоенные годы[41]. Урожайность сельскохозяйственных культур была крайне низкой. Часть производимой продукции гибла из-за халатности и ограниченности материальных и технических ресурсов.

Ввиду трудностей в снабжении страны продовольствием, которые наблюдались в тот период, была ликвидирована даже минимальная автономия, какой колхозы обладали перед войной. Споры о методах организации труда в колхозах, которые велись ранее*, были прекращены; была введена полностью унифицированная система, исключающая какие-либо материальные стимулы. Председатели колхозов и бригадиры, за редким исключением, не обладали необходимой квалификацией, как правило, они имели лишь начальное образование[42]. Были ли они людьми усердными или нерадивыми, имело мало значения для хода дела в хозяйстве. Подлинное руководство колхозами осуществлялось вышестоящими органами, прежде всего районным звеном управления (в особенности райкомами партии) и их уполномоченными: колхозы не имели права по своему разумению решать ни один действительно важный вопрос; сверху определяли даже то, в какое время начинать сев на каждом поле. Хотя в теории пост председателя оставался выборным, тем не менее в действительности людей на эту должность назначали по решению райкома, снимали их таким же образом. Председатель нес ответственность перед руководящими органами за выполнение плана заготовок продукции и должен был обеспечивать поставки любой ценой; в свою очередь, районные руководители подвергались такому же давлению и поэтому изымали сельскохозяйственные продукты повсюду, где могли их найти, так что лучшие хозяйства должны были покрывать дефициты в поставках, которые образовывались по вине слабых колхозов. Даже лучшие колхозы теряли всякий стимул в развитии производства. В сельском хозяйстве утвердились теории академика Лысенко, которые на бумаге обещали прекрасные результаты. Его методы в приказном порядке внедрялись по всей стране,

---

* Производственная деятельность колхозов была организована на основе крупных бригад, в обязанность которых входило осуществление полного цикла годичных работ на отведенных для них участках. В период войны и в первые послевоенные годы использовалось также разделение на более мелкие организационные группы, так называемые звенья. Делалось это для того, чтобы усилить персональную ответственность колхозников за выполняемую ими работу. Такую практику поддерживал Андреев, в то время один из высших руководителей сельского хозяйства страны. Однако в 1950 г. этот метод организации производства был подвергнут критике и запрещен (Правда, 19 и 28 февраля 1950 г.). Соответствующие тексты опубликованы в переводе в: Soviet Studies, v. 2, N 1, p. 72—80.

единственным результатом чего было дальнейшее углубление кризисной ситуации[43].

Даже в тех сферах, где государство пыталось провести какие-то конструктивные изменения, принимаемые наверху решения не отвечали реальным потребностям и не давали ожидаемых результатов. После тяжелейшей засухи 1946 г. в 1948 г. было начато осуществление грандиозного плана создания лесозащитных полос и лесопосадок для защиты полей в южных степях; посадки осуществлялись как государством, так и силами колхозов. На колхозы возлагалась также обязанность обеспечивать рабочую силу и для государственной части программы. В наши дни советские историки очень высоко оценивают эту амбициозную государственную инициативу, которая потребовала огромных затрат. По своему замыслу этот проект действительно был разумным. Но реализуемая программа оказалась явно недостаточной. Первоначально она была рассчитана на несколько лет, но затем ее осуществление стало форсироваться, и все работы были завершены в срочном порядке. Колхозы очень обеднели и были мало заинтересованы в результатах работ, они не могли нести далее всю их тяжесть. Там же, где программа была осуществлена успешно, ее реальный эффект мог сказаться лишь через 20—30 лет. Кроме того, посадки проводились во многих местах по новым методам, рекомендованным Лысенко, которые оказались ошибочными, деревья гибли. В ряде случаев саженцы не прижились из-за отсутствия должного ухода за ними. После смерти Сталина в 1953 г. все работы были прекращены, сохранилось немного лесных полос там, где колхозы ухаживали за ними наиболее прилежно[44].

Начиная с 1948 г. под звуки труб и гром литавр была начата кампания по коллективизации в новых районах СССР, которые он приобрел в ходе войны: в Прибалтийских республиках, в Западной Белоруссии, Западной Украине, Молдавии. Коллективизация в основном была завершена в течение двух лет, в 1948—1949 гг., несмотря на то что крестьяне жили на этих территориях, особенно в Эстонии и Латвии, разрозненно, по изолированным хуторам. Сопротивление было уже сломлено в предшествующие годы. Коллективизация совпала с последней вспышкой повстанческой войны. Хотя теперь коллективизацию характеризуют как добровольную, на самом деле решение о ней было принято наверху: учитывая положение в стране в целом, было просто невозможно сохранить на западной ее периферии такой способ сельскохозяйственного производства, который бы основывался на частной собственности, и более или менее свободные рыночные отношения[45].

Истоки кризиса, охватившего деревню, необходимо искать в той реформе сельского хозяйства, которая была проведена гораздо ранее рассматриваемого периода. До самого конца 40-х гг. колхозы по своей организации оставались точно такими, какими они были созданы в ходе коллективизации. Каждый из них объединял крестьян одного села. Масштабы производства, таким образом, зависели от размера

населенного пункта, и хозяйства были очень часто мелкими[46]. Весной 1950 г. было решено их укрепить путем слияния нескольких колхозов в один. Причины носили прежде всего технический характер: бóльшая протяженность полей обещала повышение эффективности использования техники[47]. Были и другие соображения: в укрупненных колхозах было легче использовать квалифицированных специалистов; упрощалась работа МТС, которые вели дела с меньшим числом клиентов, так как рост хозяйств шел за счет поглощения более крепкими колхозами слабых; это должно было привести к общему подъему уровня производства и благосостояния колхозников. Многие из этих расчетов оказались ошибочными.

Реформа эта проводилась так же, как и любая массовая кампания в СССР: сверху была спущена директива, местные власти приступили к проведению ее в жизнь, не слишком задумываясь над ее методами и последствиями. В течение двух лет число колхозов сократилось более чем вдвое: с 252 тыс. до 91 тыс. Новые хозяйства были значительно крупнее своих предшественников: они включали по нескольку деревень, в среднем в каждом хозяйстве было объединено по 220 семей, тогда как ранее это число составляло 80; в распоряжении каждого колхоза находилось в среднем более 4 тыс. *га* сельскохозяйственных угодий[48].

Сама быстрота проведения всей этой операции демонстрирует, насколько безразлично было для высших властей мнение самих крестьян о происходящем. Были ли они настроены в пользу реóрганизации, против нее или оставались безучастными — это существенно не влияло на принимаемые решения. Поскольку же в остальном государственная сельскохозяйственная политика не менялась, то организационная перестройка не принесла хозяйствам никаких выгод. Тем не менее эта реформа имела заметные последствия для жизни сельского хозяйства, и не только потому, что она полностью изменила организационную структуру колхозов, но и в силу того, что порожденная ею новая действительность во многом определила характер будущих решений. Инициатива проведения реорганизации принадлежала Московской области, где во главе партийной организации стоял тогда малоизвестный деятель, о котором предстоит еще много писать, — Хрущев[49].

Советская атомная программа

Ценой жертв, понесенных сельским хозяйством, а в несколько меньшей степени и другими сферами экономики, СССР совершил в послевоенные годы рывок в развитии своей индустрии. В 1952 г. в стране производилось: 34,4 млн. *т* стали — в сравнении с 18 млн. *т* в 1940 г.; 300 млн. *т* угля — в сравнении с 165; 47 млн. *т* нефти — в сравнении с 31; 14 млн. *т* цемента — в сравнении с 5,6; 119 млрд. *кВт·ч* электроэнергии — в сравнении с 48[50]. Советский Союз оказался в состоянии выполнить грандиозные технические

проекты, воздвигнуть электростанции на Волге и на сибирской реке Ангаре, соорудить канал Волга — Дон, открытый для эксплуатации в 1952 г. Колоссальные капиталовложения, направленные в приоритетные отрасли производства, начали приносить плоды. Как всегда, Сталин объявил абсолютное преобладание интересов развития тяжелой промышленности «законом» развития социализма, действующим во все времена и в любом месте, а вовсе не чрезвычайным требованием жизни, вытекающим из драматического внутреннего и международного положения страны.

Еще и сегодня невозможно подсчитать точно, какой ущерб развитию страны нанесен был наращиванием военной мощи, которая была необходима для того, чтобы дать отпор Америке, каково было конкретное влияние этого процесса на образование экономических диспропорций. В наши дни советские историки признают, что бремя это было весьма тяжелым[51]. Но никто не называет ни точных цифр, ни даже порядка этих величин. Расходы на оборону, указанные в бюджетах государства, не дают об этих затратах реального представления, так как они не говорят ничего о том, какая часть промышленного производства была прямо или косвенно направлена на удовлетворение потребностей вооруженных сил. Они удовлетворялись в первую очередь. Это относится как к экономике, так и к научным исследованиям. Научный потенциал страны вырос в послевоенные годы в той же, если не в большей, степени, что и промышленный, при этом первое место постоянно занимали исследования военного назначения.

Благодаря концентрации своих усилий СССР добился заметных результатов в тех областях, которые имели решающее значение для исхода дуэли с Соединенными Штатами, при этом успех пришел гораздо раньше, чем этого ожидали противники. Наиболее важным достижением, имевшим самые значительные последствия, было создание атомной бомбы. Работая в гораздо более трудных условиях, чем их американские коллеги, имея меньше технических и производственных возможностей, советские ученые добились в декабре 1946 г. осуществления первой цепной реакции, в следующем году они пустили в эксплуатацию первый ядерный реактор; это позволило Молотову в ноябре 1947 г. заявить, что секрета атомной бомбы более не существует[52]. Через два года, летом 1949 г., было произведено первое испытание ядерного оружия; американцы зарегистрировали рост радиации в атмосфере и объявили о случившемся раньше, чем это сделало Советское правительство. Одновременно в 1947 г. в СССР был произведен запуск первой радиоуправляемой ракеты[53]. Быстрые успехи, достигнутые в деле создания нового оружия, не означали, что промышленность СССР или его научно-технический потенциал вышли на уровень, сравнимый с американским. Разрыв оставался значительным. Однако Москва показала, как надо использовать ограниченные ресурсы, сосредоточив их в решающей области ради достижения намеченной цели, чтобы добиться в производстве

вооружений результатов, не уступающих результатам противника.

Не один десяток промышленных предприятий и исследовательских институтов работал в обстановке абсолютной секретности над проектами нового оружия; они были часто изолированы даже друг от друга, и их сотрудники могли просто не знать о конечной цели своей работы. Правила секретности распространялись не только на эту особую область — они пронизывали всю общественную жизнь, принимая характер навязчивой идеи. Указ, опубликованный в июне 1947 г., запрещал разглашение каких-либо сведений, касающихся в той или иной форме вопросов обороны, экономической жизни, всех видов научно-технических исследований, а также любой другой темы, если она объявлялась «закрытой» правительственными органами. За нарушение этих правил, сознательное или невольное, были предусмотрены суровые меры наказания; к ним приравнивалась даже простая утрата документации; дела такого рода рассматривались военными трибуналами. Запрещалась публикация каких-либо статистических данных. Показатели, которые позволяют нам теперь анализировать ход экономического развития и диспропорции в народном хозяйстве, стали доступными для публичного изучения лишь многие годы спустя. Практически все объявлялось секретным, даже самая элементарная информация. О катастрофическом землетрясении, которое в 1948 г. уничтожило Ашхабад, столицу республики Туркменистан, в Средней Азии, не было, например, опубликовано никаких официальных сведений, хотя подземные толчки были зарегистрированы и за рубежом[54].

В мирные годы в значительной степени сохранилась тотальная милитаризация, характерная для периода войны.

Множество законов, которые военизировали труд в гражданских отраслях, продолжало действовать. Хотя, конечно, не все: с 1945 г. были восстановлены летние отпуска и оплачиваемые выходные; продолжительность рабочего дня вновь была определена в 8 часов; отменялся указ, по которому все население объявлялось мобилизованным на производство[55]. Сохранились в действии, однако, распоряжения, запрещающие работающим увольняться со своих фабрик, позволяющие принудительно переводить технический персонал и квалифицированных рабочих с одного предприятия на другое и устанавливающие уголовную ответственность за отсутствие на рабочем месте и за опоздания. К концу 1952 г. эти юридические нормы были несколько изменены, но их полная отмена произошла только весной 1956 г.[56]

Принудительное использование рабочей силы нашло свое крайнее выражение в форме труда заключенных в концентрационных лагерях, который в широком масштабе применялся для выполнения самых тяжелых работ в безлюдных просторах Севера и Дальнего Востока, на крупных стройках, таких, как канал Волга — Дон, в добыче золота и урана, на строительстве новых атомных установок. Трудовой вклад заключенных в реализацию послевоенных планов был

настолько велик, что им никак нельзя пренебрегать; можно считать, что их труд, как бы тяжел и малопроизводителен он ни был, являлся важным составным элементом организации экономической жизни СССР в последние годы сталинской эпохи[57].

Таким образом, после окончания военных действий, после второй мировой войны, в СССР продолжительное время сохранялась чрезвычайная напряженность; страна, конечно, уже жила в условиях, отличающихся от условий войны, но и мирной эту жизнь назвать нельзя. Напряженность была результатом голода в стране, затем сохранялась из-за «холодной войны». Игнорировать влияние на жизнь народа этих внутренних и международных объективных факторов было бы неправильно. Но не все объясняется только ими. Чрезвычайные меры секретности и военизация труда не были лишь импровизированной реакцией на изменения условий; это была определенная попытка дать ответ на глубинные противоречия жизни в Советском Союзе, которые своими корнями уходили в глубь истории развития советского общества. Это относится и к определению основных направлений экономической политики, которые весьма напоминали 30-е гг. (по крайней мере в наиболее драматические моменты того периода). Методы, укоренившиеся со времен войны, а также послевоенные трудности обострили положение. Сила инерции, в весьма значительной степени присущая сталинскому правлению в послевоенный период, определила остальное.

Те же самые черты были присущи закосневшей системе управления экономикой: отраслевые министерства из Москвы контролировали работу предприятий определенного профиля по всему Союзу. Ни одна из союзных республик не имела возможности подать голос: более $^2/_3$ промышленности прямо подчинялось центральным союзным министерствам, в том числе и предприятия, которые не имели каких-либо филиалов за пределами республики в других частях Союза[58]. Автономия предприятий была минимальной, их деятельность регламентировалась и мелочно направлялась нормами и указаниями, поступающими из центра. Конечно, тяжеловесность и неповоротливость такой системы управления все более возрастающим производственным аппаратом не могли не сказаться. Разделение министерств, их реорганизация и перестройка были частым явлением. Многие из них имели сложную структуру, включающую множество подразделений, отраслевых и территориальных, увеличение числа которых приводило лишь к еще большей громоздкости бюрократического аппарата.

Цена могущества

В послевоенном Советском Союзе было много проблем, способных вызвать экономические и социальные трудности. Разруха на селе при одновременном ускоренном росте промышленности вызвала новую волну массового притока населения в города. Это явление

приняло масштабы даже большие, чем это было в период первого пятилетнего плана, хотя уже в то время миграционные потоки были громадными. Численность рабочего класса в промышленности накануне войны составляла 8 млн. человек, к 1950 г. она увеличилась до 11 млн., а в 1955 г. — до 14 млн. Число занятых в строительстве выросло с 1,2 до 2,2 млн. человек за пять лет. Общее число занятых в государственном секторе народного хозяйства (включая служащих административных учреждений, но исключая работников колхозов) увеличилось с 34 в 1940 г. до 50 млн. в 1955 г.[59] Вербовка рабочей силы велась по различным каналам, но в основном была организована непосредственно государством — было создано специальное министерство по делам «трудовых резервов». Оно осуществляло руководство профессиональной подготовкой. Это обучение в течение пяти послевоенных лет прошли 3,6 млн. молодых рабочих, на $^3/_4$ они набирались из деревенской молодежи. Такая система формирования рабочих кадров и повышения их квалификации, созданная еще накануне войны, позволяла государству мобилизовать в случае необходимости нужное число молодых рабочих; бóльшую часть пополнения составляли люди, добровольно пошедшие в ремесленные училища[60]. В первые послевоенные годы, когда не хватало рабочих рук, предприятия стали набирать персонал сверх необходимого числа для создания определенных резервов трудовых ресурсов. Повышенный спрос на новые рабочие руки со стороны промышленных предприятий и строек способствовал переходу рабочих с одного предприятия на другое (это была старая болезнь советской экономики); не останавливали это движение даже драконовские законы, запрещавшие менять место работы по желанию самого рабочего[61].

Толчком к новому усилению миграции рабочей силы стали общие тяжелые условия жизни и трудности с жильем. Для закрепления результатов денежной реформы 1947 г. Советское правительство начиная с 1949 г. стало систематически проводить дефляционную политику: весной каждого нового года провозглашалось очередное значительное снижение цен на товары широкого потребления. Особенно значительным, на 20 %, было снижение цен в 1950 г. Эти меры были популярны, так как красноречиво подтверждали стремление руководства поднять уровень благосостояния на основе прогрессивного развития экономики, несмотря на множество трудностей. В 1952 г. индекс государственных цен снизился наполовину по сравнению с высоким уровнем 1947 г.[62] Это был весьма существенный успех, который высоко оценил советский народ. Но эта политика не была лишена демагогической подоплеки. В условиях развала сельского хозяйства и отставания легкой промышленности ситуация с предложением и наличием товаров никак не оправдывала политику снижения цен. Страна жила все еще в условиях острого дефицита. Магазины выглядели убого, выставленные товары были скудны, в витринах демонстрировались картонные муляжи сыров и колбас. Постепенно, по мере того как практика косвенного регламентиро-

вания потребления путем установления на продукты недоступных цен отменялась, увеличивались очереди за теми немногими товарами, которые были в продаже. Цены на колхозных рынках после реформы были такими же, как и государственные, а с 1950 г. резко взмыли вверх[63].

Средний уровень заработной платы в промышленности поднялся в 1950 г. до 700 рублей. За этой статистической величиной скрывались весьма значительные различия в оплате труда. В угольной промышленности заработная плата была гораздо выше, чем в любой другой отрасли; это было необходимо, чтобы удерживать шахтеров на их крайне тяжелой работе. Существовали резкие различия в оплате в тяжелой и легкой промышленности; преимущество отдавалось первой[64]. Из номинальной величины заработной платы вычитались налоги и изымались средства для приобретения облигаций государственных займов, что носило практически принудительный характер. Хотя достаточно точных и авторитетных исследований, которые бы содержали соответствующие расчеты, нет, можно считать, что в 1950 г. реальная заработная плата вновь достигла уровня 1940 г., после того как было преодолено ее значительное уменьшение периода войны. Но уровень 1940 г. всего лишь равнялся уровню 1928 г., который не слишком-то превосходил соответствующий показатель периода до первой мировой войны. Между этими рубежами лежат бурные исторические события — катастрофа гражданской войны, реализация первого пятилетнего плана, повлекшие тяжелые жертвы, и, наконец, нацистская агрессия. Они перемежались тяжелыми годами депрессий и периодами перенапряжения сил для обеспечения подъема экономики. Все вместе красноречиво показывает, какую цену уплатил советский народ за революционную перестройку своей страны, ее индустриализацию, победу в войне, возрождение могущества и влияния СССР в мире. На протяжении всех 50-х гг. реальная заработная плата постоянно росла; в 1954 г. она на 40—50 % превосходила самый высокий уровень предшествующих лет[65].

Безусловно, существовали и другие факторы помимо заработной платы, которые улучшали материальное положение советских людей, но учет всех их не может изменить общей оценки, сводящейся к тому, что жить им приходилось в большой нужде. Так, например, плата за квартиру была мизерной. Но одновременно жилищный кризис, который продолжался в течение ряда десятилетий, в результате военных разрушений приобрел невообразимые масштабы. Новая вспышка процесса урбанизации создала еще большие трудности. В Москве или в Ленинграде обычная семья имела одну комнату в коммунальной квартире, люди были вынуждены жить в полуподвалах или лачугах. В более благоприятных жилищных условиях находилась лишь крайне незначительная привилегированная часть населения. В других городах ситуация была не лучше, особенно если они подверглись военным разрушениям. Холостяки жили, как

в казармах, в переполненных, тесных общежитиях, расположенных неподалеку от мест работы или учебы.

Существовали социальные достижения, история которых восходит к периоду 20-х гг. и более поздних лет: пенсии, бесплатное медицинское обслуживание, оплачиваемые декретные отпуска, пособия многодетным семьям, к их числу добавилась помощь семьям погибших и инвалидам войны; однако все это составляло лишь необходимый минимум социального обеспечения; уровень пособий и других денежных выплат был крайне низок; в общем он соответствовал состоянию крайней нищеты в стране.

Более заметные успехи были достигнуты в других областях социальной политики. Несмотря на огромную нехватку средств, система образования начала расширяться более быстрыми темпами, чем промышленность. Неграмотность, которая вновь появилась в стране в годы войны, преодолевалась[66]. Количество школ превысило довоенный уровень, особенно быстро оно росло в начале 50-х гг., когда в городах стало вводиться обязательное семилетнее образование. В 1950 г. студентов было на 50 % больше, чем 1940 г.[67]: после победы студенческие скамьи заполнили те, кто вернулся с войны. Численность научных работников возросла с 98 тыс. человек в 1940 г. до 192 тыс. в 1953 г.[68]

Хотя в общем и целом страна возрождалась, сохранялось состояние перенапряженности, сохранялись трудности, вызванные потрясением, надолго перевернувшим весь ход жизни людей. Эти процессы захватили даже самые отдаленные районы страны, заставляя сосредоточить усилия на сохранении жизненности общества, на поддержании пусть минимальных, но все же достаточных условий для повседневной жизни людей. Но такой тип развития общества, в основе которого лежало молчаливое согласие на деградацию деревни, все более отчетливо обнаруживал признаки нарастающего кризиса. Общая нищета подрывала возможность поощрения инициативы. Упор, сделанный на моральные стимулы труда, не компенсировал в достаточной степени отсутствие материальной заинтересованности. Для повышения интереса к работе было начато широкое социалистическое соревнование, организованное по модели стахановского движения 30-х гг. Суть его заключается в том, что партийное и профсоюзное руководство обращается к какой-то группе рабочих и предлагает им осуществить внедрение каких-либо новых методов труда или технологических средств. Эти новшества направлены на разрешение какой-то острой задачи, вставшей перед страной. Затем организуется мощная пропагандистская кампания, призывающая всех остальных трудящихся поддержать инициативу и перенять прогрессивное начинание[69]. Но проблемы развития становились все более многочисленными и сложными, а достигнутые результаты — все более скромными. На бумаге, в статистических выкладках движение соревнования продолжало расширяться, но его влияние на рост производительности труда было весьма ограниченным. Пропагандистская

риторика явно преобладала над реальным делом. Формализм, который еще в 30-х гг. сопровождал зарождение стахановского движения, принял гигантские размеры.

Это явление было типично не только для социалистического соревнования. Пропагандистская трескотня по поводу очередных триумфов скрывала подлинные проблемы экономической и общественной жизни. Риторика сопровождала любую государственную деятельность. Начало осуществления весьма скромного проекта создания лесозащитных насаждений в степных районах преподносилось как титаническая программа «преобразования природы»[70]. Культ вождя принял безудержный характер: по всей стране воздвигались его статуи и монументы. На выплавку гигантской бронзовой фигуры Сталина, установленной при входе в канал Волга — Дон, было израсходовано 33 *т* меди. В Москве и в других городах, где так остро чувствовалась нехватка жилья, возводились дорогостоящие здания, представлявшие собой безвкусные подражания роскошным кафедральным соборам. Новые станции метрополитена украшались мраморными статуями, дорогостоящими отделочными материалами, загромождались архитектурными украшениями в псевдобарочном стиле. Все это никак не было связано с подлинными экономическими потребностями, но несло прежде всего идеологическую нагрузку, отражая идейную суть последнего этапа сталинского правления.

V. ЖДАНОВ И НАРАСТАЮЩАЯ ВОЛНА НАЦИОНАЛИЗМА

Сталин и партия

Свидетельства самых разных людей — Светланы Аллилуевой, маршала Жукова, югославского деятеля Джиласа, Никиты Хрущева — говорят о том, что после победы в войне Сталин переживал глубокий упадок физических сил. Тяготы войны сказались на его здоровье и состоянии нервной системы; когда напряжение военных дней сменилось мирным течением будничных событий, появились явные признаки старения — затруднение в движениях и сутулость; он стал немногословен, раздражителен, подозрительность превратилась в манию[1]. 24 июня 1945 г., после грандиозного парада на Красной площади, во время банкета, на который были приглашены военачальники и другие руководители страны, он произнес странную речь, намекнув, что может уйти в отставку года через два-три. Адмирал, который позднее поведал об этом эпизоде, подозревал, что Сталин хотел главным образом выяснить реакцию всех присутствовавших на свои слова. Все заторопились протестовать и желать ему многих лет правления[2]. Гипотеза о том, что Сталин в тот момент мог быть искренен, выглядит совершенно недостоверной в свете дальнейших событий.

В сентябре 1945 г. Государственный Комитет Обороны был распущен. Это был чрезвычайный орган, сосредоточивший всю полноту власти в период военного времени. Он был заменен формой правления в рамках государственного аппарата, созданного в соответствии с конституцией страны[3]. Внутри партии также были восстановлены нормы, предусматривающие регулярное и довольно частое проведение заседаний верховных уставных органов: Политбюро, Оргбюро и Секретариата[4]. Но эти решения остались на бумаге. Возврата к нормальным методам руководства страной не произошло даже в той степени, в какой правление предвоенного периода с его внутренними потрясениями можно назвать нормальным. Продолжали практиковаться формы руководства, укоренившиеся в годы войны и ставшие привычными. Сталин почти никогда не председательствовал на заседаниях Совета Министров, хотя занимал пост его главы[5]. Переизбранный Верховный Совет собирался только один раз в год для того, чтобы принять бюджет и утвердить указы, принятые в период между двумя сессиями. Управление страной осуществлялось при помощи указов и постановлений, публикуемых периодически от имени правительства или партии, но вырабатывались они на заседаниях весьма узкого круга руководителей, точный состав участников которых неизвестен.

Методы работы, соответствующие партийному Уставу, были восстановлены внутри партийных организаций в еще меньшей степени, чем были восстановлены законность и конституционные формы

управления внутри государственного аппарата. Прошли месяцы, а затем и годы, а съезд партии не созывался. Центральный Комитет собирался на пленум лишь однажды, в феврале 1947 г., для рассмотрения проблем сельского хозяйства. На этом же пленуме состав Политбюро был пополнен рядом деятелей, которые приобрели в период войны огромную власть, — это были Берия, Маленков, Вознесенский, а также два кандидата — Булганин и Косыгин. Умер Калинин. Состав Политбюро в результате выглядел следующим образом: Сталин, Андреев, Берия, Вознесенский, Ворошилов, Жданов, Каганович, Маленков, Молотов и Хрущев плюс упомянутые кандидаты[6]. Но этот узкий конклав, который традиционно включал наиболее влиятельных советских политических деятелей, так и не стал работать коллегиально. Работа строилась как бы по комиссиям, группам в 5, 6, 7 членов, подобранных в соответствии со стоящей перед ними проблемой; на практике к решению той или иной задачи допускались не все (как правило, Ворошилов или Андреев)[7].

Состав Политбюро был мало знаком широкой общественности; в официальных документах его члены именовались чаще всего «соратниками Сталина», а не «руководящими деятелями партии». По существу, все решения продолжали приниматься лично Сталиным после консультации с теми его ближайшими сотрудниками, которых он сам выбирал для каждого отдельного случая. Рабочее расписание Сталина определяло режим работы всего политического и государственного аппарата. В силу привычки, ставшей традицией в военные годы, Сталин вставал к полудню и оставался на ногах до глубокой ночи: остальные руководители собирались у него поздно вечером за ужином, в его недоступной для посторонних даче, окруженной лесом, которая была расположена на западной окраине Москвы. В то время это была любимая резиденция Сталина[8]. Эти ночные трапезы — единственная форма встреч всего руководства страны, о которой нам точно известно. Руководящие сотрудники аппарата находились в государственных или партийных учреждениях до самого рассвета, пребывая в ожидании, не поступит ли какое-либо указание сверху.

Каких-либо признаков поиска альтернативы абсолютной власти Сталина или его взглядам в послевоенные годы не было, а ведь до середины 30-х гг. подобные попытки наблюдались. Публичные выступления или просто появление на людях стареющего вождя стали крайне редкими и случайными; выдаваемый экзальтированной пропагандой за главного, если не единственного, творца победы, Сталин превратился в подобие загадочного всемогущего божества[9]. Жуков, единственный из военачальников, чей престиж и боевая слава, приобретенная в ходе войны, могли бы затмить образ вождя, был удален из Москвы. Его назначили командующим Одесским военным округом, на окраине страны[10]. Все же нельзя сказать, что на верхних этажах власти царило полное спокойствие. Хотя ясных документированных свидетельств практически не существует,

нам теперь известно, что по ряду вопросов высшие руководители придерживались противоположных позиций: это касалось, например, практики установления цен на сельскохозяйственную продукцию и — в более общем плане — всех проблем села[11]. По тому, как они вели себя после смерти вождя, можно думать, что в душах некоторых из них таилось уже сомнение в мудрости некоторых сталинских установлений. Трудности в развитии страны отражались с неизбежностью на действиях и состоянии ее руководителей. Но в обстановке, когда все это не могло открыто проявиться в виде откровенных политических дебатов, столкновения приобретали характер прежде всего личного соперничества, тайной борьбы и интриг в окружении Сталина, в тени его величия. Сам вождь относился к этим своим сотрудникам с подозрительностью и без особого уважения, продолжая понемногу осуществлять отбор и среди них[12].

Организацией, в наибольшей степени способной откликнуться на нужды и противоречия жизни общества, была коммунистическая партия. Ей предназначалась та же роль руководителя и гегемона, какую она играла и прежде во всей истории Советской страны. Травма 1936—1938 гг., когда было физически уничтожено множество партийных руководителей, еще не была залечена, но шок прошел после глубокого обновления партийных рядов в годы войны. Среди 6 млн. членов и кандидатов в члены партии, зарегистрированных в 1946 г. (четвертая часть приходилась на кандидатов), $^{2}/_{3}$ составляли те, кто вступил в партию во время войны: 2,5 млн. коммунистов вернулись из армии к мирной жизни в результате демобилизации[14]. Сталин и его приближенные обнаружили несколько преждевременно тревогу по поводу того, не заражены ли новые члены партии, только что вернувшиеся с фронта, желанием обновить партию и стремлением развязать в ней дискуссию; их считали «недостаточно подготовленными политически»[14]. Были приняты меры предосторожности: во-первых, был резко ограничен прием в партию (как указывалось, бороться надо не за «количество», а за «качество»). В результате этого ещё и семью годами позже в партии состояло всего лишь 6,9 млн. человек; бóльшую часть вновь принятых в партию людей рекомендовал комсомол[15]. Во-вторых, была проведена кампания всеохватывающей политучебы, в которую вовлекались как рядовые члены партии, так и среднее руководящее звено. Целью ее была унификация образа мышления, приведение его в соответствие с идеологией сталинского государства, которая только одна накануне войны утвердилась в учебниках и школах страны, только ее принципы пропагандировались и охранялись[16].

Фундаментальным и бесспорным изложением доктрины вновь был назван «краткий курс» истории партии, который был опубликован в 1938 г. именно с целью обобщить и изложить в доступной форме сталинскую концепцию. Его изучение стало всеобщим и обязательным и осуществлялось под пристальным наблюдением руководящих органов[17]. Вновь вступившие в партию должны были пройти

курс политподготовки. Те, кто стоял в партийной иерархии над ними, также были охвачены политучебой, но по более широкой программе. Та часть руководителей, которая выдвигалась на ответственную работу в масштабе области, должна была пройти курс обучения в Высшей партийной школе, организованной в Москве. Срок обучения в ней составлял три года, занятия велись на трех факультетах: первый — для руководящих кадров партии, второй — для работников государственного аппарата, третий — для сотрудников печати. Другие школы были созданы на периферии страны; они были рассчитаны на двухлетнее обучение по тем же направлениям. Эта форма обучения предназначалась для тех, кому предстояло работать на уровне района: в 1946 г. их было 50, а всего лишь годом позже — 177. Для подготовки кадров к «теоретической работе», понимаемой как разработка официальной интерпретации ортодоксального знания, был создан институт для послевузовского обучения: Академия общественных наук при ЦК КПСС[18]. Было, наконец, начато издание специальной еженедельной газеты, выступления которой звучали так, будто ей предоставлено было особое право верховного надзора за всей печатью страны, как будто было мало строгой цензуры, осуществлявшейся над средствами массовой пропаганды; эта газета, что было уникальным случаем в истории советской журналистики, была органом всего лишь одного подразделения центрального партийного аппарата — Отдела агитации и пропаганды*.

Вся эта деятельность по усилению идеологического контроля, наряду с работой по мобилизации трудящихся на выполнение экономических планов, стала основной задачей партии. Она не была и не должна была быть организацией, призванной вырабатывать коллективно политические решения: с этой точки зрения разница между коммунистами и некоммунистами была для Сталина чисто формальной[19]. Различие это лежало в другой плоскости. Сталин неукоснительно проводил в жизнь свою концепцию партии как военно-идеологического ордена, как носителя власти в Советском государстве, «приводного ремня» для передачи принятых наверху решений в массы. Даже опыт войны не заставил его отойти от жесткого осуществления программы, которая была выработана после продолжительной борьбы и утвердилась окончательно лишь накануне мирового военного конфликта.

Идеология против культуры

Хотя смутные надежды на обновление страны после войны не могли найти себе политического выражения, существовала вероятность, что они проявятся каким-либо образом в сфере культуры; это было тем более возможно, что в военные годы интеллигенция и народ накрепко слились друг с другом. Мы не хотим сказать, что в кругах

* Она носила странное название «Культура и жизнь».

советских деятелей культуры существовало какое-либо оппозиционное движение. Скорее это было ощущение новой творческой силы. Деятели культуры стремились более глубоко отражать драматические перипетии человеческой жизни и политических событий, тесно связанных в это время. Кроме того, в стране, пережившей трагические периоды, проявлялся огромный интерес к культурным ценностям. На вечерах поэзии такие замечательные авторы, как Пастернак и Ахматова, пользовались колоссальным успехом у молодежи[20]. Сталинское руководство опасалось развития живой мысли, не поддающейся контролю. Как и в случае с бурным обновлением партийных рядов, эти процессы начали вызывать беспокойство еще в 1944 г. Летом 1946 г., в момент обострения голода, было начато широкое наступление против автономии культурной жизни, где бы она ни проявлялась.

Проведение этой тягостной кампании связано с именем Жданова, который до самой смерти (наступившей летом 1948 г.) был ее главным действующим лицом. В описаниях этого периода кампания обычно фигурирует под названием «ждановщина». Но ее подлинным вдохновителем и руководителем был Сталин; Жданов же в ту эпоху был рупором его идей и наиболее доверенным лицом, правой рукой Сталина в деле руководства партией. Сталин расценил оживление культурной жизни как чреватое появлением критической мысли: хотя вождь часто отсутствовал на заседаниях высших органов управления страной, он в то же время находил возможность пригласить к себе в Кремль того или иного писателя или кинорежиссера, чтобы высказать ему свое мнение о книге или фильме[21]. Таким образом, пропагандистская кампания была начата по его личному указанию. Жданов привнес в нее менторский тон поучений, вульгарность и резкость выражений, которые сделали ее еще более тягостной, хотя смысл этой кампании и без того был трагичен. Его речи не были лишь выражением его личного мнения; в отдельных наиболее важных случаях его оценки подтверждались специальными партийными постановлениями.

Первыми объектами нападок стали литература, кинематограф, театр, то есть те сферы культуры СССР, которые в 1946 г. были наиболее доступны для широких народных масс. Но уже следующим летом была проведена атака и на «философском фронте» (эта военная терминология, весьма характерная для стиля сталинской пропаганды, продолжала использоваться на протяжении всей кампании). Вскоре стало ясно, что те же обвинения, которые были предъявлены философам, будут выдвинуты и против экономистов[22]: в борьбу были включены, таким образом, все общественные науки, особенно их направления, непосредственно связанные с идеологией. В конце 1948 г. даже такая наука, как языкознание, имеющая мало общего с политическими проблемами, была сочтена вероятным прибежищем неконформистской культуры. Наконец, в сферу борьбы попала и музыка, и все выдающиеся композиторы испытали тяжесть обвинений и разоблачений.

Поводом для каждого всплеска обвинительной кампании оказывалось явление на первый взгляд малозначительное. Во всех случаях это были лишь предлоги. Наиболее губительной была первая волна критики, захлестнувшая литературную область. Причиной официального негодования стала публикация в ленинградских литературных журналах произведений двух известных и уважаемых авторов, Зощенко и Ахматовой, о которых Жданов отозвался соответственно как о «беспринципном и бессовестном литературном хулигане» и как о «блуднице и монахине, у которой блуд смешан с молитвой»[23]. Для атаки на кино исходной точкой был избран фильм о шахтерах Донбасса, а нападки на музыкальную сферу начались с критики оперы, подготовленной к празднованию 30-летней годовщины Октябрьской революции и посвященной теме гражданской войны на Кавказе. В обоих случаях атака велась против наиболее известных деятелей культуры: режиссеров Эйзенштейна, Пудовкина, Козинцева, Трауберга, композиторов Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна и Мясковского[24]. Поводом для нападок на общественные науки послужил труд по истории западноевропейской философии, написанный самим Александровым, который руководил всей партийной пропагандой. Но именно этот случай наиболее примечателен широтой целей, избранных для удара: каждая из атак, будь то речь Жданова или публикация официального документа, служила сигналом для появления целого ряда убийственных статей в печати. В них назывались другие имена и другие работы, другие виды искусства (например, изобразительное искусство) подвергались осуждению, и никто не мог надеяться на возможность апелляции. Вся эта критика была односторонней, хотя сама пропагандистская кампания велась под эвфемистическим лозунгом — «критика и самокритика»; во всех случаях ей не хватало убедительности.

Однако смысл и общие принципы этой кампании, ясно осветившие далеко идущие политические цели ее организаторов, конечно, не сводились к тому, что зачастую носило анекдотический характер и лежало на поверхности. Хотя для понимания того, какой «свинцовый колпак» опустился на всю советскую культурную жизнь, весьма важны именно эти подробности*. Задача советской литературы, категорически утверждалось в постановлении, посвященном писателям, состо-

---

* Эйзенштейна обвиняли в том, что он «обнаружил невежество в изображении фактов» истории при создании второй части своего знаменитого фильма об Иване Грозном: он изобразил царя «чем-то вроде Гамлета», в то время как речь идет о «человеке с сильной волей и характером», а опричников, царскую вооруженную гвардию, пользующуюся в истории самой дурной славой, показал как шайку дегенератов, вместо того чтобы вывести их в качестве «прогрессивной силы» (Правда, 11 сентября 1946 г., об опричниках см. *Valentin Gitermann*. Storia della Russia. Firenze, 1963, v. 1, p. 189—196). Сталин проявлял большую личную заинтересованность в чрезмерном возвеличивании личности Ивана IV. Те же мотивы и опасения сыграли очень большую роль во всей этой атаке на культуру; в отношении новейшей истории они были еще более ярко выражены, в особенности это касалось только что завершившейся войны; в результате исторические исследования понесли особенно большой ущерб.

ит в помощи государству в деле правильного воспитания молодежи[25]. Александрова упрекали в том, что он в своем анализе западной философии придерживался «объективистского подхода», в то время как надо было бы исходить из принципа «партийности» (понимаемого как необходимость ведения тенденциозной полемики в ущерб конкретному изучению идей и фактов); таково было общее требование, предъявляемое в категорической форме ко всем областям и направлениям общественных наук[26]. В музыке предписывалось черпать вдохновение исключительно из наиболее распространенных «народных мелодий»[27], так как существовало опасение, что музыкальный язык, менее понятный для всех, а поэтому оцениваемый как «формалистический», может содержать в себе нежелательные намеки. Вся сущность культуры и все ее задачи были сведены к выполнению роли «приводного ремня» в деле воспитания и пропаганды.

Другим направлением развития всеохватывающей пропагандистской кампании было раздувание националистических настроений, причем этот аспект идеологического наступления отличался особенным ожесточением. Проблема восходит еще к периоду до 1944 г. По сути, она является отражением страха, распространившегося в то время в руководстве, перед «иностранным», «западным» влиянием на воинов, которые в составе Вооруженных Сил готовились перейти границу и должны были вступить в контакт с внешним миром. В новой форме те же опасения вновь вышли наружу в начавшемся наступлении на культуру. На театр посыпались упреки за постановку переводных пьес, которые-де могли отравить сознание граждан враждебными советскому обществу идеями[28]. Жданов обвинил сначала писателей, а затем и музыкантов в чрезмерном преклонении перед Западом[29]. Он пустил в оборот слово, которое вскоре стало употребляться как позорное клеймо, — «низкопоклонство»; им обозначалось преклонение и самоуничижение перед западной культурой, которую всю целиком оценивали как «буржуазную», не проводя различия между ее прогрессивными и консервативными направлениями. В полемике против Варги и других экономистов по вопросам оценки новейших тенденций в развитии мирового капитализма один из ораторов даже утверждал: «Достоинство советского человека, и в частности достоинство советского ученого, измеряется в наши дни его патриотизмом... В этой же книге нет ничего патриотического»[30]. Это выступление не было ни единственным в своем роде, ни из ряда вон выходящим. Оценивая в обобщенном виде суть всей этой кампании, Маленков в своем выступлении на первом совещании Коминформа утверждал, что речь идет об «энергичной борьбе» против «болезни рабского отношения ко всему заграничному», которой «была поражена некоторая неустойчивая часть интеллигенции», ставшая легкой добычей, по его словам, «шпионских служб». Несмотря на недавний опыт войны, советское руководство был убеждено, что оно должно еще «воспитывать» народ в духе патриотизма; в этом оно видело даже «основную задачу» своей «идеологической работы»[31].

Из орудия обороны национализм превратился в орудие наступления. Постановление по музыке провозглашало, что русская классическая опера — «лучшая в мире». Изобразительное западное искусство все целиком расценивалось как декадентское, начиная с импрессионистов. Жданов противопоставлял ему некую вымышленную великую традицию русского искусства XIX в., хотя в этой области не было столь выдающихся имен, как Мусоргский и Римский-Корсаков в музыке, а лишь гораздо более посредственные деятели культуры — Репин, Брюллов и Суриков[32]. В печати началась систематическая публикация статей, утверждающих первенство русских в самых различных областях знаний. Не Бессемер, Мартен и Сименс впервые разработали технологию производства стали, а русский Чернов; электрическую лампочку изобрел не Эдисон, а Лодыгин; локомотив отца и сына Черепановых был создан раньше, чем локомотив Стефенсона. Телеграфная связь использовалась в России еще до Морзе в Америке. Все это показалось в Москве недостаточным — и тогда даже пенициллин был провозглашен русским изобретением[33]. И все это было не эмоциональным преувеличением, а систематической кампанией, которая длилась много лет и приняла гротескный характер, поскольку почти любое изобретение, от велосипеда до самолета, объявлялось теперь детищем русских талантов; для этого были хороши, как говорил позднее один историк, любые средства[34].

Националистическая кампания была обращена и на переоценку прошлого. «Чуть ли не все войны, которые вела царская Россия, — говорит другой свидетель происходившего (которого нельзя заподозрить в преувеличениях), — объявлялись справедливыми и прогрессивными». Те же критерии применялись для оценки действий дореволюционной дипломатии. В целом так оценивалась вся экспансионистская политика бывшей империи; как героя чествовали генерала Скобелева, который в прошлом веке совершил карательную экспедицию в Среднюю Азию[35]. Хотя пропагандируемый патриотизм чаще всего определяли как «советский», а не просто как «русский», но ведущей национальной силой страны оставалась Россия. Колониальные захваты царской России восхвалялись и превозносились как положительные явления. Никто не рисковал напомнить ленинское определение царской империи как «тюрьмы народов». Единственными проявлениями национализма, которые подвергались критике, были националистические настроения в малых республиках Союза. Так объяснялись отзвуки прошлой борьбы сопротивления местных народов русскому завоеванию[36].

Нельзя утверждать, что наступление на культуру и волна национализма были всего лишь следствием «холодной войны»[37]: обе кампании начались раньше. «Холодная война» лишь усилила накал этих выступлений. В связи с трудными условиями существования народа и с учетом начавшейся дуэли между СССР и США Сталин счел необходимым подогреть национальные чувства людей. Но проблемы, с которыми СССР сталкивался как в отношениях с другими

странами на мировой арене, так и во внутренних делах, были совершенно иными, чем проблемы, возникавшие в трагических условиях Отечественной войны. Сталин не должен был для их решения нажимать на такой рычаг, как патриотизм, тем более выродившийся в шовинизм. Сталин лишь подогревал грубую великодержавную спесь, которая овладела русским обществом, и прежде всего слоем его высших руководителей, после победоносной войны. Эта политика одновременно укрепляла кордон военных блоков и баз, который противники СССР стремились воздвигнуть вокруг него, и создавала дополнительные барьеры между страной и всем остальным миром с его политическими дискуссиями и идеалами.

Лысенко и биологическая наука

Из области гуманитарных наук идеологическая борьба переместилась в сферу естественных наук. Наибольший ущерб был нанесен биологии. Начиная с 30-х гг. школа академика Лысенко занимала в СССР абсолютно преобладающие позиции, что было обусловлено скорее политическими причинами, чем ценностью полученных ею научных результатов. Она утвердилась окончательно после физического уничтожения ряда ее наиболее влиятельных противников[38]. Однако некоторые противостоящие научные направления сохранились, и борьба идей вновь вспыхнула после войны. Летом 1948 г. при поддержке Сталина Лысенко добился публичного осуждения своих оппонентов во имя некоей новой псевдогенетики, которая должна быть основана на революционных принципах*.

Специальное рассмотрение теории Лысенко не представляет для нас интереса, тем более что плоды ее были отнюдь не обильны, несмотря на полученную ею официальную поддержку. Подлинное значение этих событий в другом. Лысенко одержал победу не благодаря научным аргументам, относящимся к сути вопроса, или полученным экспериментальным данным, что является правилом для всей современной науки[39]. Он без зазрения совести использовал накаленную атмосферу нетерпимости и национализма. Его школа претендовала на то, чтобы выступать знаменосцем «социалистической науки», противостоящей «науке буржуазной» и представляющей русскую науку (своим предшественником он считал экспериментатора

---

* В этих событиях, явившихся кульминацией «ждановщины», роль самого Жданова была второстепенной. Согласно мнению некоторых авторитетных источников (*Z. A. Medvedev. Op. cit*., p. 122—123), он, видимо, был против удовлетворения притязаний Лысенко. Точно известно, что противником Лысенко был сын Жданова — Юрий, который уже занимал в то время важный пост в центральном аппарате партии; но даже он был вынужден понести публичное покаяние и отказаться от своей позиции в вымученном письме на имя Сталина, которое было опубликовано затем в печати (см. Правда. 7 августа 1948 г. текст воспроизведен в: Soviet Studies. v. I. No 2. p. 175—177). Все это не помешало Сталину через год дать свое благословение на брак молодого Жданова со своей дочерью Светланой (*S. Alliluieva*. Op. cit., p. 237—238).

Мичурина), которая должна быть более правильной, чем наука «западная». Своих оппонентов он заставил замолчать и третировал их как презренных людей, не достойных доверия. Классическую генетику, отрасль науки, которая во всем мире именно в это время переживала расцвет и расширяла исследования, принося новые важнейшие открытия, травили в СССР. Ее сторонников изгоняли из институтов, университетов, исследовательских центров[40].

Диктатура Лысенко представляла собой типичное мракобесие. Питательной средой, породившей это явление, была официальная идеология, но оно имело и более глубокие корни в жизни общества: основу его нужно искать в самом характере политики по отношению к деревне и в тяжелой разрухе сельского хозяйства. В начальный период коллективизации колхозы и совхозы преподносились как хозяйства, способные вести сельскохозяйственное производство на научной основе[41]. Но в действительности они стали чем-то совершенно иным. Научная организация сельскохозяйственного производства требовала проведения совершенно другой сельскохозяйственной политики. Псевдонаука Лысенко, в которой были намешаны элементы биологии и агрономии, демагогически обещала успех в условиях существующих колхозов и совхозов. Давалась гарантия увеличения плодородия почв при незначительном использовании удобрений. Так называемые эксперименты проводились путем рассылки в хозяйства указаний; контроль за их ходом и результатами осуществлялся по ответам, которые давались на присылаемые вопросы. Провозглашалось, что в естественных науках действуют те же социологические и философские закономерности, которые излагались в трудах Сталина[42].

Сотрудники, чаще всего это были искренние, но некомпетентные энтузиасты, работали на делянках, отведенных им на полях с низкой урожайностью; они полагались на свои чудодейственные рецепты. Применение же в широком масштабе методов Лысенко привело к углублению аграрного кризиса: но не все сразу и не в полной мере отдали себе в этом отчет. Методами, аналогичными тем, какие применял Лысенко в биологии, пытались действовать и в других науках, таких как физика и химия; и здесь они принесли немалый вред (наиболее тяжелый пример являет собой попытка бойкотировать кибернетику, которую не желали признавать за науку из-за ее заграничного происхождения). Но интересы развития промышленности и роста военной мощи были настолько тесно связаны с этими областями науки, что методы массовых гонений, практикуемые Лысенко, не могли в них утвердиться в такой степени, как в биологии[43].

Вторая половина 40-х гг. в целом была периодом нового глубокого разрыва между государственной властью и культурой в советском обществе; этот разрыв был тем более болезненным, что он пришел на смену единству, созданному в условиях войны. Мрачная, удушливая атмосфера окутала страну. Цензура стала, как никогда, суровой.

Ученые избегали цитировать зарубежные научные источники в своих работах[44]. Деятели культуры, попавшие в черные списки, были обречены на молчание или творческое бесплодие, а часто и на бытовые лишения. Если какое-либо действительно творческое произведение выходило в свет, то это было исключением, а не правилом: в кино, литературе, изобразительном искусстве, музыке преобладала пропагандистская риторика в сочетании с банальностями. Толпа посредственностей священнодействовала на самых различных кафедрах. Тогда же утвердилась и приобрела широкое влияние обширная категория блюстителей священной идеологической чистоты, которые обладали в обществе властью и престижем. Ритуальные формулы этого культа, такие, например, как «социалистический реализм» или «культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию», не несли познавательной нагрузки, так как весь комплекс значений, вкладываемых в эти фразы, имел мало связи со смыслом отдельных слов, из которых они составлялись.

«Ленинградское дело» и новые репрессии

Операция, подобная по своим масштабам той, которая будет описана, не могла бы стать возможной, если бы она не сопровождалась созданием в стране всеобщей атмосферы страха. Органы репрессивного аппарата, политическая полиция и специальные войска Министерства внутренних дел никогда не уступали своих господствующих позиций среди всех государственных учреждений и своей исключительной власти, которую они приобрели в 30-е гг. Война не ограничила их прерогатив, не отменила их права на верховный надзор над партией, над Вооруженными Силами, административным аппаратом, так же как над каждым отдельным гражданином. Глава этих органов Берия получил звание маршала[45]. Воспоминания о 1936—1938 гг. были еще свежи. Обширная сеть лагерей и тюремных колоний продолжала действовать. Но многие из тех, кто был осужден в 30-х гг., отбыли наказание. В годы войны освобождение людей из тюрьмы прекратилось. После победы начали освобождать небольшими группами политических заключенных, которые отбыли свои сроки. За этим следовала обычно ссылка или принудительное поселение с запрещением проживать в крупных городах (или же просто проживать в европейской части СССР)[46]. Начиная с 1948 г. многие из тех, кто оказался на свободе, пусть и при этих ограничениях, вновь были арестованы на основе простого административного распоряжения даже без предъявления обвинения в каком-либо новом нарушении закона. Их ссылали в еще более удаленные и трудные для жизни районы, где население по большей части состояло из депортированных[47]. Но с этого момента об освобождении из заключения не могло быть и речи, разве лишь в редчайших случаях: действие многих приговоров было продлено административным решением. В этих условиях даже временная отмена смертной казни, провозглашенная в

мае 1947 г. (восстановлена она была в начале 1950 г.), не произвела на людей сильного впечатления[48].

Повторный арест бывших политических осужденных совпал с общим ужесточением репрессий, которые, хотя и не достигали прежних массовых масштабов 30-х гг., были достаточно широкими и порождали психоз страха. Публичных показательных, театрализованных процессов не проводилось. По какому-то странному правилу тех, кого с наибольшей яростью поносили на страницах печати, как, например, Зощенко и Ахматову, не трогали, даже если они подвергались общему остракизму. Аресты производились в абсолютном безмолвии. Время от времени ударам подвергались наиболее видные социальные группы: интеллигенция, военные, те люди, которые имели какие-либо контакты с иностранцами. Исчез из поля зрения старик Бородин, знаменитый советник и друг Сунь Ятсена, находившийся в Китае в 20-е гг.; вместе с ним ушла в небытие большая часть сотрудников редакции газеты «Москоу ньюс», советского издания на английском языке. Но никаких официальных известий об этом не последовало[49]. Маршал Соколовский писал позднее, что, несмотря на престиж, завоеванный Вооруженными Силами, «не прекращались необоснованные репрессии против офицеров и генералов, что служило причиной неуверенности, подозрений и взаимного недоверия среди военных»[50]. Множество арестов было проведено среди нерусского населения СССР: так, были высланы многие армяне, включая некоторых из тех, кто после войны вернулся на родину из эмиграции по приглашению советских властей.

Еще и сегодня невозможно установить, сколько людей было вырвано из общества в эти последние годы сталинского правления той или иной волной репрессий. Цифры до сих пор остаются секретными. Общая же оценка говорит, что речь идет о миллионах. Учитывать надо не только тех, кто находился в заключении в концентрационных лагерях, чей принудительный труд, как мы видели, имел достаточно большое значение для развития экономики страны. К ним необходимо прибавить различные категории депортированных и ссыльных в отдаленных районах, которые жили не в заключении, но под надзором и строгим контролем и были лишены всех гражданских прав. Бок о бок с ними находились люди совершенно разной судьбы, объединенные общей участью: обычные уголовные преступники и политические заключенные, перебежчики-власовцы и солдаты, не раз награжденные правительством, украинские повстанцы и недовольные колхозники, старые уцелевшие деятели оппозиций прежних лет и сталинские «кадры», ставшие жертвой «большого террора» 30-х гг. рабочие, крестьяне, интеллигенты разных национальностей.

В конце 40-х гг. репрессии вновь затронули самую верхушку руководства страны. Как и почему это произошло — остается, по существу, неизвестным, и все рассуждения об этом носят умозрительный характер: личные столкновения и политические проблемы, оставшиеся скрытыми, переплетаются здесь с действиями полицей-

ской машины, которая работала под покровом секретности и доказала этими акциями свое всемогущество.

Наиболее тяжелым эпизодом было так называемое «ленинградское дело». Северная столица после войны не только была овеяна гордой славой героической обороны, но и испытала обновление своих великих политических и культурных традиций. Местная партийная организация явилась выразителем этих чувств, которые нашли отражение в грандиозных планах восстановления и перестройки города, повышения его роли. Раздавались голоса о том, что он должен стать столицей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в то время как Москва оставалась бы столицей всего Союза[51]. Было ли этого достаточно, чтобы вызвать подозрения Сталина, который уже в 30-е гг. видел в областных партийных комитетах, особенно в ленинградском, центры власти, способные противостоять влиянию Москвы? В действительности оказалось достаточно одного ловкого полицейского доклада, чтобы заставить его поверить в существование заговора. Уже в 1946 г. атаки Жданова на писателей были сконцентрированы против тех, кто был связан с Ленинградом; резкой критике подверглись в этой связи политические лидеры города[52]. В 1948 г. был арестован Попков, глава местной партийной организации и один из основных вдохновителей обороны города в годы войны. Позднее постепенно в тюрьму были отправлены почти все остальные руководители города, его экономических, военных и культурных учреждений[53]. Уничтожение руководства повлекло за собой резкое падение значения Ленинграда, подорвало проекты его возрождения: музеи, в которых были собраны реликвии блокады, были закрыты, о ленинградской эпопее более не говорили вплоть до смерти Сталина[54].

То, что партийные комитеты могут стать выразителями надежд и интересов местного населения, не было ни чем-то новым, ни свойственным исключительно Ленинграду. Города, области, республики находились в вечном соперничестве друг с другом за получение большей доли централизованно распределяемых капиталовложений, от которых зависело их развитие. Но были у них также и притязания совсем иного рода. В Киеве два местных руководителя, Хрущев и Мануильский (первый из них был главой партийной организации республики, а второй — ее министром иностранных дел), еще в 1945 г. выражали пожелание, чтобы Украина могла устанавливать дипломатические отношения с восточноевропейскими странами, как это, казалось бы, было разрешено в соответствии с конституционной реформой 1944 г.[55] Это притязание не было удовлетворено. Некоторые партийные комитеты на Украине были обвинены в склонности к местному национализму, и их руководство было смещено. По тем же причинам и Хрущев пережил в 1947 г. тяжелое время, когда он оказался под властью Кагановича; однако ему удалось выпутаться из неприятностей и сохранить доверие Сталина, который в 1949 г. пригласил его возглавить парторганизацию Москвы[56].

«Ленинградское дело» имело тяжелые последствия. В центр событий были вовлечены и другие высшие руководители страны; все они были относительно молоды и получили ответственные назначения в последние годы. Три наиболее известных имени — Вознесенский, заместитель Председателя Совета Министров и председатель Госплана; Кузнецов, организатор обороны Ленинграда, назначенный после войны секретарем Центрального Комитета; Родионов, глава правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Среди министров правительства этой самой большой республики Союза в число жертв попали Басов и родной брат Вознесенского, являвшиеся соответственно руководителями плановых органов и системы образования[57]. Все они были арестованы в период между 1949 и 1950 гг. и тайно расстреляны, хотя в то время смертная казнь формально была отменена. Те органы власти, членами которых они являлись, не были даже поставлены об этом в известность[58].

Двух руководителей, Маленкова и Берию, позднее обвинили в том, что они приложили руку к доносу, на основе которого было сфабриковано «ленинградское дело». Но каковы были выдвинутые обвинения, пусть даже преступления и были фикцией? Хрущев одно время говорил, что в качестве такового фигурировал «национализм». Возможно, Сталин испытывал опасения, что в атмосфере шовинизма, который он сам раздувал, в правительстве РСФСР и руководстве Ленинграда мог бы сложиться организационный центр, способный вызвать кризис системы его личной власти. Отсюда, таким образом, проистекала версия о заговоре. Только в отношении Вознесенского он колебался. Даже уже отстраненный от всех постов глава Госплана в течение нескольких месяцев находился под домашним арестом в ожидании решения своей судьбы: в конце концов осуждение на смерть не обошло и его[59].

Антисемитская кампания

Наиболее ярким проявлением сталинского шовинизма в послевоенные годы стал антисемитизм. До этого в советской действительности не было ничего подобного. Революция и большевистская власть энергично боролись с антисемитскими тенденциями, которые на протяжении длительного времени в прошлом насаждались среди народов империи политикой царизма. Хотя еврейский вопрос имел свою специфику, он рассматривался в СССР как часть более общей проблемы совместной жизни и развития в рамках единого Союза множества различных национальностей. За евреями признавалось право жить как самостоятельной нации, со своим языком и своими собственными культурными институтами. В 20-е гг. обсуждалась даже возможность предоставить им территорию, в своем роде советскую Палестину, сначала на Украине и в Крыму, а затем на Дальнем Востоке (в районе

Биробиджана). Эти проекты, по своей сути весьма искусственные, полностью провалились.

Начиная со времени гражданской войны и позднее антисемитские настроения были характерной чертой движений, враждебных советской власти и ее начинаниям; в частности, они проявили себя в период крестьянского сопротивления коллективизации[60]. Среди большевиков в первые годы советской власти было довольно много евреев, особенно среди руководителей партии. Говорили, что Сталин испытывал к ним мало симпатий, поскольку из их числа вышли многие видные деятели партийных оппозиций. Однако сам он утверждал в 1931 г., что коммунисты «не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма»[61]. В 30-е гг. сама проблема считалась полностью улаженной, как и все остальные национальные вопросы; поэтому активная пропаганда против антисемитизма практически прекратилась.

В годы войны участь советских евреев на оккупированных территориях была столь же ужасной, как и во всех европейских странах, попавших под власть нацистов. В других районах страны евреи продемонстрировали не меньшую, чем русские, приверженность делу Сопротивления и победы, будь то участие в боях в рядах Вооруженных Сил или труд в тылу. Хотя официальная пропаганда никогда не выделяла особо трагедию этого народа из общей судьбы всего населения (невиданная жестокость войны на Востоке отчасти делала понятным такое отношение), евреи с самого начала войны получили право на особое политическое представительство в лице их Антифашистского комитета, который имел своей задачей, выполненной с большим усердием, налаживание связей с еврейскими общинами за рубежом, в особенности в Америке. Председателем комитета и его вдохновителем был Соломон Михоэлс, ведущий актер Еврейского театра в Москве. Комитет оставался действующим после войны и превратился в центр национального объединения; это-то и обернулось для него бедой и сделало его жертвой несправедливости[62].

В СССР, как и повсюду, ужасы нацизма и войны укрепили солидарность евреев. Проекты обретения территории для своего народа в рамках СССР возродились в ходе контактов между Антифашистским комитетом и ведущими советскими руководителями, со стороны которых, в частности Молотова и Кагановича, вновь была выдвинута идея избрать для этого Крым, сильно обезлюдевший после депортации татар. Некоторые же деятели комитета хотели иметь постоянной национальной территорией евреев те земли, которые ранее были населены в Поволжье немцами[63]. В послевоенной обстановке правительство Москвы поддержало даже создание еврейского государства в Палестине и признало Израиль; уже тогда значительное число советских граждан попросило разрешение на эмиграцию туда.

В январе 1948 г. Михоэлс внезапно умер в Минске. Было сказано, что он стал жертвой автомобильной катастрофы. Газеты посвятили ему торжественные траурные некрологи[64]. Но вскоре стали

распространяться слухи об убийстве и о причастности к нему политической полиции. Эти известия получили затем множество подтверждений, хотя и полуофициального характера[65]. Насильственная смерть Михоэлса положила практически начало антиеврейскому наступлению, которое развернулось в широком масштабе несколькими месяцами позднее. Со стороны Сталина и верхушки политической полиции оно объяснялось существованием «проамериканского сионистского заговора». В ноябре 1948 г. был произведен обыск в Издательстве литературы на еврейском языке в Москве, и оно было закрыто. В конце года начались аресты членов Антифашистского комитета и других еврейских интеллигентов; были арестованы писатель Фефер, актер Зускин, критик Нусинов, литераторы Бергельсон, Квитко, Голодный, Беленький, пожилая женщина — академик Лина Штерн, дипломат и старый большевик Лозовский, 74 лет (во время войны он часто выступал от имени Советского правительства), и, наконец, наиболее известный представитель еврейской литературы поэт Перец Маркиш. Проект создания национального очага в Крыму был объявлен заговором с целью отделения полуострова от СССР и стал основной частью обвинений[66]. Все еврейские культурные учреждения, театры, школы, газеты в Москве и по всей стране были закрыты. Другая серия арестов охватила технических специалистов московских заводов (включая автомобильный, который тогда носил имя Сталина)[67]. Не пощадили даже жену Молотова, тоже еврейку.

Не менее тяжелой была кампания дискриминации, которая сопровождала эти репрессии. На всех евреев пало подозрение. Уже во время своих нападок на музыкантов Жданов включал в список обвиняемых неких интеллигентов, не называемых тогда по имени, на которых навешивался порочащий ярлык «безродных космополитов»[68]. То же выражение* было употреблено вновь «Правдой» и газетой «Культура и жизнь» в конце января 1949 г. для разоблачения «антипатриотической группы театральных критиков». Личности были на этот раз упомянуты точно, все они были евреями: в данном случае это их общее происхождение не было таким уж очевидным, поскольку они носили русифицированные фамилии, однако в тексте в скобках были указаны и их старые имена, которые были очевидно еврейскими. Выводы в статье делались просто оскорбительные: «Этой группе безродных космополитов не дороги интересы Родины, интересы советского народа. Зараженные упадочной идеологией буржуазного Запада, раболепствуя перед иностранщиной, они отравляют здоровую творческую атмосферу советского искусства тлетворным духом ура-буржуазного космополитизма, эстетства и барского снобизма. Выступления этих эстетствующих антипатриотов, людей без роду, без племени, направлены против всего нового, передового в советской

* Прилагательное «безродный», которое переводится обычно как «без родины», в русском языке имеет смысл явно уничижительный: оно обозначает в литературном языке человека без почвы, без корней и ясного происхождения и может быть понято почти как «ублюдок».

драматургии и театре. Эстетство — по природе своей антинародно, антипатриотично, антинационально»[69]. Затем последовала целая серия других статей, призванных разоблачить так называемых космополитов во всех сферах культуры.

Никто, само собой разумеется, не говорил в Москве об антисемитизме. В целом кампания была обозначена как «антикосмополитическая» и выглядела, таким образом, как составная часть пропаганды национализма, который стал основным направлением идеологической обработки внутри страны. Но эти два термина на практике идентифицировались. «Какое представление, — писалось в то время, — может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека?»[70]. Гурвич наряду с Юзовским и Альтманом был одним из наиболее известных критиков, выставленных к позорному столбу. Двое писателей, Эренбург и Гроссман, которые только что закончили книгу о преступлениях, совершенных нацистами в СССР по отношению к евреям, были отстранены от выступлений по радио, не допускались на страницы газет, их не принимали в учреждениях и в различных министерствах. Прием в высшие учебные заведения евреев стал ограничиваться. Любой вид карьеры — в партии ли, в армии или на дипломатической работе — был для них закрыт[71].

Распространившись в недрах бюрократического аппарата, начали проникать во все сферы советской общественной жизни так называемые анкеты: формуляры, заполненные вопросами. Граждане были вынуждены заполнять их при поступлении на работу или при повышении по службе, при поездке в командировки и во многих других аналогичных случаях. Эти вопросники поступали затем в отделы кадров. В течение всех 20-х и 30-х гг. им не придавали большого значения; с их помощью выяснялись только отдельные вопросы, в первую очередь социального происхождения и прежней политической деятельности. С конца 40-х гг. особое значение стали придавать пункту «национальность»: евреев считали не заслуживающими доверия. С этого начиналась дискриминация. Поощряемые сверху, всюду по стране разжигались старые предрассудки, которые таились ранее скрытно, хотя никогда не были вырваны с корнем, несмотря даже на смелую кампанию, какую вели против них большевики в 20-е гг.

Деградация сталинского национализма до уровня антисемитизма была одним из наиболее печальных приобретений СССР в послевоенный период. Как и во многих аналогичных случаях в прошлом, и не только в прошлом России, это был тягостный элемент извращения и искривления политической борьбы. Массам недовольных людей подсказывали, что во всем виноват «безродный космополит», так же точно как во второй половине 30-х гг. в качестве виновника всех бед выставлялся «враг народа». Когда-то именно Сталин говорил, что антисемитизм — это «ложная тропинка, сбивающая их (трудящихся) с правильного пути»[72]. Не видно оснований для того, чтобы не применить это определение и к тому случаю, когда он сам прибегнул к антисемитизму.

VI. ЭКСПОРТ СТАЛИНИЗМА

Альтернатива Димитрова

В послевоенном Советском Союзе не возникало никакой альтернативы сталинизму. Однако нечто в этом роде все же обрисовывалось в рамках коммунистического движения; в частности, признаки этого наблюдались в восточноевропейских странах: здесь существовало глубоко укоренившееся представление о возможности различных путей к социализму. Это не означало, что коммунистические руководители этих стран были антисталинистами. Напротив, они являлись искренними последователями Сталина в не меньшей степени, чем те большевистские лидеры, которые вместе со Сталиным боролись за реализацию первого пятилетнего плана, осуществляли коллективизацию и только значительно позже пришли к выводу о необходимости изменений (в 1937—1938 гг. Сталин подавил их сопротивление)[1]. Как те, так и другие пришли к выводу, что при оценке реальной действительности, с которой они сталкивались и в условиях которой им приходилось работать, они должны исходить из собственных идей и сами нести ответственность за свои решения, но в рамках сталинской системы для такого подхода не было места; в случае с восточноевропейскими странами речь шла о их внутренней национальной специфике, имевшихся собственных проблемах, собственных надеждах, о наследии их трудного исторического прошлого.

Для того чтобы раскрыть весь ход выработки этой альтернативы, необходимо вновь обратиться к тому периоду, когда проводилось совещание, созванное для создания Коминформа. Хотя уже там были сделаны первые шаги к унификации систем, Гомулка, например, продолжал еще говорить о «польском пути» к социализму, а болгары утверждали, что у них в стране будет создана «народная республика», а не «советская республика»[2]. Особенно заметные различия наблюдались при решении аграрного вопроса, и это неудивительно, так как делегаты в большинстве своем представляли страны по преимуществу аграрные. Намерения болгар или югославов, высказанные на совещании, напоминали в большей степени предложения, когда-то высказанные Бухариным или содержавшиеся в последних работах Ленина, а не то, что делалось на практике Сталиным. Венгерский деятель Реваи просто сказал, что разговоры о создании в Венгрии колхозов — дело «провокаторов и подстрекателей»[3]. Такие заявления показывали, что по данному фундаментальному вопросу развития все партии ищут свои, отличные от СССР, решения, а вопрос аграрный, крестьянский, несомненно, имел ключевое значение во всей истории возникновения сталинизма; он и в послевоенном советском обществе сохранял свою прежнюю чрезвычайную остроту.

Еще одна проблема осталась нерешенной после первого совеща-

ния Коминформа. Она отделила демаркационной линией демократический лагерь, примыкающий непосредственно к СССР, от всей остальной Европы. Но самому этому «лагерю» не была придана какая-либо определенная организационная структура вне соглашения об Информационном бюро, заключенного между девятью партиями, не было сделано ничего сравнимого с тем, что американцы создали в Западной Европе сначала в форме «плана Маршалла», а затем в рамках Атлантического пакта. Конечно, существовала сеть двусторонних договоров, заключенных еще в период войны или сразу после нее между теми странами, которые входили в антифашистскую коалицию. Но вне ее оставались страны, потерпевшие поражение, — Болгария, Румыния, Венгрия, а ведь в Коминформе их компартии участвовали на тех же правах, что и все остальные.

Югославы первыми решились вскоре после конференции в Шкларска Пореба поставить подпись под аналогичными договорами с побежденными странами. Тито принял Димитрова в Бледе и затем лично отправился в Будапешт и Бухарест, где ему была устроена великолепная встреча*. Белград предлагал также Албании войти в состав югославской федерации; между этими странами существовали тесные связи в период общей партизанской борьбы[4]. В этих проявлениях собственной инициативы, не свободных от желания установить свою гегемонию, находило отражение не только то, что югославы имели большой престиж среди стран Восточной Европы, который был ими завоеван в период войны, но также и то, что югославам отводилось почетное первое место вслед за Советским Союзом в деле создания Коминформа. Однако влиятельность югославов вызывала подозрительность у Сталина, который начал и сам обдумывать вопрос о том, какую структуру создать внутри лагеря под руководством СССР, хотя он и испытывал при этом определенные колебания[5]. В конце 1947 г. он задал вопрос венгерскому деятелю Ракоши, что он думает о Тито и о Югославии, где тот только что побывал; получив от собеседника исполненный восхищения ответ, Сталин встретил это проявление энтузиазма холодным молчанием[6].

Часто задается вопрос: в чем заключаются глубинные причины конфликта между Москвой и Белградом, превратившегося в жестокую вражду? Истоки ее можно найти еще в первых расхождениях, которые проявились в годы войны и сразу после нее. Но схожие разногласия имелись у Советского Союза не только с югославами. Эти трения не мешали сторонам тесно сотрудничать на международной арене и выступать союзниками в период организации Коминформа. Как не помешали этому и столкновения по поводу действий советских советников, посланных в Белград, или по вопросу о создании «акционерных компаний со смешанным капиталом», которые были

* Создание сети договоров было завершено позднее, в течение 1948 г., уже после разрыва с Югославией, путем заключения соглашений между СССР со всеми теми странами лагеря, с которыми аналогичные документы не были еще подписаны.

предназначены для быстрейшей разработки некоторых видов ресурсов страны. Эти проблемы не представляли собой чего-то особенного, присущего исключительно взаимоотношениям этих двух правительств: они существовали и при установлении контактов с другими странами Восточной Европы. Кроме того, хотя югославы и ощущали в предложениях Москвы стремление нарушить их экономическую независимость, но все эти разногласия удавалось улаживать[7]. Руководители Белграда испытывали неприязнь (естественную для тех, кто сам только что совершил революцию) к тому в реальной действительности СССР, что так далеко увело его от идей 1917 г.[8] Но даже и это не мешало тесному сотрудничеству между двумя партиями. Хотя зародыш возможного кризиса во взаимоотношениях зрел, необходимо было, чтобы в период между созданием Коминформа осенью 1947 г. и февралем 1948 г. произошло нечто существенное, для того чтобы кризис действительно разразился.

Для проведения точного анализа нам не хватает многих документов. Однако нам точно известно об одном событии, которое наверняка сыграло роль искры, вызвавшей взрыв (были, вероятно, и другие важные моменты, в наши дни еще неизвестные, о них, может быть, мы узнаем, когда станут в будущем доступны архивные материалы). Это событие — знаменитая пресс-конференция Димитрова, где речь не шла специально о Югославии. Болгарский руководитель находился в тот момент в Бухаресте; его там принимали торжественно и триумфально. Он прибыл в Румынию, чтобы в свою очередь подписать договор между двумя странами. На обратном пути Димитров говорил с журналистами. О соглашении, только что заключенном между румынами и болгарами, он говорил как о подлинном союзе. Вопрос о создании федерации между восточноевропейскими странами он назвал «несвоевременным», но тут же поспешил добавить: «Когда вопрос созреет, а это, безусловно, будет, наши народы, страны народной демократии — Румыния, Болгария, Югославия, Албания, Чехословакия, Польша, Венгрия и Греция (заметьте, и Греция!) — решат его. Им надлежит решить, что это будет — федерация или конфедерация, когда и как она будет создана. Можно сказать, что то, что делают сейчас наши народы, в значительной мере облегчает разрешение этого вопроса в будущем». Затем он пошел и дальше. Сказал, что необходимо наладить тесное экономическое сотрудничество между этими странами, провести координацию их планов развития, осуществить между ними торговую кооперацию на интернациональном уровне, создать также таможенную унию. «Это очень сложный вопрос, — развивал свою мысль Димитров. — Но такая таможенная уния необходима для развития наших стран. Поэтому мы сознательно и смело будем готовиться к созданию этой таможенной унии с союзными странами, и она будет осуществлена». Таким образом, Димитров изложил свою собственную программу создания структуры Восточной Европы и в завершение, как бы подчеркивая всю важность сказанного, добавил несколько печаль-

ных фраз: он сказал, что мужество — основное достоинство отдельного человека и народа, и закончил, подчеркнув, что говорит с той же «откровенностью», с какой боролся с нацистами в 1933 г. во время процесса в Лейпциге[9].

Димитров имел за своими плечами огромный политический опыт; он не мог не понимать, что выступает с инициативой колоссальной важности и столь же рискованной. Лучше кого-либо другого он понимал, сколь проблематична реализация его проекта федерации, видел, как различны народы, которые в ней предполагалось объединить. Такая идея уже была в старой программе Коминтерна, но касалась она лишь Балканского полуострова[10]. Возрождена она была в конце войны и обсуждалась и болгарами, и югославами, но реализация ее застряла на мели разногласий и противоречивых концепций: первые предлагали заключить союз на равных между двумя странами, вторые считали, что Болгария должна стать одной из республик югославской федерации на тех же условиях, что Сербия и Черногория, а в будущем и Албания[11]. Весьма туманной была также перспектива конфедерации между Польшей и Чехословакией. На совещании Коминформа, которое только что закончилось, никто ни слова не сказал о подобных предложениях. Димитров не закрывал глаза на то, сколь «несвоевременными» были условия для такой федерации. И все же он выдвинул свою идею, предложив участвовать в ее реализации всем восточноевропейским странам в равной степени, исключая СССР, к тому же добавил к своему проекту и программу тесной экономической интеграции. Это была совершенно новая концепция, высказанная без предварительных консультаций, во всяком случае с советскими руководителями[12]. Димитров был уже болен, но он бросил на чашу весов весь свой авторитет, чтобы склонить эту чашу в пользу своего плана. Хотя очень часто утверждают обратное, но политический вес этого деятеля среди компартий был не меньшим, чем у Тито. Он стоял во главе Коминтерна в течение всего десятилетия антифашистской борьбы. В его поступке было что-то драматическое, даже отчаянное, как будто он хотел успеть выиграть в последний момент простор для маневра, чувствуя, что круг смыкается все больше и больше.

Конфликт с Югославией

В действительности же такого простора больше уже не было. Предложение Димитрова не устраивало Сталина. Опытный фракционер, он увидел в его инициативе и в дипломатической активности Тито зародыш международной оппозиции. Публикация в Софии и в Бухаресте 21 января 1948 г. декларации болгарского верховного руководителя была воспроизведена на страницах «Правды» 23 числа того же месяца. 28 января в той же газете была дана едкая критика этой позиции: не проблематические и надуманные федерации и конфедерации, писала «Правда», не таможенные унии нужны странам Восточ-

ной Европы, а лишь программа, принятая при создании Коминформа[13]. Сталин к тому же пригласил в Москву сначала Димитрова, а затем Тито. Первый прибыл в сопровождении своих товарищей Костова и Коларова. Второй, предчувствуя бурю, предпочел послать своих сотрудников Карделя, Джиласа и Бакарича. Вечером 10 февраля состоялась их знаменитая встреча с советскими руководителями.

Разговор вел только Сталин, саркастический и гневный[14]. Он обращался прежде всего к Димитрову, обвиняя его в том, что тот все еще считает себя главой Коминтерна. Сталин настаивал на двух пунктах: во-первых, между советскими руководителями и их собеседниками существует подлинное столкновение концепций; во-вторых, югославы и болгары действуют без согласования с СССР, ставя его перед свершившимся фактом. Федерация, таможенная уния, координация экономических планов были только робкими пожеланиями. Тем не менее Сталин, видимо, хорошо понял, что за ними стоит; как показали потом другие события, он не хотел прямо говорить о сути дела, хотя и видел ее ясно. Он даже предлагал создать несколько более мелких федераций, в том числе болгаро-югославскую. Но Димитров, который имел со Сталиным отдельную встречу, отдавал себе отчет, что противоречия касаются более фундаментальных вопросов. Только что в его присутствии ставился вопрос: «Федерация с кем и против кого?»[15] Если попытаться дойти до существа спора, то этот вопрос может многое осветить. Все проекты других партий выглядели, с точки зрения Сталина, опасными для СССР уже по одному тому, что они вырабатывались самостоятельно: какие-либо попытки создать в Восточной Европе коалицию или ввести в ней единую структуру должны осуществляться только под эгидой Советского Союза, и никаким иным путем.

Хотя Сталин был гораздо более резок с Димитровым, чем с югославами, он прекрасно отдавал себе отчет о реальном положении дел и понимал поэтому, что подлинным препятствием для его намерений является Белград, а не София. Димитров стоял во главе страны, потерпевшей в войне поражение, успех повстанческого движения в которой стал возможным только с приходом Советской Армии; за Тито стояло государство, рожденное в долгой и победоносной революционной борьбе. На югославских коммунистов было оказано Советским Союзом массированное давление. Переговоры, которые велись между Москвой и Белградом по экономическим и военным вопросам, были полностью приостановлены.

1 марта югославы предприняли первые шаги в целях сопротивления нажиму: было проведено заседание Центрального Комитета с участием Тито. Партийные руководители дали себе волю и изливали душу, вспоминая те обиды, которые были им нанесены недружелюбным обращением в Москве, и демонстрировали решимость отвергнуть советские угрозы[16]. Сталин был проинформирован о ходе событий одним из тех, кто присутствовал на заседании (Жуйовичем), поэтому он сделал следующий шаг: из Югославии были отозваны все военные

и гражданские советники. В ответ на просьбу объяснить эти действия, с которой обратился к нему Тито[17], Сталин ответил 27 марта письмом (за подписью Молотова), которое положило начало открытой вражде между двумя партиями и правительствами.

Целью, в которую метил Сталин, были не только югославы. Его письмо свидетельствует об этом. Оно состоит из двух явно различных частей. В первой излагаются жалобы по поводу атмосферы недоверия и враждебности, какой были окружены в Югославии советские советники. То есть в этой части речь идет о вопросах спорных, но имеющих второстепенное значение. Действительно, югославы испытывали подозрения, что среди советников, дипломатов и представителей советского персонала Коминформа есть и такие, которые хотели бы вмешиваться в дела не только их страны, но и их партии. Югославы подозревали, что ведется вербовка информаторов и организуются оппозиционные группировки[18], поэтому они принимали контрмеры, диктуемые обстановкой. Во второй части письма Сталина говорилось о новых аспектах разногласий; была начата общая атака на внутреннюю и внешнюю политику югославских коммунистов. Они будто бы враждебны СССР, поскольку тайком позволяют себе критиковать его за гегемонистские тенденции по отношению к народным демократиям. Их партия якобы не является ни демократической, ни большевистской, так как она возглавляется руководителями, подобранными методом кооптации, вместо того чтобы использовать выборность, а также и потому, что она поставлена под контроль полиции; помимо того, партия эта практически растворена в Народном фронте. Наконец, Тито и его сторонники, по Сталину, отказались от классовой борьбы, допустив широкое развитие «капиталистических элементов в деревне и в городе»; отсюда вытекает, что они не отличаются от Троцкого, Бухарина и меньшевиков[19].

Это послание свидетельствовало о том, что его авторы хотят помериться силами. Содержание его было откровенно несправедливым и вызывающим по отношению к адресату, и отправители даже не хотели скрывать этого. В свете последних событий югославские руководители уже достаточно критически относились к советской позиции; но это были люди, которые в течение всей войны, да и после нее, восторженно смотрели на СССР и Сталина; эти два слова превратились в Югославии в самые популярные символы. Компартия Югославии несла на себе отпечаток событий времен партизанской войны. Но обвинения, выдвинутые против нее именно Сталиным, кажутся чем-то весьма странным в свете предшествующего опыта Советского Союза. Что же касается остальных нападок, то их целью было прежде всего подорвать представление о Югославии как о стране, дальше всех продвинувшейся по пути строительства социализма. А именно на этом основывался престиж Югославии в коммунистическом движении и в странах народной демократии. В то же время в послании была очерчена та модель, которую Сталин намеревался выдвинуть в качестве единственно возможного типа социалистического

общества, для дальнейшего ее воплощения в жизнь во всех странах.

Югославские лидеры очутились перед трагической дилеммой. Позже они рассказали о том, насколько тяжело было им сделать выбор[20]. Тито сумел в данном случае принять решение, которое в сочетании с его опытом победоносного руководства партизанской борьбой возвело его как государственного деятеля в ранг великого политического лидера. Он вернул спору его подлинную изначальную сущность, поставил проблему на реальную почву. Вопрос заключался в характере взаимоотношений между государствами, одно из которых великая держава, а второе — малая страна. Это был вопрос национального достоинства, суверенитета, независимости, которые должны быть, по мнению Тито, фундаментальными факторами в построении отношений между социалистическими государствами. Тито получил поддержку Центрального Комитета своей партии[21]. Его ответ Сталину от 13 апреля пункт за пунктом опровергал все обвинения советского лидера. Тито предлагал, чтобы какой-нибудь руководитель СССР направился в Югославию, для того чтобы убедиться на месте, сколь несправедливы и бездоказательны нападки на его партию. Далее он сформулировал свою знаменитую максиму: «То, что каждый из нас любит Советский Союз, землю социализма, не может ни в коем случае значить, что мы меньше любим свою собственную страну, которая также строит социализм»[22]. Югославы не отступили, вызов был принят.

31 марта, через четыре дня после обращения к Тито, Сталин довел его содержание до сведения руководителей других партий, входящих в Коминформ. Он предлагал им занять определенную позицию в этом вопросе (согласно югославскому источнику, Сталин хотел, чтобы соответствующие решения содержали обращение лично к нему[23]). Но этим он не ограничился. Сталин нашел возможность подсказать компартиям даже желательный ответ. В течение апреля на его сторону встали болгары, затем одни за другими — венгры, поляки, румыны, чехословаки, в течение мая — итальянцы и французы. Все постановления, принятые руководящими органами отдельных партий, вырабатывались в узком кругу. Кроме осуждения позиции югославов, они содержали и два других положения: СССР и его партии по праву принадлежит, как всегда принадлежала и в прошлом, руководящая роль в антиимпериалистическом лагере и внутри коммунистического движения; тенденции в партиях, аналогичные тем, которые получили развитие в Югославии, объявлялись опасными, и выражалось намерение вести с ними борьбу[24]. Таким образом, предупреждения и замечания, сделанные Советским Союзом, должны быть учтены со всей серьезностью не только югославами, но и всеми компартиями.

Сталин бросил на чашу весов свой колоссальный личный престиж и использовал огромное уважение, которое испытывали коммунисты к истории развития СССР. Он добился двойной цели: изолировал югославов и пресек какие-либо возможности возникновения альтер-

нативы его гегемонии или его модели в других партиях. Когда Сталин получил гордый ответ Тито, он постепенно добился нужных ему постановлений от других партий. Югославы позднее утверждали, что только Димитров приватно пожелал им «держаться твердо», но сам он не мог рассчитывать на поддержку по стороны собственной партии. В то же время его план создания федерации не был принят и самими югославами, занявшими твердую оборонительную позицию абсолютной национальной независимости[25].

Полная программа распространения сталинизма в международном масштабе была сформулирована Сталиным во втором пространном послании, написанном им Тито 4 мая. В девяти главах этого документа были воспроизведены все аргументы предыдущего письма, но они были усилены и развиты полнее как при анализе советско-югославских отношений, так и при изложении общих принципов[26]. К СССР, говорил Сталин, нельзя относиться так же, как к какому-либо иному государству. Его представители имеют право участвовать в решении дел местных коммунистических партий: «огромная опасность» заключается в недооценке значения советского опыта в деле строительства социализма. В этой связи Сталин напоминал положения теории о продолжающемся обострении классовой борьбы, той самой теории, с помощью которой он в 30-е гг. боролся со своими противниками в СССР. Он требовал ее применения и в других странах, в частности при развертывании в них кампании против так называемых кулаков в деревне, навязывая, таким образом, всем странам сталинский путь коллективизации[27]. В каждой стране, добавлял Сталин, партия должна стоять над любой другой общественной или государственной организацией, включая Советы или Национальный фронт; это был знаменитый тезис о «приводных ремнях», то есть еще одно фундаментальное положение сталинской концепции[28].

В течение нескольких недель эти положения стали Евангелием всех народных демократий. Наиболее примечательным аспектом конфликта являлось то, что югославы были склонны полностью принять эти принципы, так как были всегда уверены, что продвинулись далее всех других по пути к социализму; именно в эти самые недели в Югославии были приняты жесткие меры против мелких производителей на селе и в городе. Однако для Сталина это все не было основной проблемой в его споре с ними; это была, скорее, платформа, на которой он намеревался добиться унификации государственных систем в Восточной Европе в соответствии с принципами советского режима. Он не желал прекращать конфликт, даже если югославы и уступили бы в этом вопросе. Прежде всего необходимо было исключить вероятность покушения на его гегемонию — в этом заключалась подлинная суть столкновения Сталина с Тито.

Отлучение Тито

Второе послание Сталина заканчивалось заявлением, что Москва намерена перенести спор на совещание Коминформа. Югославы отказались от этого. Несколькими днями позже советские руководители все же потребовали созыва совещания Информационного бюро. Сначала предполагалось встречу провести на Украине; было дано понять, что в совещании будет участвовать Сталин собственной персоной[29]. Тито ответил, что не приедет ни в коем случае. Тогда решили перенести совещание в Бухарест, где оно и состоялось 20—22 июня 1948 г.* Результаты его в той части, которая относилась к советско-югославскому конфликту, были предопределены. Маленков проинформировал собравшихся о последнем отказе югославов[30]. Жданов выступил с докладом, в котором повторил аргументацию посланий Сталина и присовокупил, что последние радикальные мероприятия, осуществленные Тито, являются всего лишь еще одним доказательством «авантюризма». Поскольку остальные делегаты по очереди высказались в поддержку советской позиции, текст речи Жданова послужил основой для составления резолюции, которая и была принята в заключение конференции. Белградские руководители были обвинены в «национализме» и исключены из Коминформа, поскольку они «поставили себя вне единого фронта коммунистов»: югославская партия должна или заставить свое руководство изменить позицию, или заменить его другим, «интернационалистским руководством»[31].

Публикация в конце июня документов, принятых в Бухаресте, оповестила весь мир о конфликте, который до той поры разворачивался в обстановке строжайшей секретности. Тито реагировал энергично и предусмотрительно. Он быстро опубликовал в своей стране текст решений Коминформа и ответ на них[32]. В его руках была сила сплоченной, единой партии и обновленного государства. Двое руководителей, относившихся к Москве благоприятно, Жуйович и Хебранг, были арестованы. В Югославии, как и в других европейских странах, в наибольшей степени пострадавших от войны, условия жизни были трудными и, конечно, было много причин для недовольства населения, но национальные чувства, питаемые воспоминаниями о тяжелой борьбе с агрессорами, работали на Тито. Он созвал съезд партии, который собрался 20 июля и продемонстрировал полное единство с руководством. Тито продолжал выступать за проведение социалистической политики и за ориентацию на дружбу с Советским Союзом в той мере, в какой она возможна[33]. Другие партии, члены Коминформа, по требованию Москвы вынуждены были

* На нем присутствовали: от Советского Союза — Жданов, Маленков и Суслов; от Болгарии — Костов и Червенков; от Румынии — Георгиу-Деж, Василе Лука и Анна Паукер; от Венгрии — Ракоши, Фаркаш и Гере; от Польши — Берман и Завадский; от Чехословакии — Сланский, Широки, Геминдер и Бареш; от Франции — Дюкло и Фажон; от Италии — Тольятти и Секкья.

бойкотировать съезд, хотя им были посланы приглашения прислать своих делегатов. Даже Сталин должен был осознать теперь, что его атака на Югославию не будет таким уж простым предприятием*.

Война была объявлена. Вести борьбу Сталин готовился теми методами, которые были ему знакомы по фракционным стычкам в собственной партии. Но характер конфликта был совсем иным, а его противники были вооружены теми же инструментами, какими владел и он.

Но по двум проблемам международной жизни Югославия все-таки еще выступала с инициативами, согласованными с СССР и его восточноевропейскими союзниками. Первая из них — общее заявление по германской проблеме, которое было направлено против политики западных держав в Германии и призывало решать этот вопрос на основе предложений, безрезультатно выдвигаемых Москвой[34]. Вторая — конференция по проблемам судоходства по Дунаю, созванная в Белграде в конце июля в соответствии с положениями мирного договора. Семь придунайских государств, включая СССР и Югославию, оставляли за собой исключительное право контроля судоходства и выступали единым фронтом против английских, французских и американских предложений, которые предусматривали свободный проход по реке для всех.

Столкновение между партиями затронуло также и отношения между двумя государствами: советская дипломатия была поставлена на службу сталинской политики изоляции и «разоблачения» югославских руководителей в глазах общественного мнения в коммунистическом движении. Отлучение Югославии превратилось в то же самое время в акцию «холодной войны» и усилило ее, хотя Белград старался еще держаться вместе со странами социалистического лагеря.

Враждебность, которая установилась в Европе между двумя частями этого континента (обвинения против Тито совпали по времени с разрывом Германии на части и блокадой Берлина), благоприятствовала антиюгославскому походу Сталина. На Западе по команде американцев была развязана яростная антикоммунистическая кампания. Все, что ни делали коммунисты, объявлялось кознями дьявола: еще до того как в «Правде» появились нападки на предложение Димитрова, дипломатия и печать Запада проявили явное скудоумие, окрестив проект федерации восточноевропейских

* Тито опубликовал в Белграде свою переписку со Сталиным с самого начала спора. Влиятельные коммунистические лидеры, такие как Тольятти и Готвальд, просили тогда же советское руководство опубликовать документы, которые могли бы доказать обоснованность их обвинений. Сталин, как это следует из документа, доведенного до сведения, в частности, итальянских руководителей, отказался сделать это. Он сказал при этом, что уверен в том, что нельзя рассчитывать на быстрое поражение югославов, добавив, что для этого необходимо проявить терпение и «уметь выждать». Это показывает, видимо, что если Сталин был одно время убежден в своей способности победить Тито — «едва пошевелив мизинцем», как позднее утверждал Хрущев, — то очень скоро он пришел к необходимости изменить свое мнение, хотя бы частично.

стран вредоносным советским изобретением[35]. Предвыборная борьба в Италии велась в экзальтированных тонах крестового похода. Правые и консервативные силы, ослабленные в результате разгрома нацизма, вновь перешли в наступление по всей Западной Европе. И это главным образом пробудило в коммунистических партиях старое чувство безусловной преданности СССР. Оно подтолкнуло их сначала к одобрению создания Коминформа, а затем и к осуждению Тито. Необходимо было встать с полной определенностью на ту или другую сторону — для «третьей силы» не было более места; таков был наиболее веский аргумент в споре перед необходимостью сделать выбор. Глобальный и массированный характер американского наступления облегчил таким образом намерение Сталина превратить весь свой лагерь в единый монолит по образу и подобию Советского Союза.

Заковывание Восточной Европы в цепи

Но отлучение Тито Сталин считал недостаточным. В условиях резкого поворота международной ситуации от войны антифашистской к войне «холодной» крупнейшие коммунистические партии проявили себя как политические организации, имеющие сложную внутреннюю специфику. Политическая жизнь внутри них почти повсюду отражала сочетание двух тенденций. Одна была представлена так называемыми «москвичами», старым племенем сторонников СССР, а вторая — выразителями национального пути[36]. Очерченные таким образом различия грубо и схематично описывают реальное положение дел, но они позволяют ухватить суть вопроса. Существовало и много других проблем и побудительных мотивов, действие которых определяло новый характер диалектики партийной жизни, например смена поколений, проблемы руководства, национальные противоречия. В целом же партии превращались в это время в подлинно массовые организации. И в каждой стране проявилась эта борьба тенденций, хотя велась она в различных формах и поводом к столкновениям служили различные вопросы.

В албанской партии, рожденной в период войны, группировка, считающая необходимым вступление в югославскую федерацию, противостояла другой группе, ревностно отстаивающей национальную независимость; эти острые разногласия привлекли внимание Сталина, и он неоднократно требовал объяснений от Белграда еще до того, как развернулся его конфликт с Тито[37]. Политические противоречия существовали также в руководстве болгарской и румынской партий. В других случаях, как это было в Венгрии, речь шла прежде всего о личном соперничестве[38]. Создание Коминформа, осуждение Тито, явное возвращение к принципу вертикальной дисциплины и повиновению указаниям сверху в коммунистическом движении, объявление национализма чрезвычайной «опасностью», присутствующей повсюду, создали новые причины для подозрительности и расколов

в отдельных организациях. Примером тому является компартия Чехословакии, в то время единая, несмотря на значительные трудности в отношении между ее чешским и словацким крылом: во второй половине 1948 г. в ней возникли искусственно вызванные острые столкновения, участники которых претендовали на роль критиков, требующих учесть «уроки» югославского дела[39].

Еще более открыто и остро обозначился политический конфликт в польской партии, и произошло это также после осуждения Тито. Генеральный секретарь партии Гомулка был в прошлом профсоюзным деятелем; он вышел на авансцену движения в период Сопротивления и продолжал чутко улавливать настроения и надежды страны, видеть ее проблемы. Уже по поводу создания Коминформа он испытывал определенные сомнения, в период же конфликта с югославами он предлагал в последний момент выступить с посреднической миссией[40]. Когда югославы все же были изгнаны, Гомулка прежде всего стремился избежать того, чтобы их осуждение повлекло какие-либо политические последствия внутри его собственной партии. Он заботился о том, чтобы по двум вопросам позиции оставались неизменными, так как их он считал решающими: во-первых, необходимо защищать национальные чувства и надежды польского рабочего движения, которые разделяет подавляющее большинство его сограждан; во-вторых, нельзя проводить коллективизацию в польской деревне и вообще решать аграрный вопрос борьбой с кулаками. Кроме того, он продолжал защищать также свое отношение к слиянию с социалистами, необходимость уважать их убеждения и идеалы, особенно в области национальных устремлений[41]. Такая позиция не была одобрена в Москве, ее не разделяло и большинство деятелей в верхах польской партии. Гомулка пришел в столкновение с большинством других партийных руководителей, которые видели в его позиции «явное сходство» с тезисами югославских лидеров[42]. Гомулка был отстранен от основных политических постов, как и вся группа его сторонников.

Более простые причины лежали в основе столкновений внутри албанской партии. Однако отношения между двумя группировками были весьма напряженными: один из руководителей партии, настроенный враждебно к идее федерации с северным соседом, был убит осенью 1947 г.[43] Осуждение Тито дало «свободный выход антиюгославским чувствам»[44], существовавшим в Албании. Дзодзе, глава течения, которое относилось к Белграду благожелательно, был очень быстро лишен всех постов, а вместе с ним были лишены постов и все основные сторонники его политической позиции. В Тиране с тех пор решительно преобладала антиюгославская линия. Албанские руководители ни при каких обстоятельствах не отступали от нее ни на шаг все последующие годы, хотя расплачиваться им приходилось за это изоляцией от остального мира.

Применение насилия во внутрипартийной борьбе не было исключительным случаем, присущим одной только Албании. На фоне конф-

ликта с Югославией в различных партиях развернулась борьба, которая привела к трагическим политическим судебным процессам, состоявшимся в период между июнем и декабрем 1949 г. В качестве обвиняемых на них фигурировали деятели коммунистического движения, занимавшие ранее самое видное положение в своих партиях; помимо албанского деятеля Дзодзе, в этом положении оказались мадьяр Райк и болгарин Костов, вместе с каждым из которых на скамье подсудимых находилась более или менее многочисленная группа его предполагаемых сообщников.

Несмотря на последующее разоблачение ошибок, еще и сегодня не собраны многие данные об этих событиях (если исключить «дело Дзодзе»), необходимые для воссоздания верной политической ретроспективы этих жутких юридических спектаклей. Трудно также с точностью выявить степень и долю ответственности за эти события местных деятелей и советского руководства. Какой бы ни была настоятельной необходимость установить в целях нашего исследования роль СССР в этих судебных процессах, однако в любом случае мы можем утверждать с уверенностью: его вмешательство имело решающее значение.

Сама глубинная основа происходящего, связанная с сутью сталинской концепции, была точно та же, что и в Советском Союзе во второй половине 30-х гг., когда там с помощью насилия была подавлена последняя возможность вести политическую борьбу. Согласно этой концепции, в возникновении любых трудностей необходимо искать, по выражению Ракоши, «руку врага»; в этих трудностях необходимо видеть проявление классовой борьбы, которая, по словам Сталина, все более усиливается в ходе строительства социализма[45].

Советский Союз подстрекал проведение политических процессов, которые должны были продемонстрировать так называемую опасность титоизма. Антиюгославское наступление велось на основе политических обвинений, увязываемых с отказом Тито предстать перед судилищем Коминформа: с этого момента он был превращен в символ возможного международного сопротивления сталинскому курсу, точно так же как некогда Троцкий выступал в этом качестве внутри СССР. Все обвиняемые крупных политических процессов были поэтому объявлены «агентами» Тито: они фигурировали именно как платные наемные агенты, а не как выразители проюгославской политической линии, поскольку обвинение такого рода могло бы лишь возвеличить их как политических лидеров. Отсюда отнюдь не вытекает, что Райк и Костов действительно симпатизировали Белграду[46], точно так же, как совершенно очевидно, Бухарин и Рыков не испытывали симпатий к Троцкому в 1936 г. Сам же Тито, опять по аналогии с Троцким, рассматривался не как политический противник, а как продажный прислужник империалистических правительств и агент зарубежных секретных служб; все, что могло показаться его политической победой, превращалось в глазах общественности

в простой результат преступного заговора, для раскрытия которого необходима бдительность.

Идентичными тому, что́ использовалось в Москве на процессах 1936—1938 гг., были также и полицейские методы морального шантажа и физических пыток для получения свидетельских показаний, которые становились затем единственным доказательством обвинений и которые служили также разоблачительным материалом титоистского заговора, хотя все, что говорилось о нем, было путанным и неясным[47]. Только в одном случае эта механика не сработала: болгарский деятель Костов заявил о своей невиновности, как только оказался в суде перед лицом публики[48]. Но и он был осужден на смерть наравне со всеми остальными.

Эти процессы управлялись из Москвы: организаторами и руководителями так называемых расследований были советские советники, которые отвечали за свои действия не перед местными правительствами, а прямо перед министерством Берии, секретнейшим учреждением, в функциях которого переплетались задачи политической полиции и шпионского центра[49]. Доклады советников не подлежали перепроверке и контролю, поскольку они составлялись на основе информации, полученной из источников, доступных исключительно данному ведомству. Таким образом, над этими процессами витала тень беспощадной борьбы с американским и английским шпионажем. Между секретными службами западных держав и Советского Союза в годы войны было налажено сотрудничество, которое расширилось в процессе развития европейского Сопротивления; но по самой своей природе они с неизбежностью первыми вступили во взаимную борьбу, еще до того как отношения между победителями изменились. Некоторые из наиболее знаменитых советских агентов, такие как Треппер и Радо, которые были глубоко вовлечены в антифашистскую борьбу и имели весьма тесные связи с секретными службами других стран, попали в тюрьму в Москве вскоре после победы[50].

Центральным персонажем, к делу которого первоначально были пришиты белыми нитками «дело Райка», затем целый ряд репрессивных акций в Чехословакии и Польше, был Ноел Филд, бывший американский дипломат, в то же время советский агент, участник Сопротивления. Его объявили шпионом США. В действительности он, может быть, вел так называемую двойную игру[51]. Но не в этом дело. Возведение обвинений на Филда нужно было для того, чтобы бросить тень на все международные связи, которые установились в ходе антифашистской борьбы между Востоком и Западом Европы, а затем и для полного разрыва этих связей, включая и контакты между прогрессивными движениями. Следствием «дела Райка» во многих восточноевропейских странах стали массовые аресты коммунистов, которые в период нелегальной работы и Сопротивления приобрели опыт борьбы на Западе Европы в составе единого антифашистского фронта (в частности, репрессии коснулись бывших интербригадовских волонтеров гражданской войны в Испании).

Так же как и в Москве в 1936—1938 гг., подлинные причины дебатов по политическим вопросам, которые велись в кругу руководителей отдельных партий, проявились в ходе процессов (если они вообще как-либо проявились) в столь искаженном виде, что понять их суть стало почти невозможно. В обвинениях против Райка проект федерации, выдвинутый Димитровым, был представлен как план создания вокруг Югославии военного блока буржуазных государств, который бы «пользовался поддержкой Америки и был бы направлен против СССР». Идея приписывалась не Димитрову, который к этому времени был уже мертв, а Тито[52]. Единственной политической ошибкой, которую Костов согласился признать, было противодействие, как это делали и югославы, советскому экономическому давлению на Болгарию, но именно это и не фигурировало среди пунктов обвинений, выдвинутых против него[53]. В этой связи весьма важно было бы установить, где формулировки обвинения вырабатывались — на месте или же в Москве, советскими советниками или лично Сталиным, который наверняка следил пристально за всеми этими событиями. Таким образом, судебные процессы служили определенной политической цели: утверждению сталинизма на всем пространстве Восточной Европы, которая находилась под советским влиянием.

Единая модель

Во всех странах утвердилась единая и единственная государственная идеология, официально называвшаяся марксизмом-ленинизмом, а на самом деле — сталинизм. Операция была осуществлена точно так же, как это делалось десятью годами раньше в СССР, посредством все того же излагавшего доктрину «краткого курса» истории советской партии. Уже в самом начале диспута с Белградом Молотов упрекал югославов в том, что они не изучают в достаточной мере этот учебник[54]. Позднее то же самое говорилось о Гомулке. В октябре 1948 г. газета Коминформа посвятила один из своих номеров, полностью отданных одной теме, этой знаменитой книге[55], с того момента «краткий курс» стал своего рода Талмудом. Культ Сталина распространился повсюду, что отнюдь не равносильно росту его престижа. Семидесятилетие Сталина в декабре 1949 г. явилось поводом для безмерно экзальтированного прославления вождя не только в СССР. Оно стало предметом колоссальной международной кампании преклонения перед ним: из самых различных стран шли адресованные Сталину подарки и послания.

О различных путях к социализму более не упоминали. Был только один путь: советский. К такому повороту приложил руку сам Димитров — перед самой своей смертью он провозгласил отказ от концепции плюрализма в выборе дороги социалистического строительства, хотя его личный вклад в развитие этой теории был одним из основных. В декабре 1948 г. Димитров сказал на съезде своей партии, что необходимо «уточнить» и «исправить» ряд положений, каса-

ющихся этого «сложного вопроса»: «народная демократия» не может быть чем-либо совершенно новым, она может и должна «выполнять функции диктатуры пролетариата»[56]. В то же самое время в ходе полемики с Гомулкой польский деятель Берут заявлял: «Польская дорога к социализму не есть нечто по существу своему отличное, это лишь вариант общей дороги... она основывается на опыте социалистического строительства в СССР»; предосудительным было бы «проводить принципиальное различие» между собственным путем и путем Советского Союза[57]. Другие страны присоединились к этой позиции; любые дискуссии по поводу специфической природы народной демократии были пресечены: использование формулы, которая идентифицировала ее с «диктатурой пролетариата», в действительности не означало ничего иного, как движение по тому историческому маршруту, который был проложен сталинским Советским Союзом.

В Восточной Европе был предан полному забвению весь опыт развития, исходной точкой которого был VII конгресс Коммунистического Интернационала и его политическая линия антифашистского единства. Об этом конгрессе никто более не говорил, так же как предпочитали не упоминать вообще об истории Коминтерна в целом. В полемике с философом Лукачем венгерский деятель Реваи утверждал, что нет оснований считать ошибочной или «сектантской» линию, которую проводило коммунистическое движение в начале 30-х гг. (то есть ориентацию на фронтальное столкновение «класс против класса» коммунистов со всеми остальными политическими силами). Напротив, именно политика Народного фронта была простым «историческим отклонением, которое фашизм вынудил совершить»[58]. Если и не все руководители выражались с такой откровенностью, то в своих действиях они исходили из тех же предпосылок. Длительный опыт сотрудничества коммунистов с другими политическими течениями в антифашистской борьбе был сведен к приему, тактической уловке, которая в конце концов должна была стать губительной как для противника, так и для союзника. Те и другие были обречены рано или поздно сойти со сцены, как это и начало происходить в рамках народной демократии. Такое обесценение политической тенденции, которая была на самом-то деле важнейшим историческим явлением, позволило утвердить на Востоке Европы новую власть в более авторитарной форме, но нанесло тяжелый удар по способности коммунистического движения к политической инициативе и принесло ущерб представлению о коммунистах повсюду в мире.

Коммунистические партии в восточноевропейских странах никогда не знали спокойной жизни на протяжении всех послевоенных лет. В каждой из этих стран были социальные силы, которые чувствовали себя лишенными своих привилегий. «Холодная война» пробуждала в них надежду, что американцы приблизят день их реванша. Сталинское направление в политике хотя и облегчало новым режимам политическую борьбу против подлинных врагов, но одновременно сокращало социальную базу, на которую они рассчитывали

как на свою опору. Это было верно даже для таких стран, как Чехословакия и Болгария, где такая база была более широкой. В политической жизни, как и в жизни экономической, общим правилом стала имитация советской модели. Оставалось все же одно фундаментальное отличие от СССР. Там сталинская система со всеми ее противоречиями была плодом внутренней эволюции, результатом столкновения тенденций, имевших глубокие корни в русской революции и советском обществе. В страны народной демократии эта система была привнесена извне, отсюда ее имманентная слабость.

Правительства действовали в соответствии с социалистическими программами. В этом смысле они решали важные задачи своих стран: осуществляли индустриализацию, боролись с отсталостью сельского хозяйства, распространяли образование. Но несмотря на очевидные различия в объективных условиях, отличавших одну страну от другой, социализм в них копировал одну и ту же советскую схему. В 1948 г. были приняты радикальные законы о национализации в тех странах, где они еще не были до того приняты. В течение скорого времени эти законы стали применяться гораздо шире, чем было предусмотрено самими законами: была подавлена почти любая частная деятельность в мелкой промышленности, в торговле и в ремесле[59]. Кооперативы, которые в некоторых странах получили заметное развитие, были практически национализированы, поскольку их автономный статус был сведен к пустой формальности, а их деятельность полностью направлялась государством[60]. В период 1949—1950 гг. повсюду было начато осуществление политики коллективизации сельского хозяйства. Но проводилась она с большей осмотрительностью и не так быстро, как в СССР; несмотря на эти предосторожности, дело с самого начала пошло с трудом[61].

Развитие экономики повсюду регламентировалось и направлялось с помощью пятилетних планов. То, что все народные демократии стремились к осуществлению индустриализации, понятно: речь идет о странах, где преобладало нищенское сельское хозяйство. Но даже это необходимое направление деятельности, которое принесло в последующие годы важные результаты, реализовывалось путем механического перенесения советского опыта. Все исходили из необходимости преобладания тяжелой промышленности: Чехословакия, которая уже была страной индустриально развитой, хотя в ней и был такой отсталый регион, как Словакия, следовала той же линии и превратилась в базу индустриализации для всего лагеря. Организация, планирование и управление экономикой повсюду были централизованы, производство регулировалось по вертикали, каждая отрасль отдельно, как это было принято в СССР. Во имя политических целей жертвовали рыночным равновесием: постоянная нехватка потребительских товаров привела в различных странах к продлению или к восстановлению нормирования потребления.

Распространение повсюду единой модели не повлекло за собой, однако, ни координации планов, ни интеграции народного хозяй-

ства различных стран, как это предлагал сделать Димитров. Во всех странах внешняя торговля была национализирована в соответствии с жестким подходом, согласно которому только центральное правительство компетентно вступать в какие-либо сношения с заграницей. Раскол Европы и ужесточавшийся бойкот, которому страны западного блока подвергали не только СССР, но и все страны Востока, сделали необходимой общую переориентацию международных экономических связей: обмен стал осуществляться почти исключительно внутри отдельных блоков, что вызвало тяжелые последствия и необходимость реконверсии для стран, которые, подобно Чехословакии, имели в прошлом широкие и крепкие связи с Западом. В январе 1949 г. в Москве был создан Совет Экономической Взаимопомощи, в состав которого вошли СССР, Чехословакия, Польша, Венгрия, Румыния и Болгария (эта организация известна под сокращенным названием СЭВ). К нему впоследствии присоединились Албания и Германская Демократическая Республика. Но эта коллективная организация, которая в момент своего создания противопоставлялась формам международного сотрудничества, возникшим на Западе в рамках «плана Маршалла», в течение целого ряда лет оставалась пассивной[62]. Торговый обмен носил по-прежнему двусторонний характер и был ограничен. Новые связи первоначально устанавливались скорее между СССР и каждой страной в отдельности, а не между всеми заинтересованными странами. Воспроизведение всеми одной и той же советской модели вело, помимо всего прочего, к возникновению новой международной концепции развития — варианта все того же «социализма в одной, единственной стране».

В организации политической жизни также копировался пример сталинского СССР. Все народные демократии в период с 1947 по 1952 г. провели пересмотр своих конституций на базе критериев, которые в очень большой степени определялись влиянием советской конституции 1936 г.[63] Так же как в СССР, это были не столько основные законы, регулирующие деятельность государства, сколько отражение практики, истоки которой уходили в сталинскую концепцию. В различных странах сохранились наряду с коммунистическими партиями некие призраки других партий, которые включили прямо в свои собственные программы пункты о принятии «руководящей роли» коммунистов: их назначение было сведено к функции «приводных ремней», хотя и не слишком эффективных, предназначенных для передачи директив господствующей партии в сферы общества, менее доступные для ее прямого политического влияния. «Приводными ремнями», согласно сталинской идеи, должны служить также все общественные организации, от народных или национальных фронтов, которые стояли у истоков этих режимов, до профсоюзов, лишенных самостоятельности даже там (как, например, в Чехословакии), где они имели за плечами давние традиции борьбы, каких в СССР никогда не было. Распространение этой единообразной системы вызвало во многих странах скрытое политическое напряжение, про-

тив которого вели борьбу в основном с помощью репрессий (надо учитывать общий климат подозрительности при исследовании факторов, сделавших возможными инсценированные судебные процессы против ряда руководителей компартий).

В самих правящих партиях влияние сталинских методов руководства растекалось, как жирное пятно. Их внутренняя жизнь моделировалась в соответствии с авторитарными указаниями с верхних ступеней иерархической лестницы. Собрания членов партий и заседания компетентных органов играли роль лишь формальную, позволяя совершать переход к принципу единоначалия и передачи распоряжений сверху, который стал правилом для партии в СССР. Также и в верхах партий реальное принятие решений все более концентрировалось в руках немногих и в весьма замкнутых органах, часто совсем не в тех, какие предусматривались уставом партии[64]. В каждой стране верховная власть принадлежала вождю партии, но его широкая личная власть была прежде всего отражением власти Сталина и результатом «доверия» со стороны Сталина. Москва не стеснялась прямо вмешиваться в процесс выбора ответственных лиц для наиболее деликатных постов и областей работы, таких как армия и полиция; уже в 1948 г. советские руководители сообщили Праге, что не доверяют министру обороны Свободе, несмотря на то что он не раз доказывал свою лояльность режиму[65]. В конце 1949 г. Сталин направил маршала Рокоссовского командовать вооруженными силами Польши; решение это не могло не задеть наиболее глубоких национальных чувств польского народа.

В деле организации социалистического лагеря Сталин, следовательно, решительно отказался от «широты взглядов», которую его собственные действия в конце войны, казалось, предвещали. В то время он объяснял американцам, что «советизация» Польши невозможна, поскольку условия страны совершенно отличны от советских и польские коммунисты «настроены против советской системы ввиду того, что их народ не желает коллективизма и других форм (этой системы)»[66].

Место этих идей заняло стремление насадить внутри блока союзных стран «монолитность», какую он считал необходимой и возможной в советском обществе. Кроме того, одно являлось следствием другого. Сохранение и ужесточение политики обеспечения монолитности внутри потребовали того же и во внешней сфере. Не допуская никакой политической диалектики в СССР, он не мог терпеть ее и в государствах, которые тяготели к его стране. Страх перед переносом идей между народами социалистического лагеря привел к блокированию передвижения людей между государствами, которое, казалось, должно было сделать возможным общность установок и политических позиций: границы оставались герметично закрытыми, исключения делались только для передвижения редких официальных миссий.

Паралич Коминформа

Советская гегемония, однако, сталкивалась со многими затруднениями. Ее официально прокламировали, используя обязательную формулу, в которой «социалистический лагерь» не упоминался без добавления «во главе с СССР». Но в самой чрезвычайной суровости этой системы и заключалась ее основная слабость. Коминформ, который стоял у самых ее истоков, вскоре оказался в состоянии глубокого политического кризиса. Он не сумел стать такой международной организацией, каким был, пусть и с оговорками и в определенных пределах, Коминтерн. Осуждение Тито стало его последней серьезной инициативой. На том же заседании в Бухаресте, где были изгнаны югославские руководители, был сделан намек на возможное привлечение других партий; позднее ничего в этом направлении сделано не было.

Массированное пропагандистское наступление против Тито не дало результата, поскольку в югославской партии не происходило заметного изменения позиций. Чем меньше от этого наступления было пользы, тем более злобным оно становилось. Как это уже произошло в свое время с Троцким, югославских руководителей объявляли не политической группировкой, а «бандой шпионов и убийц». Такая формулировка была официально принята на третьем совещании Информационного бюро, которое было проведено в Венгрии 16—18 ноября 1949 г.; там утверждали также, что югославская партия, ставшая добычей тех же «бандитов», будет основана заново[67]. Маленькие группы эмигрантов, враждебные Тито, были сформированы за рубежом, в СССР и в странах народной демократии. Они были созданы искусственно на базе явно антинациональной платформы и не обладали каким-либо политическим весом. Небольшие их формирования, проникавшие внутрь страны, были разоружены, деятельность их была пресечена югославской полицией без большого труда. Не сбылось также пророчество Коминформа, что Югославия, оказавшись в изоляции, перейдет во вражеский лагерь, вернувшись к капитализму[68]: хотя эта страна и была вынуждена вступить в тесные связи с Западом, она сохранила свою социалистическую ориентацию и смогла проводить самостоятельную внешнюю политику. Именно СССР после судебного процесса над Райком денонсировал в одностороннем порядке договор о дружбе с Белградом, разорвал все иные соглашения между странами[69]. Незамедлительно это было сделано и правительствами народных демократий; эти действия бросили тень недоверия на саму способность советского блока твердо держать слово и выполнять свои международные обязательства; при этом они не дали никаких заметных результатов, поскольку и военное давление на границах в сочетании с экономическими мерами не заставили югославов свернуть с их пути.

Прогрессирующий паралич Коминформа нашел подтверждение и в изменении его статуса. Осуждение Тито уже было нарушением ис-

ходного соглашения о создании этой организации, в соответствии с которым координация политики отдельных партий осуществляется на добровольной основе. Утвердился с самого начала новый принцип, который стал безоговорочным и «неоспоримым» правилом, хотя он не был зафиксирован ни в одном документе: любая партия «обязана отчитываться перед Бюро» и имеет «право критиковать другие партии»[70]. Теперь же именно этот принцип был отвергнут югославами, хотя они сами использовали методы, из него вытекающие, во время первого совещания, как им на это и указывалось в ходе полемики (действительно, многочисленные критические выступления югославов в адрес других партий, которые они делали не только на заседании Коминформа, породили в рядах их оппонентов раздражение, которое облегчило принятие решения об их осуждении). На совещании в Бухаресте было решено, что организация должна выработать устав, создать постоянные органы руководства и международный аппарат. Устав был подготовлен к следующему совещанию, состоявшемуся в ноябре 1949 г. в Венгрии. В нем утверждалось право на критику и обязательность самокритики для каждой партии. Предлагалось создание двух органов Коминформа: Бюро, призванного проводить встречи по крайней мере один раз в год, и Секретариата, который должен собираться один раз в 3—4 месяца. Но этот документ никогда не был ни принят, ни применен[71].

Совещание в ноябре 1949 г. было безрезультатным; оно стало в действительности последним совещанием Коминформа. На нем не было сказано ничего нового, если не считать злополучного определения Тито и его товарищей как «шпионов» и «убийц». Наряду с югославским вопросом, по которому с докладом выступил румын Георгиу-Деж, совещание заслушало также доклад советского деятеля Суслова о «борьбе за мир», выступление Пальмиро Тольятти по поводу «единого фронта», посвященное отношениям с социал-демократами: ни речи, ни резолюции, выработанные на их основе, не добавили ничего нового к тому, что уже сообщалось об этом пропагандой[72].

После этого совещания Секретариат Коминформа собрался еще однажды в Будапеште в апреле 1950 г. для обмена информацией о выполнении решений, принятых в ноябре 1949 г., но никаких резолюций не принималось[73]. Одна встреча на среднем уровне руководства состоялась в конце того же года в Софии; там обсуждалась работа ежедневных печатных органов отдельных партий. На этой встрече молодой директор газеты «Унита» Инграо, несмотря на то, что он подвергался критике, защищал право осуществлять редактирование своего издания в соответствии с требованиями, которые диктуются реальной обстановкой работы[74].

Каких-либо других совещаний в рамках Коминформа не проводилось[75].

Коминформ, узкая организация, включающая лишь европейские компартии, в период своего существования не дал ничего, что спо-

собствовало бы прогрессу коммунистического движения на континенте*.

Партии, действующие за пределами советского блока, укрепили свои сильные позиции: среди них были итальянцы, французы, финны. Но добились они этого, разумеется, не благодаря Коминформу, а в силу своей способности к самостоятельной выработке решений и политической линии, несмотря на существование Коминформа, способности давать ответ на вопросы, волнующие народные массы своих стран. В остальных частях Западной Европы коммунистические партии превратились в мелкие группы пропагандистов, имеющие незначительное влияние. Трансформированный в Бухаресте Коминформ после разрыва с югославами ограничивался публикацией своей газеты, которая была на практике не более чем бюллетенем, не имеющим реального политического значения.

Помимо провала антиюгославского наступления, два других феномена определили глубокий кризис организации: развитие движения за мир и революция в Китае. Они имели важное значение для всего мирового коммунистического движения. Но оба эти явления родились вне Коминформа и его схем.

---

* Конфликт с Югославией поставил в безвыходное положение и коммунистов Греции, которые вели гражданскую войну. На учредительном совещании Коминформа проявилась эйфория в отношении состояния греческих дел: не только югославы противопоставляли линию поведения греческой компартии действиям итальянцев и французов, которые, по их мнению, были излишне мягкими. Даже Гомулка говорил, что Греция «должна стать образцом борьбы для всех коммунистов» (10 ноября 1947 г.), а следовательно, чем-то похожим на то, что из себя представляла Испания в 30-е гг. В своей героической попытке найти альтернативное решение Димитров также включал Грецию вместе с другими странами в перечень будущих участников федерации в Восточной Европе. Горвздо более осторожными были советские руководители. Сталин никогда не был слишком уверен в возможности добиться успеха в вооруженной борьбе в Греции, поскольку понимал, что не может оказать ей поддержку, не идя на риск прямого столкновения с англичанами и американцами. Именно в эти месяцы по его указанию был уничтожен целый тираж номера газеты Коминформа, так как Сталин не разделял убеждений, излагавшихся в статье главы греческих коммунистов Захариадиса (*V. Dedijer*. Op. cit., p. 273), который призывал к решающему наступлению и к международному признанию повстанческого правительства, созданного партизанами (*A. Solaro*. Op. cit., p. 137—138). В феврале 1948 г. Сталин говорил югославам и болгарам, что было бы лучше вести отступательные бои (*V. Dedijer*. Op. cit., p. 203; *M. Gilas*. Op. cit., p. 187—188). После разрыва между Москвой и Белградом партизаны продолжали получать помощь от обеих сторон. Но в собственных их рядах произошло серьезное расхождение мнений о стратегии войны, по мере того как нарастало вооруженное вмешательство американцев. В начале 1949 г. Сталин советовал Захариадису свернуть и отложить борьбу, если не вырисуется перспектива победы в течение ближайшего года. В июле югославы, вынужденные в условиях своей изоляции проявлять большую осторожность, должны были закрыть границу и прекратить свою помощь партизанам. Осенью гражданская война закончилась; результатом ее было возникновение кризисной тяжелой ситуации, последствия ее легли тяжким грузом на общее положение в Греции. (См. важные документальные свидетельства, найденные в архивах и приводимые в работе *A. Solaro*. Op. cit., p. 137—143.)

VII. КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Сторонники мира

В период между 1948 и 1949 гг. на мир опустился глубокий мрак «холодной войны», начались годы, полные страха. Два противоборствующих блока стран сформировались по обе стороны рубежа, на котором остановились армии в Европе в конце второй мировой войны: один союз примыкал к Соединенным Штатам, другой возник вокруг Советского Союза. Между ними установились отношения, которые, согласно определению советского маршала Соколовского, представляли собой «промежуточное состояние между миром и войной... от которого лишь один шаг до вооруженного столкновения»[1].

Среди правительственных деятелей и в общественном мнении обеих этих групп стран укоренилось глубокое взаимное недоверие, которое заставляло видеть лишь пагубные намерения в любом действии противника. Две ведущие державы обеих группировок обладали атомным оружием, хотя продолжал существовать в этом отношении значительный дисбаланс в пользу США. Новая, еще более ужасная гонка вооружений началась в то время, когда в Европе еще не были залечены раны только что закончившейся войны: в январе 1950 г. американский президент Трумэн решил приступить к созданию ядерного оружия, гораздо более смертоносного, чем то, какое было использовано в Хиросиме, — водородной бомбы[2].

С подписанием договоров об Атлантическом пакте и созданием Федеративной Республики Германии в западной части этой страны последняя несбывшаяся надежда нацистских главарей и всех наиболее консервативных сил Европы стала все же реальностью. Союзы эпохи антифашистской борьбы распались. Соединенные Штаты готовились объединиться с немцами и перевооружить их для борьбы против Советского Союза, несмотря на некоторое, довольно слабое сопротивление англичан и французов. (Нечто в этом роде происходило и на Дальнем Востоке, в Японии.) Эта новая угроза страшила не только русских — она толкала и другие народы Восточной Европы, особенно чехов и поляков, накрепко объединиться с СССР, который был единственной силой, способной защитить их от нового наступления возрожденной Германии.

«Холодная война» стала школой фанатизма, который затемнял рассудок и притуплял способность к здравым суждениям. Мы знаем, какие тяжелые деформации, связанные со сталинизмом, это вызвало в СССР и на Востоке Европы. Но пагубных последствий не избежала и другая часть мира, где международная политика виделась тогда лишь в категориях апокалипсического и манихейского столкновения сил добра и зла, «свободного мира» и «мира рабства». На страны, которые стремились остаться нейтральными в этом противоборстве, смотрели с подозрением. Коммунистическое движение рас-

сматривалось не как политическое течение, а как «мировой заговор», с которым необходимо бороться любыми средствами. Папа римский провозгласил отлучение от церкви всех католиков, которые оказывали этому движению хоть какое-нибудь содействие. 14 июня 1948 г. на Пальмиро Тольятти было совершено покушение, когда он выходил из парламента. Он был тяжело ранен*. Франкистская Испания расценивалась теперь не как последний болезнетворный очаг, оставшийся в Европе от фашизма, а как союзник, которым нельзя пренебрегать в новом крестовом походе. Воевавшие там добровольцы во время гражданской войны попали в проскрипционные списки даже в Америке наряду с теми, кто в прошлом участвовал с коммунистами, пусть очень давно, в антифашистской борьбе. В 1948 г. появились первые признаки кампании доносов и «охоты на ведьм» в кругах интеллектуалов и среди чиновников государственной администрации, которая стала затем печально знаменитой под названием «маккартизм» (по имени сенатора Маккарти, ее главного действующего лица).

Фанатизм питался страхом. «Я убежден, что Сталин не хотел войны», — написал позднее Эренбург, высказав то глубокое суждение, с которым еще и сегодня, в свете всех известных исторических фактов, должно согласиться; и все же, добавляет писатель, «его имя повергало в ужас не только буржуазию, но также и крестьян, интеллигентов и даже многих рабочих Западной Европы»[3]. Экспорт сталинизма в Восточную Европу внес немалый вклад в усиление этих опасений. С другой стороны, в Соединенных Штатах были такие деятели, которые прямо и открыто призывали к нанесению превентивного удара по СССР.

Эту позицию, правда, не разделяли наиболее ответственные круги в правительстве Трумэна, которые также не хотели войны. Но они не желали тем не менее и мира. Их политика заключалась в стремлении постоянно оказывать военное и экономическое давление на СССР и его союзников, которое бы вызвало взрыв противоречий между ними, позволило бы вновь изолировать Советы и привело бы в конце концов к кризису саму внутреннюю систему СССР. С противоположного берега Атлантики Москва не слышала ни одного дружественного голоса: отсюда та тревога, которая была широко распространена и которую искренне разделяли как верхи общества, так и народ. Кольцо военных баз, с которых могли подняться в воздух атомные бомбардировщики, сжималось вдоль всей границы СССР и социалистического лагеря.

Против всех этих господствующих тенденций выступило пацифистское движение, которое самоорганизовывалось во всем мире и глав-

---

* Покушение это послужило для Сталина поводом заявить итальянским коммунистам, что их политика, по его мнению, является крайне беспечной. В своей телеграмме с выражением соболезнований он сказал, что «опечален тем фактом, что друзья товарища Тольятти не смогли защитить его от подлого, предательского нападения» (L'Unita, 16 luglio 1948).

ными вдохновителями которого были коммунисты. Первые свои шаги это движение сделало в 1948 г.; инициаторами выступили поляки, после некоторого колебания Москва их поддержала[4]. Во Вроцлаве, который еще лежал в руинах, в августе этого года собрались на конгресс в защиту мира представители интеллигенции из различных стран обоих лагерей. Большинство присутствовавших составляли коммунисты, но там были и многие ведущие деятели мировой культуры — антифашисты, чье участие придало конференции особое значение и обеспечило ее успех. Дальнейшее развитие эта инициатива получила следующей весной в Париже, где состоялся Всемирный конгресс сторонников мира. В многочисленных выступлениях звучал призыв «не просить мира у сторонников войны, а ...заставить их принять его»[5]; используя такую формулировку, коммунисты, которые составляли основную массу участников движения, старались провести различие между своими действиями и более традиционными формами «буржуазного пацифизма».

Инициатива, получившая огромный резонанс, была предпринята годом позже (в марте 1950 г.), хотя по своему характеру она была весьма сходной с тем, что делали классические пацифисты: это была начатая в Стокгольме грандиозная всемирная кампания по сбору подписей под воззванием, в котором содержался призыв к запрещению атомного оружия, и любое правительство, первым его применившее, объявлялось «военным преступником». Сбор подписей принял массовый характер. Можно допустить, что организаторы кампании несколько преувеличили количество подписей, поставленных под воззванием в разных частях мира, назвав цифру 500 млн. Но в любом случае это была энергичная реакция общественного мнения на нависшую угрозу ядерной войны. Американское правительство было явно озабочено этими событиями; впоследствии Генри Киссинджер, мало симпатизировавший целям этой кампании, признавал ее значительность[6].

Интуиция не обманула Сталина, когда в ответе на речь Черчилля в Фултоне он говорил, что вовлечь миллионы «простых людей» в новую мировую войну будет нелегким делом; он и позднее настойчиво повторял это свое суждение несколько раз[7]. На первом учредительном заседании Коминформа Жданов и Маленков говорили, используя формулировку, которой суждено было стать знаменитой, что СССР желает «на долгое время» обеспечить «сосуществование двух систем, капитализма и социализма»[8]. Вся советская пропаганда, внутренняя и внешняя, была направлена на утверждение необходимости «сохранения мира». Была ли эта настойчивость, столь досаждавшая американцам, отражением стратегической слабости СССР в сравнении с его новым противником? Возможно. Но она отвечала наиболее глубинным чувствам советского народа и стала новой основой единения страны и ее правительства. Как в свое время нацистская агрессия 1941 г. была для народа СССР своего рода спорадической вспышкой яростной стихии, сродни природному бед-

ствию, так и «холодая война» в глазах советских людей, каковы бы ни были объяснения причин событий, исходившие от руководителей страны, имела аналогичный характер иррационального катаклизма, которому трудно найти объяснение. Любые жертвы были принесены ради того, чтобы не допустить новой войны. Обычно граждане СССР, кто бы они ни были и к кому бы они ни обращались, говорили: «Все, что угодно, лишь бы не было войны»[9]. Эта коллективная психология была далеко не второстепенным компонентом той постоянной твердой поддержки, которую страна оказывала своему правительству, была она также и важной причиной устойчивости сталинского мифа.

Среди «борцов за мир» были СССР и коммунистические партии, входившие в Коминформ. Суслов намеренно подчеркивал это в своем выступлении на третьем, и последнем совещании Информационного бюро[10]. Как и в аналогичных событиях 30-х гг., отпечаток действий именно коммунистических партий был слишком явным[11]. Это ограничивало эффективность различных инициатив, которые часто не оказывали воздействия на людей вне круга явно сочувствующих движению или его прямых участников, в то время как пацифистские настроения в общественном мнении были распространены значительно шире. Все же в эти годы прямой конфронтации движение за мир являлось той сферой, в которой коммунисты продолжали поддерживать отношения с политическими течениями другой ориентации: в этой области их международная деятельность в большей степени напоминала политику союзов прошлой антифашистской борьбы. Это было именно то, чем Коминформ не являлся: подлинная международная организация, она не ограничивала своей деятельности, кроме всего прочего, только европейскими странами. В его рамках коммунисты работали вместе с представителями пробуждающихся континентов — Азии, Африки, Латинской Америки.

Даже эти основные черты движения показывают его очевидную противоположность многим другим аспектам внутренней и внешней сталинской политики. На первой встрече его участников во Вроцлаве советский представитель Фадеев все же произнес речь, пропитанную типичным духом и мотивами «ждановщины»[12]. Для выступления на конгрессе в Париже Эренбург выбрал противоположный подход: он подготовил текст, где содержалось изложение его гуманистической концепции, которую могли разделить все те, к кому он собирался обратиться. Но эта речь оказалась настолько спорной, что когда он попытался получить ее одобрение в СССР, то цензоры ни за что не хотели дать согласие на его выступление с этим заявлением; изумление вызвал тот факт, что выступить ему разрешил сам Сталин, найдя его речь прекрасной для той аудитории[13]. Взяв на себя роль борцов за мир, коммунисты Востока и Запада должны были искать сотрудничества со всеми течениями пацифистов, но им мешала необходимость подвергать остракизму югославов, отлученных даже от этой совместной работы; препятствием яв-

лялась и необходимость в обязательном порядке присоединяться к указаниям Коминформа и поддерживать те или иные инициативы советской дипломатии.

Сталин и Мао

Основным театром действий «холодной войны» с самого начала стала Европа. Однако в период 1948—1949 гг. арена столкновения расширилась, возник совершенно новый фактор, который быстро изменил все соотношение сил в мире: это была победа китайских коммунистов в гражданской войне, которую они вели более 20 лет с Гоминьданом Чан Кайши. Советская политика не могла не испытать глубокого воздействия со стороны этих событий.

Отношения сталинского СССР с китайскими коммунистами во второй половине 40-х гг. представляют собой важную страницу истории, однако знания наши по этому вопросу остаются недостаточными. Значительная часть событий скрыта от нас дымовой завесой последующей полемики между двумя странами. Это не может заставить нас отказаться от освещения того, что́ к настоящему времени удалось установить.

В конце второй мировой войны доминирующим фактором положения на азиатском Дальнем Востоке было массированное присутствие Соединенных Штатов. Оно было предопределено той решающей ролью, какую играла эта держава в войне на Тихом океане и в разгроме Японии. Все — Советский Союз, китайцы, англичане и другие европейцы,— имеющие колониальные интересы в Азии, должны были отдавать себе в этом отчет. Не было это секретом и для Мао и Чана, вождей противоборствующих в Китае сил, которые продолжали враждовать даже тогда, когда они выступали против общего врага, ведя борьбу с японскими агрессорами[14]. Американцы, несмотря на свою поддержку Чан Кайши, стремились включить коммунистов в одну общую коалицию с их противником, где они были бы обязаны принять на себя роль меньшинства. В этом направлении развивалась и советская политика. СССР сознавал, что он не в состоянии играть в этом районе мира первую партию.

Нам известно, что Сталин говорил это американцам в ходе переговоров в годы войны. Он признавал, что среди великих держав лишь одна имеет достаточно возможностей получить преобладающий вес в Китае, и это — Соединенные Штаты. Только они в состоянии также оказать этой стране необходимую экономическую и техническую помощь. Сталин считал, что гражданская война должна завершиться созданием нового Китая. Он полагал, что среди всех лидеров борьбы только Чан сохранит способность разрешить эти задачи, поскольку он обладает самыми большими силами. Сталин плохо знал руководителей коммунистов, контакты с которыми в те времена были ограничены. Но, по его мнению, никто из них не был способен реализовать подобное предприятие. Поэтому он поддер-

живал намерение возродить коалиционное правительство. При этом Сталин предпочитал, чтобы занимались этим делом американцы. Когда его спросили, не хотел ли бы он участвовать в посреднической миссии, он ответил: «Нет», так как, по его словам, нет уверенности, что китайские коммунисты примут те или иные его возможные предложения, и это может поставить его в ложное положение. Сталин полагал, что взаимная ненависть и недоверие между Чаном и Мао являются основным препятствием к соглашению. Что же касается борьбы, во главе которой находились коммунисты, то, по его мнению, она не имела ни социалистической, ни советской направленности. Это было скорее всего демократическое движение радикального типа (для Сталина это было равнозначно понятию «крестьянское движение»); Чан рассматривался как его противник[15]. В другом разговоре Молотов высказался еще более грубо: борьба эта, по его мнению, представляла собой прежде всего восстание голодных, обнищавших масс, она может постепенно стихнуть, если в какой-то момент произойдет улучшение условий их жизни[16].

Мы не можем исключить того, что в этих утверждениях была большая доза дипломатических уловок. Но и при этой оговорке все это, как представляется, показывает, пусть и приблизительно, каково было превалирующее отношение высших советских руководителей к событиям в Китае. Контакты с Яньанью, столицей Мао, действительно были довольно слабыми на протяжении всех лет войны. Кампания за укрепление автономии от Москвы в области идеологии и политики, которая велась в эти самые годы в компартии Китая, встречала наибольшее сопротивление со стороны Ван Мина. Он был тем руководителем партии, которого лучше всего знали в СССР и в кругах Коминтерна[17]. Если хоть какая-то часть дневника человека, который был в период войны представителем Интернационала в Яньани, соответствует его подлинным докладам в Москву (а этот дневник был опубликован в препарированном и переработанном виде в недавнее время), то чему удивляться, что Сталин и его сотрудники питали весьма мало иллюзий в отношении Мао и его политической ориентации; в изданном документе есть страницы, несущие отпечаток подозрительности и прямо-таки враждебности. Там прямо говорится о вполне определенном «недоверии» Москвы в отношении Мао[18].

Установлено твердо, что Сталин в августе 1945 г., примерно в то самое время, когда СССР заключил договор с националистическим Китаем, советовал китайским коммунистам найти возможность для компромисса с Чан Кайши. Этот совет был дан в Москве китайским руководителям Лю Шаоци и Гао Гану; возможно, аналогичное мнение было доведено до китайских деятелей и ранее. По этому поводу все источники совершенно единодушны. Это признавал в свое время и Сталин; кроме того, советская печать именно в таком духе высказывалась в тот период[19]. Мао вспоминал об этом через несколько лет, утверждая полемически, что «Сталин был против на-

шей революции и против того, чтобы мы брали власть»[20]. Все это признается даже советскими историками, которые, однако, трактуют это пожелание исходя из неравенства сил и сохранявшегося преимущества Чан Кайши, как мудрый совет Сталина, как оправданное политическое отступление временного тактического характера. Оно было-де необходимо коммунистам для укрепления своих позиций, завоеванных в период антияпонской войны[21].

Сталин, однако, этим не ограничился. Он завязал с китайскими коммунистами крепкие связи и тайно их поддерживал. Войдя в Маньчжурию, советские войска и их командование наладили тесное сотрудничество с армией Мао и передали ему занятые ими территории для превращения их в освобожденные районы еще до вывода Советской Армии весной 1946 г. До этого момента здесь, в областях, где наиболее твердым и продолжительным было господство японцев, ни коммунисты, ни националисты из Гоминьдана не имели серьезных позиций. Как те, так и другие просили СССР, хотя и по противоположным мотивам, по возможности не спешить с выводом войск[22].

Советский Союз вывез из Маньчжурии в качестве военной добычи часть промышленных предприятий, принадлежавших японцам, что не понравилось ни коммунистам, ни Гоминьдану[23]. Советский Союз передал народно-освободительной армии Китая значительное количество японского вооружения; в советских источниках говорится о 3700 артиллерийских орудиях, 600 бронемашинах, 860 самолетах, 12 тыс. пулеметов и около 700 складах амуниции различного рода[24]. В то же время СССР не дал разрешения частям Чан Кайши использовать портовое оборудование в Дальнем и Порт-Артуре, которые были переданы под советский контроль по Ялтинскому соглашению. Когда войска Гоминьдана, переброшенные по воздуху американцами, появились в Маньчжурии, они обнаружили, что коммунисты их опередили: гоминьдановцам удалось занять лишь крупные города, да и то не все. Эти свидетельства, поступившие из советских источников в самые последние годы, находят подтверждение в американских документах, а также в рассказах других очевидцев событий того времени[25]. Маньчжурия с этого времени превратилась если и не в основную базу коммунистов, как это утверждают советские историки, то, во всяком случае, в одну из наиболее важных областей, находящихся под их контролем. При этом с тыла их защищала советская граница. Через своих представителей в Маньчжурии Москва поддерживала с коммунистами связи, которые становились все более тесными. Не вступая открыто в споры со Сталиным, Мао вел свою линию. Ни он, ни Чан Кайши в действительности не желали компромисса; Чан еще меньше стремился к нему, чем Мао, так как он был уверен в своей возможности одержать победу над коммунистами при поддержке Соединенных Штатов. Переговоры между коммунистами и Гоминьданом, проводимые при посредничестве американцев, возобновлялись несколько раз и вновь прерывались; их результатом в конце концов стал лишь ряд частичных соглашений, оставшихся

на бумаге. Периоды неустойчивого мира сменялись новыми столкновениями, и так продолжалось до марта 1947 г., когда Чан Кайши почувствовал себя достаточно сильным для возобновления гражданской войны в широком масштабе. Американское посредничество потерпело неудачу как в силу того, что в США не смогли понять глубоких коренных причин китайской революции, так и в результате общей антикоммунистической ориентации политики Вашингтона, которая заставляла американских деятелей щедро снабжать оружием и материальными средствами правительство Гоминьдана, правительство, которое было обречено на гибель.

Вначале ход войны, казалось, складывался благоприятно для Чан Кайши: его части заняли даже Яньань, которая имела для коммунистов значение опорной базы[26]. Эти успехи, имевшие больше значение эффектного зрелища, чем военного достижения, породили всевозрастающее проникновение руководимых Мао сил в бескрайнее море китайской деревни. Во второй половине 1947 г. стратегическая инициатива перешла в руки коммунистов. В следующем году они начали осуществлять широкомасштабные военные операции, кульминацией которых явилось завоевание Пекина и освобождение всего Китая к северу от Яньцзы. Весной 1949 г. началась заключительная стадия войны, в ходе которой армии коммунистов форсировали реку большими силами и устремились к югу, изгоняя гоминьдановцев со всей территории страны. Со своими последними сторонниками Чан Кайши укрылся на острове Тайвань (Формоза). 1 октября 1949 г. Мао объявил в Пекине о рождении Китайской Народной Республики.

В 1947 г. Сталин, в свою очередь, понял, что его прежние оценки положения в Китае были ошибочными, или, как выразился Мао, «он осознал, что совершил немалые ошибки»[27]. В апреле этого года он еще относил Китай к числу рынков, открытых для американского капитала, но в феврале следующего года понял, что китайские коммунисты имели свои основания не следовать его советам[28]. В то же время тяжелые последствия распада антифашистской коалиции стали сказываться и на Дальнем Востоке. В Японии американцы делали все, что хотели, обращая мало внимания на соображения других держав-победительниц и, уж во всяком случае, на пожелания Советского Союза. Многочисленные военные базы, созданные на Тихом океане японцами, были переданы в руки американских вооруженных сил, действующих так, словно они намеревались превратить этот океан в своего рода «американское озеро», по меткому определению сути их политики[29]. С появлением атомной бомбы и обострением отношений между Москвой и Вашингтоном эти передовые позиции американской авиации и флота, приближенные к границам СССР, стали источником непосредственной опасности для него; тем большее значение приобретал в глазах советских руководителей нарастающий в Китае крах американских марионеток.

Постепенно, по мере приближения победы, прояснялась также

внешнеполитическая ориентация Мао и китайских коммунистов. Их попытки завязать диалог с Вашингтоном были отвергнуты. Мы не можем утверждать ничего определенного о том, что́, когда и думал ли вообще Мао о возможности занять нейтральную позицию в «холодной войне» между СССР и США, как это утверждают некоторые советские авторы[30]. Если он когда-либо и лелеял подобные мысли*, то всевозрастающая враждебность со стороны американцев к китайской революции должна была подтолкнуть его к поискам союза с Москвой, независимо от состояния тех традиционных связей, более или менее крепких, которые существовали уже между партиями двух стран. Была и вторая причина, требующая сделать именно такой выбор. Китайские революционеры, действовавшие в течение многих лет в сельских зонах, которые и являлись их естественной средой, были теперь серьезно обеспокоены вставшей перед ними задачей управления огромными городами с их интеллигенцией и промышленностью. Городские центры были захвачены ими на последнем этапе войны. Стремительность катастрофы, постигшей их врага, заставила китайских коммунистов занять основные города поспешнее, чем хотелось этого (если верить некоторым источникам) ряду их руководителей. Эта новая трудная проблема также стимулировала их желание обратиться к единственному опыту, который был бы для них полезен и приемлем, — к опыту Советского Союза[31].

В конце июня 1949 г. Мао провозгласил: «Мы присоединяемся к антиимпериалистическому лагерю, возглавляемому Советским Союзом, и только к нему мы можем обратиться, чтобы получить дружескую и естественную помощь». «Коммунистическая партия Советского Союза является нашим лучшим учителем, и на ее опыте нам надо учиться»[32]. В тот же период Сталин в Москве, принимая руководителей китайских коммунистов, провозгласил тост за то, чтобы Китай «в будущем превзошел СССР»[33]. Согласие, таким образом, установилось**. В течение всего этого года контакты между двумя партиями становились все более тесными. Важные переговоры велись летом накануне победы Мао. Уже тогда был согласован приезд в Китай первой группы советских советников в составе 250 человек: их участие было необходимо прежде всего для организации министерств центрального народного правительства, которые могли

---

* Когда эта книга была уже в типографии, в Америке были впервые опубликованы документы исторического отдела государственного департамента, документы, с которыми у нас просто не было времени познакомиться непосредственно. Согласно им, даже в 1949 г. Чжоу Эньлай еще высказывался о вероятности такого выбора в беседе с американскими представителями. Упор он делал на возможности Китая выполнять посредническую функцию между СССР и западными державами. Вашингтонская дипломатия, однако, не приняла во внимание предложения Чжоу, все же переданного ей в обстановке сверхсекретности (International Herald Tribune, 14 August 1978).

** По сообщениям исследователей из Восточной Европы, которым мы обязаны этой информацией, оно явилось результатом специальной миссии советского деятеля Микояна, направленного к Мао с личным посланием Сталина к руководителю китайских коммунистов.

бы руководить экономической политикой и заставить работать крупные заводы[34]. СССР признал официально Китайскую Народную Республику на следующий день после ее основания.

Договор о союзе

Победа китайской революции радикально изменила ситуацию в Азии: впервые после 1911 г. Китай вновь стал единым государством, и совершить это смогли коммунисты. Это дало мощный импульс борьбе на континенте за национальное освобождение. Вьетнамцы, которые сражались против французов под руководством Хо Ши Мина и его коммунистической партии, не были более изолированы; освобожденные ими зоны в Северном Индокитае теперь имели общую границу с миром, симпатизирующим их борьбе, миром, который простирался до самой Восточной Европы. Их правительство, находящееся в условиях партизанского подполья, было признано в начале 50-х гг. как новым Китаем, так и СССР. Развернулся кризис всей старой колониальной политики европейских держав. Независимость, завоеванная Индией, становилась еще более важным фактором, хотя в Москве и в коммунистическом движении в целом еще не до конца оценили значение этого события[35]. Американский категорический антикоммунизм, породнившийся с колониализмом, переживал свое наиболее тяжелое поражение. Для СССР явилось огромным облегчением, что внезапно Азия оказалась его важнейшим союзником.

Когда Мао приехал в Москву 16 декабря 1949 г., переговоры, которые предстояло вести, были отнюдь не легкими. Сталин оказался лицом к лицу с человеком, о котором ему много говорили, отзываясь не всегда похвально, но которого он никогда не встречал ранее: это был представитель страны, культура которой фундаментально отличалась от его собственной; руководитель революции, которая была осуществлена под лозунгами, позаимствованными из той же самой доктрины, но которая была во многих своих аспектах чрезвычайно далека от русской революции, даже если их развитие часто оказывало влияние друг на друга и переплеталось. Мао никогда не входил в органы Коминтерна и не бывал никогда в Москве; более того, он никогда не выезжал до того из Китая. Сталин столкнулся на этот раз с вождем коммунистов, который в отличие от почти всех других не имел по отношению к нему никакого комплекса ученика, обращающегося к учителю, что бы там Мао ни говорил в своих речах. Однако этот незнакомый ему китаец искренне восхищался им прежде всего потому, что Сталин сумел добиться того, что Мао считал обязанным совершить в Китае. Сталин руководил созданием могущественного государства, исходя при этом из своих собственных идей и критериев, а не из толкования классических трудов великих предшественников, будь то Маркс или Ленин, на которых он ссылался. И это восхищение со стороны Мао не умень-

шалось ни при каких обстоятельствах, даже тогда, когда миф о Сталине был развеян[36].

В Москве Мао играл роль самого выдающегося гостя на торжественном собрании, посвященном пышному празднованию 70-летия Сталина, где присутствовали также и другие руководители коммунистов, прибывшие по этому случаю в советскую столицу. Он взял слово для того, чтобы «приветствовать то единство рабочего класса всего мира, никогда не осуществлявшееся ранее, которое реализовано под руководством товарища Сталина»[37]. После этого дня Мао вынужден был еще надолго задержаться в советской столице, куда к нему прибыл Чжоу Эньлай: прошло два месяца с момента приезда до того, как он сумел заключить соглашение со Сталиным.

Два месяца — это много даже для самых трудных переговоров. Вероятно, они не были заполнены только дискуссиями. Сталин имел весьма своеобразную манеру обращаться с гостями. Случалось, что им приходилось в течение многих дней ожидать приглашения, а затем их внезапно приглашали к нему[38]. Можно предположить, что такая система служила ему для того, чтобы лучше изучить своих оппонентов. Когда же Сталин считал это необходимым, он умел очаровывать даже наиболее искушенных визитеров своим предупредительным вниманием[39]; для Мао он сделал то, чего никогда не делал, — явился лично на прием, посвященный китайской делегации, в гостиницу «Метрополь»[40]. Переговоры тем не менее были долгими и трудными. Мао их описывал так: «Мы использовали две тактики: первая заключалась в том, чтобы вести обсуждение тогда, когда другая сторона вносила предложения, с которыми мы не были согласны, вторая определялась тем, что мы принимали их предложения, если они продолжали настаивать»[41]. Другими словами, это были тяжелые переговоры, в ходе которых китайцы сохраняли твердость своих позиций до последней возможности, отказываясь от дальнейшего сопротивления лишь в случае прямой угрозы разрыва.

От Мао мы узнали и то, какие пункты вызывали разногласия: железные дороги в Маньчжурии, которые на основе Ялтинских соглашений были превращены в совместное советско-китайское владение; смешанные предприятия, то есть общества с совместным капиталом, которые Сталин хотел учредить по примеру того, что было сделано в ряде стран Восточной Европы; границы, то есть, возможно, советские базы, полученные СССР в Порт-Артуре и Дальнем (из этого рассказа отнюдь не явствует с определенностью, выдвигал ли уже тогда Мао территориальные претензии, которым суждено было стать причиной конфликта между двумя странами во второй половине 60-х гг.)[42]. Сталин проявил определенные колебания в выборе ответа на китайское предложение заключить прямой открытый союз.

Однако все это дело завершилось 14 февраля 1950 г. подписанием договора, который обязывал оба правительства бороться против лю-

бой угрозы агрессии со стороны Японии или «любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией»; даже в том случае, если агрессия будет предпринята против одной из двух стран, они обязывались предоставлять друг другу любую помощь, включая военную, для ее отражения. В соответствии с этим же документом Китай и СССР устанавливали тесное экономическое сотрудничество. Для начала Москва предоставила Китаю кредит в размере 300 миллионов долларов под один процент в год; цифра была умеренной, но с учетом возможностей СССР совсем немалой. Железные дороги и база Порт-Артур должны были быть возвращены Китаю в 1952 г., порт Дальний — в 1950 г. Несмотря на китайское сопротивление, ряд смешанных обществ был учрежден в последующие месяцы для поиска и разработки месторождений нефти и редких металлов, а также для управления тремя воздушными линиями, связавшими Пекин с советскими городами Алма-Атой, Иркутском и Читой[43].

Сталин подозревал в Мао нового Тито, или, лучше сказать, таково было впечатление Мао, вынесенное им из общения со Сталиным, которое ему вспоминалось и много лет спустя[44]. Китайские руководители повели себя достаточно ловко, чтобы рассеять это возможное недоверие. В своих письмах они признавали за СССР право на первенство и на роль главы «антиимпериалистического фронта». Начиная с конца 1948 г., как только Мао сделал свой выбор лагеря, китайцы заняли вполне определенную позицию и в столкновении между Москвой и Белградом, приняв советские тезисы и, следовательно, осуждение Югославии, провозглашенное Коминформом. Они не вступили в Коминформ, но нам в действительности неизвестно, делалось ли когда-либо такое предложение. Основные китайские руководители, сам Мао, Лю Шаоци и Чжу Дэ, написали тем не менее ряд статей для газеты Коминформа и согласились на ее распространение в Китае на китайском языке в количестве 100 тыс. экземпляров[45]. В конце 1950 г., когда Сталин предложил Тольятти стать секретарем организации, последний его спросил, присоединятся ли к Коминформу и китайцы. Сталин ответил отрицательно, пояснив, что китайцы предпочитают оставаться вне его; казалось, однако, что он подыскивал подходящее объяснение для такого решения, ссылаясь на специфическую роль, которую Китай призван играть в Азии[46].

Корейская война

Новый фактор глубоко повлиял, однако, на отношения между двумя великими державами: корейский конфликт, который стал кульминационным моментом в «холодной войне», когда она непосредственно угрожала перерасти в войну «горячую» и всеобщую. Корея в течение сорока лет находилась под японским господством. Советские и американские войска вошли туда в 1945 г. без боя и разме-

стились там, заняв соответственно позиции к северу и югу от 38-й параллели. Линия эта была избрана без какого-либо политического смысла, только лишь с целью провести демаркационный рубеж между двумя армиями примерно посередине полуострова. Соглашения, заключенные в Ялте и в Потсдаме, предусматривали все же, что Корея останется единой: американцы высказывались за то, чтобы страна была поставлена на некоторое время под международную опеку, но позднее возобладало советское мнение о необходимости немедленного провозглашения независимости. Нарастающее противоборство между двумя державами воспрепятствовало, однако, реализации всего проекта. Американцы не доверяли первым органам самоуправления, возникшим в стране. Они в конце концов в 1948 г. создали на Юге администрацию по своему выбору, то же самое сделано было затем и Советским Союзом. Перед тем как уйти с Севера страны, Советский Союз вверил правление конкурирующей администрации, возглавляемой коммунистом Ким Ир Сеном. Каждое из двух корейских правительств, которые были снабжены их покровителями небольшими армиями, провозгласило свою юрисдикцию над всей страной в целом.

Многие аспекты истории корейской войны до сих пор остаются покрытыми тайной, в том числе и многие обстоятельства ее начала. Разделение страны было несправедливым. В те годы, когда повсюду в Азии утверждался национализм, стремление к единству было широко распространено среди корейского населения. Оба правительства готовились поэтому к борьбе за уничтожение соперника, если потребуется, то и вооруженной силой. Более слабым было правительство Юга, искусственно созданное американцами; правительство же Севера оказалось способным на выдвижение определенных радикальных инициатив, среди которых была и широкая аграрная реформа. Враждебность крайне обострилась после 25 июня 1950 г. Официальные описания событий различными сторонами и по истечении стольких лет остаются столь же диаметрально противоположными, каковыми они были и в первый острый момент. Одни утверждают, что наступление началось с Севера, другие заявляют, что это был ответ на первоначальную атаку с Юга. Документы, которые могли бы пролить свет на закулисную сторону дела, до настоящего времени не опубликованы. Советские и китайские источники хранят молчание. Американцы опубликовали ряд мемуаров основных участников событий. Но и эти воспоминания с их вариантами истории конфликта не помогают распутать тот клубок противоречивых версий, в какой еще в ту эпоху было превращено описание этих событий[47]. Не удивительно поэтому, что еще и сегодня большинство исследователей имеют свое собственное мнение по этому вопросу, если не по поводу существа дела, то все же по ряду его аспектов, весьма существенных, для того чтобы получить полное представление о событиях[48].

Со стороны Советского Союза нам дано лишь одно свидетельство очевидца, но и оно весьма противоречиво, — это рассказ Хрущева

в его воспоминаниях, опубликованных за границей. Согласно этому источнику, Ким Ир Сен, предлагая Сталину провести наступление своей армии, убедительно доказывал, что оно явится той искрой, которая вызовет восстание на Юге. В результате гражданская война будет завершена в короткое время, как была выиграна только что война в Китае*. Ким Ир Сен мог рассчитывать на некоторые корейские части, получившие боевую закалку в войне в Китае, где они сражались бок о бок с войсками Мао. Сталин сначала сомневался, так как считал необходимым избежать прямых столкновений с американцами, затем дал себя убедить после того, как проконсультировался с Мао Цзэдуном. Сталин, однако, воспротивился прямому вовлечению СССР в это предприятие, отозвав из северокорейской армии своих советников[49]. Хотя эта версия оставляет без ответа многие вопросы, она особенно заслуживает упоминания, так как описание хода событий согласовывается в ней с теми впечатлениями, которые сложились в дипломатических кругах в период непосредственно вслед за бурным поворотом событий[50].

Была или не была в действительности совершена провокация со стороны Юга, действия северокорейских войск вскоре продемонстрировали, что они имели загодя составленные планы кампании в глубине территории противника, направленной на полное уничтожение южного режима. Даже те, кто придерживается версии о провокационном нападении южан, признают, что в ходе атаки их силы не продвинулись более чем на 3—4 километра на север[51]. Оборона же Юга была быстро прорвана. Южнокорейский режим продемонстрировал всю свою хрупкость. В несколько дней была захвачена его столица Сеул. Даже если подлинного восстания на Юге и не произошло, в первый момент казалось, что проект Ким Ир Сена увенчался успехом. Его силы распространили свой контроль на всю территорию Юга, за исключением обширного плацдарма вокруг портового города Пусана, созданного и удерживаемого с помощью американских войск.

Надежды ограничить конфликт рамками лишь гражданской войны строились без учета специфики политической ситуации, сложившейся в Америке и на Дальнем Востоке после стремительного поражения Соединенных Штатов в Китае. Правительство Вашингтона не могло допустить, чтобы его ставленников вышвырнули из пределов еще и второй страны, пусть даже малой страны. Именно следование этим внутриполитическим соображениям делало положение крайне опасным. Значительная часть политических кругов США жаждала реванша. Те, кто уже давно вынашивал планы превентивной войны

* Интересно проследить, как некоторые из наиболее добросовестных американских исследователей вынуждены признать, что политика, проводимая Соединенными Штатами в Корее, могла оставлять аналогичное впечатление и быть воспринята их противниками как провокация, предназначенная для того, чтобы завлечь их в ловушку. (См. *Mukshall D. Shulman.* Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge, Massachusetts, 1963, p. 145, 297—298.)

против СССР и коммунизма, решили, что момент настал; поскольку рано или поздно воевать, по их мнению, придется, то лучше уж воевать раньше[52]. Одним из ведущих выразителей этих тенденций был Макартур, командующий американскими силами в Японии.

В противоположность англичанам правительство Вашингтона не хотело признавать революционный режим Пекина: американцы отказывались дать также согласие на то, чтобы революционный Китай занял в ООН и в ее органах то важное кресло, которое было зарезервировано для этой страны, так как это место давало бы Пекину право прибегать к вето. В январе 1950 г. Советский Союз также покинул заседание Совета Безопасности ООН в знак протеста против такого бойкота его союзника. Как только появились первые известия о войне, американцы приняли решение о вооруженной интервенции на Юге Кореи; в то же время они решили сконцентрировать свой флот для защиты Тайваня, где нашел убежище потерпевший поражение Чан Кайши. Благодаря отсутствию на заседании советского представителя им удалось получить одобрение своим военным акциям от Совета Безопасности ООН, несмотря на голосование против этого Югославии и колебания представителей Индии и Египта. Это международное прикрытие, полученное путем беззастенчивого манипулирования и расширенного толкования положений Устава ООН, было использовано Соединенными Штатами для маневров в сфере дипломатии, но оно не изменило по существу американское вмешательство в ход корейского конфликта. (В более поздние годы американцы не преуспели в получении подобной маскировки для своей экспедиции во Вьетнаме.) Военная поддержка со стороны других стран была столь незначительна, что носила едва символический характер. Руководство операциями находилось исключительно в руках Соединенных Штатов.

Массированная интервенция американских войск резко изменила течение боевых действий. Северокорейские части, прорвавшиеся на Юг, были быстро окружены и разгромлены. Но Соединенные Штаты этим не удовлетворились. По этому уже можно судить, сколь мрачной была политическая ситуация, в которой разворачивалась война, и как сложны были закулисные силы, вызвавшие ее. Американцы в свою очередь утверждали, что 38-я параллель является всего лишь воображаемой линией, не имеющей какого-либо значения как международный рубеж: они, следовательно, решили вторгнуться на Север, чтобы добиться объединения страны под властью режима, ими насажденного.

В силу своего стратегического положения Корейский полуостров, очутись он в руках врага, мог создать значительную угрозу как для СССР, так и для Китая, поскольку имел общую границу с обеими странами. Для Китая угроза была бы даже большей, чем для СССР: на реке Ялу, образующей границу, находился целый комплекс гидроэлектростанций, построенный японцами. Отсюда шла энергия на промышленные предприятия Маньчжурии, так же как и в Северную

Корею. Невзирая на ряд ясных предупреждений, исходивших из Пекина[53], американцы, после того как захватили столицу Северной Кореи Пхеньян, решили продолжить наступление по направлению к Ялу. Когда это намерение стало явным, китайцы предприняли ответные действия. В конце октября — начале ноября они дали распоряжение своим войскам под командованием Пэн Дэхуая войти в Корею, чтобы остановить американцев. Однако они стремились предотвратить возможное расширение конфликта, прибегнув к дипломатическому лицемерию: было объявлено, что китайские солдаты — это «добровольцы», приглашенные корейцами для помощи в защите их родины. Согласно уже цитированному выше свидетельству Хрущева, вмешательство китайцев было предпринято с одобрения Сталина[54]. Позднее советские источники поведали, что Советский Союз помимо массированного снабжения вооружением своих союзников взял на себя обеспечение воздушного прикрытия приграничной зоны от американских налетов, перебросив в Маньчжурию ряд своих авиационных частей[55].

В период последующих месяцев 1950 г. и начала 1951 г. китайско-корейское контрнаступление отбросило войска Макартура на линию вдоль 38-й параллели. Никогда мир еще не был так близок к третьей мировой войне. Американские правящие круги, наиболее видным представителем которых был Макартур, стремились к расширению конфликта: они требовали бомбардировки Маньчжурии и высадки на континенте уцелевших сил Чан Кайши при поддержке американского флота. Президент Трумэн начал угрожать применением атомного оружия[56] и декларировал введение чрезвычайного положения в стране. В этом вопросе даже те союзники, которые в наибольшей степени поддерживали американскую позицию, постарались удержать президента от опрометчивых шагов. После вспышки страстей в британском парламенте премьер-министр Эттли направился в Вашингтон, чтобы просить американцев вести себя осмотрительно.

Напряженность носила острейший характер, пока в Корее продолжалась маневренная война с ее атаками и контратаками с обеих сторон. Ситуация стабилизировалась, когда фронт установился вдоль той же 38-й параллели, хотя конфликт продолжался еще в течение двух лет, превратившись в войну позиционную. Опасность расширения столкновения оставалась сильной вплоть до того момента, когда борьба в руководящих кругах Америки закончилась отзывом Макартура на родину. В начале июля начались переговоры о перемирии, которые затянулись до 1953 г.

Гипотеза нового мирового конфликта

Корейская война имела тяжелые последствия для обоих блоков, сложившихся в мире. Для правительства Вашингтона она стала орудием, с помощью которого оно подавило колебания среди своих европейских союзников в отношении целой серии американских

проектов. Вооруженные силы стран Атлантического пакта, расширенного вскоре за счет Греции и Турции, были объединены в рамках единой организации под военным командованием американцев. В Соединенных Штатах была запущена массированная программа производства вооружений. Был одобрен принцип участия Западной Германии в общей обороне, то есть принято решение о ее ремилитаризации. Экономическая блокада стран, находящихся под управлением коммунистов, стала почти тотальной после опубликования длинных списков товаров, которые никто не имел права экспортировать в страны противоположного блока. В 1951 г. Соединенные Штаты и Великобритания заключили с Японией мирный договор на сепаратной основе, невзирая на протесты СССР и других азиатских стран: американские войска оставались на японских островах.

Тяжелыми были также удары, полученные рикошетом и Восточной Европой. В те месяцы, когда корейский кризис достиг пика, среди народов и правительств царила тревога. В Москве была отмечена лихорадочная погоня за теми немногими товарами, которые были в продаже, делались покупки про запас[57]. Утверждение, что Сталин в этот момент склонен был считать новую мировую войну рано или поздно неизбежной, несправедливо. Все же он опасался такого развития событий. В своих же публичных заявлениях он всегда утверждал противоположное. Но в феврале 1951 г. его утверждения были менее категоричными: Сталин сказал, что по крайней мере для данного момента войну «нельзя считать неизбежной», но могут сделать ее реальной сами народы, если они вместо того, чтобы взять в свои руки «дело сохранения мира», позволят себя обмануть поджигателям конфликта[58]. Эхо этих опасений можно было услышать в выступлениях Тольятти, который только что возвратился на родину после своего пребывания в Москве. Он выступил в апреле месяце на съезде итальянской компартии, где предложил коммунистам отказаться от оппозиции правительству, если оно будет проводить политику мира, выйдя из Атлантического пакта[59].

Сталин между тем предпринял ряд шагов, из-за которых избежать развязывания войны становилось все более затруднительно. В январе 1951 г. он лично участвовал в совещании, к работе которого были привлечены весь состав Генерального штаба и министры обороны европейских стран народной демократии; на нем был произведен анализ состояния готовности вооруженных сил этих стран*. Сталин утверждал на этом совещании, что можно рассчитывать только на 3—4 года передышки: он видел в войне в Корее только первую

* Об этом совещанни стало нзвестно относнтельно недавно от чехословацкого нсторнка Каплана, который сообщнл о нем на основаннн достоверных документов. Но неубедительной была та ннтерпретация, которую он ему дал: будто бы здесь надо видеть намерение Сталнна перейтн в атаку, чтобы вторгнуться в Западную Европу. Эта версня не является достоверной, как показывает анализ документов из его же собственной публнкацнн: оин просто не допускают нной ннтерпретацнн, кроме той, какая вытекает и обусловливается как обстоятельствамн текущнх событнй, так н общим направлением внешней полнтнкн СССР в этот пернод.

пробу сил, в которой двое противников взаимно примериваются. В заключение было подписано секретное соглашение, по которому союзники СССР обязывались передать свои армии под непосредственное советское командование в случае начала войны[60]. В то же самое время были радикально пересмотрены экономические планы стран народной демократии, чтобы еще больший упор сделать на развитие тяжелой промышленности и военного производства: диспропорции в народном хозяйстве, которые были с самого начала заложены в эти планы, еще более усилились, так как пересмотр вызвал еще большее давление на производство потребительских товаров и на сельское хозяйство. Так была заложена основа для будущих тяжелых политических и экономических кризисов[61].

Связи СССР с Китаем окрепли в ходе корейской войны. Американцы не пошли на расширение зоны военных операций на Маньчжурию как потому, что их собственные союзники сопротивлялись этому, так и потому, что США опасались советского вмешательства на основе союзнических обязательств в соответствии с только что заключенным договором между Москвой и Пекином[62]. Мао позднее утверждал, что «Сталин начал испытывать доверие» к китайским коммунистам после того, как увидел их поведение в ходе конфликта[63]. Действительно, его высказывания о новом союзнике стали более теплыми. В новогоднюю праздничную ночь 1951 г. Сталин в первую очередь провозгласил тост за «китайских добровольцев», которые пересекли Ялу, чтобы идти в бой с американцами. Несколькими месяцами позднее он направил Мао письмо, в котором говорил о том, что «нерушимая дружба» между двумя странами «будет служить делу обеспечения мира на Дальнем Востоке против всех и всяких поджигателей войны»[64].

Столкновение в Корее закончилось патовой ситуацией. Соединенные Штаты не добились там успеха, но и их противникам отнюдь не с чем было себя поздравить. Как выразился один из генералов в Вашингтоне, это была «первая война», в которой его страна «не одержала победы»[65], но дело было не только в этом. Недостигнутая победа стала исходной точкой для целой серии политических шагов американцев по тому пути, где им было суждено в течение долгого времени лишь терять, а не обретать. На многочисленные предложения о переговорах, которые уже в эти месяцы делались СССР, правительство Соединенных Штатов стало отвечать, что с коммунистами оно будет вести переговоры только «с позиции силы». То есть оно хотело вести разговор исключительно в тех случаях, когда могло бы диктовать условия договоров. Но война в Корее показала к тому времени, что американцы не всесильны. Затягивание конфликта привело в 1952 г. к смене правящей партии в Соединенных Штатах и окончанию 20-летнего периода нахождения у власти администрации демократов. Республиканцы одержали победу прежде всего благодаря тому, что их кандидатом стал Эйзенхауэр, который пообещал, что, заняв этот пост, он заключит мир. Но, став президентом, он вы-

нужден был выбрать себе в качестве государственного секретаря одного из поджигателей «холодной войны» — Джона Фостера Даллеса, который был лично замешан в корейском конфликте; именно он декларировал, что недостаточно лишь «сдерживать коммунизм», его необходимо «отбросить», что означало призыв к искоренению его даже в тех странах, где он уже утвердился. Всеобщий антикоммунизм стал в Америке массовой идеологией.

Соединенные Штаты оказались втянутыми в Азии в осуществление политики, которая неизбежно сулила им горькие разочарования. Будучи неспособными одержать победы в войне на суше, они подвергли Корею разрушительным бомбардировкам; в широком масштабе использовались бомбы, начиненные напалмом. Это привело к опустошению страны и вместе с тем вызвало во всей Азии распространение мощных антиамериканских настроений. Индия именно в период корейской войны выступила с собственной политической инициативой в защиту мира, которая привела к зарождению движения неприсоединения среди народов, только что добившихся независимости[66]. Постоянная враждебность США по отношению к Китаю, в частности отказ в дипломатическом признании и в приеме в ООН, защита режима Чан Кайши на Формозе, их союз с Японией определили сохранение на два десятилетия состояния напряженности на всем Дальнем Востоке. В Азии политика такого рода могла нравиться только узким олигархическим группам, которые не пользовались поддержкой народов. Для сохранения власти в их руках необходимо было постоянное вооруженное насилие. Американцы полностью поддержали устремления колониалистов в Индокитае именно тогда, когда Франция понесла самые тяжелые, решающие поражения от армии Хо Ши Мина. Все это завязало узлы таких противоречий, которые надолго тяжкими путами легли на политику Соединенных Штатов во всем мире и косвенно улучшали позиции СССР.

VIII. СМЕРТЬ СТАЛИНА

Политический кризис

Кризис сталинского правительства начался еще до того, как скончался Сталин, он совпал с кульминацией «холодной войны». Восхваляемый без меры и внушающий безмерный страх человек, оспаривать решения которого никто не мог, бесспорный повелитель грандиозной страны, человек, возглавляющий широкую мировую коалицию государств и политических сил, этот грозный старец, проводящий бóльшую часть времени взаперти в своей уединенной резиденции под Москвой, все более явно проявлял признаки неспособности осуществлять руководство, и причиной тому была не только старческая немощь. Многое происходило помимо его воли. Если не списывать этого на счет маниакального вырождения его подозрительного характера, о котором так много говорили впоследствии[1], то неизбежно мы должны склониться к первой гипотезе, признав, что признаки кризиса предстают перед нами в большом числе, как только мы бросим взгляд на то, что происходило в советском обществе и в той части мира, которая тяготела к СССР.

После десяти лет международных испытаний, одно другого тяжелее, которые страна победно преодолела, Советский Союз постепенно окреп. Последствия войны и голода отошли в прошлое. Население увеличивалось в результате демографического подъема[2]. Промышленность росла. Из стен высших учебных заведений ежегодно выходило около 200 тыс. выпускников, в дополнение к которым подготавливалось также примерно 300 тыс. специалистов со средним техническим образованием[3]. Все преодолевающая жизненная стойкость народа находилась в противоречии с тем свинцовым колпаком, который послевоенная сталинская политика надела на всю общественную жизнь в стране. Мало кто ясно осознавал это противоречие, и даже эти немногие опасались высказывать свои мысли вслух. Никто не отваживался критиковать ни Сталина, ни его правительство, ни в целом то, что происходило в стране. Исключение делалось только для тех, кому критиковать было положено в официальном порядке. Но и таких было немного, так как в стране царил пропагандистский шум сплошных триумфов. Партийные собрания, заседания Советов и других государственных органов были редкими и формальными: речи, произносимые на них, писались заранее и предварительно контролировались[4]. И все же тяжелая болезнь разъедала страну.

Она охватила область наиболее важную, ради которой советский народ жертвовал всем, даже «последней рубашкой», — военную. СССР добился быстрого прогресса в преодолении отставания, которое возникло у него в сравнении с Соединенными Штатами в деле

создания ядерного оружия. Когда Вашингтон принял решение разработать новое водородное оружие, советские ученые сочли себя обязанными сделать то же. И с этой задачей они справились успешно. Первая водородная бомба была испытана американцами в ноябре 1952 г. Но эта установка была еще не приспособлена для доставки к цели, и, следовательно, неприменима практически; первыми изготовили и взорвали бомбу, пригодную для военного использования, советские исследователи. Они это сделали 12 августа 1953 г., опередив своих соперников по ту сторону Атлантики на несколько месяцев[5]. Увеличивались также и обычные вооруженные силы Советского Союза. Они вновь начали расти с момента войны в Корее и к 1955 г. увеличились с 2,8 до 5,7 млн. человек.

Но советская военная мысль оказалась неспособной адекватно реагировать на революцию, которая происходила в средствах ведения войны. Она оперировала все еще понятиями классической войны, не учитывая новых проблем, вставших в результате возникновения ядерного оружия. Доктрина остановилась в своем развитии на опыте периода второй мировой войны, который к тому же анализировался весьма осторожно. Ни один военный эксперт не решился вскрыть причины поражения на первом этапе войны; более предусмотрительный подход определил изучение исключительно наступательных операций, увенчавшихся успехом. Не была предпринята какая-либо попытка воссоздать историю войны во всем ее объеме. Существовал ряд работ Сталина, и от них никто не смел отклониться. Военные специалисты, таким образом, продолжали пренебрегать проблемой «внезапной атаки», которая занимает очень большое место в современных условиях в создании военной угрозы. Заявление Сталина о том, что новое оружие не меняет характера современной войны, парализовало возможность более глубоких исследований. Методы боевой подготовки и обучения оставались теми же, что и в доатомную эпоху[6].

Если такое могло происходить в области, которая являлась средоточием всех усилий режима, то в других сферах противоречия были еще более глубокими. Все более усложнялись экономические проблемы. Пятилетний план 1951—1955 гг. был представлен стране с опозданием почти на два года. Глубокий упадок деревни вызывал в народе опасения нового голода. Запасов не хватало: их недостаточность представляла собой серьезную опасность на случай войны[7]. Изоляция от всех других стран мира и мания секретности замораживали научный и технический прогресс, накапливалось отставание от уровня развития мировой культуры, что осознавалось еще немногими, но уже создавало препятствия на пути экономического прогресса даже в отраслях, поставленных в наиболее привилегированные условия[8]. Трудно сказать, насколько Сталин осознавал эту реальность. Но если судить по его действиям, о которых нам известно, то он понимал происходящее: он, например, намеревался еще увеличить налоговое обложение крестьян, предполагая довести его

до такого уровня, который в действительности превысил бы объем всех доходов, получаемых ими в виде поступлений от продажи продукции государству[9].

Страна же в целом в еще меньшей степени сознавала свои проблемы. Информация, получаемая гражданами, была в высшей степени ограниченной: газеты, абсолютно унифицированные, поставляли читателям стереотипные пропагандистские клише и давали минимум новостей, строжайшим образом отбираемых и контролируемых. Никто не имел представления о том, что происходит за пределами местности, где он живет, или вне той сферы деятельности, в которой он непосредственно занят. Такие методы могли, конечно, ввести в заблуждение иностранца*, но они отнюдь не помогали тем не менее самому Советскому Союзу искать выход из его собственных противоречий. Каждый мог видеть недостатки, часто весьма серьезные, в тех областях жизни, в которых он непосредственно действовал, но не имел смелости или права говорить о них: оставалось в таком случае надеяться лишь, что в других делах ситуация складывается получше, как об этом и пишет печать.

То, что неудовлетворенность положением возрастала, было позднее подтверждено многочисленными свидетельствами, страх же мешал в то время даже открыть рот. Проявлений брожения и беспокойства в среде ученых, специализирующихся в области гуманитарных и общественных наук, было достаточно. Даже в биологии в конце 1952 г. вновь появились первые признаки возобновления полемики против Лысенко[10]. Но любые исследования были парализованы из-за чувства страха и безнадежности. «Простое намерение затронуть социально-экономическую тематику, если она относилась к сфере истории советского общества, — рассказывает один из современников и участников событий, — рассматривалось как нечто подозрительное»[11]. Пренебрежение законностью породило нечто вроде «юридического нигилизма». Внутренняя культура советского общества развивалась под знаком того явления, которое позднее было названо «психологической травмой». «Шуршание цитат» — по большей части из трудов Сталина, как говорил еще один очевидец событий того времени, — «заглушало живые голоса»[12].

И в делах международных не все шло так, как того хотелось бы Сталину. Противники, объединившиеся против СССР в мощную коалицию, были многочисленны и сильны. Корейская война не при-

* В 1950 г. за рубежом числеиность советского населения оценивалась в 200 млн. человек. Эту оценку разделял н журиалнст, который находнлся в Москве в качестве спецкора «Нью-Йорк таймс» н хорошо изучил страиу, Солсберн (*H. E. Salisbury*. Moscow Journal, p. 100). В действительиости же она составляла тогда 178,5 мли. В эту эпоху иностранных корреспондеитов в советской столице было крайие мало, н они были поставлеиы под строжайший коитроль цензуры. Из нх сообщений «с мясом» выднралн даже иамек на какую-либо самостоятельную интерпретацию, которая ие соответствовала бы офнцнальным сообщенням советской печати. Солсбери в большом количестве воспроизвел этн тексты в своем дневннке, восстановнв те куски, которые были нзъяты цензурой. Документ в результате получился красиоречивый.

несла успеха и Москве. После победы над нацизмом Советский Союз усилил свои позиции. Сталинская модель социализма получила распространение в ряде стран Восточной Европы. В лице Азии Советский Союз нашел себе могучего союзника. Сталин к тому же был общепризнанным главой всего международного коммунистического движения. Но именно поэтому он лучше, чем кто-либо иной, мог ощутить, насколько тяжело держать в своих руках все нити этой широкой сети политических сил по всему миру.

Китайский союзник был тверд, проникнуть в его душу было невозможно. Коминформ безжизнен. Бунт Тито не сломлен, ему удалось укрепить свои позиции. В первый момент Тито попытался реагировать на разрыв связей, применяя в своей стране с особым усердием сталинские методы, но с начала 50-х гг. югославские коммунисты стали искать свою оригинальную форму строительства социализма, отказались от форсирования коллективизации в деревне и приступили к внедрению самоуправления на промышленных предприятиях[13]; в результате впервые советскому опыту была противопоставлена другая модель. Сам Сталин в начале 1951 г. дал согласие на новую программу английской коммунистической партии, где речь шла о «британском пути к социализму»; согласно этому документу, этот путь должен пролегать через использование методов парламентаризма[14]. Сталин надеялся, скорее всего, что коммунисты таким образом сумеют получить больше поддержки в англосаксонских странах, которые были наиболее сильными противниками СССР, а ведь именно в этих странах компартии отличались крайней слабостью. Москва старалась пресечь развертывание полемики, которую породило поражение коммунистов в Греции, не только внутри партии этой страны, но и между нею и другими партиями*.

Сталин тогда кратко заметил, что «большая часть зарубежных коммунистических партий» обладает «недостаточным уровнем марксистского развития»[15]. Он не видел иного решения, кроме как вернуться к какому-нибудь варианту организации, которая напоминала бы старый Коминтерн. В этом состоял смысл его предложения Тольятти: уехать из Италии и принять на себя обязанности секретаря Коминформа. Оно было сделано в конце 1950 г. За год до этого Сталин излагал Тольятти иные соображения; они, казалось бы, исключали извлечение на свет старых организационных структур, подоб-

---

* В первые месяцы 1950 г. в Москве состоялось несколько встреч греческих коммуиистов с Молотовым и Маленковым. В одиой нз иих прнннмал участне и Сталнн. Обсуждались две темы. Албанцы критиковали греков и отказались прнютнть у себя остатки их вооружеииых формнрованнй. Между самимн греческнми коммуиистамн возникли глубокне разноглaсня, которые проявилнсь в столкновеннях в ходе войны по вопросам тактнки ее ведения. Партизаиский командующнй Маркос, который в противоположиость частым утверждеиням не был сторонникам югославов, иаписал советскнм руководителям письмо, в котором выдвигал также обвнненяя протнв секретаря партнн Захарнадиса. Греческне нзгнаннннкн нашли убежище в СССР и в других странах народной демократин. (См. Verbal del VII plenum del CC di Grecia della CCC del PCG, 14—18 maggio 1950. Издаине для внутреннего пользовання ЦК Компартин Грецнн.)

ных Интернационалу: когда Тольятти напомнил ему об этом, Сталин ответил, что за год он изменил свое мнение[16]. Тольятти тем не менее отклонил предложение и вызвал этим отказом большое раздражение Сталина[17]. Этот эпизод подтверждает, что в совершенно новых исторических условиях Сталин не находил ничего лучшего, как вновь прибегать к схемам, позаимствованным из его прошлого политического опыта: он был неспособен изобрести что-нибудь новое.

XIX съезд партии

В конце своей жизни Сталин, который в свое время ощущал к себе отношение как к всего лишь «практику», страстно желал быть ведущим теоретиком марксизма среди ныне живущих; он как будто стремился оправдать старания своей пропаганды, которая давно уже причислила его к сонму классиков. Свои последние работы, довольно многочисленные, он посвятил именно вопросам теории. Кроме всего прочего, Сталин был единственным человеком в СССР, который мог себе позволить вторгнуться в те просторы, куда никто другой не рисковал углубляться: теоретические новации никого не привлекали, так как считались делом «просто смертельным»[18]. В 1950 г. Сталин опубликовал некоторые работы, посвященные вопросам языкознания. Но наиболее важная работа увидела свет только в 1952 г., ее темой были «экономические проблемы социализма в СССР».

С 1929 г., когда Сталин прекратил, произнеся всего одну речь, все дебаты по проблемам развития планирования, которые разворачивались до этого момента, экономическая мысль в СССР находилась в состоянии почти полного паралича[19]. Превратности судьбы Варги в послевоенные годы не могли, конечно, служить стимулом для ее нового подъема. Ученые не располагали даже элементарными статистическими данными — они все оказались секретными. Учебник по политической экономии, проект создания которого обсуждался перед войной, разрабатывался с 1947 г., но еще не был подготовлен[20]. Когда в конце 1951 г. была создана его первая редакция, Сталин решил провести закрытое обсуждение этой работы в кругу специалистов; позже он предпочел вмешаться лично и высказаться самому.

Участь его последних работ весьма характерна для того кризиса, который сопровождал мрачный период упадка сталинского правления. Экзальтированный восторг по поводу выхода в свет этих работ, восхваляемых как гениальное выражение непревзойденного глубокомыслия и прозорливости, продолжался всего несколько месяцев, пока жив был их автор. Наследники Сталина напрасно пытались в этих трудах найти какой-нибудь ответ на те вопросы, которые их мучали. Вряд ли этому стоит удивляться. Самое беспристрастное изучение внутренних достоинств этих работ вскрывает их полную убогость. В лучшем случае, идет ли речь о языкознании или об экономике, они содержали положения, которые в научном плане являются совершенно элементарными. Кроме того, они являлись отражением идей и со-

ображений, весьма далеких от реального состояния дел в той области, которой, казалось бы, были посвящены.

Анализируя характер мирового развития начала 50-х гг., Сталин совершенно не принимал во внимание взрыв освободительной борьбы колониальных народов, хотя этот процесс уже в то время превратился в наиболее важное явление международной жизни текущего десятилетия. С точки зрения Сталина, капитализм не изменился в результате этих событий. По его мнению, капиталистические страны, как это было еще до двух мировых войн, заняты прежде всего междоусобной борьбой за раздел мира. Из этого он делал вывод, что если войны между СССР и блоком империалистических сил можно избежать, то вооруженные столкновения между различными коалициями капиталистических стран будут происходить обязательно. Правильно предвидя, что Германия и Япония в какой-то момент восстановят свое могущество (а убеждение в этом было у Сталина твердым), он был уверен и в том, что схема прошлых конфликтов будет вновь и вновь повторяться вплоть до окончательной гибели империализма. Развитие подлинных новых противоречий капиталистического общества от него ускользнуло. Вообще это общество представлялось Сталину не способным к переменам, обреченным на безостановочное загнивание и обнищание, теряющим способность к движению. Причину будущей катастрофы противоположного лагеря Сталин усматривал в расколе мирового рынка. Конечно же, верно то, что единство международного рынка было утеряно еще в результате войны 1914—1918 гг. Но не было никаких оснований утверждать, как это делал Сталин, о существовании двух рынков, якобы совершенно различных и противоположных, — капиталистического и социалистического, каждому из которых были бы присущи свои особые законы: ведь и сами социалистические страны в своих экономических связях продолжают использовать цены, формирующиеся на капиталистическом рынке, так как у них нет иных, собственных объективных критериев ценообразования[21].

Не менее туманными были суждения Сталина о советской экономике. Отправной идеей было утверждение, что в СССР уже построено социалистическое общество и начинается его переход к высшей фазе развития — коммунизму. Но действительность страны была весьма далека от того, что хотя и в приблизительной форме, но все же выдвигалось и Марксом, и Лениным в качестве критериев и категорий, присущих характеристике данного типа общества. Сталин выбивался из сил, стараясь выпутаться из этого противоречия. Его наиболее интересное утверждение касалось природы экономических законов: существуют объективные законы, объяснял он, от действия которых не может освободиться даже и советское общество. Как ни элементарен был этот тезис, он был существен, поскольку еще со времен первого пятилетнего плана в советской идеологии распространение получило, не без участия самого Сталина, убеждение, что в СССР можно добиться чего угодно, не подчиняясь

каким-либо экономическим императивам. Когда же Сталин попытался определить сами эти законы развития советского общества, он в этом деле не вышел за пределы самых общих описаний и пропагандистских штампов, которые имели мало общего с наукой. Поэтому не лишенной основания кажется гипотеза, выдвинутая в более поздний период, что, по мнению Сталина, в его задачу прежде всего входило утверждение представления о некоем мифическом совершенстве реально сложившейся в советской экономической жизни ситуации, оправдав ее существование действием абсолютных объективных законов, «независимых от воли людей»[22].

Публикация этих работ не стала прелюдией к какому-либо изменению практической политики. Для Сталина высшим проявлением социализма оставалась государственная собственность на средства производства. Только тот факт, что она не может еще охватить и сельскохозяйственное производство, объясняет, согласно Сталину, сохранение в СССР рынка с закономерностями и категориями, ему присущими (цены, деньги, торговля). Достаточно, следовательно, будет провести постепенно полное огосударствление деревни, чтобы стал возможен обмен продукцией между различными отраслями народного хозяйства без посредничества денег. Если к этому добавить дальнейшее широкое распространение культуры, а также просто удвоить уровень реальной заработной платы, которая была в те годы нищенской, то коммунизм, можно считать, стоит у порога[23]. Все то, что Сталин говорил о советском сельском хозяйстве, на самом деле не имело никакого отношения к тому, что в действительности происходило в разоренных селах. Им было отвергнуто даже то единственное конкретное предложение, которое выдвигалось в процессе обсуждения: высказывалась идея передать колхозам право собственности на сельскохозяйственную технику, с помощью которой они работали[24].

Работа была опубликована накануне XIX съезда партии. Сталин лично просил, чтобы на нем каждый оратор выразил свое мнение о содержании его труда[25]. Все поднимавшиеся на трибуну говорили о нем в самых хвалебных выражениях, свойственных любому отзыву на каждое слово, произнесенное Сталиным. Работа расписывалась как целостная программа «перехода к коммунизму»[26]. Сталин думал, однако, о чем-то большем. В будущем учебнике политической экономии он уже видел новое фундаментальное изложение сталинской идеологии, обязательной для всех революционеров в мире, которые должны «учиться» у СССР. Они должны взять ее на вооружение для практической реализации в своих странах[27]. Это был бы апофеоз, в котором единая модель социализма нашла бы максимальное выражение.

Ход работы XIX съезда, на котором партия окончательно отказалась от своего именования как партии большевиков и назвалась просто Коммунистической партией Советского Союза (КПСС), подтвердил наличие в эти годы глубокого кризиса. В СССР и правители,

и управляемые в дальнейшем старались вычеркнуть его из памяти истории: в более позднее время об этом событии стремились говорить как можно меньше (стенограмма выступлений на съезде не была до сих пор опубликована). И все же это было событие большого значения: первый съезд партии за 13 лет. О созыве съезда было объявлено в августе, а заседания его проходили с 5 по 14 октября 1952 г.

Сталин взял слово только в самом конце работы съезда и выступил с чрезвычайно кратким приветствием в адрес зарубежных гостей. Он сказал, что коммунистическим партиям капиталистических стран надлежит поднять высоко знамена «демократических свобод» и «национальной независимости», которые буржуазия позволила втоптать в грязь[28]; эти слова произвели сильное впечатление на коммунистов стран Западной Европы, но они никак не согласовывались с тем, что происходило в сфере влияния СССР. Основным докладчиком был Маленков: это поручение, казалось, представляло собой ясное указание на возможного наследника Сталина. Но из его доклада никто не мог себе уяснить, каковы же были действительные проблемы страны. Маленков лишь уверял, что в ближайшее время Советский Союз от них избавится: например, он говорил, что зерновая проблема СССР «разрешена окончательно и бесповоротно»[29].

В работе съезда проявились и другие, еще более тяжелые признаки кризиса. Вновь там заговорили языком полемическим и антибюрократическим. Так поступил сам Маленков в той части своей речи, которая касалась положения в партии. Он резко акцентировал внимание на четырех пунктах: необходимо дать больший простор самокритике и критике «снизу»; «дисциплина партийная и государственная» должна быть укреплена и должна стать единой для всех, руководителей и руководимых; выдвижение и подбор «кадров» должны проводиться более строго, не должно быть места для кумовства и личных капризов, как это часто случается; необходимо также усилить «идеологическую работу», для того чтобы не допустить возрождения «буржуазной идеологии» и «остатков антиленинских групп» (то есть оппозиций давнего времени)[30]. Эти же самые вопросы выдвигались в качестве причины для обновления Устава партии; с докладом об этом выступал Хрущев, который приводил аргументы, аналогичные тем, что использовал Маленков. Членам партии предписывалось исполнение новых обязанностей: критика и самокритика; запрет любых форм «двойной дисциплины», одной — для руководителей, другой — для рядовых членов; уважение к «секретности в партии и государстве»; обязанность докладывать наверх о местных «недостатках», «невзирая на лица»; подбор руководителей без каких-либо соображений дружбы, родства или землячества[31].

Даже если под этими докладами и уставными новшествами и не было подписи Сталина, то наверняка инициатива исходила от него и их содержание контролировалось им же. О том же самом говорил также и Поскребышев, который около двадцати лет был личным

секретарем Сталина и не мог сказать чего-либо, что не исходило бы прямо от него[32]. Принципы, которые таким образом были утверждены, могли выглядеть как выражение ясных и безусловных моральных обязательств, связанных непосредственно с реальным недовольством, существовавшим в стране, хотя оно конкретно не проявлялось. Но практика сталинского правления показала уже, что появление антибюрократических заявлений прямо связано с вполне определенными последствиями. Дважды в прошлом такие кампании уже имели место: в 1928 г. и в 1937 г. В обоих случаях они сопровождались расправами; в первом расправа была осуществлена бескровными политическими средствами, во втором — методами кровавого террора. Изгнание и уничтожение коснулись тогда значительной части слоя руководителей советского общества[33]. К этой социальной группе, покорной дисциплине и послушной, Сталин не испытывал большого уважения. В момент раздражения он называл их «проклятой кастой»[34]. Он, видимо, еще раз готов был возложить на нее ответственность за нищету и разорение страны, выставив руководящие кадры виновниками всех несчастий. А ведь они были бюрократическим и аристократическим вырождением, продуктом самой сталинской концепции, они были основной составной частью ее реализации в советском обществе. Эта корпорация функционеров была порождена сталинскими методами руководства, стала их неизбежным следствием. Сталин всегда оставался не более чем пленником этого противоречия, наиболее сложного противоречия всей его политики.

Кое-что из его намерений стало понятным в ходе первого заседания Центрального Комитета, избранного съездом. Сталин вновь затронул вопрос о возможности своей отставки: ответом ему был традиционный протест всех присутствующих[35]. После того как закончился съезд, где все ораторы говорили, что партия, «как никогда, сплочена и монолитна», Сталин заявил, что, напротив, она гораздо менее едина, чем кажется. В эти последние месяцы жизни Сталина преследовали кошмары старых оппозиций и возможного возрождения их идей[36]. К всеобщему изумлению, он набросился с нападками на двух своих наиболее старинных товарищей по группировке, Молотова и Микояна; первого из них он обвинял в серьезных ошибках, второго — в «троцкизме»[37]. Затем он перешел к деятельности высших партийных органов. В новый Устав были внесены изменения и в этой области: было упразднено старое Оргбюро, а Политбюро было заменено Президиумом Центрального Комитета. Сталин сказал, что необходимо обеспечить прилив новых сил, и предложил избрать Президиум в составе 25 человек плюс 11 кандидатов в его члены; в предложенном им списке, помимо старых сталинских руководителей, были имена новых деятелей, которые заставили говорить о себе в более поздний период (Брежнев, Суслов), но были и такие, чья активная роль и известность были кратковременны. Сталин вдобавок предложил также сохранить и бюро в более узком составе, не объявляя об этом публично, с тем чтобы «обмануть бди-

тельность врагов»; о статусе этого органа не было сказано ни слова. В составе этого бюро не было ни Молотова, ни Микояна, в то же время появились новые деятели: Сабуров и Первухин[38]. Заслуживающие доверия источники позднее высказывали подозрение, что Сталин готовил с помощью этой операции новую драматическую чистку партии, которая должна была захватить даже самую ее верхушку[39]. Никто не в состоянии теперь подтвердить или опровергнуть такие догадки. Но то, что происходило в последующие месяцы, заставляет считать обоснованными самые худшие опасения.

Процесс над Сланским

В ноябре 1952 г. в Праге был проведен процесс над Сланским. В этой новой юридической драме был ряд моментов, которые сближали ее с другими процессами из той цепи судебных расправ, какая протянулась в странах народной демократии в 1949 г., но было и нечто новое. В то время Чехословакия казалась защищенной от темных трагедий этого рода. В отличие от других партий компартия Чехословакии имела в прошлом долгий опыт легального развития. Во второй половине 30-х гг. жестокие сталинские репрессии не ударили рикошетом по ее внутрипартийной жизни. Руководящие деятели партии были связаны друг с другом давними узами близкого знакомства и сотрудничества; поэтому в их кругу существовало убеждение, что среди чехословацких коммунистов невозможны те феномены вырождения политической борьбы, которые появились в других народных демократиях[40].

Сама такая аномалия казалась подозрительной и в Москве, и в других соседних столицах. Согласно извращенной логике сталинских процессов, чехословацкая партия казалась, напротив, более, чем какая-либо другая, подверженной «вражескому» проникновению; ее рядовые члены и руководящие деятели в прошлом имели самые широкие контакты с зарубежными прогрессивными кругами; многие были добровольцами в Испании, в период Сопротивления находились в Англии, во Франции и в других странах Западной Европы. Кроме всего прочего, чехословацкая партия далее всех других продвинулась в деле строительства социализма по своей собственной схеме, сохраняя наследие антифашистского единства. Уже во время судебного процесса над Райком на Чехословакию было оказано давление как Венгрией, так и СССР, чтобы и там было проведено разоблачение мифических агентов, свивших гнездо внутри коммунистической партии[41].

Чтобы опровергнуть эти подозрения, глава партии Готвальд запросил, чтобы в Прагу в 1949 г. прислали советников из советской политической полиции для проведения расследований. Вне пределов границ страны продолжало распространяться и укрепляться убеждение, что именно Чехословакия с ее спецификой является «наиболее слабым звеном» в системе народной демократии и поэтому должна

быть центром международного «заговора», направленного против социалистического лагеря в целом. Отсюда родилось обвинение в адрес пражских руководителей в том, что они не желают выявить виновных. Началась тайная охота за «чехословацким Райком», скрывающимся якобы в рядах партии. Эта ядовитая атмосфера отравила всю политическую жизнь, привела к тому, что все столкновения представлялись как преступные деяния. Постепенно были арестованы бывший министр иностранных дел Клементис, который в течение длительного времени жил в эмиграции на Западе, а в 1939 г. был противником советско-германского пакта, такие деятели компартии, как Шмидке, Гусак, Новомеский, словаки по национальности, и блестящий, в высшей степени авторитетный глава партийной организации области Брно Шлинг, член центрального руководства Швермова. Но ни разу не удалось выдвинуть общего обвинения в заговоре против целой группы деятелей. В составе руководства партии обязанность наблюдать за ходом этих бесконечных расследований лежала на генеральном секретаре ЦК Сланском, являвшемся весьма влиятельной фигурой. Так дело продолжалось вплоть до 1951 г., когда внимание советских следователей было обращено на самого Сланского; они обвинили его в том, что он мешал раскрытию истины[42].

Из всех сталинских политических процессов в наши дни в наибольшей степени изучен именно пражский; секретный механизм его фабрикации вскрыт благодаря расследованию, проведенному чехословаками в период 60-х гг. Имеются также и наиболее точные сведения о прямом советском участии в организации этого «дела». Советники доложили в Москву еще до того, как поставили в известность Готвальда. Когда Сталина проинформировали об обвинениях в адрес Сланского, основанных на показаниях, полученных от других арестованных, он в первый момент посоветовал Готвальду проявить сдержанность, показав, что относится к «делу» скептически, однако велел продолжать расследование. Точно так же, чего Готвальд знать не мог, Сталин вел себя в отношении ряда своих жертв 30-х гг., например в отношении Бухарина[43]. В ноябре 1951 г. Сталин направил в Прагу Микояна с новым посланием, в котором требовал уже немедленного ареста Сланского; поскольку Готвальд колебался, ему было заявлено, что в случае возможного бегства обвиняемого за рубеж ответственность падет на него. Сланский вскоре был отправлен в тюрьму. Тут же последовала волна других арестов[44]. Она бушевала почти в течение года, так как мрачное юридическое заключение всех этих событий было уже заготовлено.

Процесс Сланского вызвал отклики и толки во всем мире. Воскресли лейтмотивы предшествовавших «дел»: агитация против Югославии вкупе с обвинением в заговоре с участием Запада, враждебность по отношению к добровольцам гражданской войны в Испании и подозрения по отношению к тем, кто бывал за границей. Даже процедура была той же самой: обвиняемые, сломленные физически и морально, «сознающиеся» в невероятных преступлениях, оглашаю-

щие свои признания в соответствии с написанной заранее и заученной наизусть ролью[45]. Одиннадцать смертных приговоров было вынесено и приведено в исполнение. Но присутствовал в этом деле и один мотив, какого не было в предшествующих процессах, здесь же он приобрел доминирующее значение: почти все обвиняемые, начиная со Сланского, были по происхождению евреями и заговор, в котором их обвиняли, был главным образом «сионистским».

Антисемитизм чехословацкого судилища был не чем иным, как прелюдией к тому, что должно было произойти в СССР, где уже в течение определенного времени полиция вела работу в том же направлении. Несколькими месяцами ранее в Москве за закрытыми дверями в обстановке секретности без театрализованного судебного процесса были приговорены к смерти и расстреляны члены старого Антифашистского еврейского комитета[46]. 13 января 1953 г. было публично объявлено, что группа весьма известных врачей, также по большей части евреев, отправлена на каторгу за заговорщическую деятельность, якобы проводимую по указке американских секретных служб и международной еврейской организации. Все они работали в тех особых и в высшей степени привилегированных лечебных заведениях, где лечились высшие советские руководители. Их обвинили в том, что они совершили убийство посредством неправильного лечения двух руководящих деятелей: Жданова и Щербакова (умерших от сердечных приступов соответственно в 1948 и 1945 гг.). Они будто бы замышляли убийство и других, начиная с самых видных и главных. Антисемитский характер обвинений был усилен и тем, что утверждалось, будто секретные инструкции передавались из Америки при посредничестве «известного буржуазного еврейского националиста Михоэлса» (который также погиб в 1948 г. при загадочных обстоятельствах)[47].

Это заявление создало в СССР обстановку паники и тяжелейшего страха, которая напоминала худшие времена 30-х гг. Наиболее затравленными людьми оказались евреи; они чувствовали, как вокруг них сгущается атмосфера погрома. Но страх поразил всех. Люди боялись даже врачей в больницах[48].

Эти иррациональные чувства не были лишь неконтролируемой реакцией растерянного общественного мнения, которому в течение долгих лет внушали подозрительность в отношении некоего таинственного врага, способного скрываться в тени. Они питались сознательно направляемой пропагандистской кампанией. Доказательством тому служат передовые статьи «Правды». В них вновь появилась вся та терминология, которая была характерна для 1937 г., периода «массового террора». Вновь в них речь шла о «капиталистическом окружении», хотя сам Сталин семь лет назад говорил, что такое окружение более невозможно[49]. Вновь в качестве «закона» выдвигалось сталинское утверждение, согласно которому чем больших успехов добивается страна, тем более острой становится классовая борьба и тем более изощренными становятся действия врагов. Цитирова-

лись сталинские речи 1937 г., которые были некоторое время отложены про запас. Раздавались призывы к «бдительности» против «пятой колонны», которая будто бы проникла внутрь страны. Вновь появилось выражение «враги народа». Кто же они? В печати отвечали — те лица, которые заражены «буржуазной моралью» и «буржуазными взглядами», «остатки старых разгромленных группировок». Где они прячутся? Чаще всего делались намеки, что они занимают ответственные посты; это люди самодовольные, «правые оппортунисты», которые не хотят больше и слышать разговоров о внутренней борьбе[50].

Позднее утверждалось, что Сталин готовил новый 1937 г.[51] На это указывает многое. От расследования «заговора врачей» были отстранены Берия и его наиболее близкие сотрудники. Авторитетные источники указывают, что Сталин поставил это дело под свой непосредственный контроль, доверив его исполнение новым людям, лично им внедренным для работы в полиции. Из этого одного вытекало, что Сталин относился ко всем другим членам руководства как к слепым котятам[52]. Куда Сталин вел все это дело, остается секретом, унесенным им с собой в могилу. В намерении развязать новые массовые репрессии политическое безумие преобладало даже над деспотическим произволом. Новая трагедия, подобная 1937 г., имела бы последствия, гибельные для СССР. Даже отказавшись от каких-либо попыток строить догадки, можно утверждать безусловно, что если Сталин действительно проектировал новый 1937 г., то никогда не было так близко к истине, как в начале 1953 г., предположение американцев, что посредством внешнего давления можно вызвать катастрофический насильственный взрыв внутренних противоречий советской системы.

Наследство

Намерениям Сталина, каковы бы они ни были, не суждено было сбыться. 1 марта 1953 г. он в результате апоплексического удара был на грани смерти. Объявлено об этом было 3 марта в такой форме, что уже можно было предвидеть смертельный исход, но одновременно делались успокоительные заверения, что оказание медицинской помощи гарантировано на самом квалифицированном уровне и под прямым надзором политических руководителей. Агония была долгой и тяжелой; окончилась она 5 марта[53].

Советский Союз онемел. Те, кто присутствовал при этих событиях, помнят молчание, охватившее страну. В течение 30 лет во всей политической жизни страны доминировала эта личность: 30 лет непрерывных переворотов и преобразований без передышки. Чувства народа были сложны и драматичны, они соответствовали сложности тех событий и той борьбы, которую народ вел под руководством деятеля, который только что сошел со сцены, и относились они не столько даже к этому человеку, сколько к этапу жизни страны. Мно-

гих охватила глубокая и искренняя скорбь: толпы плачущих людей, запечатленные на газетных фотографиях, не были пропагандистским изобретением. Но, возможно, еще более сильным было смятение. В кругу самых близких люди шептались об одном и том же: что теперь будет? После того, что происходило в последние месяцы, были и такие, кто боялся самого худшего. К тому же было распространено мнение, которое поддерживал сам Сталин, что с его бесконечной мудростью несравнимы достоинства окружавших его людей. На протяжении двух дней, пока царило ожидание смерти, в церквах шли посвященные Сталину службы: патриарх призывал верующих христиан молиться за него, раввин отправлял службу в синагоге. Человек, который был в свое время революционным вождем, уходил из жизни как один из наиболее могущественных монархов в истории. Вдали от Москвы, в лагерях принудительного труда, в сибирских городах и селах, населенных депортированными, в местах принудительного поселения миллионы других людей таили радость в глубине своих сердец, не смея дать свободный выход ликованию[54].

В течение трех дней непрерывная цепь людей ожидала на морозе своей очереди, чтобы проститься с телом покойного в Колонном зале Дома Союзов. Наплыв людей вначале принял хаотический характер. Серьезные инциденты произошли на Трубной площади из-за давки в толпе, образовавшейся перед милицейским заграждением, когда милиция пыталась отодвинуть толпу, чтобы очистить улицы, прилегающие к центру. В этой давке погибло немало людей, но сколько, установить не удалось. Порядок был быстро восстановлен, так что в тот момент даже наиболее внимательные наблюдатели, находившиеся в столице, не узнали о случившемся[55]. Центр города в целом был изолирован кордонами войск; движение поездов между Москвой и ее пригородами было прервано. С этого момента люди проходили перед гробом Сталина в Колонном зале в строго организованном порядке.

Как только вождь умер, первой заботой сталинских руководителей стала необходимость показать стране и всему миру, что в верхах не возникло вакуума власти и что проблемы наследования были урегулированы немедленно при уважении норм законности. Это было не просто сделать. Сталин был облечен множеством официальных должностных обязанностей, и специфика всех занимаемых им постов как бы утратилась со временем, все они слились в единое целое его блистательной безграничной власти. С 1941 г. он был Председателем Совета Министров. Пост Генерального секретаря, который он занимал с самого начала своего счастливого взлета и с которым была связана вся его политическая карьера, не существовал более в Уставе партии, но на XIX съезде не была провозглашена и формальная его замена новым. После первого заседания вновь избранный Центральный Комитет более не собирался. В обстановке той всеобщей юридической неразберихи, которая всегда была характерна для ведения дел внутри сталинского правительства и которая еще более усилилась в последние годы, основные реальные распоряжения исходили от

двух руководителей — Маленкова и Берии, которым Сталин под конец доверил наиболее важные рычаги власти, хотя и сохранил над ними высший контроль. Именно они, согласно сообщениям, в наибольшей степени заслуживающим доверия, выступили с самыми важными предложениями на совместном заседании высших государственных органов — Центрального Комитета партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета, — которое было созвано на следующий день после кончины Сталина[56].

Неясная ситуация в руководстве партии, возникшая вскоре после XIX съезда, была ликвидирована. Не должно было более существовать двух органов, Президиума и бюро, как хотел того Сталин, сохранялся только Президиум, «как предписывалось Уставом». Он не был более таким многочисленным, как диктовал Сталин, круг его членов стал у́же. В его состав вошли Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров и Первухин. В основном речь шла о тех же людях, которые со времен войны и позднее были наиболее близки к Сталину; включал он и более старых деятелей — Молотова и Микояна, а также двух новых — Сабурова и Первухина, введенных в секретное бюро Сталиным в последний момент.

Маленко́в стал Председателем Совета Министров. На посты заместителей Председателя Совета Министров были назначены: Берия, Молотов, Булганин и Каганович; они все вместе составили президиум правительства. Старик Ворошилов, единственный деятель, который, как и Молотов, мог символизировать связь времен, продолжение традиций эпохи революции и гражданской войны, стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР; пост этот был примерно тем же, что и пост главы государства в других странах. Берия получил пост министра внутренних дел, в полномочия которого входило руководство политической полицией (или «государственной безопасностью»). Молотов вернулся к руководству Министерством иностранных дел. Булганин остался министром обороны. Но новостью явилось в этой области назначение на должности его первых заместителей двух наиболее выдающихся командующих времен войны — Василевского и Жукова; особенно важным был факт возвращения последнего, после семи лет отсутствия, на высшие военные посты. Это было явным свидетельством желания мобилизовать для поддержки послесталинского руководства все возможные резервы общественного признания, прибегнув в данном случае к использованию личного престижа высокоуважаемых людей, что особенно важно в таком деликатном деле, как руководство вооруженными силами[57].

Все эти решения были ратифицированы несколькими днями позднее специальной сессией Верховного Совета. Эти назначения касались урегулирования положения с высшими постами государства. В то же время сохранилась большая напряженность в системе оперативного руководства партией. В первый момент было объявлено, что Хрущев уходит с поста главы партийной организации Москвы

для работы в качестве секретаря Центрального Комитета. Только несколькими днями позже было сообщено, что Маленков в свою очередь покидает пост секретаря для работы главой правительства. В новый состав Секретариата ЦК партии, таким образом, вошли: Хрущев, Суслов, Поспелов, Шаталин, Игнатьев. Верховное положение первого из них по отношению к другим было отражено лишь в том, что его имя поставили во главе списка, и не было подтверждено каким-либо официальным способом[58].

Таким образом, казалось, три человека пришли к руководству страной: Маленков, Берия и Молотов. Те же самые деятели в том же порядке получили слово 9 марта на Красной площади во время похорон Сталина. Похороны прошли с грандиозной и холодной пышностью. Было постановлено, что тело покойного вождя необходимо сохранить: бальзамировать, поместить в стеклянном гробу и выставить для публичного обозрения в Мавзолее, где уже находилось тело Ленина. Некоторым наблюдателям показалось, что новые руководители определенно стремились поскорее перевернуть страницу и начать «разукрупнение» фигуры покойного[59]. Были тому почти неуловимые свидетельства. В «Правде», вышедшей в день смерти Сталина в траурной рамке, его фото занимало лишь четверть полосы, в то время как коммунистические газеты в Западной Европе поместили крупные портреты на всю полосу. Некоторым иностранным гостям официально объяснили, что необходимо ободрить народ, внушить ему веру в будущее, а не сосредоточиваться чрезмерно на оплакивании прошлого. Мало кто, однако, уловил эти первые слабые симптомы переоценки ценностей. Все газеты мира посвящали Сталину многие и многие полосы: ушел из жизни второй деятель из «великой тройки» эпохи мировой войны. Все эти мельчайшие признаки имели глубокое значение, связанное с кризисом предшествующих месяцев (а реальный его размах был большинству неизвестен). Со смертью Сталина закончилось не только его долгое правление. Начинался новый период, сущность которого никто не мог предвидеть даже в общих чертах.

Книга седьмая

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ХРУЩЕВА

I. МАЛЕНКОВ, БЕРИЯ, ХРУЩЕВ

Партия против полиции

За внешними проявлениями единства и эффективности руководства, которые демонстрировали наследники Сталина после его смерти[1], скрывалась напряженная драматическая борьба. Хотя они работали под предводительством вождя до самых последних дней, не решаясь на критику его действий, многие из них, возможно, понимали, что его политика ведет страну в тупик, из которого не будет выхода. Тем не менее никто не знал ясно, что же следует делать. Новое руководство приступило к работе, не сделав какого-либо программного заявления, если не считать общих слов о стремлении продолжать начатое дело, которые содержались в речах во время похорон. Огромные внутренние и международные трудности заставляли этих людей сохранять единство, но в то же время было очень много такого, что их разделяло, и причины этого были весьма глубокие. Сталин всегда препятствовал возникновению дружеской близости между своими сотрудниками, страшась, что эти отношения могут перерасти в политическую коалицию. Никто в верхах не мог претендовать на роль официального наследника; никто не был в состоянии заявить о каком-либо прямом указании покойного, которое бы подтверждало его права на эту роль; каждый из деятелей не мог опереться ни на широкую личную популярность и престиж, ни на в достаточной степени контролируемый им единолично аппарат власти.

Все основные элементы, составляющие механизм Советского государства — партия, правительство, армия, полиция, дипломатия, — были подчинены непосредственно Сталину, который их лично контролировал до самого последнего дня. В качестве преемника предстал для всех Маленков, поскольку он встал во главе Совета Министров. Но для того чтобы занять место покойного, требовалось другое. Позднее, когда выдвижение Маленкова оказалось краткосрочным, многие спрашивали себя, почему в 1953 г. он ушел с поста секретаря ЦК партии, с которым были связаны вся его предшествующая карьера и опыт работы, неужели он не понимал, что именно партия — основной инструмент руководства страной? Это, напротив, полностью оценил Хрущев, который оказался в состоянии совершить стремительный подъем к власти именно с этого места[2].

В действительности же в момент смерти Сталина баланс сил был не так прост. Маленков не был Генеральным секретарем ЦК партии, как Сталин в момент смерти Ленина. Не стал им и Хрущев, по крайней мере в первый момент: он занял пост только одного из секретарей ЦК, каким до того был Маленков. Трудно утверждать, хотя это и пытались делать, что переход Маленкова из одной области руководящей работы в другую был сознательным шагом по пути институциональной рефор-

мы, направленной на перемещение центра власти от Секретариата ЦК партии к правительству[3]. Все решения, которые в те дни принимались, носили на себе отпечаток прагматичного, сиюминутного подхода и незавершенности.

Благодаря престижу Сталина пост Председателя Совета Министров приобрел большое значение и превратился в глазах всего мира в вершину власти в СССР. В отношения с другими великими державами Сталин вступал именно как человек, занимающий эту должность. Именно сюда тянулись нити внешней политики, которая имела для СССР всевозрастающее значение. Заняв этот пост, Маленков не мог совместить новую должность с сохранением прежней, секретаря партии, он не имел достаточного авторитета, чтобы претендовать на роль нового Сталина, а без этого такое совмещение не было возможно.

Маленкову было немногим более пятидесяти, то есть он был наиболее молодым из всей группы преемников Сталина. Но и ему, как и любому другому из них, еще предстояло создавать себе авторитет. Он был энергичным организатором, обладал живым, но холодным умом; это не был человек сильной воли, способный на личную храбрость. В качестве секретаря партии он в различное время осуществлял верховный надзор за рядом важных секторов экономической и политической жизни, но никогда на нем не лежала прямая ответственность за работу какого-либо оперативного подразделения (руководство республикой, министерством, военным соединением). Его стартовой площадкой явилось в свое время управление отделом кадров Центрального Комитета, в обязанности которого входил тщательный отбор людей для всех других руководящих должностей. Это был отдел, работу которого Сталин контролировал с особой подозрительностью и вниманием. Таким образом, из всех сталинских руководителей Маленков был тем человеком, который наиболее тесно сотрудничал с вождем, ближе всех к нему находился, скрываясь в тени его величия.

В структуре власти, которую создал Сталин, был один компонент, на который все, руководители и руководимые, смотрели со страхом: это была политическая полиция; она представляла собой уникальный инструмент власти, пользующейся высокой степенью самостоятельности. В период, предшествовавший смерти Сталина, очень многие страхи, охватившие граждан страны, были связаны с ее всепроникающим присутствием. Во главе Министерства внутренних дел оставался Берия; формально, но только лишь формально, он был подчинен Маленкову. В действительности же он не имел над собой никакого высшего контроля. Первой заботой новых руководителей было успокоить страну. Кампания против «врагов народа» была разом прекращена. Были провозглашены амнистия по всем преступлениям, подлежащим наказанию заключением на срок до пяти лет, и сокращение сроков по приговорам к более длительному заключению[4]. 4 апреля Министерством внутренних дел было сделано сенсационное заявление. Враги, арестованные по обвинению в заговоре, невиновны; их признания получены «жестокими методами, противоречащими закону». Впечатле-

ние это произвело колоссальное[5]. По всем доступным нам сведениям, инициатива этих действий исходила непосредственно от Берии: даже он стремился создать себе популярность[6]. Но это было лишь начало того стремительного развития событий, которое приведет его к свержению.

Тремя месяцами позднее последовало еще более сенсационное заявление. Берия был обвинен в заговоре с целью установления своей личной власти. Это разоблачение и тогда, и в наши дни производит противоречивое впечатление. Оно никогда не было доказано документально. Тем не менее никто никогда не ставил его всерьез под сомнение: это был, как говорил один историк, «весьма реальный вариант»[7]. Само существование всемогущей полиции, которую возглавлял Берия, являло собой такой заговор. В последние недели жизни Сталина Берия был отстранен от основных дел и обязанностей, но затем с триумфом вернулся к руководству своим ведомством[8]. Он возглавлял его в течение 15 лет и не упускал возможности использовать свою власть для сведения личных счетов или того, чтобы держать в постоянном страхе коллег. Жестокий и циничный, он был окружен общей ненавистью. Но в продолжение всего этого времени он чувствовал над собой грозную руку Сталина, который мог бы избавиться от него, если бы захотел. Когда Сталин скончался, исчезла сама возможность действенного контроля над ним. Берия был обвинен в намерении поставить Министерство внутренних дел «над правительством и над партией»[9]. Но на самом деле милиция находилась именно в таком положении с 30-х гг. В 1953 г. она была укомплектована людьми, подобранными Берией и привыкшими выполнять его приказы. Другие руководители, включая Маленкова, не имели средств подчинить ее себе. Их телохранители, охрана правительственных аппартаментов и дворцов находились под управлением службы Берии, даже телефоны их прослушивались. Никакая нормальная политическая жизнь не была возможна до тех пор, пока сохранялась подобная ситуация.

Для изменения положения не было другого пути, кроме решительной борьбы с Берией и его аппаратом. Операция была чрезвычайно рискованной. Под руководством Берии находилась не только милиция, но и внутренние войска и отряды специального назначения. Эти части были сконцентрированы вокруг Москвы в момент смерти Сталина для предотвращения беспорядков. Позднее они там и остались под предлогом поддержания порядка, которому угрожал, как было сказано, приток преступных элементов, который стал следствием освобождения из тюрем по амнистии множества заключенных[10]. Длительное пребывание этих войск в окрестностях столицы породило подозрение, что Берия готовит государственный переворот. Необходимо было действовать быстро. Исход борьбы решало время: Министерство внутренних дел должно быть нейтрализовано до того, как оно перейдет к активным действиям.

Насколько нам сегодня известен ход событий, выступление против Берии носило характер превентивного удара. Он требовал поддержки

со стороны армии. Для обеспечения успеха необходимо было согласование усилий всех остальных руководителей, а также соглашение между ними и верховными военными деятелями: готовиться к действиям следовало в высшей степени осторожно и секретно. Когда удар Берии был нанесен, Маленков в глазах всех выглядел основным героем[11]. Сведения последующих лет пролили свет на тот факт, что опасная и деликатная работа по сплетению всех нитей в единую ткань была осуществлена в первую очередь Хрущевым, менее находившимся на виду и более решительным; он действовал в рамках тех возможностей, которые дало ему положение секретаря ЦК партии. Маленков оказал ему поддержку. Правда, источник этих подробностей — рассказ самого Хрущева; но к нему с доверием относились в наиболее информированных и широких кругах советского общества[12].

Тому же источнику мы обязаны единственным рассказом о том знаменитом заседании Президиума ЦК партии в июне 1953 г., на котором Берия был арестован[13]. Созвано оно было для обсуждения военных вопросов, но превратилось в обличение главы полицейского аппарата, который был застигнут врасплох. Когда наступил соответствующий момент, то по заранее согласованному сигналу вошли в зал заседания маршалы, находившиеся в ожидании в соседнем помещении. Жуков и генерал Москаленко объявили Берию арестованным: он был отправлен в тюрьму под охраной сил армии*. Граждане страны могли догадаться о том, что происходит что-то важное по движению войск, которые должны были предотвратить возможное выступление воинских частей, находившихся под управлением Министерства внутренних дел, но вооруженное вмешательство армии не потребовалось. 10 июня об аресте было объявлено всей стране после Пленума Центрального Комитета партии, продолжавшегося шесть дней. В декабре было сообщено о судебном процессе над Берией и его расстреле; приговор был вынесен специальным трибуналом под председательством маршала Конева[14].

Возмездие воздали Берии его же мерой. Он был осужден на основании тех же чрезвычайных декретов от 1 декабря 1934 г. (они последовали в свое время после убийства Кирова), которые служили юридическим оправданием жесточайших сталинских репрессий[15]. В обстановке, когда правдиво рассказать стране о закулисной стороне уничтожения этого деятеля было невозможно, в объяснениях были сделаны ссылки на ряд политических причин. Частично эти разъяснения были опубликованы в печати, частично их распространили в качестве закрытого документа для внутрипартийного пользования. Набор приводимых причин был подобран явно в спешке и в последний момент: достаточно сказать, что Берию обвиняли в том, что он плохо отзывал-

* Существуют и распространяются и более «кровавые» версии описания этого заседания. Так, в частности, утверждают, что Берия был убит на месте. Это не только не нашло каких-либо подтверждений, но прямо опровергается существующими источниками (*R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 19).

ся о Сталине после его смерти и намеревался сблизиться с Югославией, то есть осуществить то, что другие руководители не замедлили позднее сделать. Ему было предъявлено стереотипное обвинение в том, что он действовал по указанию и в интересах иностранных империалистических держав. Малоправдоподобными выглядели и ссылки на воскрешенные сомнения в его политической честности (хотя сегодня мы думаем, что они имели глубокое основание). В давние годы эти сомнения выражали старые большевики, например Орджоникидзе, что, однако, не помешало Сталину сделать Берию одним из ближайших своих сотрудников[16]. Но на фоне огромного значения самого события эти несоответствия привлекали внимание лишь немногих.

В первой же статье, появившейся в «Правде», где содержалось объяснение происходящего и где были сконцентрированы «уроки», которые следует извлечь из всего происшедшего, была одна крайне важная фраза: «Необходимо взять под контроль, систематический и твердый, органы Министерства внутренних дел». Эту операцию как в центре, так и на периферии должны были осуществить соответствующие «партийные организации»: это «не только их право, но настоятельная и непосредственная обязанность»[17]. Так была провозглашена будущая радикальная реформа, призванная уничтожить всемогущество политической полиции. Инициатива вновь исходила от Секретариата ЦК партии, и дело это было реализовано в последующие месяцы без привлечения к нему публичного внимания, но сделано все было надежно и последовательно. В целом механизм «государственной безопасности» был лишен какой-либо автономии. При Сталине его руководители могли на местах, в областях, находящихся в их компетенции, проводить расследование или арестовывать любого, включая местных политических руководителей, никому не давая в этом отчета, кроме своих собственных начальников в Москве. Они могли вербовать информаторов в партии, не ставя в известность ее ответственных деятелей. В ходе осуществленной реформы они были поставлены в зависимость от обкомов и подчинены их секретарям.

Аналогичные изменения были проведены и в центре; политическая полиция была изъята из-под руководства Министерства внутренних дел и подчинена Центральному Комитету, то есть поставлена под контроль его Секретариата и аппарата. Руководители и функционеры партии получили теперь возможность вмешиваться в проводимые расследования, пересматривать даже прошлые дела. Были ликвидированы органы чрезвычайного назначения («особые совещания»), которые действовали в рамках полицейского механизма и имели право налагать наказание в административном порядке. Так называемые государственные преступления были переданы в сферу компетенции обычной юридической системы[18]. Разом партия была освобождена от угрожающего ей меча, который Сталин держал занесенным над ее головой: без санкции уставных партийных органов ни один ее член не мог быть ныне брошен в тюрьму. В результате изменению была подвержена вся система сталинской власти в целом.

Реформа не могла бы быть осуществлена без решительной чистки аппарата полиции. Практически весь состав руководства всех служб безопасности был в целом сменен, основные помощники Берии арестованы: некоторые — Меркулов, Деканозов, Кобулов — расстреляны вместе с ним; другие — Багиров, Абакумов — несколько позже. Руководители этих служб в областях и республиках федерации были также, как правило, заключены в тюрьмы. Некоторых отправили в отставку. На их посты стали назначать офицеров из политического аппарата армии, партийных работников, руководителей комсомола.

Начиная с Берии, имена тех, кого изгнали из органов, были с самой худшей стороны известны среди заключенных концентрационных лагерей, депортированных и ссыльных. С момента, когда сами инквизиторы были объявлены преступниками, для их жертв забрезжила впереди надежда. Тысячи писем стали приходить в адрес партийных органов, правительства, органов юстиции с просьбами провести пересмотр старых судебных дел. Многие граждане страны обращались с ходатайствами о реабилитации или о возвращении членов их семей, попавших в руки полиции и исчезнувших без следа. Сама чистка среди ответственных сотрудников полиции поставила под вопрос оправданность ее действий. Были вскрыты старые досье. Многое стало впервые известно даже самим руководителям страны. Конечно, нельзя сказать, что они не знали, как функционируют репрессивные органы. Однако неведомым часто оставалось, каковы были конкретные обвинения, какие доносы поступали, насколько фальшивы были доказательства, использованные для вынесения юридических приговоров. Теперь все это вышло наружу.

Аграрная реформа и товары народного потребления

Хотя ликвидация могущества полицейских служб и была мерой весьма важной, глубоко отразившейся на всей жизни общества, но этого было явно недостаточно, чтобы считать, что к народным массам было обращено принципиально новое слово. Для того чтобы предстать перед страной носителями обновленного подхода, преемники Сталина имели только одно средство: они должны были объявить, что наконец-то пришел час пожать плоды всех прошлых усилий и понесенных жертв, время создать в стране большее благосостояние для всех. Это новое направление в развитии экономики было провозглашено в начале августа 1953 г. в речи Маленкова в Верховном Совете. Он говорил, что в прошлом было необходимо думать прежде всего о росте тяжелой индустрии для создания экономического могущества СССР и облегчения его военной безопасности; ныне возникла возможность увеличить выпуск потребительских товаров и направить на развитие легкой промышленности больше капиталовложений, с тем чтобы стимулировать ее ускоренное развитие. В течение двух-трех лет необходимо обеспечить население достаточным количеством продуктов питания и других

товаров первой необходимости; это, говорил Маленков, «задача безотлагательная»[19].

Едва приступив к пересмотру экономической политики, новое руководство вынуждено было констатировать, что никакое улучшение уровня жизни невозможно, если не будет найдено средство, чтобы положить конец деградации сельского хозяйства. В 1953 г. большинство населения по-прежнему продолжало жить в деревне[20]. То, что дела идут на селе плохо, было ясно еще до смерти Сталина, хотя никто не имел достаточно смелости заявить об этом публично. Колхозы и совхозы не только не имели каких-либо успехов в развитии, но и все более очевидными становились признаки их дальнейшего упадка. Специальные комиссии, изучавшие эти проблемы, искали средство лечения их болезней, не идя далее предложений различных паллиативов; если они и указывали в ряде случаев на существо вопроса, то не были в состоянии разрешить его[21]. В 1953 г. положение еще более ухудшилось: страна вынуждена была растрачивать свои скудные запасы и исчерпала их в значительной степени[22]. Призрак нового голода стоял на пороге. Маленков признал, что проблема весьма серьезна[23]: было объявлено о проведении ряда реформ; впервые за долгие годы генеральное направление аграрной политики СССР подвергалось модификации.

Первые изменения касались мельчайших индивидуальных участков колхозников. Маленков заявил, что отношение к ним было ошибочным. Было проведено значительное облегчение налогового бремени для этих хозяйств: налоги на них были уменьшены вдвое, а все долги по прежним выплатам списаны. Величина налоговых ставок была унифицирована в соответствии с единым критерием, базирующимся на оценке величины и качества тех мелких кусков земельных угодий, которые находились в распоряжении крестьян, безотносительно к тому, какое использование им было дано (то есть во внимание не принималось, имеется или нет у крестьянина фруктовый сад, держит он молочную корову или нет)[24]. Впервые за два десятилетия тягостное бремя, которое несло сельское население, было заметно облегчено. Это дало немедленный политический эффект. Реформа, одобренная той же сессией Верховного Совета, сравнивалась с введением нэпа в мелком масштабе: более оправдано было бы определить ее как возвращение к компромиссу, уже существовавшему в отношениях с колхозниками в середине 30-х гг., который был затем шаг за шагом разрушен сталинской политикой[25]. Вторая реформа затронула коллективные хозяйства: закупочные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи были подняты[26].

Трудно установить, какова была доля личного участия Маленкова в осуществлении этих решений; он сам их выдвигал как предложения, подготовленные совместно правительством и Центральным Комитетом партии. Первое из них принесло ему в тот момент особенно большую популярность. Позднее, в ходе смещения Маленкова, утверждалось, что эта идея исходила не от него, а от Центрального Комитета (то есть от его Секретариата). Этот тезис нашел в даль-

нейшем авторитетное подтверждение в среде историков[27]. Объявляя о новых приоритетах в проведении экономической политики СССР в отношении сельского хозяйства, Маленков не дал тем не менее характеристики его кризиса, не была предложена и глобальная целостная программа решения его проблем: было указано лишь на «состояние заброшенности», в котором оказались не только отдельные хозяйства, но и «целые районы»[28]. Анализ и программа были подготовлены и выдвинуты в ходе работы нового Пленума Центрального Комитета партии месяцем позже. Но выступил с ними Хрущев. Из всех преемников Сталина он был единственным деятелем, который имел благодаря своему прошлому опыту работы на Украине непосредственное представление о состоянии дел на селе и знал его потребности.

Маленков и Хрущев уже сталкивались в прошлом по вопросам развития сельского хозяйства. В последние годы сталинского правления первый из них, входя в Секретариат ЦК партии, осуществлял верховный надзор над многими учреждениями и ведомствами, занимающимися сельскими проблемами. Даже если его ответственность за решение этих вопросов носила ограниченный характер, упадок в этой обширной сфере жизни общества явно говорил не в его пользу. Вскоре после своего возвращения в Москву в конце 1949 г. Хрущев стал инициатором слияния и укрупнения колхозов. Он выдвинул в дополнение к этой первой реформе программу реконструкции деревень. В соответствии с ней мелкие, далеко отстоящие друг от друга деревни следовало сконцентрировать в поселки бóльших размеров и старые избы заменить современными жилищами, постепенно снабдив их удобствами, водопроводом и электричеством[29]. В этом проекте уже отразились некоторые противоречивые качества личности его автора, которые, как мы увидим, приобретут гигантские масштабы в ходе его последующей работы в правительстве. С одной стороны, его усилия были направлены на борьбу за обновление сельской жизни, что было одной из наиболее острых потребностей советской деревни; с другой — он был склонен к утопическим планам, которые никак не соответствовали реальному положению в колхозах того периода: где должны были колхозы брать деньги для строительства новых деревень? Маленков вскоре стал одним из наиболее энергичных критиков этого предложения. Он даже включил слова в его осуждение в свой доклад XIX съезду. Но нападал он не на слабые стороны этого проекта, а как раз на позитивное ядро: он будто бы стимулирует, по Маленкову, колхозы к росту потребления, то есть к улучшению условий жизни, а не к расширению производства[30].

Доклад Хрущева на сентябрьском Пленуме Центрального Комитета впервые за 20 лет представлял собой реалистический анализ состояния советского сельского хозяйства; он был далеко не исчерпывающим, но достаточно резким, чтобы произвести колоссальное, сенсационное впечатление в СССР и за рубежом. Нет сбалансированности, говорил Хрущев, между ростом страны и положением в

деревне; потребности населения не удовлетворяются; люди едят мало и плохо; в ряде отраслей, как, например, в животноводстве, положение хуже, чем до революции. По его данным, 1928 г. был наилучшим во всей русской и советской истории[31]. Именно на этом Пленуме Хрущев был избран Первым секретарем Центрального Комитета[32]. «Первый секретарь» — так именовались и до сих пор называются главные руководящие работники областных и районных комитетов партии. Таким образом, это не было возрождением титула, принадлежавшего ранее Сталину, — «Генеральный секретарь»; наименование звучало более умеренно. На практике же функции его оказались теми же самыми.

Сентябрь 1953 г. и сегодня обоснованно считается поворотным моментом в истории советской деревни[33]: именно тогда сталинская политика была отставлена и аграрные проблемы превратились в основной предмет забот правительства. Все старые долги колхозов, так же как и личные долги крестьян, были аннулированы, объем поставок в счет государственных закупок ограничен. Были подняты цены, уплачиваемые государством по этим поставкам, причем по всем сельскохозяйственным продуктам, а не только по тем, которые перечислил Маленков Верховному Совету: в течение 1954 г. они пересматривались несколько раз и в конце концов были установлены по зерновым на уровне более чем в 7 раз выше первоначального, по подсолнечнику и мясу — в 6 раз, по шерсти и картофелю — в 3 раза выше[34]. Возросли государственные капиталовложения в сельское хозяйство; хотя они еще составляли малую часть от необходимого уровня, но при учете предшествующего положения этот рост выглядел значительным. Партия была призвана обратить на дела деревни большее внимание: свыше 20 тыс. партийных работников среднего уровня руководства были направлены в деревню, для того чтобы встать во главе наиболее запущенных, бедствующих хозяйств (Хрущев первоначально желал довести число направляемых в деревню партработников до 50 тыс.). Мероприятие походило на то, что было сделано в начале массовой коллективизации, когда в сельские районы было направлено 30 тыс. рабочих-активистов[35].

Целинные земли

Подлинной и непосредственной атакой на Маленкова стала следующая инициатива Хрущева, хотя она не была сформулирована в форме личных нападок. Сентябрьский Пленум рассматривал все вопросы сельского хозяйства в целом, не останавливаясь специально на зерновой проблеме. Маленков не только в докладе XIX съезду партии, но и в своей речи в августе характеризовал ее как успешно решенную. В одном из выступлений на Президиуме ЦК партии Хрущев заявил, что это утверждение не соответствует фактам[36]. Зерновая проблема не была решена; напротив, она-то и была наиболее тяжелой в том смысле, что ее решение было предпосылкой для урегули-

рования всех других трудностей. Речь шла не только о том, чтобы гарантировать населению кусок хлеба, хотя и это еще не было сделано окончательно, но дело было и в обеспечении животноводства кормами, без которых не могло быть в достатке ни мяса, ни шерсти, ни яиц. Если же к объему внутренних потребностей добавить еще и международные запросы, то необходимо было в целом по крайней мере удвоить производство зерна только хотя бы для того, чтобы иметь возможность увеличить его экспорт, пусть даже исключительно в союзные страны[37].

После неурожая 1953 г. ситуация стала настолько серьезной, что стали необходимыми чрезвычайные решения. Сами крестьяне стали приезжать в города, чтобы купить хлеб. Для того чтобы добиться немедленного сдвига к лучшему, мер, принятых в сентябре, как бы важны они ни были, было недостаточно; в лучшем случае они могли принести плоды лишь через годы. Повышение урожайности земельных угодий требовало удобрений, ирригации, технического оснащения, то есть именно того, что не может быть создано в один день. Крайняя срочность поиска выхода диктовалась также и тем, что было принято решение, по которому не следует более обеспечивать государственные закупки зерна, раздевая донага колхозы. Под давлением этих неотступных бед и созрела у Хрущева и его советников идея ввести в производство широкие просторы пригодных для пахоты земель, которые находились в полузасушливой зоне на востоке страны и в то время оставались неиспользованными (в Заволжье, Сибири и Казахстане). Работа должна была принять характер массового штурма. Проект первоначально обсуждался с делегатами из Казахстана, приехавшими в Москву на сентябрьский Пленум, затем на различных встречах с экспертами[38]. В Президиуме ЦК с самого начала возникли определенные сомнения в возможности получения эффективного результата[39]. Предложение было принято ввиду отсутствия какой-либо альтернативы; по своему объему мероприятию предполагалось придать умеренные масштабы. Программа была доведена до общественности и обсуждалась в течение января и февраля 1954 г., затем ее окончательно одобрил новый Пленум Центрального Комитета: в этой своей первой версии она предусматривала освоение 13 млн. *га* целинных земель[40].

Поскольку на местах не было достаточного количества рабочих рук, необходимо было доставить их из других областей. Были использованы финансовые меры стимулирования переезда на целину целых семей. Но условия, в которых они вынуждены были селиться и осваиваться на новом месте, были чрезвычайно тяжелыми. Поэтому с призывом обратились к молодежи: по своему характеру эта инициатива напоминала аналогичные обращения к предыдущему поколению, когда отцов нынешней молодежи призывали на работу на крупнейшие стройки первой пятилетки. Новизна предприятия, идея, что наконец-то предстоит работать для создания изобилия, экономические стимулы и просто желание изменить течение своей жизни побу-

дили многих отправиться в путь: около 300 тыс. добровольцев, основная часть которых была в возрасте до 25 лет, приняло участие в движении [41]. Они составили основное ядро целинников. Им предстояло распахать и засеять колоссальные просторы степей. К моменту жатвы к ним должны были присоединиться солдаты и студенты, чтобы осуществить сбор урожая. Первоцелинников ждала трудная жизнь. Они разместились в палатках или в железнодорожных вагонах, изъятых из употребления, еще в то время, когда бушевали последние зимние бураны, и начали свою работу, не дожидаясь, когда будут построены более надежные жилища. Почти все тракторы, произведенные в 1954 г. в СССР, были направлены в эти области[42]. С самого начала было ясно, что распашка новых земель не давала окончательного решения. Она являлась лишь средством выхода из критического положения и имела целью позволить стране набрать дыхания, для того чтобы привести в порядок основные сельскохозяйственные районы. Однако и у Хрущева, и у его окружения наблюдалась склонность переоценивать эффективность этой меры[43].

В осуществлении этого проекта чувствовалось стремление сделать все очень быстро. Земли для распашки были подобраны в течение нескольких недель, и не всегда удачно[44]. Пахота была проведена без глубокого изучения почв; дополнительные трудности были порождены тем, что машины, которых и так не хватало, были не приспособлены к новым условиям; они часто ломались и работали плохо[45]. В 1954 г. пахотные работы велись в течение всего лета и в начале осени. Сев удалось провести на площади лишь в 3,6 млн. *га*. Урожай оказался довольно хорошим (около 9 *ц* с *га*). Как только были получены эти первые результаты, Хрущев предложил и добился решения о дальнейшем расширении программы, с тем чтобы в 1956 г. площадь освоения целинных земель охватила 28—30 млн. *га*, хотя эта инициатива встречала растущую оппозицию со стороны ряда его коллег, к числу которых наверняка принадлежал Маленков[46].

Отставка Маленкова

Аграрный кризис и ограничение власти полицейского аппарата явились двумя острыми проблемами, которые в течение одного года привели к первому, но достаточно глубокому пересмотру ряда основных направлений сталинской политики. Общественная жизнь в СССР требовала и других важных изменений. В условиях, когда руководителя, способного занять место Сталина и авторитарно диктовать выбор решений, не было, восстановлена была деятельность представительных органов, в особенности внутри партии, чтобы создать в стране впечатление коллегиальной ответственности. Центральный Комитет, который собирался всего лишь трижды на протяжении последних 12 лет жизни Сталина, провел 5 пленарных сессий в течение 12 месяцев, последовавших после его смерти. Узкий Президиум, который руководил работой ЦК, обсуждал отдель-

ные инициативы и заседал с регулярной частотой. К обсуждению вопросов на этих заседаниях в определенных случаях привлекался довольно широкий круг заинтересованных лиц.

Новые руководители оказались вынужденными искать нового контакта с народом: они чаще появлялись и выступали публично. Даже в самом стиле администрации появились заметные нововведения. С 1 сентября 1953 г. были отменены бесконечные ночные бдения в учреждениях Москвы, вызванные когда-то привычками Сталина: рабочий день обычно начинался в 9 часов и заканчивался в 18 с учетом перерыва на обед продолжительностью один час[47]. Весь ритм жизни столицы, таким образом, изменился. Исторические дворцы Кремля, знаменитого архитектурного комплекса сооружений в сердце Москвы, который символизировал верховный центр государственной власти, были открыты впервые для посещения их туристическими группами.

Коллегиальный характер нового правления был не результатом лишь «верхушечного» соглашения между преемниками Сталина, а своего рода программным обязательством перед страной. Впервые оно было провозглашено в июне 1953 г. в статье в «Правде». В той же публикации появилось новое для советского политического словаря выражение: там критиковался «культ личности» как явление «вредное» и «антимарксистское», которое принижает значение масс, классов и партий в истории ради прославления лишь «героев-одиночек». После ареста Берии такие декларации делались все более настойчиво, и соответствующие положения были внесены в ряд партийных документов, где говорилось, что «культ» находится в противоречии с «высшим принципом» правильного руководства страной, которое как раз и определялось как «коллегиальность»[48]. Верховные руководители, члены Президиума ЦК партии с этого момента в печати перечислялись всегда просто в алфавитном порядке, а не согласно той скрытой и изменчивой иерархической шкале, сложившейся со времен Сталина, которая недолгое время сохранялась и после его смерти и в соответствии с которой Маленков и Берия ставились еще во главе списка перед всеми остальными.

Хотя первые публикации против культа выглядели как опусы инопланетян, с такой наивностью в них говорилось (как о якобы внезапно обнаруженном явлении) о том, что в последние годы пропаганда часто отклонялась от должного курса[49], тем не менее впечатление, произведенное ими, было очень сильным. Несмотря на то что в обоснование осуждения культа приводились цитаты из работ Сталина, нетрудно было понять, что речь идет о преклонении именно перед ним. Его имя, правда, не называлось, но даже и безличная критика аграрной политики и полицейской практики прошлого не могла не затрагивать того, кто был их основным творцом. После ареста Берии в частных беседах с советскими интеллектуалами и иностранными гостями новые руководители упоминали, что в конце жизни Сталин был «болен» и испытывал сильное пагубное «влияние»

министра внутренних дел[50]. В 1953 г. сталинские премии за достижения в науке и искусстве, присуждавшиеся ежегодно 21 декабря, не были распределены (исключение было сделано только для международных премий мира, учрежденных в более ранний период). В качестве причины были приведены малоубедительные соображения экономии. Из печати исчезли все обычные хвалебные выражения, которыми многие годы сопровождалось любое упоминание имени Сталина; однако его все еще причисляли к классикам марксизма и наряду с Лениным провозглашали основателем российской коммунистической партии.

В этих двусмысленностях и предосторожностях уже проявлялась та серьезная проблема, имевшая прежде всего политический, а не исторический характер, которая заключалась в выработке оценки покойного деятеля и его наследия; она так никогда и не была снята с повестки дня жизни советского общества. Снижение накала экзальтации по поводу его всеподавляющей личности осуществлялось скорее замалчиванием, а не четкой переоценкой ценностей. Оно сопровождалось все более частым обращением к Ленину[51]; но это был явно недостаточный ответ на то смятение чувств и сомнения, которые охватили страну.

Расследование прошлой деятельности полиции и ее арестованных главарей велось без особого шума, но оно пролило свет на бездну незаконных действий. Около 4 тыс. людей было выпущено на свободу в 1953 г.[52]; так была пробита первая малая брешь в сталинской репрессивной системе. Медленный процесс реабилитации продолжался в 1954 г., хотя о нем не объявлялось публично. Известия о первых отдельных случаях возвращения людей из мест заключения пока еще были достоянием только узкого круга членов их семей и близких друзей.

Это был период, который Илья Эренбург назвал счастливо найденным словом — «оттепель», время весны, когда перемены еще не устойчивы. Такие чувства царили среди населения страны, травмированного событиями последнего периода сталинского правления. Люди воспринимали самые необходимые меры правительства с надеждой, но и с сомнением: станут ли они устойчивым курсом, продолжатся ли и что принесут[53]? Повесть Эренбурга «Оттепель» была вскоре подвергнута нападкам в печати. Другого публициста, внесшего интонацию большей искренности в советскую литературу, остро критиковали бдительные хранители официальной идеологии[54]. В декабре 1954 г. в Москве собрался Второй съезд писателей (первый проводился в 1934 г.). На его заседаниях разгорелись дебаты; наиболее смелые ораторы начали дискуссию, хотя и довольно осторожную, о различных аспектах того наступления на культуру, которое велось в предшествующие годы; в печати их выступления появлялись в исправленном цензурой виде[55].

Первая фаза юридической ревизии событий прошлого затронула прежде всего наиболее поздние по времени приговоры по делам

крупных деятелей партии. Один пример был особенно свеж в памяти руководящих кадров: «ленинградское дело». Расследование его было возобновлено вскоре после ареста Берии, когда в порядке изучения его деятельности были допрошены даже те немногие заключенные, которые остались в живых. Общественности было объявлено о выводах по этому «делу» в декабре 1954 г.; все «дело» в целом было сфабриковано полицейскими службами. Основная ответственность за него была возложена на Абакумова, который был правой рукой Берии, а также на других прежних руководителей системы безопасности, которые и были приговорены к смерти[56]. Но расследование пролило свет и на то, что не только Берия и Абакумов участвовали в создании этого «дела». Вместе с Берией в Ленинград выезжал и Маленков, который принимал непосредственное участие в разгроме руководства городской партийной организации: один из его основных помощников, Андрианов, был назначен первым секретарем местного обкома вместо арестованного Попкова.

Пересмотр «ленинградского дела» привел к скрытому конфликту между Хрущевым и Маленковым, который находился в изоляции и был поставлен в весьма невыгодное положение. Он уже столкнулся с трудностями из-за своей прежней ответственности за состояние дел в аграрной сфере. Ряд его предложений также оспаривался некоторыми его коллегами по Президиуму ЦК партии. Та напыщенность, с какой он провозгласил курс на развитие легкой промышленности, подверглась критике всех, кто обычно поддерживал традиционный приоритет тяжелой индустрии. Такие же оговорки и сомнения вызвал и ряд его утверждений по вопросам внешней политики (что будет показано в следующей главе). Рассмотрение «ленинградского дела» привело теперь к тому, что его имя вместе с именем Берии фигурировало на одной из самых темных страниц недавнего прошлого. Наиболее достойным выходом, предложенным ему, был уход в отставку. Центральный Комитет партии был информирован об этом решении и о его причинах на новом Пленуме в январе 1955 г., который был официально посвящен обсуждению проблем развития животноводства[57].

Несколькими днями позже собрался Верховный Совет СССР. Маленков присутствовал на его заседании; письмо, в котором он просил об освобождении его от руководства Советом Министров, было зачитано очередным председательствующим на совместном заседании обеих палат 8 февраля. По предложению, внесенному Хрущевым, на этот пост был назначен Булганин. Этот короткий кризис предоставил благоприятный предлог для общей перестройки правительства. Министерство обороны, из которого ушел Булганин, было передано маршалу Жукову. Сельскохозяйственные учреждения возглавили люди, придерживающиеся хрущевской линии.

Письмо, которое Маленков был вынужден подписать, представляет собой весьма любопытный политический документ. В нем ничего или почти ничего не говорилось о закулисной реальной стороне

событий. Уходящий в отставку деятель принимал на себя вину за тяжелую разруху в деревне, отрекался от авторства в принятии мер по облегчению налогового бремени колхозников. Он вносил коррективы в свои программные заявления от августа 1953 г., провозглашая, что «подлинной основой» для развития сельского хозяйства и роста потребления является «опережающий рост» тяжелой промышленности. Наконец Маленков уплатил и по счету всей своей прошлой карьеры, протекавшей в верхах партийного аппарата: он просто унизительным для себя образом вынужден был согласиться признать собственную «неопытность» в делах управления государством и в экономике[58]. Хотя публично никаких иных объяснений не приводилось, внутри партии было сообщено, что роль Маленкова в «ленинградском деле» была основной причиной его отставки. Эта информация была распространена тем новым методом, который был впервые использован после ареста Берии: с помощью закрытого письма, в котором Секретариат ЦК партии знакомит членов партии с тем, о чем шла речь на последнем Пленуме Центрального Комитета. Такая информация не должна была выходить за пределы круга членов партии[59].

Первый секретарь

Смена главы Совета Министров вызвала изменение всего сложившегося баланса сил в верхах. Речь шла не только о личном перемещении отдельных деятелей, как бы важны они ни были; из всей триады, находившейся на первом плане после смерти Сталина (Маленков, Берия и Молотов), остался на посту только последний из трех деятелей, но и он имел все меньше и меньше самостоятельности в деле руководства внешней политикой. Смелые инициативы Хрущева по самым болезненным проблемам страны вновь привели к концентрации верховной власти и всего руководства в Секретариате ЦК партии. Роль, которую он сыграл в споре с Маленковым, и тот факт, что именно им выдвигалась кандидатура нового Председателя Совета Министров, официально подтверждали твердо установленное главенство Секретариата ЦК партии над правительством. Это, однако, не было какой-то аномалией в жизни советского общества; такое положение уже существовало на всех уровнях государственной администрации; оно было практически результатом применения сталинской концепции «приводных ремней». В республике ли, области или районе — повсюду и всегда первый секретарь местного комитета партии (обкома, райкома) занимал положение более высокое по отношению к председателю соответствующего исполкома Совета (облисполкома, райисполкома). Тот и другой занимали соответственно первое и второе место в местной иерархии. Так что ситуация в верхних этажах власти унифицировалась в соответствии с уже сложившейся пирамидой государства.

Коллегиальное руководство, однако, не отошло в прошлое. Оно

оставалось официальным принципом, который соответствовал подлинному положению дел. Президиум ЦК партии продолжал быть органом, наделенным правом принимать основные политические решения. Хрущев должен был считаться с целым рядом своих противников в его составе, особенно тем ядром, которое состояло из наиболее давних сотрудников Сталина (Молотов, Каганович, Ворошилов). По отношению к ним он выглядел выскочкой. Даже Маленков, хотя и дискредитированный и пониженный до ранга министра электроэнергетики, сохранил свой пост в составе Президиума ЦК: после обычных в прошлом для Сталина кровавых методов разрешения противоречий такое политическое решение конфликта в глазах страны и всего мира явилось знаком, подтверждающим смену курса. В составе Президиума ЦК партии Хрущев занял первое место не только по названию должности, но и фактически; но он оставался все же ограниченным в своих действиях, а положение его было не бесспорным.

Именно теперь необходимо более пристально взглянуть на эту сильную личность, вознесшуюся стремительно на вершину политической жизни после смерти Сталина. Не только в политической изощренности было дело, когда Хрущев стремился привлечь внимание к той разнице в опыте работы и в жизни, какая существовала между ним и Маленковым. В 1954 г. Хрущеву исполнилось 60 лет, на 8 лет больше, чем Маленкову. Он был выходцем из крайне бедных слоев и любил вспоминать об этом: работать начал с 13 лет, сначала пастухом, потом рабочим. Во время гражданской войны в рождающейся Красной Армии он был простым солдатом, а не командующим, как другие его сверстники. Образование он получил позднée, на рабфаке; Хрущев, таким образом, был продуктом того массового выдвижения новых кадров пролетарского происхождения, которое осуществлялось в 20-е гг. Если политическая карьера Маленкова делалась в центральном аппарате партии, то карьера Хрущева — в периферийных и местных организациях, включая парторганизации города Москвы и Московской области: он работал сначала в Донбассе, затем — в столице, позднее — на Украине, во время войны — на основных южных фронтах, потом — снова в Киеве и, наконец, опять в Москве. Только на этом последнем этапе он оказался в крайне узком кругу основных соратников Сталина.

Как и другие руководители с периферии, он не раз попадал в конфликтные ситуации с могущественной центральной властью; часто он уклонялся от столкновений, но, бывало, и подвергался большому риску. Хотя был он русским, родом из Курской области, его подозревали в украинском национализме, когда он вновь занял пост партийного секретаря в Киеве. Он оказал сопротивление руководству плановых органов Москвы по ряду важных вопросов развития экономики сельского хозяйства в республике, которой он управлял[60]. В определенном смысле Хрущева можно считать последним (и единственным) выжившим из когорты тех сталинских «железных секре-

тарей», которые осуществляли индустриализацию, а затем были расстреляны в 1937 г. Хрущев сохранил многие черты, присущие этому типу людей, в частности огромный внутренний волюнтаристский заряд. Если быть более точным, в Хрущеве можно видеть переходную фигуру между двумя поколениями — первым поколением сталинских руководителей, в эпоху которых он был персонажем второго плана, и поколением последующим, поднявшимся после массового террора.

Хрущев был деятелем типично сталинской закалки, это не подлежит сомнению; вся его политическая жизнь протекала в самых недрах истории того СССР, каким его создал Сталин. Но сама эта история была процессом весьма сложным; вся она наполнена глубокими конфликтами, которые вновь и вновь возникали. Это не был какой-то унифицированный и прямолинейно развивающийся феномен, каким его стремилась представить теория «монолитности». Многие из этих событий, как выяснилось, породили в сознании Хрущева идеи, глубоко отличающиеся от концепции Сталина; ум его был плодовит на подобные инициативы на протяжении всего периода руководства правительством. Серьезные исследователи обращают внимание на то влияние, какое оказали на Хрущева технология и экономическое развитие Запада[61]. Но не этим он в действительности вдохновлялся. Не был он и чистым прагматиком, каким его часто представляют. В его мышлении наряду с оригинальными идеями мы видим черты возрождения проектов и предложений, характерные для самых различных периодов предшествующей советской истории: старые ленинские концепции, предложения и методы первого периода нэпа, мотивы, имевшие когда-то большое значение для обсуждения политических проблем, но задушенные затем в середине 30-х гг., пример чему мы уже видели в подходе к сельскому хозяйству. Хрущев проявлял большой интерес к тому, что происходило за рубежом, в особенности в наиболее передовых индустриально развитых странах. Их опыт оказал на него существенное влияние, когда он с ним близко познакомился, но и эта открытость к достижениям зарубежного мира не была чем-то совершенно новым в истории СССР, поскольку именно она была характерна для начальной фазы индустриализации, а этот период особенно был важен для формирования личности Хрущева.

Наслоения заимствований из прошлого опыта развития Советского Союза приводили к тому, что для манеры мышления Хрущева был характерен явный эклектизм в том смысле, что различные моменты этого исторического опыта складывались в его суждениях в причудливые комбинации, не будучи подвергнуты отбору зрелого осмысления, который характерен для подлинной культуры мысли. Одна черта поражала многих, кто близко знал этого человека: сочетание и чередование озарений острой и могучей мысли и тяжелых пробелов невежества, элементарных, упрощенных представлений и способности к тончайшему психологическому и политическому анализу[62].

От него нельзя требовать глубины теоретического мышления: никто из сотрудников Сталина не был на это способен. Сталин пресекал какую-либо оригинальность в этом плане. Враждебность Хрущева к Сталину возникла не на почве теории; она объяснялась более непосредственными политическими мотивами. Эта враждебность наверняка развилась уже в те годы, когда Хрущев оставался верен сталинским порядкам, но достаточно хорошо скрывал свои мысли, если они противоречили указаниям вождя. Трудно проверить, что́ именно думали другие сотрудники Сталина на протяжении предшествующих десятилетий. Не многие из них уцелели, как Хрущев. Можно представить, что отпечаток такой продолжительной раздвоенности всегда мрачной тенью лежал на всей последующей его политической деятельности. Трудно, однако, установить, когда начались эти скрытые расхождения. Возможно, они накопились в послевоенные годы; однако есть основание думать, что корни их уходят в более далекое прошлое. При всем том эта враждебность Хрущева к Сталину, несомненно, усилилась в период, когда он вместе с другими преемниками столкнулся с трудными проблемами, взяв на себя высшую ответственность управления государством.

Эти две личности были очень разными: Хрущев не приобрел черт харизматического вождя, никогда он не окружал себя тем ореолом таинства и легенды, которые так необходимы для того, кто стремится к подобной роли. Стране, привыкшей к немногословному вождю, роняющему с заоблачной высоты точно отмеренными дозами откровения, он предложил противоположный, повергающий в смущение стиль поведения: вкус к резкой полемике, ведению борьбы врукопашную, прямым столкновениям с людьми; он выступал с импровизированными речами в народном стиле, вдохновляясь порывистой горячностью и не пренебрегая выверенными и точно рассчитанными шутовскими приемами.

Политической язык его был чем-то совершенно необычным для советской общественной жизни. Речь его не была изысканной, но он часто вызывал уважение своим обезоруживающим реализмом. Хрущев говорил: «Мы свергли буржуазию не только для того, чтобы захватить власть, но для того, чтобы перестроить экономику, гарантировать нашему народу более высокий уровень жизни... Конечно, важно помнить, от какого исходного пункта мы начали движение. Царская Россия оставила нам небогатое наследство, но, товарищи, Советская власть существует уже 38 лет. Это немало. Стыдно должно быть нам возлагать всю вину на Николая II, умершего столько времени тому назад». Или еще: «Товарищи руководители, не обижайтесь, если я скажу вам, что многие из вас произносят хорошие речи, но урожаи от этого не увеличиваются. Вот в чем трагедия. Среди нас слишком много болтунов». Он даже громко повторил то, что говорили колхозники: «О каких опять успехах ведут разговоры, когда нам ни копейки не платят?» Или, обращаясь к сибирякам, которые в предшествующие годы гордились яблоками, выращенными в их суровом

климате благодаря неким фантастическим революционным методам, он возражал: «Да, но эти ваши яблоки вы и сами не едите»[63].

Хрущев вскоре подтвердил свою вихревую способность выдвигать инициативы. Под его руководством Секретариат ЦК партии превратился в деятельный центр. С 1954 г. в Москве и на периферии был созван ряд совещаний руководителей и специалистов, на которых обсуждались прежде всего проблемы сельского хозяйства, а затем и других основных отраслей народного хозяйства: Хрущев беспрестанно разъезжал по стране, проверял состояние дел, вмешивался в руководство, повсюду выступал с речами[64].

II. ДИПЛОМАТИЯ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Крах колониализма

Советские руководители после смерти Сталина подошли к сложным проблемам международного положения, опираясь на концепцию разрядки; она первой вошла в новый политический словарь. То, что они хотели перемирия с внешним миром в момент, когда резко возросли внутренние трудности, было естественно, но недостаточно: противники не уступили бы[1]. Заслугой преемников Сталина, которые почти не расходились в этом пункте, было то, что они начали кропотливую работу по обезвреживанию механизма «холодной войны». Само слово «разрядка», которым они выражали эту идею, напоминает об операции, с помощью которой разряжают взрывной механизм. Это было их первым нововведением во внешней политике. Сталин не отвергал «холодной войны». Его преемники пытались выйти из нее, ничем не поступаясь, но проявляя инициативу, расширяя международные связи, прибегая к более гибкой дипломатии, как это ни парадоксально, меньше ориентированной на оборону, чем сталинская. Уже этот выбор означал решительный пересмотр методов, которыми Сталин боролся с «холодной войной»[2]. Однако американская сторона не сочувствовала новому направлению. Творцом американской внешней политики был Джон Ф. Даллес — ярый противник разрядки. Он провозгласил своей целью «освобождение» стран, «в которых господствует коммунизм». Он пытался вдохнуть жизнь не только в Атлантический пакт, но и в другие военные союзы в Азии и на Среднем Востоке вокруг Китая и СССР. Он стремился ослабить позиции советской стороны, заставить ее уступать на переговорах. Если необходимо, говорил Даллес, нужно толкать их до «грани войны»[3]. Тем более важной стала для СССР политика, способная предотвратить угрозу фронтального столкновения.

Москва приветствовала большие изменения, происходившие в мире. 27 июля 1953 г. было подписано перемирие в Корее. Вьетнам достиг в это время важных военных успехов. В Индии, Бирме, Индонезии и Пакистане возникли непрочные, нищие, но тем не менее независимые государства. Революции, которые в конце предыдущего десятилетия привели к краху старой колониальной системы, распространились на Африку и Средний Восток. В Египте была устранена продажная монархия, удобная для англичан. В Иране правительство Моссадыка национализировало нефтедобычу. Тунис, Алжир, Марокко требовали независимости от Франции, причем в Алжире вооруженное восстание обострило борьбу. Даже в Латинской Америке маленькая Гватемала образовала левое правительство, которое в 1954 г. Вашингтону пришлось уничтожить силой.

Молодые государства боялись, что окажутся втянутыми в кон-

фликты между великими державами. Для укрепления собственного положения они стремились завязать многочисленные международные контакты. Весной 1954 г. Китай, Индия и Бирма достигли политического соглашения. Это было началом процесса, который год спустя привел к известной Бандунгской конференции в Индонезии: 29 стран, включая и Китай, встретились и наметили основные принципы самостоятельной политики. Так в мире родилась третья сила, не примыкающая к уже существующим блокам, антиколониальная по содержанию, которая сначала получила название «нейтралистской», затем проводившей политику «неприсоединения», так как она не примыкала ни к одному из участников «холодной войны».

Первые шаги в направлении разрядки были сделаны Москвой сразу же после смерти Сталина. 25 апреля 1953 г. новое правительство воспользовалось случаем — речью американского президента Эйзенхауэра, чтобы ответить необычной по форме программной декларацией в виде редакционной статьи на всю первую полосу в «Правде» и «Известиях». Смысл статьи состоял в заверении, что можно решить все нерешенные проблемы путем серьезных переговоров как в рамках ООН, так и напрямую: СССР был «со своей стороны готов к этому». Статья спорила с американцами, но спокойно и аргументированно, без тех выпадов общего порядка, которые были так часты в полемике предыдущих лет. Кроме того, ее авторы умели оценить разницу между тоном Эйзенхауэра и более агрессивными речами госсекретаря Джона Ф. Даллеса[4]. Более гибкой дипломатии требовал и Маленков в речи на заседании Верховного Совета в августе. Он отказался предъявить требования Турции и Ираку, отдал дань уважения правительству Индии и, наконец, провозгласил то, что должно было стать постоянным мотивом советской внешней политики: «Мы — за мирное сосуществование»[5].

Международными отношениями нового правительства занимались Маленков и Молотов. Наиболее новаторские заявления делал Маленков в соответствии со своей программой расширения внутреннего потребления. Все руководители, которые знали об уязвимости страны, были, как и Сталин, озабочены тем, чтобы не показать партнерам своего бессилия[6]. По разным причинам стремление к новым переговорам с Советским Союзом пробивало себе дорогу и в странах Западной Европы, где проявлялись первые признаки усталости от «холодной войны»; но вмешался старый Черчилль, который снова ненадолго стал главой английского правительства[7]. Запад надеялся получить у СССР односторонние уступки в обмен на разрядку. У Москвы были другие намерения: возобновление переговоров рассматривалось как новая передышка для внутренней и внешней политики СССР. Переплетение противоречивых интересов вызвало возобновление дипломатической активности. Результатом явилась встреча в Берлине в начале 1954 г. четырех министров иностранных дел: Франции, Англии, США и СССР, — первая после пятилетнего перерыва.

Берлинская конференция не привела ни к каким соглашениям по

основным обсуждавшимся темам — европейским. Она стала прологом второй встречи, поддержанной советской стороной, по азиатским проблемам. В этой встрече должен был участвовать Китай. Она открылась в Женеве в конце апреля 1954 г. Безрезультатно обсуждалось воссоединение Кореи, но для Индокитая встреча была более успешной. 7 мая, после долгой осады, вьетнамцы захватили крепость Дьенбьенфу, вызвав кризис французской военной машины на Севере Вьетнама. Американцы намеревались вмешаться в войну, но было поздно[8]. В Париже правительство пало и было заменено новым, которое решило заключить мир. 21 июля 1954 г. в Женеве было заключено соглашение. Лаос и Камбоджа стали независимыми. Вьетнам был временно разделен на две части вдоль линии, совпадающей с 17-й параллелью: на Севере — революционное правительство Хо Ши Мина, на Юге — правительство, угодное французам и американцам. Через два года страна должна была объединиться в единое государство в результате свободных выборов.

Это был первый успех новой политики Москвы. Героем дня в Женеве стал Китай, союзник СССР. Советские представители по этой причине играли там важную роль. Будучи сопредседателями совещания с англичанами и посредниками в наиболее трудные моменты, советские представители совместно с английскими стали гарантами соглашений. Противниками соглашения остались только американцы: они осудили конференцию как «катастрофу» и начали выполнение своих военных обязательств в Индокитае[9], что сделало затем невозможным намечаемое объединение Вьетнама и открыло дорогу злосчастной войне, в которую они оказались втянутыми спустя десятилетие. В тот момент они активизировали свою антикитайскую политику, заключив соглашение с Чан Кайши на Формозе и угрожая нападением на КНР, если он попробует захватить прибрежные острова, оставшиеся в руках Гоминьдана.

В эту эпоху Китай и Индия положили в основу своих отношений «пять принципов»: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование[10]. Так советская идея сосуществования между различными режимами нашла новое выражение и более точные дипломатические формулировки.

Тезисы Молотова

В то время как развивалась ситуация в Азии, в Европе оставалась замороженной немецкая проблема. В этом проявлялась замедленная эволюция советского мышления. Часто говорили, что перед своим арестом Берия требовал отказаться от идеи создания Германской Демократической Республики[11]. Это заявление напоминало одно из многих обвинений, выдвинутых в спешке, чтобы объяснить его устранение. Это, однако, не означает, что проблема Германии не обсуждалась советскими руководителями. Политика Сталина всегда остава-

лась двусмысленной в самой своей основе. С тех пор как во время войны он отказался от идеи раздела, его никогда не оставляла мысль о единой Германии. Образование демократической республики было для него уловкой. Вместе с оккупацией части Австрии она была его наиболее ценным козырем для решения всей проблемы, то есть в первую очередь контроля и разоружения Германии. Наиболее конкретное предложение он сформулировал в 1952 г., когда проекты перевооружения Западной Германии были уточнены в связи с образованием Европейского оборонительного сообщества. Москва предложила объединить страну путем свободных выборов под четырехсторонним контролем, вывести все оккупационные войска и даже упразднить Германскую Демократическую Республику в обмен на гарантию, что единая Германия не будет входить ни в одну военную коалицию[12].

Много раз задавался вопрос, был ли Сталин искренен[13]. На этот вопрос никто не может ответить, потому что собеседники Сталина, боясь, что не удастся внедрить западных немцев в их союз, даже не попытались проверить эти намерения на ответственных переговорах. Действительно, Сталин не был склонен к легкомыслию. Однако нейтрализация объединенной Германии должна была казаться ему разумной ценой, потому что отвечала его представлениям о будущем немецкой нации. Он считал, что ее можно будет восстановить и противопоставить соперничающим силам Запада, что определенно заставит ее искать союза с СССР[14]. Ликвидация ГДР в обмен на достаточную политическую компенсацию не была идеей именно Берии, даже если Берия ее активно поддерживал: она уже была заложена в сталинской дипломатии.

Преемники Сталина постепенно стали ориентироваться на другой путь — стабилизацию европейского положения по старому проекту разделенной Германии. Этот выбор был сделан не вдруг. К нему было трудно прийти прежде всего из-за неустойчивости международного соотношения сил. От решения немецкого вопроса зависело европейское равновесие в том смысле, что переход единой Германии на ту или другую сторону в «холодной войне» радикально изменил бы политические результаты второй мировой войны. Новые советские руководители, как и Сталин, были прежде всего озабочены тем, чтобы не допустить перевооружения Федеративной Республики Германии. Было бы понятно, если бы они стремились только ослабить своих противников. Страх перед Германией, способной предпринять реванш на Восток, возвращая сначала свои восточные районы, а потом и земли, уступленные Польше и СССР, не оставлял советских руководителей, напоминая о кошмарах недавней войны[15].

Москва все еще питала надежду, что согласием на объединение Германии сумеет добиться ее нейтралитета. Однако уже в Берлине в январе 1954 г. Молотов сделал это с большей, чем Сталин, осмотрительностью: он потребовал, в сущности, нейтрализации обоих немецких государств, оставив объединение лишь на отдаленную перспек-

тиву[16]. Он натолкнулся на другое препятствие: западные собеседники требовали единой, свободной и союзной с ними Германии. Соглашение об ЕОС было провалено французским парламентом в августе 1954 г., но под сильным американским давлением заменено два месяца спустя другим соглашением, по которому перевооружение Западной Германии осуществлялось непосредственно в рамках НАТО. Только тогда Советское правительство начало ясно излагать свои новые предложения, заявив, что реализация такого проекта закрепила бы раздел Германии на длительный исторический период[17].

Новая ориентация вырабатывалась в спорах более общего порядка, по которым еще недостает значительной части необходимой документации. Мы, например, не можем утверждать с уверенностью, что Маленков и Молотов, как подозревали, расходились во мнениях[18]. Мы это считаем вполне вероятным. Мы доподлинно знаем, что отставка Маленкова ненадолго выдвинула Молотова на первое место в советской внешней политике, так как и Хрущев, и Булганин не имели большого международного опыта. В тот день, когда Маленков оставил свой пост, Молотов выступил в Верховном Совете с пространным докладом, написанным иным языком, нежели речи Маленкова. Это было не просто дипломатическое выступление, а, скорее, амбициозная попытка проанализировать новую мировую действительность. Молотов опять говорил о стремлении СССР к переговорам, но, в отличие от Маленкова, снова рассматривал их в рамках самой классической из сталинских схем, той, которую защищал при рождении Коминформа: резкое противопоставление двух линий в мировой политике, двух неизбежно враждебных лагерей. Более того, по Молотову, эти два лагеря имели у себя и соответствующую экономическую базу благодаря формированию двух параллельных и противостоящих рынков, о которых говорил Сталин в своей последней работе. Не было и реальных возможностей соглашения между ними. Сама идея разрядки была представлена Молотовым как намерение прежде всего «разоблачать агрессивные планы» противников, которые состояли «в подготовке третьей мировой войны»[19].

Те же тайные пружины скрывались за проходившей в эти самые недели публичной дискуссией об атомной опасности. Маленков утверждал за год до того, что новая мировая война при современном военном оружии вызвала бы «конец цивилизации в мире»[20]. Заявление имело широкий международный отклик*. В начале марта 1955 г. журнал «Коммунист» утверждал, что это предсказание является лишь империалистическим пугалом, даже если оно и нашло, к сожалению, определенное распространение среди тех, кто борется против войны. Мировой конфликт, утверждал журнал, был бы концом

* Этот тезис был поддержан и Тольятти в его блестящей речи на заседании ЦК ИКП 12 апреля 1954 г. (L'Unità, 13 aprile 1954), опубликованной отдельно под названием «За соглашение между католиками и коммунистами ради спасения человеческой цивилизации». Тольятти не отказался от этих идей, даже когда они критиковались в Москве.

не цивилизации, но «разлагающейся капиталистической системы», которая только и могла породить его. Народы поняли бы необходимость революционного разрушения империализма. Как и в конце сталинского периода, этот тезис выводился из опыта двух предыдущих войн: первая вызвала революцию в России, вторая — в Китае и в странах народной демократии. Не было «причин сомневаться», что в третьей мировой войне народы нашли бы такое же решение. По этому поводу вспоминали о призыве Коминформа «не недооценивать» свои силы и «не переоценивать» силы противника[21].

Вся эта полемика подсказывала, что в падении Маленкова, кроме уже упомянутых мотивов — «ленинградское дело» и разногласия по аграрной политике, — сыграли свою роль и его внешнеполитические установки. Это помогает лучше понять смысл еще раз повторенного тезиса о приоритете тяжелой промышленности как базы военной мощи страны[22]. Таким образом, казалось, что его отставка произошла по решению коалиции внутри Президиума, достаточно однородной и по составу, и по политике.

Однако коалиция оказалась не столь однородной, сколь непрочной. То, что Молотов был представителем иной ориентации во внешней политике, что он продолжал линию, проводившуюся в прошлом Сталиным, ясно и из более поздней критики «догматизма», которая была направлена против него[23]. Но из этого следует также, что его коллеги не были расположены долго следовать за ним. Тезисы его речи и статьи из «Коммуниста» были потихоньку забыты, а его влияние сошло на нет. Уже в тот момент нашлись люди, пожелавшие дезавуировать их автора. В дни знаменитой сессии Верховного Совета трем американским журналистам, находившимся в Москве и уже встречавшимся с Молотовым, удалось получить три уникальных интервью с новыми лидерами: Хрущевым, Булганиным и Жуковым. Булганин говорил мало. Он оказался в затруднительном положении, так как, будучи Председателем Совета Министров, был вынужден подтвердить, что речь Молотова полностью отражала позиции правительства. Хрущев же, наоборот, воспользовался случаем, чтобы высказать и расширить идею мирного сосуществования[24].

По одному конкретному вопросу — решению австрийской проблемы — Молотов тут же оказался в меньшинстве. Хотя уже с 1945 г. в Вене было сформировано единое правительство всей страны, Австрия, еще оккупированная победителями, не имела полной независимости. СССР постоянно ставил заключение договора, который должен был определить ее международный статус, в зависимость от удовлетворительного решения немецкого вопроса. Еще в своей речи на заседании Верховного Совета Молотов говорил о связи между двумя проблемами. Только несколько недель спустя, в конце марта, Советское правительство изменило свою позицию, разделив эти два вопроса и дав понять, что согласно заключить договор в обмен на австрийское обязательство постоянного нейтралитета, аналогичного швейцарскому[25]. С этого момента переговоры значительно ускори-

лись. Представительная делегация венского правительства прибыла в Москву и приняла советское предложение. После этого соглашения СССР, США, Великобритания и Франция за несколько недель закончили текст договора, который был подписан 15 мая. Позднее Москва указывала, что Молотов «затормозил» всю операцию: это утверждение могло означать только, что он противился принятому решению, тому, которое, разделяя немецкую и австрийскую проблемы, сделало возможным соглашение с Веной и западными правительствами[26]. Но это усложнило принятие второго решения: окончательный отказ от единства Германии.

Наиболее резкое столкновение с Молотовым состоялось немного позже в Президиуме ЦК по поводу знаменитого примирения с Югославией. Это был один из важнейших моментов послесталинского периода в истории СССР, и мы вернемся к нему в одной из ближайших глав. Сейчас достаточно напомнить, что Молотов противился этой инициативе и театральности, которую ей придало руководство Хрущева. Он не поехал в Белград. В Москве он нашел поддержку у Кагановича. Вопрос был обсужден после возвращения советской делегации из Югославии на важном Пленуме ЦК в начале июля 1955 г. Молотов и Каганович остались в изоляции[27]. И об этом эпизоде партийные организации были проинформированы через новое закрытое письмо[28]*.

Две Германии

Сближение с Югославией и заключение договора с Австрией благоприятствовали советской политике мирного сосуществования: два самых опасных очага напряженности в Европе были погашены. Последствием этих событий было первое проявление обновленной дипломатии переговоров. Идея новых прямых контактов между главами правительств, а не министрами иностранных дел завоевала популярность в мире. Москва согласилась не поручать международные переговоры одному Молотову[29]. В июле 1955 г. в Женеве состоялась четырехсторонняя встреча на высшем уровне, спустя 10 лет после аналогичной встречи в Потсдаме. От США прибыл Эйзенхауэр, от Великобритании — Иден, от Франции — Фор. Советский Союз направил большую делегацию в составе Булганина, Хрущева, Молотова и маршала Жукова. Чтобы подчеркнуть изменение стиля по сравнению со временем Сталина, новые советские руководители держались в Женеве с большой непринужденностью, ездили в от-

* После этого столкиовеиия советское руководство публичио отмежевалось от доклада Молотова иа заседаиии Верховиого Совета. Это было сделаио посредством «самокритичиого» письма, которое сам Молотов должеи был иаписать для отречеиия от «теоретически ошибочиой и политически вредной» фразы из речи, в которой ои утверждал, что в СССР создаиы лишь «осиовы» социализма, а ие полиое социалистическое общество (Коммуиист, 1955, № 14, С. 127—128; см. выступлеиие Микояиа иа XXII съезде: XXII съезд КПСС.., т. I, С. 447). Покаяиие Молотова иосило условиый характер, так как ие касалось, даже косвеиио, спориого вопроса — виешией политики.

крытых машинах с малым эскортом и охотно позволяли людям приближаться к себе. Однако они добились скорее психологических эффектов, чем дипломатических результатов: после многих лет «холодной войны» два враждебных лагеря снова стали встречаться, дискутировать, вести переговоры без побежденных и победителей (для СССР, чья позиция была наиболее слабой, это уже был успех).

По конкретным проблемам — немецкий вопрос, европейская безопасность, разоружение и развитие отношений между Востоком и Западом — особых успехов не было. Слишком велико было недоверие, накопившееся между обеими сторонами. Основными темами переговоров оставались европейская и германская проблемы. Три западных правительства не хотели отказываться от своей идеи объединения Германии путем свободных выборов, оставляя за ней право вступить в НАТО. Советская сторона представила свои новые позиции. В конфиденциальной беседе Булганин объяснил Идену, что не может вернуться домой с таким решением: народ и армия не поймут его, они скажут, что Сталин никогда не допустил бы ничего подобного[30]. Единство Германии, по мнению СССР, может быть осуществлено только в будущей системе коллективной безопасности для всей Европы. Было подчеркнуто, что пока это лишь первый проект системы, которую можно будет частично создать лишь 20 лет спустя. По пути на родину советская делегация остановилась в Берлине, показывая, что вопрос о ГДР больше не обсуждался. Хотя в Женеве и была найдена приемлемая компромиссная форма инструкций, которые, как предполагалось, главы правительств должны оставить будущему совещанию министров иностранных дел, однако когда те собрались осенью, то ничего не смогли решить.

Однажды выбрав новую линию, советские руководители действовали последовательно. В январе 1955 г. они объявили, что больше не считают себя в состоянии войны с Германией. В мае 1955 г. в Варшаве состоялась конференция, подготовленная на первой встрече в Москве в конце 1954 г. На ней СССР и страны народной демократии, включая ГДР, подобно странам НАТО, заключили союз, который ставил под единое командование все их вооруженные силы (к Варшавскому Договору и его организации мы вернемся). Наконец, в сентябре 1955 г. советские руководители пригласили в Москву главу западногерманского правительства Аденауэра. Отвергая, конечно, его стремление говорить от имени всей Германии, они официально признали его государство и освободили последних пленных, которых держали как военных преступников. Так СССР со своей стороны признал раздел Германии на два самостоятельных государства, разных по социальной системе, но равных по международным правам. Оставалось, правда, добиться более широкого юридического признания этой реальности, а это было нелегко. И самому Аденауэру, наиболее жесткому противнику этого, пришлось сделать первый шаг.

В результате окончательного раздела Германии в 1955 г. завер-

шилась организация новой, стабильной послевоенной Европы, состоящей из двух противоборствующих блоков, отделенных только на севере и на юге узкой полосой нейтральных стран (среди них была и Финляндия, которая в этот период самостоятельно продлила на 20 лет свой договор о дружбе с СССР, а Советский Союз отказался от своей военной базы Порккала-Удд на финской территории).

Мост к «третьему миру»

Был отмечен успех советской дипломатии в ООН. Прием новых членов в организацию был закрыт в течение многих лет, потому что американцы отвергали просьбы союзников СССР — Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, Монголии. Москва со своей стороны не принимала другие кандидатуры, потому что продолжалась дискриминация ее друзей. Любое одностороннее решение становилось невозможным из-за права вето. Более 16 стран, включая и нейтральные, ожидали у дверей ООН. В конце 1955 г. под сильным международным давлением США вынуждены были согласиться возобновить прием[31].

В ООН начались большие перемены. Постепенно укреплялась мысль, что организация должна быть всемирной. Соотношение сил в ней изменялось, и не потому, что СССР насчитывал большое число союзников. Постоянный приток новых независимых государств Азии и Африки усиливал блок неприсоединившихся стран, которые сделали своей принципиальной политикой борьбу против колониализма. Это заставило их враждебно относиться к державам НАТО и симпатизировать СССР и его союзникам. Правда, вне ООН оставался Китай, чье место продолжало занимать смещенное правительство Чан Кайши; но уже кончалась эпоха, когда американцы могли действительно контролировать ООН, имея гарантированное большинство голосов.

Самым важным результатом новой советской дипломатии стали связи со странами, сбросившими иго колониализма. Жемчужиной этой политики были отношения с Индией. В июне 1955 г. премьер-министр Неру посетил СССР. В ноябре — декабре Булганин и Хрущев совершили официальный визит в Индию, Бирму и Афганистан продолжительностью более месяца. Советская сторона отказалась от прежних оговорок в отношении политических позиций Ганди и Неру[32]. В каждой стране оба руководителя СССР развивали активную деятельность, не ограничиваясь переговорами с местными руководителями: выступали на митингах, в парламенте, встречались с журналистами, посещали города, деревни, предприятия. Совместно с Индией они одобрили пять принципов мирного сосуществования. Они установили, наконец, экономическое и культурное сотрудничество с теми государствами, которые раньше почти не имели контактов с СССР (за исключением Афганистана)[33].

Поездка в Азию явилась началом политики помощи и кредитов

недавно освободившимся странам, которые после Бандунгской конференции стали называть «третьим миром». Возможности Советского Союза были ограничены, так как он продолжал испытывать значительные экономические трудности. Однако молодые государства оценили эту помощь, потому что это дало им независимость от богатых колонизаторов прошлого.

В Египте, руководимом революционным правительством Насера, репрессиями задушили слабую местную компартию. В то же время Египет требовал вывода последних английских войск из страны. Он обратился к СССР с просьбой о приобретении оружия для усиления национальной армии и получил его через Чехословакию[34]. Это было первое соглашение с широкими кругами националистического арабского движения, которое парализовало попытки американцев и англичан создать на Ближнем Востоке новый антисоветский блок. Этот путь и сейчас полон и успехов, и разочарований. Так советская дипломатия вышла на более широкую международную арену.

Поворот к внешнему миру

Новая ориентация внешней политики опиралась на внутреннюю эволюцию СССР после смерти Сталина и сама, в свою очередь, оказывала на нее влияние. От критики органов безопасности и состояния сельского хозяйства перешли к обновлению других сфер: прежде всего военной, где проявились ранее скрытые проблемы. У СССР были разные типы как атомного оружия, так и ракет и бомбардировщиков для его использования на расстоянии. Это придавало его представителям большую уверенность на международных переговорах. Но на широком использовании нового оружия базировалась и стратегическая доктрина американцев, синтезированная в неопределенной, но угрожающей формуле «массированного возмездия»[35]. Советские генералы должны были придумать ответ. Возвращение Жукова в Москву, ограничение власти органов государственной безопасности и роль армии, пусть даже и подчиненной партии в соответствии с классическим советским законом, в победе над Берией усилили политический вес вооруженных сил и придали военным известную автономию в сфере их компетенции. После анабиоза последних сталинских лет в конце 1953 г. появились признаки нового мышления, начались дебаты по проблемам современной войны[36].

1954 г. означал, по свидетельству надежных источников, важную дату в развитии советской военной науки: с этого года началась разработка широкого комплекса проблем, относящихся к ведению операций с использованием атомного оружия. Те же источники описывают столкновение между теми, кто подчеркивал революционизирующий эффект новой военной техники, превосходящей все прошлые изобретения, включая и порох, и теми, кто продолжал, как и Сталин, считать, что она не смогла изменить основных черт войны[37]. В ходе дебатов большее внимание было уделено фактору внезапности и

опасностям неожиданного нападения. Из-за этого был возобновлен анализ операций последней войны, в частности ее начальной фазы. При этом военные не могли не думать о мере ответственности Сталина за первые поражения СССР. Она была не только реальна, но и снимала часть вины с командного состава. Исторические исследования были начаты в 1955 г. и до сих пор остаются секретными[38]. Однако как только была обнаружена неподготовленность СССР в 1941 г., стало невозможным скрывать самое главное: уничтожение военных руководителей в 1937 г. Предъявленные им обвинения лежали несмываемым пятном на армии.

Экономика тоже нуждалась в переменах. Пятилетка 1951—1955 гг., план которой был с запозданием принят в 1952 г., приближалась к концу. Было объявлено, что она выполнена успешно[39]. Но в действительности, как и все предыдущие планы, она была выполнена частично и неравномерно, то есть в основном в отраслях тяжелой промышленности. Преемники Сталина должны были признать, что управлять экономикой, пользуясь однобокими критериями, больше невозможно. В 1953 г. они оказались пленниками своего же плана, одобренного несколькими месяцами ранее, который в действительности не соответствовал внутренним и внешним реальным потребностям. В последние два года пятилетки им пришлось на ходу придумывать новые годовые планы производства, а не следовать предписаниям старого варианта пятилетки.

Имея в 1955 г. 45 млн. *т* стали, около 400 млн. *т* угля и более 70 млн. *т* нефти[40], СССР досрочно достиг уровня, который Сталин в 1946 г. считал достаточным, чтобы защитить страну от любой случайности. Однако московские руководители спохватились, что далеко отстали от уровня более развитых западных стран, где в это время началась техническая революция, которая влияла также и на образ жизни и труда широких народных масс.

Пленум ЦК, который в июле 1955 г. обсудил сближение с Югославией и разногласие с Молотовым, заслушал также и доклад Булганина о промышленности. Известный, а в некоторых областях и значительный рост советского потенциала не компенсировал низкой, по сравнению с другими странами, эффективности: техническое отставание возросло. Многие модели машин, создаваемых в СССР, оказались хуже соответствующих зарубежных моделей. Новейшие предприятия строились по устаревшим проектам. Советская промышленность страдала от недостаточной специализации. Качество ее продукции было часто низким. К тяжелым последствиям приводил недостаточный рост производительности[41]. Булганин наметил ряд мер, но в целом его доклад содержал лишь общие наметки решения некоторых проблем. Рядом с новыми, ясными и необходимыми предложениями (децентрализация в управлении экономикой) были и другие, старые, например усиление обязательности плана, его важности как государственного закона, как будто этого было достаточно для устранения противоречий в экономике (это еще более волюнтарист-

ское, чем в период первой пятилетки, предложение подкреплялось цитатой из работ Сталина). В действительности нужен был новый стимул для развития экономической мысли, долгое время инертной[42].

Пересмотр всех позиций, из области сельского хозяйства распространившийся на всю советскую экономику, имел известный политический резонанс. Полная секретность, которой были окружены не только военные, но и гражданские предприятия, вредила прежде всего СССР. Исследовательские институты порой занимались одними и теми же проблемами из-за того, что не знали работ друг друга. Изоляция от внешнего мира тормозила развитие исследований[43]. Хрущев и его советники пришли к выводу, что преодолеть затянувшийся кризис деревни можно, лишь используя лучшее из опыта зарубежного сельского хозяйства. К тому же заключению они пришли и в отношении других отраслей экономики.

Уже в январе 1955 г. Хрущев счел достойными подражания некоторые методы ведения сельского хозяйства в США. Несколько позже он заявил американским журналистам, что в Америке есть много хорошего. Он добавил, что обе страны могли бы ужиться без отказа от их политических и социальных систем[44]. В резолюции Пленума Центрального Комитета в июле 1955 г. советским организациям предлагалось улучшить организацию технической и научной информации, расширить связи с зарубежными научно-техническими институтами, обмен информацией и приобретение технической литературы за рубежом[45]. Сейчас это само собой разумеется, но после стольких лет националистической экзальтации, разрыва контактов, хвастливых заявлений о превосходстве советской техники это постановление выглядело необычно.

В 1955 г. в СССР была сделана первая попытка открыть окно во внешний мир. О шовинистической пропаганде последних сталинских лет тихо забыли, не критикуя ее и не напоминая о нанесенном ею ущербе. В 1955 г. в советских посольствах был создан пост атташе по сельскому хозяйству, обязанного передавать в Москву информацию и предложения. Хрущев отмечал, что такие маленькие страны, как Голландия или Дания, получали результаты более утешительные, чем СССР[46]. СССР стал направлять за границу делегации специалистов-исследователей. Печать начала писать не о том, что плохого произошло в других странах, а о том полезном, что можно там найти[47]. Так же вели себя советские руководители, выезжая за пределы страны. (Хрущев и Булганин в апреле 1956 г. посетили Великобританию.) Обновляя контакты с зарубежными правительствами, Москва постоянно предлагала расширять торговые отношения: это был ее козырь в странах Западной Европы, которые начали терпеть ущерб от длительного эмбарго, объявленного американцами[48].

Новые отношения с внешним миром не могли ограничиваться экономикой и техникой. Верховный Совет установил прямые контакты и начал обмен делегациями с парламентами других стран[49]. Быстро росло число иностранных журналистов, аккредитованных в

Москве. Оказалось, что даже проблемы ядерной энергии можно значительно меньше засекречивать. Советские ученые приняли участие в первом большом международном конгрессе по мирному использованию атома и представили интересные и оригинальные исследования. Значительная часть секретнейших исследований становится с этого момента достоянием общественности[50]. Позже Микоян, один из сторонников новой внешней политики, сказал: «При этом были отброшены некоторые закостенелые формы работы нашей дипломатии, наших внешнеторговых и экономических органов в их отношениях с иностранными государствами и гражданами этих стран, ликвидирована изоляция советских общественных и государственных организаций от внешнего мира, расширены контакты между советскими и зарубежными государственными, партийными деятелями и общественными организациями»[51].

Разногласия в коллегиальном руководстве

Уже это высказывание Микояна свидетельствовало о разногласиях в Советском правительстве. Одна за другой разрушались догмы — сначала это слово воспринимали всерьез, потом — не без иронии[52]. В этих условиях было трудно и рискованно сохранять преемственность со сталинским прошлым. В самой структуре Советского государства и его экономической организации произошли важные изменения: многие промышленные предприятия перешли из ведения союзных министерств в Москве в ведение республиканских министерств. Понемногу менялось соотношение между полномочиями центра и периферии: республиканские министерства контролировали в 1956 г. 55 % промышленного производства (против 31 % в конце сталинского периода)[53]. Это был результат нового равновесия между возрастающей политической централизацией и стремлением к большей экономической целостности.

Разногласия по поводу вводимых изменений и их пределов постепенно поколебали сплоченность послесталинского руководства. В трудные месяцы 1953 г. было принято обязательство сохранить коллегиальность, твердое единство, монолитность[54]. Но это было лишь кажущееся единство. На Пленуме в июле 1955 г., том самом, где остались в меньшинстве Молотов и Каганович, в Президиум ЦК были введены два новых лица: Суслов, секретарь ЦК, который при Сталине занимался Коминформом и внешними связями, и Кириченко, новый руководитель на Украине. Первоначальное единство наследников Сталина было основательно разрушено.

Личные отношения между такими людьми, как Молотов, Маленков, Ворошилов и Каганович, были отравлены атмосферой, существовавшей в тесном кругу старейших сталинских «товарищей по борьбе»[55]. Были и известные психологические препятствия против политической коалиции, но во второй половине 1955 г., в новых условиях, такие разные, враждующие между собой люди оказались вместе в

оппозиции к другим. Это была первая явная оппозиция за четверть века.

Позднее в описаниях этого периода Молотов нередко выглядел совершенно беспомощным министром иностранных дел, когда оценивал новые шаги Советского Союза: от тех, что он называл увлечением дипломатией верхов, до впервые принятых обязательств в отношении «третьего мира». Он также все более неодобрительно высказывался о новой внутренней политике, будь то в области сельского хозяйства или по вопросу об усилении самостоятельности союзных республик[56]. Правда, его противники заговорили об этом только тогда, когда он потерпел поражение, но от этого обвинения не кажутся менее убедительными, так как подтверждаются всеми его действиями.

Его сопротивление нововведениям объединило остальных членов Президиума, в котором, однако, вместе с ним были и другие недовольные (Маленков, Каганович), что создавало предпосылки для возникновения настоящей оппозиции.

Разногласий становилось все больше. После пересмотра «ленинградского дела» в 1955 г. расследование деятельности сталинской полиции проводилось особенно активно. Росло давление не только миллионов заинтересованных людей, но и влиятельных слоев советского общества: военных, отдельных групп интеллигенции и инженерно-технических работников. Реабилитация постепенно разворачивалась по судебным каналам. Трудно установить, сколько было реабилитировано между 1954 г. и первыми месяцами 1956 г. Позднее Хрущев говорил о 8 тыс. человек, другой же источник приводит цифру 12 тыс., в основном бывших руководителей партии[57]. Насколько мы можем судить по личным свидетельствам, опубликованным позднее, эти оценки кажутся заниженными. Одновременно с реабилитацией проводилась амнистия всех бывших военнопленных, интернированных по возвращении в СССР[58]. Вернувшиеся из лагерей люди стали все чаще появляться в различных сферах общественной жизни. Однако из-за длительности процедуры и сопротивления части политического и судебного аппарата процесс этот шел медленно[59].

Но он все же достиг таких масштабов, что потребовался более тщательный подход. Новые руководители создали комиссию по расследованию всех сталинских репрессий начиная с 30-х гг. Ею руководил один из секретарей ЦК, Поспелов, который сам был одним из столпов сталинского культа. В его докладе, предназначенном только для Президиума ЦК, не приводилось ни обоснования законности массовых репрессий, ни указаний на обстоятельства, смягчающие вину Сталина, который явно был их инициатором. В наиболее сложных случаях, касающихся военных руководителей или бывших членов партийного руководства (Чубарь, Косиор, Постышев, Эйхе), сам Президиум ЦК занимался этими делами и приходил к тем же выводам[60].

В этот момент новое руководство, сделавшее возврат к «социалистической законности» одним из программных обязательств, ока-

залось вынужденным принять глобальное решение об ужасных последствиях произвола, которые еще довлели над страной. Эта тема волновала всех не только потому, что с этим прошлым была связана вся политическая жизнь каждого высшего советского руководителя, но и потому, что неизбежно омрачала несколько десятилетий истории СССР. Резкой переоценке противилась группа старейших сталинцев: Ворошилов, Молотов, Каганович, Маленков. Они не оправдывали террор прошлого. Их взгляды сформулировал Молотов, который заявил, что речь идет об «ошибках» достаточно тяжелых, но «неизбежных при решении столь больших и сложных исторических задач»[61].

Новый тур полемики начался в конце 1955 г. в связи с плохими результатами освоения целины. В целом урожай в том году в СССР был хорошим, даже лучше, чем в любом из предыдущих лет. Однако прогресс был достигнут в основном за счет старых зерновых районов, где начали ощущаться плоды реформ, осуществленных в 1953—1954 гг. Напротив, разочаровывающим оказался сбор с новых земель, уже освоенных на широком пространстве, но пострадавших от плохих климатических условий и скверной организации: в среднем 3,5 *ц* с *га*[62]. Плохой урожай на целинных землях деморализовал тех, кто осваивал эти земли: многие добровольцы освоения целины уехали обратно; руководители новых аграрных хозяйств уходили в отставку; партийные организации этих областей охватило уныние[63]. Хрущев продолжал поддерживать свой проект, но явно перешел к обороне. Молотов, Маленков и Каганович, не верившие в целину с самого начала, упрекали его в ошибке, потому что вложенные в целину средства могли бы дать, по их мнению, больший эффект, если бы были предназначены для традиционных зерновых районов[64].

В такой обстановке открылся XX съезд партии, первый после смерти Сталина. Решение о его созыве принял Пленум ЦК в июле 1955 г. Были определены два главных докладчика: Хрущев — с Отчетным докладом и Булганин — о наметках новой пятилетки. В целом оба могли говорить довольно авторитетно.

III. XX СЪЕЗД КПСС

Предложения Хрущева

Руководители партии после смерти Сталина так быстро провели реформы и сделали столько нововведений, что страна, еще травмированная строгостью последних сталинских лет, не успела что-либо понять и отреагировать. Однако «оттепель» способствовала возбуждению общественной жизни. К началу 1956 г. закончился период неопределенности. И в центре, и на периферии все большее число людей проявляло инициативу, поощрялось более активное участие в различных формах политической деятельности. Сначала вопросов было немного, и все они концентрировались вокруг самой больной проблемы — репрессий, которые неоднократно по нескольку лет обрушивались на страну и партию.

Начали проявляться нерешительность и сопротивление пересмотру сталинского наследия, которые шли сверху. Они исходили не только от персонала старой полиции, в основном замененного, но и от руководящего аппарата, связанного идеологически, экономически и организационно с политикой Сталина. Здесь-то и коренилась причина разногласий в Президиуме ЦК партии. Принцип единства, монолитности, возведенный Сталиным в железный закон, препятствовал открытому проявлению разногласий: руководящая группа шла на съезд внутренне расколотой, но внешне объединенной вокруг единой политической платформы.

XX съезд КПСС проходил в Москве в Большом Кремлевском дворце с 14 по 25 февраля 1956 г. Он должен был стать решающим этапом в истории СССР и коммунистического движения. После него многое могло бы измениться. Это был момент, когда можно было легко избавиться от наследия Сталина. Однако все это произошло не в один день. Шло медленное вызревание, и решающий жест был сделан в конце дебатов.

Началось обсуждение анализа нового международного положения и места в нем СССР. В Отчетном докладе Хрущева, максимально, насколько возможно, согласованном коллегиальным руководством, был объявлен конец ужасной эре «капиталистического окружения» и «социализма в одной, единственной стране» благодаря созданию «мировой социалистической системы», включающей различные государства. Вся вторая часть была посвящена распаду старой колониальной системы. Говорилось, что капитализм не может выйти из своего «общего кризиса». В отличие от деклараций конца сталинского периода в докладе уточнялось, что это не означает, будто он становится неспособным развиваться, особенно экономически, но развитие происходит в беспорядочных и уродливых формах, обостряя его внутренние противоречия. В докладе провозглашался отказ от пред-

ставления о мире, разделенном только на два открыто враждебных лагеря. Отмечалось, что вне противостоящих союзов создается «обширная зона мира», в которую входят, кроме социалистических стран, страны Европы и Азии, которые выбрали позицию «неприсоединения». Кроме того, между двумя системами укрепились отношения мирного сосуществования.

Эта формула, как мы уже видели, не была новой: она появилась в конце сталинского периода и стала программным принципом советской внешней политики. Однако в речи Хрущева на нее был сделан особый упор: во-первых, четко подразделялись межгосударственные отношения и революционная борьба, которая считалась «внутренним делом» каждой страны; во-вторых, и главное — сосуществование выдвигалось в качестве единственно возможной альтернативы «самой разрушительной в истории войне». «Третьего не дано», — сказал Хрущев[1]. Он развил свою мысль, заявив, что войны больше не являются «фатально неизбежными». Правда, коммунистическая теория, как это было сделано и на предыдущем съезде, всегда утверждала, что войны будут происходить, пока существует капитализм. Однако, утверждал Хрущев, это не совсем точно: в мире существуют силы, способные нарушить эту неизбежность.

Хрущев снова вернулся к тезису, отвергнутому в 1947 г., о различных путях, или формах, перехода к социализму. Он заявил, что уже в прошлом, как показал опыт Китая, Югославии и Восточной Европы, эти пути были различны, а в будущем станут еще более разнообразными. Он не исключал мирного развития в отдельных странах и высказал предположение, что сам парламент мог бы использоваться для достижения социализма[2]. Впервые после 1947 г. советский руководитель выразил сожаление о политическом разрыве, расколе, существующем в рабочем движении многих стран, и высказался за возобновление сотрудничества с социал-демократией, указав в своих политических тезисах, на какой основе возможно соглашение[3].

Поскольку доклад Хрущева был плодом скорее коллективной, чем личной работы, он не был свободен от противоречий, особенно в заключительных пунктах, неточных или чрезмерно оптимистичных. Интересно, что он пытался найти опору в прошлом советской мысли, где ее вряд ли можно было найти (например, идею мирного сосуществования он приписывал Ленину), и в то же время игнорировал другие важные теории, к которым можно было бы обратиться (послевоенные проекты разных путей к социализму). Представленные от имени всего руководства, его тезисы вызвали недоверие у Молотова, который на съезде защищал их неполностью и с оговорками[4]. Доклад, плод компромиссов, не был до конца последовательным. Однако это была серьезная попытка отказаться от старых доктринерских схем и стимулировать политическое мышление в СССР и за границей. Впервые за много лет была сделана попытка трезво взглянуть на мировую реальность, рожденную в антифашистской и революцион-

ной борьбе. Впервые был предложен реальный выход из тупика атомной эры. СССР снова проявил способность к лидерству в идейной сфере.

В докладе Хрущева впервые были систематизированы реформы трех последних лет и намечены перспективы эволюции. Многие экономические и политические проблемы были рассмотрены с другой точки зрения. Некоторые заявления, сделанные после смерти Сталина, приобрели особое, программное значение. «Мы должны, — сказал Хрущев, — всемерно развивать советский демократизм, устранять все, что мешает его всестороннему развертыванию». Он говорил и об «укреплении социалистической законности», о том, что нужно бороться с любым проявлением произвола. Особо он отметил «восстановление выработанных Лениным норм партийной жизни, которые прежде часто нарушались»[5]. В чем состояли эти нормы и почему они нарушались, он не сказал; так же неопределенно говорилось в докладе о двух других пунктах. Итак, демократия, законность и ленинские нормы партийной жизни — эти три обязательства, взятые на себя съездом, должны были означать отход от прежней, сталинской практики.

Однако в докладе говорилось не обо всем. Имя Сталина было названо лишь дважды, когда речь заходила о его смерти[6]. Деятель, несколько десятилетий воплощавший в себе жизнь общества, еще за два месяца до этого упоминавшийся «Правдой»[7] с большим почтением, полностью исчез из иконографии съезда.

Критика культа была прозрачной, но имя Сталина не называлось[8]. Такое умолчание, как теперь ясно, было частью достигнутого в Президиуме ЦК компромисса, который позволил сформулировать единую платформу: Сталина не касаться, пересмотр прошлого ограничить узкими рамками, виновником всех нарушений законности объявить Берию[9]. По сложившейся при Сталине традиции все лидеры партии должны были выступить на съезде. То, что они умалчивали одно и то же, производило особенно тяжелое впечатление.

Нарушил молчание Микоян. Почему он сделал это и действовал ли он по своей инициативе — неизвестно. Он был таким же сталинистом, но в последних внутренних спорах присоединился к Хрущеву. Правда, и он не назвал имя Сталина в своей речи: но критика прежнего кумира была настолько явной, что не оставляла места сомнениям. Он сказал, что «примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства», только культ одной личности. Он добавил, что послевоенная международная напряженность сложилась «и по нашей вине». Он поддержал самые смелые тезисы съезда и нашел достаточно теплые слова для Югославии. Он критиковал последнюю работу Сталина и нападал, за несоответствие ленинизму, на «краткий курс» истории партии, который уже 15 лет был квинтэссенцией сталинизма. Он разоблачил, наконец, некоторые фальсификации истории прошлого и впервые публично и с уважением назвал имена двух известных жертв сталинских репрессий — Косиора и

Антонова-Овсеенко. Микоян в заключение сказал, что «после Ленина» XX съезд был «самым важным съездом в истории партии». Намекая на речь, произнесенную Сталиным у гроба Ленина, к которой несколько десятилетий относились как к священному тексту, Микоян добавил: «Мы не только клянемся именем Ленина, но и всеми силами претворяем в жизнь ленинские идеи...»[10].

Микояна никто не поддержал на съезде. Ни один из лидеров не коснулся этих тем. Молотов и Ворошилов избегали любого намека на критику культа личности. Маленков избежал этого в блестящей речи о технических проблемах энергетики. Суслов был более склонен к полемике, говоря о скудности исследований в общественных науках, парализованных «догматизмом»[11]. Некоторые второстепенные ораторы проявили бóльшую храбрость: историк Панкратова прибегла к авторитету Хрущева и Микояна, чтобы начать более серьезные исследования прошлого и осудить проявления национализма последних сталинских лет[12]. Однако всякие признаки дискуссии исчезли во вторую неделю работы съезда, когда после доклада Булганина о новом пятилетнем плане дебаты сконцентрировались вокруг экономических проблем. Съезд подошел к концу, но многое осталось скрытым.

«Секретный доклад»

Неожиданности начались в последний день съезда. После обычного заключительного заседания за закрытыми дверями, посвященного выборам ЦК, в конце дня 24 февраля, в пятницу, делегатов попросили не разъезжаться, а остаться еще на один день. Некоторых предупредили об этом в гостинице, когда они уже собирались уезжать. 25 февраля на секретном заседании Хрущев прочел свой доклад «О культе личности и его последствиях», позднее известный как «секретный доклад»[13]. Только тогда XX съезд стал тем, чем мы его теперь считаем.

Многие подробности зарождения этой знаменитой инициативы так и не известны. Съезд проходил в обстановке глубокого беспокойства. Не произносившееся с трибуны съезда имя Сталина часто упоминалось в кулуарных разговорах в связи с массовыми репрессиями; среди делегатов и гостей съезда были те, кто испытал их на себе[14].

Хрущев сам решился на этот шаг[15]. Он говорил о различных причинах, которые, даже будучи односторонними, тем не менее существовали. Во-первых, нужно было преодолеть сопротивление, на которое наталкивалась его политика: если бы это не было сделано, говорил он, в партии могли бы взять верх силы, «цеплявшиеся за старое, сопротивлявшиеся всему новому, творческому». Он говорил также о «моральной потребности», с одной стороны, и, с другой — об обязанности выйти из продолжительного политического паралича, который вовлек СССР в глубокий внутренний и международный кризис[16]. Самая серьезная проблема заключалась в том, что большое

количество людей еще находилось в местах заключения или ссылки, куда их отправили без суда и следствия. В книге, которая считается его мемуарами, Хрущев приводит еще один аргумент: съезд был последней возможностью высказаться. Если бы главный докладчик умолчал об этом, он навлек бы на себя серьезные обвинения в будущем[17]. Была и третья причина, о которой лишь глухо вспоминали позже: обе фракции, которые наметились в руководстве партии, боялись, что их столкновение могло бы привести к повторению кровавых репрессий сталинских лет. Нельзя было допустить их повторения[18].

Доклад не был военной хитростью, осуществленной без ведома других руководителей*. Некоторые из известных нам рассказов показывают, что Хрущев добивался согласия Президиума на консультациях в перерывах съезда. Он встретил решительное сопротивление Ворошилова, Молотова и Кагановича. Как говорил сам Хрущев, ему удалось преодолеть это сопротивление, лишь дав понять, что он намерен обратиться прямо к съезду[19].

Основу «секретного доклада» составляли результаты расследований, проведенных как комиссией Поспелова, так и другими (в том числе и дел военачальников начала войны). Хрущев внес в свою речь много личных суждений, явно сымпровизированных по ходу дела. Впечатление, произведенное им в этот день на присутствующих, а затем и на весь мир, незабываемо. Он не критиковал, как потом стало казаться, всю деятельность Сталина. Напротив, Хрущев защищал все, сделанное Сталиным до 1934 г., оправдывая борьбу против оппозиции 20-х гг. во имя индустриализации и коллективизации. Однако он сурово осудил его деятельность после 1934 г. и привел ужасающие подробности массовых репрессий 30-х и 40-х гг. Хрущев очень резко, хотя и односторонне, если вообще обоснованно, критиковал руководство военными операциями Сталиным, произвел ошеломляющий анализ методов, с помощью которых Сталин сконцентрировал в своих руках всю власть и поддерживал в стране культ самого себя; дал гнетущее душу описание его старческого деспотизма. Осуждение было столь же суровым и беспощадным, как безмерно было три года назад восхваление Сталина.

---

* Эта версия, поддерживаемая Р. и Ж. Медведевыми (*R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 77—78), не кажется убедительной не только потому, что противоречит свидетельствам самого Хрущева, которые могут быть неверными, но и потому, что не соответствует имеющимся документам. Авторы, например, утверждают, что после «секретного доклада» не было принято никакой резолюции, а официальные источники говорят об обратном. Медведевы пишут, что Хрущев произнес эту речь, уже будучи переизбранным Первым секретарем непосредственно съездом в соответствии с традицией. Однако о существовании такой традиции не свидетельствуют решения какого-либо предшествующего съезда. Что касается переизбрания Хрущева, то оно произошло на заседании ЦК 27 февраля, то есть два дня спустя (Справочник партийного работника. 1957, с. 101). Наконец, те же авторы упоминают и несуществующую заключительную речь Хрущева в конце обсуждения его Отчетного доклада. В действительности Хрущев наравне с другими выступавшими отказался от своего права выступить с заключительной речью (XX съезд КПСС.., т. I, с. 634).

После доклада пораженный съезд принял короткую резолюцию, в которой поручалось вновь избранному ЦК принять меры по «преодолению культа личности» и «ликвидации его последствий» во всех областях[20]. После этого съезд сразу же был закрыт, закрыт еще до того, как делегаты опомнились от замешательства.

Уничтожение лагерей

«Секретный доклад» и XX съезд изменили всю политическую атмосферу в стране. Они означали также окончательный раскол руководящей группы, принявшей сталинское наследие. Борьба в Президиуме ЦК обострилась: заседание, на котором обсуждалась официальная реабилитация Тухачевского и других военных руководителей, расстрелянных в 1937 г., описывалось как очень резкое, сопровождавшееся язвительными выпадами столкновение[21].

Предметом разногласий стала судьба «секретного доклада» Хрущева. В какой мере он должен оставаться секретным? Было решено довести его до сведения всех членов партии, использовав уже испытанную форму письма, читавшегося на закрытых собраниях партийных организаций. Это означало ввести в курс дела миллионы людей. Ясно, что существовало давление в пользу его широкого распространения. Через неделю доклад зачитывался на открытых собраниях, на предприятиях, в учреждениях и в вузах. Практически бóльшая часть населения смогла с ним познакомиться. Согласно некоторым источникам, готовилась и его публикация в виде брошюры, которую задержали в последний момент[22].

В то же время текст доклада без особых трудностей попал в руки американских спецслужб, которые поторопились опубликовать его, и это потрясло весь мир. В Советском Союзе он так и не появился в печати. Отсюда и необычная судьба доклада: он был документом съезда, принятым уже после того, как была исчерпана повестка дня; и хотя он был официально зафиксирован в отчетах съезда и широко известен как в СССР, так и за рубежом, но так и не стал официально опубликованным документом.

Обнародование доклада вызвало в СССР иную реакцию. На собраниях доклад только зачитывался и не обсуждался, но все равно проходили они бурно: град вопросов и протестов обрушивался на официальных ораторов[23]. Серьезные инциденты произошли в Грузии, где доклад был расценен как оскорбление «национального героя» и послужил поводом для проявления антирусских настроений. В Тбилиси состоялись студенческие демонстрации, против которых были брошены войска, применившие оружие, но число жертв так и не стало известно[24]. В Литве и других Прибалтийских республиках на партийных собраниях и вне их осуждалась вся послевоенная политика, начиная с коллективизации[25]. В Москве покончил с собой влиятельный секретарь Союза советских писателей Александр Фадеев, страдавший алкоголизмом и мучимый угрызениями совести. До и

после съезда Фадеева со всех сторон просили ускорить реабилитацию литераторов и членов их семей, в свое время арестованных и исчезнувших[26].

Кроме Отчетного доклада в конце июля было опубликовано Постановление ЦК КПСС, принятое, как и другие подобные документы, его руководящим органом — Президиумом ЦК*. В нем была сделана попытка ответить на самые трудные вопросы, задававшиеся со всех сторон, на которые съезд не дал ответа и которые сделали очевидной ограниченность хрущевской операции. Почему стали возможными все эти преступления? Что делали другие руководители, находившиеся рядом со Сталиным? В ответ на эти вопросы документ ссылался на серьезные внутренние и внешние трудности, которые препятствовали развитию советского опыта и оправдывали «некоторые ограничения... демократии» в прошлом. По второму пункту в документе говорилось, что другие руководители не проявили малодушия, но действия против Сталина, особенно после войны, не были бы «поняты народом» и были бы расценены как враждебные социализму и безопасности страны[27]. В документе утверждалось, что зло, причиненное Сталиным, не изменило социалистического характера советского общества и не перечеркнуло созидательной деятельности партии в различные периоды ее истории [28]. Эти утверждения прозвучали как поспешные оправдания после горькой истины, высказанной Хрущевым на съезде. Желая оправдать всю прошлую политику, новый документ усилил главный недостаток доклада Хрущева: вся вина была приписана лишь необычной жестокости одной личности. Всего лишь три года назад те же люди превозносили эту же жестокость как сверхчеловеческую доблесть.

Несмотря на непоследовательность, общий итог съезда и его очищающего финала был в высшей степени положительным. Он позволил разрубить узел, завязанный сталинскими репрессиями. Теперь ускорился пересмотр старых обвинений. Чрезвычайные комиссии с широкими полномочиями были направлены в места заключений и ссылок с заданием решить все старые проблемы. Практически вся система политических репрессий Сталина была ликвидирована[29]. Населению, высланному во время войны, было разрешено вернуться в родные места (за исключением крымских татар и немцев Поволжья), где были восстановлены их автономные государственные образования[30]. В заключении оставались лишь власовцы и националисты Украины и Прибалтики, но и им было гарантировано освобождение по окончании срока наказания. Гнойный нарыв, разъедавший советское общество, был вскрыт.

* Два советских автора (*R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 80) позже утверждали, что он был написан «группой противников» Хрущева в Президиуме, но не привели доказательства этого тезиса. Анализ текста и обстоятельства его опубликования указывают на то, что речь идет о новом компромиссе разных фракций советского руководства. После падения Хрущева этот текст был принят в СССР как единственно верная и официальная оценка сталинской эпохи и всего культа личности. (См. История КПСС, 1969, с. 577—578.)

Юридическая реабилитация сопровождалась восстановлением всех гражданских прав: для членов партии это означало восстановление партстажа (исключение делалось лишь для бывших троцкистов)[31]. Для большинства реабилитация оказалась посмертной, так как они умерли в лагерях или в ссылках. Они уже не могли ею воспользоваться, но это было важно для их семей, жизнь которых годами омрачалась мнимой виной их близких.

Возвращение заключенных и высланных вызвало сильный психологический и политический резонанс по всей стране. Сколько людей вернулось из тюрем и лагерей в 1956 г. и вообще после смерти Сталина, никогда не сообщалось. Однако можно предполагать, что благодарность к XX съезду должны в той или иной степени испытывать миллионы людей. В период правления Сталина было запрещено даже упоминание о существовании концлагерей и мест ссылки: не только печать не писала о них, но и в частных разговорах о них говорили только вполголоса. Теперь массы изгнанников возвращались к гражданской жизни и могли свободно рассказать о своих злоключениях. Одни были физически больны и духовно сломлены, другие, наоборот, чувствовали в себе новые силы, ничего больше не боялись и требовали воздать им должное за страдания[32]. Многие пытались установить трагическую судьбу своих близких, исчезнувших в тюрьмах и лагерях. Эти темы, присутствовавшие в 1956 г. во всех разговорах, цензура не пропускала в газеты. Однако в печати вновь появились имена тех, кого годами боялись упоминать публично, и труды прочно забытых авторов[33]. Советские люди открывали книги и вспоминали героев, надолго вычеркнутых из истории их страны.

Ликвидация системы лагерей и принудительных поселений создала серьезную экономическую проблему. Несмотря на низкую рентабельность, принудительные работы все же широко применялись. В областях, где условия жизни были нормальными, их легко можно было заменить обычным наймом рабочей силы. Бо́льшие трудности встречались в менее гостеприимных районах Крайнего Севера и Дальнего Востока, где, как говорилось на XX съезде, находится будущее промышленности страны[34]. Партия призывала молодежь перебираться туда, стимулируя ее морально и материально. Это новое миграционное движение дало выход энергии и повлияло на условия жизни больших территорий. Сибирские пространства больше не считались местами ссылки и заключения, они стали землей пионеров[35]. Одновременно были устранены остатки законов военного времени о труде[36].

Развенчание мифа о Сталине усилило стремление вернуться к Ленину. Большое значение придавалось ленинским юбилеям. Ленинскими были названы традиционные премии в области искусства, науки и техники. Были опубликованы его работы, которые замалчивались или оставались неопубликованными, начиная с известного «завещания»[37]. Было решено начать новое издание его сочинений, которое,

хотя и не академическое, чего требовала на XX съезде Панкратова, было бы полнее всех предыдущих[38].

Это новое открытие отца революции было вызвано разными причинами. Руководители партии стремились найти в работах Ленина готовый ответ на проблемы послесталинского развития СССР. Но это было невозможно, хотя Хрущев и старался отыскать в них теоретическое обоснование своих реформ. Защитники государственной идеологии, напротив, спешили заполнить опустевшие алтари. Для них Ленин был идолом, который должен был заменить развенчанный миф. Однако в СССР 1956 г. обращение к Ленину имело и другой смысл. Чтение неизданных и забытых работ впервые привело многих советских граждан, особенно молодежь, к мысли о том, что сталинизм в действительности не исчерпывает все многообразие социалистической мысли и большевистской модели советского строительства[39].

Хрущев в опасности

XX съезд высвободил в советском обществе драгоценную человеческую энергию, которая была подавлена или утрачена. Однако сталинский аппарат был еще жив и обладал действенными орудиями контроля, хотя и опасался, что начатый съездом процесс будет продолжаться без его участия. Единая вера, объединявшая страну и ее руководство, неожиданно рухнула. Этим была вызвана враждебность, с которой руководители на самых разных уровнях встретили «секретный доклад».

Доклад стал объектом критики и за рубежом. Документ, рассказавший о страшных событиях прошлого, не проанализировал их причины и не указал выхода. Он не мог быть руководством к действию ни в своей стране, ни где-либо в мире, так как опроверг весь исторический опыт, накопленный с таким трудом, и не дал конструктивной программы. Сталинское правление последнего периода ввергло страну в такой кризис, что при всей болезненности этой процедуры во второй половине 50-х гг. назрела необходимость пересмотреть сталинское прошлое страны и осознать стоявшие за ним глубокие исторические процессы. Однако, если отвлечься от обусловивших ее личных обстоятельств, эта хирургическая операция над прошлым оказалась бесполезной из-за длительного застоя советской исторической, философской и юридической мысли в сталинские годы, застоя, о котором сожалел XX съезд. Хрущев осудил только Сталина и тот СССР, который оставил после себя Сталин.

Первые, хотя и слабые коллективные попытки глубже осмыслить этот процесс были сделаны в 1956 г. Историки, живо откликнувшись на призыв, попытались по-новому подойти к ряду долго замалчивавшихся или искажавшихся проблем пред- и послереволюционного прошлого. Их рупором стал журнал «Вопросы истории»[40]. В нескольких неравноценных литературных работах в свою очередь были сде-

ланы попытки по-новому исследовать советское общество. Их приветили в ежемесячном журнале «Новый мир»[41]. Хрущев стал политической опорой этих течений среди интеллигенции. Своими действиями он завоевал огромную популярность в тех слоях общества, которые задыхались в удушающей атмосфере прошлого. Однако у Хрущева не было ни образования, ни вдохновения, чтобы возглавить подлинное движение в области культуры.

Вместе с тем эти первые попытки встречали сильное противодействие прежде всего со стороны ревнителей официальной идеологии, которая, несмотря на возврат к Ленину и хрущевский реквизит, оставалась в сущности сталинской. Их контрнаступление проявилось прежде всего в полемических ответах в печати. Такая дискуссия могла бы быть полезной, если бы все могли высказаться. Однако этого не произошло. Едва лишь ситуация после XX съезда осложнилась, эти первые дискуссии были запрещены властями, которые использовали административный аппарат партии и строго предупредили тех, кто провоцировал исторические и социологические дебаты[42].

Положение самого Хрущева как главы Секретариата ЦК партии осенью 1956 г. оказалось под угрозой. Реакция за рубежом на XX съезд привела к драматическим событиям в Польше и Венгрии (мы к ним вернемся), которые вызвали соответствующий резонанс в Москве. В Президиуме ЦК, состав которого не изменился после съезда, оформились две противоборствующие группы: Хрущев и Микоян, с одной стороны, Молотов, Ворошилов, Каганович и Маленков — с другой, а между ними — группа колеблющихся. Как за рубежом, так и в Москве Первого секретаря упрекали за его речь. Успех собственной аграрной политики спас его, но лишь на время.

После разочарования 1955 г. целинные земли дали в 1956 г. блестящий урожай, превысивший все ожидания. Производство зерна, которое в последние сталинские годы достигало 80 млн. *т*, возросло до 125 млн. *т*. Везде урожай был неплох. Однако этот замечательный успех был в основном достижением новых районов, где средняя урожайность превысила 11 *ц* с *га*. Главное преимущество этого урожая заключалось в том, что он был собран в государственных хозяйствах и мог быть по большей части предназначен для заготовок. Государство смогло удвоить их, не усиливая давления на крестьян[43]. Сообщая об этих хороших новостях, Хрущев превратил их в свой триумф. Казалось, что самая сложная проблема страны может быть решена. Продовольственное снабжение в городах заметно улучшилось. Позже стало ясно, что без этих ободряющих новостей Первый секретарь в конце 1956 г. потерял бы свое место[44].

Несмотря на рост своей популярности в деревне, Хрущев в эти месяцы перешел к обороне. В некоторых публичных заявлениях ему пришлось переиначить бóльшую часть «секретного доклада». На одном из приемов в китайском посольстве (и это особенно важно для нашего анализа) он уверял, что термин «сталинизм» неотделим от «марксизма-ленинизма». Именно Сталин сделал «серьезные ошибки»,

но он сделал их, сказал Хрущев, глубоко веря, что защищает революционные завоевания социализма: «Дай бог, чтобы каждый коммунист умел так бороться, как боролся Сталин». Как показали последующие события, это был вынужденный тактический отход. Однако волей-неволей Хрущеву пришлось это сделать. В одном из своих интервью он даже объявил текст своего доклада, опубликованный на Западе, фальшивкой американских спецслужб[45].

«Антипартийная группа»

В первой половине 1957 г. соотношение сил в Президиуме ЦК складывалось не в пользу Первого секретаря. Его противники окрепли, число их возросло. В условиях коллегиального руководства отношения резко ухудшились. Началась острая политическая борьба с неопределенным исходом[46].

Вопрос о реорганизации промышленности, которую горячо поддерживал Хрущев, объединил большинство против него. Реформа, к которой мы еще вернемся, предусматривала роспуск отраслевых министерств и группирование предприятий не по производственному (как это было с 1932 г.), а по географическому признаку под местным руководством. Хотя этот проект представлял собой попытку избежать трудностей, проявившихся в последние годы в функционировании колоссального советского промышленного аппарата, он встретил противодействие части политических и технических руководителей, которые долгое время возглавляли отдельные отрасли, например металлургию[47]. Молотов противился реформе открыто, как и почти всем проектам, предложенным Хрущевым. На этот раз к постоянной критике оппозиционеров присоединились Первухин, один из виднейших руководителей советской экономики, и Булганин, высказывавшийся особенно резко[48]. Поддержка Председателя Совета Министров заметно ободрила оппозицию. Правда, она не привела к открытой борьбе даже из-за промышленной реорганизации. Несмотря на противоречия и несовпадение интересов, проект в феврале 1957 г. прошел первое испытание в ЦК, затем было проведено впервые обсуждение в печати и по всей стране. Наконец он был одобрен Верховным Советом, но в нем не были отражены критические замечания, высказанные в ходе обсуждения[49]. Оппозиция решила добиваться смещения Хрущева, не вынося своих острых разногласий за пределы Президиума ЦК, как это всегда делалось после смерти Сталина.

Старых и новых оппозиционеров собирал у себя Булганин, который был недоволен тем, что Первый секретарь часто оттирал его. Булганин и возглавил руководство антихрущевским наступлением[50]. Поводом послужила речь Хрущева в Ленинграде. Ободренный успехами в сельском хозяйстве, он по своей инициативе выдвинул нереальную идею обогнать США за три-четыре года по производству мяса, молока и масла на душу населения (мяса, по подсчетам

Хрущева, в США производилось в три раза больше)[51]. Удобный случай для последних соглашений оппозиции представился в первой половине июня, когда Хрущев во время визита в Финляндию оказался на несколько дней далеко от Москвы. После возвращения он попал на заседание Президиума ЦК, созванного без его ведома и намеренного не просто отвергнуть тот или иной его проект, а добиться его отставки (ему предлагалось занять пост министра сельского хозяйства).

Большинство членов Президиума ЦК — Булганин, Ворошилов, Молотов, Маленков, Каганович, Первухин и Сабуров — были против Хрущева. На его сторону встали Микоян, Суслов и Кириченко. Решение должно было быть одобрено Центральным Комитетом, органом, который избирал секретарей ЦК. Однако большинство рассчитывало, как в случае с Маленковым, потребовать просто утверждения уже принятого и не вызвавшего разногласий решения. Хрущев понял, что в новой политической ситуации он может не соблюдать правил игры и потребовать обращения непосредственно к ЦК[52]. Начавшееся 18 июня заседание Президиума ЦК длилось более трех дней, прежде чем присутствующим было разрешено покинуть Кремль. Оппозиция не заручилась поддержкой ни среди кандидатов в члены Президиума ЦК (число которых возросло после XX съезда, в частности за счет маршала Жукова), ни Секретариата, где их единственным сторонником оказался бывший главный редактор «Правды» экономист Шепилов, сменивший в 1956 г. Молотова на посту министра иностранных дел.

Несмотря на принятые меры по изоляции Хрущева, некоторые члены ЦК узнали о происходящем. Находившиеся в Москве и срочно прибывшие из Ленинграда (всего 21 человек) направились в Кремль 19 июня, чтобы потребовать отчета о происходящем и немедленного созыва Пленума. Сначала большинство членов Президиума ЦК не захотело принять их. На встречу с ними был отправлен Ворошилов. Однако Хрущев еще раз заявил, что не отказывается от своего права выступить. В конце концов была назначена делегация обеих фракций на паритетных началах: с одной стороны, Ворошилов и Булганин, с другой — Хрущев и Микоян. Встреча оказалась бурной и скомпрометировала замыслы большинства[53]. Другие члены ЦК прибыли в Москву на реактивных самолетах, предоставленных военными. За несколько часов их собралось больше сотни, более трети, необходимой по Уставу, чтобы потребовать созыва чрезвычайного Пленума[54].

Уже на первом заседании Пленума ЦК, 22 июня, ситуация изменилась. Хрущев смог предпринять наступление. Из того немногого, что нам известно, следует, что оппозиционеров упрекали за участие в сталинских репрессиях. Увидев грозящую опасность, колеблющиеся члены Президиума поспешили сменить лагерь. Появились предложения исключить из партии представителей антихрущевского течения[55], потом раскаялись и сами оппозиционеры.

В заключение Молотов, Маленков, Каганович и незадачливый

Шепилов были сняты со всех постов и удалены из всех руководящих органов. Их обвинили в создании «антипартийной группы» и фракционной деятельности, в том, что они составили «сговор» с целью отменить не только решения XX съезда, но и основные нововведения послесталинских лет. Стране сообщили, что эта четверка — консервативные пленники прошлого, что они решили восстановить незаконные методы и гнетущую атмосферу страха. Чтобы оправдать дисциплинарные меры, вспомнили резолюцию о фракциях, которая была принята в 1921 г., привела к усилению Сталина и сохранялась в уставах партии. Сами обвиненные, за исключением воздержавшегося Молотова, одобрили свое осуждение[56]. Сохранялась видимость монолитности. Документ был опубликован, когда основные партийные организации уже были проинформированы о случившемся.

Многие факторы обусловили победу Хрущева. Благодаря XX съезду, первым успехам в сельском хозяйстве и многочисленным поездкам по стране Первый секретарь пользовался огромным авторитетом. Однако этот немаловажный фактор не мог иметь решающего значения в борьбе, происходящей в верхах партии и государства. Подозрение, что такие люди, как Молотов, могли бы попытаться использовать репрессии против своих противников, позже стало считаться основным объяснением их изоляции. Возможно, здесь есть и доля пропаганды. Весьма вероятно, что боязнь репрессий сказалась на руководящих кругах партии, которые в прошлом много раз испытывали губительные удары Сталина. Однако была и более глубокая причина. ЦК в основном состоял из первых секретарей обкомов и республик или тех руководящих лиц, кто в прошлом занимал эти должности. Они не во всем были согласны с Хрущевым. Но они связывали свою власть с реформами последних лет и все еще видели в Хрущеве своего представителя. Они-то наиболее активно и требовали созыва ЦК[57]. Они понимали, что завоевали большой политический вес в стране благодаря союзу с Хрущевым, а не личной преданности ему.

С другой стороны, у противников были свои слабости. Их коалиция была непрочной. В интеллектуальном отношении никто из них не выдерживал сравнения со старыми большевиками. Позднее старый Куусинен заметил, что из всех известных ему оппозиций только эта не имела политической платформы[58]. Позже идеологом и вдохновителем группы стали считать только Молотова, который и после поражения не отказался от борьбы. Он был также и кандидатом в предполагавшийся новый Секретариат партии[59]. Молотов активно защищал всю деятельность Сталина, с которым был тесно связан 30 лет, но в 1957 г. даже Молотов не мог предложить просто восстановить сталинскую систему.

Ворошилов, Каганович и Молотов пользовались большей, чем Хрущев, известностью. Однако они несли и бóльшую, чем другие руководители, ответственность за отрицательные последствия сталинского правления. Ворошилову не могли забыть и посредствен-

ного командования во время войны. Все они были, скажет впоследствии Хрущев, «погасшими звездами»[60]. Они расходились во многих вопросах, но объединялись в одном — недоверии к Первому секретарю. Однако их реальная власть в последние годы уменьшалась по мере возрастания власти Хрущева. Армия под руководством Жукова помогала победителю.

Гарантией против возвращения к жестоким методам решения политических конфликтов стали секретные переговоры с проигравшими. Их не тронули. Удаленные из правительства, они получили второстепенные посты: Молотов — посла в Монголии, Маленков и Каганович — посты директоров отдаленных предприятий (первый — в Казахстане, второй — на Урале). Все они остались членами партии.

Конец коллегиального руководства

Подлинной жертвой этого столкновения стала коллегиальность руководства. По тактическим причинам некоторым оппозиционерам (Булганину, Ворошилову, Сабурову и Первухину) на некоторое время оставили их посты. Вероятно, Хрущев предпочитал не показывать стране и миру масштабы оппозиции в старом Президиуме ЦК (только в закрытой партийной информации был дан более полный отчет о событиях). На несколько месяцев Булганин остался Председателем Совета Министров, а Ворошилов — еще дольше Председателем Президиума Верховного Совета. Однако и тот, и другой были лишены реальной власти. Получили повышение и стали членами и кандидатами в члены Президиума ЦК те, кто показал себя энергичным сторонником Хрущева (Аристов, Беляев, Брежнев, Козлов, Игнатов и маршал Жуков). Победа еще более возвысила Первого секретаря.

Хрущев завоевал неограниченную власть в партии и государстве. Однако он ею не долго пользовался. Уже на более ранних этапах советской истории мы могли заметить, что наиболее благоприятными для развития СССР периодами были не периоды мнимого единодушия в верхах, а те из них, когда политическая борьба выходила наружу. Так было в 20-е и 30-е гг[61]. Так было и теперь. Руководству, разобщенному внутренними разногласиями, дорогой ценой удалось вывести страну из глубокого кризиса после смерти Сталина. Несмотря на трудности, Хрущев проявил себя в этой операции наилучшим образом. Однако после падения оппозиции он, вероятно, думал, что теперь сможет показать себя как руководитель. В действительности произошло иное: стихла та взаимодействующая борьба, которая одновременно и контролирует, и стимулирует любой коллектив и любого руководителя.

Один иностранный наблюдатель проницательно заметил: «Хрущев — человек большой интуиции, и он так ясно видит свои способности, что порой переоценивает их»[62]. Так и случилось.

В результате конфликта нарушилось не только равновесие в вер-

хах. Разногласия касались ряда важных проблем прошлого, настоящего и будущего. Однако, как и прежде, начиная с 30-х гг., о конфликте ни страна, ни партия не были проинформированы. Были две возможности: предстояли съезд и дискуссия о реформе в промышленности. Можно было их использовать для широкого и свободного обсуждения. Однако сталинские традиции возродились. Была утрачена возможность заполнить пустоту, после крушения общей веры низов и верхов, расширением демократического участия в решении политических проблем. Эту возможность и не принимали в расчет. Боялись эффекта распада. Многие из идей, выдвигаемых оппозицией, принадлежали не только ей. Они были широко распространены в аппарате и среди деятелей партии, поддерживавших Хрущева. Эти идеи имели глубокие корни в сталинском прошлом. Только решительная и долгая борьба в политической и культурной областях могла бы покончить с ним. Этой борьбы не вели, и прошлое продолжало жить.

Несколько месяцев спустя после столкновѐния с «антипартийной группой» Жуков потерял свое место в Президиуме ЦК и все политические посты, включая и пост министра обороны. Заменил его маршал Малиновский. Жукова отправили на пенсию в то время, когда он выехал с визитом в Югославию и Албанию. По возвращении он оказался перед свершившимся фактом. ЦК легко утвердил это решение. Жукова подозревали в бонапартистских намерениях[63]. Неизвестно, какие именно события напугали Хрущева и его коллег. Официально Жуков был обвинен в том, что хотел вывести Вооруженные Силы страны из-под контроля партии и установить в них «культ собственной личности». Позднее говорили, что он сократил число политических органов и их руководителей в армии[64]. Вероятно, Хрущев хотел помешать военным завоевать самостоятельную политическую роль. В советском обществе они никогда не играли такой роли, но, после того как их привлекли к участию в политических столкновениях после смерти Сталина, могли претендовать на нее. Авторитет Жукова был сам по себе достаточно высок, чтобы такая тенденция проявилась.

В нем видели возможного кандидата на пост Председателя Совета Министров вместо Булганина. Однако в марте 1958 г. на этот пост был назначен Хрущев, который сохранил и пост Первого секретаря ЦК КПСС. Так исчезло разделение власти, осуществленное после смерти Сталина. Это решение мало соответствовало решениям XX съезда.

IV. КРИЗИС 1956 г. И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Социалистическая система

Называя на XX съезде мировой социалистической системой группу стран от Эльбы до Тихого океана, которые ориентировались на социалистическое преобразование общества, советские руководители разрабатывали более зрелую концепцию, чем Сталин. На этом пути было немало трудностей, так как можно было опираться лишь на недавний опыт и дискуссии последних лет.

Глубокий кризис после смерти Сталина проявился не только в СССР. В июне 1953 г. состоялись выступления рабочих в Чехословакии, а также в Берлине — самом неподходящем месте с точки зрения международного резонанса, затем — в других городах Восточной Германии. Они были подавлены силой оружия (в Берлине — советскими войсками). Однако напряженность появилась и в других странах. Московские руководители посоветовали правительствам стран народной демократии последовать их примеру, приняв меры для внутренней разрядки, аналогичные принятым в СССР[1]. Новый курс был подсказан из Москвы — отсюда с 1948 г. направлялась вся политика стран народной демократии. Эти предложения были встречены настороженно, их не спешили принять, ведь даже в своих странах новые лидеры не имели такой власти, какая была у Сталина.

После нелегкого для них осуждения сталинизма процесс пересмотра позиций вызвал в правящих компартиях политические разногласия. Они соответствовали внутренней борьбе в коллективном руководстве в Москве, но не полностью. Устранение Берии имело более серьезные последствия в других странах. Бывший министр внутренних дел был главой самой секретной и невидимой сети советского контроля над странами народной демократии. Она состояла не только из «советников» при разных правительствах (многие из них были отозваны на родину, так как были тесно связаны со своим московским руководителем)[2]. Существовала разветвленная сеть, проникающая в сами партии для сбора информации и наблюдения за руководством. Этот механизм был разрушен вместе с аппаратом Берии. Хрущев оценивал его как «самое грубое нарушение» отношений между социалистическими странами[3]. Ослабло давление извне, находившее выражение в политических репрессиях в этих странах, партии заговорили о своих правах. Однако они не могли найти приемлемых решений.

Некоторые особенности советского опыта повторялись повсюду. Пытаясь придать более коллегиальный характер политическому руководству, в каждой стране разделили высшие партийные, правительственные и государственные посты. Это было следствием полити-

ческой борьбы, которая в разных партиях протекала неодинаково. В наши цели не входит исследование каждой страны. Достаточно отметить, что борьба эта происходила повсюду. Самые трагические формы она приняла в Венгрии, где непримиримое столкновение двух лидеров — Ракоши и Имре Надя — имело мрачные последствия.

Процессы перестройки в разных странах имели и общие черты, и различия. Общим было стремление изменить экономические цели: уменьшить капиталовложения, чтобы повысить уровень потребления; преимущественно развивать легкую, а не тяжелую промышленность; ослабить давление на крестьян в ходе коллективизации; больше внимания уделять уровню жизни населения. Изменения были разные, в каждой стране свои[4]. Наиболее ощутимые противоречия отмечались в других сферах. В то время как в Польше уже в 1954 г. реабилитировали многих политических заключенных (арестованный в 1951 г. Гомулка был выпущен на свободу тихо, без пересмотра его дела) и ликвидировали всемогущее министерство государственной безопасности, в Чехословакии еще шли процессы против бывших руководителей партии. Эти репрессии уже нельзя объяснить советским давлением. Их причины коренились во внутренней борьбе. Хрущев, напротив, воспользовался своим присутствием в Праге в июне 1954 г., чтобы осторожно попросить освобождения генерала Свободы, которого помнил со времени войны[5].

Советские руководители предпринимали шаги для усовершенствования структуры социалистического лагеря, оставшейся после Сталина. Сталинская система носила следы войны и первых послевоенных соглашений. Однако, когда советские руководители, ориентируясь на раздел Германии, стали превращать ГДР в своего верного союзника (так же как США — Западную Германию), стало ясно, что этих соглашений недостаточно. Волнения в Берлине в июне 1953 г. ускорили события. Спустя некоторое время СССР отказался от репараций и сократил расходы немцев на содержание своих войск в Германии. 33 крупных немецких предприятия, ставших советской собственностью, были возвращены правительству ГДР[6]. Изменившиеся отношения с немцами повлекли за собой изменение отношений с другими странами; по крайней мере пересматривалось наследие войны. В 1954 г. были распущены все смешанные общества, с помощью которых Советский Союз управлял в свою пользу имуществом, находившимся в Румынии, Венгрии и Болгарии[7]. Это снимало причину недовольства в трех странах.

Однако новая структура блока строилась не только в экономической сфере. Несмотря на попытки начать координацию национальных планов развития, СЭВ оставался еще слабой организацией. Только позже открылись его потенциальные возможности. Экономические отношения оставались в основном двусторонними[8]. Политико-военный союз стран Восточной Европы стал первой настоящей коллективной организацией. Варшавский Договор был подписан в столице Польши 14 мая 1955 г. Кроме СССР, его под-

писали Польша, Чехословакия, ГДР, Венгрия, Румыния, Болгария и Албания. Договор предусматривал взаимопомощь подписавших его стран в случае, если одна из них подвергнется нападению со стороны какого-нибудь другого государства или группы стран. Союзные вооруженные силы ставились под единое командование. Первым командующим был назначен маршал Конев[9].

Варшавский Договор всегда считался ответом на создание НАТО, копией которого он и был в значительной степени, и ответом на решение принять в него Западную Германию. Такова точка зрения советских деятелей[10]. Они считали объективной причиной союза стран Восточной Европы страх перед возрождающейся германской угрозой. Однако новый союз, родившийся 7 лет спустя после Атлантического, имел большое значение. Он юридически обосновывал пребывание советских войск в Германии и других странах, где они были размещены так же, как американские войска в Западной Европе. Он возлагал на СССР обязанность почти автоматически оказывать военную помощь своим союзникам против любого нападения извне и тем самым разъяснял его обязательства. Наконец, он соответствовал новой советской стратегии, которая придавала большое значение атомному оружию и фактору внезапности.

Эти новые решения, в свою очередь, не могли остаться без ответа. После смерти Сталина среди советских руководителей происходили дискуссии, о которых мы знаем мало[11]. Варшавский Договор придал социалистической коалиции более определенную структуру. Она больше соответствовала классическим положениям международного права, нежели те структуры, которые ранее предлагал распущенный Коминформ или обеспечивали двусторонние договоры.

При подписании Варшавского Договора присутствовал в качестве наблюдателя министр обороны Китая Пэн Дэхуай. Он формально не присоединился к договору, но гарантировал поддержку своего правительства[12]. Это был многозначительный жест. Смерть Сталина весьма подняла престиж Китая и его лидера Мао Цзэдуна, завоеванный благодаря победе их революции и действиям на фронтах корейской войны; этот престиж чувствовали и советские руководители. Доказательством может послужить то, что Маленков, чтобы поднять собственный авторитет, в первые дни своего правления опубликовал в «Правде» фотографию, похожую на монтаж, на которой он был изображен вместе со Сталиным и Мао[13].

После окончания корейской войны перед китайцами встали такие же проблемы, как перед Сталиным и большевиками в СССР в 20-е гг. Сам Мао отмечал это сходство[14]. Как и в Москве, в Пекине первые разногласия проявились в руководящей группе, которая вела партию к революции. Между 1953 и 1954 гг. произошел конфликт, который привел к обвинению и аресту двух важнейших деятелей — Гао Гана и Жао Шуши. О причинах столкновения говорилось мало, лишь якобы о претензиях на власть, которые побудили этих двух лидеров интриговать против остальных[15]. Однако позднее в китайских и

советских источниках отмечалось, что Гао Ган, который был одним из правителей Маньчжурии, имел прямую связь с Москвой и лично со Сталиным. Сейчас московские историки говорят, что он был «сторонником дружбы с СССР»[16]. Возможно, эти особые узы вызвали подозрение и предопределили его поражение после смерти Сталина. Те же источники наводят на эту мысль, не высказывая ее прямо. Будь это действительно так, преемники Сталина в Москве не скрыли бы этого. Советско-китайские отношения в этот период постоянно развивались и улучшались. Политическое и военное давление американцев на обе страны заставляло их держаться вместе.

Мао только впоследствии нашел суровые слова для описания отношения китайцев в эти годы к советским руководителям. Он говорил, что китайцы их «слушали» и им «повиновались», «слепо им следовали» и «некритически использовали» их опыт[17]. Однако в тот момент и он считал необходимым следовать их советам и получать от них помощь. В 1953 г. Китай начал свою первую пятилетку, разработанную вместе с советскими экспертами. В 1954 г. он принял свою конституцию, текст которой был предварительно обсужден в Москве. В этот период значительно расширился обмен между двумя странами. Его кульминацией в апреле 1955 г. стало первое соглашение по атомной энергии, предусматривавшее постройку в Китае циклотрона и атомного реактора[18].

С другой стороны, после смерти Сталина его преемники выслушивали китайские требования с бо́льшим вниманием. Осенью 1954 г. в Китай прибыла на две недели высокопоставленная советская делегация во главе с Хрущевым, который именно в отношениях с социалистическими союзниками приобретал первый международный опыт. Результатом визита стала серия политических и экономических соглашений, которые развивали договоры, подписанные в Москве пять лет назад. Смешанные общества, созданные Сталиным в Маньчжурии и Синцзяне, были ликвидированы. Порт-Артур и Дальний, остававшиеся у Советского Союза во время корейской войны, были возвращены Китаю. Была определена и общая политика в отношении Японии. Экономические соглашения предусматривали строительство новых железных дорог, предоставление кредитов и более широкое участие СССР в индустриализации Китая. Согласно новому соглашению, обновленный советско-китайский союз должен был строиться на основе равенства и взаимного интереса, уважения суверенитета и территориальной целостности обеих сторон. Впервые эти формулировки использовались в отношениях между социалистическими странами, чтобы подчеркнуть их полное равенство[19].

В феврале 1955 г. Молотов в речи на сессии Верховного Совета выдвинул еще один новый тезис. Он сказал, что социалистический лагерь, протянувшийся до Вьетнама и Северной Кореи, возглавляется СССР, а вернее сказать, Советским Союзом и Китайской Народной Республикой[20]. В этой фразе явно чувствуется намек на признание совместной гегемонии внутри блока, в котором до сих пор

признавалось только господство сталинского СССР. Однако это не совсем так. Правильнее было бы сказать, что наметилась эволюция в этом направлении. Признаком этого было само присутствие Пэн Дэхуая в Варшаве.

Примирение с Югославией

Когда в 1955 г. произошло событие, сильнее всего повлиявшее на отношения между социалистическими странами, китайцы были в нем не действующими лицами, а лишь заинтересованными зрителями. Мы имеем в виду примирение СССР с Югославией. Самым тяжелым наследством, оставленным Сталиным, был конфликт с Тито. До самой смерти Сталина стороны разговаривали только на языке острой полемики. Его преемники стали вести себя осторожнее, прекратив нападки советской прессы и сделав несколько дружелюбных жестов в сторону Югославии. В августе 1953 г. Маленков объявил в Верховном Совете о нормализации отношений с Белградом в области разрядки международной напряженности[21]. Это было пока еще немного, учитывая тяжесть конфликта, пять лет разделявшего обе страны и партии. Югославские руководители приняли эти знаки доброй воли, но не верили в искренность намерений советских руководителей. Да и Москве было нелегко сделать решительные шаги, так как все мосты были сожжены во времена Сталина. Социалистические союзники и все коммунистическое движение были вовлечены в яростную полемику с Тито.

В 1954 г. СССР пересматривал свою позицию. Секретариат партии создал комиссию для объективного изучения внутреннего положения в Югославии. Несмотря на предубежденность, она пришла к заключению, что югославский режим не стал «реставрированным капитализмом», как утверждала пропаганда, а что Югославия следует к социализму своим путем[22]. В середине 1954 г. советские руководители начали готовить сближение Тито с союзниками СССР и основными компартиями. Это было сделано в форме закрытого письма и устного выступления Хрущева перед иностранными делегатами, приехавшими в Прагу на съезд чехословацкой партии. Отклик был сдержанным. Китайцы ответили, что терять нечего и что даже в случае провала попытка сближения поможет разоблачить «лицемерие» югославских руководителей[23].

Уже при первых контактах Москвы и Белграда за закрытыми дверями советские руководители, по крайней мере часть из них, признавали, что старое обвинение Коминформа было несправедливым[24]. К концу года появились первые признаки возможного примирения: присутствие главных советских руководителей на приеме в югославском посольстве в Москве, более объективные статьи в печати, оптимистические заявления Тито[25]. Однако новая политика еще обсуждалась в московских верхах. В феврале 1955 г. Молотов заявил, что улучшение отношений зависит от Югославии не меньше,

чем от СССР, дав этим понять, что и Югославия должна изменить свои позиции. Итальянскому коммунисту Видали в это время было сказано, что обе стороны должны быть «самокритичны». На слова Молотова Тито реагировал весьма сухо[26]. Последние сомнения были развеяны Хрущевым, который прибыл в Белград во главе представительной советской делегации. В своей речи, ставшей сенсацией, он возложил ответственность за конфликт на свою страну, обвинив Берию в этом преднамеренном преступлении. Он выразил не только раскаяние, но и пожелание, чтобы отношения улучшились между двумя правительствами и между обеими партиями, предложив перелистнуть некоторые страницы прошлого и вернуться к старому послевоенному союзу[27].

Годы взаимных оскорблений и жестокой борьбы не так легко было зачеркнуть. Советско-югославские переговоры были нелегкими. Именно потому, что нужно было преодолеть такие серьезные политические и психологические препятствия. Достигнутое наконец соглашение приобрело особую важность. Прежде всего это была победа Тито, потому что признавалась ценность тех идей, которые он отстаивал перед Сталиным. Однако, как и в 1948 г., дискуссия касалась не только СССР и Югославии. Соглашение 1955 г. приобрело особое значение из-за того, что затрагивало вопрос об экспорте сталинизма в страны народной демократии. В нем не просто признавалось право югославов проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, искать друзей на Востоке и на Западе, быть равноправными собеседниками. Отношения между двумя странами регулировались не столько принципами суверенитета, независимости и равенства, сколько принципом мирного сосуществования всех государств. Особо оговаривались взаимное уважение и невмешательство во внутренние дела ни по каким мотивам — экономическим, политическим или идеологическим, — потому что внутренний порядок, различие социальных систем и многообразие конкретных форм развития социализма являются «делом народов отдельных стран»[28]. Это было первое признание многообразия путей к социализму, провозглашенного на XX съезде советских коммунистов.

Визит в Белград отразился и на внутренней жизни СССР. Молотов вместе со Сталиным подписывал письма к Тито в 1948 г., и было понятно, что он не смирится с отказом от старых принципов. Тогда и произошел его конфликт с Хрущевым. Однако, возможно, и сам Хрущев начал понимать в тот период, что нужно более радикально критиковать деятельность Сталина[29]. В его речи на Пленуме ЦК после возвращения в Москву наметились первые признаки более решительного отказа от старого, чем это сделал XX съезд. Попытка возложить всю ответственность на Берию, игравшего в югославских событиях второстепенную роль, стала объектом язвительных замечаний в Белграде и во всем мире. Ложь не могла продержаться долго. Поляки также потребовали объяснений о роспуске своей старой компартии Сталиным в 1938 г. Расследование, начатое

в Москве, показало, что дело не в Берии (на него это свалить было трудно). Реабилитация довоенной польской компартии и ее исчезнувших руководителей произошла в Москве во время работы XX съезда после консультаций с партиями, подписавшими в 1938 г. акт о ее роспуске[30]. Международные причины, как и внутренние, во многом определили не только признание «различных путей к социализму», но и последующий поворот, до окончательного осуждения Сталина.

В период работы XX съезда прекратил свое существование и Коминформ, хотя официально о его роспуске объявили только 18 апреля 1956 г. Его последние решения были приняты делегациями-участницами (или частью их) в перерывах съезда без формального созыва организации[31]. Его упразднение произошло спокойнее, чем роспуск Коминтерна. Коминформ, уже парализованный смертью Сталина, с трудом пережил изменения, происходившие в жизни отдельных партий и в их взаимоотношениях. Примирение с Югославией, осуществленное даже без его формального участия, было всего лишь последним ударом.

Польша и Венгрия

Роспуск Коминформа был лишь слабым проявлением глубокого общего кризиса, поразившего в 1956 г. все коммунистическое движение. Высокий авторитет Сталина был связан со славными страницами прошлого, например с войной против фашизма. Поэтому осуждение его не могло не вызвать серьезных потрясений. Новые заявления, сделанные Москвой, значительно отличались от догм, насаждавшихся в сталинские годы, и их осмысление было серьезным испытанием. «Секретный доклад» Хрущева застал врасплох все партии — предварительных консультаций не было[32]. Никто не знал, какой текст распространен в СССР. Это вызвало необходимость зачитывать его на партийных собраниях в некоторых странах народной демократии[33]. Неожиданностью оказалась и публикация документа в США.

По-разному реагировали и компартии, в зависимости от того, действовали ли они в Европе или в Азии, стояли у власти, находились в оппозиции или в подполье. После общего подъема в войне с фашизмом коммунистическое движение развивалось по-разному в различных странах. Особенно очевидно это было в Западной Европе. Однако и в Азии крах колониального господства сопровождался быстрым ростом одних партий (Индия, Индонезия) и незначительным — других. В борьбе за независимость «третьего мира» возникали новые формации, националистические по характеру, но ориентированные на социализм. Они не были коммунистическими, хотя на них в разной степени влияли некоторые политические и организационные концепции коммунизма. Разные реакции на советские события одновремен-

но и отразили, и усилили неоднородность освободительных движений, которые 40 лет назад объединил только что созданный Коминтерн. Однако при всех различиях потрясение было велико повсюду. «Буря обрушилась на нас», — сказал в Италии Тольятти[34]. Такое же впечатление сложилось у всех.

Для Компартии США, ослабленной полицейскими репрессиями в эпоху маккартизма и неспособной предложить свое решение проблемы американского общества, московские события означали почти крах[35]. Удалось пережить кризис некоторым партиям, имеющим глубокие корни в народных массах своих стран. Они из собственных источников черпали жизненную энергию, чтобы залечить раны, нанесенные разрушением сталинского мифа. Теперь связь с национальной действительностью заставляла иначе относиться к СССР. Еще до того как «секретный доклад» стал известным, Тольятти сказал, что гегемонистская позиция КПСС в коммунистическом движении «по крайней мере начинает меняться». Несколько месяцев спустя он добавил, что больше не может быть «ни государства-вождя, ни партии-вождя»[36].

Политическая буря, последовавшая за XX съездом, стала началом такой общей дискуссии, какой в коммунистическом движении давно уже не было. Начались дебаты, в которые впервые были вовлечены такие разные партии, как итальянская, китайская, югославская, польская и, конечно, советская.

Сталин и сталинизм — эти вопросы касались всех, потому что все были сталинистами. По разным причинам то, что́ об этом говорилось на XX съезде, не могло никого удовлетворить. Со всех сторон призывали к более точным историческим исследованиям. Однако никто не знал, как это сделать, потому что и в СССР, и за границей задержка с исследованиями послереволюционного развития советского общества сделала их невозможными. Когда же обращались к историческим оценкам, то критика, направленная более или менее ясно на Хрущева и КПСС, немедленно приобретала политическое значение. Лишь некоторые выражали недовольство указаниями московского съезда: например, албанцы выступили против примирения с Белградом. Впрочем, они не опубликовали своих возражений[37]. Гораздо чаще звучали призывы заново оценить не только деятельность Сталина, но и сам метод управления, которым КПСС пользовалась 40 лет. Таков был смысл критики со стороны итальянцев, югославов и китайцев*, озабоченных не только собственными проблемами[38].

* Необходимо остановиться на китайской позиции. Нужно еще уточнить, было ли восхваление Сталина в их послании XX съезду (XX съезд КПСС. Стенографический отчет, т. I, с. 230) следствием недостаточной информации о настроениях в Москве или, наоборот, они старались предотвратить усиление антисталинских тенденций. Как и во всех компартиях, в китайской компартии критика Сталина вызвала противоречивые отклики, но китайцы еще и боялись, что осуждение культа могло подорвать личный

Во всех странах народной демократии потрясение, вызванное XX съездом, вылилось в недовольство отказом от антиюгославских решений 1948 г., хотя эти решения для каждой страны означали потерю политической автономии. Резонанс был сильным в каждой партии. В Чехословакии требовали созыва чрезвычайного съезда, в Болгарии был отстранен от руководства Червенков, основной представитель последимитровского курса[39].

Повсюду коммунистическое движение отклоняло модель сталинского социализма, требуя независимости и демократии. Однако тяжелее всего кризис проявился в двух странах — Польше и Венгрии, — где национальная неприязнь к СССР была более глубокой. Кризисы разразились в октябре 1956 г. с разницей в несколько дней и развивались по-разному. Советское правительство стояло перед сходными проблемами в обеих странах и было вынуждено принять нелегкие решения. Как в Польше, так и в Венгрии оно оказалось перед лицом широких народных движений, в основе которых лежала враждебность к политике и вмешательству СССР. В обоих случаях советские руководители, не имевшие общего мнения, реагировали нервно и с запозданием.

В Польше первыми признаками кризиса стали рабочие волнения в Познани в июне 1956 г., подавленные войсками. Они не были спровоцированы извне, как указывалось в первый момент, а вызваны недовольством масс. В этих волнениях в наиболее острой форме нашли выражение политические настроения, которые несколько месяцев бурлили на предприятиях и в кругах интеллигенции и не прекращались все лето. Они проявились в глубоких разногласиях в партии, где течение, выступавшее за политический поворот, идейно опиралось на Гомулку, пострадавшего от сталинских репрессий, и на его старые концепции польского пути к социализму. В октябре 1956 г. во время углубления кризиса большинство руководства партии обратилось к нему,

авторитет Мао Цзэдуна (*Mao Tse-tung.* Seritti inediti, p. 79, 97). В последовавшей полемике китайцы утверждали, что на всех закрытых переговорах их руководителей с советскими в 1956 г., начиная с апрельской встречи Мао и Микояна, они настаивали на более уравновешенной оценке заслуг и вины Сталина, критикуя хрущевские методы осуждения и отмечая, что с ними предварительно не консультировались (Peking Review, 1963, N 37, p. 8—9). На апрельской встрече с Микояном Мао говорил, что «негативные стороны метода несравнимы с «большой пользой», которую все партии извлекли из „секретного доклада"» (*О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Советско-китайские отношения 1945—1970. Краткий очерк. М., 1972, с. 76). Общее положительное суждение не расходится с тем, о чем заявляли публично. В одном из наиболее известных писем китайские руководители подтвердили, что «ошибки Сталина были продолжением его заслуг», потому что Сталин «прежде всего был верным коммунистом», и, следовательно, было бы ошибкой осуждать все, что он сделал. Они добавляли, что XX съезд КПСС «проявил большую настойчивость и смелость...», показав серьезные ошибки Сталина (More on the Historical Experience.., p. 19—21). Наиболее оригинальная часть китайской критики касалась необходимости верно оценивать то, что они называли «внутренними противоречиями в народе», то есть собственными противоречиями социалистического общества.

предложив пост Первого секретаря. Однако именно из-за его обостренного чувства патриотизма на него смотрели с недоверием в Москве, где никто не знал его намерений. Перед пленумом ЦК, который должен был поставить его во главе партии, передвижение советских войск в стране и у ее границ создало угрозу вооруженного вмешательства. В Варшаве на заводах и в школах готовились к сопротивлению. Трагическое столкновение приближалось.

Когда уже работал пленум ЦК польской компартии, 19 октября неожиданно в Варшаву без приглашения прибыла важная советская делегация, состоящая из представителей двух групп, столкнувшихся в Москве. Это были Хрущев и Микоян, с одной стороны, Молотов и Каганович — с другой. Поляки были вынуждены прервать дебаты для того чтобы позволить своим руководителям, а также Гомулке встретиться с советскими лидерами. Встречи продолжались сутки — день и ночь. Это были «искренние, трудные и горькие переговоры, сопровождавшиеся взаимными обвинениями»[40].

Гомулке и его коллегам удалось убедить своих собеседников, что предполагаемые перестановки в руководстве и программные изменения необходимы для укрепления социализма в Польше и что нужно изменить характер советско-польских отношений — это было главной темой дискуссии — для установления подлинной дружбы между двумя странами. На следующий день советские лидеры уехали. Гомулка был избран Первым секретарем и представил стране план реформ, ориентированных на концепцию польского социализма. Спустя несколько недель состоялись правительственные переговоры. Гомулка подтвердил, что остается верен союзу с СССР, который, по его мнению, соответствовал национальным интересам страны. Он добился и пересмотра ряда несправедливых соглашений (например, отмены низких цен, которые платил СССР за импортируемый уголь). Маршал Рокоссовский оставил пост главнокомандующего польской армией и вернулся в СССР[41].

То, чего удалось избежать в Польше, произошло в Венгрии. Внутренний раскол и неуверенная политика СССР усугубили национальную трагедию. В Венгрии внутренняя борьба между коммунистами оказалась острее, чем где-либо, и Советский Союз оказался втянутым в нее больше, чем в Польше или в других странах. Из всех лидеров, которые в 1956 г. еще оставались у власти в Восточной Европе, Ракоши больше других был причастен к экспорту сталинизма. Он сохранил свою власть после жестокой борьбы против Имре Надя, старого противника его политики, ставшего сторонником «национального» коммунизма и «неприсоединения» по югославскому образцу[42]. Советские руководители, к которым обращались много раз как к арбитрам, не могли и не хотели добиться от венгерской компании необходимых перестановок и политических перемен. Только летом 1956 г. под совместным давлением Москвы и Белграда Ракоши был вынужден уйти. Но и это не вызвало действительных изменений ни в политике правительства, ни в его

составе. Осложнения продолжались до тех пор, пока в октябре, во время польских событий, даже запоздалое обращение к противникам Ракоши — Надю и Кадару — уже не могло ничего исправить.

Страна взбунтовалась. Пассивное вмешательство советских войск, находящихся в Венгрии, на стороне новых руководителей лишь вызвало гнев. Солдат неожиданно вывели из Будапешта. СССР в этот момент должен был учитывать, что происходит антисоветское и антисоциалистическое восстание. Было очевидно, что это далеко идущий политический замысел, а не просто желание разрушить существующий режим. Правящая партия была разрушена. Движение оставило Надя позади и лишило его власти.

В кругах историков считают, что в результате венгерского бунта «возможно» было создать демократический социалистический строй. Это гипотеза, которую ничем нельзя доказать, так же как и противоположное утверждение, будто социализм был бы уничтожен и были бы «восстановлены капитализм и фашизм»[43]. Насколько можно судить по скудным данным, имеющимся в нашем распоряжении, Москва руководствовалась в основном конъюнктурой. Никакая дружеская сила уже не была властна над событиями. Возникла опасность, что восторжествует американская идея об «освобождении» Восточной Европы — сначала Венгрии, потом других стран. В эти события могли быть втянуты все страны Варшавского Договора, так как Надь объявил о выходе из него Венгрии. Венгерский кризис, совпавший с англо-французской войной в Египте, поставил международную обстановку на грань катастрофы.

После варшавского урока в Москве долго не могли решиться действовать. Микоян и Суслов прибыли в конце октября в бунтующий Будапешт, надеясь использовать последние возможности для компромисса. 30 октября Советское правительство опубликовало декларацию, в которой признавало неравенство между социалистическими странами в прошлом. Оно заявило, что готово пересмотреть экономические отношения, вопросы о присутствии советников и размещении войск со всеми заинтересованными странами. Наконец, нам стало известно о долгом и бурном заседании Президиума ЦК в Москве, на котором было решено подавить восстание с помощью советских войск[44].

Перед вооруженным вмешательством руководители СССР сделали то, что не было сделано во время польских событий: они потребовали согласия своих союзников, включая поляков и югославов. Не известно, какие формы приняли эти лихорадочные консультации и в какие дни они проходили, но содержание их ясно[45]. Так как некоторые правительства стран народной демократии боялись, как бы советские войска не запоздали, то было нетрудно получить их поддержку[46]. На той же позиции стояли и китайцы. После первого временного вывода советских частей из Будапешта многие боялись, что СССР решил оставить Венгрию на произвол судьбы. Мао лично выступал за вмешательство. Как он говорил позже, ему не хотелось, чтобы советское решение выглядело классическим жестом «империалистической вели-

кой державы». Поэтому он был среди тех, кто требовал выполнения обязательств, принятых в Москве в декларации 30 октября[47]. Непослушные новые польские руководители тоже одобрили использование силы. То же сделал и Тито, несмотря на те симпатии, которыми Надь пользовался в Югославии. Он считал вмешательство меньшим злом, так как события зашли слишком далеко[48]. Бунт был подавлен советскими танками. Вся операция свелась к нескольким дням сражений на улицах Будапешта. Руководство венгерским правительством принял Кадар, коммунист, пострадавший от Ракоши. Сначала он был союзником Надя, затем разошелся с ним, чтобы, в свою очередь, просить помощи у СССР.

Советско-китайская гегемония

Венгерская трагедия вызвала грозные отклики в коммунистическом движении, социалистических странах и Советском Союзе. Положение Хрущева, как мы знаем, было трудным. Будапештский кризис, с точки зрения его союзников, доказал непродуманность его главных предложений: договора об Австрии, открывшего для западного влияния венгерскую границу, примирения с Тито и прежде всего «секретного доклада». Толпа, разрушившая в Будапеште гигантскую статую Сталина, казалось, ответила на его речь. Однако речь шла не только о личной судьбе Хрущева, который, впрочем, победил в борьбе. В СССР, как и в странах народной демократии, усилилось влияние тех, кто призывал к осторожности и считал опрометчивой политику обновления 1956 г. Движение за социалистическую демократию, порожденное XX съездом, оказалось под ударом. В эти дни в Московском университете были арестованы несколько студентов, пытавшихся создать автономную политическую группу. Во всем мире началось развернутое политическое наступление на коммунистическое движение, которое снова объединилось вокруг СССР, несмотря на его внутренние раздоры. Полемика носила такой же характер, как и во времена «холодной войны». Раздавались призывы сплотиться, а не заниматься разъяснительными дискуссиями — обычные призывы в подобных обстоятельствах.

Однако время для этого еще не настало. Дискуссия в коммунистическом движении только началась. Поднятые XX съездом проблемы — понимание демократии и социализма и их соотношение, перспективы революционных сил в быстро меняющемся мире, союзы с другими политическими течениями, обновление общества и международной жизни — не имели ответа. Указания XX съезда были лишь первым наброском. События в Польше и Венгрии показали, что изменились как отношения между социалистическими странами, так и их связи с другими социалистическими течениями в мире. Тольятти предсказывал, что коммунистическое движение придет к «полицентрической системе»[49]. Однако он встретил слабую поддержку.

Во время событий 1956 г. внутри социалистической системы обрисовались три полюса: Москва, Пекин и Белград. Хрущев пытался

действовать вместе с обеими другими столицами. Весной того года советско-югославские отношения переживали свой лучший период. После долгого перерыва возобновилось экономическое сотрудничество. В июне 1956 г. Тито совершил визит в СССР. Было опубликовано совместное заявление двух партий, в котором говорилось, что принципы, провозглашенные год назад в Белграде, универсальны для всех социалистических стран, а не только для СССР и Югославии[50]. Однако осуществлять их было трудно, так как советские руководители боялись, что влияние Тито на другие страны народной демократии вызовет центробежные тенденции, способные разрушить их союз в Восточной Европе. Между Москвой и Белградом тут же проявились разногласия по поводу оценки внутреннего положения в Венгрии (это вынудило Тито сказать, что, если бы к нему прислушались вовремя и удалили Ракоши, трагедии можно было бы избежать)[51]. Хотя Белград и согласился на вооруженное вмешательство, будапештская драма оставила горький след в отношениях двух правительств. Надь, укрывшийся в югославском посольстве, был арестован советскими властями, когда покинул свое убежище[52] (год спустя он был приговорен к смертной казни). Конечно, обиды и подозрения, накопившиеся за годы полемики, не рассеялись. Обвинения возобновились, потому что в советских руководящих кругах распространение югославских идей причислялось к основным причинам кризиса стран народной демократии[53].

Сотрудничество Москвы и Пекина складывалось лучше. Китайцы оказывали давление в пользу вмешательства в Венгрии. До этого их влияние в польских событиях было сдерживающим. Они рекомендовали СССР осторожность, а польским коммунистам советовали умерить свои требования, не доводя до разрыва или столкновения с СССР[54]. В обоих случаях они проявили известную уверенность в суждениях и достаточную сбалансированность в высказываниях по поводу восточноевропейского кризиса. Их предусмотрительность оказалась важной, когда в январе 1957 г. Чжоу Эньлай посетил Москву, Варшаву и Будапешт в качестве посредника. Китайцы присоединились к новому туру советской критики Югославии и утверждали, что СССР остается «центром» всей системы[55].

Проекты совместной гегемонии СССР и Китая, разрабатывавшиеся в предыдущие годы, в 1956 г. были сформулированы более четко. Обе партии осенью выразили совместное отношение к позиции коммунистической партии Северной Кореи, одной из тех, кто больше всех сопротивлялся новаторским решениям XX съезда. Обе партии высказались за изменения в политике и в составе корейского правительства. Они пытались добиться этого, впрочем, без особых результатов из-за сопротивления Ким Ир Сена и его сторонников[56].

Пытаясь найти выход из кризиса, китайцы внесли оригинальный вклад в развитие теории. Они выдвинули концепцию монолитности общества и системы, привлекающую внимание корректным, а не жестоким или репрессивным способом разрешения неизбежных противо-

речий. В самом Китае эти разговоры сопровождались тщательным анализом проблем развития страны, более сбалансированных проектов индустриализации. Но самое важное значение приобрела маоистская концепция «ста цветов», то есть соревнования «ста школ» мысли. Она открыла в стране период интенсивных политических и культурных дискуссий[57]. Эти события имели широкий отклик в СССР, где китайцы опубликовали в своем журнале «Дружба», выходящем на русском языке, многие документы дискуссии. Московских руководителей тревожили последствия слишком либеральной, на их взгляд, дискуссии в неспокойной обстановке советской политической жизни. Свои опасения они высказали Пекину[58]. Однако и сами китайские коммунисты были обеспокоены результатом политики «ста цветов»; она вызвала не только столкновение идей, но и острые политические конфликты в их собственной стране. Позднее они сказали, что получили свою «Венгрию в миниатюре». Они прекратили эксперимент и начали кампанию «против правых». Москва успокоилась[59].

В этот период сотрудничество двух правительств достигло наивысшей точки. В октябре 1957 г. было подписано секретное соглашение о военном сотрудничестве. Целью его было усиление китайской военной промышленности, строившейся по советским проектам и на советском оборудовании, передача Китаю атомной бомбы и технологии ее производства[60]. Это был первый и пока единственный договор, в котором великая держава делилась с союзником атомными секретами. В соглашении предусматривалось укрепление сотрудничества не только в экономике, но и в других сферах. Китайцы начали разрабатывать собственную программу научных исследований. Они разработали десятилетний план развития, который должен был вывести китайскую науку на мировой уровень. План отправили на изучение в Москву, в Академию наук. Комиссии ученых двух стран уточнили его отдельные положения[61].

Совещание 64 коммунистических и рабочих партий

Спустя несколько недель в Москве состоялось международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Поводом для сбора наиболее авторитетных представителей всех 64 партий стала торжественная церемония 40-й годовщины Октябрьской революции. Прибыл и Мао во главе высокопоставленной китайской делегации.

Совещание, проводившееся спустя более 20 лет после последнего Конгресса Коминтерна в 1935 г., стало важнейшим событием для коммунистического движения. Оно было созвано, чтобы найти общий путь выхода из кризиса, последовавшего за XX съездом. После неудачного опыта Коминформа эта инициатива напугала некоторые компартии (итальянскую, польскую) как новая попытка создать централизованную международную организацию[62]. Несмотря на недоверие, участвовали все. Югославы прислали делегацию, но Тито не приехал.

Совещание проходило в обстановке секретности и состояло из

двух этапов. 14—16 ноября состоялось совещание 12 правящих партий — советской, китайской, албанской, болгарской, чехословацкой, корейской, немецкой, монгольской, польской, румынской, венгерской и вьетнамской. Югославы не захотели ни участвовать в совещании, ни подписать его заключительную Декларацию, так как не одобряли ее содержание и боялись снова оказаться втянутыми в международный блок. Они участвовали во втором совещании, где были все партии (16—19 ноября). На нем был принят только Манифест мира[63]. Главная роль на совещании принадлежала советским и китайским представителям. Они редактировали «документ двенадцати», исходя из первого советского наброска, к которому китайцы добавили много поправок. Так родился окончательный текст, который и был представлен от имени партий. Обе партии провели консультации с важнейшими партиями, включая и тех, кто не входил в группу «двенадцати», но должен был сам решить, одобрять декларацию или нет[64].

После потрясения, вызванного XX съездом, совещание стало демонстрацией единства, скорее формального, чем реального. Если и были иллюзии, то сохранялись они недолго — результаты оказались эфемерными. XX съезд был не только признаком кризиса, но и целебным толчком, который вскрыл проблемы, созревавшие много лет. Разногласия отразили реальные противоречия больших и малых стран, различных политических сил, распространение революционных процессов в мире, огромное богатство их форм и содержания, которое нельзя было сводить к единым стратегическим и тактическим формулам. Однако основные противоречия не были обсуждены.

Особую озабоченность вызывало одобрение документа как символа единства, сделавшегося почти самоцелью. Конкретные проблемы были не разрешены, а спрятаны за двусмысленными и расплывчатыми формулировками, которые должны были удовлетворить всех. Многообразию путей и форм строительства социалистического общества были противопоставлены некоторые «общие закономерности», одинаковые для всех[65]. Возможность «мирного» перехода упомянули, чтобы не противоречить тезисам XX съезда, но это сформулировали с большой осторожностью. Китайцы посоветовали советским представителям говорить о ней из тактических соображений, сами они не слишком в нее верили[66]. Чтобы установить, что является главной опасностью для коммунистической теории — «догматизм» или «ревизионизм» (под «догматизмом» понималось повторение старых концепций, под «ревизионизмом» — опасные новаторские тенденции[67]), каждое слово тщательно взвешивалось. Поэтому текст получился сумбурный и противоречивый. Позднее Мао назвал его Манифестом коммунистического движения[68], то есть документом, претендующим на универсальность. В действительности он лишь вызвал новые разногласия, так как каждый толковал его по-своему.

Вместо полезной общей дискуссии главы каждой делегации произносили свои речи. Только два оратора попытались провести сопоставление идей: Мао и Тольятти. Глава китайцев, которого вы-

слушали с вежливым молчанием, захотел придать всему движению вдохновляющую идейную перспективу, одушевленную историческим оптимизмом. Он выразился образно: «ветер с Востока» одолевает «ветер с Запада». Победа предопределена потому, что старый мир умирает, а новый рождается. Он пригласил всех «разбить противников стратегически», так как им все равно предстоит исчезнуть. «Тактически» приходится учитывать их временную силу, но все они (он произнес свою самую знаменитую метафору) — «бумажные тигры». В своих рассуждениях он даже привел старый тезис Молотова о том, что атомная война не остановит прогресса, так как если половина человечества и погибнет, то другая останется и построит социализм[69]. Он удивил всех присутствовавших, но не убедил их. Мао заявил, что коммунистическое движение должно иметь своего «вождя» — СССР. Этот тезис китайцы пропагандировали уже год, они хотели узаконить его в заключительном документе, хотя в конце своей речи Мао сказал несколько теплых слов в адрес поляков и югославов, отвергавших эту гегемонистскую концепцию[70].

Маоистская концепция вождя, естественно, не была принята итальянцами. Тольятти выступал совсем не так, как Мао. Он заявил: «Для того чтобы наше движение развивалось как великое движение масс, необходима высокая степень самостоятельности отдельных партий». Он пришел к этому выводу на основании собственного опыта той «новой партии», которую итальянские коммунисты создавали более десяти лет, а не на основании изучения обобщений заключительного документа. Тольятти привлек внимание к опыту ИКП, ценному для тех партий, которые стремятся стать «крупной политической силой», способной утвердиться с «собственной программой руководства обществом» и открыть тем самым «новые пути продвижения к социализму». Он предупредил, что на совещании легко создать впечатление единства по общим формулировкам, но это бессмысленно[71].

Итальянские предложения были встречены большинством враждебно. Незадолго до окончания работы поднялся французский делегат Дюкло и сказал, что платформа Тольятти должна быть отвергнута как «ревизионистская». Некоторые делегаты присоединились к нему. У итальянцев создалось впечатление, что атака была согласована с советскими руководителями, но им не удалось добиться разъяснений[72].

Этой полемикой и завершилось совещание. На нем не было создано никакого международного органа. Партии ограничились соглашением издавать в Праге коллективный ежемесячный журнал. Итальянцы были и против этого. Они предложили открыть прессу каждой партии для иностранных публикаций, чтобы продолжить дискуссию. Однако заключительный эпизод показал, что коммунистическое движение и его главные центры против продолжения настоящей дискуссии. Совещание оказалось попыткой заменить старые международные организации общим форумом, на котором можно было бы давать политические указания, имеющие ценность для каждой партии. Как показал опыт, эта затея не имела успеха.

V. «КОСМИЧЕСКАЯ ЭРА»

Суэцкий кризис

Венгерские события, одновременно с которыми происходила суэцкая война, обострили напряженность в мире, зачеркнув постепенное улучшение предыдущих трех лет. Этот период многие исследователи считают вторым этапом «холодной войны»[1]. Однако при более пристальном рассмотрении это мнение кажется неверным. Отношения между державами и их союзами достигли крайнего накала по новым причинам. Периоды разрядки сменялись острыми кризисами, не менее опасными, чем в пятилетие 1948—1952 гг. Однако есть не только сходство, но и существенные различия. Расколовшийся мир стал другим. Европа оставалась узлом основных международных противоречий, но больше не была местом, где решался любой конфликт. Появились новые герои. Вместе с тем не были прерваны переговоры, в которых участвовали оба основных блока в начале периода разрядки. Встречи сторон были трудными из-за взрыва полемики, оскорблений и угроз, но все же не прекращались. Противники, не отказываясь от противоборства, начали понимать, что нельзя быть только врагами.

Советская внешняя политика приобрела тогда многие черты, присущие ей и сегодня. Новая дипломатия с самого начала носила личностный характер, отчасти из-за того веса, который приобрел Хрущев, когда покончил с оппозицией в СССР. Он внес в политику отпечаток своей всесильной личности. У него не было предрассудков; он напрямую обращался к собеседникам, к толпе, любил театральные эффекты и рассчитанный риск. Однако столь заметный субъективный момент не должен заслонять более глубоких и существенных мотивов действий СССР под его руководством.

Осень 1956 г. была не только моментом острого кризиса. Изменялось соотношение сил в мире. Венгерская трагедия продемонстрировала нереальность американской политики в Европе, хотя и нанесла большой урон и престижу СССР. Претензии на роль «освободителя» Восточной Европы не оправдались, так как США не могли позволить себе заплатить за нее мировой войной. Американцы прямо не помогали венгерским мятежникам, ограничившись подстрекательством через свои радиоцентры в Германии, которые вели прямые передачи для народов Восточной Европы на их языках. Как орудия «психологической войны» эти передачи были не лишены эффективности, но это было не оружие.

Конфликт на Ближнем Востоке вызвал более серьезные осложнения. Напомним только основные. Египетское правительство Насера планировало постройку крупной плотины на Ниле у Асуана. Проект лежал в основе его программы современного экономического развития страны. Англичане и американцы отказались предоставить ему необхо-

димые кредиты. Насер отомстил им, национализировав франко-английскую Суэцкую компанию, надеясь финансировать строительство доходами от канала. В ответ Великобритания и Франция вместе с Израилем организовали военную экспедицию против Египта для захвата знаменитого пути сообщения и прилегающей территории. Операция потерпела фиаско, потому что правительства Парижа и Лондона оказались в изоляции. Их основной союзник, США, сначала ограничивался экономическим и дипломатическим давлением и затем, когда конфликт вылился в открытую агрессию, оставил их. Однако война все же нанесла ущерб американским интересам в арабских странах.

Советское правительство присоединилось к Египту, провозгласив новый принцип, что любое нарушение мира на Ближнем Востоке «не может не затрагивать интересов безопасности Советского государства»[2]. Насер получил военную помощь и дипломатическую поддержку. СССР лукаво предложил послать в Египет смешанные советско-американские войска, чтобы установить мир от имени ООН. США отвергли предложение. В острейший момент кризиса СССР направил Парижу и Лондону угрожающие ноты, заявив о своей готовности использовать силу, чтобы остановить агрессию. «В каком положении оказалась бы сама Англия, — спрашивала Москва, — если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия?» Для такого нападения, отмечалось в ноте, не нужно обычное оружие, потому что СССР располагает ракетами, способными поразить Англию на расстоянии[3]. Вряд ли этот шаг имел практическое значение, тем более что одновременно происходили столкновения в Венгрии. Если советские авторы считают эти ноты важными, то на Западе отрицают их влияние на прекращение сражений, которое произошло через 24 часа[4]. В разных странах сделали разные выводы, но Египет и другие арабские народы увидели в СССР союзника, готового сражаться за них.

Спутники

В советских нотах не случайно говорилось о новом оружии в военном арсенале СССР — ракетах. Их особое значение проявилось год спустя в событии, которое имело на мировую политику и стратегию не меньшее влияние, чем появление атомной бомбы. 4 октября 1957 г. советские ученые вывели на орбиту первый спутник, или искусственный сателлит Земли, а через месяц — аналогичный аппарат с собакой на борту. Сенсация была огромной. День за днем пресса всех стран посвящала целые страницы этому событию. Началась «космическая эра», великое предприятие человека, который вышел со своей планеты в бесконечный мир. Необычайная новость застигла всех врасплох, потому что первыми, кто попытался и осуществил запуск спутника в космос, были советские люди, а не американцы с их высоким уровнем техники, как все ожидали. Первые временные неудачи аналогичных экспериментов в США усилили впечатление превос-

ходства советской науки. Начался период, когда СССР удалось встать во главе освоения космического пространства. Кульминацией был день 12 апреля 1961 г.: впервые русский человек Юрий Гагарин совершил на борту спутника орбитальный полет вокруг Земли.

В основе этого успеха была, вероятно, не столь чудесная, как это кажется нам сегодня, но более насыщенная приключениями история. Сейчас мы знаем, что советская наука не опережала американскую. Первые космические успехи явились результатом деятельности блестящей группы ученых, возглавляемых академиком Королевым* (советских ученых, а не немецких, как иногда утверждали[5]). Эта группа сумела собрать и развить блестящее наследие русских артиллеристов и баллистов, авиаконструкторов 30-х гг. Королев, руководитель группы, побывал в сталинских тюрьмах. Сначала его сослали в ледяные шахты Колымы, затем перевели в Москву, чтобы он продолжал свои исследования в заключении[6]. За вклад в развитие советской авиации его освободили. После войны он как видный специалист-ракетчик был назначен руководителем научно-исследовательского института, который главным образом и обеспечил успех в этой области. Все, кто знал Королева, отзываются о нем не только как о гениальном ученом, способном сплотить вокруг себя сотрудников, но и как о талантливом организаторе, готовом принять на себя любую ответственность, даже в наиболее трудных обстоятельствах со всей страстью готовом отдаваться исследованиям и экспериментам[7].

Он и подал идею опередить американцев в запуске спутника. Его предложение понравилось Хрущеву, который угадал в нем большой психологический и пропагандистский эффект[8]. Огромный резонанс этого события в мире позволил Королеву получить необходимые средства для работы. Располагая менее эффективным оборудованием, чем американцы, что проявилось в последующее десятилетие во время «гонки к Луне», группа исследователей сумела в течение нескольких лет поддерживать первенство в освоении космоса, имеющее важные политические последствия, благодаря особой изобретательности и самоотверженности первых космонавтов.

Успехи Королева и его сотрудников не означали, что СССР ликвидировал экономическое и техническое отставание от США. Большой разрыв между двумя странами сохранялся. Валовой национальный продукт СССР составлял лишь половину американского, по основным отраслям тяжелой промышленности — сталь, цемент, топливо — сравнение было не в его пользу[9]. Догнать и перегнать Америку — такую цель поставил перед собой Советский Союз.

Даже советские ракеты не имели превосходства над американ-

* Имя Сергея Павловича Королева (родился 12 января 1907 г. в Житомире), выдающегося творца основных советских космических объектов, длительное время было известно в СССР только немногим посвященным. Общественность его не знала. В печати его называли Главным конструктором, а не по имени. О личности и роли этого великого ученого заговорили лишь после его смерти, в январе 1966 г. Все теоретические расчеты орбитальных полетов осуществил Келдыш, математик, долгое время возглавлявший Академию наук, и его сотрудники.

скими, как могло показаться после первых космических стартов. Позднее американцы заявили, что знали о них все благодаря шпионажу[10] (тем не менее вслух они говорили об отставании своих ракет). Вероятно, советские руководители несколько переоценили новое оружие. Это было очевидно из их заявлений; это повлияло и на Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве, состоявшееся сразу после запуска спутника, что видно по некоторым моментам речи Мао[11]. Правда, трудно установить, был ли это просчет или просто пропагандистский жест. В любом случае Хрущев и другие советские руководители не могли игнорировать того факта, что общее соотношение сил между СССР и Америкой остается не в пользу их страны.

Какой бы ни была оценка момента, историческое значение это имело. Первый спутник был запущен через несколько недель после объявления об успешных испытаниях межконтинентальной баллистической ракеты, способной достичь любой точки Земли. Стало ясно, что советские руководители не хвастают. Новое оружие радикально изменило военные факторы послевоенной политики. Благодаря ему СССР получил не только атомное оружие, но и средства доставки, позволяющие ему достичь и американскую территорию. Утратив атомную монополию, США утратили и неуязвимость из-за океана. Теперь и они оказались под той же угрозой, что и СССР. Если до этого момента в мире существовала одна сверхдержава, теперь появилась вторая, более слабая, но имеющая достаточный вес для определения всей мировой политики. На американцев, недооценивших возможности своего противника, это произвело шоковое впечатление. В определенном смысле они вновь открыли СССР и его действительность и должны были это осмыслить[12].

Европа и разоружение

Основной целью советской дипломатии была стабилизация ситуации в Европе путем узаконивания положения, сложившегося после войны. Нужно было еще, как выражался Хрущев, «кардинально решить» немецкую проблему. Речь шла о подписании мирного договора, который не был заключен за столько лет после конца войны, но договора не с Германией, которой больше не существовало, а с обоими немецкими государствами. Предложение, выдвинутое коллективно странами Варшавского Договора[13] в мае 1958 г., было отвергнуто Соединенными Штатами и их союзниками, выступившими против любого официального признания ГДР. Хотя в частном порядке их правительства не только принимали в расчет возможность раздела Германии, но и молчаливо на него соглашались[14], формально их политика была направлена на старый вариант объединения, то есть под главенством Западной Германии.

Отсутствие юридического признания ГДР имело для СССР и его союзников серьезные последствия, так как можно было постоян-

но оспаривать законность самого существования второго немецкого государства. Кроме того, и новые польские границы не были окончательно узаконены, как это было предусмотрено Потсдамскими соглашениями. Поэтому боннское правительство не признавало их. Непосредственно на политику это влияло мало. Однако в СССР считали, что отсутствие законности поощряет всех, кто в Западной Германии вынашивал идею возврата к единому великому немецкому государству. Эта перспектива была особенно малопривлекательной в том случае, если Бонн получит от своих защитников и союзников атомное оружие или попытается создать его сам без разрешения.

Чтобы сломить сопротивление своих западных партнеров, Хрущев снова использовал единственное орудие давления, которое война оставила Советскому Союзу в Германии, — Берлин. Бывшая немецкая столица была для СССР двойной проблемой. Раздел города, то есть присутствие в столице неподконтрольного ГДР западного сектора, являлся фактором постоянной нестабильности для восточногерманского государства. Существовала открытая дверь, через которую беспрепятственно и без компенсации происходила утечка людей и средств в Западную Германию, где благодаря производственному подъему существовала более солидная экономика и лучшие условия жизни. Кроме того, Берлин оставался для Советского Союза тем, чем он был для Сталина в 1948 г., — уязвимым местом для бывших союзников, непрочное положение в котором могло вынудить их к переговорам. Хрущев пользовался иными, чем Сталин, методами. В конце 1958 г. он предложил сделать Западный Берлин «свободным городом» со своим особым статусом, гарантирующим ему независимость и кладущим конец его оккупации победителями 1945 г. Если страны НАТО, добавил он, не согласятся на заключение мирного договора с обеими Германиями, СССР заключит его только с Германской Демократической Республикой. Она получит контроль над путями сообщения с Западным Берлином, и американцы, англичане и французы, чтобы попасть в город, будут вынуждены обращаться к восточнонемецким властям, неизбежно признавая их существование[15].

Нет необходимости напоминать все стадии переговоров между 1958 и 1961 гг., кризисы и моменты успокоения. Все это время Берлин оставался самой горячей точкой мира. За периодами бесполезных переговоров следовали моменты, когда Хрущев угрожал действовать сам, но так и не решался это сделать. Он решился только на постройку 13 августа 1961 г. знаменитой стены вокруг Западного Берлина. Эта часть города была изолирована от остальной территории ГДР настоящим барьером из бетонных плит, возведенным за одну ночь и тщательно охраняемым. Открытыми остались только контролируемые пропускные пункты. С пропагандистской точки зрения это была неудачная мера, но практически эффективная. Она давала возможность правительству Восточной Германии оста-

новить отток людей и средств в другую Германию, восстановить контроль над своей территорией, своим населением и экономикой, укрепить свое положение и создать основы для самостоятельного развития своей республики[16].

Таким образом, был сделан последний шаг в разделе Германии. США и НАТО протестовали, но не могли использовать силу. Однако и Хрущев не мог прибегнуть к крайним средствам; больше ему ничего достичь не удалось. До решения немецкой проблемы должно было пройти целое десятилетие. Оно, впрочем, не отличалось от советских предложений между 50-ми и 60-ми гг.: сохранить два немецких государства, взаимно признанных другими странами и связанных нормальными дипломатическими отношениями; окончательно признать послевоенные границы; установить особый статус Западного Берлина, не принадлежащего ни одной Германии, но с гарнизоном американцев, англичан и французов [17] (здесь-то и отличие от советских предложений 1958 г.). Это не идеальное решение, но оно позволило устранить очаг напряженности в Европе.

Другой проблемой переговоров и разногласий с Западом, и особенно с США, было разоружение. Советский Союз имел конкретные интересы. В гонке современных вооружений, начатой взрывом над Хиросимой, он достиг удивительных результатов. Однако это было трудное соревнование, которое налагало на его экономику непосильное бремя. Точные цифры СССР никогда не сообщает, но они не могут быть меньше астрономических цифр американских программ. Эти огромные непроизводительные расходы изымались из национального богатства, составляющего, как мы видели, около половины богатства США. Проблема носила более серьезный характер после войны, когда советская экономика была очень слабой. Однако ее политические последствия, проявившиеся в 50-е гг., были не менее тяжелыми, потому что после смерти Сталина необходимость повысить уровень жизни стала мучительной необходимостью для новых московских руководителей[18].

СССР выдвинул много предложений о разоружении. Уже во время относительной разрядки 1955 г. его дипломатия сделала важный шаг, приняв проекты сокращения вооруженных сил, предложенные НАТО. Однако в этот момент его недоверчивые собеседники взяли их назад[19]. События 1956 г. отсрочили переговоры. Потом СССР делал разные предложения. Некоторые из них, с виду эффектные, были нереальными: например, программа «всеобщего и полного разоружения» всех стран, выдвинутая лично Хрущевым на Ассамблее ООН в сентябре 1959 г.[20] Другие были более ограниченными и практическими, как, например, предложения прекратить ядерные испытания или создать безатомные зоны. Самое известное принадлежало польскому министру иностранных дел Рапацкому, и его поддержали другие страны Варшавского Договора. Это предложение предусматривало создание зоны, свободной от нового оружия, в Центральной Европе — обе Германии, Польша и Чехословакия [21]. Москва

была более всего озабочена тем, чтобы не дать втянуть Западную Германию в гонку атомного вооружения.

Подозрения, что советские предложения являются чисто пропагандистским жестом, были рассеяны односторонними мерами по приостановке гонки вооружений, которые СССР пытался предпринять сам. В марте 1958 г. он по собственной инициативе приостановил испытания ядерного оружия [22]. С 1958 г. СССР уменьшал свою армию, которая за годы «холодной войны» выросла до 5,8 млн. человек — тяжелое бремя для мирного времени. В 1958 г. она была доведена до 3,6 млн.[23] Два года спустя Хрущев добился одобрения Верховным Советом сокращения армии до 2,4 млн. человек. Оно было частично осуществлено и прекратилось летом 1961 г. из-за протестов советских военных и напряженности, возникшей в результате строительства Берлинской стены[24].

На международном уровне разоружение успеха не имело. Сокращение Советской Армии было признаком скорее изменения стратегических доктрин, чем разрядки. Численностью своих сил СССР в прошлом пытался компенсировать отсталость в современном вооружении. Теперь оно стало опорой его военной мощи[25]. Экономия была незначительной, учитывая высокую стоимость атомного и ракетного оружия. Надеясь завуалировать это, Хрущев ввел в обиход новые теории, отрицая всякое значение обычного оружия. Так, он заявил, что бомбардировочная авиация и надводный флот больше не нужны. Однако он столкнулся с оппозицией военных, которая заставила его умерить свой пыл[26].

Диалог с Америкой

Изменение советской стратегии было в свою очередь следствием обращения к Америке как к главному собеседнику, поскольку она была единственным противником, способным поразить СССР. Выбор этот был во многом неизбежным, потому что предопределялся всем послевоенным развитием мировой политики. Он обусловливал уже решения Сталина, а в конце 50-х гг., когда СССР показал, что в состоянии сравняться с США, отразил новое соотношение сил в мире: существование двух держав, не равных по мощи, но значительно превосходящих остальных.

Это не означало, что Америка стала единственным собеседником СССР. После смерти Сталина советская дипломатия стремилась к диалогу с европейскими странами, входящими в НАТО, в частности с Францией, где в 1958 г. с приходом к власти де Голля изменилось внутреннее положение, с Англией, Италией и ФРГ. Однако, как бы ни были важны переговоры с этими странами и их результаты, они всегда были подчинены интересам диалога с США. Этот принцип был четко выражен новым министром иностранных дел Громыко в 1961 г.: «Ведь если бы эти две державы объединили свои усилия в деле обеспечения мира, то кто посмел бы... нарушить его? Никто. В мире

нет больше подобной силы»[27]. В конце 50-х гг. советские руководители сохраняли иллюзию, что в диалоге с США они могут выступать не только от имени СССР, но и от всей социалистической системы[28]. Им пришлось достаточно быстро в этом разувериться.

Наиболее известным эпизодом преференциальных отношений между Москвой и Вашингтоном стал визит Хрущева в США в сентябре 1959 г. После потрясения, вызванного запуском спутника, в Америке пробивало дорогу убеждение, что к советскому противнику нужно подходить по-новому. Отставка Джона Ф. Даллеса ускорила изменение психологии. В сопровождении двух других советских лидеров — Микояна и Козлова — Хрущев, приглашения которого в осторожной форме добивался Эйзенхауэр, прибыл в Америку[29]. Он был первым главой не только Советского, но и русского правительства, который наносил такой визит. После 15 лет конфликтов и напряженности между двумя странами этот визит разжег страсти и привлек внимание мира. Хрущев встретил корректный, но не сердечный прием. Это была преждевременная инициатива, потому что никакое соглашение между СССР и США еще не было возможно. Однако Хрущеву эта дипломатия была близка. Две недели он путешествовал по Америке, встречаясь и беседуя с самыми разными людьми: были кисло-сладкие разговоры, полемические столкновения, многолюдные приемы, острые пресс-конференции[30]. Визит закончился переговорами с Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде. Никаких соглашений не последовало. Было больше шума, чем практических результатов. Однако в этой встрече были заложены основы прямого диалога между двумя странами, получившие развитие в дальнейшем.

Диалог был бурным с самого начала. Восторженные отзывы Хрущева об Эйзенхауэре по возвращении в Москву, за которые его потом упрекали, вскоре оказались слишком оптимистичными[31]. Американские руководители тотчас залили холодной водой огонь хрущевских надежд. Иллюзиям от визита в США неожиданно положил конец один инцидент. 1 мая 1960 г. американский самолет типа «У-2», летевший на большой высоте с целью фотографирования советских военных объектов, был сбит ракетой над Уралом. Хрущев сказал об этом несколько дней спустя, точно рассчитав эффект. Пилот был захвачен живым, в руки советских властей попала бортовая аппаратура. Московское правительство имело все доказательства шпионского характера полета. Американцы, поставленные в затруднительное положение, заявили, что считают подобные операции оправданными. Эйзенхауэр взял ответственность на себя[32]. Хрущев, которого соотечественники и союзники критиковали за чрезмерную уступчивость американцам, был вынужден принять крутые дипломатические меры.

Инцидент случился накануне новой встречи в верхах, назначенной на 16 мая в Париже. В ней должны были участвовать Хрущев, Эйзенхауэр, де Голль и Макмиллан. Советское правительство более двух лет требовало такой встречи. Мы еще не знаем, чего ждал от неё Хрущев, какими были его расчеты, делалась ли ставка на компромис-

сы[33]. В тот момент, когда все уже собрались во французской столице, он потребовал, чтобы перед началом переговоров американский президент принес извинения. Поэтому переговоры не могли быть даже начаты. Уже согласованный ответный визит, который Эйзенхауэр как первый американский президент должен был нанести в СССР, был отменен.

Однако даже после этих столкновений диалог не был прерван. США и СССР сталкивались не только в Европе, но и в различных частях мира. Их атомные подводные лодки, способные долго плавать вдали от баз, кружили в океанах. Ракеты одних были нацелены на территорию других. Армии обеих стран были вынуждены поддерживать боеготовность, опасаясь неожиданного нападения. СССР был окружен цепью из 250 американских баз[34]. Однако новые факторы давали ему возможность преодолеть этот барьер, поразить далекого противника, сделать взаимно опасным любой неожиданный конфликт. Одна из водородных бомб, демонстративно испытанных СССР после берлинского кризиса, была эквивалентна 2500 бомбам, сброшенным на Хиросиму[35].

Антиколониальная тема

Суэцкое поражение означало окончательный закат Англии и Франции как мировых держав. Освободительное движение окрепло как в Черной, так и в арабской Африке. Уход крупнейших западноевропейских держав из районов, которыми они веками владели, вынудил США занять их место, чтобы контролировать эти территории. Впервые этот принцип был провозглашен для Ближнего Востока сразу после войны за канал. Эйзенхауэр заявил, что англичане и французы оставили «вакуум» в этом районе, заполнить его надлежало американцам[36]. Помощь, оказанная Египту Москвой, побудила новые националистические арабские режимы, стремящиеся освободиться от старой колониальной опеки, возложить надежды на СССР и искать у него помощи. Тогда и началось столкновение двух держав на Ближнем Востоке, которое длится и сейчас. Конфликты начались с конца 50-х гг.: в Сирии (1957), где утвердилось правительство, ориентированное на Насера, в Ираке (1958), где был свергнут старый монархический пробританский режим. В 1958 г. после долгих колебаний СССР согласился оказать Насеру экономическую и техническую помощь в строительстве гидроэнергетического комплекса в Асуане.

Крах колониальной системы в Азии и Африке дал СССР возможность расширить сеть международных связей, пусть даже и не подлинных союзов, на все континенты. У него было одно преимущество: при царском режиме русские проводили колониальную политику лишь у своих границ. Следовательно, народы, завоевавшие независимость, не испытывали к ним такой враждебности, как к западноевропейским державам, а теперь и к союзной им Америке. Революционные тенденции советского режима привлекали по крайней мере

наиболее динамичные силы новых государств. Быстрый экономический рост СССР с его пятилетками заинтересовал страны, столкнувшиеся с серьезными проблемами развития. Наконец, СССР мог предложить этим странам экономическую и военную помощь. Правда, она была непопулярна в СССР, где население испытывало ощутимую нехватку потребительских товаров, и меньше по объему, чем та, которую могли оказать США. Однако она все равно была выгодна, так как советские займы предлагались на хороших условиях, с низкой процентной ставкой. Кроме того, Москва соглашалась на выплату займов не валютой, а традиционными экспортными товарами этих стран[37].

Прямая или косвенная советская помощь позволяла различным странам в период завоевания независимости ускорить этот процесс, принимать более радикальные решения, чем в других условиях. Со своей стороны советская внешняя политика выступала с осуждением колониализма, вызывая симпатии в молодых государствах. Старые связи с антиколониальным движением, восходящие к Коминтерну, соответствовали в этом случае ее интересам великой державы, соперничающей с США.

Осенью 1960 г., после провала переговоров в Париже, Хрущев попытался расквитаться, направившись во второй раз в США во главе советской делегации на Генеральную Ассамблею ООН. Он предложил, чтобы и другие страны послали своих лидеров. Ему удалось добиться присутствия 22 глав государств и правительств. Он предложил поставить вопрос о «полной и окончательной ликвидации колониального режима управления»[38]. Политическая атмосфера в ООН была такова, что предложение советской делегации было единодушно принято. Однако когда Хрущев потребовал реформы ООН, которая отражала бы новое соотношение сил в мире, то он свел эту реформу лишь к замене Генерального секретаря триумвиратом, представляющим три мировые силы: капиталистические страны Запада, страны социалистического Востока и «третий мир»[39]. Это было малопрактичное предложение, отражавшее существующий раздел мира. Последующие реформы ООН шли в другом направлении.

Самым заметным моментом этого второго (и последнего) визита Хрущева в Нью-Йорк была его встреча с Фиделем Кастро, главой партизанского движения, победившего на Кубе 1 января 1959 г. Борьба Кастро против тиранического режима Батисты, поддерживаемого США, с самого начала носила радикальный и демократический характер. Она была одним из проявлений революционной волны, которая от далекого Индокитайского полуострова через Африку, где Конго освободилось от бельгийцев, достигла и Латинской Америки. Молодая кубинская революция очень скоро столкнулась с враждебностью северного соседа, начавшего экономическую блокаду в ответ на национализацию американских предприятий на острове. Правительство Кастро искало помощи и у СССР, и у Китая, чтобы вы-

стоять, и соответственно выбрало социалистическую ориентацию. После некоторых колебаний Москва согласилась. Помощь кубинской и другим национальным революциям в Азии и на Ближнем Востоке придала большую динамичность советской внешней политике по сравнению с временами Сталина. Еще несколько лет назад никто в Москве и подумать не мог об оказании далекой Гватемале, на которую напали США, той помощи, какая теперь была оказана не менее далекой Кубе.

Берлин, Куба, Конго, государства Индокитая стали районами прямого столкновения между СССР и США, принявшего глобальный характер. Столкновения обусловили и возможность двусторонних переговоров, которые завязались вновь между двумя правительствами, потому что старый Эйзенхауэр уступил место молодому Кеннеди, который занял президентский пост с большими претензиями на обновление. Только что избранный президент сумел ликвидировать инцидент с «У-2», запретив шпионские полеты над советской территорией. В свою очередь Хрущев тут же продемонстрировал готовность вступить с ним в контакт[40]. В июне 1961 г. они встретились в Вене. Эта взаимная беседа не имела конкретных результатов, но положила начало регулярному обмену посланиями, которые чаще всего остаются неизвестными[41].

Имена Хрущева и Кеннеди стали в нашу эпоху для широкой общественности символом мирных надежд, особенно важных в мире, где новые средства массовой информации, от кино до телевидения, доносили до миллионов людей все перипетии «равновесия страха». Все знали, что оба противника могут опустошить всю планету в ядерной войне, неожиданно возникшей просто из-за ошибки в расчетах людей, неспособных справиться с орудиями уничтожения, которые находятся в их руках. На этом апокалипсическом фоне диалог не был легким. СССР увеличил свой актив. Будучи слабее экономически, он имел преимущество перед Америкой, так как за ним шли освободительные движения разных континентов.

Кубинский кризис

Хрущев и Кеннеди стали героями самого драматического кризиса, когда-либо возникавшего между СССР и США. Это был знаменитый карибский кризис октября 1962 г. Он и сегодня оценивается советскими и американскими авторами как самый тяжелый за все послевоенные годы[42]. Можно вкратце напомнить основные моменты. Его начало относится к весне 1961 г., когда США попытались свергнуть правительство Кастро на Кубе путем бесславно закончившегося вторжения[43]. Сотрудничество между СССР и Кубой до тех пор оставалось преимущественно политическим и экономическим. Теперь оно стало и военным в предвидении нового нападения извне. Летом 1962 г. СССР решил разместить на острове ракетные базы, нацеленные на американскую территорию. Когда это оружие было

обнаружено воздушной разведкой, США сочли, что оно угрожает их безопасности. Они объявили морскую блокаду острова и потребовали, чтобы ракеты и пусковые установки были эвакуированы, иначе они будут разрушены. Это была проба сил. На несколько дней мир затаил дыхание. Вооруженные силы обеих стран были готовы к столкновению. Затем СССР уступил, согласившись демонтировать свои базы под строгим американским контролем. В обмен Кеннеди обязался не организовывать и не поддерживать вторжения на Кубу.

Некоторые моменты кризиса остались неясными. Наша реконструкция кризиса и его деталей почти полностью базируется на американских источниках[44]. Уже это свидетельствует о том, что советская сторона во время кризиса оказалась в затруднении. Тем не менее не все ясно в поведении американского правительства. Вопросов к Москве больше. Многие последствия кризиса ясны. Хрущев и советская дипломатия постоянно подчеркивали, что их единственной целью была защита Кубы, которой угрожало новое американское вмешательство. Несмотря на отступление СССР, эта цель, была достигнута благодаря обязательству Кеннеди. Правительство Кастро устояло, выдержав испытание. В это верили немногие, учитывая враждебность США[45]. После периода трудностей в отношениях между двумя странами Куба стала верным союзником СССР. Правильна ли советская версия или, как утверждают западные исследователи, Хрущев, размещая ракеты на Кубе, рассчитывал оказать давление на переговорах с США по широкому кругу мировых проблем[46], ясно одно — весь мир вынес впечатление поражения СССР.

Впечатление в политике, как было известно еще Макиавелли, значит часто больше фактов*. Казалось, что Хрущев потерпел серьезное поражение, которое поставило его под удар. Однажды испытав свои силы, он не мог в будущем надеяться на другой исход, потому что место конфликта за океаном было слишком неудобно для СССР. Пропаганда Кеннеди сумела подчеркнуть предел, указанный молодым президентом. Стало ясно, что СССР, оказывая поддержку революционным движениям, должен был учитывать возможность или неизбежность военного столкновения с США. Этот предел можно было угадать и ранее; некоторые же заявления Хрущева в период и после суэцкой войны выглядели двусмысленными.

Кубинский кризис имел и более общее значение. Успех породил в США эйфорию, что повлияло на решение США впоследствии идти до конца во вьетнамской войне. Однако это было опасное возбуждение, и Кеннеди предостерегал своих сотрудников от излишнего энтузиазма[47]. Он сам ограничил себя определенными рамками в отношениях с СССР и поэтому не допустил немедленного военного нападения на Кубу и советские части на острове[48]. Он предпочитал

* «...Потому что большинство людей наслаждается как тем, что кажется, так и тем, что есть; напротив, поступки часто вызываются больше вещами, которые кажутся, чем теми, которые есть» (Niccolo Machiavelli. Opere. Milano — Napoli, 1954, p. 151).

оставить противнику путь к компромиссу. Не только США извлекали урок из этих событий. Дойдя до края пропасти, оба противника отступили. Для США и СССР атомная война была неприемлемым средством продолжения политики. Каким бы ни было различие в силах, Советский Союз и США имели достаточные средства, чтобы уничтожить друг друга или сделать иллюзорной надежду на победу. Две державы могли вступать в острые конфликты, но они были вынуждены сосуществовать на одной планете.

Поэтому не удивительно, что после кубинского кризиса возобновился диалог двух столиц. Несколько месяцев спустя Кеннеди произнес речь, наиболее миролюбивую по отношению к СССР за послевоенный период. В этот период Хрущев в Москве столкнулся с экономическими и политическими трудностями. В августе 1963 г. в советской столице было заключено первое достаточно скромное соглашение, направленное на сдерживание гонки вооружений. США, СССР и Великобритания подписали договор, который положил конец всем экспериментальным атомным взрывам, за исключением подземных. Это была прелюдия к заключенному через пять лет договору о нераспространении ядерного оружия. Между Москвой и Вашингтоном была открыта линия прямой связи — знаменитый «красный телефон», позволивший главам двух правительств немедленно вступать в контакт в чрезвычайных случаях. Хрущев и Кеннеди уже установили определенную степень сотрудничества, но в конце года американский президент был убит. Начались новые тяжелые переговоры между двумя странами.

VI. ГОДЫ РЕФОРМ

Соревнование с Западом

В 1955 г. население СССР достигло предвоенного уровня. В 1959 г. численность городского населения сравнялась с численностью сельского, а в 1960 г. превысила его. По переписи 1959 г., первой за 20 лет, имелось 25 городов с населением более 500 тыс. жителей, в 1969 г. их стало 33. Эти общие цифры скрывали известные территориальные различия. В районах, наиболее пострадавших от войны, предвоенный уровень населения не был восстановлен и в 1959 г. Например, в Белоруссии это произошло только в 1970 г. На значительных пространствах доминировало сельское население — в 60-е гг. оно вдвое и втрое превосходило городское[1].

Число городов росло, но прирост населения замедлился. Он уже больше не достигал предвоенного уровня и составлял 1 %, как и в других индустриальных странах. Важным исключением было нерусское население Средней Азии и части Закавказья, увеличивающееся примерно на 3 %. Разрыв этот сохраняется и сейчас[2].

Во второй половине 50-х гг. СССР наконец выполнил основные задачи индустриализации. Эта фаза была пройдена, позади остались и острые социальные противоречия. В 1960 г. занятые в сельском хозяйстве составляли еще 39 % активного населения, то есть столько же, сколько в промышленности, строительстве и транспорте, вместе взятых. Однако сельское хозяйство давало только 16 % национального продукта, в то время как промышленность — 62 и строительство — 10 %[3].

62 млн. человек работали в различных отраслях государственной экономики. Более 22 млн. были заняты в промышленности, 18,5 млн. из них составляли рабочие. Они представляли рабочий класс, достаточно изменившийся с 30-х гг.: более компактный, состоявший в основном уже не из молодежи, а из различных возрастных групп. Это не были недавние выходцы из деревни; они уже давно работали на заводах. Остальные 4,5 млн. были строительными рабочими. Около 6 млн. человек работали в административном и управленческом аппарате. Почти 9 млн. имевших высшее или среднее специальное образование, включая военных и пенсионеров, можно считать интеллигенцией в узком смысле[4]. Все эти показатели, особенно последние, в рассматриваемый период были подвержены ощутимым годовым колебаниям. Мы выбрали 1960 г., когда население превысило 210 млн., как типичный для послесталинской эволюции.

Эти общие замечания показывают, насколько сложным было это общество и какие новые по сравнению с прошлым проблемы оно должно было решить. На первый план выдвигалась необходимость повысить уровень жизни, который, как мы знаем, в момент смерти

Сталина был низким. При этом руководствовались скорее политическими факторами, чем социальными. Промышленность была создана. Внешняя опасность — отдалена. Хрущевскому правительству было нужно создать новую базу для консенсуса. Хрущев и его ближайшие сотрудники считали, что осуществить обещание большей демократии, данное XX съездом, можно лишь после ощутимого роста народного благосостояния. Иначе можно было бы вызвать неконтролируемый взрыв требований и недовольства[5]. Придерживаясь схематической концепции, Хрущев верил, что прогресс коммунистических идей в мире, особенно в более развитых странах, станет реально возможным только после того, как СССР покажет, что сумел обеспечить своим народам лучшую жизнь, чем в других странах[6].

«Догнать и перегнать» наиболее развитые капиталистические страны СССР стремился давно. Сталин в 1939 г. впервые сказал о необходимости достичь более высокого промышленного производства на душу населения. Это, говорил он, основная экономическая задача . Война и послевоенные трудности отодвинули ее решение. Эта мысль снова появилась уже на XX съезде в форме предложения «мирного экономического соревнования с капитализмом». Хрущев предупредил, что понадобится еще много усилий для ее достижения[8]. По сравнению с 1939 г. изменилось соотношение сил и между капиталистическими странами. США были богаче любой другой страны. В экономической области решающее соревнование для СССР предстояло с заокеанскими соперниками.

Осуществив первые послесталинские реформы, Хрущев захотел добиться ощутимых результатов как в соревновании с США, так и в повышении уровня жизни. Он говорил о необходимости работать больше и лучше, об эффективности стимулирования, о привлекательности близких целей. В 1959 г. на XXI съезде партии он выдвинул самую авантюрную из своих идей: догнать и перегнать США по промышленному и сельскохозяйственному производству на душу населения к 1970 г., а «может быть, и раньше». Это значит, добавил он, что СССР имел бы «самый высокий жизненный уровень», став страной, где люди имели бы самое высокое благосостояние[9].

Оптимистические расчеты Хрущева основывались на простой экстраполяции годовых уровней промышленного развития двух стран в мирный период. Эти уровни были в пользу СССР. Его расчеты не учитывали не только богатство и многообразие американской экономики, но и изменения экономики советской. Существовали целые отрасли — обслуживания, народного потребления, — в которых разрыв между СССР и США оставался глубоким[10]. С другой стороны, советские руководители не могли и не хотели сконцентрировать все ресурсы на повышении благосостояния (как Сталин сконцентрировал их на тяжелой промышленности). Напротив, перед ними стояло много новых задач.

Как мы уже видели, много средств требовали гонка вооружений и космическое соревнование. Значительные финансовые и техничес-

кие ресурсы поглощал подъем сельского хозяйства, что было главным для повышения уровня жизни как на селе, так и в городе. Уровень развития промышленности даже в основных отраслях был среднеинтенсивным, ниже, чем в более развитых странах, и требовал значительных инвестиций. Были и очень важные отрасли, такие, как химия, энергетика, в которых годовое производство США в абсолютных цифрах превосходило советское[11]. Как предполагалось догнать США в этих условиях? Когда в 50-х гг. СССР осуществлял свою промышленную революцию, в мире уже разворачивалось новое глубокое преобразование производства. Сами советские люди назвали его потом «научно-технической революцией». Традиционных отраслей было теперь недостаточно. Нужно было развивать химию, электронику, изменять энергетический баланс, увеличивать добычу нефти вместо угля, электрифицировать железные дороги, в основном остававшиеся на паровой тяге, строить дороги и обновлять транспорт — слабую точку советской экономики. Традиционное разделение между тяжелой и легкой промышленностью («группа А» и «группа Б») становилось все более устаревшим[12]. Если мы посмотрим, чем занимался ЦК партии, который стал собираться регулярно, то увидим, что эти проблемы наряду с аграрными стояли в повестке дня.

Годы после смерти Сталина стали скорее периодом реального повышения уровня жизни, чем внутренней разрядкой. К выгодам полной занятости и постепенного роста заработной платы, которая еще оставалась низкой (в промышленности средняя заработная плата изменилась с 703 рублей в 1950 г. до 913 рублей в 1960 г.*), добавилось расширение системы социального обеспечения. В 1956 г. были существенно увеличены и унифицированы пенсии, остававшиеся неизменными с начала 30-х гг.[13] Повышение заработной платы коснулось прежде всего малообеспеченных категорий. На заводах уменьшился разрыв в оплате инженерно-технических работников и рабочих.

Из всех потребностей советских граждан самая основная — жилищная — в середине 50-х гг. была наиболее острой. Стало катастрофически тесно. В 1954 г. состоялся ряд совещаний, на которых было решено перейти к строительству индустриальными методами на основе серийного производства. Настоящий план городского развития впервые в советской истории был принят в 1957 г. С 1956 по 1963 г. в СССР было построено больше жилья, чем за предшествующие 40 лет. Только в Москве в 1961 г. было построено 3700 тыс. *кв. м* жилья против 500 тыс. в 1950 г.[14] Его качество было низким, но острая необходимость требовала спешить. После десятилетия массового строительства в 1967 г. в советских городах приступили к ликвида-

* 1 января 1961 г. в СССР была осуществлена денежная реформа чисто бухгалтерского характера. Был введен «тяжелый рубль». Находящиеся в обращении деньги обменивались из расчета 10:1. В соответствии с этим изменилась заработная плата, цены, вклады в сберегательных кассах.

ции такого бедствия, как коммунальные квартиры. Полностью эта проблема не решена и сейчас.

Для многоцелевой экономики больше не подходили методы управления и планирования сталинской эпохи, заключавшиеся в абсолютном приоритете некоторых целей, которым подчинялись остальные. Постепенно в управлении предприятиями и государством вводились некоторые изменения. Доходная часть бюджета в большей степени обеспечивалась доходами производственных и торговых предприятий и в меньшей — налогом с оборота, оказывавшим сильное влияние на потребительские цены и бывшим основным источником дохода при Сталине[15]. Предприятия в значительной степени переводились на самофинансирование из собственных доходов при уменьшении государственных дотаций. Были расширены кредитные функции банковской системы. В 1955 г. произошел первый пересмотр оптовых цен[16].

Налоговое давление на трудящихся было уменьшено как в прямой форме, так и путем отмены государственных займов. Однако взамен правительство ввело 20-летний мораторий на выплату по всем предыдущим займам[17]. Ежегодное снижение розничных цен, продолжавшееся еще два года после смерти Сталина (1953—1954) в размерах, не соответствующих возможностям рынка, было прекращено. Исчезновение последних мер по милитаризации труда заставило внимательнее изучать политику в области заработной платы. Тотчас же резко возросла текучесть рабочей силы — старая болезнь советской промышленности[18]. Повышение заработной платы стало основным фактором стабильности и производительности. Расценки и разряды были пересмотрены, возросла роль повременных ставок за счет сдельной оплаты труда[19]. Профсоюзы, оставаясь «приводным ремнем» в сталинском смысле, все же расширили сферу своей компетенции.

Середина 50-х гг. стала периодом кризиса старого планирования. Мы уже видели, как между 1953 и 1955 гг. новые руководители значительно изменили план, унаследованный от Сталина. Однако и шестая пятилетка, торжественно принятая XX съездом в феврале 1956 г., была пересмотрена еще до конца года. Затем в разгар выполнения она показалась завышенной и была отложена, уступив место новому, семилетнему плану, рассчитанному на 1959—1965 гг.[20] Для его одобрения был созван новый, XXI съезд партии, названный внеочередным, тот самый съезд, на котором Хрущев обещал перегнать Америку. Эта неуверенность и последующие пересмотры неудивительны: советские руководители искали такой тип плана развития, который обеспечивал бы равновесие не только противоречивых потребностей, но и различных отраслей. План должен был не ставить две-три цели, достигаемые любой ценой, а использовать имеющиеся ограниченные средства самым эффективным образом для достижения многих целей. Наконец, он должен был удовлетворить потребности растущего внутреннего рынка. Никакой из советских планов прошлого реально не ставил таких целей.

Три реорганизации: промышленности, МТС, школы

Между 1957 и 1958 гг. Хрущев попытался решить все новые проблемы и провел три реформы, на которые возлагал большие надежды. Они касались промышленности, сельского хозяйства и системы образования и были далеко не бесспорны. Может быть, поэтому еще до принятия они широко обсуждались в стране. В советской истории был только один прецедент такого рода — обсуждение Конституции 1936 г.[21] Однако эта мера не обеспечила успеха реформ — все они завершились частичным или полным провалом.

Руководство промышленностью через отраслевые министерства с самого начала создало большие трудности для преемников Сталина. Маленков попытался уменьшить количество министерств, но был вынужден отступить, снова разделив только что объединенные ведомства. Хрущев, напротив, поощрял децентрализацию управления промышленными предприятиями, находящимися в отдельных республиках Союза, так как возрастали трудности управления из Москвы огромным производственным комплексом, растущим год от года и разбросанным по разным районам страны.

Радикальные предложения Хрущева в 1957 г. основывались на организационных формах первых лет Советского государства. Промышленные предприятия должны управляться местными органами (совнархозами), а не отраслевыми органами управления. Совнархозы должны управлять всеми промышленными предприятиями на своей территории вне зависимости от их профиля. Госплан должен был заниматься общим руководством и планированием, а также координацией во всесоюзном масштабе. Реформе не подлежали только военная промышленность и несколько важнейших отраслей, например энергетика. При помощи новой системы надеялись наиболее рационально использовать сырьевые ресурсы, устранить отраслевую изолированность и ведомственные барьеры. Ожидалось, что новое местное руководство полнее оценит местные возможности, и это будет способствовать более гармоничному развитию отдельных районов. Наконец, Хрущев думал и о политических целях: нанести удар по московской бюрократии, которой он не верил и считал даже враждебной себе[22].

Общественное обсуждение было не настолько свободным, чтобы выявить сильную оппозицию этому проекту. Однако кое-что было не лишено интереса. Появилось много поправок; они касались этапов проведения реформы, требований большей самостоятельности отдельных предприятий и руководящих ими органов. Наиболее здоровое мнение было выражено директором крупного завода Уралмаш. Он спрашивал, можно ли усовершенствовать организационную структуру, если наука не подскажет более рациональных, эффективных критериев функционирования экономики[23]. Тем самым он коснулся самого слабого пункта реформы, то есть показал, что она не изменила принципов управления и планирования, а лишь заменила отраслевую

организацию территориальной. Порок этот не был устранен — закон о новой системе лишь усугубил его[24]. По закону сеть совнархозов практически совпала с административным делением, существовавшим в стране, а не обусловливалась организацией территории на основе экономических критериев. Новые органы стали просто многоотраслевыми министерствами со схожими задачами, но только на областном или республиканском уровне.

Новая организация сохранялась до тех пор, пока Хрущев был у власти. Она эффективно стимулировала местную инициативу. Однако очень скоро проявились те же слабости, что и у предыдущей системы. Если раньше отраслевые интересы препятствовали более экономичному использованию ресурсов, то теперь местные интересы каждого совнархоза требовали использовать все имеющиеся средства для удовлетворения прежде всего местных потребностей. С другой стороны, так как каждая отрасль промышленности сохранила свои специфические потребности, то распущенные министерства очень скоро снова появились в Москве под видом отделов Госплана или технических комитетов. Над ними создавались новые органы связи. Административный аппарат экономики не упростился, а стал еще более тяжелым и сложным. Реформа свелась к бюрократической реорганизации.

Гораздо значительнее на структуру производства повлияли преобразования в сельском хозяйстве. Они были подготовлены другими структурными изменениями, которые осуществлялись после смерти Сталина для преодоления кризиса сельского хозяйства. В 1955 г. Хрущев вопреки сопротивлению изменил критерии планирования в сельском хозяйстве. Теперь колхоз получал только обязательные задания по заготовкам вместо жесткой регламентации деятельности. Он впервые мог решать сам, как использовать собственные ресурсы и организовать производство[25].

При Хрущеве произошло сокращение числа колхозов и рост числа совхозов, то есть государственных хозяйств. Именно они, как мы уже видели, господствовали на целинных землях. Начиная с 1954 г. самые бедные колхозные хозяйства постепенно были объединены и для их оздоровления преобразованы в совхозы. Совхозов в 1950 г. было около 5 тыс., в 1964 г. стало около 10 тыс., в среднем по 27 тыс. *га* земли каждый[26]. За этот же период число колхозов уменьшилось с 91 тыс. до 38 300. Продолжался процесс слияния, начавшийся еще при Сталине и продолжавшийся по инициативе Хрущева. Речь шла о крупных хозяйствах, в каждом из которых в 1954 г. было в среднем более 400 семей и около 6 тыс. *га* земли[27]. Этими рамками и ограничилась новая реформа Хрущева, основанная на предложениях, выдвинутых еще при Сталине, но им отвергнутых.

Основная разница между совхозом и колхозом состояла во владении механическими средствами производства. Первые, как государственные хозяйства, располагали ими непосредственно, вторые — не имели права владеть ими. Они должны были пользоваться услугами

государственных машинно-тракторных станций (МТС) в обмен на продукты производства. Хрущев предложил распустить МТС и передать технику в собственность колхозов. Таким образом, нарушалась одна из важнейших сталинских догм, по которой все важные средства производства должны находиться в руках государства[28]. Эта инициатива была очень важной, так как усиливала самостоятельность крестьянского хозяйства. Разгромив своих противников, Хрущев в 1958 г. не встретил в руководстве партии принципиальных возражений, ранее сдерживавших его инициативу. В ходе обсуждений не было явной оппозиции, так как это предложение было благосклонно принято на селе. Выражали только озабоченность серьезными практическими проблемами, возникающими при перестройке. Закон, принятый Верховным Советом в марте 1958 г., предусматривал более постепенное осуществление реформы, чем думали многие[29].

Ликвидация МТС была единственной экономической реформой Хрущева, которая пережила его. В этом смысле его правление имело важные последствия. Именно из-за своего радикального характера эта реформа не осталась простой реорганизацией, а потребовала более глубоких изменений. Покупка колхозом сельскохозяйственных машин расширила сферу рыночных отношений. Свобода для хозяйств распоряжаться орудиями производства требовала вернуться к первоначальной концепции кооперативного хозяйства и отказаться от полного подчинения государству. Так как колхозы должны были сами, хотя и в определенных рамках, решать, как вести себя на рынке, то им нужно было помочь, поскольку длительная эксплуатация при Сталине достаточно их обессилила.

Однако ни одну из этих трудностей не упоминали ни в ходе обсуждений, ни после принятия закона, так как пришлось бы пересмотреть всю советскую политику коллективизации сельского хозяйства и полностью изменить отношение государства к крестьянам. Но ни Хрущев, ни его сотрудники не были к этому готовы. Многообещающая реформа была, как мы увидим ниже, осуществлена с такой экономической непредусмотрительностью, что привела к отрицательным последствиям. Несмотря на призывы к осторожности, ее провели сразу на всей территории и по всем хозяйствам. Результат оказался разочаровывающим. По закону старые МТС должны были стать станциями обслуживания, ремонта и поставки запасных частей. Однако таких традиций не было в советской экономике. Чаще всего МТС просто упразднялись, а колхозам, не имеющим никакого оборудования, приходилось своими силами спешно заканчивать ремонт и подготовку машин к севу[30].

Третья реформа Хрущева коснулась системы образования. Это была первая в мире попытка решить проблемы, порожденные массовым образованием во всех развитых странах. В конце 50-х гг., когда среднее образование широко распространилось и стало всеобщим, эти проблемы впервые возникли в СССР. Число учащихся 8, 9 и 10-х классов утроилось за 8 лет, хотя это поколение было затрону-

то падением рождаемости в военное время. Число лиц, окончивших средние учебные заведения, увеличилось с 284 тыс. в 1950 г. до 1574 тыс. в 1958 г. Если в 1950 г. почти все желающие могли учиться в вузах, в 1958 г. только менее трети (456 тыс.) было принято в них по конкурсу[31]. Возникло противоречие между всеобщим стремлением к высшему образованию и потребностями экономики в новой рабочей силе. При поступлении в высшие учебные заведения преимущество имела молодежь из городов и кругов интеллигенции, лучше подготовленная к трудным конкурсным экзаменам. Так советская школа утратила демократический характер[32].

В основе реформы лежали два мероприятия. Хрущев ликвидировал систему «трудовых резервов», то есть сеть военизированных училищ, существовавших на государственный счет. Они были созданы перед войной для подготовки квалифицированных рабочих. Их заменили обычными профессиональными училищами, в которые можно было поступать после седьмого класса. Средняя школа получила «политехнический» профиль, предполагавший сочетание образования с трудовой деятельностью, с тем чтобы учащийся получил представление об одной или нескольких профессиях. Прием в вузы был в основном зарезервирован для тех, кто имел стаж работы на предприятии или в сельском хозяйстве[33].

Эта реформа обсуждалась формальнее и быстрее, чем предыдущие. На практике первая часть новой системы (ликвидация «трудовых резервов») была осуществлена за несколько лет, в то время как вторая часть осталась на бумаге. Ее проведение требовало значительных средств, которых не было. Школы не были оборудованы для обучения современным промышленным и сельскохозяйственным профессиям. Предприятия, вынужденные взять на себя эту задачу, не были готовы к неожиданной педагогической нагрузке. В конечном счете все остались недовольны, потому что новая система ухудшила общую культурную подготовку и не давала профессиональной[34]. Эта часть реформы и была отменена после падения Хрущева.

Семилетний план

В хрущевском десятилетии часто выделяют два периода, различных по экономическим результатам. Первый (1953—1958) — наиболее позитивный; второй (с 1959 г. до смещения Хрущева в 1964 г.) — когда преобладали отрицательные результаты[35]. Это деление правильное, хотя и упрощенное. Оно достаточно точно совпадает с двумя различными периодами правления Хрущева: первым, когда он боролся за главенство во враждебном ему коллегиальном руководстве, и втором, когда господствовал.

Первым планом развития страны, который не основывался больше лишь на индустриализации, стал семилетний план, принятый XXI съездом партии. С его помощью попытались, не тормозя роста

страны, восполнить, хотя бы частично, серьезные нарушения равновесия, от которых страдало советское общество. Однако он остался весьма амбициозным.

В нем экономика программировалась в масштабах, несравнимых с прошлым опытом советского планирования. За 7 лет СССР должен был произвести столько же, сколько за предшествующие 40 лет. В конце 1962 г. Хрущев смог сказать, что всего за 4 года создан промышленный потенциал, превышающий все, что было построено за предвоенные пятилетки[36]. Может быть, это утверждение и преувеличено, но оно дает представление о грандиозности нового плана. Когда он был завершен, о его целях высказывались отрицательно. Преемник Хрущева Брежнев говорил, что он был отражением волюнтаризма и гигантомании его предшественника: ставились цели, которые превосходили реальные возможности страны[37]. Это суждение сурово, но основано на более точном анализе.

Правда, не впервые цели плана оказывались преувеличенными. Тот, кто следил за нашими рассуждениями, знает, что и в предыдущих планах крупные отрасли экономики, например сельское хозяйство или производство потребительских товаров, никогда не достигали планируемых уровней. Семилетний план вывел советскую экономику из застоя. Правительство осуществило крупные капиталовложения: не намного меньше, говорил Хрущев, чем за весь предшествующий период[38], но с какими результатами? Для традиционных отраслей промышленности они были более чем значительными. В 1965 г. СССР произвел 507 млрд. *кВт/час*. электроэнергии, 243 млн. *т* нефти, 578 млн. *т* угля, 91 млн. *т* стали и 72 млн. *т* цемента. Эти цифры близки или слегка превышают плановые (американцы произвели соответственно: 1220, 285, 477, 122, 65)[39] Это сопоставление, не во всем выгодное для СССР, показывает, что промышленный потенциал обеих стран по некоторым отраслям промышленности значительно сблизился. Если учесть существовавший в конце войны экономический разрыв, Советскому Союзу было чем гордиться. Однако советские люди не могли больше довольствоваться успехами, достигнутыми в некоторых основных отраслях, и это было большой проблемой. Сравнение между двумя великими промышленными экономиками не сводится к настолько простым отношениям.

Уже говорилось, что к концу планового срока намеченный индекс промышленного производства был превышен[40]. Однако этот результат, спорный сам по себе из-за трудностей проверки, был теперь недостаточным. Сами советские руководители говорили, что следует оценивать их успехи другими, совокупными показателями, более сложными, полнее отражающими развитие экономики. Они же предпочли сосредоточить внимание на общем росте национального дохода. Этот рост оказался ниже, по некоторым источникам — значительно ниже планируемого[41]. Это означало, что наряду с ростом некоторых важных отраслей отмечено новое отставание других. Развитие советской экономики оставалось, как и в прошлом, неравномерным, несмотря

на многочисленные обещания правительства исправить копившиеся годами диспропорции.

Это явление проявилось достаточно рано. Уже в середине семилетия Хрущев знал и говорил о нем в одной из своих речей. Однако он не мог ничего сделать. Лучше других продолжали развиваться именно традиционные отрасли советской промышленности, которые, постоянно расширяясь, могли лучше обеспечивать свои интересы, и в первую очередь военное производство. Другим типичным примером, отмеченным Хрущевым, была металлургическая промышленность, а химия, которую уже принесли в жертву в прошлом, напротив, постоянно отставала от планов, особенно по современной продукции: синтетическим волокнам, пластмассам, искусственным удобрениям, — в которой больше всего нуждалась советская экономика[42]. Нельзя сказать, что вся намеченная структурная перестройка осталась на бумаге. В топливном балансе произошли изменения в пользу жидкого топлива. Значительно расширилась электрификация железных дорог[43]. Однако эти перемены были неудовлетворительны по сравнению с плановыми и еще больше — по сравнению с потребностями.

Решить сразу такие задачи значительно труднее, чем удовлетворить некоторые первоочередные потребности. В новых масштабах воспроизводились старые болезни советской экономики. Капиталовложения распылялись по многим направлениям, выполнение заданий надолго затягивалось. Проявилась тенденция снижения рентабельности[44]. Заводы работали неритмично. Качество большей части продукции было ниже аналогичной зарубежной. Целые отрасли инфраструктуры, например дорожная сеть или система коммуникаций, оставались в зачаточном для развитой страны состоянии. В 1956 г. в СССР было 4,5 млн. телефонов, а в США — почти 90 млн.[45] Наконец, с усилением комплексного характера экономики начали постепенно замедляться темпы промышленного развития.

В то время как мощь страны возросла достаточно, чтобы обеспечить активную внешнюю политику, уровень жизни повышался медленнее, чем ожидали лидеры и население. Все эти оценки, естественно, относительны. Прогресс все-таки был, и даже скромное повышение благосостояния было ощутимым по сравнению с прошлым. Получили распространение ранее недоступные блага — наручные часы, фотоаппараты, товары для дома, радио, а затем и телевизоры. Однако образ жизни советских людей оставался спартанским и изменялся медленнее, чем позволяли надеяться перемены 1953—1958 гг.

Производство потребительских товаров росло не только медленнее промышленного производства, но и медленнее намеченных планом уровней. Ассортимент товаров расширяли, но их хронически не хватало: магазины были в запущенном состоянии, с длинными очередями людей, которые охотились за дефицитными товарами, неожиданно появляющимися в продаже. Эта повседневная действительность поражала многих приезжающих в Москву иностранцев, хотя

Москва — привилегированный город, в других ситуация была еще хуже. Нехватки усугублялись неподготовленностью промышленности к изменениям спроса на рынке, который никто никогда не изучал. Многие годы население получало лишь прожиточный минимум[46]. Такая застарелая бедность бросалась в глаза больше, чем в прошлом, потому что в более развитых странах, которые Советский Союз догонял, именно в эти годы происходил взрыв личного потребления на базе нового технологического подъема.

Сельское хозяйство: все еще жертва

Среди диспропорций семилетнего плана самой тяжелой оставалась хроническая болезнь советской экономики — кризис сельского хозяйства. Именно эта отрасль, в которой Хрущев поставил на карту свой престиж, лучше всего отражает разрыв между первым и вторым пятилетиями его правления. После отличного 1956-го и посредственного 1957-го 1958 год был хорошим для советской деревни. Сельскохозяйственное производство на 50 % превысило уровень 1953 г. Сбор зерновых составил 135 млн. *т*, что означало среднюю урожайность — 11 *ц* с *га* против 8 *ц* в последние три года жизни Сталина. Сбор почти всех культур оказался лучшим в советской истории. После долгих лет застоя начало расти животноводство, причем быстрее, чем когда-либо в стране до или после революции[47]. Ободренный этими результатами, Хрущев в семилетнем плане наметил новый рост сельскохозяйственной и животноводческой продукции на 70 %. Однако за 7 лет прирост составил всего 15 %[48]. Это был самый тяжелый провал всей экономической политики Хрущева.

Успехи 1953—1958 гг. были значительными и, несомненно, облегчили критическую ситуацию, в которой находился СССР после смерти Сталина, но это было просто улучшение тяжелой ситуации. Начало, предпосылка еще не являются решением. В значительной мере это явилось результатом освоения целинных земель, давших государству большую часть зерна[49]. Кроме того, советское сельское хозяйство постепенно, хотя и медленно, начало чувствовать, что давление на него ослабевает. Меры, принимавшиеся с 1953 г., оказались достаточными для того, чтобы вызвать производственный подъем как в колхозах, так и в личных хозяйствах колхозников. Однако это явление наблюдалось не везде, а только в части колхозов и совхозов.

Повышение закупочных цен увеличило доходы хозяйств с 50 до 132 млн. рублей[50]. Однако крестьяне получили от этого мало выгод, так как колхозы были принуждены увеличить капиталовложения в оборудование и инфраструктуру. Тем не менее доход колхозников возрос: как только колхоз наводил хотя бы минимальный порядок в своих делах, крестьянам выплачивали один или два аванса от заработка, предусмотренного на конец сезона. Наиболее солидные хозяйства пытались отменить систему трудодней и более точно

оценивать труд колхозников. Однако не все колхозы были в состоянии перейти к новым методам оплаты, и во всех случаях как денежные, так и натуральные доходы крестьян оставались значительно ниже доходов трудящихся города[51].

Для того чтобы быть последовательным и завершить преобразования, начатые после 1953 г. (от свободы внутреннего планирования до реформ МТС), Хрущеву требовался если не новый нэп, как в 20-х гг. (тогда речь шла об индивидуальных хозяйствах), но хотя бы что-нибудь в этом роде. Говоря старым большевистским языком, требовалась новая «смычка» — новая связь — между городом и деревней, оздоровление экономических отношений, чего безуспешно требовал Бухарин в середине 30-х гг.[52] Однако СССР Хрущева слишком многое унаследовал от сталинского СССР, чтобы совершить такой резкий социально-политический поворот. Перед этой массой проблем остановились в тот самый момент, когда ломали одну из сталинских традиций — МТС.

Сама реформа МТС была проведена так, что вызвала новое ухудшение отношений между городом и деревней. Колхозы не имели выбора — им пришлось покупать машины немедленно и по повышенной цене, назначенной государством. Кроме того, отсрочки платежей было недостаточно, чтобы облегчить их бремя, особенно для слабых хозяйств. Более того, колхозы должны были сами создавать новое оборудование, обновлять машинный парк, заботиться о запчастях, а цены не давали им этого делать. В первые годы после реформы моторизация деревни и производство сельскохозяйственных машин вступили в кризисное состояние[53]. Колхозам стало легче, когда они были освобождены от платежей натурой за работу МТС. Однако государство не могло отказаться от продуктов, получаемых таким путем. Оно решило покупать их, но не по рыночной цене, а по цене, назначаемой сверху для других видов заготовок. На практике произошло снижение сельскохозяйственных цен, ликвидировавшее бо́льшую часть выгод, полученных колхозами с 1953 г. Сельское хозяйство вернулось к производству в условиях недостаточно оплачиваемого труда[54]. Это и было первой причиной его застоя.

В сельском хозяйстве в более острой форме повторилось явление, характерное для всей экономики: преобладание старых тенденций над новыми программными установками. В создавшемся тяжелом положении, когда возросло количество стоящих перед государством проблем, еще раз принесли в жертву деревню. Только несколько лет спустя в руководстве партии скажут, что пора перестать решать все беды за счет сельского хозяйства[55]. Государственные капиталовложения в сельское хозяйство, возраставшие с 1953 г., были снова уменьшены — как в абсолютных, так и в относительных цифрах в 1958 г., когда потребность в них была особенно велика[56]. Удобрений было недостаточно, их использовали лишь для наиболее ценных культур. Однако электрификация развивалась успешно: в 1964 г. только 12 % колхозов совсем не имели электроэнергии (против 85 % в 1950 г.),

но энергия, используемая в деревне, составляла лишь 4 % от произведенной в стране[57].

Уменьшение оплаты за работу в колхозах после некоторого роста в 1953—1958 гг. уже само по себе было проявлением кризиса. Оно было усилено политической и социальной дискриминацией, которой постоянно подвергались крестьяне, во многих отношениях остававшиеся гражданами второго сорта. Они не имели пенсий и оплачиваемых отпусков. Они не имели права по своей воле покинуть местожительство. Этого права их лишил Сталин в 1932 г., и оно не было восстановлено. Они не имели политического представительства, как другие слои населения (у рабочих и служащих — профсоюзы, у творческой интеллигенции — творческие союзы), хотя бы в форме сталинского «приводного ремня». Товаров в деревне было еще меньше, и они были еще хуже, чем в городе. В целом положение крестьян не улучшилось и после 1953 г. Однако оно стало просто нетерпимым, когда во всей стране росло благосостояние. Приостановленное на несколько лет, возобновилось бегство из деревни, особенно молодежи, с помощью тысячи различных способов, несмотря на юридические запреты. Работники МТС отказывались, если могли, переходить в колхозы, чтобы не стать колхозниками и не утратить выгод от своего положения рабочих государственного предприятия[58].

Позднее вина за развал деревни будет возложена на Хрущева. Будучи главным инициатором аграрной политики, он не смог уйти от ответственности. Однако мы вправе спросить: не был ли он ограничен в своей деятельности, как и любой советский руководитель? Хрущев стремился улучшить ситуацию, но был бессилен сделать это. Он понял, что сам воспроизводит кризис, вину за который возлагал на Сталина. Это следует из некоторых его замечаний 60-х гг.[59] Он искал простых агрономических решений для социально-экономических проблем, с которыми не мог справиться. Пораженный тем, что США нашли в кукурузе наиболее экономичный способ развития животноводства, он решил ввести эту культуру в СССР, где ее мало выращивали, как Петр I в свое время заставил строптивых русских крестьян выращивать картофель. Он в приказном порядке навязчиво требовал расширения посевов кукурузы[60]. Начиная с 1961 г. так же насильственно пропагандировалась новая система севооборота, без паров. Однако советская деревня ни технически, ни психологически не была готова к этим новинкам. Чтобы ввести их, Хрущев пожертвовал той самой свободой планирования, которую еще несколько лет назад хотел дать колхозам. Они были вынуждены против своей воли вести хозяйство по-новому, не зная методов и получая низкие урожаи. Несмотря на обещания, кооперативный Устав колхозов так и не был применен[61].

Хрущев дошел до того, что стал верить проектам-миражам. В 1959 г. он превозносил Рязанскую область, обещавшую за год утроить производство мяса. Обязательство оказалось фиктивным, и

руководитель области Ларионов покончил с собой*. Однако покачнулся и престиж Хрущева, поддерживавшего его[62]. В это время Хрущев опять стал верить академику Лысенко, хотя после смерти Сталина он первым критиковал его[63].

В 60-х гг. Хрущев снова начал сдерживать частную деятельность крестьян, уничтожая положительный эффект самой популярной реформы 1953 г. Некоторые люди не хотели выращивать собственный скот, а стремились передать его в колхозы. Среди них были как крестьяне, так и горожане, получившие право иметь корову. Хрущев надеялся заставить крестьян больше работать в колхозе и помешать горожанам доставать за свой счет корма, которых и так не хватало. Действительно, заниженная из политических соображений цена на хлеб побуждала некоторых покупать его на корм скоту. Но экономическую проблему нельзя решить авторитарными мерами. Хрущев вызвал недовольство крестьян и рабочих, а не развитие животноводства, как он рассчитывал. Колхозам нужно было время для организации производства, в тот момент они не имели даже хлевов[64].

После 1958 г. целинные земли истощились. Первые сборы обеспечивались высоким природным плодородием почвы, отдыхавшей веками. Однако эти земли в свою очередь требовали больших капиталовложений, чтобы применять эффективные агрономические методы и строить постоянные поселки для работников. Стоит напомнить, что сначала эти целинные земли хотели использовать временно, пока не будет поднято сельское хозяйство в традиционных областях. Хотя особых успехов не было, их продолжали использовать без мелиорации, высевая только зерновые. При этом не только снижались урожаи, но и почва, как предвидели эксперты, становилась беззащитной перед сорняками и ветровой эрозией, особенно опасной в степи, лишенной естественной защиты[65].

Таким образом, кризис сельского хозяйства обострился под влиянием многих факторов. Правда, застой сельскохозяйственного производства произошел тогда, когда оно достигло более высокого уровня, чем в сталинскую эпоху. Однако это было слабым утешением, потому что и потребности страны значительно выросли. Городское население стало многочисленнее, его доходы возросли. Крестьяне и горожане стали лучше питаться. Животноводство требовало больше кормов. Союзники хотели закупать зерно в СССР. В 1962 г. стало неизбежным повышение закупочных цен на мясо и молоко, что вызвало повышение на 30 % потребительских цен. Постоянный упадок деревень усилил областные диспропорции: в сердце России часть нечерноземной полосы, разрушенной войной, осталась опустошенной. Во многих местах деревни обезлюдели[66].

---

* Для того чтобы выполнить обещание, руководители Рязани приказали забить на мясо и животных-производителей, тайно доставляли скот из соседних областей. Они вызвали глубокий кризис животноводства не только в собственной области, но и на более обширной территории.

Как уже случалось в советской истории, экономические, политические и социальные факторы кризиса совпали с плохими погодными условиями и вызвали в 1963 г. огромные трудности. Засуха имела разрушительные последствия, потому что началась тогда, когда равновесие сельского хозяйства висело на волоске. На целинных землях эрозия достигла масштабов экологической катастрофы, как в 30-е гг. в Оклахоме. Бури поднимали с незащищенной земли тучи пыли, скрывавшей солнце[67]. Урожай в других областях был плохим. Производство упало до уровня, близкого к сталинским годам. В то же время правительство не сумело накопить запасов, чтобы справиться с катастрофой. Более года в продаже не было муки. Даже продажа хлеба была ограничена.

Настоящей нехватки продовольствия с введением карточной системы удалось избежать только благодаря массовым закупкам зерна в Америке, оплаченным золотом. Впервые за всю свою историю СССР закупал зерно за рубежом. Для Хрущева, который за несколько лет до этого обязался догнать и перегнать США, это был бóльший позор, чем поражение в кубинском кризисе. Прекрасный урожай следующего года уже не поднял его престижа. Сильные колебания сельскохозяйственного производства были новым признаком неблагоприятных структурных сдвигов в деревне. Последующие годы показали, что советское сельское хозяйство, которое 30 лет приносили в жертву, не так-то просто было привести в порядок.

Дискуссии экономистов

Аграрный кризис, расширение рыночных отношений, быстрое разочарование в совнархозах, необходимость найти сбалансированные решения большого числа проблем, соперничество с более развитыми странами, критика деятельности Сталина и бóльшая интеллектуальная свобода стали факторами, которые способствовали возрождению экономической мысли в СССР. Его первые признаки появились во второй половине 50-х гг., когда начались общественные дискуссии о законе стоимости и рыночных отношениях в различных сферах советской экономики. Однако окончательно рамки дискуссии определились к началу 60-х гг., когда накопились трудности из-за экономической политики Хрущева. Он приветствовал это возрождение исследований, хотя оно и сопровождалось критикой его деятельности[68].

Здесь нет места для анализа отдельных тезисов различных школ этого периода. Достаточно отметить основные направления. Во главе теоретического направления стояли двое ученых из Ленинграда — Канторович и Новожилов. Они выступали за широкое применение математических методов в планировании. Второе направление — практики требовали большей самостоятельности для предприятий и, следовательно, менее жесткого и обязательного планирования, оставляющего место для рыночных отношений и сопутствующих им

экономических категорий (цена, прибыль, кредит, торговля). Наконец, третья группа исследователей — из ИМЭМО (институт Варги, распущенный Сталиным в 1948 г.) — начала изучать экономику Запада и возрастающее государственное вмешательство, промышленную и финансовую концентрацию[69]. Внимание этих школ было направлено не столько на организацию экономической жизни, на чем были сосредоточены реформы Хрущева, сколько на критерии функционирования, руководства и управления. Долго шли дебаты о методах ценообразования. Они оказали глубокое влияние не только на экономику, но и на все общество[70]. Они охватывали не только экономические, но и политические проблемы, а также сферу общественной жизни, на которой мы остановимся в следующей главе.

VII. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕВАНШ

Новый политический климат

В свое время о периоде Хрущева было написано много. Историография СССР в то время пополнилась многими работами. Это было признаком изменения политического климата по сравнению со сталинским периодом. Стало легче изучать СССР. Его посещало все больше иностранцев. Снова начали издавать статистические и другие материалы о жизни общества. Партийные и государственные органы активно функционировали, часто их деятельность была доступной для ознакомления*. Публикаций стало больше, они стали менее однообразными. В Москве стало выходить 5 исторических журналов вместо одного. То же происходило и в литературе, и экономике. Сталинская традиция секретности сразу не исчезла, так как имела крепкие корни в бюрократии. Однако потребности внутреннего развития предполагали больше информации: чтобы руководить или просто работать и учить все большее число граждан, нужно было лучше знать действительность.

Этому явлению сопутствовало значительное расширение руководящего слоя. Там, где Сталин проводил централизацию, Хрущев — децентрализацию: в администрации, экономике, юстиции, науке. Компетенция местных руководителей в этот период заметно возросла. В первую очередь это можно сказать о первых секретарях союзных республик и областей. Однако акцент на коллегиальный характер руководства вместо дорогого Сталину единоначалия[1] означал, что они должны больше, чем в прошлом, считаться с другими местными органами власти, подчиненными им иерархически, но не лишенными средств влияния.

Даже в руководстве страной власть Хрущева не могла сравниться по масштабам со сталинской. Проведенные реформы и решительное осуждение деятельности Сталина создали определенный психологический барьер против господства одной личности. После разгрома оппозиции в 1957 г. правление Хрущева стало единоличным. Однако даже тогда, когда его главенство было неограниченным, у него не было неограниченной власти. Некоторые исследования, проведенные вне СССР, подтверждают, что хотя он и принимал авторитарные решения, но не был волен делать все, что хотел, потому что наталкивался на препятствия, сопротивление, в некоторых случаях — оппозицию, постоянные ограничения[2]. Казуистика, как она ни интересна, не может нам помочь при изучении этого слабо документированного периода. Важнее установить сущность этой новой политической реальности.

* Между 1959 и 1963 гг. в СССР были опубликованы стенографические отчеты пленумов ЦК партии. См. примечания.

Новое внутреннее соотношение сил можно прекрасно проиллюстрировать одним примером. Хрущев задумал реформу армии и сказал об этом в 1960 г. в той же самой речи на сессии Верховного Совета, в которой объявил о сокращении вооруженных сил. Он предложил территориальную структуру, то есть частичный возврат к модернизированной концепции народной милиции. Эта концепция была в программах большевиков, и они думали об этом после гражданской войны, но все же создали настоящую армию[3]. Проект встретил ледяной прием и никогда всерьез не воспринимался. О нем упоминали в прессе, но никогда не обсуждали. Военным лидерам пришлось много говорить о роли техники в современной армии и о международной напряженности, чтобы отговорить Хрущева от его проектов или даже просто воспротивиться им. В военных кругах существовали и другие причины недовольства: демобилизованные офицеры с трудом приспосабливались к гражданской жизни, занимая менее престижные и часто хуже оплачиваемые должности. Генералы и маршалы, как мы уже знаем, имели возможность подправить его скромные проекты сокращения и структурно-технической перестройки армии[4].

То, что о разногласиях редко становилось известно, не значило, что их не было в руководящих сферах советского общества. Если трудно точно назвать действующих лиц, то о темах известно из официальных документов. Они совпадают с перечнем старых и новых проблем, которые должно было решить хрущевское руководство. В основном, как видно, они касались социально-экономических вопросов и не всегда носили чисто технический характер.

Постоянным предметом закрытых и публичных дискуссий стало предназначение государственных ресурсов. Их распределение в пользу той или иной отрасли, той или иной области не только обусловливало выполнение ими планов и экономическое развитие в целом, но и затрагивало интересы руководителей предприятий, трудовых коллективов различных районов. То же можно сказать о строительстве предприятий или размещении научных институтов. Если большая часть разногласий оставалась скрытой в партийных и правительственных учреждениях, то обсуждения разворачивались на сессиях Верховного Совета или пленумах ЦК. И здесь предложения Хрущева не всегда утверждались на практике[5].

Проблема распределения ресурсов становилась еще более щекотливой, когда затрагивала интересы отдельных республик Союза. Вопрос был настолько деликатен, что пришлось впервые в советской практике создать специальный парламентский орган, хотя бы с чисто консультативными функциями, для изучения противоречий между членами Союза. Это — Экономическая комиссия Совета Национальностей[6]. В сущности, этот новый орган никогда не имел реальной власти. Хрущевская децентрализация и создание совнархозов значительно расширили компетенцию периферийных правительств в управлении экономикой каждой республики. Часть этих прерогатив

они сохранили и после смещения Хрущева, когда была восстановлена система министерств[7]. Бóльшие права республик в определенном смысле усилили национализм как реакцию на ослабленный, но не исчезнувший русский национализм, поощрявшийся Сталиным. Он проявился в восхвалении отдельными советскими нациями своего исторического прошлого[8]. Конечно, это несравнимо с сильной волной национальных чувств борющихся колониальных народов. Верно и то, что разные нации Союза с 20-х гг. интегрировались в общие процессы и произошло выравнивание их развития, неизвестное в отношениях метрополий и колоний. Однако национальный вопрос не мог быть сразу решен даже в СССР. Он постоянно возникал в отношениях между республиками.

Многие проблемы появились после отказа от старых методов полицейского притеснения. Нельзя сказать, что они были их следствием. По большей части они существовали раньше, и, чтобы снять их, прибегли к террору последних мрачных месяцев жизни Сталина. Исчезновение страха вызвало повсеместно ослабление общественной дисциплины. Правительство усилило наказание за отказ повиноваться или оскорбление милиции, то есть неполитической полиции, следящей за общественным порядком[9]. Трудно установить, увеличилась ли преступность, так как судебная статистика была и остается сейчас секретной. Вероятно, это происходило в сфере так называемых экономических преступлений: взяточничество, хищения, спекуляция общественной собственностью. Это доказывается тяжестью приговоров, включая смертную казнь, вынесенных в начале 60-х гг. против подобных преступлений, целой серией процессов, которые хотели сделать показательными[10]. Тем не менее эффект таких мер и сопровождавшей их кампании процессов сомнителен. Эти преступления не исчезли, и их не стало меньше ни тогда, ни теперь.

Однако предстояло укрепить законность, как обещал XX съезд. Процесс кодификации советского общества начался при Хрущеве и продолжался и после его смещения. В 1958 г. было разработано уголовное и процессуальное законодательство, единое для всей страны, затем каждой республикой были приняты новые кодексы взамен старых кодексов 20-х гг. Если сам факт возвращения к закону после произвола прошедших лет был новаторством, то этого нельзя сказать ни о самом законодательстве, ни о критериях, которыми руководствовались при его разработке. Определение некоторых государственных преступлений и антисоветской деятельности и пропаганды осталось настолько гибким, что преступлением могло оказаться просто инакомыслие или выражение несогласия в печати[11].

Сталинские преступления и их осуждение в СССР подняли не только юридические, но и моральные проблемы. Гражданин размышлял не только о законе, но и о своих отношениях с государством и коллективом, об этике, то есть об отношениях между людьми вне юридических рамок. Потребность эта была настолько сильной, что руководители общества почувствовали себя обязанными отреаги-

ровать на нее не только потому, что претендовали на роль носителей новой морали, но и потому, что не у властей искал гражданин ценностей, которых был лишен. Он искал их, например, в религии и в церкви, оживившей свою деятельность, что беспокоило правительство. В 60-е гг. под руководством Хрущева развернулась новая шумная, но малоэффективная атеистическая кампания[12]. Один из немногих имеющихся в нашем распоряжении социологических опросов показывает, что в типичном районе русской провинции около 30 % населения верующие[13]. Данные этого опроса скорее преуменьшены, чем преувеличены.

Партия попыталась наполнить новым этическим содержанием свои традиционные мероприятия. В 1961 г. был провозглашен Моральный кодекс строителя коммунизма[14]. Чтобы соответствовать ему, требовалось не только, как прежде, участвовать в социалистическом соревновании и повышать производительность труда, но и взять на себя более общие социальные, политические и моральные обязательства, дающие коллективу право именоваться «бригадой коммунистического труда». Могло ли это вылиться в настоящее реформаторское движение? Вероятно. Однако для этого нужен был новый дух, а не обычная формально-бюрократическая практика, которая обезличивала соревнование. Несмотря на впечатляющие цифры официальной статистики[15], получалось что-то вроде стахановского движения 30-х гг.

Моральные проблемы переплетались с новыми политическими проблемами. Возвращение заключенных из сталинских лагерей, их трагические воспоминания создали в стране обстановку критики, требований полностью осветить прошлое и заставить ответить за него многих представителей старого репрессивного аппарата, сохранивших видные посты в обществе. Медленно растущий уровень жизни не мог заполнить пустоты от рухнувших фидеистских мифов. Повышение восприимчивости к влиянию извне поставило под удар многие догмы официальной идеологии, так как за рубежом были не только враги, но и страны социалистической системы, коммунистическое движение, в котором под влиянием XX съезда КПСС начались более обширные, чем в Советском Союзе, изменения. Наконец, оппозиция официальной идеологии пополнялась из мира культуры, в свою очередь потрясенного критикой послесталинских лет. Она проявлялась прежде всего в специфических спорах о свободе творчества и в отказе отождествлять так называемый социалистический реализм со славословием режима. Это не должно вводить в заблуждение, потому что, как это знал Грамши и чувствовал Сталин, «в странах, где существует единая тоталитарная правительственная партия... политические вопросы принимают форму культурных»[16].

Руководство партии

Все это было неудивительно после XX съезда. Гораздо большее впечатление производила способность структурных органов сталин-

ского государства сопротивляться переменам. Выборы конституционных органов все так же проводились в форме плебисцита и остались все тем же монотонным и формальным ритуалом. Цензура печати и всех средств информации осталась строгой. Ее представители были во всех издательствах, журналах и газетах, хотя все руководители этих учреждений отбирались и назначались центральными органами партии. Этих структурных органов государства лишь коснулись политические действия Хрущева. Однако они не были серьезно затронуты прежде всего потому, что этого, видимо, не слишком хотел сам Хрущев. Он видел, что только так может проводить свою правительственную политику, насыщенную противоречивыми реформами. Кроме того, эти структуры показали свою жизнестойкость не только после Сталина, но и после Хрущева.

Особенно это было нужно важнейшему структурному органу государства — партии. После смерти Сталина она еще больше стала отождествляться с основой государства, чем при нем. Это отождествление формулировалось еще резче, чем самим Сталиным. Именно на XX съезде говорилось, что нужно усилить руководящую роль партии в государстве[17]. Отсюда и впечатление, что она всегда имеет право управлять, играет неоспоримую руководящую роль, которую не нужно постоянно завоевывать политической деятельностью. Все это провозглашалось как неизменный принцип официальной политической мысли.

Необходимо подробнее изучить развитие партии в эти годы. Мы знаем, как мучительно оно было при Сталине — от периодов значительного роста до полного застоя. Послевоенные годы в основном представляли собой вторую стадию этого развития. С 1954 г. возобновился активный рост, темп которого спустя некоторое время стабилизировался и с тех пор неизменен. Число членов и кандидатов составило 7,2 млн. человек в 1950 г., 8,2 млн. в 1959, 9,7 млн. в 1961 и 12,4 млн. в 1966 г.[18] В конце правления Хрущева чуть больше 5 % членов партии представляли старые поколения. Среди остальных около половины вступили перед войной или во время войны и половина — в последнее десятилетие[19]. Стали заметны еще два важных явления. Первое состояло в стремлении ограничить тенденцию последнего сталинского периода принимать в основном служащих и руководителей. В течение нескольких лет, особенно между 1956 и 1961 гг., новых членов принимали прежде всего из рабочих. Их соотношение изменилось с 30 до 38 % общего количества[20]. Во-вторых, стали заботиться об усилении сельских парторганизаций. Благодаря укрупнению хозяйств в начале 60-х гг. почти каждый колхоз имел низовую парторганизацию[21].

Однако было бы ошибкой считать, что после этого социальный состав партии стал отражением действительного социального состава общества. К 1961 г. 38 % членов партии составляли рабочие, 16 — колхозники и 46 % — служащие. В последнюю категорию в действительности входили работники административного

аппарата, интеллигенты и технические специалисты. Члены партии составляли чуть больше 5 % населения страны, рабочие-коммунисты — 11,5 % всех рабочих[22]. Уровень образования коммунистов был выше среднего по стране. Лица, имеющие высшее и среднее образование, составляли 43 % членов партии против 16 % среди населения страны. Часто у коммунистов было специальное образование, потому что при Хрущеве в партию принимали преимущественно технических специалистов, а не административных работников, в их пользу и изменилось внутреннее соотношение. Среди некоторых категорий доля членов партии была значительно выше средней: среди преподавателей — 25 %, инженеров — 42 %, научных работников — почти половина[23]. В армии коммунистами являлись 65 % командиров взводов, 90 % командиров рот, почти все высшие офицеры были членами партии, как и руководители предприятий[24].

Важным было то, что в партию вступали не все, кто хотел: в нее отбирали. Концепция партии лучших, провозглашенная сталинскими руководителями накануне войны, была подтверждена на съездах и освящена в новом Уставе 1961 г. В прессе стали говорить о «лучших среди лучших»[25]. КПСС не была и не хотела быть представительной частью всего общества. Наоборот, она сохраняла сталинский характер ордена, предназначенного для создания руководящего ядра страны. Это была не единственная ее особенность. Партия стремилась играть роль ордена во всех нациях СССР и в основных слоях населения в зависимости от их важности и специфического веса: среди рабочих не меньше, чем среди интеллигенции, как потому, что они являлись основными производителями материальных благ, так и потому, что партия правила от их имени. Все остальные организации, охватывающие без различия более широкие массы граждан, — Советы, профсоюзы, комсомол — оставались ее «приводными ремнями», и ими руководили ее представители. По сравнению с прошлым они получили в годы Хрущева больше прав, но не самостоятельности.

Партия должна была еще добиться определенной представительности скорее в социологическом, чем в политическом смысле. В более свободной атмосфере, сложившейся после XX съезда, она не могла остаться в стороне от новых веяний в обществе. В экономических дискуссиях, о которых мы говорили в предыдущей главе, многие увидели, например, проявление столкновения новых технократических кругов с косными бюрократическими методами управления экономикой[26]. Мы уже говорили о влиянии военных (как касты) со своими специфическими требованиями. Все это верно, если не пытаться считать эти различные круги советского общества внепартийными центрами объединения. Ничего подобного не происходило ни во время правления Хрущева, ни после. Военные, инженеры, работники советского административного аппарата, представители других групп сосуществовали в партии, где каждая из этих групп могла оказывать давление в свою пользу вместо того, чтобы в демокра-

тических спорах коллективно разрабатывать политическую ориентацию партии. КПСС никогда так не функционировала. Партия сохраняла жесткую централизованную структуру, созданную Сталиным для защиты от любого центробежного движения в стране.

Хрущев и идеологи

Нельзя сказать, что Хрущев удовлетворялся этим положением. Если, с одной стороны, оно служило ему средством управления, то, с другой — противилось его новаторским мероприятиям. Он был всегда критически настроен по отношению к бюрократическим тенденциям и методам аппарата. (Сталин бывал таким только в кризисные моменты.) Хрущев призывал к большей инициативе, более активному участию каждого и всех в общественной жизни. По крайней мере он постоянно об этом говорил[27]. Однако он предпочитал обвинять отдельных руководителей, а не организацию государства. Нет сомнений в его искренности, когда он говорил: «Мы должны научиться жить демократически»[28]. Однако это была его плата за эклектизм — ему всегда недоставало оригинальной концепции демократического Советского государства, достаточно емкой, чтобы противопоставить ее сталинской. Даже предложив разработать новую конституцию, он не смог сформулировать основное направление действительных перемен[29], поэтому его предложения похожи на недостаточно продуманные импровизации. Сталинское государство, напротив, имело мощное средство самообороны — защиту официальной идеологии. Эту функцию ему придал Сталин.

Мы видели, что при Сталине в послевоенный период у партии в государстве были две главные функции: вмешательство в экономику путем мобилизации имеющихся людских ресурсов и защита государственной идеологии. Хрущев выделял первую и пренебрегал второй. Под его руководством экономическая роль партии несравнимо возросла. По его мнению, партия должна была посвятить себя «совершенно конкретным задачам», а ее успехи определялись прежде всего производственными результатами. Он даже тщетно предлагал, чтобы оплата партийных руководителей зависела от экономических успехов подчиненных им работников. Он дал низовым организациям более широкие права контролировать деятельность предприятий[30]. Идеологическую работу партии он, по его собственному выражению, «подчинил» экономический, потому что идеалы коммунизма можно осуществить только при изобилии материальных и духовных благ[31]. В этом вопросе он столкнулся в партии и в ее аппарате со скрытым, но непрекращающимся противодействием. Он был вынужден бороться с ним все время. Тем, кто обвинял его, будто он просто «хороший практик» и пренебрегает особым и самым важным аспектом «партийной работы», Хрущев ответил в 1956 г. на XX съезде. Тогда обвиняли его, вероятно, Молотов и другие оппоненты. Однако это же обвинение было ему предъявлено и три

года спустя, когда он уже победил оппозицию в Президиуме ЦК. Тон его выступлений становился все более горьким и презрительным. В этом его упрекали и после смещения. Один из критиков вспоминал в 1965 г., что он называл защитников идеологии людьми, которые «не сеют и не жнут, а только хлеб жуют»[32].

Хрущев недооценил проблему, не будучи готовым решить ее. Группа стражей идеологии была значительной частью партии и государства. При Сталине она завоевала сильное влияние. От нее зависела оставшаяся нетронутой широкая сеть партийных школ, через которые проходила бóльшая часть руководителей. Под ее контролем находились вся пресса, культурная жизнь, среднее и высшее образование, сама цензура. Даже Хрущев должен был считаться с ней, заявляя, что «чистота марксистско-ленинского учения... закон для нашей партии»[33]. Однако гарантами «чистоты» являлись они, «работники идеологического фронта», которые могли обвинять Хрущева в обострении всех политических проблем сначала критикой Сталина, затем — презрением к их работе. После XX съезда они осторожно, но упорно защищали Сталина, его деятельность, основные мысли. Кое-что знают об этом историки, пытавшиеся исследовать прошлое[34]. Новые официальные учебники истории партии, призванные заменить сталинский «краткий курс», почти не расходились со старыми установками и до того искажали выступления Хрущева на съездах, что делали их безвредными.

Сила идеологической ортодоксии состояла не только во власти ее работников, но и в сознании или, лучше сказать, «ложном сознании» всего руководящего слоя советского общества. Она нашла своего непреклонного выразителя в Суслове, вероятно, самом необычном из важнейших руководителей СССР. Защитник идеологической преемственности, он всегда сохранял свое положение в верхах партии*. Он самый долговечный лидер, который, как известно, никогда не стремился на первые роли. Идеология Советского государства всегда называлась марксизмом-ленинизмом. Этот официальный термин сделался, как никогда, точным, потому что любое упоминание о «гениальном» вкладе Сталина было вычеркнуто. Но она оставалась сталинской по всем характеристикам: по происхождению марксистско-ленинская, она была достаточно далека от подлинных идей Маркса и Ленина[35]. Сравнение ее с идеями классиков, ставшее возможным благодаря поздним публикациям их работ, создавало много проблем для защитников ортодоксии.

Отправным пунктом советской доктрины было сталинское положение об «уже построенном» в СССР социализме. Эту формулу в 1959 г. Хрущев дополнил заявлением, что победа социализма не только полная, но и окончательная[36]. Оставалось лишь идти к ком-

* Суслов и Косыгин — виднейшие сотрудники Сталина в 40-х гг. и единственные, кто в 1978 г. еще оставался в ряду наиболее влиятельных лидеров. Однако Косыгин испытал в своей политической судьбе немало взлетов и падений. Суслову Хрущев пытался противопоставить Ильичева как основного идеолога, однако без успеха.

мунизму — обществу, в котором каждый мог бы удовлетворять свои потребности, работая не больше, чем пожелает, ибо принуждения не будет. Однако советская действительность была далека от того, что говорили Маркс и Ленин о социализме и коммунизме. Если общество было действительно таким передовым, то почему государство и его репрессивный аппарат, исчезновение которого предусматривали Маркс и Ленин, постоянно находились на страже? Со своей изощренной диалектикой Сталин отвечал, что государство исчезает, усиливаясь. Хрущев и идеологи утверждали в 1961 г., что, напротив, исчезновение — «весьма длительный процесс». По их мнению, Советское государство уже «не является диктатурой какого-либо одного класса», так как «для строительства коммунизма уже не требуется диктатура пролетариата», а «общенародным государством» (одновременно компартия стала считаться «партией всего народа»)[37]. Этот тезис в марксизме означал прежде всего бóльшую демократию, поскольку ставил целью «общественное самоуправление»[38]. Однако под ней понимали рост мощи государства. Ни о каком самоуправлении не могло быть и речи, если даже простейшее культурное или политическое действие требовало цензурного разрешения.

За этими теоретическими упражнениями стояла фундаментальная концепция социалистического общества, «монолитного» по сталинской формуле, «морально-политического единства всего советского общества»[39]. Она делала незаконным не только покушение на общество, но и любое проявление несогласия. Не менее монолитной должна быть и партия — руководящая сила страны. По ритуалу на каждом съезде ее называли, «как никогда, единой», даже если внимательный наблюдатель мог заметить некоторые трещины в этом декларируемом единстве[40]. Несмотря на обещания расширить «внутрипартийную демократию», антифракционные правила и оговорки, не допускающие общей дискуссии в рядах партии, сформулированные в Уставе 1961 г., оказались не менее жесткими, чем в уставах партии сталинского периода. «Всякое проявление фракционности, или духа групповщины» объявлялось «несовместимым» с членством в партии[41].

И эти принципы, и концепция государственной идеологии защищали основные тезисы сталинской теории. Ждановские речи и резолюции 40-х гг., направленные против культуры, никогда не опровергались (частичное исключение было сделано для музыки), потому что культуре предназначалась пропагандистско-воспитательная функция. Никогда не критиковали и сталинский национализм, потому что считалось необходимым восхвалять советский патриотизм, а не просто русский. Защита идеологической чистоты распространялась на все и доходила до настоящего ханжества, не щадящего даже безобидных сторон существования советского гражданина: его частную жизнь, привычки, развлечения[42].

Возобновление антисталинизма. XXII съезд

При всем своем неверии в идеологов Хрущев никогда не трогал их и нередко сам разделял их точки зрения. Однако он попытался свести счеты с опорой «идеологического фронта». Когда в результате его правительственной деятельности оговорки превратились в резкую критику его международной политики, он попытался возобновить поход против Сталина. Он сделал это на XXII съезде КПСС, состоявшемся 17—31 октября 1961 г. в Москве. Хрущев представил на нем новую Программу партии (прежняя была разработана в 1919 г.) и говорил о том, что к 1980 г. в СССР будет «создана материально-техническая база коммунизма»[43]. Однако Программа с ее хвастливыми и опрометчивыми обещаниями осталась на втором плане после его нового наступления на Сталина, которое снова приобрело весьма личный характер. Вряд ли оно было одобрено Президиумом ЦК перед съездом, насколько можно судить по форме его обсуждения[44]. Наступление было начато в докладе Хрущевым, где возобновилась полемика со старой «антипартийной группой» Молотова и Маленкова. Часть делегатов подхватила эту тему, другая часть замалчивала ее. С большей настойчивостью Хрущев вернулся к ней в заключительной речи. Через 5 лет после XX съезда хрущевская критика Сталина уже не предвещала, как в 1956 г., глубокого пересмотра всего советского опыта и государственной идеологии. Осталось лишь то, что было в «секретном докладе»: критика личных недостатков и обвинение в совершении преступлений, с одной важной разницей — на этот раз те же самые факты были обнародованы и распространены печатно. Операция завершилась несколькими театральными жестами. Тело Сталина убрали из Мавзолея, где оно находилось вместе с телом Ленина[45]. Сталинград был переименован в Волгоград. Убрали портреты и статуи Сталина, которых немало оставалось на своих местах и после XX съезда. Хрущев хотел большего. Он предложил воздвигнуть памятник жертвам сталинских репрессий[46], но это предложение не прошло.

Можно предположить, что, возвращаясь к «секретному докладу», Хрущев хотел прежде всего укрепить свою личную власть против тайных и явных цензоров, ограничивавших его в руководстве партией[47]. Возможно. Хотя вокруг него были и критики, и соглашатели, в партии никогда не было настоящей фракции Хрущева: этому препятствовали традиции и Устав. Однако этого мало. Не было даже движения в поддержку Хрущева, хотя в стране существовали неоформленные антисталинские тенденции. Будучи Первым секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Министров, Хрущев имел власть, которую принцип монолитности не позволял публично оспаривать. Он имел в своем распоряжении не только партийный и государственный аппарат, но и личный секретариат, более многочисленный и во многом более влиятельный, чем сталинский. Он мог решать, притом и единолично, вопрос о любом назначении на ответственный

пост. Таким образом, существовал достаточно широкий круг лиц, прямо ему обязанных. Однако эта группа так и не смогла образовать настоящее течение. Она оказалась способной только создать в последние годы правления Хрущева нечто вроде культа его личности, что скорее ослабило, а не укрепило его авторитет.

Какими бы ни были намерения Хрущева, когда он возобновил наступление на Сталина, воздействие его оказалось сильнее, чем во время XX съезда. Границы наступления остались прежними, но теперь оно шло не только сверху, так как отвечало новым настроениям интеллигенции, молодежи, бывших заключенных. Общество было более подготовленным к восприятию его. Официальная идеология временно оказалась в обороне.

После XXII съезда стало возможным публично воскрешать в печати трагические страницы сталинского правления и не только назвать имена жертв его репрессий, но и указывать хотя бы в общих чертах обстоятельства их исчезновений (что между 1956 и 1961 гг. не позволяла цензура)[48]. В области исторических исследований, изнемогавших в скудности ортодоксии, начался самый плодотворный период.

В деятельности Хрущева после XXII съезда началась вторая волна реформ. Прежде всего он заставил партию еще больше сосредоточиться на экономической работе. В марте 1962 г. он провел реорганизацию всего руководящего аппарата сельского хозяйства. Новые обязанности были возложены на периферийных руководителей, в то же время они коснулись и деятельности районных комитетов партии, образующих политическую основу государства-партии в сельских районах[49]. Это была прелюдия к самой необычной хрущевской реформе. Она была настолько необычной, что по многим причинам оказалась непонятой. Эта реформа стала для него фатальной, Ее замысел не встретил особой оппозиции, может быть, потому, что казался возвратом к традиционной экономической работе партии. Хрущев предложил ее Президиуму ЦК в сентябре 1962 г. и получил одобрение. Его проект два месяца спустя был без сопротивления принят Пленумом ЦК, несмотря на то что пришлось бы радикально пересмотреть Устав, всего лишь год назад принятый съездом колхозников, изменить который мог только съезд[50].

Согласно проекту реформы, вся партия сверху донизу меняла территориальную структуру на производственную. Ее аппарат подразделялся на две параллельные структуры — для промышленности и для сельского хозяйства, которые объединялись только в верхах. Все областные комитеты — всесильные обкомы — в свою очередь были разделены. В каждой области появилось по два обкома: по промышленности и по сельскому хозяйству, — каждый со своим первым секретарем. Аналогичное разделение на промышленное и сельскохозяйственное бюро произошло в ЦК союзных республик. В областях, пришедших в замешательство, были в свою очередь разделены по тому же принципу также и исполнительные советские

органы (облисполкомы)[51]. Конституционно речь шла о настоящей путанице.

Реформа по многим причинам оказалась пугающей. Хотя она и была представлена как чисто административная реорганизация, она не могла не иметь политических последствий в ближайшее же время. Реформа вводила дуализм в партию, то есть в основной структурный орган всей советской государственной системы. Более того, она отразила самое драматическое противоречие всего советского общества — противоречие между городом и деревней, которое, как рана, проходило через весь 30-летний исторический опыт СССР и было чревато мучительными конфликтами. В этом смысле реформа противоречила всей официальной идеологии. Ни в одной из речей Хрущева нельзя найти и намека на эти проблемы. Их можно найти в других речах, которыми отдельные члены ЦК или члены Президиума ЦК отреагировали на реформу. Однако на деле реформа ограничилась бюрократической перестройкой. Но и в этих рамках очень скоро появились разногласия между обеими частями политической организации, содержащей в себе по меньшей мере зародыш двухпартийной системы[52].

Политические реформы: зародыш плюрализма

При нынешнем состоянии документации невозможно установить, пренебрегал ли Хрущев сопротивлением потому, что поверхностно подходил к своим реформам, или это была его тактическая уловка при подготовке более широких политических реформ — ведь он знал, что им окажут сильное сопротивление. Можно только отметить, что в этот период (1961—1962 гг.) под флагом обвинений Сталина он пытался провести новые изменения и размышлял о предстоящих. На XXII съезде он включил в Устав партии новый пункт, по которому никто не мог исполнять должность или быть членом выборного комитета более трех сроков подряд. По его мнению, это должно было стать «нерушимой нормой... всей государственной и общественной жизни». На каждых выборах руководящие органы должны были обновляться по меньшей мере на треть[53]. В тот самый момент, когда было принято решение о реформе партии, он выступил за новую систему общественного контроля над аппаратом, опирающуюся на последние известные работы Ленина, и попытался стимулировать большее участие граждан в деятельности органов власти[54]. Несколько месяцев страницы, посвящавшиеся этой теме в советской прессе, были наполнены живой полемикой. Даже сейчас она остается интересной антологией формирующегося общественного мнения*.

* Эта полемика выглядела дерзкой, с точки зрения многих руководителей. В марте 1965 г. Мазуров заметил по этому поводу, что критические материалы прессы не направляли огонь против конкретных недостатков, а были обращены против партийных организаций и партийного руководства. Это не поднимает, говорил он, престижа партии, а вредит делу (Материалы Пленума Центрального Комитета, 24—26 марта 1965 г., с. 79). Из его слов следует, что о том же говорили и менее высокопоставленные руководители уже в 1963 и 1964 гг.

Осенью 1962 г. Хрущев высказался за пересмотр ждановских резолюций по культуре и хотя бы за частичную отмену цензуры[55]. Он сам решил нарушить запреты, добившись разрешения Президиума ЦК на публикацию эпохального произведения «Один день Ивана Денисовича», написанного тогда еще не известным автором — Солженицыным. С этого момента автор завоевал мировую известность[56]. Повесть, не лишенная бесспорного литературного таланта, была посвящена сталинским лагерям — теме, которая оставалась полностью запретной и после XX, и после XXII съездов партии. Тема эта очень волновала национальное сознание и не могла не найти своего места в литературе. Художественные достоинства повести Солженицына были несомненны. Естественно, ее появление вдохновило авторов и других художественных и мемуарных произведений на ту же тему, однако немногим удалось опубликовать свои произведения.

В эти же месяцы Хрущев пытался добиться аннулирования известных процессов, которые в 1936—1938 гг. подняли волну сталинского террора против партии, и реабилитации осужденных: сначала Бухарина, а потом, по его словам, Зиновьева, Каменева и других[57]. Этого от него требовали немногие оставшиеся в живых после репрессий старые большевики и родственники пострадавших.

Всего этого Хрущев не сумел добиться. Более того, в конце 1962 г. ортодоксальные идеологи перешли к контратаку, вынуждая его к отступлению. Наступление началось с ряда собраний и статей в печати. Оно не было направлено прямо против Хрущева; однако при этом не поколебались напомнить ему о возможности возбудить вопрос об ответственности, которую он вместе с другими нес за сталинское прошлое[58]. Перед объединенным фронтом почувствовавших опасность ортодоксов Хрущев как глава партии вынужден был выбирать: принять самому руководство и определенный контроль над идеологической кампанией или быть опрокинутым новой консервативной волной, которая была более опасной для него после некоторых экономических и внешнеполитических неудач (карибский кризис закончился, но началась открытая полемика с китайцами). Он выбрал первый путь. Тем самым он решил сражаться на ненадежной для себя почве идеологических и культурных проблем, что привело к столкновению с теми настроениями интеллигенции, которые он поощрял своей критикой Сталина.

Его отступление отмечено рядом громких эпизодов: от первого столкновения в декабре 1962 г. с группой художников-абстракционистов до ряда встреч руководителей партии с представителями культуры. Тогда он второй раз был вынужден публично отречься от большей части своей критики Сталина[59].

Это было его поражением. Завершил поражение Пленум ЦК в июне 1963 г., полностью посвященный проблемам идеологии. Созыв этого Пленума, о котором много лет говорили в Москве, под разными предлогами откладывался. Однако и Хрущев больше не мог избегать его. Пленум проходил под лозунгом: «Мирного сосуществования

вания идеологий не было, нет и быть не может»[60]. Имелось в виду не то, что борьба идей в мире должна продолжаться, — это было и так ясно — а то, что в СССР не разрешается выражать мысли, отличные от официальной ортодоксии. В этой области не должно быть не только мирного сосуществования, но даже столкновения и сопоставления идей. Хрущев, который сделал приведенную формулировку своей[61], был после Пленума в жалком состоянии, но все еще в седле. Похороненным оказался его неопределенный ревизионизм, а с ним — его самые смелые и новаторские проекты.

После Пленума волнение улеглось не скоро. Начиная с XXII съезда КПСС политическая жизнь в СССР некоторое время переживала расцвет, которого не знала с 20-х гг. В партии существовали две созданные Хрущевым параллельные структуры. Экономические школы спорили, предлагая разные методы планирования и управления экономикой, с разной степенью самостоятельности отдельных производственных единиц. В культурном мире сталкивались две группы, которые обобщенно можно назвать сталинистской и антисталинистской. Имя Сталина было не столько именем исторического лица, сколько границей между теми, кто защищал авторитарную традицию Советского государства, и теми, кто хотел большей свободы слова. В собственно литературных кругах эти группы объединялись соответственно вокруг журналов «Октябрь» и «Новый мир».

Главный редактор «Нового мира» Твардовский, защитник Солженицына и его повести, был одним из наиболее проницательных деятелей культуры и политики этих лет. Коммунист, избранный на XXII съезде членом ЦК, он поощрял сотрудничество в своем журнале весьма критически настроенных людей, например Солженицына. Он был убежден, что их слово может и должно стимулировать общие усилия, направленные на дальнейшее развитие страны и социалистического общества[62]. Он считал, что на данном этапе развития СССР критики могут быть союзниками, а не врагами. Он знал, что критики ищут способ выражения. После идеологических заморозков 1963 г. книги, которые не могли быть опубликованы в открытой печати из-за цензуры, стали ходить по рукам в машинописных копиях. Так родился «самиздат» (ироническое название, которое можно перевести как «самоиздание») — первый признак явления, которое позднее станет известно как диссидентство.

В начале 60-х гг. в СССР в зачаточном виде, но бесспорно появилась множественность мнений — явление новое, волнующее, но ненормальное в государстве, от которого ортодоксы требовали монолитности. Противоречие было несомненным. Чтобы идти дальше, нужно было либо покончить с плюрализмом, либо реформировать сталинское государство. В какой-то момент казалось, что есть и третий путь. Политическая деятельность Хрущева, хотел он того или нет, способствовала созданию такого положения. Стремление избавиться от него было весьма сильным. Казалось, что избавления от него достаточно, чтобы снова привести все в порядок.

VIII. СТОЛКНОВЕНИЕ С КИТАЕМ

Причина разногласий

Вопреки предложению Тольятти о полицентризме Совещание 1957 г. в Москве стало второй после роспуска Коминтерна попыткой создать единый центр коммунистического движения. Прошло немного времени, и эта попытка, как и первая, оказалась неудачной. Идея совместной советско-китайской гегемонии, сделавшая ее возможной, оказалась эфемерной, как и гегемония советско-югославская, определившая рождение Коминформа. Она также стала прелюдией непреодолимого конфликта. Соглашение между двумя странами базировалось скорее на определенном совпадении интересов, чем на общей вере в одни и те же политические идейные концепции. Однако неизвестно было, как долго сохранится это совпадение. Между тем китайские коммунисты настойчиво давали понять, что не хотят играть подчиненную роль в руководстве движением. Чтобы показать это, они воспользовались возобновлением полемики с югославами.

Вторая ссора с Белградом не произошла бы, если бы московское Совещание не попыталось разрешить новые проблемы внутренней диалектики коммунистического движения демонстрацией формального единства. Югославы, не подписавшие в Москве заключительного документа, в марте 1958 г. опубликовали новую Программу партии к предстоящему съезду. Это был текст, который касался не только внутренних проблем, но и стимулировал обсуждение другими компартиями югославского опыта: самоуправление в экономике и неприсоединение в международных делах[1]. Эта инициатива, полностью законная в движении, признавшем необходимость дискуссии в своих рядах, была актом недоверия в отношении тех, кто считал московский документ столь же обязательным для всех, как и старые документы Коминтерна. Трудно установить, кто в коммунистическом движении решил начать антиюгославскую полемику. Первая реакция на новую югославскую программу была выражена советской печатью, но тон ее был умеренным[2]. Но тут сразу же на сцену решительно выступили китайцы, заявления которых напомнили первые столкновения между Тито и Сталиным. Они недвусмысленно заявили, что обвинения Коминформа в адрес югославов в 1948 г. были правильными. С этого момента полемика стала более острой, в первых рядах ее стояли китайцы, а русские следовали за ними довольно сдержанно и очень неохотно[3]. Эти разногласия не ускользнули от югославов, которые сделали их настолько явными, что вынудили Хрущева в январе 1959 г. заявить, что между Москвой и Пекином нет противоречий[4].

Тем не менее разногласия были, и не только по поводу Югославии. Многие факторы, хотя и не все одинаково важные, питали

разногласия между советскими и китайскими руководителями. В их основе лежала дискуссия, не законченная на московском Совещании, где она была начата. Причины противоречий были непростыми.

Многие поняли, что возник новый политический фактор — стремление людей к миру, поскольку альтернативой этому выбору могла быть только атомная война. Однако можно ли было дать мир миру, который знал только войны и был разделен глубокими социальными и национальными противоречиями? Идея мирного сосуществования, казалось, давала обнадеживающий ответ. Однако, чтобы осуществить его, недостаточно было сохранить статус-кво в эпоху, когда революционные движения сотрясали целые континенты. Такая статическая интерпретация, отвергнутая единожды, должна была рассматривать защиту мира и революционные изменения в одном плане. Должны ли коммунисты поддерживать освободительные войны, межгосударственные и народные, которые они всегда считали справедливыми?

К общим вопросам добавлялись и частные, касавшиеся отдельных стран или групп стран. В странах «третьего мира» нужно было разъяснить меру сотрудничества с националистическими и более радикальными социальными движениями. Проблема возникла одновременно с основанием Коминтерна; развитие ее приняло трагический поворот в Китае; вновь и вновь ее надо было решать в различных формах в тех или иных местах. В развитых капиталистических странах началась дискуссия о перспективах социализма также в связи с политической демократией, необходимость которой стала очевидной после осуждения методов Сталина в СССР. Наконец, в самих социалистических странах, начиная с двух самых больших, довольно открыто обсуждалось их будущее развитие.

Эти темы были не объектом академических словопрений, а предпосылками противоречий как во всем коммунистическом движении и среди его союзников, так и в отдельных партиях. Так было, как мы знаем, в СССР; то же случилось и в Китае, где в 1957 г. произошел резкий поворот от «ста цветов» к «борьбе против правых». В 1959 г. в Пекине обострился конфликт между Мао Цзэдуном и Пэн Дэхуаем, министром обороны, которого поддерживали и другие военные руководители. Внутренняя дискуссия имела продолжение на международном уровне. Молотов, не отказавшийся от борьбы с хрущевским курсом, с надеждой смотрел на китайцев[5]. Пэн Дэхуая подозревали в соглашении с Хрущевым, который, впрочем, позднее отвергал это[6].

Конфликт двух стран был неизбежным, учитывая большое количество общих проблем. Однако, поскольку не было свободной дискуссии, родилось взаимное недоверие. До тех пор пока оригинальные решения правящей коммунистической партии в одной стране вызывали беспокойство в другой, это беспокойство и являлось само по себе причиной внутренних и международных дискуссий. Решение поляков не проводить коллективизацию вызвало возражения не только

в СССР, где колхозная политика все еще встречала трудности, но и в других восточноевропейских странах, в которых после 1957 г. было принято решение объединять крестьян в кооперативы совсем не так, как это делал Сталин в СССР[7]. Вместе с тем враждебное отношение к югославским концепциям было в известной мере следствием их влияния на коммунистов других стран[8].

СССР и Китай значительно отличались уровнями экономического развития. Перед китайцами стояли проблемы развития и индустриализации, которые были пройденным этапом для СССР. Из решений XX съезда они сделали вывод, что можно не просто копировать опыт СССР. Они не могли, например, разделять большое недоверие Сталина к крестьянам[9], так как это было еще более гибельно, чем в России. Однако в то же время китайцы должны были решить такие же задачи, какие СССР решал при Сталине. Отсюда их двойственное отношение к Сталину: критика его отношения к их революции и вместе с тем позитивная заинтересованность в его правительственной деятельности. Еще в 1958 г. Мао внимательно изучал его последнюю работу по экономике, которую в СССР при Хрущеве мало кто принимал всерьез[10].

В том, что касается практических решений, китайцы в конце 50-х гг. испытывали большие колебания. Эйфория после первых советских космических успехов овладела всей социалистической системой, больше всего — Китаем. Принятые в 1958 г. программы ускоренного развития напоминали о недостигнутых целях первой советской пятилетки. Делая «большой скачок» вперед, организуя сельские «коммуны» вместо обычных кооперативов, используя простые орудия и огромные резервы рабочих рук, Мао надеялся за несколько лет достичь такого невероятного прогресса, который вырвал бы страну из отсталости. Новые планы пришлось быстро снизить из-за значительных экономических диспропорций, и этот кризис положил начало конфликту Пэн Дэхуая и Мао[11]. В Советском Союзе скептически следили за мероприятиями пекинских союзников. Свои сомнения Хрущев выразил Мао в августе 1958 г. Китайцы, в свою очередь, сочли неприменимыми у них и негодными вообще новые советские предложения о личном материальном поощрении[12].

Ясно, что это недоверие обострялось чувствительностью обеих сторон и содержало в себе семена конфликта. Однако этого недостаточно, чтобы объяснить, как это потом было сделано в Советском Союзе, начало конфликта: ведь еще в январе 1959 г. на XXI съезде КПСС Хрущев и Чжоу Эньлай одобряли экономические планы друг друга[13]. Также недостаточно показать значительные различия в формировании и характере руководства обеими странами. Действительно, Мао и Хрущев, так же как Сталин и Тито, были мало подходящими друг другу личностями, и нельзя недооценивать то влияние, которое оказало их личное столкновение на взаимоотношения обеих стран. Однако за этими противоречиями, как ясно сейчас, стояли более глубокие причины.

Конфликт между двумя державами

Советские историки осуждают «великодержавные тенденции, стремление придать КНР особую роль в международных делах»[14], которые взяли верх в Китае. Однако это было неизбежно. Китай 50-х гг. еще не был великой державой, но имел все, чтобы стать ею на равных правах с СССР. Национальный вопрос оказался одинаково важным в обеих революциях. Если в СССР он стал важным не сразу, то в Китае он был серьезным фактором с самого начала. Несмотря на взаимные связи, две социалистические страны развивались по-своему, каждая в своих границах, каждую представляло и защищало свое государство*. Понятно, почему Китай стремился стать великой державой. Однако именно в этом обнаружились противоречия с интересами СССР. Страна, которая уже была великой, даже величайшей, державой, вступила в конфликт с другой, которая стремилась стать великой, причем именно из-за диалога с США, ставшего основой советской дипломатии. У СССР было много способов заставить США себя слушать, а у Китая — нет. К тому же он не был еще членом ООН. Американцы продолжали поддерживать Чан Кайши на Тайване и отказывались признавать пекинское правительство. Так же поступали и их союзники. Хрущев мог думать, что представляет и китайские интересы в переговорах с Вашингтоном. Однако никто его не уполномочивал на это, и для такой передачи полномочий не было причин.

Разлад между двумя державами касался весьма конкретных вопросов. СССР неосторожно обещал поделиться атомными секретами с Китаем, но в Москве быстро передумали. Возможно, у советских руководителей вызвали сомнение мотивы, по которым китайцы хотели иметь бомбу. Однако, даже если бы этих причин и не было, другие соображения определяли такую сдержанность. В этот момент СССР стремился остановить гонку атомных вооружений, больше всего боясь, что атомное оружие попадет в руки западных немцев. Им было бы сложно этого требовать, если бы они сами приложили руки к тому, что позже стало называться распространением атомного оружия[15]. Уже в августе 1958 г. Хрущев с Малиновским направились в Пекин, чтобы предъявить Мао какие-то требования, касающиеся, насколько известно, сохранения в руках советской стороны определенного контроля над китайскими вооружениями или по крайней мере над их использованием в момент обострения отношений между Китаем и США по поводу островов в Тайваньском

* На XXI съезде Хрущев попытался освободиться от концепции «построения социализма в одной, единственной стране», которая вытекала из сталинского понимания социализма и коммунизма. Он сказал, что с теоретической точки зрения было бы более справедливо предполагать, что страны социализма перейдут более или менее одновременно к высшей фазе коммунистического общества (XXI съезд КПСС., т. I, с. 107—108). Эта интересная идея не нашла достойного развития, ее основные положения не были разъяснены.

проливе*. Предложения Хрущева были отвергнуты. Спустя несколько месяцев Хрущев выступил за создание «зоны, свободной от ядерного оружия» на Дальнем Востоке и в Тихом океане[16]. Это был способ не выполнять обязательства, взятые перед Пекином. Наконец, в июне 1959 г., когда начали распространяться слухи, будто Китай скоро получит свою атомную бомбу, СССР, по китайским данным, решил отложить свое решение о передаче Китаю атомных секретов[17].

Другой причиной разногласий в этот период стал китайско-индийский пограничный конфликт. Впервые, но не в последний раз, советская дипломатия столкнулась со взаимной враждебностью государств, возникших на развалинах колониальной системы. Разногласия по поводу границы между Китаем и Индией переросли в военные столкновения. Причиной их стал вопрос о Тибете, где происходили антикитайские, открыто проиндийские выступления[18]. В Москве дружба с Индией считалась не менее важной, чем с Китаем, потому что она открывала для СССР путь ко многим странам «третьего мира». Конфликт с Китаем мог толкнуть индийцев в объятия американцев. Поэтому Советское правительство заняло позицию нейтралитета, рассчитывая на дружеское разрешение конфликта[19]. Ни на что иное Индия не могла рассчитывать в условиях союза Москвы и Пекина. Китайцы почувствовали себя обманутыми. В свою очередь советские руководители начали подозревать, что китайцы чинят препятствия их дипломатии. Отныне разногласия между двумя правительствами больше не прекращались[20].

Не удивительно, что китайцы без всякого энтузиазма отнеслись к поездке Хрущева в США, которая проходила в эти дни. Сначала они этого явно не показывали. Напротив, они комментировали ее одобрительно. Однако, когда после возвращения из США Хрущев направился в Пекин, его встретили холодно. Несколько позже китайцы, на этот раз публично, упрекнули его за уважительные отзывы об американских руководителях. Вашингтону они инкриминировали, что и после переговоров с Хрущевым не видно «никаких существенных изменений в политике войны, проводимой правительством США...»[21]. Они боялись последствий соглашения между СССР и США, испытав их уже после соглашения между СССР и Индией.

В полемике с советскими руководителями китайские руководи-

* По мнению китайцев, речь шла «о несправедливых требованиях, направленных на то, чтобы поставить Китай под советский военный контроль» (Peking Review, 1963, N 37, p. 12). Мао добавлял, что русские «хотели создать смешанный флот, чтобы контролировать и блокировать нашу береговую линию» (*Mao Tse-tung*. Discorsi inediti, p. 151).

В своих воспоминаниях Хрущев, напротив, пишет, что просил о радиостанции и базе для подводных лодок (Krushev Remembers, v. 2, p. 258—261). Конфликт с США из-за прибрежных островов разразился сразу после визита Хрущева в Пекин. Китайцы начали бомбардировку островов Кэмой и Мацзу. Потом советские руководители утверждали, что не были вовремя информированы своими союзниками об этой военной операции (*О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 171).

тели выдвигали те самые предложения, которые Мао высказал в образной форме в Москве в 1957 г.: всем вместе противостоять Америке, а не просить у нее мира. Американцы, как и все империалисты, выступают за мир или войну в зависимости от своей выгоды, значит, нужно быть готовым к любому исходу. Показать страх перед войной, пусть даже и атомной, — значит обессилить народы, склонить их к подчинению США, несмотря на существование сил, достаточных для победы, независимо от взглядов американцев на мир. Разрядка не была сама по себе политической целью. Так же как и напряженность или «холодная война», она лишь средство, которое противники используют в соответствии со своей выгодой[22]. Эти тезисы, воскрешавшие старые концепции Молотова, не означали, что китайцы смирились с войной. Они просто не исключали вероятность войны. Тем не менее они призывали к более решительному и рискованному фронтальному противостоянию США и их союзникам. СССР проводил такую политику в первые послевоенные годы и теперь хотел бы ее избежать, так как был убежден, что есть другие средства сдерживания американцев. Китайские требования неизбежно ставили Москву перед дилеммой: остаться с Китаем и заплатить за это или рискнуть сделать ставку на проблематичное соглашение с США? Однако уже, видимо, нельзя было воздерживаться от выбора.

На этом этапе полемики лидерство китайской и советской компартий в международном коммунистическом движении усугубило, а не смягчило противоречия, так как каждая из партий стремилась привлечь на свою сторону все движение. Полемика настолько обострилась, что уже не ограничивалась первоначальными поводами, а затронула идейно-теоретические вопросы. Позже много спорили, кто первым коснулся этих вопросов. Но это имеет лишь относительное значение, потому что было трудно избежать такого шага. Первыми, как мы можем судить сейчас, вступили на этот путь китайцы. Можно понять и причину: так же как после войны, Советский Союз смог по-новому утвердиться в мире, противодействуя США, теперь Китай утверждался, противодействуя США и Советскому Союзу.

В возобновившейся антиюгославской полемике Пекин использовал новый термин — «современные ревизионисты», — который Ленин когда-то относил к немецким социал-демократам Бернштейну и Каутскому. Не случайно этот термин был достаточно гибким. В апреле 1960 г. серией известных статей, опубликованных под общим названием «Да здравствует ленинизм!», китайцы дали ясно понять, что этот термин относится не только к югославам. В этих статьях критике подвергались все тезисы, тесно связанные с именем Хрущева и с XX съездом КПСС: китайцы заявляли, что войны нельзя избежать, так как существует империализм и «режим угнетения»; они считали почти невозможным мирный переход к социализму в любой стране и тем более — чисто парламентскую борьбу; они требовали, чтобы коммунисты не сотрудничали с социал-демо-

кратами[23]. Все это было представлено как борьба за чистоту ленинской теории: «Современные ревизионисты пытаются грязнить великое знамя международного пролетариата — ленинизм»[24].

Второе Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве

Итак, в рамках коммунистического движения произошел разлад, и постепенно он обострился. Обе стороны искали поддержки среди других стран социалистической системы. Китайцев поддерживало албанское правительство, которое так и не простило примирения Хрущева с Белградом. На одном из заседаний Политического консультативного комитета Варшавского Договора китайский наблюдатель оказался несогласным с союзниками[25]. На встрече Всемирной федерации профсоюзов в Пекине китайцы полемизировали с делегатами других стран[26]. Казалось, что исправить положение в этот момент может созыв второго международного Совещания коммунистических и рабочих партий, призванного примирить противоречивые тенденции. Советские руководители сначала предложили собрать только правящие партии, но встретили возражения, заставившие их планировать новую международную встречу. Было решено, что состоится обмен мнениями об этом среди иностранных гостей на съезде Румынской рабочей партии в Бухаресте в июне 1960 г. В последний момент туда прибыл лично Хрущев[27].

Советские представители попытались вызвать в Бухаресте дискуссию по существу, а не по процедурным вопросам. Китайские тезисы в том виде, в каком они были известны, не получили одобрения. Однако полемика и разногласия до тех пор были ограничены встречами правящих партий. Представители других партий о них не знали, но могли догадываться. Никто не почувствовал расширения и усиления полемики, и никто не был готов высказаться. Когда все собрались на съезд компартии Румынии, Хрущев, дождавшись начала дебатов, неожиданно взял слово и произнес ожесточенно полемическую речь. Он говорил долго, пылко, не думая о дипломатии. Он упрекал китайцев и лично Мао не только за их концепцию, но и за конкретную политику — от конфликта с Индией до экономических решений[28]. Не говоря уже о содержании речи, его слова произвели тягостное впечатление из-за агрессивного тона. Если он и хотел настроить всех против китайцев, то не сумел добиться этого. Пэн Чжэнь, китайский делегат, протестовал против (как он назвал) «неожиданного нападения» и «тиранического» поведения[29]. Другие собравшиеся были слишком потрясены обнаружившимися глубокими противоречиями, чтобы понять хоть что-нибудь. Совещание закончилось без видимых результатов.

За первым шагом последовал второй, более тяжелый. Чтобы заставить китайцев уступить бесцеремонному нажиму, Советское правительство приняло одностороннее решение отозвать из Китая

всех советников, направленных туда по просьбе Пекина. С момента провозглашения Народной республики китайское правительство всегда имело в своем распоряжении советских специалистов разных профессий. Их число достигло максимума в 1957 г. В 1960 г. их было 1500 человек, не считая военных[30]. Сотрудничество советских специалистов было, несомненно, полезным для китайцев, несмотря на усиление разногласий и взаимного непонимания, ухудшения отношений между двумя странами. Уже в 1958 г. китайцы решили, что должны больше «рассчитывать на свои собственные силы» и меньше — на «помощь извне»[31]. Москва сослалась на возникшие трудности для оправдания своего решения. Это был слабый предлог, даже сами советники признали его неубедительным[32]. СССР разорвал ряд международных соглашений и нанес удар Китаю в тот момент, когда страна уже чувствовала кризис, вызванный «большим скачком». Советские специалисты уехали, увозя с собой документацию по многим производимым работам, которые не могли быть закончены. В Китае поднялась волна возмущения.

Отношения между двумя странами настолько ухудшились, что произошло последнее объяснение между правительствами. Многие партии высказывали пожелание, чтобы СССР и Китай попытались найти согласие между собой. С 17 по 22 сентября в Москве проходили переговоры с китайской делегацией, возглавляемой Дэн Сяопином. Советские руководители несколько раз приглашали Мао и были разочарованы, что он не приехал[33]. Встреча с делегацией не дала результатов. Стоит задержаться на единственном известном нам документе — платформе соглашения, предложенной китайцами, как они сами говорили, «от всего сердца». Документ этот разъясняет суть конфликта и состоит из 5 пунктов, два из которых представляют собой проект политического соглашения. СССР и Китай должны были взять на себя обязательства «консультироваться и обстоятельно обсуждать все проблемы, имеющие взаимный интерес». Как «самое важное» было выделено положение — «провести четкую разграничительную линию между противником и нами самими». После этого можно было восстановить в коммунистическом движении положение, существовавшее в 1957 г. Обоим правительствам следовало «объединиться против врага» и не дать ему разъединить их[34]. Другими словами, никаких диалогов, никаких сепаратных инициатив, но жесткое противоборство с Америкой и с югославами, которые хотели сохранить хорошие отношения с Западом. Тогда союз СССР и Китая был бы для каждой из стран основным направлением их политики. Однако в этот момент интересы двух держав уже разошлись. Мы не знаем советских контрпредложений, знаем только, что переговоры свелись к взаимным обвинениям. С этого момента, подчеркивали потом китайцы, «острая борьба стала неизбежной»[35].

Вопрос о подготовке к новому международному Совещанию коммунистических партий был согласован после встречи в Бухаресте.

С 1 октября комитет из представителей 26 коммунистических* партий собрался в Москве, чтобы подготовить приемлемый для всех документ. Это была нелегкая работа. Более или менее полный текст был представлен Совещанию, которое состоялось в Москве с 11 по 25 ноября 1960 г. Присутствовала 81 делегация — от крупнейших советской и китайской компартий до маленьких подпольных групп из Южной Америки. Как и в 1957 г., Совещание было закрытым, сообщалось лишь о последнем заседании. Китайскую точку зрения представил Дэн Сяопин в своей речи, отмеченной прозорливостью. Значительно менее продуманной была, напротив, речь албанского союзника китайцев Ходжи, который негодовал на югославов, на этот раз не приехавших, и на хрущевскую политику примирения с ними. Дискуссия постепенно становилась все более бурной. Многие делегации брали слово по два раза. Тон советских выступлений был более умеренным, чем в Бухаресте, китайских — более острым.

Делегаты Пекина не остались в полной изоляции, но вызвали мало симпатий[36]. Правда, их наступление имело определенный успех, потому что с момента публикации сборника «Да здравствует ленинизм!» усилилось внимание не только к противоречивым аспектам деятельности Хрущева, но и к неясным и нечетким местам в самих доктринарных новациях XX съезда КПСС. Эти новые теории оказали стимулирующее влияние вначале, а потом стали бесплодными догмами с претензией на универсальность. Китайцы могли воспользоваться реальным недовольством прошлой и настоящей политикой СССР, которое проявлялось в разных отрядах комдвижения, но они своими контрпредложениями свели на нет это преимущество. Советским теориям они противопоставили жесткую и буквалистскую защиту старых ленинских тезисов, несоответствие которых новой реальности понимали многие из присутствующих, и фронтальную атаку на все решения XX съезда, в том числе и осуждение Сталина; они эти решения сочли пагубным поворотом вправо, «ревизионизмом». Их позиция не могла встретить сочувствия основных партий, которые, напротив, видели в идеях XX съезда возможность идейного обновления, а в диалоге Хрущева с Западом — предпосылку новой, менее напряженной международной жизни, в которой могло бы быть больше места для самостоятельных действий[37].

Собравшиеся в Москве делегаты начинали понимать, что за обсуждением принципов скрыт конфликт между двумя великими странами. Непонятная настойчивость, с которой китайцы твердили на Совещании, что СССР должен остаться во главе движения, тогда как они сурово критиковали всю его политику, вызывала подозрение, что они хотят сохранить централизованное руководство, лишь пере-

* Это были компартии Австралии, Албании, Аргентины, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Индии, Индонезии, Италии, Китая, Кореи, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Сирии, СССР, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Чехословакии и Японии.

ведя его в Пекин, как только станет очевидно, что советские коммунисты больше не на высоте. В тот же период Мао действительно сказал: «Центр мировой революции сегодня находится в Китае»[38].

Наконец была найдена видимость соглашения. Китайцы почувствовали, насколько слабо их поддерживают. Советский Союз переживал самый тяжелый период в советско-американских отношениях. Кроме того, советским руководителям не удалось добиться осуждения фракционности на международном уровне. Возврат к старой концепции Коминтерна вынудил китайцев отказаться от своих тезисов, поскольку они оказались в меньшинстве. Однако многие партии отдавали себе отчет в том, что нельзя применять это правило к такой великой стране, как Китай. Пекин имел право утверждать, что международные дискуссии такого масштаба не решаются большинством голосов[39]. Вероятно, китайцы вспомнили, что, когда американцы без успеха экспериментировали в ООН, победило право вето Советского Союза. СССР, который противостоял американцам в ООН, не мог претендовать на применение принципа большинства в коммунистическом движении.

Итак, Совещание подошло к редактированию документа, уже приготовленного Комитетом 26-ти, — текста общего заявления, которое стало известно на заключительных заседаниях. Одни поправки китайцев были приняты, другие нет. В результате получился еще более никчемный и путаный документ, чем в 1957 г., потому что его содержание должно было скрыть от мировой общественности конфликт[40]. Чисто формальный компромисс не удовлетворил никого. В ходе полемики советские представители и китайцы упрекали друг друга в пренебрежительном отношении к Декларации 1957 г.; очень скоро они начали направлять друг другу такие же обвинения и в связи с Заявлением 1960 г. Ошибочно было бы думать, что один документ, пусть даже и согласованный, имеет для отдельных партий такой же императивный характер, как старые резолюции Коминтерна. Итальянцы, например, не согласились с новой критикой югославов в Заявлении и решили не учитывать ее[41]. У других были аналогичные возражения в отношении иных пунктов.

Разрыв и его последствия

После московского Совещания больше уже не было мира между советскими и китайскими коммунистами, были лишь временные перемирия. Внешне их союз сохранялся. На практике полемика продолжалась в зашифрованном виде: китайцы нападали на «ревизионистов», советские коммунисты — на «догматиков», каждый понимал намерения другого. Скоро все прояснилось. Ухудшились отношения между СССР и Албанией. В октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС, на котором Хрущев возобновил наступление на Сталина, он обрушился на албанских руководителей, испытывавших тоску по Сталину. Китайский представитель Чжоу Эньлай отвечал, что поведение Хрущева «нельзя рассматривать как серьезный, марксис-

стско-ленинский подход», демонстративно почтил память Сталина на его могиле[42]. Несколько месяцев советские и китайские коммунисты вели «перестрелку»: одни критиковали югославов, другие — албанцев. Однако суть конфликта оставалась прежней. Хрущев пытался возобновить диалог с новым американским президентом Кеннеди, в то время как Чжоу Эньлай заявил на XXII съезде КПСС, что «правительство Кеннеди является еще более коварным и авантюристическим», чем предыдущие[43].

Тогда было высказано мнение, что разногласия между партиями не должны отражаться на отношениях между странами[44], но это пожелание не могло быть осуществлено. То, что советско-китайские противоречия проявились сначала в коммунистическом движении, не означало, что это был межпартийный конфликт: это уже был конфликт государств. Попытки разделить эти сферы не могли быть успешными в странах, где партия играла роль главного структурного органа государства. Это верно и для СССР, и для Китая потому, что китайцы тоже применили на практике сталинскую концепцию государства-партии. Именно поэтому за их борьбой скрывалась очень серьезная опасность, которая начала проявляться. Предстояло столкновение двух государств, которые имели самую большую общую границу на суше, плохо обозначенную на обширных пространствах. В 1962 г. произошли первые пограничные инциденты. По причинам, которые и сейчас неизвестны, многочисленные жители Синьцзяна попытались эмигрировать в СССР. Советские руководители утверждали, что беженцы искали спасения от репрессий, китайцы — что их подстрекали из Москвы[45]. Два года спустя Мао на переговорах с японской делегацией начал оспаривать законность территории СССР и границы между двумя странами[46].

В период между осенью 1962 г. и весной 1963 г., когда Хрущев испытывал все большие трудности и в самой Москве, непримиримая острота борьбы стала очевидной для всех. Карибский кризис дал китайцам повод публично критиковать советскую политику, осудить как авантюристическое решение о размещении ракет на Кубе и как капитулянтское решение об их вывозе под американским давлением[47]. В это же время разразилась небольшая война на индийско-китайской границе. СССР больше сочувствовал Индии, хотя не совсем понятно почему. Применять шифрованный язык в полемике стало бессмысленным. Условность критики была неприемлемой прежде всего для компартий стран, где информация и дискуссия были свободными. Итальянские коммунисты не могли не сказать на своем X съезде в 1962 г., что не разделяют некоторых тезисов, которые открыто высказывает Китай. Это вызвало резкую реплику китайского делегата, за ней последовали две филиппики пекинской прессы, осудившей внешнюю и внутреннюю политику Итальянской компартии[48]. Такие же эпизоды произошли и на съездах других партий.

Оба противника отбросили всякую осторожность. Может показаться лишь парадоксальным, что это произошло при обмене посла-

ниями между китайскими и советскими руководителями, намечавшими примирительную встречу перед третьим международным совещанием коммунистического движения. В действительности они не стремились к компромиссу; оба партнера совершили тактический маневр, стараясь переложить на противную сторону ответственность за теперь уже неминуемый разрыв. В этих посланиях СССР и Китай публично представили свои политические и пропагандистские платформы, обращенные прежде всего к коммунистическому движению и освободительным движениям «третьего мира». Китайцы действовали более решительно, назвав свое известное письмо из 25 пунктов руководителям советской компартии «Предложением о генеральной линии международного коммунистического движения»[49].

Наконец делегации двух партий встретились в Москве 5 июля 1963 г. Атмосфера встречи была отравлена оскорбительными выпадами, взаимным недоверием, неспособностью найти в споре практическое решение специфических проблем. Через две недели они расстались, ничего не решив. Китай и СССР были теперь не союзниками, а противниками. Из обеих столиц хлынул поток яростных посланий. Если в полемике превалировали общие теоретические и стратегические аргументы, то в конкретной международной политике раскрылась подлинная суть конфликта. Спустя несколько дней после встречи в Москве в советской столице был подписан договор между СССР, США и Великобританией о запрещении испытаний ядерного оружия. Всем остальным странам было предложено присоединиться к нему. Китайцы готовили в это время свою атомную бомбу, которую успешно испытали год спустя. Поэтому они увидели в трехстороннем соглашении лишь стремление лишить их возможности вступить в число ядерных держав. Они назвали договор «большим обманом», попыткой Советского Союза, американцев и англичан «укрепить свою монополию и связать руки мирным народам, над которыми нависает атомная угроза»[50]. Конфликт снова начался с исходной точки: один из его участников был уже признан великой державой, второй решил непременно в этом качестве утвердиться. Возможность соглашения, утерянная за шесть лет, до сих пор не появилась.

В мире началась новая жестокая игра втроем со всеми присущими ей опасностями. США, Китай и СССР действовали каждый сам по себе, на свой страх и риск. Каждое из трех правительств больше всего боялось, как бы два других не объединились против него. Закончился целый период мировой истории после победы в 1949 г. китайской революции и ее союза с СССР; начался новый, неизвестный период. СССР оказался перед дилеммой: потерять своего основного союзника или отказаться от свободы действий в своей дипломатии, что неизбежно в любой коалиции равных. Советские руководители сочли эту цену слишком высокой. Еще и сейчас рано говорить, выиграли они благодаря этому выбору или проиграли.

В коммунистическом движении разрыв дороже обошелся совет-

ским коммунистам, чем китайцам. Нельзя сказать, что пекинские тезисы имели больший успех, как раз наоборот. Бо́льшая часть партий не разделяла 25 пунктов китайской программы. Однако не это главное. Китаю было нечего терять. Его революция завоевала широкие симпатии, но его компартия никогда не занимала доминирующего положения в движении, в отличие от советской. Международный авторитет Москвы подкреплялся не только ее собственной силой, но и мощью представляемого ею великого международного объединения нескольких стран, а также политического движения, развивавшегося полвека. Историческая привилегия СССР пошатнулась, но Китаю не удалось занять его место.

Резонанс в Западной Европе и в коммунистическом движении

В Европе происходила глубокая эволюция системы государств, возникших вокруг СССР после войны. После трагической осени 1956 г. Советское правительство осознало необходимость строить отношения с восточноевропейскими странами на более прочной экономической основе, обеспечивающей удовлетворение интересов всех: на чем-то более цельном, чем мировой социалистический рынок, о котором писал Сталин в своей последней работе и которого в действительности никогда не было. СССР предоставил больше кредитов своим восточноевропейским союзникам[51]. Это был первый шаг, но еще не кардинальное решение.

Во второй половине 50-х гг. произошла перестройка СЭВ. В действительности его подлинное рождение как коллективной организации подстегивалось динамизмом формирования единого рынка Западной Европы. СЭВ возродился в 1958 г., когда в Москве встретились представители компартий стран — его членов. Год спустя впервые заговорили о его статусе международной организации со своими правилами и постоянными комитетами. Началось многостороннее сотрудничество, которое должно было заменить прежние двусторонние отношения. Была согласована новая система цен на основе действующих цен международного рынка. Чтобы устранить их колебания, они пересматривались только раз в пять лет, оставаясь в интервале неизменными. В 1962 г. был одобрен второй уставной документ «Основные принципы международного социалистического разделения труда»[52]. Хрущев предполагал создать единый экономический план для всех стран с единым центром планирования[53].

СЭВ страдал от серьезных диспропорций. Советский Союз один был крупнее и сильнее всех остальных стран-членов. Как мы видим, речь шла совсем о другой организации, не соответствовавшей концепции экономической интеграции стран одной Восточной Европы, которую Димитров выдвинул в 1948 г., а Сталин резко отверг. Большая политическая, военная и экономическая сила СССР не означала, что он развивается интенсивнее: такие страны, как Чехословакия или ГДР, представляли более индустриально развитую

часть СЭВ, чем СССР. Уровень жизни населения в этих и других странах СЭВ был выше, чем в СССР. Новое разделение труда, сложившееся в СЭВ, поставило более сильную страну, богатую природными ресурсами, в положение преимущественно экспортера сырья и импортера конечной продукции, что не давало ей высокого экономического престижа. Известная разница в уровнях развития существовала и между остальными членами организации. Каждый из них стремился защитить прежде всего свои интересы, откладывая на время мысль о более тесном объединении.

Разрыв между Москвой и Пекином оказал глубокое воздействие на восточноевропейский политический блок, образованный СЭВ и Варшавским Договором. Стали привлекать в эти две организации социалистические страны Азии, что и предполагалось в прошлом[54]. Албания вышла из обеих организаций. Не испытывая больше китайского давления, СССР и его восточноевропейские союзники теперь сблизились с Югославией, хотя так и не достигли полного взаимопонимания с Белградом.

Разрыв имел не только международные последствия. Уже сам факт, что полемика с китайцами велась во имя антисталинских решений XX съезда КПСС, оказал влияние на внутреннюю жизнь каждой восточноевропейской страны. У них было больше возможностей для самостоятельного политического выбора. Эту выгоду они получили, поддержав СССР против Китая. Больше никто не осуждал польских коммунистов за отказ от коллективизации деревни или попытки прийти к соглашению с католической церковью. В Венгрии Кадар мог развивать политику национального примирения и залечивать раны, оставшиеся после 1956 г. В Чехословакии проявились первые движения и первые столкновения мнений, в которых зрело великое обновляющее движение 1968 г.[55] Несмотря на то что между этими странами не было свободного обмена идеями, проходящие в них дискуссии имели отклик и за национальными границами, поскольку расширение контактов — непременное условие международного разделения труда. На спорах разных экономических школ в СССР сказывались реформы и эксперименты, проводившиеся в других восточноевропейских странах.

Особую позицию внутри системы заняла Румыния. В первое послевоенное десятилетие она больше других стран Восточной Европы испытала положение побежденного. После смерти Сталина в ней меньше высказывалось требований демократического развития (конечно, они существовали), но больше ощущалась потребность в национальном утверждении. Правящая коммунистическая партия была выразителем этой идеи, найдя тем самым связь со страной. В рамках Варшавского Договора в 1958 г. она добилась вывода советских войск, еще размещенных на ее территории[56]. Менее развитая индустриально, чем другие страны союза, но богатая природными ресурсами, Румыния оставалась верной программе ускоренной индустриализации. Ее руководители не хотели приносить эконо-

мический рост страны в жертву новым планам разделения труда в СЭВ. Румыны боялись, что их страна будет превращена в сельскохозяйственный придаток не только СССР, но и других более северных и более развитых стран, входящих в СЭВ. Это подозрение заставило их все энергичнее заявлять, что планирование — это прежде всего «существенный, главный, неотъемлемый признак суверенитета социалистического государства»[57]. Бухарестское правительство возражало против любых проектов экономической интеграции Востока Европы, которые могли ограничить свободу национального выбора. Оно отвергло предложение разработать общий экономический план, создать единый центр планирования и построить смешанные предприятия, использующие румынские ресурсы[58].

Такая ориентация определила и их линию поведения в советско-китайском конфликте, в котором румыны увидели прежде всего возможность укрепить свою самостоятельность. Когда в 1963 г. разрыв между Москвой и Пекином стал необратимым, они отказались встать на ту или иную сторону. У них были свои разногласия как с советскими руководителями, так и с китайцами, но они предпочли не вступать в дискуссию. Их пресса старалась не публиковать полемических выпадов Москвы и Пекина, которыми в то время была полна мировая печать. Вдохновляемые другими компартиями, бухарестские руководители пытались стать посредниками, а когда им это не удалось, продолжали держаться в стороне[59].

В сущности, выбор, который сделали румыны, отражал распространенное в коммунистическом движении мнение. Конфликт ставил каждую партию перед мучительной дилеммой, определяющей ее судьбу. Ни пекинские, ни московские предложения не вдохновляли. Москва хотела представить этот конфликт как столкновение между китайцами и всеми остальными, а не как борьбу между СССР и Китаем[60]. Эта версия, с одной стороны, не соответствовала фактам, а с другой — предполагала возврат к концепции монолитного коммунизма, объединенного вокруг СССР, как во времена Коминтерна, и направленного преимущественно на бесплодную идеологическую войну с Китаем. Со своей стороны китайцы утверждали, что рабочее движение всегда «склонно» к расколу и что разрыв становится «неизбежным», когда «оппортунизм», в данном случае олицетворяемый КПСС и югославами, проникает в его ряды[61]. Они вывели этот закон из исторических экскурсов и знаменитых прецедентов, таких, как разрыв Ленина со II Интернационалом, забывая, что история не повторяется в точности. Многие компартии, находящиеся у власти или в оппозиции, стали слишком серьезными политическими силами, чтобы привязать себя к одной из двух сторон. Выбрать любую из них означало бы искусственно расколоть эти партии. Уже и тогда китайцы старались поддерживать группы сепаратистов.

Крупные партии Азии лишь частично — и не всегда — разделяли точку зрения Пекина, но в общем знали, что не могут изолироваться ни от распространенных в Азии идей китайской революции, ни от

растущей международной силы Китая*. Не только они стремились к самостоятельности. Румыны также были не одиноки в Европе. Советские руководители заметили это, когда попытались в 1964 г. начать подготовку к новому международному совещанию коммунистических и рабочих партий, преодолевая формальные и существенные оговорки Пекина. Они сразу поняли, что откажутся участвовать не только китайцы, но и часть других партий. Это было бы совещание лишь части движения, пусть даже и большей, и ее объединило бы только участие в полемике с Китаем. Такая крупная партия, как итальянская, хотя и достаточно критически относилась к концепциям Пекина, сразу же заявила, что это невозможно. Тольятти лично поехал в СССР, чтобы сказать это Хрущеву. Его путешествие стало последним. В «Памятной записке», которая должна была стать также и его политическим завещанием, Тольятти отразил оппозицию итальянских коммунистов совещанию, намечаемому советскими руководителями. Он не отказывался от политической борьбы против китайских теорий, но он хотел, чтобы эта политическая борьба велась корректно, без раздражения, без отлучений. Он видел в этой борьбе возможность позитивных действий при уважении самостоятельности каждой партии и развитии демократических свобод при социализме[62].

Советские руководители не стали созывать совещания. Ни они, ни китайцы не могли больше выступать друг против друга от имени всего коммунистического движения. Итак, стало очевидным, что причина их распри — столкновение двух великих держав. Не имела успеха и попытка китайцев посеять разлад в Москве, сконцентрировав огонь только на Хрущеве. Те же самые руководители в СССР, которые готовились сместить его со всех постов, заявили публично, что не позволят китайцам «изолировать» Хрущева и «противопоставить его партии и советскому народу»[63]. Кроме того, оказалась иллюзорной надежда китайцев, что «огромному большинству советского народа... навечно дорога память о Сталине» и что одного этого имени достаточно, чтобы гарантировать им поддержку в лагере противника[64]. Чувства, которые воспоминания о Сталине вызывали у народов СССР, были более сложными и совсем не такими, чтобы отвечать на призывы Пекина. Прямолинейность китайцев напоминала советским людям об ужасах, пережитых в сталинскую эпоху. Однако и те, кому в СССР было «очень дорого имя Сталина», слишком хорошо усвоили его уроки национализма, чтобы проявлять нужную Китаю неприязнь к Хрущеву.

У обеих сторон эта тенденция будет усугубляться: национальный элемент обеих революций в ходе конфликта начал превращаться в национализм. Каждый из двух оппонентов будет обвинять другого в шовинизме, но отказываться признать это за собой.

* Позже китайцы предложили создать союз компартий Азии и Африки, но их проект был отложен, не считая иных причин, из-за оппозиции вьетнамцев (см. заявление Нгуен Хак Вьена. — La Repubblica, 19 ottobre 1978).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. СМЕЩЕНИЕ ХРУЩЕВА

Конец правления Хрущева

В октябре 1964 г. Хрущев был освобожден от всех партийных и государственных постов и отправлен на пенсию в полной изоляции. Хотя это удивило весь мир, его падение было лишь финалом длительного процесса. Хрущев так и не оправился от поражений конца 1962 — первой половины 1963 г.: карибский кризис, неудачи в сельском хозяйстве, идеологическое контрнаступление и разрыв с Китаем. Казалось, формально его власть оставалась такой же полной, но в последний год его правление было совершенно неэффективным. Невозможно назвать ни одного дела, оставившего бы заметный след в обществе. Нельзя сказать, что внезапно исчезла его способность проявлять инициативу, но она оказалась более, чем когда-либо, противоречивой и слабой. Формально на все его действия реагировали с должной почтительностью, но их молча и упорно саботировали как в центре, так и на периферии. Его популярность резко упала во всех слоях общества. Критика и недовольство им широко распространялись, естественно, не в печати, но во все более широких общественных и частных кругах.

Самые разные обвинения составили толстое досье, которое было ему предъявлено в момент сведения счетов. Обвинения касались внутренней и внешней политики, а также его стиля руководства, который считали слишком авторитарным. Ему инкриминировали многое, начиная с предложений урегулировать немецкий вопрос путем прямого сближения с боннским правительством и до конфликтов с Академией наук из-за выборов новых членов[1]. Эти события, слухи о которых позднее широко распространились, может быть, и помогают воссоздать обстановку, в которой стало возможным его смещение, но все равно не разъясняют тех обстоятельств, которые заставили его коллег по Президиуму ЦК действовать совместно, чтобы избавиться от него.

Многие исследователи считают решающим обстоятельством планы, которые сам Хрущев подготовил для нового Пленума ЦК, намеченного на ноябрь 1964 г.[2] Об этих планах мы знаем очень мало — Хрущев не успел изложить их. Известна только часть, касающаяся новой реорганизации сельского хозяйства, так как он говорил о ней публично. Мы не знаем, думал ли он, как подозревали, о более значительном изменении соотношения сил в верхах партии, чтобы преодолеть возобновившееся сопротивление своей политике и

необоснованной попытке завоевать бóльшую личную власть. Действительно, когда летом Хрущев выступил с серией речей, подготавливая ноябрьский Пленум ЦК, другие руководители стали создавать пустоту вокруг него. Это почувствовал во время своей последней поездки Пальмиро Тольятти, который, хотя он и поехал в Москву по настойчивому приглашению именно затем, чтобы встретиться с Хрущевым, не сумел даже увидеть его[3].

Внешне смещение Хрущева проходило почти так же, как и безуспешная попытка его смещения, предпринятая Булганиным, Молотовым и Маленковым в 1957 г., но внутренние различия были глубокими. Похожим был и характер операции, решенной и осуществленной в основном внутри Президиума ЦК. Однако на этот раз противники Хрущева сумели воспользоваться положениями Устава партии. Они тайно решили созвать ЦК. Основным автором операции, насколько можно судить сейчас, был Суслов, защитник государственной идеологии от нападок Хрущева. Обращение к ЦК потребовало предварительных консультаций если не со всеми его членами, как утверждали, то по крайней мере с большинством из них[4]. Тот факт, что Хрущев не узнал об этом, свидетельствует о большой шаткости его политического положения.

Первый секретарь ЦК КПСС отдыхал на Черноморском побережье в конце сентября, в то время как в Москве готовилось его устранение. Президиум ЦК собрался в его отсутствие на расширенное заседание 12 октября (по другим источникам — 11-го), чтобы решить вопрос о его смещении[5]. Хрущева вызвали в Москву только 13 октября, когда основные резолюции были уже приняты. Его доставили в столицу на военном самолете, привезли прямо в зал, где еще заседал Президиум ЦК, и сообщили ему о согласованном решении освободить его от основных постов. Как и в 1957 г., в первый момент намеревались оставить его в составе ЦК на второстепенных ролях. Однако отказ Хрущева подчиниться приговору вынудил его коллег к жесткости. Только ночью его заставили подписать заявление об отставке.

14-го в Москве был созван Пленум Центрального Комитета, заслушавший доклад Суслова. Практически обсуждения не было, и заседание длилось лишь несколько часов. Обе должности, совмещаемые Хрущевым с 1958 г. (Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров), были разделены, и было принято решение, что их не должен больше занимать один человек. Они были отданы наместникам Хрущева в обеих организациях: Брежневу — в Секретариате ЦК КПСС, Косыгину — в правительстве. Эта новость стала известна поздно ночью 15 октября и была опубликована в печати утром 16-го. В официальном сообщении говорилось об отставке из-за преклонного возраста и ухудшившегося состояния здоровья[6].

Преемники Хрущева были довольно сдержанны, давая объяснения как внутри страны, так и иностранным гостям, которые получили только официальную версию, дополненную обещанием не менять

политического курса. Это были в основном представители других компартий, озабоченные тем, что это решение может означать также критику и пересмотр антисталинских действий Хрущева. Членам КПСС была направлена более подробная информация, в которой довольно критически оценивалась недавняя деятельность Хрущева. Однако и они не имели права на исчерпывающий анализ подлинных причин кризиса. Если Хрущев в свое время не скрывал подробностей крупных политических столкновений, сопровождавших его путь к власти, то его преемники предпочли хранить в тайне то, что привело их к высшим государственным постам. Несмотря на то, что Суслов выступил в главной роли, его положение в руководстве партии не изменилось — он остался главным идеологом, которым был уже давно.

Одному видному посетителю из Азии, который спрашивал, почему не было открытого и подробного анализа правления Хрущева, было сказано, что страна не выдержит еще одного XX съезда[7]. Это объяснение кажется по меньшей мере неполным. Действительно, уже в отношении Сталина было трудно отделить его личную ответственность и за хорошее, и за плохое от ответственности его близких сотрудников, включая и самого Хрущева. Было бы еще труднее объяснить смещение Первого секретаря, потому что все остальные советские лидеры публично поддерживали и одобряли основные его решения, причем его политика была такой, что у них не было теперь смягчающих обстоятельств в виде методов, которыми Сталин расправлялся со своими критиками. Однако поведение новых руководителей обусловливалось и иными, менее эгоистическими мотивами.

Политика Хрущева, которую характеризовали как чрезмерно «субъективистскую», то есть обусловленную только личной волей, не была слишком «субъективной», как бы ее ни изображали и как бы ни заставляли в это поверить. Наиболее явное доказательство касается отношений с Китаем. Пекин воспринял падение Хрущева, которого китайцы теперь называли «клоуном на современной политической арене», с нотками триумфа. Это, заявляла официальная пресса, «прекрасное дело», которое китайцы «давно предвидели»[8]. Чжоу Эньлай спустя несколько недель прибыл в Москву, чтобы выяснить намерения новых руководителей. Однако обе стороны довольно быстро убедились, что их позиции так же далеки, как и раньше. Возможно, некоторые иллюзии по этому поводу имелись и в Москве, и в Пекине. Может быть, и правда, что Чжоу Эньлай получил предложение от одного советского лидера: мы сейчас избавились от Хрущева, теперь вы избавитесь от Мао, и все станет значительно легче[9]. Ход событий доказывает, что дело было не в личностях: глубинные причины конфликта остались теми же. Каждый был убежден, что другой должен изменить политику.

То же можно сказать и о многих других сторонах советской внутренней и внешней политики. Когда мы пытаемся добраться до главных причин падения Хрущева, то мы должны обратиться не толь-

ко к объяснениям, которые время от времени дают основные действующие лица, но и к главным изменениям, произведенным его преемниками. Знаменитый ноябрьский Пленум 1964 г. действительно состоялся, но он занимался не теми проектами, которые запланировал Хрущев. Напротив, Пленум без шума ликвидировал за один день хрущевскую реформу, затронувшую основную структуру Советского государства — разделение партии на аграрную и промышленную части, — и вернул ее к единой организации[10]. Раздвоение партии было главной причиной, вызвавшей тайную оппозицию против Хрущева в руководящих кругах страны, именно в тех кругах, на которые он больше всего рассчитывал. Постепенно были ликвидированы и другие поздние реформы Хрущева, но не сразу и после более или менее длительных размышлений. Некоторые сошли на нет еще до того, как их отменили юридически, например уставные нормы, предусматривающие обязательное обновление руководящих органов и запрет избирать одного человека на один и тот же пост больше, чем на два-три срока[11]. Другие реформы были аннулированы позже: совнархозы ликвидировали в сентябре 1965 г., и руководство экономикой было снова передано министерствам, но была проведена реформа управления, которую представил и поддержал Косыгин. В целом через эти изменения прокладывала себе путь новая линия: постепенно были ликвидированы зачаточные элементы политического плюрализма, которые развивались в период возобновления антисталинского наступления.

Значение хрущевского десятилетия

С каждым днем имя Хрущева исчезало из советской общественной жизни, осужденное на политическую смерть. Его редчайшие появления в обществе отмечались только иностранными корреспондентами. Почему так строго сохранялась эта тишина? Боялись возвращения его популярности? Рассказывают, что сам Брежнев был удивлен, когда глава органов государственной безопасности Семичастный рассказал ему, что в стране не было ни одного выступления в защиту Хрущева после его смещения[12]. Это не помешало новым руководителям принять многочисленные меры предосторожности, когда в 1971 г. он умер и в Москве проходили его похороны. Его преемники оказались весьма чувствительными к любому сравнению с Хрущевым, которое могло бы оказаться в его пользу. Повторим еще раз: не было ни одного течения в СССР, которое бы поддерживало бывшего Первого секретаря, никого, кто бы вспоминал о нем с ностальгией. Итак, причина была более глубокой: Хрущев представлял в истории СССР диалектический момент — он подорвал официальный монолитизм, обострив антагонизм между разными политическими линиями.

Он занимает в развитии СССР совсем не второстепенное место, как можно было бы подумать из-за того забвения, в котором оказа-

лось его имя. Наша задача здесь — попытаться подвести итог его деятельности. И не только потому, что целое десятилетие эта фигура доминировала на политической сцене. Впрочем, 10 лет — это мало по сравнению с 30-летним правлением Сталина. Однако за это десятилетие в советском обществе произошло нечто серьезное.

Во время 30-летнего правления Сталина в СССР не прекращалось чрезвычайное положение. Ни одна страна не может долго выдержать состояние такой напряженности. Правление Хрущева также не было спокойным периодом. Оно знало кризисы, трудности, внутренние и внешние осложнения. Это были годы, когда общество переживало потрясения, ощущало потребность в обновлении чисто конвульсивно; не всегда это было понятно широким народным массам. Однако эти беспокойные события способствовали сложному переходу от непрерывного чрезвычайного положения к нормальному. Советский Союз впервые пытался привести себя в порядок. Хрущев оставил преемникам длинный список нерешенных проблем. Вряд ли можно возлагать только на него всю ответственность за то, что они не решены. Многие из них не были заметны или не проявлялись в чрезвычайных условиях. Когда эти условия исчезли, проблемы вышли на свет как неизбежные вопросы развития общества, начавшего мирную эволюцию, управляемого не по законам бесконечного чрезвычайного положения, а согласно нормам стабильности.

Успех перехода не был оплачен. Сталинское правление характеризовалось превосходством только одной личности, и исчезновения героя могло быть достаточно для фатального кризиса. К этому добавились тяжелые внешне- и внутриполитические условия, в которых Сталин оставил страну. Был некоторый резон в расчетах тех, кто за рубежом предсказывал возможный распад советской системы. Кризис был преодолен, однако не без потерь, и самой тяжелой был разлад с Китаем. Однако может ли один Хрущев быть виноват в этом?

В СССР переход был осуществлен не ценой новых расколов и новых жертв, а путем восстановления утраченной или подавленной энергии, которой страна не могла больше пренебрегать, если не хотела парализовать собственное развитие. Понятно, насколько горд был Хрущев, что руководил всей этой операцией; он даже неоднократно позволял себе иронизировать над сомнениями Сталина в способностях своих наследников. Успех этого предприятия зарядил Хрущева особым оптимизмом, который привел к недооценке проблем, накопившихся за эти годы. Отсюда и лихорадка последующих планов, оставшихся на бумаге, планов, которые вызвали немало сарказма со стороны критиков.

Таким образом, в личности Хрущева отразились гораздо более глубокие тенденции. Осуществляя первые реформы, быстро придя к власти и победив своих прямых противников, он действовал как представитель той особой коммунистической партии, которая исторически сложилась в СССР. Он представлял в первую очередь ее руководящий аппарат в центре и на периферии, был Первым секретарем

организации, которая опиралась на всех первых секретарей сверху донизу, на любом уровне партийной структуры. Эти секретари не могли больше мириться со сталинскими методами руководства, которые мешали им выполнять свои функции. Они не могли больше работать под угрозой непрерывных кровавых чисток, под надзором очень мощной бесконтрольной полиции, не могли осуществлять политику, которая, как, например, в сельском хозяйстве, вела в тупик. В первой фазе своего правления Хрущев был выразителем настроений руководящего слоя советского общества, укрепляя его власть. Он выражал не только жалобы руководителей — его реформы соответствовали распространенным настроениям в стране, которая чувствовала, что завоевала право более спокойно жить и дышать.

Однако Хрущев на этом не остановился. Стремясь форсированно решить многочисленные проблемы советского общества, он задумал более радикальные планы, которые привели его к конфликту с той же верхушкой партии и руководящим аппаратом общества в целом. Противоречие возникло из-за «секретного доклада», именно из-за его иконоборческого содержания, которое касалось не только личности Сталина. С этого момента началось его столкновение с носителями государственной идеологии. Столкновение было сначала не настолько ожесточенным, чтобы помешать ему победить оппозицию в первые годы правления. Затем оно обострилось до непримиримости, когда его предложения стали угрожать более глубинным структурам Советского государства. Хрущев попытался решить эту проблему смещением людей на различных уровнях и обостренной полемикой с иерархией. Однако у него так и не хватило сил выиграть. В конце концов именно иерархия избавилась от него. Правда, операция была проведена узким кругом людей, которых вынудили действовать конъюнктурные причины. Однако они в свою очередь выражали чувства, распространенные в аппарате партии и государства.

Сталинизм выживает

Имя Хрущева связано в первую очередь с XX съездом. Он бросил вызов Сталину и пересмотрел его наследие; под этим углом следует прежде всего оценивать его деятельность. Его нововведений было много, и наиболее заметные из них оставили глубокий след в советском обществе. Нельзя сказать, что введенные им изменения не были существенными. И все же, подводя итоги, надо отметить, что Хрущев независимо от своих намерений скорее укрепил сталинскую систему, чем по-настоящему реформировал ее. Он изменил не только то, что было в ней самого угнетающего, но прежде всего то, что обусловливало ее кризис и могло задушить ее еще при жизни Сталина. Основная часть сталинизма, наиболее жизнеспособная, напротив, осталась неизменной.

В политических дебатах термин «сталинизм», если он был принят, охватывал различные аспекты сталинской деятельности. Историче-

ски это понятие включает определенную политику, некоторые методы правления и систему довольно последовательных взглядов. Политика — это индустриализация, осуществляемая быстрыми темпами, при помощи механизма накопления, созданного за счет крестьян и тяжелых жертв всего или почти всего населения. Эта политика, связанная с самой суровой начальной стадией промышленного развития, была существенно выправлена в хрущевский период, хотя отдельные аспекты старой системы сохранились и поныне, что обусловлено как военными потребностями, так и давлением отраслей экономики, для которых она была самой выгодной.

Сталинские методы правления нашли свое суровое выражение в жестоком массовом подавлении сопротивления, которое эта политика и ее общие концепции встречали у населения, партии, в самых революционных слоях Советского Союза. После войны репрессии стали настолько обычным делом, что применялись для решения любой политической проблемы. В хрущевский период именно в этой области были осуществлены самые глубокие перемены. Эти методы были не только отвергнуты, но и публично осуждены, чтобы сделать практически невозможным их восстановление. Политическая полиция не исчезла, от репрессий отказались не полностью, но сфера их действий была, с одной стороны, резко сужена, с другой — введена в русло законности. Это была хоть и не бесспорная, но все же легальность, подчиненная контролю партийных органов. Эти значительные сами по себе изменения позволили все же сохранить почти нетронутым основное ядро сталинских концепций.

Полувековой экскурс в советскую историю показал, какую форму приняли эти концепции. Стоит напомнить их и синтезировать в том виде, в каком они пережили не только своих создателей, но и самые яростные атаки на двух съездах советских коммунистов. Социализм характеризуется огосударствлением средств производства, всей экономической и социальной жизни. В этом смысле он уже построен в СССР в середине 30-х гг. Не полностью огосударствленные формы экономики рассматриваются как переходные, предназначенные стать государственной собственностью в будущем, или как нелегальные аномалии. С этой точки зрения общество остается «монолитным» в том смысле, что противоречия в нем не могут быть антагонистическими. При последовательном развитии сталинской мысли его государство рассматривается как «всенародное». Оно в свою очередь «морально-политически едино», независимо от существующих внутри него национальных и социальных различий. Следовательно, в этом обществе не может быть политического плюрализма. Его руководящие силы существуют для народа и находятся на службе народа, «не имеют других интересов, кроме интересов народа». Проявление несогласия, по определению, есть нечто «чуждое» народу.

Общество организовано в сильное государство, сильное в классическом смысле, причем не последнюю роль играют репрессивный аппарат и армия. Его ведущий структурный орган, его основное

ядро — это партия, которая играет «руководящую роль» на всех уровнях не по вручаемому каждый раз страной мандату, а по завоеванному праву, сейчас — по конституционному предписанию. Следовательно, сама партия — государственный институт. Она руководит всеми другими государственными или общественными организациями, которые всегда выступают в роли ее «приводных ремней». Это было справедливо названо «руководством партии». Партию следует понимать как орден военно-идеологического типа, организацию «лучших людей», со своей жесткой иерархией, доктриной, дисциплиной, традициями, определенной степенью секретности при обсуждениях, хотя и меньшей по сравнению со сталинскими годами, и, следовательно, с ограниченным правом доступа к информации, расширяющимся по мере перехода от низших ступеней к высшим.

Партия вооружена своей идеологией, доктриной, которая уже не считается, как вначале, лишь средством анализа общества и ориентации при политическом выборе, а рассматривается как суть истины, которая может быть изменена под воздействием практики, но от которой нельзя «отклоняться», пока она остается в силе. К ней государство не только не нейтрально, но и, само являясь идеологическим, допускает и защищает только партийную идеологию — его официальную идеологию. Эта идеология имеет своих толкователей, стражей, распространителей. Она долго и мучительно формировалась, потому что ее источник — марксизм — означает совсем другое: научное исследование общественных процессов и планирование на этой основе преобразования общества. Отсюда непрерывный источник конфликтов и споров. Однако именно потому, что так велико расстояние от исходного пункта до конечного, было бы неверно игнорировать тот вклад, который внес Сталин приспособлением, упрощением и интерпретацией идей Маркса и Ленина и своими собственными концепциями. Важно то, что именно этим вызвано ее превращение в официальную идеологию Советского государства. Сталин также привнес в идеологию сильный националистический и патриотический акцент, который в ней противопоставлен первоначальному духу интернационализма и образует одну из основных ее особенностей.

Вся эта часть сталинского наследия сохраняется и действует в советском обществе. Предлагал ли Хрущев затронуть ее? Пока невозможно дать исчерпывающий ответ, основываясь лишь на его многочисленных публичных и частных высказываниях. О том, что он мог бы расколоть ядро сталинизма, свидетельствуют лишь трагические обвинения XX съезда и неудавшиеся попытки реформы 1962 г. Однако и сейчас не удается увидеть целостно будущее советского общества, способного достаточно активно сопротивляться всем сталинским концепциям и мобилизовать в свою поддержку энергию общественного мнения.

Несмотря на все искажения, сталинизм имел глубокие корни в СССР. Преодолеть и устранить его — весьма нелегкая политическая задача. Чтобы выполнить ее, требуется широкая коалиция общест-

венных сил, активная поддержка широких масс, в первую очередь рабочих и всех трудящихся. Для этого им потребовалось бы более самостоятельная организация, какой не было с 20-х гг.; она так и не была создана. Однако и этого недостаточно. В этих действиях народные массы должны видеть как залог улучшения условий жизни, так и гарантию защиты и развития национальных, социальных и экономических завоеваний, достигнутых пóтом и кровью. Несмотря на сильную тенденцию к обновлению и известное улучшение внутреннего положения, хрущевское десятилетие (и не по вине одного Хрущева) так и не смогло добиться удовлетворения всего комплекса потребностей. Оно завершилось при относительном равнодушии масс.

Ограниченная этими рамками деятельность Хрущева показала, что возможна, хотя и робкая, альтернатива сталинизму, возникшая из самой советской истории. В этом ее непреходящая ценность. Правление Хрущева сочетало в себе унаследованные сталинские концепции и возродившийся дух оппозиции и сопротивления Сталину, существовавший в прошлом. Они обрели с Хрущевым возможность существовать в советском обществе, свою, хотя и противоречивую, законность.

II. СССР СЕГОДНЯ

Брежнев и стабильность

Хотя мы и отважились довести историческую реконструкцию до такой даты, как 1964 г., продолжить ее невозможно, так как более поздние годы — часть нашего настоящего. В заключение мы можем только перечислить некоторые проблемы, которые с точки зрения прошлого кажутся важными для СССР сегодня.

Последнее 15-летие не было периодом застоя. Страна развивалась, ее развитие было особенно интенсивным в области экономики и позволило достичь важных производственных результатов. Экономика отстает от американской, а по некоторым показателям и от западноевропейской, но она была укреплена и уравновешена настолько, что могла превратить СССР в колосс современного мира. Однако этот рост, сохранивший достаточно высокие темпы, не означает, что все прошлые проблемы решены. Эффективность осталась неудовлетворительной, рентабельность вложенных средств ниже, чем в других странах. Расширение потребления и производства материальных благ воспринимается как настоятельная потребность. В пятилетке 1971—1975 гг. они считались первоочередными по отношению к производству средств производства. Однако на практике, как уже было в прошлом, изменения тенденции не произошло — как из-за нового преобладания более традиционных направлений, так и из-за постоянного отставания отраслей производства потребительских благ.

Нововведением послехрущевского руководства было обязательство оздоровить сельское хозяйство. Немало крупных преобразований проведено с этой целью. Все более значительная масса капиталовложений направляется в деревню, чтобы интенсифицировать сельское хозяйство и дать ему не только машины, но и удобрения, электроэнергию, мелиорацию, широкую сеть ирригационных каналов — все многочисленные факторы современного аграрного развития. Сельскохозяйственным предприятиям, и в частности колхозам, снова предоставлена большая самостоятельность, а также право в определенных рамках развивать предпринимательскую деятельность. В первую очередь новое руководство гарантировало крестьянам сохранение их маленьких личных хозяйств. В 1969 г. впервые за 35 лет состоялся III съезд колхозников, который дважды обещал созвать, но так и не созвал Хрущев. Съезд одобрил новый типовой Устав колхоза[1]. Отменена старая система оплаты по трудодням, и осуществлен переход к помесячной гарантированной оплате, ее денежная часть росла по отношению к натуральной. Пенсии и отпуска стали получать и колхозники. Они получили и свое скромное политическое представительство через Советы колхозов[2]. Особый план разработан для возрождения нечерноземных земель Центральной России. Улучшилась и стабилизировалась эксплуатация целинных земель. Нако-

нец, одновременно с продолжающимся обменом удостоверений личности колхозники также получили паспорта, свидетельство гражданства, разрешившее наконец им свободный выезд из деревни.

Итак, можно сказать, что самые давние требования деревни были постепенно выполнены, по крайней мере частично. Результаты оказались противоречивыми не потому, что не было движения вперед — оно было, но совершенно недостаточное. Сбор зерна становился все более нестабильным, зерно стали постоянно импортировать. Нехватка продуктов в продовольственных магазинах остается весьма ощутимой. Упадок сельского хозяйства очень глубок, его привыкли считать второстепенной областью экономики, и это чувствуется, несмотря на новые планы.

Экономический рост позволил СССР укрепить свои вооруженные силы и подтянуть традиционно отстававшие рода войск, например флот, настолько, чтобы добиться если не равенства, то по крайней мере стратегического равновесия с США. На этой основе снова завязался и развился диалог — соревнование с Америкой (не только тогда, когда проявилось поражение Америки во вьетнамской войне, которая отбросила Москву и Вашингтон в противоположные стороны). Проблемы, оставленные в Европе второй мировой войной, завершились взаимным признанием существующей реальности. СССР сумел удовлетворить и другие свои потребности. Его экономика по большей части интегрировалась в мировую, и он смог рассчитывать на значительные зарубежные кредиты, выше тех, какие он мог использовать в самые напряженные периоды прошлого (исключая 1941—1945 гг.). Несмотря на маленькую «холодную войну» с Китаем, напряженность уменьшилась, безопасность страны гарантирована. СССР имеет все необходимые средства защиты; было признано, что он способен реально защитить себя в современной большой войне.

Главным направлением внутри страны в послехрущевские годы стала обширная и длительная работа по упорядочению законодательства. Постепенно был принят целый ряд полезных законов, касающихся самых разных сторон общественной жизни, в чем уже долгое время испытывало потребность советское общество. Напомним, что это было одним из требований XX съезда. Начатая при Хрущеве, эта работа велась с большим размахом после его ухода. На вопрос, что же было воплощено в советском законодательстве, можно дать один ответ: это были именно сталинские концепции, на основе которых создавалось советское общество. Кульминацией этого процесса стала новая Конституция 1977 г., органично отразившая и торжественно подтвердившая эти концепции. Действительно, характерной чертой сталинского правления было долгое отсутствие подобного юридического оформления концепции. Поэтому было бы неправильно говорить лишь о простом развитии сталинского наследия. Однако даже сталинизм не мог бы выжить без законов. Он нуждался в них, чтобы сохранять и усиливать свои основные черты.

На законодательной деятельности отразилось более широкое

явление, которое один американский историк проницательно назвал «глубоко консервативным духом», ставшим характерным для СССР в последнее 15-летие. Под консервативным духом он понимает «сентиментальную связь с собственным прошлым, с привычным и знакомым, инстинктивное предпочтение традиций и существующей ортодоксии, страх перед новым как потенциальной угрозой и хаосом»[3]. Этими настроениями явно проникнуты не только руководящие круги общества, но и достаточно широкие слои населения. Эта тенденция означает, что наконец достигнуто нормальное положение, и она соткана из многих элементов: гордости за достигнутые после мучительного напряжения результаты прошедших десятилетий; законного желания воспользоваться их плодами, какими бы скромными они ни казались; понятной усталостью от трагических страданий прошлого и судорожных хрущевских нововведений; наконец, страхом, что новые потрясения могут вызвать конфликты, за которые придется дорого заплатить, как уже случалось в прошлом.

Это не означает, что в стране преобладает чувство спокойного удовлетворения. Однако нужно учитывать, чтó значила для гражданина возможность впервые за несколько десятилетий жить в своем доме — теперь уже он есть у большинства, — то есть в маленьком, но полностью своем жилище, куда он вечером возвращается к семье, друзьям и телевизору, или — это чувствуется не менее остро — социальное обеспечение, наконец достигшее значительных масштабов, стабильная занятость, труд не на износ, всеобщее пенсионное обеспечение, гарантированная помощь в случае болезни или других трагических случаях жизни. На этой основе стало возможным молчаливое социальное согласие, даже если вознаграждение остается почти нищенским, а общий уровень жизни ниже, чем во многих других странах.

Когда Хрущева сместили, в Москве снова был провозглашен принцип коллегиального руководства. Совсем недавно люди, хорошо знавшие СССР, были готовы предположить, что это решение принято надолго[4]. Факты опровергли это мнение. Конечно, произошли некоторые, хотя и немногие, персональные изменения в олигархии, принявшей наследие Хрущева. Брежнев постепенно возвысился над своими коллегами. Для него в 1966 г. был востановлен, хотя и без неограниченной власти, сталинский пост Генерального секретаря, в тот моме́нт снова введенный в Устав партии. (По этому случаю и Президиум ЦК снова стал называться Политбюро[5].) Эта должность остается полностью обособленной от должности Председателя Совета Министров. Однако, находясь на посту Генерального секретаря, Брежнев в 1977 г. занял и пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, которому новая Конституция дала бóльшие прерогативы и больше блеска, чем в прошлом, приравняв реально к посту главы государства. Однако в общем страной правят те же люди, хотя с годами они стали самыми старыми по возрасту руководителями в мире. Такая стабильность, с одной стороны, отража-

ет установившееся политическое равновесие, которое в свое время помешало Хрущеву проводить политику реформ, с другой — является результатом сознательной ориентации, обещающей стране прогресс без потрясений и глубоких конфликтов, к чему, в сущности, и стремятся новые руководители.

Цена консервативной политики

Однако за стабильность нужно платить. СССР за нее расплачивается прежде всего отсутствием взаимосвязи с национальной культурой или по меньшей мере с самыми заметными, жизненно важными или просто беспокойными ее проявлениями. Диссидентство, распространившееся в поздний хрущевский период среди деятелей культуры, больше не исчезало. Это явление не привело к каким-либо изменениям. Беспокоит неизбежный в рамках сталинской идеологии отказ признать за ним право на гражданство в обществе, признать его роль критического стимула роста, а не врага, заключенного в гетто, которого то с трудом терпят, то жестоко подавляют. Неспособность властей вести диалог с миром культуры вне рамок ортодоксальной идеологии вызвала новую эмиграционную волну представителей интеллигенции, стоящих вне активного диссидентства. Это горестная утрата для культурного достояния страны. Однако недовольством охвачены достаточно широкие слои советской интеллигенции, значительное большинство которой живет и действует в стране, стесненной ограничениями цензуры. Есть свидетельства нового паралича исторических исследований, который наступил после многообещающего развития первой половины 60-х гг. Паралич не коснулся только культа Отечества, потому что ни в одной стране невозможен прогресс без серьезного изучения прошлого (в СССР, между прочим, памятные даты отмечаются продолжительными празднованиями с воспеванием славы Родины, что идейно сплачивает общество).

Противоречие между идеологией и культурой связано с неудовлетворенной потребностью в политической демократии, появившейся после Сталина, что отразилось на противоречивых решениях известных съездов. Советское общество осталось иерархическим. Это утверждение не является предвзятым или чуждым природе и истории СССР, как до сих пор считают в Москве. Резолюции послехрущевских съездов действительно побуждают, хотя и в патерналистских формах, к большему участию граждан в управлении государством и в экономике. Нельзя отрицать, что страна нуждается в этом. Тем не менее такое участие развито слабо.

Круг тех, кто принимает участие в выработке решений, расширился. Мнение инженерно-технических работников приобрело большее влияние. Сами «приводные ремни» государства стремятся действовать менее однообразно. Сеть их «активистов», то есть лиц, помогающих осуществлять их функции, достаточно разветвлена. Вокруг конкрет-

ных проблем экономики, образования, социального обеспечения, труда сейчас проходят, по крайней мере среди компетентных лиц, более свободные дискуссии, чего никогда не было в прошлом. Само коллегиальное руководство стало не столько источником верных или ошибочных указаний обществу сверху, сколько местом посредничества и высшего арбитража между разными и противоречивыми стимулами, интересами, группами давления. Однако публичных дебатов довольно мало. Нет политических споров в печати. Высшая иерархия остается недоступной и окутанной тайной. Выборы — формальность. Сам тип отношений между правителями и управляемыми отражает длительное отсутствие демократических обычаев. Решения продолжают спускать сверху, не предоставляя широким массам граждан возможность влиять на них, — это влечет за собой распространение политической апатии, безразличия или инерции.

Сталинизм дорого обошелся не только самой стране. Сильно уменьшилось идейное влияние СССР именно тогда, когда Советский Союз достиг максимума своей силы. Это влияние было достаточно сильным, когда страна была слабой и изолированной. Тогда внешний мир активно защищался от «заразы» его пропаганды. Сейчас Советское государство устаревшими запретами защищается от чужих мыслей, хотя волны революции, которые потрясли и изменили старую Россию, распространились повсюду среди народов, увлекая за собой все новые социальные слои и новые политические силы.

Даже в странах, которые остались союзниками СССР и находились в его политическом и военном подчинении, СССР не мог добиться абсолютной гегемонии. Наоборот, в этих странах стали подвергать сомнению сталинскую систему. В Чехословакии назревший конфликт наиболее ярко проявился среди самих коммунистов. Правительство СССР предприняло военное вмешательство, боясь, что пример Чехословакии может оказаться привлекательным не только в странах Восточной Европы, но и в самом Советском Союзе. В Москве вспомнили венгерский прецедент, не поняв, что наряду с общим для обеих стран стремлением к большей самостоятельности существуют и глубокие различия в политической эволюции обеих стран. То, что в 1956 г. называли крайней мерой, к которой пришлось прибегнуть только из-за катастрофы, превратилось в своеобразную норму поведения между социалистическими странами. На этот раз с этим не могли согласиться даже те, кто тогда счел интервенцию меньшим злом.

Закат идейного влияния можно лучше показать на отношениях между СССР и коммунистическим движением. В 1969 г., когда Москва сумела наконец созвать международное Совещание коммунистических и рабочих партий, которое не удалось Хрущеву в 1964 г., представители многих партий не приехали, и даже приехавшие не были единодушны к моменту его окончания. Конфликт с Китаем обострился. Несмотря на сближение с Югославией, остались сущест-

венные разногласия между двумя правительствами. После вмешательства в Чехословакии выявились разногласия с основными западноевропейскими компартиями. Таким же образом складывались отношения с компартиями других частей мира.

Однако это не означает, что сталинизм остался в своих первоначальных границах. Мы говорим не только о странах, где его насадил Сталин, хотя нельзя не отметить, что он и там нашел своих сторонников. Многие из основных сталинских понятий, укоренившихся в СССР, начали самостоятельную жизнь в других частях света. Детальный анализ этого явления — не наша тема. Однако некоторые общие замечания необходимы. Самый значительный пример — Китай. Конфликт между двумя странами привел к глубоким политическим противоречиям, как внешним, так и внутренним, но он вызвал не противопоставление общих концепций, а лишь споры и обсуждение их толкования и применения. Конечно, китайское общество при отдельном историческом анализе нельзя рассматривать так же, как и советское. Различия в прошлом и настоящем весьма значительны. Однако Китай не только защищал в полемике имя Сталина. Он принял его основные идеи, которые и среди китайцев встретили сильное сопротивление: социализм как полное огосударствление экономики; партия как руководящий институт государства; характер строя в Китае, весьма соответствующего собственным военным традициям; наконец, провозглашение единой официальной идеологии, аналогичной советской, с сильным акцентом на национализме («идеи Мао Цзэдуна») как силе, объединяющей страну.

Аналогичные тенденции в той или иной степени встречаются не только в Китае и не только в странах, руководимых коммунистическими партиями. Их жизнеспособность не может быть результатом лишь их насильственного навязывания проявляющим строптивость народам. Они были исторически зрелым ответом на некоторые решающие проблемы современного мира, в частности на две из них. Первая — становление и самостоятельное развитие народов, долгое время находившихся в стороне от прогресса, а теперь стремящихся быстро преодолеть свою историческую отсталость (среди них были и народы России, которые, хотя и не жили в полностью отсталой стране, находились, по старому ленинскому определению, «на полпути между Европой и Азией»). Вторая проблема — самоутверждение общества, состоящего из широких масс, а не отдельных личностей или узких кругов, общества, пробуждающегося к политической жизни, где преобладают коллективные интересы и устремления над старыми индивидуалистическими, неспособными мобилизовать силы, достаточные для создания и использования в больших масштабах современных средств производства. Эти ответы не обязательно самые эффективные, но именно их история нашего века до сих пор давала нам в самых разных частях мира. Мы видели на примере СССР не только пределы таких ответов, но и их цену и результаты. В общем, сталинизм был порожден связью и одно-

временно, как это часто бывает, конфликтом между идеей социализма, возникшей на промышленно развитом Западе, и националистическим движением народов, не знавших этого пути развития.

Риторика сталинской пропаганды с ее высокопарными выражениями, весьма далекими от революционной символики 20-х гг., также превратилась в привычный язык как в Москве, так и в Пекине, как в Пхеньяне, так и в Гаване, как в Алжире, так и в Каире. Однако это международное распространение собственных официальных концепций является слабым утешением для советских коммунистов. Там, где эти концепции распространились и стали, как в России, выражением экзальтированного национального чувства, их питательной средой становятся противодействие советскому стремлению к гегемонии или подтверждение собственных, не менее гегемонистских амбиций. Страны, в которых сталинизм пустил крепкие корни (не только Китай или Корея, но и Румыния и Албания), имеют самые глубокие разногласия с СССР; в случае с Китаем разногласия доходят до военного конфликта.

СССР и социализм

Некоторые заключительные соображения о советском обществе, каким оно предстает через 60 лет после породившей его революции, обусловливаются тем, что это общество, которое одновременно оспаривают и копируют, продолжает оставаться предметом обсуждения. Определений много — апологетических или полемических, — но на них больше влияют политические страсти, чем объективное изучение. Московская идеология желает представить СССР первым государством, в котором трудящиеся массы прямо осуществляют политическую власть. Это утверждение не подтверждается анализом фактов. Оно опровергается иерархической структурой общества. Впрочем, даже в Москве Советское государство больше не представляется государством рабочего класса. Отсутствие народного участия в руководстве общественной жизнью — болезнь, от которой страдает страна. Эта мысль проскальзывает даже в официальных документах.

В этом обществе существует руководящий слой. Мы неоднократно отмечали его существование и пытались проследить его появление, формирование и консолидацию. Тем не менее нам кажется необходимым избегать достаточно поспешных его характеристик. Наиболее распространенное определение, ставшее почти общим местом, отождествляет его с бюрократией. Но поскольку вся производственная и общественная жизнь огосударствлена, этот тезис рискует превратиться в тавтологию, пусть даже и небесполезную: он означает только, что это общество ограничено и управляемо. Каждый, кто занимает какую-либо должность, в том числе и в экономике, является функционером вертикального государства. Это может помочь

нам понять явление бюрократизации, столь характерное для советской действительности, но мало или ничего не говорит о природе и составе этого широчайшего слоя бюрократии, который уже из-за своих размеров довольно дифференцирован. С другой стороны, распространение бюрократического аппарата в большей или меньшей степени — общее явление для всех современных обществ.

На наш взгляд, мало что дает определение «новый класс» (кое-кто прямо говорит о «новой буржуазии»), которое получило некоторое распространение с тех пор, как его использовал югослав Джилас. Когда используют концепции, оказавшиеся пригодными для анализа других исторических ситуаций, утрачивается своеобразие советского феномена. Это определение могло бы лишь помочь выяснить направление новой классовой борьбы, которая развивается или может развиться в СССР. До сих пор предпринятые попытки проанализировать в этом ключе историю Советского Союза или его сегодняшнюю действительность, напротив, не прибавили наших знаний, потому что не выявили специфику советского развития в прошлом и настоящем.

Руководящий слой, сформировавшийся в советском обществе, в действительности не класс, по крайней мере в марксистском понимании этого термина. Хотя его положение в государстве позволяет ему широко пользоваться орудиями производства и ресурсами страны, это особое отношение к средствам производства не определяет его сути. Этот слой совпадает лишь частично с привилегированными слоями, которые все же существуют, или с обладателями наибольшего социального престижа: ведь есть многочисленные группы артистов, ученых, интеллигенции, которые имеют лучшее материальное положение или более известны из-за своей деятельности, но все же не входят в него. Такой разрыв сам по себе — источник конфликтов и проблем в стране.

Настоящая характеристика этого слоя заключается, напротив, в его политическом происхождении: партия, ставшая построенным по иерархическому принципу орденом. Оба термина очень важны для интересующей нас проблемы. Будучи партией, превратившейся в руководящий институт государства, КПСС стремится собрать в своих рядах всех, кто «что-нибудь значит» в советском обществе: от руководителя научно-исследовательского института и известного писателя до космонавта или чемпиона в спорте. В этом смысле партия в целом представляет собой стержень, пронизывающий все общество, включая и рабочие массы на заводах и фабриках. Однако концентрация власти внутри иерархически построенной партии очень изменяется по мере продвижения по ступенькам пирамиды, построенной в соответствии с этой иерархией, от массовой основы до правительственной олигархии. Точнее говоря, руководящий слой общества можно отождествить с руководящим партийным аппаратом. Отсюда и наиболее яркая его черта: отдельные лица, доказавшие политическую верность, допускаются в него и постепенно поднима-

ются, пройдя длительный отбор, но все равно их положение так и остается подчиненным.

То, что партия провозгласила (в Конституции 1977 г.) нерушимым законом свое право управлять государством, не должно скрывать от нас действительный источник ее силы, а также силы правящего слоя, волю которого выражает партия. КПСС, состоящая из 15 млн. человек, представляет все социальные слои и национальные группы советского общества. Такое количество членов не просто формальность. Партия глубоко связана с основными слоями общества благодаря как социалистическим, так и националистическим мотивам, лежащим в основе ее деятельности. Она окрепла во время трагических событий (важнейшее из них — война), которые затронули судьбы каждого. Ее идеология (хотя партия и видит, что сейчас к ее догмам относятся скептически и безразлично) десятки раз просто и доступно объясняла ужасные испытания, пережитые страной. Несмотря на свое господствующее положение, партия никогда не ограничивалась жесткими социальными рамками, что препятствовало строгому разделению общества на классы. Хотя сфера привилегий и стремится расшириться с ростом уровня жизни, общество сохраняет отпечаток своей первоначальной эгалитарности, которая долгое время проявлялась прежде всего во всеобщей бедности и сейчас еще заметна, в особенности в сравнении с самыми богатыми странами развитого капитализма.

Все это факторы силы. Однако рядом с ними есть не менее явные факторы слабости. Руководящий аппарат общества в действительности не в состоянии бороться с распространением гражданских свобод, с политической демократией, с борьбой и движением идей — со всеми явлениями, которые считаются потенциально опасными, способными поставить под удар единство страны и ее исторические завоевания (возможно, поэтому их стремятся отождествить с существующей иерархией власти). СССР все еще управляется посредством жесткой цензуры, довольно большого репрессивного аппарата, при постоянном нарушении прав, формально признанных за гражданами. Такие методы не допускают демократии даже в партии. Ее действительное функционирование остается авторитарным, а ее жизнь по большей части изолирована от усиливающейся в мире борьбы идей, захватившей сейчас и другие коммунистические партии, и широкие национально-освободительные и социальные движения.

Последний вопрос, который постоянно поднимается в идеологических и политических дебатах: какое отношение имеет это общество к социализму? Дискуссия ведется, в первую очередь, теми, кто придерживается социалистических идеалов. На дискуссию так влияли конъюнктурные соображения, что вести ее объективно не было возможности. Когда нет всеми принятых критериев социалистического общества, дискуссия подвержена всякого рода двусмысленностям. Так, китайцы считают, что СССР перестал быть социалистическим, когда вступил с ними в конфликт: при Сталине это было социалистическое го-

сударство, при Хрущеве — нет. Сталин точно так же считал, что Югославия перестала быть социалистической в тот день, когда воспротивилась его воле. В самой мысли, что страну можно провозгласить «социалистической» или «несоциалистической» — вместо того чтобы изучать исторические преобразования, их противоречия и проблемы и в этих рамках искать социалистические элементы, — чувствуется отражение сталинских концепций, согласно которым в какой-либо стране социализм однажды считается «построенным». Следовательно, мы не приблизились к такому историческому вѝдению (единственному, которого мы можем придерживаться), согласно которому рождение и гибель различных общественных формаций — это достаточно сложные процессы, не ограниченные рамками одной страны, где элементы предшествующих и новых структур долго комбинируются в сложных и изменяющихся отношениях.

Сам вопрос, является ли СССР социалистическим государством, сейчас имеет скорее политическое, чем историческое значение. Если в поисках ответа сравнить идейные предпосылки революции и современную действительность, нетрудно увидеть, как они далеки друг от друга. Кто мог бы сегодня серьезно говорить о «нетайной» дипломатии, о руководстве общественной жизнью, доступном обычным людям, как об этом говорилось в партийных программах 1917 и 1918 гг.? Кто мог бы отождествить нынешние Советы с теми, для которых требовали «всю власть» в Октябре? Кто узнает в централизованной государственной экономике цель, которую преследовали большевики, когда требовали «рабочего контроля» на заводах? Однако в истории не первый раз случается, что люди своими действиями уводят себя далеко от цели, которую они намеревались достигнуть. Это недостаточная причина для отрицания ценности той или иной цели. Люди должны понять, каким образом, из-за какого субъективного выбора и какой объективной необходимости это произошло.

Социалистические идеалы родились в рамках рабочего и демократического движения Западной Европы. Общественные свободы и политическая демократия были незаменимыми элементами этих идеалов. В СССР их нет. Это констатируют сегодня западноевропейские политические течения, — включая и коммунистов, — отстаивающие социалистические идеи, когда заявляется, что в СССР «нет социализма», или что «это не тот социализм, который они хотят», или что они отвергают эту модель социализма. Здесь важно уточнение ориентации, целей, ценностей, от которых они не намерены отказываться. В сущности, такие заявления означают, что эти силы не считают советскую модель, по крайней мере сегодняшнюю, целью своей политической борьбы — тезис, который должен определенно повлиять на их будущее развитие и, может быть, на развитие СССР. Это, конечно, еще не анализ советского общества или других обществ, которые, подобно китайскому, в свою очередь, ставя своей целью социализм, не ограничивают себя этими пределами.

Во всяком случае, в СССР и — с некоторыми изменениями —

в других странах упрочилась новая общественно-историческая формация. Она сформировалась в ходе решения проблем развития — индустриализация, экономический рост, распространение массовой культуры — в районе мира, который не знал современной экономики. Эти проблемы стоят в нашем веке перед большей частью человечества. Капиталистический путь, по которому шла промышленная революция народов Западной Европы и американских колоний, оказался во время исторической проверки менее универсальным, чем заставляла верить культура, рожденная этой революцией. Бурный процесс, сопровождавший решение этих задач, изменил самое концепцию социализма. К этому выводу приходишь, когда анализируешь агитационное значение сталинского лозунга о «социализме в одной, единственной стране»[6].

Уравнительные идеи социалистического толка продемонстрировали, с другой стороны, огромную способность мобилизовывать энергию народа для национального развития. Если результат и кажется достаточно далеким от первоначальных целей, стимулирующую силу этих идеалов нельзя свести просто к иллюзорному значению современного мифа. Родился новый способ производства. Было бы ошибкой идеализировать его, как это долго делалось в пылу политических дебатов. Наоборот, справедливость побуждает сказать, что он еще не может, как этого требовала первоначальная концепция социализма, дать свободному человеку право работать на себя и пользоваться плодами своего труда. Однако нельзя игнорировать того, как в ходе эволюции этих обществ новые социальные права человека — право на труд, образование, отдых, социальное обеспечение — настолько пробили себе дорогу, что влияют на коллективную жизнь и образ мышления и в странах с совсем другим типом развития. Необходимо иметь ясное представление о границах этих новых исторических решений, учитывая их своеобразие.

Установив эти границы, необходимо выяснить, насколько они преобразовали или исказили (назовите как угодно) социалистические идеи, порожденные культурой Западной Европы. Согласиться со сталинским тезисом, что социализм уже построен в СССР или в любой другой стране и безусловно является лишь социализмом «реальным», — значит унизить тех, кто разделяет социалистические убеждения. Это значит согласиться с обескураживающим выводом, что сам СССР не может выйти за эти границы или что мир должен отказаться от своей богатой истории, чтобы в свою очередь идти вперед по убогой колее сталинизма.

Однако не менее бесплодна попытка выбросить советский опыт из истории социализма нашего века и из социалистического опыта, скорее практического, чем теоретического, бесплодна уже хотя бы вследствие роли Советского Союза в распространении социалистических идей в мире. Подобная операция помешала бы понять один из главных источников противоречий советского общества. Сегодня стимул к изменениям порождается в СССР неосуществленностью

основных ценностей социалистической и коммунистической традиции именно потому, что эта традиция продолжает там провозглашаться.

Советское общество никогда не было статичным, даже в последние годы стабильности. Еще и сейчас ему предстоит решать, насколько структуры, рожденные в чрезвычайные годы и нацеленные на развитие, могут соответствовать потребностям великой, теперь уже развитой страны, обладающей полностью организованным населением, огромным промышленным аппаратом, массовым образованием, широкой сетью научных учреждений, однако страдающей не только из-за специфических проблем развития страны, но и из-за более общих проблем современного мира (экология, возрастающая социализация экономики, нехватка энергетических ресурсов, развивающаяся техника невероятных возможностей, аграрный кризис как часть более общих трудностей обеспечения продовольствием быстро увеличивающегося человечества). Решения, принимавшиеся в прошедшие годы, кажутся малоподходящими для новых задач. Новые ответы запаздывают. Даже реформа управления экономикой, проведенная Косыгиным в 1965 г. как важнейшее мероприятие его правительства, если и позволила ослабить самые тугие путы управления, все еще по существу очень централизованного, почти не изменила функционирование механизмов производства и обмена, не устранила недостатков, которые проявились уже в ходе индустриализации. Новой эволюции требуют не только те, кто нетерпим к затянувшемуся господству старых бюрократических нравов и удушающим запретам, которыми живет общество, требует не только идейная и политическая борьба во внешнем мире, где уже не многие согласны признать универсальный характер советского общества. Этого требуют рост его производительных и интеллектуальных сил, отношения между нациями и социальными группами, мировая ответственность, которую взял на себя СССР, достигший своей великой мощи.

Произойдут ли новые изменения, как и когда — эти пророческие вопросы не укладываются в рамки нашей работы. Однако я верю, что можно выразить только одно убеждение. Когда появятся ответы, то их даст само это общество, прошедшее такой трудный путь. Их не смогут дать те люди внутри страны или вне ее, кто считает возможным зачеркнуть или игнорировать эти 60 лет ее истории.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПРИХОД ГОРБАЧЕВА

Новые факты

Последние страницы этой книги остались в том виде, в каком были написаны в середине 1978 г. и изданы в начале следующего. Что необходимо добавить к ним одиннадцать лет спустя? Появись это массовое издание в середине 80-х годов, то есть в тот период, когда вышло первое издание, — ответ был бы предельно прост. Добавлять не нужно было ровным счетом ничего. Сегодня такой ответ невозможен. На протяжении последних лет возникло новое явление, которое уже оказало и продолжает день ото дня у нас на глазах оказывать потрясающий эффект. У этого явления есть вполне определенное имя — Горбачев.

Как уже заметил читатель, в мои намерения не входит писать историю нашего времени. Я не могу поэтому смотреть на события, нововведения, надежды, недоумения, связанные с его именем, глазами историка. Пока нельзя написать даже подлинную историю брежневских лет. Возможно, условия для этого созреют в недалеком будущем, если откроется доступ к некоторым жизненно важным источникам. Впрочем, и в этом случае такая работа потребует времени. Сегодня, однако, немыслимо опубликовать историю СССР от начала революции до современной эпохи, не добавив ничего к тем наблюдениям над брежневской порой, которые содержатся в предыдущей главе, не сказав ничего о тех глубоких переменах, которые совершились после этого. Сделать это тем более необходимо, что речь идет о том самом обновлении, о необходимости которого уже было написано на страницах этой книги; скажу больше: оно рассматривалось здесь не только как необходимое, но и — в противовес некоторым распространенным в ту пору предрассудкам — как возможное. Начавшиеся перемены пошли потом именно в том направлении, которое соответствовало пожеланиям автора.

Кризис общества

Ничего из того, что произошло и происходит в Советском Союзе с тех пор, как Михаил Сергеевич Горбачев вступил на пост Генерального секретаря ЦК КПСС (март 1985 г.), нельзя понять, если не представлять ясно масштабы и природу кризиса, который поразил советское общество к началу 80-х годов. Тот факт, что вначале он проявлялся в хронических повышениях температуры и скорее напоминал простудный озноб, нежели сокрушительный недуг, не должен заслонять от нас ни его размеров, ни его глубины. Из этого нужно исходить во всех последующих суждениях.

О том, как постепенно кризис нарастал начиная с момента смещения Хрущева, говорилось в двух заключительных главах этой книги. На рубеже 70-х и 80-х годов его последствия начали проявляться все чаще в разнообразных формах. И поскольку в экономике эти последствия легче всего поддаются измерению, то естественно, что наш анализ начинается именно с нее.

Система управления обществом, которую ныне исследователи называют командно-административной, функционировала все хуже с точки зрения достижения тех целей, которые — по крайней мере на бумаге — она ставила перед собой: централизованного планирования, производства и распределения, контроля над этими процессами. Даже простое ознакомление с официальными документами эпохи — а ведь в них постоянно присутствовало стремление представить действительность в наиболее оптимистическом свете — неоспоримо свидетельствует: поставленные задачи, провозглашенные проекты, обещанные изменения либо вовсе не осуществлялись, либо осуществлялись минимально. Так называемые государственные планы — неважно, ежегодные или пятилетние — в конечном счете оказывались не экономическими императивами — хотя в соответствии с господствовавшей тогда системой взглядов они должны были бы обладать силой закона, — а бесконечно повторяющимися призывами, обреченными на провал.

Там, где, по теории, все регулировалось и контролировалось сверху, бóльшая часть экономических явлений на самом деле ускользала от какой бы то ни было эффективной проверки и предвидения. Необоримые тенденции хозяйственной жизни — от запросов рынка до объективного подсчета доходов и расходов — любопытным образом мстили за невежественное или пренебрежительное отношение к себе. Наряду с официальной экономикой, отраженной в статистической отчетности, складывалась целая сеть параллельных каналов, причем настолько многочисленных, что из них образовалась «теневая экономика», как назвали ее позже сами советские авторы, то есть не просто «притопленная» экономика, как сказали бы у нас, в Италии, и не просто «черный рынок». И то и другое, разумеется, имело место и находило широкое распространение. Но здесь было и нечто большее: настоящие джунгли «вторых», или «параллельных», экономик, неписаные правила которых покорно принимались (а то и поощрялись) самими государственными предприятиями, вступавшими с ними во взаимоотношения. Поскольку ни один механизм такого рода не был предусмотрен законом — напротив, речь шла о нелегальных и потому тайных операциях, — подобная хозяйственная практика развивалась рука об руку с коррупцией, постепенным приспособлением властей к незаконным операциям и настолько обширными явлениями деформации нравов и приличий, что применительно к целым регионам они стали квалифицироваться как действия «мафии».

Могут сказать, что все это существовало всегда, хотя, пожалуй,

спорадически и менее выражено. Но здесь решающее значение принадлежит как раз порядку величин. Количественные пропорции изменились настолько, что феномен приобрел новые качественные черты. Это произошло как из-за огромного увеличения совокупного потенциала советского народного хозяйства, а следовательно, и той базы, на которой могли воспроизводиться и развиваться упомянутые тенденции, так и из-за все меньшей действенности приказов сверху, с помощью которых пытались предотвратить их распространение.

В результате складывалось очень тревожное положение. Экономика в целом не развивалась. Даже по официальной статистике, обоснованно подозреваемой в оптимистическом завышении данных, темпы хозяйственного роста СССР на протяжении 70-х годов медленно, но неуклонно угасали и, наконец, почти замерли к началу следующего десятилетия. Именно это явление было позже охарактеризовано как период «брежневского застоя». Через государственный бюджет шло по-прежнему массированное вливание инвестиций в народное хозяйство, но их отдача резко сокращалась и, во всяком случае, была куда ниже, чем рентабельность капиталовложений в других странах. Получалось так, что все цели, установленные правительством и торжественно одобренные на партийных съездах, не только не приближались, но и становились все более отдаленными.

В качестве основного направления развития советской экономики уже в начале 70-х годов был провозглашен переход от «экстенсивного» к «интенсивному» хозяйствованию, то есть к такой экономике, рост которой определялся бы главным образом улучшением качественных показателей. На практике же именно эти показатели — производительность труда, ресурсосбережение, качество продукции, эффективность использования оборудования — не только не прогрессировали, но и ухудшались.

Брежневское руководство начало с того, что предстало перед страной с лозунгом, в котором обобщалась целая программа: научно-техническая революция. Считалось даже, что научно-технический прогресс сделает ненужными структурные реформы, обсуждавшиеся в 60-е годы. Но именно на этом направлении стране не удалось продвинуться вперед: ее экономика оказалась маловосприимчивой к тем достижениям — от компьютеров до биотехнологий, — которыми характеризовалось впечатляющее преобразование нашего мира на протяжении последних 15—20 лет. СССР уже страдал от отсталости в наиболее чувствительных к новым завоеваниям отраслях — от информатики до телекоммуникаций — и пребывал, таким образом, в неподвижности, в то время как в других странах наиболее развитой части мира совершался, в частности под воздействием нефтяного кризиса, подлинный переворот в способах производства, в науке и сфере услуг. Именно это и имелось в виду, когда говорилось, что при брежневском правлении были потеряны примерно два десятилетия.

Вместе с тем нельзя сказать, что политических новшеств вовсе

не было, особенно в деревне. Огромные средства были направлены в сельское хозяйство. Но это не дало ожидаемого эффекта — производство сельскохозяйственной продукции, и в частности животноводства, оставалось на прежнем уровне. Возможно, эти средства не были на практике эффективно использованы. Возможно, уже было слишком поздно и уже нельзя было преодолеть отчужденность крестьянина по отношению к собственному труду, побуждавшую, особенно молодежь, уезжать из села. Как бы то ни было, вместо обещанного изобилия — и несмотря на импорт зерна в огромных масштабах — страна столкнулась в начале 80-х годов с настоящим продовольственным кризисом. Явление это, как известно тому, кто прочел тома этой «Истории», не новое в превратностях советской жизни, но все же оно всякий раз оказывается чревато серьезными политическими последствиями. Рассыпалось, таким образом, и обещание роста благосостояния путем обеспечения все большего обилия потребительских благ, которым брежневское руководство пыталось найти и вначале добивалось поддержки населения.

Именно в силу своего масштаба кризис не мог оставаться только экономическим. Он становился и политическим. Относительная устойчивость правления брежневской группы трансформировалась в геронтократию — власть старцев, поскольку почти все руководители к этому моменту перешагнули черту семидесятилетия. Прогрессировавшему параличу верхушки, лишенной достойной смены, соответствовали растущее безразличие и даже недоверие населения, особенно эти явления наблюдались среди молодежи. Официальная идеология переживала эволюцию, сходную с той, которая наблюдалась в экономике: поддерживаемая столь же колоссальным, сколь крикливым пропагандистским аппаратом, она порождала лишь равнодушие, если не прямую реакцию отторжения у народа. Падение ее эффективности признавалось самими руководителями. Для определения своего строя они изобрели малоубедительный или совсем не убедительный новый термин: «развитой социализм». Одновременно исчезала та распространенная надежда на планомерное улучшение условий жизни каждого, которая служила в прошлом одним из главных факторов народной поддержки советского строя.

Кризис, следовательно, становился также кризисом морали и культуры. Под влиянием коррупции и увеличивающегося разрыва между руководителями и руководимыми происходило крушение тех нравственных ценностей, без которых любое общество рискует распасться. Аналогичные кризисные явления зачастую наблюдались, правда, и в других странах в периоды бурных преобразований. Однако чего недоставало в СССР, так это именно преобразований. Страна пребывала в застое. Как следствие застоя, развивался пессимизм. Официальным властям не было никакой подающей надежду альтернативы. От руководящих кругов давно уже не поступало

никаких новых или стимулирующих идей. Культурные институты в целом являли собой удручающую картину. В поисках источников вдохновения советские люди, начиная с наиболее молодых, вынуждены были обращаться либо к загранице (как бы плохо они ее ни знали), либо к собственному давнему национальному прошлому (каким бы архаичным оно ни выглядело).

Тем не менее эта реалистическая картина кризиса осталась бы неполной, если бы мы не сказали, что брежневские годы не были лишь временем застоя. С особой очевидностью это прослеживается в области культуры. Мы говорили до сих пор о диссидентстве, об эмиграции значительных интеллектуальных сил, растущем разрыве между властью, ее идеологией и творческими, духовными потенциями общества. Даже будучи придавленными и лишенными средств выражения, эти потенции не исчезли. Пускай подспудно, но продолжался круговорот идей, чему способствовало расширение контактов с внешним миром, а следовательно, и с собственными ранее эмигрировавшими соплеменниками. В узком дружеском кругу продолжались споры и осмысление действительности. Создавались произведения — «в стол» или для нелегального распространения. Разумеется, этого было мало для обеспечения расцвета нового мышления. Лишенное выхода, это явление становилось скорее источником фрустрации как раз для лучших интеллектуальных сил страны. И тем не менее история диссидентства, которое не могло проявить себя при свете дня и, несмотря на это, продолжало существовать, остается одним из тех аспектов брежневского времени, которому будущие историки должны будут уделить величайшее внимание в своих исследованиях, ибо это движение уже содержало в себе в зачаточном состоянии то, что произойдет позже. Здесь же достаточно отметить, что оно лежало у истоков скрытого конфликта между обществом, его интеллигенцией и политическим руководством страны. Это тоже было одной из сторон кризиса, и, разумеется, одной из наиболее важных его сторон.

Международный кризис

Когда общество таких масштабов, как советское, переживает глобальный кризис, вроде того, который мы только что попытались описать, это не может не отразиться и на его международном положении. В начале 80-х годов серьезные признаки кризиса дали о себе знать и в этой области.

Явление это было тем более примечательно, что именно к этому времени СССР, как могло показаться, достиг высшей точки своего могущества. Правление Брежнева длилось 18 лет. Первое десятилетие характеризовалось положительным развитием его внешней политики. Ее главные результаты были достигнуты в первой половине 70-х годов. Их обозначают обычно термином «разрядка», и их кульминация — совещание в Хельсинки летом 1975 г. с его Заклю-

чительным актом, который был подписан 34 странами, то есть всеми европейскими государствами (кроме Албании, но включая Ватикан), а также Соединенными Штатами и Канадой.

Кульминационная точка «разрядки» — Заключительный акт Хельсинки — был таковым в том смысле, что увенчал длительный процесс постепенного улучшения отношений между двумя политическими блоками в Европе и их державами-гегемонами. В ходе этого процесса была осуществлена серия важных международных соглашений. С одной стороны, они привели к урегулированию наиболее острых спорных вопросов, оставленных в Центральной Европе войной и послевоенными годами: окончательному утверждению новых границ, начиная с границ Польши и Чехословакии; признанию существования двух германских государств, которые были приняты в члены ООН; установлению нового статуса для Западного Берлина. С другой стороны, между Советским Союзом и Соединенными Штатами установились менее напряженные отношения, нашедшие свое наиболее показательное выражение в заключении первых, пускай даже пока частичных, соглашений по ограничению ядерных вооружений. Поскольку все это с давних пор было целью советской дипломатии, можно было говорить — и московская пропаганда не упускала такого случая — об успехах дипломатии СССР. Хельсинкский акт как бы соединял эти новшества в некую общую картину, заставляющую различные страны Европы и Америки стремиться к установлению новых политических, экономических, культурных или попросту человеческих отношений.

Можно было небезосновательно утверждать — в Москве, по крайней мере, это утверждалось на тысячи ладов, — что отмеченные успехи являются результатом изменившегося соотношения сил в мировом масштабе. Американская мировая гегемония была подорвана затяжной, дорогостоящей и катастрофической по результатам войной во Вьетнаме. По мере того как Западная Европа и Япония преодолевали последствия войны и вновь стали процветать, образовывались новые полюсы сил. Правда, для всех этих стран обрисовывалась новая угроза — резкое вздорожание энергоносителей. СССР, казалось, был огражден от подобных невзгод: во второй половине 60-х годов его экономика добилась новых успехов. Наконец Советский Союз сумел реализовать примерное стратегическое равновесие в гонке вооружений с Соединенными Штатами как путем усиления своего ядерно-ракетного арсенала, так и путем диверсификации своих вооруженных сил, и в особенности развитием флота.

В этом анализе, тем не менее, остаются пробелы, так как игнорируются те, пусть даже пока не очень заметные, факторы, которые ослабляли СССР и подтачивали его несбалансированное могущество. Эти факторы проявились как раз там, где ранее СССР мог рассчитывать на большую поддержку. Конфликт с Китаем развивался на протяжении всех 70-х годов, даже после смерти Мао; более того, он достиг новой остроты как раз на пороге следующего

десятилетия. Влияние советской официальной идеологии в мире переживало период полного упадка. Что касается коммунистического движения, то там, где оно было сильным, оно стремилось отдалиться от СССР; там же, где, наоборот, оно со слепой покорностью поддерживало все, что идет из Москвы, его силы иссякали вплоть до полного исчезновения. Оживление советской экономики в 60-е годы длилось недолго; начиналось замедление темпов, вылившееся затем в кризис. Это, в свою очередь, уменьшало ту притягательность, какой Советский Союз еще мог пользоваться в обширном мире слаборазвитых стран, поскольку он был в состоянии предложить им военную помощь, но не экономическую поддержку или стимулы культурного роста.

Таким образом, поток официальных речей, воспевающих триумф советского строя, вновь усилившийся в 70-е годы, словно высокопарными словами можно было возместить отсутствие более убедительных фактов, скрывал тревожный дефект зрения. В Москве, особенно после успеха Хельсинки, переоценивали кризис западных держав, особенно США, и, самоочевидно, недооценивали кризис, развивавшийся в рядах собственных союзников и внутри самой советской системы. Этой недооценке сопутствовало убеждение, что проблемы страны можно разрешить старыми — авторитарно-командными — средствами. В частности, та часть хельсинкских договоренностей, которая касалась соблюдения прав человека во всех странах, рассматривалась не как первостепенный компонент соглашения, а как своего рода риторическая цена, уплата которой необходима в обмен на политические уступки и, стало быть, как своего рода вексель, по которому можно и не заплатить.

Такое поведение таило в себе нечто худшее, нежели просто просчет: в нем было непонимание новых требований, которые «разрядка» предъявляла к внутренней политике СССР и всего блока государств, примыкавших к Советскому Союзу. В прошлом авторитаризм, иерархический дух, отрицание демократических методов — все это зачастую оправдывалось необходимостью железной дисциплины, продиктованной как раз международной напряженностью. Теперь же, когда напряженность убывала, было естественно, что снова мощно вырывались наружу длительное время подавленные требования свободы и независимости. Мало-помалу повсюду, как в СССР, так и в союзных ему странах, возникали группы «правозащитников», которые рассматривались как первые организации политической оппозиции, сумевшие заявить о себе. Нечто аналогичное, хотя и в менее отчетливых формах, происходило и в межгосударственных отношениях внутри Варшавского Договора. Международные конфликты 50-х и 60-х годов в известной мере сплачивали блок вокруг СССР, по крайней мере до тех пор, пока — особенно в глазах народов, наиболее пострадавших во время второй мировой войны от нацистской агрессии — в этих конфликтах просвечивали возможность возрождения германского экспансионизма, нацеленно-

го на Восток, или, во всяком случае, реваншистские амбиции Германии. С того момента, как опасения такого рода стали ослабевать, во всех странах, естественно, сильнее зазвучали требования независимости.

С другой стороны, благоприятная для СССР международная конъюнктура начала 70-х годов быстро менялась. Соединенные Штаты стряхнули с себя бремя вьетнамской войны и оказались в состоянии с новой энергией взять в свои руки инициативу в мировых делах. Весь капиталистический Запад реагировал на потрясения нефтяного кризиса обновлением и структурной перестройкой своей экономики, предварявшими ее новый подъем. В Советском Союзе, напротив, начали проявляться симптомы все усугублявшегося кризиса, причем никаких эффективных средств против него так и не предлагалось.

СССР, таким образом, оказался в ситуации, когда политика, идеология, экономика и культура, то есть все те факторы, на которые может опираться сильная внешняя политика государства, были поражены кризисом. Эти условия побудили советских руководителей сделать ставку на то единственное средство, в отношении которого они еще могли говорить об определенных успехах, — на вооружение. Но чрезмерная вера в возможности собственной военной мощи становилась, в свою очередь, причиной принятия решений, влекущих за собой другие тяжкие политические последствия. Вероятно, самым тяжким из них было решение о посылке в конце 1979 года экспедиционного корпуса в Афганистан для поддержки группы левых офицеров, которые ранее захватили власть путем государственного переворота, но потом оказались неспособны удержать ее. Это было началом затяжной и изнурительной войны, своего рода советского Вьетнама. Не менее отрицательными были последствия решения разместить в Европе и на Дальнем Востоке большое число ракет с ядерными боеголовками, нацеленных на западную часть Европейского континента, либо на азиатских соседей СССР, — это был сигнал к новому витку гонки вооружений, которому суждено было оказаться изматывающим прежде всего для самого Советского Союза. Ответом на волнения в Польше в 1980 году, поставившим в критическое положение коммунистическое правительство этой страны, был военный нажим: предварением прямого вмешательства стал государственный переворот, осуществленный польской армией в декабре 1981 года.

Итак, к началу 80-х годов советская внешняя политика вступила в полосу кризиса не меньшего масштаба, чем во внутренней политике. Впрочем, кризис внешней политики и был отражением кризиса политики внутренней. Обусловлен он был двумя главными обстоятельствами. Первое заключалось в том образе, в каком СССР являл себя миру. Это был чрезвычайно опасный образ. С одной стороны, Советский Союз именовался сверхдержавой. Однако такое определение относилось почти исключительно к его военному

могуществу — это была пугающая сила, способная внушать страх и подозрения. Однако мощная в одном отношении держава оказывалась уязвимой во всех остальных, следовательно, внутренне слабой, подверженной самым различным ударам и воздействиям (за исключением вооруженной агрессии в прямом смысле слова). И у зарубежных собеседников СССР не было никаких намерений щадить его и упускать подобные возможности.

Второе обстоятельство состояло в том, что благотворные результаты «разрядки» вскоре развеялись, как дым. Отношения с Соединенными Штатами вновь стали настолько сложными, что порой напоминали напряженность времен «холодной войны». У Москвы оставалось все меньше друзей в мире, поскольку вторжение в Афганистан вызвало недовольство даже у так называемых неприсоединившихся стран, стоящих вне двух блоков. Вырисовывалась даже угроза, что против СССР, не сговариваясь, образуют общую коалицию все главные мировые державы: от Китая до США, от европейских государств до Японии. Во всяком случае, безусловно, что впервые за много десятилетий Москва более или менее обоснованно ощущала опасность почти на всех участках своей границы: на Дальнем Востоке, на юге — со стороны Афганистана и Ирана Хомейни, на западе — из-за Польши. Даже союзники по Варшавскому Договору, несмотря на видимое послушание, грызли удила — так что в случае международных осложнений и на них нельзя было положиться. Начавшееся при столь благоприятных международных перспективах правление Брежнева завершалось с таким тяжким пассивом, какого не знало ни одно из предыдущих правительств.

Трудный переход

Признаки возобновления политической борьбы на вершине власти в СССР проявились еще при жизни Брежнева, когда он был уже неизлечимо болен. Осенью 1981 г. всплыли некоторые дела о коррупции: под удар попали кое-какие персоны, пусть и не самого высокого ранга, но, во всяком случае, близкие к некоторым из высших руководителей. В мае 1982 г. в Секретариат ЦК был введен Юрий Андропов, вплоть до того момента руководивший политической полицией и службами безопасности. То был знак близкого перехода власти к преемнику. Брежнев умер считанные месяцы спустя, в ноябре. Андропов занял его место.

Смерти прежнего руководителя ждали уже давно. Вместе с тем ощущалось, что его кончина должна привести к чему-то большему, нежели простой кадровой замене в высшем эшелоне власти. После долгих лет консервации и застоя в советской политической жизни назрела необходимость подлинной смены поколений. Однако на первых порах на высших ступеньках власти не произошло ничего подобного. Андропов сделался новым Генеральным секретарем и

главой государства. Это была во многом парадоксальная личность. В 60-е годы, казалось, именно ему было предназначено стать выразителем надежд наиболее новаторских групп — вместо этого он сделался в конечном счете руководителем могущественного и наводящего страх КГБ (Комитета государственной безопасности), осуществлявшего контроль и подавление всех, даже лишь потенциально критически настроенных по отношению к правительству групп и течений. Тем не менее его восхождение к высшей власти сопровождалось первыми мерами по исправлению наиболее вопиющих проявлений беззакония, имевших место в финальной фазе брежневского правления, а также кое-какими признаками возможности реформ, в особенности тех, которые способны были бы вернуть советской экономике утраченную эффективность. Однако Андропов правил очень недолго. В момент вступления на вершину власти он тоже был уже тяжело болен. Скончался он в феврале 1984 года после того, как в течение целого года делил свое время между больничной палатой и кремлевским кабинетом.

На его место пришел Константин Черненко, тоже старый и больной — жить ему оставалось только год. Если Андропов был пусть спорной, но сильной фигурой, то Черненко — человеком бесцветным и малокультурным. Хотя по иерархической лестнице он взошел как верный человек Брежнева, все же он больше походил лишь на секретаря, нежели на его друга и политического советника. Его кратковременное и бессодержательное пребывание у власти было мучительным для страны, которая испытала разочарование, увидев в этом возврат к застою после робких признаков возрождения, показавшегося возможным годом раньше. Вероятно, то был момент, когда советский кризис достиг своей высшей точки. Дело было не только в несостоятельности высшего руководителя; само по себе чередование у власти старых и больных людей, неспособных действенно управлять страной, выглядело как внутри СССР, так и за границей как отражение упадка, становившегося необратимым.

Вот почему избрание Генеральным секретарем Михаила Горбачева сразу после смерти Черненко означало выдвижение на авансцену деятеля совершенно иного типа, относительно молодого и бесспорно энергичного. И хотя он был еще мало известен, в разных странах уже были замечены его незаурядные способности. Однако разочаровывающий опыт последнего брежневского периода и последовавших смен караула, апатия общества, очевидный рост трудностей — все это побуждало большинство советских людей относиться к новому руководителю с любопытством, окрашенным скепсисом и глубоким пессимизмом. Особенно это было характерно для молодого поколения. Нужно сказать, что в очень короткий срок Горбачев обнаружил совершонно необычные политическую силу и дееспособность, нс весь предстоящий ему путь был дорогой в гору.

Одна из задач будущего историка заключается в том, чтобы понять, насколько обновленческие идеи, сформулированные позже

Горбачевым, полностью вызрели в его голове к моменту прихода к власти и, допустим, умалчивались им по чисто тактическим соображениям и в какой мере, напротив, эти идеи были результатом эволюции его сознания в последующий период, когда ему пришлось столкнуться с чудовищными проблемами, стоявшими перед всей страной. Простая интуиция подсказывает, что имело место сочетание того и другого. Разумеется, Горбачев не пришел неподготовленным к той высшей ответственности, какой требовала его должность. Однако позже он признавался, что многое еще ему предстояло открыть и понять. Несомненно во всяком случае, что по мере продвижения по стезе нового для него опыта руководителя страны его публичные заявления и политические программы претерпевали стремительную метаморфозу, просто поразительную в своей крайней смелости.

Перестройка

На первом же Пленуме Центрального Комитета после его избрания (апрель 1985 г.) Горбачев подал первые сигналы к переменам, сумев сменить ряд членов Политбюро и выдвинув первые лозунги, нацеленные на то, чтобы стимулировать утраченный страной динамизм и вывести экономику на путь большей эффективности. Вместе с тем ни в тот момент, ни на протяжении нескольких последующих месяцев не возникало впечатления, что его намерения сильно отличаются от тех осторожно реформистских замыслов, которые были продемонстрированы некоторыми его предшественниками, и в особенности Хрущевым и Косыгиным: повысить функциональность и продуктивность советской государственной машины, не меняя радикально ее облика. Одновременно, впрочем, начинало расползаться сомнение насчет возможности реализовать подобные замыслы.

Очень скоро — хотя здесь и не место для точной хронологии — можно было констатировать, что программы Горбачева куда более радикальны и честолюбивы. В самом деле, подход самого Горбачева и его наиболее близких сотрудников, которых он собрал вокруг себя, характеризовался тем, что они задумали не частные, задевающие отдельные отрасли, но глобальные перемены. Речь шла о том, что мало изменить функционирование лишь одной какой-то сферы жизни общества, сколь бы определяющей она ни была, например экономики, но необходимо совершить крупные нововведения всюду и везде. Реформы, короче говоря, должны были охватить все общество во всех его аспектах.

В горбачевских аналитических построениях, которые постепенно приобретали все бóльшую точность, с четкостью определился и тезис о том, что общество, чей облик предстояло радикально изменить, было тем самым обществом, которое сформировалось в 30—40-е го-

ды, когда окончательно утвердилась деспотическая власть Сталина и получили практическое воплощение его концепции. Тем самым проблема сталинизма и его наследия впервые ставилась во всем своем объеме.

Можно констатировать, что за считанные годы не осталось такой области советской общественной жизни, которую бы миновали бурные шквалы реформ: внешняя и внутренняя политика, общественные отношения и хозяйственные механизмы, законы о собственности и о планировании, пресса и школа, избирательная система и функционирование выборных органов, идеология и вся сфера культуры, межнациональные отношения и отношения между государством и различными религиозными сообществами, взаимоотношения со странами — союзницами по Варшавскому Договору и со странами Западной Европы и Северной Америки, с Китаем и государствами «третьего мира» — все было охвачено процессом перемен. Бессмысленно составлять их подробный перечень. Цель состояла в том, чтобы обновить все, потому что все слишком долго было неподвижно.

Но если замыслы Горбачева уже очень скоро доказали — по крайней мере для наиболее внимательных наблюдателей — всю свою серьезность и основательность, то воплотить их было довольно трудно. Да иначе и быть не могло. Подобная программа обновления обязывала всю страну заметно изменить индивидуальное и коллективное поведение. Так или иначе она затрагивала интересы всех. Она сталкивалась с мощными и укоренившимися структурами сталинского государства. Она опрокидывала официальную идеологию, десятилетиями насаждавшуюся в школах и отстаивавшуюся обширнейшим аппаратом; идеологию, которая в существующей системе признавала один единственно верный образ социализма. Программа обновления наносила удар не только по институтам власти, но и по самому способу ее отправления. Она не могла, следовательно, не вызывать упорного и широко разветвленного сопротивления как в верхах, так и в низах, то есть в народе.

Конечно, обнаруживались не только противники. Горбачевские замыслы поддерживали все те, кто — в разных социальных слоях и национальных группах — более других страдал от предыдущего затянувшегося периода застоя, переживая его как подлинное крушение личных и коллективных надежд. Действуя сверху, новое руководство поэтому стремилось одновременно вызвать и движение снизу, способное поддержать его намерения. Но здесь с неизбежностью возникала другая сложность. Любой переход к демократическим методам в политической жизни, к свободе слова и манифестаций неизменно сопровождается неконтролируемым взрывом всякого рода требований: экономических и этнических, политических и профсоюзных. Требования эти не всегда могут получить удовлетворение, тем более все одновременно. Ослабление репрессивных зажимов приводит также — по крайней мере в первое время — к проявлениям общественного беспорядка. С другой стороны, позитивные результаты пере-

мен сказываются далеко не сразу. В самом деле, когда реформы начинаются, старые механизмы перестают действовать, между тем как новые еще не заработали. На фоне этого сложного переплетения проблем, которыми слишком долго пренебрегали, неизбежно должна была разгореться острая политическая борьба, в центре которой остается правительство Горбачева.

Конкретные повороты и события этой битвы — как внутри Советского Союза, так и в международных масштабах — являются частью нашей повседневной жизни. Их дальнейший анализ не может быть целью этой книги, даже если довести наш рассказ до событий самого последнего времени. Для оценок быстротекущей жизни каждый из нас обладает другими средствами и способами. Не историку и не журналисту надлежит произнести решающее слово о тех битвах, что кипят и сегодня. В этом случае в каждом из нас на первый план выходит гражданин, человек своего времени, который чувствует себя в этих событиях не наблюдателем, а участником. С тех пор как началась горбачевская «перестройка», автор этих строк никогда не скрывал ни своего сочувствия к этим усилиям, ни своей надежды на то, что они увенчаются успехом, ни своего убеждения, что это было бы в интересах нашего общего будущего: людей современного мира, независимо от политических и идейных принципов, исповедуемых каждым из нас. Подобная позиция уже сама по себе есть часть того политического выбора, который вправе сделать каждый. В восстановлении минувшей истории этот выбор может черпать поддержку и оправдание. Но история и выбор — это не одно и то же. Долг историка здесь уступает место законным страстям автора книги по истории, который хочет идти в ногу со своим временем, не прерывая служения раз выбранному политическому идеалу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга пятая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

I. Нацистская агрессия

[1] *А. М. Василевский*. Дело всей жизни. М., 1973, с. 120.

[2] *К. Симонов*. Живые и мертвые. М., 1966, с. 3.

[3] *Н. Н. Воронов*. На службе военной. М., 1973, с. 170; *Г. К. Жуков*. Воспоминания и размышления. М., 1975, т. 1, с. 253.

[4] Более подробно эти события рассматриваются в первом томе настоящего исследования.

[5] Правда, 30 марта 1940 г.

[6] Более подробно см. *Дж. Боффа*. История Советского Союза. М., 1990, т. 1.

[7] Об этом эпизоде см. *L. Woodward*. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 16—32; *Henry Michel*. La seconde guerre mondiale. Paris, 1968, vol. 1, p. 66—70. Обоснованно отрицательное мнение о нем см. в: *A. J. Taylor*. Storia dell'Inghilterra contemporanea. Bari, 1968, p. 575.

[8] См. по этому поводу: *Birsdall Scrymser Vieult*. Les démarches pour le rétablissement de la paix. Septembre 1939 — août 1940. — «Révue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», № 67, juillet 1967.

[9] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 107.

[10] Правда, 1 ноября 1939 г.

[11] Об этой первой фазе войны см. *H. Michel*. La drôle de guerre. Paris, 1971; *F. Fonvieille-Alquier*. Les français dans la drôle de guerre. Paris, 1971.

[12] Основные документы этого периода см. Storia dell'Internazionale comunista attraverso i documenti ufficiali. Milano, 1975, vol. 3, p. 474—506.

[13] Ibid., p. 489.

[14] См. проницательный анализ в отрывке из дневника Челесте Негарвилле, приведенном в: *P. Spriano*. Storia del Partito comunista italiano. Torino, vol. 3, p. 315.

[15] Survey of International Affairs. 1939—1946. The Initial Triumph of the Axis, edit. by Arnold and Veronica M. Toynbee. London, 1958, p. 49.

[16] *И. Эренбург*. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1967, т. 9, с. 260.

[17] *Roy A. Medvedev*. Lo stalinismo. Origini, storia, conseguenze. Milano, 1972, p. 534.

[18] *И. Эренбург*. Указ. соч., т. 9, с. 263; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 535; *A. Werth*. La Russia in guerra. Milano, 1966, p. 103—104.

[19] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 154.

[20] *A. Werth*. Op. cit., p. 115—119.

[21] История второй мировой войны. М., 1971, т. 3, с. 231; *Д. М. Проэктор*. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне. 1939—1945. М., 1972, с. 189—190; *А. М. Некрич*. 1941, 22 июня. М., 1965, с. 8.

[22] История внешней политики СССР (1917—1945). Под редакцией Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова. М., 1976, т. 1, с. 399—406.

[23] *В. М. Бережков*. С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941. М., 1967, с. 46—47. В советской литературе это самая подробная реконструкция переговоров, воссозданная в воспоминаниях одного из очевидцев. Реконструкции западных авторов, сделанные на основе германских документов, см. *W. L. Shirer*. Storia del Terzo Reich. Torino, 1962, p. 867—877; *Ph. W. Fabry*. Il patto Hitler — Stalin, 1939—1941. Milano, 1965, p. 493—519.

[24] *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 867.

[25] Совершенно секретно. Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 150 (далее: Совершенно секретно...).

[26] *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 863—864.

[27] Совершеиио секретно.., с. 141—150; *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 865—866.

[28] Этот тезис широко развивается в работе: *В. Т. Фомин*. Из истории подготовки иемецко-фашистской агрессии против СССР. — «Вопросы истории», 1966, № 8, с. 79—85. См. также: *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 250—251; История Великой Отечествеииой войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1961—1965, т. 1, с. 356.

[29] *А. М. Некрич*. Указ. соч., с. 121, 124—125.

[30] XXX. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 27.

[31] Пограиичные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970, с. 314—316; 319—320 (далее: Пограиичные войска СССР).

[32] Литературиая газета, 17 апреля 1965 г.

[33] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 260.

[34] *A. D. Coox*. Japanese Foreknowledge of the Soviet — German War. — "Soviet Studies", vol. XXIII, № 4; *W. Churchill*. La seconda guerra mondiale. Milano, vol. 3, t. 1, 1950, p. 398—399.

[35] *В. М. Бережков*. Рождение коалиции. М., 1975, с. 63—66; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 549. (Эта же мысль лучше развита автором в более полном издаиии иа русском языке: К суду истории. Генезис и последствия сталиизма. Нью-Йорк, 1974, с. 906—907.)

[36] *Д. М. Проэктор*. Указ. соч., с. 231—239; История Великой Отечествеиной войны Советского Союза, т. 1, с. 353; *А. М. Некрич*. Указ. соч., с. 21—22.

[37] Различные пересказы речи Сталииа содержатся в: *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 253—254; История второй мировой войны, т. 3, с. 439; *А. М. Некрич*. Указ. соч., с. 131. Существеиио иную версию, не находящую подтверждения ии в одиом советском источнике, приводит А. Верт (*A. Werth*. Op. cit., p. 139—140).

[38] *В. М. Бережков*. Рождение коалиции, с. 65; I generali di Stalin. Storia della potenza militare sovietica attraverso le memorie dei suoi artefici. Milano, 1972, p. 185 (далее: I generali di Stalin...).

[39] О такого рода устаиовках, подтверждаемых поведеиием Сталииа в последние иедели перед войиой, уже тогда упомииалось в воеииой среде. См. *Л. М. Сандалов*. Пережитое. М., 1961, с. 74—75.

[40] Пограиичиые войска СССР, с. 18; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 173; *А. М. Некрич*. Указ. соч., с. 113—114.

[41] *Честмир Аморт*. План «Барбаросса». По документам верховного командования вермахта. — «История СССР», 1966, № 6, с. 152.

[42] История второй мировой войны, т. 3, с. 347; *П. Севостьянов*. Перед великим испытаиием. Виешняя политика СССР в 1939—1941 годах. — «Междуиародиая жизнь», 1972, № 10, с. 98.

[43] История виешией политики СССР, с. 426; История Великой Отечествеииой войны Советского Союза, т. 1, с. 403.

[44] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 253.

[45] *W. Averell Harriman and Elie Abel*. Special Envoy to Churchill and Stalin. New York, 1975, p. 80.

[46] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1, с. 373—378, 382; *А. М. Некрич*. Указ. соч., с. 26—30.

[47] *В. А. Анфилов*. Бессмертиый подвиг. Исследоваиие каиуиа и первого этапа Великой Отечествеииой войны. М., 1971, с. 137—148; *J. Erickson*. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany, vol. 1, p. 50—55.

[48] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 250; *В. М. Бережков*. Рождение коалиции, с. 63.

[49] I generali di Stalin.., p. 187—189.

[50] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 547; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 256.

[51] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 259; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 174.

[52] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 232; I generali di Stalin.., p. 178—179; *В. Емельянов*. О времени, о товарищах, о себе. Записки ииженера. — «Новый мир», 1967, № 2, с. 118, 120; *А. Новиков*. На дальних юго-западных подступах к Лениииграду. — «Воеиио-исторический журиал», 1969, № 1, с. 69.

[53] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[54] *N. S. Kruscev*. Kruscev ricorda. Milano, p. 603 (далее: Kruscev ricorda). *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 258—259.

[55] *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 174.

[56] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1, с. 398—399; История внешней политики СССР, т. 1, с. 419.

[57] Этот эпизод воспроизводится многими авторами на базе германских дипломатических документов. См. *W. L. Shirer.* Op. cit., p. 908. См. также: Правда, 14 апреля 1941 г.

[58] *В. Л. Исраэлян.* Антигитлеровская коалиция. Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны. М., 1964, с. 11—12. Аналогичный вывод можно извлечь из работы: *В. Г. Трухановский.* Англо-советские отношения накануне Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории», 1963, № 12, с. 69.

[59] По этому поводу см. *В. Г. Трухановский.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1963, № 12, с. 66—67; *L. Woodward.* Op. cit., p. 148—149. Аналогичное мнение было высказано уже тогда американским послом Стейнхардтом (*Steinhardt.* Foreign Relations of the United States, 1940, vol. 1, p. 616).

[60] *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

[61] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968—1973, т. 10, с. 16 (далее: История СССР).

[62] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1, с. 447, 452—457, 474—478; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 219—228, 234—238.

[63] История второй мировой войны, т. 3, с. 387—388.

[64] *В. А. Анфилов.* Указ. соч., с. 149—160; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1, с. 439.

[65] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1, с. 441.

[66] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 234; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 104—110; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 171.

[67] *И. В. Сталин.* Сочинения. Стэнфорд, 1967, т. 1(14), с. 118.

[68] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1, с. 471; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 259; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 112—113; *А. М. Некрич.* Указ. соч., с. 81—82.

[69] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 110; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 235.

[70] Пограничные войска СССР, с. 368—404, 485—492, 755—757.

[71] Вопросы истории, 1965, № 5, с. 27; *F. W. Deakin, G. R. Storry.* Il caso Sorge. Milano, 1970, p. 254—256; *А. М. Некрич.* Указ. соч., с. 119.

[72] Kruscev ricorda, p. 603—604; *А. М. Некрич.* Указ. соч., с. 115—116; *В. М. Бережков.* С дипломатической миссией в Берлин, с. 79.

[73] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 121; *И. Х. Баграмян.* Так начиналась война. М., 1971, с. 67—68, 76—77.

[74] Текст сообщения см. Правда, 14 июня 1941 г. Об эффекте, произведенном им в вооруженных силах и среди общественности, см. *Л. М. Сандалов.* Указ. соч., с. 78; статья *И. Х. Баграмяна* в «Литературной газете» от 14 апреля 1965 г. Неоправданным поэтому выглядит скептицизм А. Верта (*A. Werth.* Op. cit., p. 142) по поводу отрицательной оценки, содержащейся в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 1, с. 404.

[75] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 245—249; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 119; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 171—172.

[76] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 259.

[77] *И. Х. Баграмян.* Указ. соч., с. 76; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 173.

[78] *К. К. Рокоссовский.* Солдатский долг. М., 1968, с. 9; *И. В. Тюленев.* Через три войны. М., 1960, с. 137—138.

[79] История внешней политики СССР. М., 1976, т. 1, с. 429.

[80] *А. М. Некрич.* Указ. соч., с. 144, 149—151; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 261, 264.

[81] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 265—266; История СССР, т. 10, с. 18—19; *И. В. Тюленев.* Указ. соч., с. 141—142.

[82] I generali di Stalin.., p. 184; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 176.

[83] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 266.

[84] Там же, т. 1, с. 265.

[85] Kruscev ricorda, p. 606—607; *А. Чаковский.* Блокада. — «Знамя», 1968, № 11, с. 41; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 179.

II. Бедствия лета 1941 г.

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечествеиной войны. М., 1946, т. 1, с. 127—129.

[2] Совершенно секретно.., с. 159—185 (здесь содержится основная немецкая документация о планах наступления на восток).

[3] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 280—283; *В. Кравцов*. Крах немецко-фашистского плана «Барбаросса». — «Военно-исторический журнал», 1968, № 11, с. 37—38. См. также: *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

История второй мировой войны, т. 4, с. 35—36; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 16.

[5] Помимо основных сочинений, которые здесь цитируются, см. обширную серию «Военные мемуары», публикуемую Воениздатом в Москве.

[6] Об этом эпизоде см. *С. Смирнов*. Герои Брестской крепости. М., 1961.

[7] По этому мало освещаемому в советской историографии вопросу см. История Великой Отечественой войны Советского Союза, т. 2, с. 37; *Б. С. Тельпуховский*. Великая Отечествениая война Советского Союза. 1941—1945; *К. С. Москаленко*. На юго-западном направлении. 1941—1943. Воспоминания командарма. М., 1973, с. 21; *A. Werth*. Op. cit., p. 160; *J. Erickson*. Op. cit., p. 103, 109.

[8] *В. А. Анфилов*. Указ. соч., с. 225—226; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 288, 294; *И. Т. Пересыпкин*. Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973.

[9] *С. С. Бирюзов*. Когда гремели пушки. М., 1962, с. 11; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 177; *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 11; *К. С. Москаленко*. Указ. соч., с. 22—23.

[10] Текст см. *В. А. Анфилов*. Указ. соч., с. 210; оценку см. *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 266—267.

[11] История второй мировой войны, т. 4, с. 38. Тезис Жукова (*Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 269—270) о том, что Сталин все равно отдал бы этот приказ, не находит подтверждения в других источниках.

[12] История второй мировой войны, т. 4, с. 38—39; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 30—31.

[13] Ценные свидетельства приводятся в работах: *И. Х. Баграмян*. Указ. соч., с. 111—118; *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 17; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 284.

[14] *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 15, 20—21, 43.

[15] *В. А. Анфилов*. Указ. соч., с. 311; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 266.

[16] *B. H. Liddell Hart*. Storia militare della seconda guerra mondiale. Milano, 1970, p. 223—224, 235; Совершеиио секретно.., с. 237.

[17] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 238.

[18] La seconda guerra mondiale nei documenti segreti della Casa Bianca. Milano, 1949, vol. 1, p. 291—292; *E. Estorick*. Stafford Cripps. A Biography. London, 1949, p. 279.

[19] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 554.

[20] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 314.

[21] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 124; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 183.

[22] *И. М. Майский*. Дни испытаний. Из воспоминаний посла. — «Новый мир», 1964, № 12, с. 162—163. Это свидетельство лишь слегка смягчено при издании воспоминаний отдельной книгой (1965), которая переведена, в частности, и на итальянский язык. Примечательно, что первоначальная версия подтверждается западными источниками, в том числе мемуарами Черчилля.

[23] L'URSS nella Seconda guerra mondiale. Milano 1966, vol. 1, p. 41; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957—1958, т. 2, с. 700—702.

[24] Kruscev ricorda, p. 606—607.

[25] *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952, с. 9—17.

[26] Там же.

[27] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов. 1917—1958. М., 1958, с. 354—356; (далее: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза); L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 44.

[28] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 2, с. 703; История второй мировой войны, т. 4, с. 52; *J. Erickson*. Op. cit., p. 142.

[29] История СССР, т. 10, с. 40—41; История второй мировой войны, т. 4, с. 54, 61; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 2, с. 702—705.

[30] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза, с. 285; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 63.

[31] *A. Werth*. Op. cit., p. 147—148.

[32] *С. С. Бирюзов*. Указ. соч., с. 9—10; *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 29; *A. Werth*. Op. cit., p. 190.

[33] Из письма П. Тольятти автору; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 382.

[34] См. приказ о мобилизации гражданского населения в Ленинграде в: L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 68.

[35] История КПСС. В шести томах. М., 1964—1970, т. 5, ч. 1, с. 183.

[36] Там же, с. 180—183; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 100 и т. 6, с. 123; *A. Werth*. Op. cit., p. 182—183; *Б. В. Бычевский*. Город-фронт. М., 1963, с. 15.

[37] История СССР, т. 10, с. 86—92; История второй мировой войны, т. 4, с. 36—41; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 141—148.

[38] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 301.

[39] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 305, 310; *С. С. Бирюзов*. Указ. соч., с. 47.

[40] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 187.

[41] *П. И. Батов*. В походах и боях. М., 1966, с. 22—23. Интересным литературным свидетельством на этот счет является роман Григория Бакланова «Июль 41-го года» (Знамя, 1965, № 1, 2).

[42] Убедительные подтверждения тому приводят: *С. С. Бирюзов*. Указ. соч., с. 12—13; *А. И. Еременко*. В начале войны. М., 1964, с. 64—65, 78—80; *И. Т. Старинов*. Мины ждут своего часа. М., 1964, с. 210—212; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 292—293.

Более общий анализ политической проблемы первых месяцев войны см. *А. Киселев, Я. Кузнецов*. Деятельность политорганов по идейно-политическому воспитанию советских воинов в первом периоде Великой Отечественной войны. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 5.

[43] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов. 1917—1958. М., 1958, с. 358—359.

[44] См. Провал «блицкрига» в цифрах потерь немецко-фашистской армии. — «Военно-исторический журнал», 1967, № 12, с. 80—86.

[45] Совершенно секретно.., с. 289—305.

[46] *B. H. Liddell Hart*. Op. cit., p. 218—235; *В. Кравцов*. Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1968, № 11, 12.

[47] *B. H. Liddell Hart*. Op. cit., p. 223—235; *В. Кравцов*. Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1968, № 11, с. 40; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 321.

[48] Совершенно секретно.., с. 230.

[49] Таково мнение В. Кравцова, см. «Военно-исторический журнал», 1968, № 11, 12.

[50] Жуков, который руководил этой операцией, посвящает ей значительное место в своих мемуарах, см. *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 360—378; *A. Werth*. Op. cit., p. 202—203.

[51] Опровержением подобных тезисов занимались многие советские авторы; один из самых блестящих критических анализов дает *Д. М. Проэктор* (Указ. соч., с. 304—323). См. также: *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 37.

[52] *R. E. Sherwood*. Op. cit., vol. 1, p. 330.

[53] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 358.

[54] Основные документы см. *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 135—151; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 104—111; *К. С. Москаленко*. Указ. соч., с. 74—91.

[55] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 140, 144—145.

[56] *И. Х. Баграмян*. Указ. соч., с. 337—338.

[57] *A. Werth*. Op. cit., p. 218—219; *J. Erickson*. Op. cit., p. 506.

[58] Красноречивые свидетельства приводят: *И. Х. Баграмян*. Указ. соч., с. 345—368; *К. С. Москаленко*. Указ. соч., с. 66—74; *Л. Волынский*. Сквозь ночь. — «Новый мир», 1963, № 1.

[59] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 111; Правда о гибели генерала Кирпоноса. — «Военно-исторический журнал», 1964, № 9.

III. Битва под Москвой

[1] Совершенно секретно.., с. 326; *Л. М. Еремеев.* Глазами друзей и врагов. М., 1966, с. 65.

[2] Об этом прискорбном эпизоде см. *А. И. Еременко.* Указ. соч., с. 341—342. Автор сурово критикует военных и политических руководителей Орла.

[3] Речь идет о генерале Блюментритте. См. The Fatal Decisions. London, 1956, p. 53.

[4] История СССР, т. 10, с. 145.

[5] The Fatal Decisions, p. 53.

[6] *И. С. Конев.* Начало Московской битвы. — «Военно-исторический журнал», 1966, № 10. Ср. с цитированными мемуарами Жукова, Василевского, Рокоссовского и Еременко.

[7] *И. С. Конев.* Указ. соч., с. 59. Упомянутую директиву см. в: Великая Московская битва (подборка документов). — «Вопросы истории», 1966, № 12, с. 6.

[8] История второй мировой войны, т. 4, с. 93—94; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 236; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 153, 155; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 9—10.

[9] История второй мировой войны, т. 4, с. 96; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 157.

[10] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 5—7, 9—14.

[11] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 56—61.

[12] *В. А. Анфилов.* Указ. соч., с. 487.

[13] *Д. Д. Лелюшенко.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. М., 1970, с. 50—51; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 58.

[14] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 36; *A. Werth.* Op. cit., p. 248—249; История второй мировой войны, т. 4, с. 97; Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 1970, с. 117 (далее: Краткая история...)

[15] Советская историография не дает систематизированной документации о событиях 16 октября; имеются лишь разрозненные и разноречивые свидетельства отдельных авторов: *А. И. Шахурин.* Авиационная промышленность в годы Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории», 1975, № 3, с. 141—143; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 106—107; Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965. М., 1966, с. 574; Краткая история.., с. 120. Из иностранных авторов серьезного отношения заслуживает: *A. Werth.* Op. cit., p. 249—250.

[16] Краткая история.., с. 120; *A. Werth.* Op. cit., p. 249—250.

[17] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 247—248; *К. Ф. Телегин.* Москва — фронтовой город. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 9, с. 104.

[18] *И. С. Конев.* Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1966, № 10, с. 65—66; *А. И. Еременко.* Указ. соч., с. 347—361, 371, 391.

[19] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 18.

[20] Там же, т. 1, с. 357.

[21] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 131; *F. W. Deakin, G. R. Storry.* Op. cit., p. 273.

[22] *Г. Шелашов.* Воины-дальневосточники в Великой Отечественной войне. — «Военно-исторический журнал», 1969, № 3, с. 59. См. также: *J. Erickson.* Op. cit., p. 237—240.

[23] О Панфиловской дивизии см. известное литературное произведение Александра Бека «Волоколамское шоссе». О дивизии Полосухина много пишет Д. Д. Лелюшенко (указ. соч., с. 52—65). О дивизии Белобородова см. *А. П. Белобородов.* На Истринском направлении. — В книге «Провал гитлеровского наступления на Москву». М., 1966.

[24] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 250—251; *И. М. Сандалов.* Указ. соч., с. 227—245; *И. Болдин.* Непобежденная Тула. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 11.

[25] The Fatal Decisions, p. 80.

[26] Среди бесчисленных рассказов об этом коллективном порыве упомянем лишь те, которые собраны в книге «Провал гитлеровского наступления на Москву».

[27] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 258.

[28] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 31; *A. Werth*. Op. cit., p. 262.

[29] История второй мировой войны, т. 4, с. 108; История СССР, т. 10, с. 151—154.

[30] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 27; *К. Ф. Телегин*. Указ. соч. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 9, с. 106—107.

[31] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 27; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 252—255.

[32] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 30.

[33] Там же.

[34] Там же, с. 39—40.

[35] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 29.

[36] Там же, с. 30; *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 75—76. Частичная, но малоубедительная попытка оправдать эти приказания Сталина содержится в статье А. П. Алисовой «Некоторые аспекты героической обороны Москвы». (См. Вопросы истории, 1975, № 5, с. 47—48.)

[37] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 31.

[38] Ср. сведения, которые приводятся в: *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 33—35, и *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 84—85.

[39] История второй мировой войны, т. 4, с. 106.

[40] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 163—164, 177; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 40—41.

[41] Эта тема пространно трактуется как в официальных исторических трудах, так и в воспоминаниях полководцев. Упомянем другие работы, в которых в полемическом ключе анализируются главные работы зарубежных историков: *Ю. Н. Яблочкин*. О подмосковном климате и фальсификаторах истории. — История СССР, 1960, № 3; *О. А. Ржевский, А. С. Якушевский*. Битва под Москвой в оценке буржуазных историков. — «История СССР», 1975, № 1; *Лев Безыменский*. Операция «Тайфун»: замысел и результат. — «Новый мир», 1966, № 12.

[42] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 36; *И. Сталин*. Указ. соч., с. 18.

[43] L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 356—357.

[44] *J. Erickson*. Op. cit., p. 226; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 96; Военно-исторический журнал, 1976, № 9, с. 58, 108.

[45] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 9.

[46] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 66—67; *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 42—43; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 231.

[47] *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 936.

[48] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 37.

[49] Там же, с. 48—49.

[50] Там же, с. 47; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 179.

[51] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 49—51; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 173—174.

[52] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 272—273.

[53] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 46.

[54] Там же, с. 48.

[55] *J. Erickson*. Op. cit., p. 280.

[56] *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 215.

[57] Краткая история.., с. 139—141; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 233—234; *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 113—114.

[58] Наиболее подробно и правдиво об этих событиях рассказывает Г. К. Жуков (*Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 53—56). См. также: *И. Жоров*. В тылу врага под Вязьмой. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 6. О военных действиях корпуса Белова см. *П. Белов*. Пятимесячная борьба в тылу врага. — «Военно-исторический журнал», 1962, № 8.

[59] Оборона Ленинграда, 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968, с. 186—198 (далее: Оборона Ленинграда...). Перипетии 2-й ударной армии воспроизведены в: *J. Erickson*. Op. cit., p. 331—332, 352—353.

IV. Блокада Ленинграда

[1] Об обороне Одессы см. История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 112—118; L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 169—196. Об осаде этого города см. также: *Н. И. Крылов*. В боях за Одессу.— «Новый мир», 1968, № 7, 8, 9. Генерал, а затем маршал Крылов в 60-е гг. был Главнокомандующим ракетными войсками СССР.

[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 226—228, 304—309, 406—411; L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 365—392, 449—476; Героическая оборона Севастополя. 1941—1942 гг. М., 1969.

[3] *Н. Г. Кузнецов*. Осажденный Ленинград и Балтийский флот. — «Вопросы истории», 1965, № 8, с. 108—109.

[4] *H. E. Salisbury*. I 900 giorni L'assedio di Leningrado. Milano, 1969, p. 224.

[5] *В. Ф. Трибуц*. Краснознаменный Балтийский флот летом 1941 года. — «Вопросы истории», 1969, № 2, 3. Что касается перехода из Таллинна, см. «Вопросы истории», № 3, с. 124—133 (адмирал Трибуц в 1941 г. командовал Балтийским флотом), а также: *Н. Г. Кузнецов*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 8, с. 111.

[6] Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1970, с. 65—74 (далее: Непокоренный Ленинград...).

[7] Оборона Ленинграда..., с. 369—381; *А. В. Карасев*. Ленинградцы в годы блокады. М., 1960, с. 99; *А. Д. Колесник*. Указ. соч., с. 28—29.

[8] Рабочие Ленинграда. 1703—1975. Краткий исторический очерк. Л., 1975, с. 224.

[9] История второй мировой войны, т. 4, с. 68.

[10] *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 185—186; см. воспоминания генерала М. М. Попова в книге: Оборона Ленинграда.., с. 59—60.

[11] *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 186.

[12] *Н. Г. Кузнецов*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 8, с. 115—116 (этот отрывок из воспоминаний Кузнецова приводится также в книге: Оборона Ленинграда.., с. 222—246).

[13] Оборона Ленинграда.., с. 149—151; *Б. В. Бычевский*. Указ. соч., с. 96—97, 104.

[14] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 395—396.

[15] *Х. Х. Камалов*. Морская пехота в боях за Родину, 1941—1945 гг. М., 1966, с. 38; Оборона Ленинграда.., с. 147—154, 181; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 401, 412; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 220—221; Непокоренный Ленинград.., с. 118.

[16] Непокоренный Ленинград.., с. 127—128; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 411.

[17] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 91, 211; *D. V. Pavlov*. Leningrad 1941. The Blokade. Chicago, 1965, p. 19—20; *L. Goure*. The Siege of Leningrad. Stanford, 1962, p. 17—18, 141—143.

[18] *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 212—215.

[19] *H. E. Salisbury*. Op. cit., p. 486.

[20] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 401, 412 (о его драматическом напряженном разговоре по телефону с Куликом см. с. 405—408); *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 213—215; свидетельство генерала Бычевского см. в книге: Оборона Ленинграда.., с. 182.

[21] Эти сведения заимствованы из архивных источников и приведены без дополнительных пояснений в книге: Непокоренный Ленинград.., с. 195.

[22] См. с. 47 настоящей книги.

[23] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1962, с. 30.

[24] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 46; Непокоренный Ленинград.., с. 57—59; отрывки из дневника преподавательницы см. в: Оборона Ленинграда.., с. 754—761.

[25] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 45—47; Оборона Ленинграда.., с. 412—413.

[26] 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. М.—Л., 1966, с. 106 (далее: 900 героических дней...); *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 47.

[27] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 45; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 206.

[28] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 49.

[29] В качестве двух наиболее авторитетных примеров этих противоречивых версий могут быть названы заявления Попкова, бывшего тогда председателем Исполкома Ленсовета, приведенные в книге: *A. Werth*. Leningrado. Torino, 1947, p. 190, и сведения,

приводимые в книге: *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 56. Впечатляющий рассказ о восприятии пожара населением см. Оборона Ленинграда.., с. 415—420.

[30] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 392; *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 53—55.

[31] *В. Я. Нейгольдберг*. Ладожская водная трасса в 1941—1942 гг. — «История СССР», 1965, № 3, с. 102—107; *А. В. Карасев*. Указ. соч., с. 91—94.

[32] Оборона Ленинграда.., с. 98—99, 326—337.

[33] 900 героических дней.., с. 289—290; *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 79.

[34] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 55.

[35] L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 218.

[36] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 77, 79.

[37] Ibid., p. 78—79; Непокоренный Ленинград.., с. 150.

[38] *H. E. Salisbury*. Op. cit., p. 122—123.

[39] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 122—123.

[40] Оборона Ленинграда.., с. 179; Непокоренный Ленинград.., с. 157—158.

[41] 900 героических дней.., с. 397—398.

[42] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 429—430.

[43] *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 224.

[44] 900 героических дней.., с. 298.

[45] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 147—148.

[46] Ленинград в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов. Л., 1944, т. 1, с. 120; Непокоренный Ленинград.., с. 207.

[47] Оборона Ленинграда.., с. 104.

[48] Непокоренный Ленинград.., с. 214; Исторический архив, 1959, № 3, с. 6—22.

[49] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 124.

[50] Непокоренный Ленинград.., с. 165.

[51] Там же, с. 215, 232—233; 900 героических дней.., с. 106.

[52] См. с. 60—61 настоящей книги.

[53] *В. М. Ковальчук*. Из истории обороны Ленинграда. Навигация 1942 г. на Ладожском озере. — «Исторические записки», № 93.

[54] Там же, с. 22—25; *С. Бланк, Д. Шимберг*. По дну Ладоги. — «Новый мир», 1968, № 2.

[55] 900 героических дней.., с. 140.

[56] Там же, с. 134.

[57] Оборона Ленинграда.., с. 180.

[58] Там же, с. 112—116.

[59] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 88—89.

[60] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 411—412; Непокоренный Ленинград.., с. 97.

[61] *В. М. Ковальчук*. Указ. соч., с. 48—50.

[62] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 135; Непокоренный Ленинград.., с. 168.

[63] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 69—73.

[64] Непокоренный Ленинград.., с. 168; Оборона Ленинграда.., с. 65—68.

[65] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 42; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 190.

[66] Оборона Ленинграда.., с. 687.

[67] L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 218.

[68] Ibid., p. 219.

[69] *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 205; *H. E. Salisbury*. Op. cit., p. 486—487.

[70] Непокоренный Ленинград.., с. 169.

[71] Оборона Ленинграда.., с. 483—492.

[72] *D. V. Pavlov*. Op. cit., p. 81.

[73] Ibid., p. 111.

[74] 900 героических дней.., с. 176; *А. Р. Дзенискевич*. Изменения численности и состава ленинградских рабочих в годы Великой Отечественной войны. — «Исторические записки», № 85.

[75] *A. Werth*. La Russia in guerra, p. 355—359; см. также предисловие Г. Е. Солсбери к американскому изданию многократно цитированной работы: *D. V. Pavlov*. Op. cit.

[76] *A. Werth*. Op. cit., p. 356—357.

[77] L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 209.

[78] *H. E. Salisbury*. Op. cit., p. 549. Ср. с выводами книги о ленинградской блокаде: *L. Goure*. Op. cit.

V. Сталинград

[1] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 181.

[2] Выдержки из донесений см. История второй мировой войны, т. 5, с. 111—112; см. также: История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 404; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 185.

[3] О спорах в Верховном командовании см. *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 64—68; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 181—185, 190—191; История второй мировой войны, т. 5, с. 126—127.

[4] *И. В. Сталин*. Соч., т. 2(15), с. 55. Исторические оценки см. История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 404, 415; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 185.

[5] История второй мировой войны, т. 5, с. 122—126; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 186—190.

[6] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 411—416; История второй мировой войны, т. 5, с. 127—131.

[7] *B. H. Liddell Hart*. Storia di una sconfitta. Parlano i generali del III Reich. Milano, 1971, p. 337—342 (далее: Storia di una sconfitta); *A. Clark*. Operazione "Barbarossa". Il conflitto russo-tedesco. 1941—1945. Milano, 1966, p. 201—207; *А. М. Самсонов*. Сталинградская битва. М., 1968, с. 49—58; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 454—455. Следует отметить, что в этом случае, как и во многих других, вина за ошибки германских войск обычно возлагается немецкими генералами только и исключительно на Гитлера. Эта тенденция, влияние которой на протяжении многих лет сказывалось и на англосаксонской историографии, неизменно критиковалась советскими авторами (а на Западе — в книге Кларка).

[8] Эта известная директива № 41 Гитлера приведена в книге: Совершенно секретно.., с. 380—384. Ср. *A. Clark*. Op. cit., p. 203; *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 989. См. также. *И. Паротькин*. О плане летней кампании немецко-фашистского командования на советско-германском фронте в 1942 году. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 1.

[9] История второй мировой войны, т. 5, с. 152.

[10] Краткая история.., с. 167; *А. М. Самсонов*. Указ. соч., с. 77—80; *F. Paulus:* Stalingrado. Milano, 1961, p. 177; *J. Erickson*. Op. cit., p. 374.

[11] *A. Werth*. Op. cit., p. 399.

[12] *V. Ciuikov*. La battaglia di Stalingrado. Roma, 1961, p. 17—18, 30, 34—37; *В. Некрасов*. В окопах Сталинграда. М., 1955, с. 33—44.

[13] *V. Ciuikov*. Op. cit., p. 42—43; История второй мировой войны, т. 5, с. 158; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 74—75.

[14] Сталинградская эпопея. М., 1968, с. 520.

[15] *В. Некрасов*. Указ. соч., с. 40—41; *A. Werth*. Op. cit., p. 406—407.

[16] Драматический рассказ об эвакуации в дневниковой записи одного из участников см. Исторический архив, 1962, № 4, с. 83—86.

[17] *A. Werth*. Op. cit., p. 403.

[18] *М. А. Водолагин*. Очерки истории Волгограда. 1589—1967. М., 1968, с. 303—304, 373; Подвиг на Волге. — «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 103; *А. Чуянов*. Сталинградский дневник. 1941—1943. М., 1968, с. 96—97.

[19] Самые обширные выдержки из этого важного документа см. История второй мировой войны, т. 5, с. 166—167; *А. М. Самсонов*. Указ. соч., с. 129—130.

[20] *К. С. Москаленко*. Указ. соч., с. 283. Аналогичные оценки содержатся во всех исторических работах и всех мемуарах, посвященных этому периоду.

[21] История второй мировой войны, т. 5, с. 165—166.

[22] *A. Werth*. Op. cit., p. 403—410.

[23] *А. А. Гречко*. Битва за Кавказ. М., 1969, с. 448.

[24] *A. Werth*. Op. cit., p. 414—415.

[25] О военных и человеческих аспектах этих второстепенных операций см. История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 468—476; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 119—122.

[26] *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 240.

[27] Об этом немецком маневре см. *B. H. Liddell Hart*. Storia di una sconfitta, p. 347—

348; История второй мировой войны, т. 5, с. 154—155; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 207.

[28] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 434.

[29] *А. М. Самсонов*. Указ. соч., с. 137—139; Сталинградская эпопея, с. 394—396.

[30] *V. Ciuikov*. Op. cit., p. 63—64; *А. М. Самсонов*. Указ. соч., с. 134, 148—149.

[31] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 213; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 79—80.

[32] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 81—82.

[33] Там же, с. 82—85; *К. С. Москаленко*. Указ. соч., с. 330.

[34] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Указ. соч., с. 30.

[35] Текст приказа см. Исторический архив, 1962, № 4, с. 24.

[36] *V. Ciuikov*. Op. cit., p. 86.

[37] Все сведения об эвакуации см. в: *М. А. Водолагин*. Указ. соч., с. 323—324; *А. М. Самсонов*. Указ. соч., с. 93, 128, 150—152, 183—184; *V. Ciuikov*. Op. cit. p. 85—86.

[38] *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 170; *V. Ciuikov*. Op. cit., p. 233.

[39] Свидетельство В. И. Чуйкова в книге: Сталинградская эпопея, с. 233.

[40] Наряду с приводившимися здесь работами упомянем: *А. И. Еременко*. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961. Вышедшая в числе первых мемуарных работ советских генералов эта книга воспоминаний вызвала в СССР многочисленные споры, опровержения и уточнения. Полную библиографию, как советскую, так и зарубежную, см. *А. М. Самсонов*. Указ. соч., с. 6—27.

[41] Описание принадлежит генералу А. И. Родимцеву, см. Сталинградская эпопея, с. 321—322.

[42] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 93.

[43] *V. Ciuikov*. Op. cit., p. 222.

[44] *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 150; *F. Paulus*. Op. cit., p. 83; *A. Clark*. Op. cit., p. 236.

[45] *А. М. Самсонов*. Указ. соч., с. 198—199, 256—257, 278; автор приводит и признания многих немцев.

[46] *V. Ciuikov*. Op. cit., p. 161—163.

[47] О применении артиллерии под Сталинградом см. *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 257; *V. Ciuikov*. Op. cit., p. 131; *A. Werth*. Op. cit., p. 450—451.

[48] Таким вопросом задается А. Верт (*A. Werth*. Op. cit., p. 456).

[49] См. История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 18; *Г. К. Жуков*. Указ. соч, т. 2, с. 102—104. Версия Жукова подтверждается, см. *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 219. Косвенное подтверждение содержится также в: История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 19.

[50] История второй мировой войны, т. 5, с. 182—183.

[51] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 85—88.

[52] Там же, с. 90—91.

[53] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 24—25; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 219—221; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 271.

[54] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 222—223; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 101—102; *J. Erickson*. Op. cit., p. 453—454.

[55] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 80.

[56] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 224—225; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 110—112; *Д. Д. Лелюшенко*. Указ. соч., с. 122.

[57] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 226—227.

[58] Там же, с. 226; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 112; автор указывает, что именно он предложил возложить эту миссию на Василевского.

[59] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 230—232.

[60] Там же, с. 232; *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 182.

[61] О разгроме итальянских экспедиционных войск в России в Италии существует весьма обширная библиография, охватывающая как мемуары, так и исторические исследования: *Francesco Valori*. Gli italiani in Russia. La campagna dello C. S. I. R. e dell' A. R. M. I. R. Milano, 1967; *Fidia Gambetti*. Né vivi né morti. Milano, 1972; *Mario Rigoni Stern*. Il sergente nella neve. Torino; *Nuto Revelli*. La Guerra dei poveri. Torino, 1962; La strada del Davai. Torino, 1966; «L'ultimo fronte». Torino, 1971; *Egisto Corradi*. La ritirata di Russia. Milano, 1965; *Giulio Bedeschi*. Centomila gavette di ghiaccio. Milano.

[62] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 128.

[63] Об этом подробно вспоминают: *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 177—182; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 308—310, 313—319. Здесь же (с. 316—317) приводится текст ультиматума.

[64] Подробный рассказ о взятии в плен Паулюса см. *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 329—333; Сталинградская эпопея, с. 288—290 (этот рассказ принадлежит М. С. Шумилову, командующему 64-й армией). Описание, записанное по свежим следам, см. в: *A. Werth*. Op. cit., p. 530—532. Официальное донесение того времени опубликовано в: Военно-исторический журнал, 1959, № 2, с. 12—14.

[65] Текст телеграмм см. *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 265—266; *А. А. Гречко*. Указ. соч., с. 272.

[66] Ограниченный характер успеха Советской Армии на Северном Кавказе признается в: История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 99; *А. А. Гречко*. Указ. соч., с. 447—449.

[67] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 271—272; Краткая история.., с. 223; Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М., 1973, с. 161.

[68] The Fatal Decisions, p. 166.

[69] *B. H. Liddell Hart*. Storia di una sconfitta, p. 356.

[70] *A. Werth*. Op. cit., p. 533.

[71] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 273.

[72] Первые вопросы, которые советские генералы задали взятому в плен Паулюсу, были именно об этих поразительных ошибках; *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 338—339.

VI. Год перелома

[1] См. Великая Отечественная война Советского Союза, 1941—1945. Краткая история; *Е. Болтин*. О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза. — «Военно-исторический журнал», 1959, № 2.

[2] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 288—289; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 101—102.

[3] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 289—290; *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 194.

[4] *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 192—194.

[5] Там же, с. 194—197.

[6] Там же, с. 200—201; *С. М. Штеменко*. Генеральный штаб в годы войны. М., 1974, т. 2, с. 482—483.

[7] Об этой фазе боевых действий имеются многочисленные свидетельства; см., в частности: *К. С. Москаленко*. Указ. соч., с. 431—442.

[8] *В. Морозов*. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года. — «Военно-исторический журнал», 1963, № 3, с. 17, 27, 33; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 299—300; Краткая история.., с. 229—231; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 116—118.

[9] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 300—301.

[10] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 90.

[11] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 309. Первое сообщение о немецких намерениях поступило, по-видимому, до 27 марта, как это видно из статьи: *А. Микоян*. Об образовании Резервного фронта в 1943 году. — «Военно-исторический журнал», 1976, № 6, с. 61—62.

[12] Совершенно секретно.., с. 502—506; *A. Clark*. Op. cit., p. 340—344.

[13] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 141; *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 309—310.

[14] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 310; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., с. 155—156.

[15] *A. Clark*. Op. cit., p. 346.

[16] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 310—311, 313—315; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 147—149; *И. Х. Баграмян*. Крах операции «Цитадель». — «Новая и новейшая история», 1973, № 3, с. 96—104.

[17] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 94.

[18] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 304. Такая же оценка содержится во всех советских исторических работах.

[19] Ср. История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 25—26.

[20] Краткая история.., с. 237. Такие же цифры приводятся в воспоминаниях Жукова и Василевского.

[21] Совершенно секретно.., с. 503—505.

[22] *Ш. Радо.* Под псевдонимом Дора (Воспоминания советского разведчика). — «Октябрь», 1972, № 5, с. 147—151; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 245—246; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 368; свидетельство Конева см. в сборнике: Курская битва. М., 1970, с. 21—22.

[23] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 315—316.

[24] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 148.

[25] *И. Х. Баграмян.* Указ. соч. — «Новая и новейшая история», 1973, № 3, с. 104; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 313—315.

[26] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 212.

[27] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 316—318, 324.

[28] Там же, с. 307; Краткая история.., с. 239—240; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 368.

[29] *И. С. Конев.* Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., 1972, с. 8—13 (далее: Записки...); *А. Микоян.* Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1976, № 6.

[30] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 168—170.

[31] *Н. Ротмистров.* Бронетанковые и механизированные войска в битве под Курском. — «Военно-исторический журнал», 1970, № 1; Время и танки. М., 1972, с. 154—155; Курская битва, с. 187—188.

[32] Свидетельство Конева см. в сборнике: Курская битва, с. 33.

[33] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 179.

[34] *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 384—385.

[35] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 314—315; *А. И. Еременко.* Годы возмездия. 1943—1944. М., 1969, с. 45—48.

[36] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 315.

[37] *А. И. Еременко.* Указ. соч., с. 47.

[38] *A. Werth.* Op. cit., p. 668. Эти сообщения по радио и эти орудийные залпы глубоко запечатлелись в народной памяти: на протяжении многих лет мне не раз доводилось слушать взволнованные воспоминания об этом.

[39] *А. Юрьев.* Курская битва и измышления буржуазных фальсификаторов. — «Военно-исторический журнал», 1973, № 8; см. также: *И. Х. Баграмян.* Указ. соч. — «Новая и новейшая история», 1973, № 4, с. 95—99; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 325.

[40] Совершенно секретно.., с. 502.

[41] Курская битва в цифрах. — «Военно-исторический журнал», 1968, № 6.

[42] О борьбе за господство в воздухе см. История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 383—403. О воздушном сражении на Северном Кавказе см. *К. Вершинин.* Воздушное сражение над Северным Кавказом весной 1943 года. — «Военно-исторический журнал», 1959, № 8.

[43] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 192, 196.

[44] *B. H. Liddell Hart.* Storia di una sconfitta, p. 359—361.

[45] *И. С. Конев.* Записки.., с. 50.

[46] Там же, с. 64, 70, 80, 81; *К. С. Москаленко.* Указ. соч., т. 2, с. 125—143; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 130—137; *М. Шарохин.* Форсирование Днепра войсками 37-й армии. — «Военно-исторический журнал», 1968, № 10. См. также серию очерков: К 30-летию битвы за Днепр. — «Военно-исторический журнал», 1973, № 9.

[47] *К. С. Москаленко.* Указ. соч., т. 2, с. 144—183; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 202—204.

[48] *И. С. Конев.* Записки.., с. 82—93.

[49] *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 383—384.

[50] Там же, с. 385, 397.

[51] *И. Сталин.* Указ. соч., с. 129.

VII. Оккупация и сопротивление

[1] Совершенно секретно.., с. 181; Нюрнбергский процесс. (Сборник материалов.) М., 1955, т. 1, с. 438—439.

[2] Основное ядро этой документации по-прежнему составляют документы, представленные на Нюрнбергском процессе против главных нацистских военных преступников. Эти документы собраны в: Procés des grands criminels de guerre devant le Tribunal militaire international. Nurenberg, 14 novembre 1945 — 1 octobre 1946. Nurenberg, 1947. Документы, касающиеся СССР, объединены в двух томах уже цитированного «Нюрнбергского процесса». Во время войны Советское правительство публиковало многочисленные и подробные разоблачения нацистских преступлений на оккупированной территории; ныне эти материалы входят в уже цитировавшийся трехтомник «Внешняя политика СССР в период Великой Отечественной войны». Теме «Нацистский оккупационный режим в Европе: его формы, методы и развитие» была посвящена третья Международная конференция по истории движения Сопротивления, состоявшаяся в Карловых Варах (Чехословакия) 2—4 сентября 1963 г. Представленные на ней доклады объединены в: L'occupazione nazista in Europa. Roma, 1964. Удачное обобщение материалов по этому вопросу см. в: *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 1015—1073.

[3] *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 1016. К упомянутой в предыдущем примечании Карловарской конференции советские историки подготовили сборник документов: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. 1941—1944 гг. М., 1963. (Второе расширенное издание вышло в 1968 г.) Доклады и сообщения советских ученых на указанной конференции собраны в сборнике: Немецко-фашистский оккупационный режим. 1941—1944 гг. М., 1964.

[4] Совершенно секретно.., с. 104—105.

[5] Там же, с. 98—99; *A. Dallin*. La Russie sous la botte nazie. Paris, 1970, p. 48 (перевод с незначительными сокращениями английского оригинала: German Rule in Russia. New York, 1957).

[6] *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 1015—1017.

[7] Совершенно секретно.., с. 142—143.

[8] Там же, с. 339—340; *A. Dallin*. Op. cit., p. 234.

[9] *G. Ciano*. L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1948, p. 693.

[10] Совершенно секретно.., с. 105.

[11] Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 469—470, 530—534; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 128—129.

[12] Наиболее полной работой по этому вопросу является книга Даллина: (*A. Dallin*. Op. cit.).

[13] *A. Werth*. Op. cit., p. 687.

[14] *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 1017.

[15] *A. Dallin*. Op. cit., p. 67.

[16] L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 3, p. 1027—1036; *В. Некрасов*. В жизни и в письмах. — «Новый мир», 1969, № 9, с. 101.

[17] Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 534—537; в частности, о Керчи см. L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 2, p. 380—383.

[18] Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 440—444; *A. Dallin*. Op. cit., p. 36. Яркие воспоминания очевидца см. в: *Л. Волынский*. Указ. соч., — «Новый мир», 1963, № 1, с. 121—124.

[19] Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 468—469, 520; *A. Dallin*. Op. cit., p. 301—305.

[20] Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 448—449.

[21] Статистические данные см. в: *A. Dallin*. Op. cit., p. 311; Совершенно секретно.., с. 102—103. См. также: *A. Werth*. Op. cit., p. 683—684.

[22] *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 1020.

[23] *A. Dallin*. Op. cit., p. 42, 130.

[24] Там же, с. 269—274, 294—295; *М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков*. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970; *Н. И. Синицына, В. Р. Томин*. Провал аграрной политики гитлеровцев на оккупированной территории СССР. 1941—1944 гг. — «Вопросы истории», 1965, № 6.

[25] История СССР, т. 10, с. 390; *A. Dallin*. Op. cit., p. 312—325.

[26] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 251; *A. Werth*. Op. cit., p. 682—683; Советское крестьянство. Краткий очерк истории. 1917—1970. М., 1973, с. 355—356.

[27] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 251.

[28] Немецко-фашистский оккупационный режим, с. 166.
[29] *A. Werth*. Op. cit., p. 672.
[30] *J. Champenois*. Le peuple russe et la guerre. Paris, 1947, p. 41, 71—72.
[31] История СССР, т. 10, с. 61, 226; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 276. При всей своей уклончивости эти и другие аналогичные признания, встречающиеся в работах советских историков, все же дают представление о степени тех затруднений, с которыми советские власти столкнулись при организации сопротивления в Прибалтийских государствах.
[32] *A. Dallin*. Op. cit., p. 219—222.
[33] Ibid., p. 177—211; *A. Werth*. Op. cit., p. 562—565.
[34] *John A. Armstrong*. Ukrainian Nationalism. 1939—1945. New York, 1955. Хотя автор этой работы (самой полной из имеющихся по данному вопросу) и проявляет симпатию к группам украинских националистов, он широко признает их идейно-организационное подчинение нацизму и германским секретным службам.
[35] Кроме цитированной работы Армстронга, см. также: *A. Dallin*. Op. cit., p. 91—135.
[36] *A. Dallin*. Op. cit., p. 239—274; *Ю. В. Арутюнян*. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970, с. 220—224; *Н. И. Синицына, В. Р. Томин*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 6. Эти два автора (с. 41) полемизируют непосредственно с Даллином относительно оппозиции советского крестьянства к колхозам.
[37] *G. Fisher*. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, Mass., 1952.
[38] В период «холодной войны» на Западе возникла целая литература, чаще всего западногерманского происхождения, стремящаяся реабилитировать или даже вознести на пьедестал Власова и его последователей. Если цитированная работа Дж. Фишера (см. предыдущее примечание) выглядит еще как попытка исследования, то другие книги на эту тему принимают откровенно апологетический характер. Сошлемся на: *W. Strik-Strikfeldt*. Contre Staline et Hitler. Le général Vlasov et le mouvement de libération russe. Paris, 1971; *J. Thorwald*. L'Illusion. Les soldats de l'Armee Rouge dans les troupes d'Hitler. Paris, 1975; *S. Steenberg*. Vlasov. New York, 1970. Было даже опубликовано некое подобие сборника документов: *М. В. Шатов*. Освободительное движение народов России. 1941—1945. Нью-Йорк (без даты). На самом же деле из всех этих писаний, и в особенности из последнего, со всей очевидностью явствует абсолютное политическое ничтожество и полная идейная несостоятельность Власова и власовцев и подтверждается, что никакого «движения» не было, а было лишь просто рабское выполнение приказов, полученных от немцев.
[39] КПСС о Вооруженных Силах СССР, с. 356. Письмо от 18 июля 1941 г. целиком в СССР не публиковалось. Выдержки из него приведены в: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971, т. 6, с. 23—24 (далее: КПСС в резолюциях...). Полный его текст, захваченный немцами, приведен в: Soviet Partizans in World War II, edit. by *John A. Armstrong*. Madison, 1964, p. 653—655. Некоторые места перевода вызывают, однако, сомнения.
[40] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 259, 272.
[41] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[42] *M. Gilas*. Conversazioni con Stalin. Milano, 1962, p. 119. Отзвук подобных взглядов см. *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 195.
[43] *A. Fedorov*. L'Obkom clandestin au travail. Paris, 1951, vol. 1, p. 13.
[44] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 255—261.
[45] См. с. 52—53 настоящей книги.
[46] Soviet Partizans, p. 411—457; *П. Белов*. Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1962, № 8.
[47] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 264.
[48] Об этой начальной трудной фазе партизанского движения см. *М. Абсалямов, В. Андрианов*. Организация партизанских сил и формы руководства их боевой деятельностью в Отечественной войне. — «Военно-исторический журнал», 1966, № 9, с. 18, 24; *Т. Лесняк*. Совершенствование руководства партизанским движением. — «Военно-исторический журнал», 1967, № 7, с. 24—25; *Л. Горев*. Из истории партизанской борьбы

на Украине. 1941—1944 гг. — «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, с. 44—51; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 271.

[49] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 490.

[50] *П. К. Пономаренко.* Централизация руководства партизанским движением. — См. сб. Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941—1944 гг. М., 1976, с. 191—201.

[51] *М. Абсалямов, В. Андрианов.* Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1966, № 9, с. 22.

[52] *П. К. Пономаренко.* Указ. соч., с. 206—215; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 477; *А. М. Самсонов.* Указ. соч., с. 332—334; *Т. Лесняк.* Указ. соч., с. 26, 28.

[53] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 490; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 255—256. Призыв к написанию истории советского партизанского движения прозвучал со страниц журнала «История СССР» (1961, № 2). Насколько известно автору этих строк, всеохватывающая история такого рода еще не создана. Единственная обобщающая работа — это книга Л. Н. Бычкова «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Краткий очерк» (М., 1965). Но речь идет, как свидетельствует сам подзаголовок, о кратком очерке популяризаторского характера. Имеются, правда, многочисленные статьи, которым автор данной книги очень многим обязан. Самой подробной, хоть и не претендующей на звание исчерпывающей, исторической работой на Западе является уже цитировавшаяся книга: Soviet Partizans. Советскую критику этой книги см. в: *А. А. Курносов, Е. С. Лагутин.* Как и почему Пентагон изучает опыт советского партизанского движения. — «История СССР», 1965, № 4. Авторы справедливо отмечают, что главенствующая цель, которой руководствуется американский историк — и которая отнюдь не способствует успеху исторического исследования, — состоит в поисках наиболее подходящей антипартизанской тактики для армии США.

[54] Оборона Ленинграда.., с. 338—365; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 260. О Белоруссии см. *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 243.

[55] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 490 (примечание); *А. А. Бабаков, Н. И. Макаров.* О содержании и формах всенародной борьбы на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории КПСС», 1977, № 1, с. 67.

[56] *П. Калинин.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии. — «Военно-исторический журнал», 1962, № 10, с. 32—37.

[57] *J. Champenois.* Op. cit., p. 105; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 490; *А. А. Курносов, Е. С. Лагутин.* Указ. соч. — «История СССР», 1965, № 4, с. 177.

[58] *В. Андрианов.* Разведывательная деятельность партизан. — «Военно-исторический журнал», 1971, № 8.

[59] *М. Абсалямов, В. Андрианов.* Тактика советских партизан. — «Военно-исторический журнал», 1968, № 1; *В. Андрианов.* Оперативное использование партизанских сил. — «Военно-исторический журнал», 1969, № 7; *Д. Наумов.* Тактика белорусских партизан. — «Военно-исторический журнал», 1970, № 11.

[60] Исторический архив, 1961, № 3, с. 103—118. Об этой стороне партизанской борьбы существует обширная мемуарная литература; см., в частности: *С. А. Ковпак.* Из дневника партизанских походов. М., 1964. Краткое свидетельство того же автора содержится в: L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 3, p. 1170—1173.

[61] См. подборку подпольной печати в: Исторический архив, 1955, № 1.

[62] *П. Чоллек.* Крах нацистских планов расхищения лесных ресурсов СССР в годы Великой Отечественной войны. — «История СССР», 1969; № 1.

[63] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 274.

[64] *A. Dallin.* Op. cit., p. 164—167.

[65] *A. Fedorov.* Op. cit., vol. 1, p. 64; *A. Werth.* Op. cit., p. 703.

[66] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 270.

[67] Там же, с. 258; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 278.

[68] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 474—481.

[69] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 114—118.

[70] Документальная история этого эпизода содержится в: L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 3, p. 776—778.

[71] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 507—508.

[72] *В. М. Гриднев.* Борьба советского крестьянства против фашистского оккупационного режима. — «Вопросы истории», 1973, № 6; Немецко-фашистский оккупационный режим в сельской местности западных и северо-западных районов РСФСР. 1941—1945 гг. — «История СССР», 1972, № 1.

[73] *И. Эренбург.* Указ. соч., т. 9, с. 295.

[74] Там же.

VIII. Военная экономика: «Все для фронта!»

[1] Статистические сопоставления см. в: *Г. С. Кравченко.* Военная экономика СССР. 1941—1945. М., 1963, с. 57; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1970, с. 29 (далее: Советская экономика...); История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 42—43.

[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 45.

[3] Советская экономика.., с. 81; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 160; Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1957, с. 106.

[4] Советская экономика.., с. 91, 93—94.

[5] *Г. С. Кравченко.* Указ. соч., с. 205—206; Экономическая победа советского народа в Великой Отечественной войне. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, с. 46.

[6] *Г. С. Кравченко.* Указ. соч., с. 120; *А. Хрулев.* Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 6, с. 66—67.

[7] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 139; *Г. С. Кравченко.* Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, с. 39.

[8] *А. И. Шахурин.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1975, № 3, с. 139.

[9] *А. М. Самсонов.* Указ. соч., с. 279—315.

[10] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 237—238; *J. Erickson.* Op. cit., p. 375.

[11] *Г. С. Кравченко.* Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, с. 41.

[12] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 293; *Н. Вознесенский.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, с. 49—53.

[13] *М. С. Зинич.* Рабочие кадры тяжелого машиностроения и станкостроения в годы Великой Отечественной войны. — «Исторические записки», № 85, с. 12.

[14] *А. В. Митрофанова.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971, с. 93; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 9—10. Среди многочисленных описаний эвакуации см. *К. М. Хмелевский.* Они ускорили победу. — «Вопросы истории», 1972, № 5; *А. И. Шахурин.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1975, № 3, с. 139—141; *J. Champenois.* Op. cit., p. 83—85; *P. Robotti.* La prova. Bari, 1965, p. 272—302.

[15] Советская экономика.., с. 381—382.

[16] *J. Champenois.* Op. cit., p. 127—129.

[17] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 142.

[18] Там же, т. 6, с. 64—65; Советская экономика.., с. 37, 38, 53; *А. Н. Малафеев.* История ценообразования в СССР. 1917—1963. М., 1964, с. 218.

[19] См. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

[20] Правда, 27 июня 1941 г.

[21] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 31.

[22] *Г. Д. Домков.* Идейно-политическая работа КПСС в 1941—1945 гг. М., 1965, с. 229.

[23] Правда, 14 февраля 1942 г.; *А. В. Митрофанова.* Указ. соч., с. 186, 427—433; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 589; *Н. Вознесенский.* Указ. соч., с. 110 (это, по-видимому, единственный источник, который называет более высокие цифры мобилизации, чем те, которые здесь приводятся).

[24] Красная звезда, 1 апреля 1942 г.; *А. М. Василевский.* Указ. соч. с. 268; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 274.

[25] *А. В. Митрофанова.* Указ. соч., с. 452; *М. С. Зинич.* Указ. соч. — «Исторические записки», № 85, с. 37—38.

[26] Правда, 7 марта 1942 г.; *А. В. Митрофанова*. Указ. соч., с. 203—204, 434—435.

[27] *Н. Н. Воронов*. Указ. соч., с. 261; L'URSS nella Seconda guerra mondiale, vol. 1, p. 218.

[28] *V. Ciuikov*. Op. cit., p. 252—253.

[29] См. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[30] Советская экономика.., с. 27; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 80.

[31] Помимо уже цитированной работы Эриксона, см. *J. R. Deane*. La strana allanza. Milano, 1947, p. 127—129.

[32] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 52.

[33] *Г. С. Кравченко*. Указ. соч., с. 295—298.

[34] Более подробный анализ см. История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 53—58; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 310—311; Советская экономика.., с. 59. См. также: *B. H. Liddell Hart*. Storia di una sconfitta, p. 374—379.

[35] *А. Хрулев*. Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 6, с. 65—66; *М. И. Кормилицын*. Армии нужно горючее. — «Вопросы истории», 1969, № 12, с. 121—123.

[36] *А. Хрулев*. Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 6, с. 70.

[37] Правда, 16 апреля 1943 г.; *Н. Вознесенский*. Указ. соч., с. 105—106.

[38] Советская экономика.., с. 335—372.

[39] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 43.

[40] Исторический архив, 1962, № 6, с. 29—32.

[41] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 67; *А. М. Самсонов*. Указ. соч., с. 287.

[42] *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 165, 169, 173, 304; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 67.

[43] Там же, с. 76, 123; Советская экономика.., с. 266; *Н. Вознесенский*. Указ. соч., с. 123; *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 506.

[44] Советская экономика.., с. 393—394; *А. Хрулев*. Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 6, с. 78.

[45] Соответствующие статистические показатели см. в: Советская экономика.., с. 387—389, 396, 404—405; *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 222.

[46] Советская экономика.., с. 120.

[47] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 235.

[48] *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 357.

[49] Там же, с. 155, 189—206, 208, 262—263, 318.

[50] КПСС в резолюциях, т. 6, с. 36—38, 57—59. См., в частности, одну из статей на эту тему: *В. Я. Ашанин*. Политотделы МТС в годы Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4.

[51] Правда, 17 апреля 1942 г.; *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 86.

[52] *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 97—100.

[53] *У. Г. Чернявский*. Продовольственное снабжение городов в годы Великой Отечественной войны — «Исторические записки», № 69, с. 12; *J. Champenois*. Op. cit., p. 129—130.

[54] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 234; Советская экономика.., с. 407.

[55] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 228—235. Автор поправляет некоторые утверждения Н. Вознесенского (*Н. Вознесенский*. Указ. соч., с. 128); *J. Champenois*. Op. cit., p. 129. Ср.: Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1968, с. 137.

[56] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 235; *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 353—354; Советская экономика.., с. 399—400.

[57] Более подробный анализ в: *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 332—360.

[58] Советская экономика.., с. 400—401.

[59] *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 361.

[60] Там же, с. 360—366; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 77—78.

[61] Правда, 4 июля 1941 г., 24 ноября 1941 г., 30 декабря 1941 г. См. также статью тогдашнего министра финансов А. Г. Зверева «О некоторых сторонах истории советской финансовой системы» («Вопросы истории», 1969, № 2).

[62] Советская экономика.., с. 433—437; *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 213—218.
[63] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 48.
[64] *J. R. Deane*. Op. cit., p. 126.
[65] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 181; *A. Nove*. Storia economica dell'Unione Sovietica. Torino, 1970, p. 325.
[66] Исторический архив, 1956, № 3, с. 3—17.
[67] *Ю. В. Арутюнян*. Указ. соч., с. 212—213.
[68] Там же, с. 216.

IX. Антифашистская коалиция

[1] Этот тезис весьма распространен в советской исторической науке; см., например: История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 285.
[2] *W. Churchill*. Op. cit., vol. 3, t. 1, p. 395, 416—417.
[3] *И. Стаднюк*. Война. М., 1976, с. 172—174. Это произведение, представляющее собой литературную обработку фактов военного времени, было оценено в СССР как чрезмерное восхваление Сталина (см. International Herald Tribune, 20.IX.1974). Тем не менее оно написано на основе неизданных документов, полученных из первоисточника, каковым является, насколько автор может судить по сведениям, сообщенным ему в Москве, личный архив Молотова.
[4] Сошлемся здесь на: *Herbert Feis*. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957; *Willian Hardy MacNeile*. America, Britain and Russia. Their cooperation and Conflict. 1941—1946. London, 1953; см. серию: Survey of International Affairs 1939—1946; *В. Л. Исраэлян*. Указ. соч. Что касается мемуаров и главных документов, то см. ссылки в примечаниях к этой и другим главам настоящей книги.
[5] Внешняя политика СССР, т. 1, с. 130—132.
[6] *R. E. Sherwood*. Op. cit., vol. 1, p. 313—336. Интересное свидетельство о побудительных мотивах этой поездки см. в: *И. Майский*. Указ. соч., с. 101—104.
[7] *В. М. Бережков*. Рождение коалиции, с. 82—91; *И. Майский*. Указ. соч., с. 222—242; Le memorie di Anthony Eden. La resa dei conti Milano, 1968, p. 382—400.
[8] Внешняя политика СССР, т. 1, с. 270—273, 277—282.
[9] См. свидетельства Гопкинса в: *R. E. Sherwood*. Op. cit., vol. 1, p. 371—397; и письмо Рузвельта папе Пию XII в: F. D. R. His Personal Letters. 1928—1945. New York, 1950, vol. 2, p. 1204—1205.
[10] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957, т. 1, с. 33—34 (далее: Переписка...).
[11] Переписка.., с. 78; *W. Churchill*. Op. cit., vol. 3, t. 1, p. 415.
[12] *R. E. Sherwood*. Op. cit., vol. 1, p. 291—292.
[13] F. D. R. His Personal Letters, vol. 2, p. 1202; *W. Churchill*. Op. cit., v. 3, t. 2, p. 31; *И. Майский*. Указ. соч., с. 164—165.
[14] *W. Churchill*. Op. cit., v. 3, t. 2, p. 315 (английское слово «agony» означает как «агония», так и «душевное страдание», но это уточнение не меняет существенно смысла высказывания Черчилля; в итальянском издании это слово переведено как «жесточайшее испытание»); *H. Feis*. Op. cit., p. 479; *W. H. Standley, A. A. Ageton*. Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955, p. 292.
[15] *В. М. Бережков*. Рождение коалиции, с. 88.
[16] *W. Churchill*. Op. cit. vol. 3, t. 2, p. 314—315.
[17] Ibid., p. 173—182; Переписка.., т. 1, с. 29—32; *И. Майский*. Указ. соч., с. 204—208. О предвоенной истории см. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[18] *И. Майский*. Указ. соч., с. 281—282.
[19] Там же, с. 171—173; Memoirs of Dr. Edward Beneš. From Munich to New War and New Victory. Boston, s. d., p. 157, 197—199.
[20] *И. Майский*. Указ. соч., с. 173—178; *J. Ciechanowski*. La rançon de la victoire. Les raisons secrétes de l'immolation de la Pologne. Paris, 1947, p. 107—109; *W. W. Kulski*. The Lost Opportunity for Russian Polish Friendship. — "Foreign Affairs", July 1947.
[21] *R. E. Sherwood*. Op. cit., vol. 2, p. 299—300.

[22] Внешняя политика СССР, т. 1, с. 166 (текст документа там же, с. 167).

[23] Переписка.., т. 1, с. 10—13. По вопросу о втором фронте, помимо общих работ об истории антифашистской коалиции, см. Дипломатическая история открытия второго фронта в Европе. 1941—1944. Документальный обзор. — «Международная жизнь», 1970, № 3, 5, 11; 1974, № 4, 6, 9, 12; 1975, № 2, 3; *В. М. Кулиш.* Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе. М., 1965; *T. Higgins.* Winston Churchill and the Second Front. 1940—1943. New York, 1957.

[24] Переписка.., т. 1, с. 19; *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 80; *В. М. Кулиш.* Указ. соч., с. 120—121.

[25] *И. Майский.* Указ. соч., с. 111—115; *W. Churchill.* Op. cit., vol. 3, t. 2, p. 98—101. О позиции английского посла Криппса см. *L. Woodward.* Op. cit., vol. 2, p. 143—144.

[26] *R. E. Sherwood.* Op. cit., vol. 2, p. 143—144.

[27] Внешняя политика СССР, т. 1, с. 284—285, 289; Переписка.., т. 1, с. 58—60.

[28] *W. Churchill.* Op. cit. vol. 4, t. 2, p. 79—112; *W. A. Harriman, E. Abel.* Op. cit., p. 149—165; *В. М. Бережков.* Рождение коалиции, с. 128—145; Международная жизнь, 1974, № 4, с. 115—118.

[29] *И. Сталин.* Указ. соч., с. 62—70.

[30] Международная жизнь, 1974, № 6, с. 117—121; *В. М. Кулиш.* Указ. соч., с. 179—181; *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 72—73, 136—137; *И. Майский.* Указ. соч., с. 211—221; *H. Feis.* Op. cit., p. 42.

[31] Переписка.., т. 1, с. 159.

[32] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 363—365; *В. М. Кулиш.* Указ. соч., с. 78—86.

[33] *A. Clark.* Op. cit., p. 207—208.

[34] New York Times, 24 June 1941; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 26—27.

[35] *W. Churchill.* Op. cit., vol. 4, t. 2, p. 83.

[36] Помимо уже приведенных исторических исследований, см. *А. Некрич.* Из истории великой коалиции. — «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 4. Тщательно составленный советский историографический обзор на эту тему см. *В. М. Кулиш.* Указ. соч., с. 4—9.

[37] Международная жизнь, 1974, № 6, с. 121; № 9, с. 114; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 205; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 64, 427; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 131; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 206.

[38] *H. Salisbury.* Russia on the way. New York, 1946 (выдержки опубликованы в журнале: Новый мир, 1958, № 2, с. 219—220); *A. Werth.* Op. cit., p. 614—651; *J. Champenois.* Op. cit., p. 139—143.

[39] *W. H. Standley, A. A. Ageton.* Op. cit., p. 204.

[40] *И. Эренбург.* Указ. соч., т. 9, с. 338.

[41] *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 168—169; *W. Churchill.* Op. cit., vol. 4, t. 1, p. 309—314; *W. A. Harriman, E. Abel.* Op. cit., p. 142; *D. Irving.* The Destruction of Convoy PQ—17. London, 1968 (рецензия Н. Г. Кузнецова на эту книгу опубликована в журнале: Вопросы истории, 1971, № 5). См. также: *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 23—26.

[42] Переписка.., т. 1, с. 22; *R. E. Sherwood.* Op. cit., vol. 1, p. 333.

[43] Внешняя политика СССР, т. 1, с. 134, 138.

[44] *J. Ciechanowski.* Op. cit., p. 91—103.

[45] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 45—51; *A. Werth.* Op. cit., p. 476, 621—637; *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 79.

[46] *А. М. Некрич.* Указ. соч., с. 80; *E. Fischer.* Op. cit., p. 517—520.

[47] См. *G. Amendola.* Lettere a Milano. Roma, 1973, p. 37—41.

[48] Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 305.

[49] Там же, с. 505—508.

[50] Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. Сентябрь 1939 г. — январь 1945 г. Очерки истории. М., 1968, с. 135—141. См. документы на эту тему в журнале «Новая и новейшая история» (1964, № 5, с. 109—125).

[51] *L. Trepper.* Il grande gioco. Milano, 1976. О Зорге и Радо см. в ранее цитированных произведениях.

[52] Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. *525—530*. Сообщенные здесь сведения дополняются свидетельствами, которые автор смог получить непосредственно от участников событий.

[53] Сообщено автору Винченцо Бьянко. См. также: *G. Cerreti*. Con Togliatti e Thorez. Guarant'anni di lotte politiche. Milano, 1973, p. 250, 252, 261—262.

[54] Коммунистический Интернационал, 1942, № 3—4, с. 25—35.

[55] Обширный обзор движения содержится в: *F. Etnasi*. La Resistenza europea.

[56] Ср. *Ph. Auty*. Tito. Biografia. Milano, 1972, p. 218—238.

[57] *S. Clissold*. Yugoslavia and the Soviet Union. 1939—1973. A Documentary Survey. London, 1975, p. 13—27, 129—152; *S. Dedijer*. Tito contro Mosca. Milano, 1953, p. 162—168 (эта работа, впервые привлекшая внимание к описываемым событиям, отчасти несет на себе отпечаток яростной советско-югославской полемики того периода). См. также: *M. Gilas*. Conversazioni con Stalin. Milano, 1962, p. 39.

[58] *П. П. Владимиров*. Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973, с. 38, 41, 97—101, 166 (Владимиров был связным между Коминтерном и китайскими коммунистами в годы войны; книга представляет собой его дневниковые записи той поры. При тщательном анализе видно, что они подверглись значительной переделке; это соответствует тем очевидным полемическим намерениям, с которыми они опубликованы. В качестве исторического источника они требуют поэтому крайне осторожного обращения. Тем не менее в них имеется несомненная документальная основа и содержится важная информация: при необходимом критическом отношении они позволяют лучше представить себе картину того времени). См. также: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 522.

[59] *Mao Tse-tung*. Scritti scelti. Roma, 1956, vol. 4, p. 43, 73. Советскую оценку см. Новейшая история Китая. 1917—1970 М., 1972, с. 200.

[60] Правда, 22 мая 1943 г.; Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. *543—545*; сообщено автору Винченцо Бьянко.

[61] *P. Spriano*. Op. cit., vol. 4, p. 116; *G. Cerreti*. Op. cit., p. 279.

[62] Коммунистический Интернационал, 1943, № 5—6, с. 8—9.

[63] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 107—108.

[64] The Memoirs of Cordell Hull. New York, 1948, vol. 2, p. 1251—1252; *W. H. Standley, A. A. Ageton*. Op. cit., p. 373; *M. Gilas*. Op. cit., p. 88—89; Foreign Relations of the United States. Diplomatic papers, 1943, vol. 3, p. *505—504*, 529—530, 532—535 (далее: FRUS).

[65] Коммунистический Интернационал, 1943, № 5—6, с. 9; *J. R. Starobin*. American Communism Crisis. 1943—1957, p. 21, 45—46.

[66] Коммунистический Интернационал, 1943, № 5—6, с. 23—24 (заявления отдельных партий см. там же, с. 12—25).

[67] Сообщено автору Винченцо Бьянко; *A. Kriegel*. La dissolution du "Komintern". — "Rêvue d'histoire de la deuxième guerre mondiale", № 68, ottobre 1967, p. 41.

[68] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 110—115.

[69] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 165; FRUS, 1943, vol. 3, p. 683—687, 690.

[70] FRUS, 1943, vol. 3, p. 696—697; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 3, с. 499.

[71] Переписка.., т. 1, с. 119—127.

[72] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1960, с. 65, 71—72, 84—110, 117—128; *E. Beneš*. Op. cit., p. 239—245.

[73] *H. Feis*. Op. cit., p. 47; *C. Hull*. Op. cit., p. 1231; *Dwight D. Eisenhower*. Crusade in Europe. London, 1948, p. 213, 311—312.

[74] FRUS, 1943, vol. 3, p. 516, 522—524; *И. Майский*. Указ. соч., с. 531.

[75] Переписка.., т. 2, с. 62—63, 65—66, 76—77.

[76] *В. Л. Исраэлян*. Указ. соч., с. 208, 236.

[77] Внешняя политика СССР, т. 1, с. 414—415.

[78] Там же, с. 416—419.

[79] В Советском Союзе опубликованы некоторые документы о Тегеранской конференции, например «Тегеранская конференция руководителей трех великих держав». — «Международная жизнь», 1961, № 7, 8. Значительно более обширна подборка

документов, опубликованных в США: FRUS, 1943. The Conferences at Cairo and Teheran.

[80] Da Teheran a Yalta, p. 52; FRUS, 1943, Cairo and Teheran, p. 550.
[81] FRUS, 1943, Cairo and Teheran, p. 652.
[82] *C. Hull.* Op. cit., p. 1309—1310; FRUS, 1943, Cairo and Teheran, p. 489.
[83] См. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.
[84] *H. Feis.* Op. cit., p. 255.

X. Сталинское правление во время войны

[1] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 320—321.
[2] История Коммуиистической партии Советского Союза. М., 1969, с. 521—522.
[3] *И. Сталин.* Указ. соч., с. 102.
[4] *В. Некрасов.* Указ. соч., с. 80.
[5] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 398—402; История Великой Отечествеииой войны Советского Союза, т. 6, с. 146—147. Здесь же осиовиая советская библиография по этой теме.
[6] *И. Эренбург.* Указ. соч., т. 9, с. 276.
[7] Там же, с. 273.
[8] *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.
[9] Красиая звезда, 10 апреля 1942 г.
[10] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 311.
[11] *И. Сталин.* Указ. соч., с. 100.
[12] Из истории Академии иаук СССР в первые годы Великой Отечествеииой войны. 1941—1943. — «Исторические записки», № 60; *Б. В. Левшин.* Академия иаук СССР в годы Великой Отечествеииой войны. — «История СССР», 1961, № 3. Автор в дальиейшем дополнил эту работу и выпустил ее отдельиой киигой под тем же иазваиием в 1966 г. в Москве.
[13] *И. Эренбург.* Указ. соч., т. 9, с. 281; *A. Werth.* Op. cit., p. 407—410; *В. Некрасов.* В жизни и в письмах. — «Новый мир», 1969, № 9, с. 117.
[14] Правда, 18 июля 1941 г.; 900 героических дией.., с. 65—68.
[15] *B. L. Pasternák.* Il dottor Zivago. Milano 1957, p. 659—660.
[16] Правда, 14 января 1942 г.
[17] *В. А. Куроедов.* Из истории взаимоотиошеиий Советского государства и церкви. — «Вопросы истории», 1973, № 9, с. 28—29; *Н. П. Красников.* Эволюция социальиой коицепции православия. — «Вопросы истории», 1970, № 9, с. 26—31; *П. К. Курочкин.* Эволюция современного русского православия. М., 1971, с. 137 и след.; *Г. Д. Комков.* Идейио-политическая работа КПСС в 1941—1945 гг. М., 1965, с. 391; *A. Werth.* Op. cit., p. 424—433.
[18] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 449—450; *Е. Райгородецкий.* Коиец белого атамаиа. — «Воеиио-исторический журнал», 1967, № 6.
[19] *Л. Любимов.* На чужбиие. — «Новый мир», 1957, № 4, с. 159—178; *Ryszard Wraga.* Russian Emigration after Thirty Years Exile. — "Russian Emigre Politics", edit. by George Fischer. New York, 1951, p. 23—28.
[20] *B. L. Pasternák.* Op. cit., p. 674.
[21] *A. Solženicyn.* Archipelag Gulag, 1918—1956. Paris, 1974, vol. 2, p. 129—134.
[22] Диевиик Ниiы Костериной. — «Новый мир», 1962, № 12, с. 104—105.
[23] См. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1; *G. Boffa e G. Martinet.* Dialogo sullo stalinismo. Bari, 1976, p. 115—137.
[24] *Ю. П. Петров.* КПСС — оргаиизатор и руководитель победы советского иарода в Великой Отечествеииой войие. — «Вопросы истории», 1970, № 5, с. 14; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 365; История Великой Отечествеииой войны Советского Союза, т. 6, с. 105; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 346—347; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 106; *Д. Д. Лелюшенко.* Указ. соч., с. 122; *А. Микоян.* Указ. соч. — «Воеиио-исторический журнал», 1976, № 6, с. 68.
[25] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 207.
[26] История второй мировой войны, т. 4, с. 133; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 276; *А. Микоян.* Указ. соч. — «Воеиио-исторический журиал», 1976, № 6, с. 62.

[27] *А. М. Самсонов.* Указ. соч., с. 121; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 212.

[28] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 335.

[29] Там же, с. 236, 246—247; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 238—239, 343.

[30] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 131; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 267; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 136—137.

[31] Kruscev ricorda.., p. 607—608; *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 227—230, 234—236; *А. Микоян.* Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1976, № 6, с. 68; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 126—131, 162; *Г. К. Жуков.* Указ. соч. т. 1, с. 341—347.

[32] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 269.

[33] *А. М. Василевский.* К вопросу о руководстве вооруженной борьбой в Великой Отечественной войне. — «Вопросы истории», 1970, № 5, с. 59; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 60.

[34] *W. A. Harriman, E. Abel.* Op. cit., p. 356.

[35] Правда, 8, 9 марта, 3 сентября 1943 г.; Большевик, 1943, № 19—20, с. 56.

[36] Правда, 28 июня 1945 г.; Большевик, 1945, № 13, с. 5.

[37] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 332; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 373; *Л. М. Спирин.* Партийные и комсомольские мобилизации в Красную Армию в годы Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 3, с. 36.

[38] Коммунистическая партия в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1961, с. 95—96; КПСС о Вооруженных Силах СССР, с. 364; *Ю. П. Петров.* Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций Армии и Флота. 1918—1968. М., 1968, с. 293—295.

[39] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 368—374; *Ю. П. Петров.* Указ. соч., с. 326—339.

[40] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 365; История КПСС», т. 5, ч. 1, с. 373; *Ю. П. Петров.* Указ. соч., с. 338.

[41] *G. Procacci.* Il partito nell'Unione Sovietica. 1917—1945. Bari, 1974, p. 166.

[42] *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

[43] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 343; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 374; *Ю. П. Петров.* Указ. соч., с. 334, 352.

[44] Правда, 10 июля 1941 г.

[45] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 343; История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 279—363.

[46] *Ю. П. Петров.* Указ. соч., с. 288.

[47] *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 253—254; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 218; Правда, 10 октября 1942 г.

[48] *А. Киселев.* На службе народу. — «Военно-исторический журнал», 1967, № 2, с. 41.

[49] Правда, 24, 25, 26, 27 августа 1942 г.; *A. Werth.* Op. cit., p. 418; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 514; *В. М. Бережков.* Рождение коалиции, с. 150, 151.

[50] Правда, 27 августа 1942 г.

[51] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 474—475; *Б. В. Бычевский.* Указ. соч., с. 31—32; *M. Gilas.* Op. cit., p. 61.

[52] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 92—93; *П. А. Белов.* За нами Москва. М., 1963, с. 42—44.

[53] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 34—35, 90—93; *Б. В. Бычевский.* Указ. соч., с. 94, 99—103.

[54] *Н. Н. Воронов.* Указ. соч., с. 194—195. Обобщающий перечень эпизодов такого рода см. в: *S. Bialer.* Op. cit., p. 404—419.

[55] Известия, 8 июля 1941 г.; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 105.

[56] *A. Solženicyn.* Op. cit., vol. 1, p. 31—33.

[57] Kruscev ricorda.., p. 611; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 105; *A. Werth.* Op. cit., p. 569—570. Подробности этих операций по сей день остаются малоизученными. Основными работами по этой теме продолжают быть: *A. Nekrič.* Popoli deportati. Milano, 1978; *R. Conquest.* The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1960.

[58] *А.М. Василевский.* Указ. соч., с. 273—274; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 343; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 192.
[59] Правда, 25 сентября, 8 октября 1943 г.
[60] Правда, 14 октября 1943 г.
[61] Правда, 1 января 1944 г.
[62] Большевик, 1944, № 7—8, с. 59—60; № 12, с. 28; № 22, с. 55.
[63] Советская интеллигенция. История формирования и роста. 1917—1965. М., 1968, с. 287.
[64] Большевик, 1945, № 10, с. 10—11.
[65] Kruscev ricorda.., p. 589.
[66] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 106—134.

XI. Великие наступления

[1] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 212.
[2] Там же, с. 237—238. См. также: *B. H. Liddell Hart.* Storia militare della Seconda guerra mondiale, p. 797—824.
[3] 900 героических дней.., с. 140.
[4] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 34—35.
[5] Там же, с. 47.
[6] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 1, с. 258—260, 267—274.
[7] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 365—366; *Д. Д. Лелюшенко.* Указ. соч., с. 209, 211. См. также опубликованный в «Правде» от 16 и 17 марта 1944 г. доклад Н. С. Хрущева. О настороженности Сталина по отношению к украинцам см. Kruscev ricorda.., p. 611.
[8] Сталин сообщил об этом своим собеседникам (см. Da Teheran a Yalta, p. 11—12).
[9] Этой операции посвящены многочисленные очерки. Подробные воспоминания о ней см. *И. С. Конев.* Записки.., с. 94—114.
[10] О трагической гибели Ватутина во всех подробностях рассказано в книге: *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 232—233.
[11] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 372; более пространно об этом см. *Р. Я. Малиновский.* Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964, с. 11—12.
[12] Правда, 27 марта 1944 г.
[13] Наступлению на Крым посвящены многие страницы книги А. М. Василевского (*А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 390—413).
[14] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 211, 240.
[15] Переписка.., т. 2, с. 137.
[16] Там же, т. 1, с. 226.
[17] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 260—261. Об этом же эпизоде см. Два главных удара. — «Военно-исторический журнал», 1964, № 6, с. 14—15, а также: *К. К. Непомнящий.* Полки идут на запад. М., 1964, с. 238—241. То, что дело происходило таким образом, отрицается Г. К. Жуковым (*Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 240), но подтверждается С. М. Штеменко (*С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 1, с. 234—235). Аналогичный эпизод см. *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 408; *И. С. Конев.* Записки.., с. 233—234.
[18] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 260.
[19] О приготовлениях к наступлению см. там же, с. 238; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 415; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 348; т. 6, с. 157.
[20] О действиях партизан рассказывается в отчете П. К. Пономаренко в сборнике «Освобождение Белоруссии. 1944». М., 1974, с. 157—183.
[21] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 66; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 262; Краткая история.., с. 360.
[22] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 262—267; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 255—257 (между этими двумя источниками есть определенное противоречие, которое, впрочем, не меняет картины в целом).
[23] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 262; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 73.

[24] О трудностях наступления в Прибалтийских республиках см. *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 455—473; *А. И. Еременко.* Годы возмездия, с. 393—489.

[25] *Р. Я. Малиновский.* Указ. соч., с. 56—57; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 73.

[26] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 117—118, 125.

[27] La liberazione della Romania dal fascismo. XXX anniversario. Roma, 1976, p. 663—666.

[28] Об освобождении Румынии в СССР написано много работ; из числа воспоминаний главных участников широкий круг событий охватывает книга Р. Я. Малиновского «Ясско-Кишиневские Канны».

[29] Внешняя политика СССР, т. 2, с. 90; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 134—136.

[30] Внешняя политика СССР, т. 2, с. 215—229.

[31] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 150—151; История внешней политики СССР, т. 1, 1917—1945, с. 419; Внешняя политика СССР, т. 2, с. 216—217.

[32] La liberazione della Romania.., p. 132—133; *H. Feis.* Op. cit., p. 336; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 216—217; *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 370—373.

[33] Внешняя политика СССР, т. 2, с. 105.

[34] Там же, с. 174—175.

[35] Там же, с. 205—212.

[36] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 281—282; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 297—298.

[37] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 1, с. 301—302.

[38] Ibid., p. 306.

[39] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 312.

[40] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 5, с. 57, 97.

[41] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 299—301, 314—315.

[42] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 303—311.

[43] *V. I. Cuikov.* Obiettivo Berlino. Roma, 1968, p. 94—100.

[44] *D. Shaver Clemens.* Yalta. Torino, 1975, p. 100—112; *E. Kuby.* I russi a Berlino. La fine del Terzo Reich. Torino, 1966, p. 39—42.

[45] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 303—311.

[46] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 309.

[47] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 211—212; *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 484—485.

[48] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 1, с. 349—350.

[49] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 479.

[50] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 111; Красная звезда, 26 марта 1971 г.

[51] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 303.

XII. Освобождение Восточной Европы

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 314; *К. С. Москаленко.* Указ. соч., т. 2, с. 429—430.

[2] См., например: *А. А. Гречко.* Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971. Противоречивые утверждения соседствуют на одной и той же странице работы В. Л. Исраэляна (*В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 360).

[3] *M. Gilas.* Op. cit., p. 73, 86.

[4] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 317; Внешняя политика СССР, т. 2, с. 61, 155; Da Teheran a Yalta, p. 131—132.

[5] Таков тезис, господствующий, например, в книге Ф. Фейто (*Francesco Fejto.* Storia delle democrazie popolari. Firenze, 1955).

[6] О его создании было сообщено не только в газетах, но и в журнале «Коммунистический Интернационал», 1941, № 8, с. 8—9.

[7] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 183—185; *M. Gilas.* Op. cit., p. 117.

[8] *М. Е. Монин.* Армейские политорганы в борьбе за укрепление боевого союза народов СССР и восточноевропейских стран. 1944—1945 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 5. Другие примеры см. *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 178;

А. А. Гречко. Освободительная миссия Советскнх Вооруженных Сил во второй мировой войне, с. 190.

[9] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 229.

[10] Зарождение народных армнй стран — участниц Варшавского Договора. 1941—1949 гг. М., 1975, с. 105—118; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 53—54.

[11] Прекрасный анализ см. а: *J. Ciechanowski.* The Warsaw Rising of 1944. Cambridge, 1974, p. 69—128.

[12] Ibid., p. 98—104. См. также: *F. Etnasi.* Op. cit., vol. 2, p. 155—188.

[13] Ibid., p. 155; *А. А. Гречко.* Указ. соч., с. 85—86.

[14] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 283—284; *J. Ciechanowski.* The Warsaw Rising, p. 205—211.

[15] О Варшавском восстанни, помимо уже цитированной работы Я. М. Цехановского (см. *J. Kirchmayer.* L'insurrezione di Varsavia. Roma, 1963), где тщательио воспроизведены факты борьбы а польской столице. Интерес представляет также документация, приведенная в приложеиии к: *З. Клишко.* Варшавское восстание (Статьи, речи, воспоминаиия, документы). М., 1969; особенно ценными являются донесения от коммунистоа, участвоваших а варшавских боях (с. 217—218). Из советских работ обращает на себя внимание: *А. Я. Манусевич.* О Варшааском восстании 1944 г. — «Новая и новейшая история», 1970, № 3. Из мемуаров участникоа можио рекомендовать: *Tadeusz Bor-Komorowski.* The Secret Army. New York, 1951.

[16] Переписка.., т. 1, с. 252—253; в этих письмах Сталина к Черчиллю аидна осведомлеииость о подлинных целях аосстания.

[17] Обвинение аысказано Миколайчиком. (*S. Mikolajczyk.* The Rape of Poland. Pattern of Soviet Agression. New York, 1948, p. 78—79). См. также: *W. Churchill.* Op. cit., vol. 6, t. 1, p. 161.

[18] *B. H. Liddell Hart.* Storia militare.., p. 817; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 284, 290; Историяя Великой Отечественной аойны Советского Союза, т. 4, с. 243—245; *J. Ciechanowski.* The Warsaw Rising, p. 250—251.

[19] Переписка.., т. 1, с. 258; *S. Mikolajczyk.* Op. cit., p. 74.

[20] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 92—95; *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 291. Это последнее свидетельство следует сравннть с другими, см. *A. Werth.* Op. cit., p. 846—848.

[21] *К. К. Рокоссовский.* Указ. соч., с. 291—293; *З. Клишко.* Указ. соч., с. 265—266.

[22] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 105—106.

[23] Правда, 20, 21 июня 1945 г. О распаде АК см. *J. Ciechanowski.* The Warsaw Rising, p. 301—302, 314; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 241; т. 5, с. 159; *А. А. Гречко.* Указ. соч., с. 109.

[24] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 318—323.

[25] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 316—318; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 325—326; Советско-чехословацкие отношения.., с. 178.

[26] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 329; *А. А. Гречко.* Указ. соч., с. 337—338.

[27] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 327—328; *А. А. Гречко.* Указ. соч., с. 335—336.

[28] Как это яастаует из работы Штеменко (см. *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 329—330).

[29] Там же, с. 228—230, 324; *К. С. Москаленко.* Указ. соч., т. 2, с. 432.

[30] Советско-чехословацкие отношения.., с. 181—189. Обращение Готвальда (указанный сборник, с. 183—186), сопроаождавшее его письмо к Молотову, отсутствует в этом сборнике, но целиком приведеио в книге И. С. Конева (*И. С. Конев.* Запнски.., с. 298—299.

[31] Там же, с. 345; *К. С. Москаленко.* Указ. соч., т. 2, с. 345, 433; Советско-чехословацкие отношения.., с. 205—206.

[32] *И. С. Конев.* Запискн.., с. 344; *К. С. Москаленко.* Указ. соч., т. 2, с. 434; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 336, 338.

[33] *Klement Gottwald.* La Cecoslovacchia verso il socialismo. Roma, 1952, p. 167—192.

[34] La liberazione della Romania, p. 132—133; *G. Zacharia et all.* Romania

1944—1947. Gli anni della rivoluzione democratico-popolare. Roma, 1972, p. 34—35; *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 112—113.

[35] La liberazione della Romania, p. 136—142.

[36] Ibid., p. 142—146.

[37] Ibid., p. 150—151; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 258.

[38] La liberazione della Romania, p. 171—179. В других разделах этого сборника содержится много полезной информации.

[39] *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 144; *Р. Я. Малиновский*. Указ. соч., с. 195.

[40] *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 150—151.

[41] Эти события воспроизведены в книге: *G. Zacharia et all*. Romania, 1944—1947, p. 80—120.

[42] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 275—276; *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 159—161. О связях между находившимся в Москве Димитровым и движением Сопротивления в Болгарии см. *Р. Т. Аблова*. Георгий Димитров и антифашистское сопротивление в Болгарии. — «Вопросы истории», 1972, № 8.

[43] О БКП см. *Nissan Oren*. Revolution administered. Agrarianism and Communism in Bulgaria. Baltimore, 1973, p. 5—42.

[44] *А. А. Гречко*. Указ. соч., с. 185—186.

[45] Эти документы см. в книге: Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. 1917—1944. М., 1976, с. 591—599.

[46] *Г. Димитров*. Избр. произв. М., 1957, т. 2, с. 25—26; *В. Д. Вознесенский*. Девятое сентября 1944 г. в Болгарии. — «Новая и новейшая история», 1974, № 3, с. 96—99.

[47] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 277; *M. Gilas*. Op. cit., p. 43.

[48] *Г. Димитров*. Избр. произв., т. 2, с. 35—36.

[49] Внешняя политика СССР, т. 2, с. 182—183. О событиях в Софии, предшествовавших объявлению войны Болгарии со стороны СССР, см. *В. Д. Вознесенский*. Заключительный этап политического кризиса в Болгарии. Апрель — 9 сентября 1944 г. — «Новая и новейшая история», 1964, № 4.

[50] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 277; *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 169—170.

[51] О восстании 9 сентября см. официальное издание: История на антифашистската борьба в България. 1939—1944. София, 1976, т. 2, с. 201—284.

[52] *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 188—189.

[53] *Г. Димитров*. Избр. произв., т. 2, с. 8—17.

[54] Многие интересные подробности этих событий см. *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 185—194; *А. А. Гречко*. Указ. соч., с. 200—204.

[55] *V. Dedijer*. Op. cit., p. 191; *M. Gilas*. Op. cit., p. 16—17.

[56] Из-под влияния этих обстоятельств не может вырваться, например, Ф. Оти (*Ph. Auty*. Op. cit., p. 287—297).

[57] То, что в основе тогдашних советско-югославских отношений лежали именно эти мотивы, подтверждается свидетельствами как с одной, так и с другой стороны (см. *Josip Broz Tito*. Autogestione e socialismo. Roma, 1974, p. 90—91; *M. Gilas*. Op. cip., p. 17—18, 21, 91; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 417, 420).

[58] Более подробно см. *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 207—209.

[59] Там же, с. 203—204; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 421; *V. Dedijer*. Op. cit., p. 209; воспоминания Тито см. Revue de politique internationale, № 603, 20 maggio 1975, p. 22; № 642, 5 gennaio 1977, p. 20.

[60] *Veliko Vlahovič*. Thèses sur la question nationale macédonienne. — "Revue de politique internationale", № 604, 5 giugno 1975, p. 13—14, 17—18; *S. Clissold*. Op. cit., p. 153—154; *M. Gilas*. Op. cit., p. 41—42.

[61] *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 213—214; *J. Tito*. Op. cit. — In: "Revue de politique internationale", № 642, p. 23.

[62] История КПСС, т. 5, ч. 1, с. 579; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 438.

[63] Там же, с. 375, 378—379.

[64] *А. И. Пушкаш*. Антифашистские силы Венгрии в борьбе за освобождение страны. Сентябрь 1944 г. — апрель 1945 г. — «Вопросы истории», 1965, № 3, с. 67—68.

[65] *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 2, с. 246—248.

[66] Там же, с. 251—254; *Р. Я. Малиновский*. Будапешт, Вена, Прага. Историко-мемуарный труд. М., 1965, с. 81—83.

[67] Внешняя политика СССР, т. 3, с. 75—85.

[68] *F. Feito*. Op. cit., p. 193—195.

[69] Это критическое осмысление опыта Венгерской революции 1919 г. является традиционным для коммунистического движения. Его истоки восходят к II конгрессу Коммунистического Интернационала. Сорок лет спустя мы встречаем его у Тольятти (см. *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale. 1956—1961. Roma, 1962, p. 313).

XIII. Ялта и сферы влияния

[1] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 286; *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 1, с. 301; *H. Feis*. Op. cit., p. 302; *Adam B. Ulam*. Storia della politica estera sovietica. 1917—1967. Milano, 1970, p. 508—509.

[2] *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952, с. 148.

[3] Переписка.., т. 1, с. 240—245, 265, 278—279, 287—293.

[4] *H. Feis*. Op. cit., p. 479—483; *D. S. Clemens*. Op. cit., p. 95—100.

[5] Переписка.., т. 1, с. 298—299; *И. С. Конев*. Сорок пятый. М., 1966, с. 14—15.

[6] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 25—26; *В. Л. Исраэлян*. Указ. соч., с. 273. Западные союзники знали, что соотношение было именно таково, см. *H. Feis*. Op. cit., p. 396.

[7] *H. Feis*. Op. cit., p. 462—465; FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Washington. 1955, p. 396; Finale. A. Retrospective Review of Imperialist Japan's Defeat in 1945. M., 1972, p. 24—25.

[8] FRUS, Malta and Yalta, p. 383—384; *H. Feis*. Op. cit., p. 501—504.

[9] *J. Ciechanowski*. The Warsaw Rising, p. 20; *S. Mikolajszyk*. Op. cit., p. 97, 275.

[10] *W. L. Shirer*. Op. cit., p. 1175, 1180, 1186; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 356.

[11] *W. A. Harriman, E. Abel*. Op. cit., p. 367; FRUS, 1944, vol. 4, p. 1012.

[12] Подробный анализ американских концепций см. *Gabriel Kolko*. The Politics of War. Allied Diplomacy and the World Crisis of 1943—1945. London, 1969, p. 242—340. Об истоках американских позиций см. *W. Appleman Williams*. Storia degli Stati Uniti. Bari, 1968, vol. 2, p. 539—571.

[13] *W. Churchill*. Op. cit., vol. 5, t. 2, p. 395; *D. S. Clemens*. Op. cit., p. 88.

[14] Правда, 2 февраля 1944 г.

[15] *G. Boffa*. Op. cit., vol. 1, p. 205—209.

[16] Переписка.., т. 2, с. 157; FRUS, Malta and Yalta, p. 736.

[17] FRUS, 1944, vol. 4, p. 809—813, 825.

[18] Высказав это убеждение уже в Тегеране, Сталин не раз возвращался к этой теме и в дальнейшем: *И. Сталин*. Указ. соч., с. 166; *M. Gilas*. Op. cit., p. 121.

[19] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 163—165.

[20] Оценки того периода см. *W. A. Harriman, E. Abel*. Op. cit., p. 287—288; анализ с позиций сегодняшнего дня см. *A. Gambino*. Le conseguenze della Seconda guerra mondiale. L'Europa da Yalta a Praga. Bari, 1972, p. 67—69.

[21] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1959, с. 360—361, 368; *W. A. Harriman, E. Abel*. Op. cit., p. 283; Da Teheran a Yalta, p. 187.

[22] FRUS, 1944, vol. 4, p. 806—807, 843—854.

[23] FRUS, Malta and Yalta. p. 844; Da Teheran a Yalta, p. 161.

[24] *H. Feis*. Op. cit., p. 425.

[25] *G. Kolko*. Op. cit., p. 37—42. Некоторые документы о деятельности Европейской консультативной комиссии были опубликованы в Советском Союзе в журнале «Международная жизнь» (1968, № 4, 5, 6, 7).

[26] Переписка.., т. 1, с. 271.

[27] Советско-французские отношения.., с. 336—385.

[28] *A. Solaro*. Storia del Partito comunista greco. Milano, 1973, p. 122. Адресованную греческим коммунистам телеграмму Г. Димитрова от 16 декабря 1944 г. см. Документы КПГ, т. 5 (издание Компартии Греции (внутренней), на греческом языке).

[29] *И. Земсков*. О так называемом «разделе» Югославии на «сферы влияния». — «Международная жизнь», 1958. № 8, с. 73—75; *Н. Н. Яковлев*. Против антинаучных

упражнений С. Костича. — «Вопросы истории», 1967, № 9, с. 58—59; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 431—433.

[30] *W. A. Harriman, E. Abel.* Op. cit., p. 357—358.

[31] FRUS, Malta and Yalta. p. 781—782, 791—792.

[32] *M. Gilas.* Op. cit., p. 121.

[33] Эти перипетии подробно воспроизведены в книге: *Edward I. Rozek.* Allied Wartime Diplomacy. A. Pattern in Poland. New York, 1958. Более сжатое, но яркое изложение см. *J. Ciechanowski.* The Warsaw Rising, p. 1—68; *D. S. Clemens.* Op. cit., p. 7—29.

[34] Da Teheran a Yalta, p. 131—132; FRUS, Malta and Yalta, p. 669.

[35] *S. Mikolajczyk.* Op. cit., p. 97—99; *W. A. Harriman, E. Abel.* Op. cit., p. 315—334.

[36] Переписка.., т. 2, с. 173, 178—182.

[37] См. свидетельство: *F. W. Deakin.* La montagna più alta. L'epopea dell'esercito partigiano jugoslavo. Torino, 1972.

[38] *G. Kolko.* Op. cit., p. 133—134.

[39] См. письмо академика Державина в журнале «Война и рабочий класс» (1944, № 8, с. 22) и ответ проф. Коровина (там же, № 9, с. 22).

[40] *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 422—423.

[41] Переписка.., т. 1, с. 300—306. Текст соглашения см. FRUS, Malta and Yalta, p. 251—254.

[42] Переписка.., т. 2, с. 157—158; *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 557.

[43] *V. Berežkov.* Interprete di Stalin, p. 400—401.

[44] Переписка.., т. 2, с. 158—159.

[45] Советско-французские отношения.., с. 378; *И. Сталин.* Указ. соч., с. 166.

[46] *H. Feis.* Op. cit., p. 365—372.

[47] Свидетельства И. Эренбурга см. Война и рабочий класс, 1944, № 6, с. 12, Оскара Ланге — см. в: FRUS, 1944, vol. 4, p. 872.

[48] FRUS, 1943, vol. 3, p. 710—714; FRUS, 1944, vol. 4, p. 885, 967—968, 973—975, 1032—1035, 1054—1055.

[49] FRUS, 1945, vol. 4, p. 947—949; *W. A. Harriman, E. Abel.* Op. cit., p. 384—387.

[50] Ibid., p. 387; FRUS, Malta and Yalta, p. 610.

[51] Переписка.., т. 2, с. 149—150; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 72.

[52] Переписка.., т. 2, с. 161.

[53] FRUS, Malta and Yalta, p. 713.

[54] Ibid., p. 612, 624; Da Teheran a Yalta, p. 100.

[55] FRUS, Malta and Yalta, p. 622, 623; Da Teheran a Yalta, p. 111.

[56] Документы, охватывающие всю совокупность решений, принятых в Ялте, находятся в: FRUS, Malta and Yalta, p. 966—984; Da Teheran a Yalta, p. 182—196.

[57] Американские оценки по этому вопросу см. *D. S. Clemens.* Op. cit., p. 325—326.

[58] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 250.

[59] FRUS, Malta and Yalta, p. 717; Da Teheran a Yalta, p. 144.

[60] См. Внешняя политика СССР, т. 3, с. 174—178.

[61] См. там же, с. 196—201; Переписка.., т. 1, с. 318—320, 328—330, 334—336.

[62] *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 480; *L. Woodward.* Op. cit., p. 254—257; *R. F. Sherwood.* Op. cit., vol. 2, p. 530.

[63] История внешней политики СССР, т. 1, с. 434—435; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 5, с. 128—129.

[64] *D. S. Clemens.* Op. cit., p. 326—327.

[65] *В. Л. Исраэлян.* Указ. соч., с. 515—519.

[66] Наиболее типичный образец такой оценки см. *V. Berežkov.* Interprete di Stalin, p. 340. Более осторожную оценку высказывает Н. Н. Яковлев, см. его статью: Ф. Рузвельт — сторонник сотрудничества с Советским Союзом. — «Вопросы истории», 1972, № 12, с. 89—91.

[67] FRUS, 1945, vol. 4, p. 253—258.

XIV. Победа и ее теневые стороны

[1] *W. Churchill.* Op. cit., vol. 6, t. 2, p. 141.

[2] *B. H. Liddell Hart.* Storia militare della Seconda guerra mondiale, p. 935; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 319—320.

[3] *E. Kuby.* Op. cit., p. 43, 52—53; (противоположиый вывод складывается при чтении звключительиых страииц цитированной работы У. Л. Ширерв). Интересио сопоставить это с оцеиками историка из Азии: см. *Saito Takashi.* La fin de la deuxième guerre mondiale dans les puissances de l'Axe. Essai de Theorie comparative. — "Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale", Janvier, 1979, № 89, p. 81—87.

[4] *W. Churchill.* Op. cit., vol. 6, p. 125—127, 141—142, 151.

[5] Переписка.., т. 2, с. 196—199, 202—209, 211—212. Об истории с переговорами в Швейцарии см. *H. Feis.* Op. cit., p. 583—596.

[6] То, что оии руководствовались имеиио даииыми разведки, явствует из киигн Г. К. Жукова (*Г. К. Жуков.* цит. соч., т. 2, с. 322—323).

[7] *И. С. Конев.* Сорок пятый, с. 88; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 1, с. 319—320.

[8] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 320—321; История Великой Отечествеииой войны Советского Союза, т. 5, с. 257; The Papers of Dwight D. E. Eisenhower. The War Years. Baltimore — London, 1970, vol. 4, p. 2363, 2394; *W. A. Harriman, E. Abel.* Op. cit., p. 434—435.

[9] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 318—320; *H. Feis.* Op. cit., p. 609—610.

[10] *И. С. Конев.* Сорок пятый, с. 95. См. также эпизод, о котором рассказаио в книге Штемеико: *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 418.

[11] Правда, 25 ноября 1944 г.; *V. Cuikov.* Obiettivo Berlino, p. 182.

[12] Правда, 1 марта 1945 г.

[13] Правда, 14 апреля 1945 г.

[14] Об этом эпизоде см. *И. Эренбург.* Указ. соч., т. 9, с. 441—443.

[15] *А. М. Василевский.* Указ. соч., с. 502; *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 326.

[16] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 1, с. 317—320; *И. С. Конев.* Сорок пятый, с. 92.

[17] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 383.

[18] *V. Cuikov.* Obiettivo Berlino, p. 137—140; История Великой Отечествеииой войны Советского Союза, т. 5, с. 256—257.

[19] Интересио иа этот счет свидетельство В. И. Чуйкова (*V. Cuikov.* Op. cit., p. 143—144).

[20] Драматические переговоры с Кребсом тщательиейшим обрвзом воспроизведеиы в книге В. И. Чуйкова (*V. Cuikov.* Op. cit., p. 218—231]. Ср. *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 364—367.

[21] *И. С. Конев.* Сорок пятый, с. 209; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 424.

[22] *И. С. Конев.* Сорок пятый, с. 221—222; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 428—429.

[23] *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, 446—449. Что касается участия отдельных подразделений власовцев в Пражском восстании, то уже цитировавшиеся работы Г. Фишера (*G. Fisher.* Op. cit., p. 100—102) и Дж. Торвальда (*J. Thorwald.* Op. cit., p. 288—289), даже будучи иаписаиы с сочувствеииых к иим позиций, приводят цифры иамиого меиьшие, чем те, которыми оперирует А. Солжеиицыи (*A. Solzenicyn.* Op. cit., vol. 1, p. 264).

[24] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 369—374; *С. М. Штеменко.* Указ. соч., т. 2, с. 431—434. 440—444.

[25] *И. Эренбург.* Указ. соч., т. 9, с. 451.

[26] Правда, 27, 28 июня 1945 г.

[27] Интересеи пример полемики с америкаиским публицистом Уолтером Липпманом, который получил возможиость изложить иа страиицах советской печати свое миеиие о «западиом блоке». См. Правда, 20 апреля 1945 г.

[28] *R. E. Sherwood.* Op. cit., vol. 2, p. 516 (протоколы переговоров: Ibid., p. 514—539).

[29] Советские протоколы опубликоваиы в: Междуиародная жизнь, 1965, № 10, 12; 1966, № 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9. Самые полиые америкаиские докумеиты см. FRUS, 1945: The Conference of Berlin. Washington, 1960, vol. 2, p. 31—606.

[30] *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 399—404.

[31] Там же, с. 399, 407—408.

[32] Междуиародная жизиь, 1966, № 9, с. 182—184.

[33] Там же, с. 185.

[34] Там же, 1966, № 7, с. 149—153; № 8, с. 154—157.

[35] *W. Churchill.* Op. cit., vol. 6, t. 2, p. 256.

[36] FRUS, The Conference of Berlin, vol. 1, p. 829—840. См. интересную работу об этом: *Л. Я. Джибянский*. Потсдам и Югославия. — «Новая и новейшая история», 1970, № 4.

[37] FRUS, The Conference of Berlin, vol. 2, p. 122—130; Международная жизнь, 1965, № 12, с. 142—145.

[38] FRUS, The Conference of Berlin, vol. 2, p. 150—155, 698, 1044.

[39] Международная жизнь, 1966, № 9, с. 187.

[40] Там же, с. 181—182.

[41] Там же, с. 192.

[42] FRUS, The Conference of Berlin, vol. 2, p. 1360—1370; *H. Feis*. The Atomic Bomb and the End of World War II. Princeton, 1966, p. 72, 84.

[43] FRUS, The Conference of Berlin, vol. 2, p. 225.

[44] *H. S. Truman*. Memorie. Milano, 1956, vol. 1, p. 525; FRUS, The Conference of Berlin, vol. 2, p. 378—379.

[45] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 2, с. 418.

[46] *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 1, с. 347—348.

[47] *P. M. S. Blackett*. Conseguenze politiche e militari dell'energia atomica, Torino, 1949, p. 189.

[48] *W. Churchill*. Op. cit., vol. 6, t. 2, p. 318—320; *D. F. Fleming*. The Cold War and its Origins. 1917—1960. New York, 1961, vol. 1, p. 309—310.

[49] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 518; Finale, p. 31—32.

[50] Finale, p. 39—51, 55—64.

[51] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 504—505, 510; *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 1, с. 324, 327—328.

[52] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 503—504.

[53] Внешняя политика СССР, т. 3, с. 457—476.

[54] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 5, с. 536—538; FRUS, The Conference of Berlin, vol. 1, p. 873—883.

[55] FRUS, The Conference of Berlin, vol. 2, p. 1587—1588.

[56] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 513.

[57] Там же, с. 510.

[58] *С. М. Штеменко*. Указ. соч., т. 1, с. 351—352.

[59] *А. М. Василевский*. Указ. соч., с. 520—525.

[60] Переписка.., т. 2, с. 257—267; *H. S. Truman*. Op. cit., vol. 1, p. 542—544, 553—558.

[61] *И. Сталин*. Указ. соч., с. 205.

Книга шестая
«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

I. Опустошенная страна

[1] По нашему мнению, наиболее полным является исследование, содержащееся в первом из трех томов работы: Международные отношения после второй мировой войны. М., 1962, т. 1. Этот труд подготовлен большой исследовательской группой сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР во главе с Н. Н. Иноземцевым. Среди работ, написанных несоветскими авторами, можно выделить: Des victoires de Hitler au triomphe de la démocratie et du socialisme. Origines et bilan de la deuxième guerre mondiale (1939—1945). Compte rendu des travaux du collogue scientifique organisé par l'Institut Maurice Tohrez (Paris, 17, 18, 19 octobre 1969). Paris, 1970.

[2] Международные отношения после второй мировой войны, т. 1, с. 36; *Б. Ц. Урланис*. Людские потери в войнах. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 43—44, 49.

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1961, т. 6, с. 8.

[4] *И. В. Сталин*. Соч.* Стэнфорд, 1967, т. 16, с. 13.

---

* Цитируется по американскому изданию 14-го, 15-го, 16-го томов Сочинений И. В. Сталина (на русском языке). — *Прим. ред.*

[5] *Mao Tse-tung*. Su Stalin e sull 'URSS. Scritti sulla costruzione del socialismo. 1958—1961. Torino, 1975, p. 48. (далее: *Mao Tse-tung*. Su Stalin e sull 'URSS).
[6] Международные отношения после второй мировой войны, т. 1, с. 73.
[7] Там же, с. 75.
[8] Там же, с. 87—88.
[9] *Дж. Боффа*. История Советского Союза. М., 1990, т. 1.
[10] История внешней политики СССР, 1945—1970. М., 1976, т. 2, с. 38—40; *James F. Byrnes*. Speaking Frankly. London, 1948, p. 94—95.
[11] Заседания Верховного Совета СССР 12—19 марта 1946 г. Стенографический отчет. М., 1946, с. 85—86, 345—346. Изменение официального наименования вооруженных сил не было осуществлено публичным решением: просто в августе 1946 г. был введен в практику новый термин.
[12] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 56.
[13] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 6, с. 30.
[14] *Г. К. Жуков*. Воспоминания и размышления. М., 1975, т. 2, с. 385; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 годах. М., 1972, с. 15 (далее: *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства...); Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18—21 декабря 1962 г. М., 1964, с. 12 (далее: Всесоюзное совещание историков...).
[15] *Б. Ц. Урланис*. Указ. соч., с. 47; *Jean Ellenstein*. Histoire de l'URSS, v. 3, L'URSS en guerre. 1939—1946. Paris, 1974, p. 222—223; *H. Salisbury*, 1 900 giorni. L'assedo di Leningrado. Milano, 1969, p. 486.
[16] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6, с. 30—32; *Б. Ц. Урланис*. Указ. соч., с. 48.
[17] Итоги всесоюзной переписи населения, с. 50—51; Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966, с. 7.
[18] По этому вопросу см. полемику Сталина с английским премьером Эттли (*И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 173—175). См. также *A. Werth*. L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948. Torino, 1973, p. 59.
[19] Более полное изложение вопроса см. *В. Н. Донченко*. Демобилизация Советской Армии и решение проблем кадров в первые послевоенные годы. — «История СССР», 1970, № 3.
[20] *Н. А. Антипенко*. От капитуляции Германии до Потсдама. Из записок начальника тыла фронта. — «Вопросы истории», 1966, № 9, с. 115.
[21] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 6, с. 45; *А. Левский*. Восстановление деревень Белоруссии в послевоенные годы. — «Вопросы истории», 1975, № 4, с. 50.
[22] Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 182. Утверждение о том, что промышленный потенциал был несколько ниже, чем в 1940 г., подтверждается публикацией «Промышленность СССР» (1964, с. 35).
[23] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 12; Итоги всесоюзной переписи населения, с. 13.
[24] Такое мнение высказывается в работе: *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства... с. 26—27. Непосредственно о кризисе см. там же, с. 20—28; а также: *И. М. Волков*. Колхозная деревня в первый послевоенный год. — «Вопросы истории», 1966, № 1, с. 15—32. *Ю. В. Арутюнян*. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970, с. 322—327.
[25] *Claude Julien*. L'Impero americano. Milano, 1969, p. 222—226. То, что в СССР уже тогда видели эту разницу, вытекает из данных, приводимых в работе: *Е. Варга*. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М., 1946, с. 120—122.
[26] Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период, М., 1965, с. 150—151, 219, 221; *А. Н. Малафеев*. История ценообразования в СССР. 1917—1963. М., 1964, с. 240.
[27] Данные сравни по работе *Е. Варга*. Указ. соч., с. 130—134; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 24, 245.
[28] Международные отношения после второй мировой войны, т. 1, с. 315.
[29] *А. А. Гречко*. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971, с. 130, 178—179, 205, 237, 301—302.

[30] *Robert E. Sherwood.* La seconda guerra mondiale nei documenti segreti della Casa Bianca. Milano, 1949, v. 2, p. 520—521.

[31] *D. F. Fleming.* The cold War and its Origins 1917—1962. New York, 1961, v. 1, p. 323.

[32] По данным аспектам проблемы американской монополии см. *Н. Н. Иноземцев.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, с. 465.

[33] Помимо работы Флеминга, см. *André Fontaine.* Histoire de la guerre froide. Paris, 1965.

[34] *William Appleman Williams.* The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1972, p. 207—208.

[35] Le Monde, 11 auguste 1945; *W. A. Harriman and E. Abel.* Special Envoy to Churchill and Stalin. New York, 1975, p. 447—450, 543.

[36] Ibid., p. 533.

[37] *William Appleman Williams.* The Tragedy of American Diplomacy, p. 207—208.

[38] *Barbara W. Tuchman.* If Mao Had Come to Washington: An Essay in Alternatives. — «Foreign Affairs» v. 51, № 1, October 1972.

[39] *Evelyn Colbert.* The Road Not Taken: Decolonization and Independence in Indonesia and Indochina. — «Foreign Affairs», v. 51, № 3, April 1973.

[40] Полный текст речи воспроизведен в работе: *Joseph P. Morray.* Storia della guerra fredda. Da Yalta al disarmo. Roma, 1962, p. 62—70.

[41] *D. H. Fleming.* Op. cit., v. 1, p. 281—285, 334—336.

[42] Ibid., p. 353—354; *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 101—102.

[43] Большая часть доступных документов относительно этого вопроса сосредоточена в книге: Пограничные войска. Май 1945—1950. М., 1975, с. 22—45, 208—245, 246—512. Однако эти весьма интересные документы относятся только к действиям пограничных войск, тогда как основная тяжесть борьбы с геррильей легла на подразделения войск Министерства внутренних дел.

[44] Помимо документов, цитируемых в предыдущем примечании, см. *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948; p. 26, 97.

[45] *И. М. Волков.* Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 18.

[46] *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 90. По поводу довоенной полемики см. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

[47] *Федор Абрамов.* Две зимы и три лета. — «Новый мир», 1968, № 1, с. 67.

[48] *Ilja Ehrenburg.* Uomini, anni, vita. Roma, 1963, v. 5; *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 90; *Dante Corneli.* Il redivivo tiburtino. 24 anni di deportazione in URSS. Milano, 1977, p. 119.

[49] *Р. А. Медведев.* К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974, с. 975—976; *D. Corneli.* Op. cit., p. 139—140; *A. Solženicyn.* Archipelag Gulag, 1918—1956. Paris, 1974, v. 2, p. 309—311. (Случай, когда автора письма к другу, посмевшего в нем критиковать Сталина, арестовали, показателен для характеристики духа всей эпохи.) Аналогичная история рассказывается в работе: *Pierre Broué.* Storia del partito comunista dell'URSS. Milano, 1966, p. 522.

[50] *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

[51] *М. И. Семиряга.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970.

[52] *Ilja Ehrenburg.* Op. cit., v. 5, p. 218; *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 24—25.

[53] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 6, с. 105, 359.

[54] Единственное упоминание о судьбе сына Сталина в советских работах содержится в книге: *Г. К. Жуков.* Указ. соч., т. 2, с. 316. Отношение Сталина к этому событию можно также выяснить при сравнении данной работы с тем, что рассказано в книге: *Svetlana Alliluieva.* Venti lettere a un amico. Milano, 1967, p. 198—206.

[55] *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 10—16; Per conoscere Stalin, p. 393—401.

[56] *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 76.

[57] *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 19—20; Per conoscere Stalin, p. 402—403.

[58] FRUS, 1944, v. 4, p. 974. По поводу тех подозрений, с какими эта речь была принята за рубежом, см. *D. H. Fleming.* Op. cit., v. 1, p. 348.

[59] Данные сравни в работе: *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

[60] *И. М. Волков.* Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 125—127; *И. М. Волков.* Колхозиая деревня в первый послевоенный год, с. 23—27.

[61] *Ю. В. Арутюнян.* Указ. соч., с. 307.

[62] *G. Kolko.* The Politics of War. Allied-Diplomacy and the World Crisis of 1943—1945. London, 1969, p. 501.

[63] Правда, 16 сентября 1946 г.; *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1946, p. 176—177.

[64] *Н. С. Хрущев.* Стронтельство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1964, т. 8, с. 265 (далее: *Н. С. Хрущев.* Строительство коммуннзма в СССР...); *И. М. Волков.* Колхозная деревня в первый послевоенный год, с. 26—27. Автор использует по отношению к тем, кто умер от голода, эвфемнзм: «смерть от дистрофнн».

[65] См. выступленне Зверева в книге «Заседания Верховного Совета СССР... 20—25 февраля 1947 г.». М., 1947, с. 15. Выступленне Громыко в ООН в книге: Внешняя политика Советского Союза, 1946. М., 1952, с. 441—442.

[66] *И. М. Волков.* Колхозная деревня в первый послевоенный год, с. 19—20.

[67] *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 38.

II. Европа, расколотая надвое

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 35—36.

[2] Там же, с. 37—41.

[3] См., например, *W. A. Williams.* The Tragedy of American Diplomacy, p. 214—215; *A. Werth.* La Russia in guerra. Milano, 1966, p. 903.

[4] FRUS, 1946, v. 6, p. 763—765; Washington Post, 21, 22, 23, 24, 25 January 1952; *W. A. Harriman and E. Abel.* Op. cit., p. 518; *A. Werth.* La Russia in guerra, p. 903—904; *Ilja Ehrenburg.* Op. cit., v. 6, p. 289—293.

[5] Khrushchev Remembers. The Last Testament. Boston, 1974, p. 351 (далее: Khrushchev Remembers). Это второй том так называемых воспоминанний Хрущева, опублнкованных в Амернке, которые никогда не выходили в свет в СССР. Подлинность текста отрицалась в свое время самим Хрущевым, который направил по этому поводу письмо, опублнкованное в «Известиях» (17 ноября 1970 г.). Магнитофонные ленты, на которых зафиксированы эти воспоминания, до сих пор хранятся в Русском нституте Колумбнйского уннверситета. Различные эксперты признавали подлиность записи. См. Le Monde, 28—29 avrile 1974. До сих пор нами цитировался итальянский текст первого тома воспоминаний Хрущева, который переведен на итальянский язык. Мы приводим в нашей работе знаменитый «секретный доклад» на XX съезде КПСС, который был опубликоваи в качестве приложення к этому нзданию. Здесь и далее мы обращаемся н к другим частям воспомнианий, приводя их по амернканскому изданию, но делаем это с большой осторожностью, прнводим прежде всего в тех случаях, когда содержащаяся в ннх информация находит подтверждение в другнх источннках или заявленнях, прямо и несомненно принадлежащнх Хрущеву.

[6] *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 78.

[7] *W. A. Harriman and E. Abel.* Op. cit., p. 514—515.

[8] *И. Н. Головин.* И. В. Курчатов. М., 1967, с. 48; *В. М. Кайкман.* Крах атомной монополии США. — «Новая н новейшая история», 1968, № 1, с. 31.

[9] *И. Н. Головин.* Указ. соч., с. 58—59; *В. Емельянов.* О временн, о товарищах, о себе. Записки ннженера. — «Новый мир», 1967, № 2, с. 139—141; *М. И. Хлусов.* Развитие советской индустрин, 1946—1958. М., 1977, с. 267.

[10] Khrushchev Remembers, v. 2, p. 355.

[11] *H. S. Truman.* Memorie. Milano, 1956, v. 1, p. 690.

[12] Переписка Председателя Совета Миинстров СССР с Презндентамн США н Премьер-мнннстрамн Велнкобрнтанни во время Велнкой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1957, т. 2, с. 198, 202; *R. E. Sherwood.* Op. cit., v. 2, p. 520—525.

[13] *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 102—104.

[14] Позднее они былн сочтены излишними: Khrushchev Remembers, v. 2, p. 295—297; *R. H. Dekmejian.* Soviet-Turkish Relations and Politics in the Armenian SSR. — «Soviet Studies», v. 19, № 4, April 1968, p. 511—512.

[15] Подробная реконструкция этих эпизодов см. *A. Fontaine.* Op. cit., v. 1, p. 330—341.

[16] Этот текст см. Внешияя полнтика Советского Союза. 1947. М., 1952, т. 1, с. 64—360.

[17] Внешняя полнтика Советского Союза. 1946 с. 443—456, 519—526; *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 60.

[18] Ср. с анализом, прнведенном в: *А. В. Ulam.* Storia della politica estera sovietica, p. 586—587.

[19] *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 56.

[20] История внешией политикн СССР, т. 2, с. 99. По поводу поведення Сталнна в ходе прнватных бесед см. *W. A. Harriman and E. Abel.* Op. cit., p. 526; *M. Gilas.* Conversazioni con Stalin. Milano, 1962, p. 157—158.

[21] Об этих тенденциях см. *D. F. Fleming.* Op. cit., p. 318—320. О советской реакции см. Правда, 15 сентября 1947 г.

[22] О советской критике «плана Баруха» см. История внешней полнтнки СССР, т. 2, с. 92—93.

[23] Внешияя политика Советского Союза, 1946, с. 423—429, 481—490, 496—500, 630—637. Общий аналнз содержаиия днскусснй по спорным вопросам содержнтся в: *D. F. Fleming.* Op. cit., v. 1, p. 363—415; *J. P. Morray.* Op. cit., p. 87—136.

[24] *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 53—54, 68—69. Тексты всех трех интервью полностью см. там же, с. 53—63, 65—70.

[25] История внешней полнтики СССР, т. 2, с. 75—77. Здесь цитнруются интересные архнвиые нсточиики.

[26] Документы, отражающие советскую познцию на конференцин, прнводятся в книге: Внешняя политика Советского Союза, 1947, т. 1, с. 389—534.

[27] *V. Molotov.* Questions de politique exterieure. Discours et déclarations. April 1945—juin 1948 Moscou, 1949, p. 453—454; *A. Fontaine.* Op. cit., v. 1, p. 374.

[28] *J. F. Byrnes.* Op. cit., p. 181.

[29] *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 213—214; Внешняя политика Советского Союза, 1947, т. 1, с. 462; *V. Molotov.* Op. cit., p. 466; История виешией полнтикн СССР, т. 2, с. 79—80.

[30] *J. F. Byrnes.* Op. cit., p. 190—192.

[31] *H. S. Truman.* Memorie, v. 2, p. 133.

[32] *Herbert Feis.* From Trust to Terror. The Onset of the Cold War. 1945—1950. New York, 1970, p. 195—196 (далее: *H. Feis.* From Trust to Terror...)

[33] Relazioni Internazionali, 22 marzo 1947.

[34] *D. F. Fleming.* Op. cit., v. 1, p. 436—437.

[35] Ibid., p. 446—447; *A. B. Ulam.* Storia della politica estera sovietica, p. 614.

[36] Правда, 15 марта 1947 г.

[37] *Walter Bedell Smith.* My Three Years in Moscow. New York, 1950, p. 221—222;

[38] *A. Werth.* L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 56; *H. Feis.* From Trust to Terror.., p. 74—75.

[39] *W. A. Harriman and E. Abel.* Op. cit., p. 385—386; 447—450, 460.

[40] Ibid., p. 533—534; *И. В. Сталин.* Соч., т. 16, с. 69—70.

[41] Недовольство советского руководства тем, что СССР не смог получнть кредиты, иашло отражеиие н в ряде официальных выступленнй, как это было в случае с речью, которая была произиесеиа Малеиковым иа совещаиии, созваииом для создания Комииформа: Pour une paix durable, pour une démocratie populaire, 1 decembre 1947; Khrushchev Remembers, v. 2, p. 352.

[42] См. текст речн Молотова: Правда, 28 августа 1946 г.

[43] Сравии: История виешией политики СССР, т. 2, с. 45; *V. Molotov.* Op. cit., p. 467.

[44] *Lucius D. Clay.* Decision in Germany. New York, 1950, p. 120.

[45] *V. Molotov.* Op. cit., p. 545.

[46] Ibid., p. 410—411.

[47] Temps nouveaux, 1947, № 26, p. 1—3.

[48] *V. Molotov.* Op. cit., p. 471—475.

[49] Правда, 6 июля 1947 г.

[50] *V. Molotov.* Op. cit., p. 477—482.

[51] *Francis Williams.* A Prime Minister Remembers. London, 1961, p. 173; *D. F. Fle-*

ming. Op. cit., v. 1, p. 481; *A. Ulam*. Storia della politica estera sovietica, p. 615—616.

[52] *H. S. Truman*. Memorie, v. 2, p. 139—142; *George F. Kennan*. Memoirs 1925—1950, p. 342.

[53] *D. F. Fleming*. Op. cit., v. 1, p. 477—478.

[54] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 85—90.

[55] *G. F. Kennan*. Op. cit., p. 364—367; *A. Fontaine*. Op. cit., v. 1, p. 388. Судить о влиятельности в этот период Кеннана как эксперта по СССР можно по тексту «пространной телеграммы», посланной им в Вашингтон во время пребывания в Москве в качестве посла (FRUS, 1946, v. 6, p. 696—709), и по реакции на нее в правящих кругах США. *G. F. Kennan*. Op. cit., p. 294—295; *W. A. Harriman and E. Abel*. Op. cit., p. 547—548.

[56] Foreign Affairs, v. 25, July 1947, p. 581—582.

[57] То большое значение, какое данные соображения имели для принятия советским руководством его решения, было довольно откровенно признано Ждановым в речи на совещании, созванном с целью создания Коминформа, см. *Andrei Zdanov*. Politica e ideologia. Roma, 1949, p. 45—46.

[58] Правда, 11 июля 1947 г.

[59] *A. Werth*. L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 242—254. Помимо широкого круга надежных документальных свидетельств автором дается на этих страницах критический анализ источников, освещающих этот вопрос. См. также *Зденек Фирлингер*. Правда об отношении Чехословакии к «плану Маршалла». 1947 г. — «Новая и новейшая история», 1963, № 1, с. 60—66; *Karel Kaplan*. Il piano di Stalin. — "Panorama", 26 aprile 1977, p. 179—181.

[60] Блестящую форму удалось придать этой идее автору ряда статей, которые затем вошли в сборник: *Walter Lippmann*. The Cold War. A Study in US Foreign Policy. New York, 1947.

[61] Весь комплекс юридических и политических аргументов, которыми Советский Союз всегда стремился обосновать свою позицию, изложен в работе фундаментального характера: *М. И. Орлов, И. Ю. Андросов*. Проблема Западного Берлина в международных отношениях. 1945—1975 гг. — «Вопросы истории», 1977, № 8, с. 61—105.

[62] Ставки в игре были совершенно ясны и для американцев, см. *W. Bedel Smith*. Op. cit., p. 253.

[63] История внешней политики СССР, т. 2, с. 84.

[64] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 106—107; *М. И. Орлов, И. Ю. Андросов*. Проблема Западного Берлина в международных отношениях. 1945—1975 гг., с. 83.

[65] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 108—109.

[66] Текст соглашения приводится в: История внешней политики СССР, т. 2, с. 85.

[67] Внешняя политика Советского Союза. 1949. М., 1953, с. 46—71, 88—94. На основе этих двух документов Советское правительство определило свое отношение к Атлантическому пакту.

III. Национальные пути к социализму

[1] *A. B. Ulam*. Op. cit., p. 574—575, 623.

[2] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 42—43.

[3] *Luigi Longo*. Opinione sulla Cina. Dalle polemiche sul revisionismo al dopo-Mao. Milano, 1973, p. 196. Когда эта книга была еще в рукописи, Лонго в разговоре с автором дополнил свое сообщение.

[4] Это заявление, которое делалось несколько раз в послевоенные годы, воспроизводило знаменитую декларацию М. Тореза, с которой он выступил в 1936 г. См. *Loris Gallico*. Storia del partito comunista francese. Milano, 1973, p. 128, 232—233.

[5] *J. R. Starobin*. American Communism Crisis. 1943—1957, p. 73—75. По вопросу о внутрипартийных дебатах в Компартии США см. *J. R. Starobin*. Op. cit., p. 51—71.

[6] *J. R. Starobin*. Op. cit., p. 78—83. Речь идет о статье: *Jacques Duclos*. A propos de la dissolution du P. C. A. — "Cahiers du communisme", 1945, № 6.

[7] *P. Spriano*. Storia del Partito comunista italiano. Torino, v. 5, p. 386—391; *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale, p. 258—259. Недвусмыслен-

ные оговорки по поводу данной формулировки делались в Москве в беседах с автором данной книги еще и в середине 60-х гг.

[8] *A. Solaro*. Storia del Partito comunista greco. Milano, 1973, p. 133—134. Те же утверждения можно найти в: Протоколы VII пленума ЦК Компартии Греции (14—18 мая 1950 г.), составленом для внутреннего пользования, с. 17, 26—28, 48.

[9] *M. Gilas*. Op. cit., p. 137, 186, 187.

[10] Данное различие будет проведено в последний раз Ждановым в его речи на совещании, созванном для создания Коминформа. См. *A. Zdanov*. Op. cit., p. 34.

[11] Помимо уже вышедших из печати исследований, касающихся данного вопроса, для оценки хода развития экономики восточноевропейских стран нами использованы материалы еще не опубликованной работы, которые были предоставлены любезно ее автором: *Wlodzimierz Brus*. Post-War Reconstruction and Socio-economic Transformation in Eastern Europe. Oxford.

[12] *Antonio Gambino*. Le conseguenze della seconda guerra mondiale. L'Europa da Yalta a Praga. Bari, 1972, p. 81.

[13] Интересные моменты отмечены в исследовании: *В. С. Парсаданов*. Политическая борьба в крестьянском движении Польши. 1944—1949. — «Вопросы истории», 1972, № 2, с. 45.

[14] Сравнительная таблица в *W. Brus*. Op. cit., p. 40.

[15] Ibid., p. 49.

[16] *Г. П. Мурашко*. Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 годах. — «Вопросы истории», 1974, № 11, с. 84—94; *Brucha Norton*. Correlazione fra le linee di sviluppo economico e linee di sviluppo politico. Polonia e Romania 1944—1970. Torino, 1971, p. 14.

[17] *Wladyslaw Gomulka*. Siamo tornati sulle terre antiche dei Piast. Milano, 1947, p. 3, 7, 12.

[18] См. выступление Гомулки на совещании, созванном для создания Коминформа, в: Pour une paix durable, pour une démocratie populaire, 10 novembre 1947. (Это название официального органа, издававшегося Коминформом. Начиная со второй половины февраля 1948 г. он стал выходить и на итальянском языке с титулом: Per una pace stabile, per una democrazia popolare. Здесь и далее цитаты из этих публикаций будут приводиться после сокращенного их названия: PPDPDP и PPSPDP соответственно.) Совершенно иные цифровые данные о количестве погибших в гражданской войне в Польше приводятся в: *Zbigniew K. Brzezinski*. The Soviet Bloc. Unity and conflict. Cambridge, 1971, p. 8. Они получены из других источников.

[19] *F. Fejto*. Storia delle democrazie popolari, v. 1, p. 104—106; *Jiri Pelikan*. S'ils me tuent.., Paris, 1975, p. 57.

[20] По этому вопросу интересные цитаты из трудов польских историков приводятся в работе: *B. Norton*. Op. cit., p. 11—12.

[21] *F. Fejto*. Storia delle democrazie popolari, v. 1, p. 166—167. Среди многочисленных личных свидетельств см. также рассказ польского очевидца, появившийся на страницах молодежной газеты: Po prostu (1956). *K. A. Jelenski*. La realtà dell ottobre polacco. Milano, 1961, p. 32—33.

[22] См. обширную антологию этих речей в: Rinascita, 1947, № 7, p. 193—195; № 8, p. 225—229. Их анализ см. в: *Zbigniew K. Brzezinski*. Op. cit., p. 26—29.

[23] Rinascita, 1947, № 7, p. 194; № 8, p. 229.

[24] *Wolfgang Leonhard*. Child of Revolution. London, 1957, p. 347—350. Статья Реваи в: PPDPDP, 15 decembre 1947; *J. Pelikan*. Op. cit., p. 58—59. Относительно Венгрии см. также подборку воспоминаний в: Освобождение Венгрии от фашизма. — «Новая и новейшая история», 1965, № 3, с. 95—107.

[25] Статью Карела Каплана см. в: Panorama, 26 aprile 1977, p. 176; *W. Leonhard*. Op. cit., p. 347—349; *Lilly Marcou*. Le Kominform. Le communisme de guerre froide. Paris, 1977, p. 41. (Как видно из содержания двух последних источников, в рассматриваемый период контакты и связи были частыми и устойчивыми, и в них просто не могли не затрагиваться вопросы такой важности.)

[26] Статью К. Каплана см. в: Panorama, 26 aprile 1977, p. 174—176. *M. Gilas*. Op. cit., p. 120. О том, какое внимание было оказано советскими руководителями английским лейбористам, можно судить также по: *A. Zdanov*. Op. cit., p. 23; *Георгий Димитров*. Избр. произв., М., 1957, т. 2, с. 253.

[27] Статью К. Каплана см. в: Panorama, 26 aprile 1977, p. 176—177.
[28] *Е. Варга*. Указ. соч., с. 291.
[29] Там же, с. 14.
[30] Обобщение и оценка всего хода дебатов и их развития в последующее время содержатся в работе: *H. Gordon Skilling*. "People's Democracy" in Soviet Theory. — "Soviet Studies", v. 3, № 1, p. 16—33 e № 2, p. 131—149. Здесь же имеется основная библиография по данному вопросу. Можно добавить ряд работ, относящихся к рассматриваемому периоду: Temps nouveaux, 1946, № 10, p. 8.
[31] См. статью Карделя в: PPDPDP, 10 novembre 1947; а также: *S. Clissold*. Yugoslavia and the Soviet Union. 1939—1973. A Documentary Survey. London, 1975, p. 166—167.
[32] Статья Б. Зихлера в: PPDPDP, 15 decembre 1947.
[33] *V. Dedijer*. Tito contra Mosca. Milano, 1953, p. 255.
[34] *M. Gilas*. Op. cit., p. 120.
[35] *E. Kardelj*. On People's Democracy in Jugoslavia; *Zbigniev K. Brzezinski*. Op. cit., p. 38; *Eugenio Reale*. Nascita del Cominform. Milano, 1958, p. 25; *M. Gilas*. Op. cit., p. 190.
[36] Сравни отчет: Le procès Nicolas D. Petkov. Procès-verbaux des sèances judiciares. 5—15 août 1947. Sofia, 1947.
[37] *E. Reale*. Op. cit., p. 16—17; *Giorgio Bocca*. Palmiro Togliatti. Bari, 1973, p. 478.
[38] *E. Reale*. Op. cit., p. 20.
[39] *V. Dedijer*. Op. cit., p. 265—266.
[40] Ibid., p. 270—271; *M. Gilas*. Op. cit., p. 134—135; Статью К. Каплана см. в Panorama, 17 maggio 1977, p. 218. По поводу позиции поляков, и в частности Гомулки, см. *Boleslaw Bierut*. Polonia democrazia popolare. Roma, 1954, p. 59.
[41] *L. Marcou*. Op. cit., p. 52—53.
[42] Статья Карделя в: PPDPDP, 10 novembre 1947.
[43] *A. Zdanov*. Op. cit., p. 25—54.
[44] См. статью Димитрова в: Правда, 4 августа 1947 г. Аналогичная оценка, как явствует из свидетельств непосредственных очевидцев, была дана и Луиджи Лонго по его возвращении из Польши.
[45] По поводу данной секретной части доклада см. статью К. Каплана в журнале Panorama, 17 maggio 1977, p. 221—223. При реконструкции его содержания нами использовались также личные записи Л. Лонго.
[46] *E. Reale*. Op. cit., p. 116—122, 125—130.
[47] Ibid., p. 147, 149.
[48] *A. Zdanov*. Op. cit., p. 53.
[49] *E. Reale*. Op. cit., p. 148—149.
[50] *A. Zdanov*. Op. cit., p. 38—40.
[51] *V. Dedijer*. Op. cit., p. 269; *E. Reale*. Op. cit., p. 41.
[52] PPDPDP, 10 novembre 1947.
[53] *V. Dedijer*. Op. cit., p. 269; *E. Reale*. Op. cit., p. 41.
[54] *V. Dedijer*. Op. cit., p. 269.
[55] PPDPDP, 10 novembre 1947.
[56] См. интервью Луиджи Лонго и Пальмиро Тольятти, а также отчет о беседе Сталина с Зиллиакусом соответственно в: L'Unità, 7 ottobre 1947 и 24 ottobre 1947.
[57] *Santiago Carrillo*. L'"eurocomunismo" e lo Stato. Roma, 1977, p. 159; *J. R. Starobin*. Op. cit., p. 170—171.
[58] *W. Leonhard*. Op. cit., p. 354.
[59] PPSPDP, 15—29 febbraio 1948.
[60] Ход событий восстановлен в работе: *François Fejto*. Le coup de Prague. 1948, Paris, 1976.
[61] *Antonin Liehm*. Trois générations. Entretiens sur le phénomène culturel tchécoslovaque. Paris, 1970, p. 20—21; *J. Pelikan*. Op. cit., p. 63.
[62] Вопросы экономики, 1948, № 2, с. 107—108, 114.
[63] Большевик, 1947, № 17, с. 62—63.
[64] Там же, с. 57—62; Вопросы экономики, 1948, № 2, с. 107—116.
[65] Вопросы экономики, 1948, № 6, с. 119.
[66] Сравни *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

IV. Восстановление: успехи и диспропорции

[1] Эти шаги были признаны даже Молотовым в его выступлении на Парижской конференции: *V. Molotov*. Op. cit., p. 473. О дискуссии с Варгой, помимо уже цитированных текстов, см. также: Вопросы экономики, 1948, № 8 и 9.

[2] *Ю. А. Приходько*. Восстановление индустрии, 1942—1950. М., 1973, с. 161.

[3] Большевик, 1946, № 6, с. 73.

[4] Правда, 22 августа 1943 г.; Директивы ЦК КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 2, с. 765—802. Обобщенная оценка усилий, предпринятых в период войны: *Ю. А. Приходько*. Указ. соч., с. 132—136.

[5] Правда, 15 декабря 1947 г.

[6] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 257—258; Правда, 15 декабря 1947 г.; Труд в СССР, с. 138; Вестник статистики, 1977, № 11, с. 89.

[7] *A. Werth*. L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 311.

[8] Промышленность СССР, с. 105, 141, 153, 171, 277.

[9] *Ю. А. Приходько*. Указ. соч., с. 163—164, 177—178.

[10] Обобщение вопроса см. в: *A. Nove*. Op. cit., p. 946.

[11] *М. И. Хлусов*. Указ. соч., с. 72.

[12] Свидетельство о труде немецких пленных см. *Н. А. Антипенко*. От капитуляции Германии до Потсдама. Из записок начальника тыла фронта. — «Вопросы истории», 1966, № 9, с. 114.

[13] *Ю. А. Приходько*. Указ. соч., с. 179, 193, 215—216, 239.

[14] Это суждение разделяется также и в работе: *A. Nove*. Op. cit., p. 384.

[15] Интересные данные содержатся в книге: Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. М., 1965, с. 580—581 (далее: Развитие социалистической экономики СССР...).

[16] Там же, с. 83—84.

[17] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[18] Развитие социалистической экономики СССР.., с. 85.

[19] Там же, с. 150—154, 183—185.

[20] Там же, с. 222, 227, 239, 261; *Ю. А. Приходько*. Указ. соч., с. 170.

[21] Развитие социалистической экономики СССР.., с. 261, 405—407.

[22] Директивы ЦК КПСС и Советского правительства.., т. 2, с. 843—845; Правда, 4 марта 1951 г.; Советское крестьянство. Краткий очерк истории, 1917—1970. М., 1973, с. 427 (далее: Советское крестьянство...)

[23] Более подробно об этом см. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[24] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 173—179. Сравни: *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[25] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 210—260. Доклад Андреева см. Правда, 7 марта 1947 г.

[26] Промышленность СССР, с. 32; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 44, 283.

[27] Развитие социалистической экономики СССР.., с. 255—257; Советское крестьянство.., с. 402—403; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 52—55.

[28] *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 170—178.

[29] *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 6, с. 423.

[30] *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 184.

[31] Там же, с. 256—263.

[32] Там же, с. 109—116; Советское крестьянство.., с. 413.

[33] Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 27; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 157, 165, 264.

[34] *Н. С. Хрущев*. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963, с. 13; *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 155; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 265—266, 271—272.

[35] Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 7.

[36] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[37] Советское крестьянство.., с. 400—401; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 218—225; *Н. С. Хрущев*. Высокое призвание литературы и искусства, с. 13.

[38] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 266—267; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 257—261.

[39] *В. Овечкин*. Из записной книжки. — «Новый мир», 1968, № 9, с. 23.

[40] Сравни: Большевик, 1946 г., № 6, с. 78; Сельское хозяйство СССР.., с. 24. Выразительной является жалоба на сложившуюся ситуцию в Смоленской области, являющейся типичным районом производства льна, которая приводится в книге: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956, т. 1, с. 628.

[41] Сельское хозяйство СССР.., с. 245.

[42] *А. П. Тюрина*. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946—1958. М., 1975, с. 90.

[43] Подробный анализ этого аспекта «дела Лысенко» см. *Dominique Lecourt*. Lyssenko. Histoire réele d'une "science prolétarienne". Paris, 1976, p. 73—98.

[44] Наиболее всестороннее изложение данного вопроса в советских источниках содержится в статье: *М. А. Выщан*. План полезащитных лесонасаждений и борьба за его осуществление в 1948—1953 гг. в: Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. 1946—1970 гг. М., 1972, с. 119—136. См. также: *Zores A. Medvedev*. L'ascesa e la caduta di T. D. Lysenko, Milano, 1971, p. 174—177 (далее: *Z. A. Medvedev*. Lysenko)

[45] Советское крестьянство.., с. 415—421. Имеются еще три советские оценки, впрочем весьма уклончивые, в: Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963.

[46] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[47] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 304—307.

[48] Советское крестьянство.., с. 430—431; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 200—212.

[49] *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 204—205; *Roy e Zores Medvedev*. Krusciov. Gli anni del potere. Milano, 1977, p. 27—28 (далее: *R. e Z. Medvedev*. Krusciov)

[50] Промышленность СССР, с. 106, 140, 153, 171, 277.

[51] *Ю. А. Приходько*. Указ. соч., с. 238; *И. М. Волков*. Трудовой подвиг советского крестьянства.., с. 15—16.

[52] *V. Molotov*. Op. cit., p. 501; *И. Н. Головин*. Указ. соч., с. 65—66; см. также *Arnold Kramish*. Atomic Energy in Soviet Union. Stanford, 1959, p. 108—120.

[53] *А. Романов*. Конструктор космических кораблей. М., 1976, с. 55; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 485.

[54] По поводу землетрясения, добавившего новые трудности к тем, что уже испытывала советская экономика, см. *В. В. Клычмурадов*. Ашхабадская эпопея. — «Вопросы истории», 1975, № 1. Указ, сделавший секретной основную часть информации, см. Правда, 10 июня 1947 г.

[55] Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938—1967 гг. М., 1968, т. 2, с. 195; *Ю. А. Приходько*. Указ. соч., с. 156—157.

[56] Справочник партийного работника. М., 1957, с. 445—447.

[57] Первоначальную информацию можно найти в работе: *A. Solženicyn*. Op. cit., v. 2, p. 563—581.

[58] *М. И. Хлусов*. Указ. соч., с. 33.

[59] *С. Л. Сенявский, В. Б. Тельпуховский*. Рабочий класс СССР. 1938—1965. М., 1971, с. 298—299; Труд в СССР, с. 24—25. Для сравнения с первым пятилетним планом: *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[60] *М. И. Хлусов*. Указ. соч., с. 94—95; *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[61] *М. И. Хлусов*. Указ. соч., с. 103—104.

[62] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 258—261.

[63] Там же, с. 261—266.

[64] Труд в СССР, с. 138—144.

[65] Эти расчеты возможно было произвести на основе данных, которые приводятся в последних трех работах, а также: *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 407. Результаты расчетов в основном совпадают с оценками американского исследователя: *Janet G. Chapman*. Real Wages in Soviet Russia. Cambrige, Massachusetts, 1963. Обобщение данных, проведенное автором, приводится на с. 145.

[66] Советское крестьянство.., с. 427—428.
[67] Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1977, с. 28—29, 68—69, 213.
[66] Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 843.
[69] О механизме соревнования: *М. И. Хлусов*. Указ. соч., с. 175—181. Для сравнения с организацией стахановского движения: *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[70] *М. А. Вылцан*. Указ. соч., с. 119; Большевик, 1948, № 20, с. 3.
[71] Kruscev ricorda, p. 621.

V. Жданов и нарастающая волна национализма

[1] *S. Alliluieva*. Op. cit., p. 236; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 342, т. 2, с. 316; *M. Gilas*. Op. cit., p. 152, 156—157; Kruscev ricorda, p. 612.
[2] *Н. Г. Кузнецов*. Страницы былого. Ялта — Потсдам. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 110.
[3] Сборник законов.., т. 1, с. 282.
[4] *Ю. П. Петров*. Указ. соч., с. 389. Автор, правда, не приводит источника этих сведений, которые имеются только в его работе. Однако он имел широкий доступ к советским архивам.
[5] Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 18—21 июня 1963 года. Стенографический отчет. М., с. 289.
[6] *T. e M. Reimanovi*. Prehled o slozeni nejvyssich organu KSSS. — "Revue dejin socialismu". Praga, 1968, № 3, p. 399—400; *Leonard Schapiro*. The Communist Party of the Soviet Union. London, 1960, p. 608.
[7] Kruscev ricorda, p. 627—628.
[6] Эти подробности см. *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 345; *S. Alliluieva*. Op. cit., p. 165—166, 236; *M. Gilas*. Op. cit., p. 153—166.
[9] *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 315.
[10] Оцениваемое как наказание, новое назначение маршала стало вскоре известно американским дипломатам, хотя о нем не было объявлено публично: FRUS, 1946, v. 6, p. 748.
[11] Различные случаи подобного рода видны из таких источников, как: *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 211—212; Kruscev ricorda, p. 623—624; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 46—49; *Leonard Schapiro*. Op. cit., p. 507.
[12] Kruscev ricorda, p. 612, 627; *S. Alliluieva*. Venti lettere, p. 209, 240—241.
[13] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 154; *Ю. П. Петров*. Указ. соч., с. 407.
[14] Выступление Маленкова, опубликованное в: PPDPDP, 1 decembre 1947.
[15] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 154—161; Le XIX-e Congrès du Parti Communiste de l'Union Soviétique. Numéro spécial des Cahiers du communisme. Paris, novembre 1952, p. 144.
[16] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[17] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 159—160.
[18] Там же, с. 162—172; статья Маленкова в: PPDPDP, 1 decembre 1947.
[19] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 21.
[20] *A. Werth*. L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945—1948, p. 183; *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 11—13, 43—44.
[21] Эпизод такого рода, касающийся режиссера Довженко, описан в: *Р. А. Медведев*. Указ. соч., (русское издание), с. 1064. Историк Ерусалимский рассказал лично автору аналогичную историю, в которой он был главным действующим лицом; речь шла о его книге о немецком империализме. По поводу отношений между Сталиным и Ждановым см. *S. Alliluieva*. Op. cit., p. 237—238. Роль Сталина как вдохновителя этой кампании нашла отражение в: *A. Zdanov*. Op. cit., p. 105.
[22] Вопросы экономики, 1948, № 1, с. 3.
[23] *A. Zdanov*. Op. cit., p. 61, 64.
[24] Большевик, 1946, № 16, с. 50—53; 1948, № 3, с. 10—14.
[25] КПСС в резолюциях.., т. 2, с. 1030.
[26] *A. Zdanov*. Op. cit., p. 94—95; Большевик, 1947, № 15, с. 51. Авторитетное мнение, согласно которому этот мотив был узловым пунктом всей «кампании» по вопросам философии, содержится в публикации: Всесоюзное совещание историков, с. 19.

[27] Большевик, 1948, № 3, с. 11.
[28] КПСС в резолюциях.., т. 2, с. 1033.
[29] *A. Zdanov*. Op. cit., p. 68, 81—83; Большевик, 1948, № 6, с. 68.
[30] Вопросы экономики, 1948, № 2, с. 109.
[31] PPDPDP, 1 decembre 1947; Большевик, 1947, № 14, с. 1—7; Правда, 23 сентября 1947 г.
[32] Большевик, 1948, № 3, с. 10; № 6, с. 70.
[33] Правда, 21 августа 1947 г., 17 марта 1948 г.
[34] *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 154; Всесоюзное совещание историков, с. 128—129.
[35] Выступление Бориса Пономарева см. Всесоюзное совещание историков, с. 28.
[36] Там же, с. 180; Большевик, 1951, № 23, с. 62—63.
[37] См., например, *A. Werth*. L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1941—1945, p. 180.
[38] *Z. A. Medvedev*. Lysenko, p. 62—85; *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[39] Текст доклада Лысенко на знаменитой сессии Академии сельскохозяйственных наук в июле — августе 1948 г. был приведен в: Правда, 4 и 5 августа 1948 г.
[40] *Z. A. Medvedev*. Lysenko, p. 116—140.
[41] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[42] *Z. A. Medvedev*. Lysenko, p. 160—197.
[43] Ibid., p. 141—142; *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 307.
[44] *R. A. Medvedev*. La Stalinismo. Origini, storia, conseguenze. Milano, 1972, p. 971—972.
[45] Правда, 11 июля 1943 г.
[46] Убедительное свидетельство этого содержится в: *D. Corneli*. Op. cit., p. 119—126; *Р. А. Медведев*. Указ. соч., с. 973—974.
[47] *D. Corneli*. Op. cit., p. 136—145; *Р. А. Медведев*. Указ. соч. (русское изд.), с. 974.
[48] Правда, 27 мая 1947 г. и 14 января 1950 г. См. также: Сборник законов.., т. 2, с. 685.
[49] *Р. А. Медведев*. Указ. соч., с. 973.
[50] *В. Соколовский, М. Чередниченко*. Некоторые вопросы советского военного строительства в послевоенный период. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 3, с. 7.
[51] *A. Werth*. La Russia in guerra, p. 357—359.
[52] *A. Zdanov*. Op. cit., p. 79—80.
[53] *R. A. Medvedev*. Op. cit., p. 966. Об одном из этих руководителей, адмирале Галлере, который в период войны фактически выполнял обязанности замминистра военно-морского флота и был позднее направлен руководить Военно-морской академией в Ленинграде, см. *Н. Г. Кузнецов*. Вся жизнь флоту. — «Военно-исторический журнал», 1963, № 3, с. 76.
[54] *Д. Павлов*. Указ. соч., с. 166—167; Оборона Ленинграда, с. 21—23.
[55] *M. Gilas*. Op. cit., p. 125.
[56] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 45—48; Очерки по истории Коммунистической партии Украины, Киев. 1964, с. 574—575; Советская интеллигенция.., с. 305.
[57] *Р. А. Медведев*. Указ. соч., с. 966. По поводу Басова см. также: *В. Бычевский*. В начале войны под Ленинградом. — «Военно-исторический журнал», 1963, № 1, с. 64.
[58] Kruscev ricorda, p. 611—612.
[59] *Р. А. Медведев*. Указ. соч., с. 969—970; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 54—56; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1962, т. 2, с. 404; XX съезд.., т. 1, с. 94. (Указание на национализм как на основание «дела», содержится в: Khrushchev Remembers, v. 1, p. 256; но принимать его можно лишь с учетом тех оговорок, которые были сделаны по поводу этого источника).
[60] Верность данного анализа не опровергается даже наиболее полемически заостренными работами, в которых события реконструируются под особым углом зрения. Это можно видеть даже по работе, написанной с откровенно сионистских позиций: *Christian Jelen, Leopold Unger*. Le grand retour. Paris, 1977, p. 39—49.
[61] *И. В. Сталин*. Соч., М., 1953, т. 13, с. 28.

[62] *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 134. О вдохновителе всей деятельности комитета см. *Михоэлс*. Статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе. М., 1964.
[63] *Ester Markish*. Le long retour. Paris, 1974, p. 178.
[64] Правда, 15 января 1948 г.
[65] Наиболее впечатляющее свидетельство, возлагающее ответственность за инициативу в организации этого преступления на Сталина, содержится в: *S. Alliluieva*. Op. cit., p. 164—165. Подтверждают это и работы: *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 135; *Ester Markish*. Op. cit., p. 179—182; *R. A. Medvedev*. Op. cit., p. 971.
[66] *Ester Markish*. Op. cit., p. 187—193; *Р. А. Медведев*. Указ. соч. (русское изд.), с. 972—973; *Ilya Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 141—142.
[67] *Р. А. Медведев*. Указ. соч., с. 1001—1002.
[68] Большевик, 1948, № 6, с. 69.
[69] Культура и жизнь, 30 января 1949 г.
[70] *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 142.
[71] Ibid., с. 140—141; *Р. А. Медведев*. Указ. соч., с. 997—998, 1001—1002.
[72] *И. В. Сталин*. Соч., М., 1953, т. 13, с. 28.

VI. Экспорт сталинизма

[1] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[2] PPDPDP, 10 novembre e 15 décembre 1947.
[3] Ibid.: см. речи Гомулки, Карделя, Червенкова и Реван.
[4] *M. Gilas*. Op. cit., p. 138—139, 148—149.
[5] Об этих сомнениях и колебаниях Сталина см. *M. Gilas*. Op. cit., p. 182—183.
[6] *L. Marcou*. Op. cit., p. 203. Аналогичное впечатление осторожности оставили в тот же самый период Сталин и Молотов и у итальянского гостя: *Giorgio Bocca*. Palmiro Togliatti. Bari, 1973, p. 502.
[7] *S. Clissold*. Op. cit., p. 42—44; *V. Dedijer*. Op. cit., p. 239—245, 251—263; *J. Broz Tito*. Autogestione e socialismo, p. 90 (здесь содержится авторитетное подтверждение того тезиса, что не прошлые расхождения послужили определяющей причиной конфликта).
[8] *M. Gilas*. Op. cit., p. 145—147.
[9] Scanteja, 21 janvier 1948; Правда, 23 января 1948 г. Два этих текста имеют между собой незначительные расхождения: первый является более полным, чем второй.
[10] *Victor E. Meier*. La rinascita del nazionalismo nei Balcani. Bologna, 1968, p. 141—143; *L. Marcou*. Op. cit., p. 181—183.
[11] *V. Dedijer*. Op. cit., p. 275—276.
[12] О реакции удивления венгерского деятеля Ракоши см. *L. Marcou*. Op. cit., p. 186. То, что советская сторона не была в курсе событий, подтверждается последующей реакцией Сталина.
[13] Правда, 28 января 1948 г.
[14] По этому поводу мы имеем два рассказа, совпадающих в своих основных чертах, оба из югославских источников: *V. Dedijer*. Op. cit., p. 287—294; *M. Gilas*. Op. cit., p. 178—189.
[15] *Jean Mérot*. Dimitrov, un révolutionnaire de notre temps. Paris, 1972, p. 220; *V. Dedijer*. Op. cit., p. 294—295; *M. Gilas*. Op. cit., p. 191.
[16] *V. Dedijer*. Op. cit., p. 297—300.
[17] *S. Clissold*. Op. cit., p. 51—52, 169—170. В этой работе собраны все документы, касающиеся советско-югославского конфликта. Письма Тито содержатся также в книге: Mosca — Belgrado. I documenti della controversia. 1948—1958. Milano, 1962, p. 3—5. В этой последней публикации собраны лишь отрывки из текстов, переведенные довольно приблизительно. Поэтому мы продолжаем ссылаться на работу Клиссолда.
[18] *S. Clissold*. Op. cit., p. 170; *V. Dedijer*. Op. cit., p. 33—236, 273. Аналогичные подозрения по поводу советского персонала Коминформа высказывались также и другими руководителями компартий, например Готвальдом, как об этом свидетельствует работа: *K. Kaplan*. Op. cit., — "Panorama", 17 maggio 1977, p. 215.
[19] *S. Clissold*. Op. cit., p. 170—174.
[20] *J. Broz Tito*. Autogestione e socialismo, p. 87—88; *V. Dedijer*. Op. cit., p. 303—316.

21 *J. Broz Tito.* Autogestione e socialismo, p. 87; *V. Dedijer.* Op. cit., p. 308—309.

22 *S. Clissold.* Op. cit., p. 174—183.

23 *V. Dedijer.* Op. cit., p. 317.

24 См. доклад Этьена Фажона на Пленуме ЦК Французской компартии в Humanité, 9 juillet 1948; *V. Dedijer.* Op. cit., p. 317—320. Эти источники дополняются также и свидетельствами других участников событий.

25 *V. Dedijer.* Op. cit., p. 309, 320—321.

26 *S. Clissold.* Op. cit., p. 183—197.

27 Ibid., p. 187—190. По поводу предшествующего опыта применения этой теории в самом СССР см. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

28 Сравни: *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

29 *J. Broz Tito.* Autogestione e socialismo, p. 89 (автор имел возможность присутствовать при аналогичном рассказе, который был еще более детальным); *V. Dedijer.* Op. cit., p. 324.

30 См. текст в: *S. Clissold.* Op. cit., p. 200—201.

31 PPSPDP, 1/15 luglio 1948; Unità, 29 giugno 1948.

32 *S. Clissold.* Op. cit., p. 207—213.

33 Ibid., p. 213—214; Storia della Lega dei Comunisti della Jugoslavia. Milano, p. 559—565.

34 История внешней политики СССР, т. 2, с. 81.

35 Le Monde, 21 Janvier 1948.

36 *L. Marcou.* Op. cit., p. 247.

37 *M. Gilas.* Op. cit., p. 138—142; *V. Dedijer.* Op. cit., p. 245—246.

38 *V. Dedijer.* Op. cit., p. 299; *L. Marcou.* Op. cit., p. 257—258, 269—271.

39 Il rapporto proibito. Relazione della commissione del Comitato centrale del Partito comunista cecoslovacco sui processi politici e sulle riabilitazioni in Cecoslovachia negli anni 1949—1968. Milano 1970, p. 102—105. (далее: Il rapporto proibito...).

40 *Boleslaw Bierut.* Polonia democratica popolare. Roma, 1954, p. 59; *V. Dedijer.* Op. cit., p. 326—327.

41 *B. Bierut.* Op. cit., p. 59—68; PPSPDP, 16/30 ottobre 1948; *Nicolas Bethell.* Gomulka, la sua Polonia e il suo comunismo. Milano, 1970, p. 236—263.

42 *B. Bierut.* Op. cit., p. 69.

43 *M. Gilas.* Op. cit., p. 138—139.

44 Цитата приводится по работе: *V. Dedijer.* Op. cit., p. 333.

45 Il rapporto proibito.., p. 74.

46 О Костове см. *M. Gilas.* Op. cit., p. 190—191.

47 *Aritur London.* L'aveu. Dans l'engrenage du Procès de Prague. Paris, 1968; *Vincent Savarius.* Volontaires pour la potence. Paris, 1963.

48 Sudebnyj process Trajčo Kostova i ego gruppy. Sofia, 1949, p. 67—74, 571—572; *Dominique Desanti.* Les Staliniens. Une expérience politique. 1944—1956. Paris, 1975, p. 160.

49 Il rapporto proibito.., p. 114—115, 123—124.

50 *L. Trepper.* Op. cit., p. 282, 287—308.

51 Panorama, 24 maggio 1974, p. 223—236; Le rapporto proibito.., p. 112—116; *Jenni Humbert-Droz.* Une pensée, une conscience, un combat. La carrière politique de Jules Humbert-Droz retracée par sa femme. Neuchâtel, 1976, p. 186—188.

52 Laslo Rajk et ses complices devant le Tribunal du peuple. Budapest, p. 64—65; PPSPDP, 23 settembre 1949. (Прецеденты аналогичных событий в Москве сравни: *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

Sudebnyj process Trajco Kostova.., p. 67—68. По поводу отношений Костова к советско-болгарским экономическим связям см. также: *V. Dedijer.* Op. cit., p. 293—294; *M. Gilas.* Op. cit., p. 190—191. Из них следует, что Костов намекал на эти проблемы даже на той сессии Коминформа в Бухаресте, на которой Тито подвергся осуждению.

54 *S. Clissold.* Op. cit., p. 178.

55 PPSPDP, 1/15 ottobre 1948.

56 *Г. Димитров.* Избр. произв., т. 2, с. 628—630.

57 *B. Bierut.* Op. cit., p. 68—69, 75.

58 *Joseph Revai.* La littérature et la démocratie populaire. A propos de G. Lukacs.

Paris, 1950, p. 10—11. (О полнтике Коминтерна в пернод, предшествующий Народному фронту, см. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[59] *W. Brus*. Op. cit., p. 42—46; ibid., parte 2-a, p. 5.

[60] Ibid., parte 2-a, p. 5—6.

[61] *Charles Bouvier*. La collectivisation de l'agriculture. URSS, China, Democraties populaires, Paris, 1958, p. 68—81.

[62] Правда, 22 января 1949 г.; *Michael Kaser*. Comecon. Problemi di integrazione delle economie pianificate, Milano, 1972, p. 20—21; Международные отношення после второй мнровой войны. М., 1962, т. 1, с. 143; *W. Brus*. Op. cit., parte 2-a, p. 2.

[63] Аналнз этого вопроса сравнн с анализом: *Z. Brzezinski*. Op. cit., p. 77—79.

[64] Il rapporto proibito.., p. 100. (Собраиная здесь ннформация относнтся к событиям в Чехословакин, но даиное явление нмело аналогн н в других странах.)

[65] Ibid., p. 79.

[66] *R. E. Sherwood*. Op. cit., v. 2, p. 526.

[67] PPSPDP, 2 decembre 1949; *S. Clissold*. Op. cit., p. 227—228.

[68] *S. Clissold*. Op. cit., p. 207.

[69] Ibid., p. 221—223.

[70] Ibid., p. 206.

[71] Pерипетии нсторнн этого устава воссозданы автором на основе свндетельства, в свое время лично полученного от Пальмиро Тольятти.

[72] PPSPDP, 2 dicembre 1949.

[73] *Antonio Roasio*. Figlio della classe operaia. Milano, 1977, p. 328. Роазно ошибочно относит это совещанне к апрелю 1949 г. В целях обобщеиия материалы былн представлены в печатиой форме, но ннчего не говорилось непосредственно о совещаннн. Об этом см. PPSPDP, 28 aprile 1950.

[74] Воспоминаиня об этом эпнзоде, изложеиные Р. Ииграо, см. в L'Unità, 12 febbraio 1974. Обобщенне результатов совещання было проведено в форме редакционной статьи печатиого органа Комннформа, воспронзведенной в L'Unità, 14 dicembre 1950.

[75] О других предполагаемых совещаиинях Комннформа говорнт Джулно Сеннга (*Giulio Seniga*. Togliatti e Stalin. Contributo alla biografia del segretario del PCI. Milano, 1961, p. 34, 49). Аналогичная ннформацня нмеется также в работах другнх нсследователей: *L. Marcou*, Op. cit., p. 19. В действительностн же, как показывает вннмательное изучение текстов, в них ие содержится подлинных подтвержденнй проведення совещаний Коминформа.

VII. Китайская революция

[1] *В. Соколовский, М. Чередниченко*. Указ. соч., с. 4.

[2] *H. S. Truman*. Memorie, v. 2, p. 375—377.

[3] *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., vol. 6, p. 207.

[4] *D. Desanti*. Op. cit., p. 105—108.

[5] *Л. Тихвинский*. Двнженне за мнр — могучая сила современиостн. — «Новая н новейшая нстория», 1974, № 4, с. 28.

[6] Там же, с. 28; *D. Desanti*. Op. cit., p. 104; *Stephen R. Graubard*. Kissinger ritratto di una mente, Milano, 1974, p. 126—127.

[7] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 42—43, 46, 68—69.

[8] *A. Zdanov*. Op. cit., p. 36—37; Статью Маленкова см. в PPDPDP, 1 decembre 1947.

[9] Такая реакция хорошо знакома всем, кому доводилось встречаться с советскими людьми в этн годы. Подтверждение очевидца см. в *Harrison Salisbury*. Moscow Journal: the End of Stalin. Chicago, 1961, p. 9—10.

[10] Оригиильный текст см. в PPSPDP, 2 dicembre 1949. См. об этом в *М. А. Суслов*. Избранное. Речн н статьи. М., 1972, с. 162—165.

[11] О предшествующих событнях 30-х гг. см. Memoires de Jules Humbert-Droz. Dix ans de lutte antifasciste 1931—1941. Neuchâtel, 1972, p. 174—176.

[12] *D. Desanti*. Op. cit., p. 112—119.

[13] *Ilia Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 145.

[14] О Мао см., в частности *B. W. Tuchman*. Op. cit. — «Foreign Affairs», v. 51, № 1, October 1972, p. 50—52.

[15] *R. E. Sherwood*. Op. cit., v. 2, p. 528—529; *W. A. Harriman and E. Abel*. Op. cit., p. 261, 398, 472—473, 532, 540—541.

[16] FRUS, 1944, v. 6, p. 255.

[17] *Mao Tse-tung*. Discorsi inediti dal 1956 al 1971. Milano, 1975, p. 81, 214, 225 (далее: *Mao Tse-tung*. Discorsi inediti...); *Ван Мин*. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, с. 13—176. (В этой работе автор дает свою личную версию истории этой борьбы.)

[18] *П. П. Владимиров*. Указ. соч., с. 499. См. по данному вопросу всю книгу в целом и, в частности, страницы, относящиеся к событиям 1945 г.

[19] Новое время, 1945, № 7, с. 2; *M. Gilas*. Op. cit., p. 187; *V. Dedijer*. Op. cit., p. 293.

[20] *Mao Tse-tung*. Discorsi inediti.., p. 81, 151, 172.

[21] *О. Борисов*. Советский Союз и маньчжурская революционная база. 1945—1949. М., 1975, с. 107—108; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Советско-китайские отношения. 1945—1970. Краткий очерк. М., 1972, с. 41—42. (О контактах в 1945 г. см. там же, с. 28.)

[22] *О. Борисов*. Указ. соч., с. 82—86; Внешняя политика Советского Союза. 1946, с. 98—99.

[23] Однако в то время коммунисты старались оправдать эти действия перед своими недовольными последователями. См. *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 23—24.

[24] *О. Борисов*. Указ. соч., с. 181.

[25] Там же, с. 92—97; *Jacques Guillermaz*. Storia del Partito comunista cinese. v. 1, 1921—1949, Milano, 1970, p. 422—428.

[26] *Mao Tse-tung*. Discorsi inediti.., p. 213.

[27] Ibid., p. 172.

[28] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 87—88; *M. Gilas*. Op. cit., p. 187; *V. Dedijer*. Op. cit., p. 293.

[29] *John W. Dower*. Il Giappone occupato e il lago americano. 1945—1950. — "L'Asia degli americani". Torino, 1975.

[30] *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 42.

[31] *Mao Tse-tung*. Discorsi inediti.., p. 72, 140—141; *О. Е. Владимиров*. Незабываемые страницы истории и маоистские фальсификаторы. М., 1971, с. 55. (Отзвуки этой проблемы можно также найти в: Khrushchev Remembers, v. 1, p. 462—463).

[32] *Mao Tse-tung*. Scritti scelti.., v. 5, p. 394, 400.

[33] *Mao Tse-tung*. Su Stalin e sull'URSS, p. 28.

[34] *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 40—41; *О. Борисов*. Указ. соч., с. 179.

[35] В качестве яркого примера такой недооценки можно указать на журнал «Новое время» (1950, № 11, с. 3—7).

[36] *Mao Tse-tung*. Per la rivoluzione culturale. Scritti e discorsi inediti. 1917—1969. Torino 1975, p. 20—23 (далее: *Mao Tse-tung*. Per la rivoluzione culturale..; *Mao Tse-tung*. Su Stalin e sull'URSS, p. 29.

[37] *Mao Tse-tung*. Per la rivoluzione culturale.., p. 24.

[38] Помимо свидетельств югославских авторов, неоднократно цитированных выше, автор слышал воспоминания об этом и других гостей из числа представителей компартий.

[39] Это подтверждают рассказы представителей союзников, которые были его гостями в годы войны. Но Сталин использовал такое психологическое оружие и по отношению к своим соотечественникам: см. *К. К. Рокоссовский*. Указ. соч., с. 102; *S. Allilueva*. Op. cit., p. 23.

[40] *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 317.

[41] *Mao Tse-tung*. Discorsi inediti.., p. 80.

[42] Ibid., p. 80, 151. Свидетельства советских историков о содержании переговоров более уклончивы. См. *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 46—47.

[43] История внешней политики СССР, т. 2, с. 54—55; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 47—48. Тексты соглашений см. в PPSPDP, 17 febbraio 1950.

[44] *Mao Tse-tung*. Discorsi inediti.., p. 151.

[45] Новейшая история Китая, с. 235; *L. Marcou*. Op. cit., p. 88—89.

[46] Мы обязаны этой информацией Нилде Йотти, которая получила ее непосредственно от П. Тольятти.

[47] Так, в частиости, иет до сих пор ответа иа миогие вопросы, поставлеииые в: *I. F. Stone*. The Hidden History of the Korean War. New York, 1969. (Это издание является повториой публикацией работы, вышедшей в свет впервые в 1952 г. Ее автор — одии из иаиболее заметных представителей иезависимых американских журиалистов.)

[48] *D. H. Fleming*. Op. uit., v. 2, p. 592—601; *Francois Fejto*. Chine — URSS. De l'alliance au conflit. Paris, p. 40—43; *K. S. Karol*. La seconda rivouzione cinese. Milano, 1974, p. 50—51; *A. Fontaine*. Op. cit., v. 2, p. 13—20. (Последияя работа, в которой ее автор полиостью прииимает америкаискую версию событий, ие свободна от оговорок и вопросов.)

[49] Khrushchev Remembers, v. 1, p. 367—371.

[50] *I. F. Stone*. Op. cit., p. 99.

[51] *В. Макуленко*. Война в Корее. — «Военно-исторический журнал», 1970, № 6, с. 34.

[52] *I. Stone*. Op. cit., p. 92—93; *H. S. Truman*. Memorie, v. 2, p. 466—467.

[53] *K. M. Panikkar*. In Two Chinas. London, 1955, p. 108—110 (автор был в ту эпоху иидийским послом в Пекиие, и ему было поручеио передать предупреждеиие); История виешией политики СССР, т. 2, с. 165; *Edward Friedman*. Le relazioni con una potenza irrazionale e i problemi che ne derivano. L'America dichiara guerra alla Cina. — "L'Asia degli americani", p. 127—137.

[54] Khrushchev Remembers, v. 1, p. 371—372.

[55] История виешией политики СССР, т. 2, с. 165.

[56] *H. S. Truman*. Memorie, v. 2, p. 481—482.

[57] *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 203.

[58] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 179—180.

[59] VII Congresso del Partito comunista italiano. 3—8 aprile 1951. Roma, 1954, p. 21, 29, 32, 333—336.

[60] Panorama, 26 aprile 1977, p. 169—170; Il rapporto proibito.., p. 80.

[61] *W. Brus*. Op. cit., parte 2-a, p. 8, 11; Il rapporto proibito.., p. 151.

[62] История виешией политики СССР, т. 2, с. 166—167; *H. S. Truman*. Memorie, v. 2, p. 504, 511.

[63] *Mao Tse-tung*. Discorsi inediti.., p. 151.

[64] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 181. Ииформацией об этом тосте я обязаи Нилде Йотти.

[65] *K. S. Karol*. Op. cit., p. 52.

[66] Одобреиие Сталиным одиой из этих иициатив см. *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 172.

VIII. Смерть Сталина

[1] Kruscev ricorda, p. 612, 626—627.

[2] Это отмечал Малеиков в своем докладе. См. XIX Congres du PCUS p. 135. Сравии: Народное хозяйство СССР в 1961 г., с. 8.

[3] Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 837.

[4] Kruscev ricorda, p. 623.

[5] Сведеиия исходят от академика Курчатова, который возглавлял в СССР работы в этой области: Заседаиие Верховиого Совета СССР пятого созыва. Первая сессия. 27—31 марта 1958 г. Стеиографический отчет. М., 1958, с. 366—367.

[6] Все эти сведеиия получены из авторитетных воеиных советских источииков: *И. Коротков*. О развитии советской воеииой теории в послевоеииые годы. — «Воеиио-исторический журиал», 1964, № 4, с. 40—42; *В. Соколовский, М. Чередниченко*. Указ. соч., с. 5—8. Об отставании советской теории в деле решения проблем атомиой стратегии см. и американские источники: *S. R. Graubard*. Op. cit., p. 126.

Эта подробиость стала известиа из работы: *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963, т. 4, с. 115.

[8] *Жорес А. Медведев*. Междуиародиое сотрудничество учеиых и иациоиальиые границы. Лондои, 1971, с. 144—146 (далее: *Ж. А. Медведев*. Междуиародиое сотрудничество учеиых...).

[9] Kruscev ricorda, p. 624.

[10] *Z. A. Medvedev*. Lysenco, p. 145—146.
[11] Всесоюзное совещание историков, с. 358.
[12] Там же, с. 56, 175, 383.
[13] Storia della Lega dei comunisti, p. 578—582.
[14] Текст документа был полностью опубликован в журнале «Большевик», 1951, № 3, с. 48—64. О советском одобрении см. *J. R. Starobin*. Op. cit., p. 216—217.
[15] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 243.
[16] Мы обязаны этой информацией Нилде Йотти.
[17] Об этом эпизоде см. *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale, p. 145; свидетельство Нилде Йотти см. в Il compagno Luigi Longo, I comunisti anno VI, № 1, marzo 1970; письмо Пьетро Секкья и ответ Нилде Йотти см. в Rinascita, 3 aprile 1970; свидетельство Паоло Буфалини см. в: Rinascita, 17 aprile 1970; *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1. О раздражении Сталина есть прямое свидетельство Хрущева в его записке Тольятти, с которой автор имел возможность ознакомиться.
[18] Всесоюзное совещание историков, с. 56.
[19] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[20] Сведения об этом получены из следующих работ: *A. Zdanov*. Op. cit., p. 109—110; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, М., 1962, т. 2, с. 182.
[21] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 223—231.
[22] Там же, с. 189—198, 232—238; *Wlodzimierz Brus*. Sistema politico e proprietà sociale nel socialismo. Roma, 1974, p. 147—148.
[23] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 269—273.
[24] Там же, с. 295—301.
[25] Khrushchev Remembers, v. 1, p. 271.
[26] XIX Congres du PCUS.., p. 159—160.
[27] *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 242—243.
[28] Там же, с. 313—314.
[29] XIX Congres du PCUS.., p. 116.
[30] Ibid., p. 147—157.
[31] Правда, 13 октября 1952 г.; КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 367—368 (сравни с текстом предыдущего Устава; см. также т. 5, с. 382).
[32] Правда, 13 октября 1952 г.
[33] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.
[34] *S. Alliluieva*. Op. cit., p. 209.
[35] *Н. Г. Кузнецов*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 110. Об этом заседании Центрального Комитета наряду с цитированными уже источниками автор имел возможность использовать свидетельства, собранные непосредственно во время пребывания в Москве.
[36] Признаки этого можно видеть также в: *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 274—276.
[37] Kruscev ricorda, p. 628.
[38] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 374; Khrushchev Remembers, v. 1, p. 280—281; Правда, 7 марта 1953 г.
[39] Kruscev ricorda, p. 628; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 11.
[40] Il rapporto proibito.., p. 109.
[41] Ibid., p. 110—111, 117—118.
[42] Ibid., p. 121—148, 150—151.
[43] Ibid., p. 155—156. О прецеденте с Бухариным сравни: *R. A. Medvedev*. Op. cit., p. 345.
[44] Il rapporto proibito.., p. 158—160; *Josefa Slanska*. Rapporto su mio marito. Roma, 1969, p. 145—146.
[45] *A. London*. Op. cit., p. 277—324.
[46] *E. Markich*. Op. cit., p. 207, 290—292.
[47] Правда, 13 января 1953 г.
[48] *Ilja Ehrenburg*. Op. cit., v. 6, p. 312—315; *E. Markich*. Op. cit., p. 209—212; *Р. А. Медведев*. Указ. соч., с. 999—1000.
[49] Правда, 18 января 1953 г.; *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 54.
[50] Правда, 13, 18, 31 января и 6 февраля 1953 г.
[51] *Р. А. Медведев*. Указ. соч., с. 1121. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[52] *Р. А. Медведев.* Указ. соч., с. 999; Kruscev ricorda, p. 615.
[53] Наиболее подробный рассказ о смерти Сталина содержится в: *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 16—23. См. также Khrushchev Remembers, v. 1, p. 316—320; Правда, 4 марта 1953 г.
[54] *D. Corneli.* Op. cit., p. 151—152; *Ilja Ehrenburg.* Op. cit., v. 6, p. 315—317; *E. Markich.* Op. cit., p. 241—242; *H. E. Salisbury.* Moscow Journal.., p. 336.
[55] *Р. А. Медведев.* Указ. соч., с. 1123; *H. E. Salisbury.* Moscow Journal.., p. 341—342; *Ilja Ehrenburg.* Op. cit., v. 6, p. 316.
[56] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 12—13.
[57] Правда, 7 марта 1953 г.
[58] Правда, 21 марта 1953 г.
[59] *Giorgio Amendola.* Il rinnovamento del PCI. Intervista di Renato Nicolai. Roma, 1978, p. 120—121.

Книга седьмая
ДЕСЯТИЛЕТИЕ ХРУЩЕВА

I. Маленков, Берия, Хрущев

[1] *E. Salisbury.* Moscow Journal.., p. 344—345.
[2] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 14.
[3] *Edward Crankshaw.* Kruscev. Milano, 1967, p. 244.
[4] Сборник законов СССР, т. 2, с. 627—628.
[5] Правда, 4 и 6 апреля 1953 г.; *Ilja Ehrenburg.* Op. cit., v. 6, p. 336—339; *E. Markich.* Op. cit., p. 243—247.
[6] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 18, 52—53.
[7] Ibid., p. 37; *Ilja Ehrenburg.* Op. cit., v. 6, p. 342.
[8] *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 19—20. (Аналогичное замечание имеется в книге: Khrushchev Remembers, v. 1, p. 322.)
[9] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 384.
[10] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 17.
[11] Именно он сделал доклад Центральному Комитету: КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 384.
[12] Khrushchev Remembers, v. 1, p. 322—335; *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 19.
[13] Khrushchev Remembers, v. 1, p. 336—338. Этот рассказ в основной своей части совпадает с тем, что Хрущев излагал по иному поводу другим иностранным гостям, среди которых было несколько итальянцев.
[14] Правда, 24 декабря 1953 г. То, что Берия находился в руках армии до самого момента вынесения приговора, подтверждается различными источниками. См. *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 383, 428; *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 19.
[15] Правда, 17 декабря 1953 г. Сравни: *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.
[16] Правда, 17 декабря 1953 г. Поскольку документ этот закрытый, автор не мог его видеть в последующие годы в Москве. Рассказ о нем совпадает с тем, что излагается в работе: *G. Seniga.* Op. cit., p. 39—42. Свидетельство очевидца см. в: *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 421.
[17] Правда, 10 июля 1953 г.
[18] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 37—40.
[19] Коммунист, 1953, № 12, с. 14—15.
[20] Народное хозяйство СССР в 1963 г., с. 7.
[21] *М. И. Богденко.* Совхозы СССР, 1951—1958. М., 1972, с. 80—83. *И. М. Волков.* Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы. — «История СССР», 1973, № 1, с. 9.
[22] *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 86.
[23] Коммунист, 1953, № 12, с. 16.

[24] Правда, 10 августа 1953 г.
[25] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 30; *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.
[26] Коммунист, 1953, № 12, с. 18.
[27] Правда, 9 февраля 1955 г.; *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 28—29.
[28] Коммунист, 1953, № 12, с. 16.
[29] Правда, 4 марта 1951 г.
[30] XIX Congres du PCUS.., p. 122; *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 50—51; XXII съезд КПСС.., т. 2, с. 183—184.
[31] *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 10—14, 20—21.
[32] КПСС в резолюциях.., (изд. 1953 г.), т. 2, с. 1153. (Сведения об этом, однако, исчезли из последующих изданий этого сборника документов).
[33] Советское крестьянство.., с. 440; *И. М. Волков.* Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы, с. 9.
[34] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 284—285; 412—413.
[35] Решение Пленума имеется в сборнике документов: КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 385—429. См. также Советское крестьянство.., с. 451—452; *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 74—77; *А.П. Тюрина.* Об использовании специалистов в колхозном производстве. 1950—1958 гг. — «Исторические записки», № 89, с. 23—30. О прецеденте в 1929—1930 гг. см. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.
[36] Коммунист, 1953, № 12, с. 16; *Н.С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 85. То, что Хрущев целил именно в Маленкова, подтверждается в этой его работе (см. там же, т. 2, с. 11);
[37] *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 85—100, 227—286.
[38] Советское крестьянство.., с. 443—444; *М. Л. Богденко.* Указ. соч., с. 89; *В. И. Куликов.* Массовое освоение целинных земель и его социально-экономическое значение. — Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы, с. 142.
[39] Это нашло отражение в: *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 338.
[40] КПСС в резолюциях.., т. 6, с. 430—463 (в частности, там же, с. 437—438); *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 232—240.
[41] Советское крестьянство.., с. 460—463; *В. И. Куликов.* Указ. соч., с. 143; *М. Л. Богденко.* Указ. соч., с. 125, 130.
[42] *М. Л. Богденко.* Указ. соч., с. 120; *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 298—301, 339—340.
[43] Сравни беседу советского руководителя с английским ученым Берналом: *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 365—366; с. 234, 236, 341. В этой беседе Хрущев с особенно большим оптимизмом говорил об этой операции.
[44] *М. Л. Богденко.* Указ. соч., с. 109—111, 119.
[45] Советское крестьянство.., с. 461; *В. И. Куликов.* Указ. соч., с. 145.
[46] Директивы ЦК КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов (далее: Директивы ЦК КПСС и Советского правительства...), т. 4, с. 264—267, 319—328; *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 431; *М. Л. Богденко.* Указ. соч., с. 135. Об оппозиции Маленкова этим предложениям см. Пленум Центрального Комитета. 15—19 декабря 1958, с. 318.
[47] Директивы ЦК КПСС и Советского правительства.., т. 4, с. 18—19; Soviet Studies, v. 5, p. 303—307. О расширенном заседании Президиума см. свидетельство в: XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 396.
[48] Правда, 10 июня 1953 г.; Коммунист, 1953, № 11, с. 25—26, № 12, с. 46.
[49] Коммунист, 1953, № 12, с. 46.
[50] *Ilja Ehrenburg.* Op. cit., v. 6, p. 343.
[51] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 11—12.
[52] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 43.
[53] *Ilja Ehrenburg.* Op. cit., v. 6, p. 344—346. Его повесть «Оттепель» появилась в журнале «Знамя» (1954, № 5). (Итальянский перевод: *Ilja Ehrenburg.* Il disgelo. Milano, 1960.) О дискуссии см. Soviet Studies, v. 6, p. 287—307. Свидетельство очевидца: *S. Allilueva.* Op. cit., p. 188—189.
[54] *В. Померанцев.* Искренность в литературе. — «Новый мир», 1953, № 12. Значительные выдержки из работы переведены в «Soviet Studies», v. 5, p. 434—445. Текст дискуссии см. ibid., v. 6, p. 91—101.

[55] Выступления опубликованы в «Литературной газете» (16 декабря 1953 г. — 4 января 1954 г.). Широкое обобщение этого материала см. в «Soviet Studies» v. 6, p. 404—442. Автор, присутствовавший на заседаниях, мог оценить цензурные поправки.

[56] Правда, 24 декабря 1954 г.

[57] В целом о развитии событий см. *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 56—57.

[58] Текст письма см.: Правда, 9 февраля 1955 г. О дискуссии о развитии тяжелой промышленности см.: Правда, 24 января 1955; Soviet Studies, v. 7, p. 59—74.

[59] Эти документы не были опубликованы в СССР. Но о событиях были все же определенные сведения в последующие годы.

[60] *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 137; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 46—48.

[61] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[62] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 125—127.

[63] *M. Gilas*. Op. cit., p. 127—128.

[64] *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 113, 156; т. 2, с. 27, 178.

II. Дипломатия мирного сосуществования

[1] Этот страх, который сквозил в речах на похоронах Сталина, нашел отражение в работе История КПСС. (М., 1962, с. 626).

[2] В исследованиях хрущевского периода критика была еще более недвусмысленной. См. Международные отношения после второй мировой войны, т. 2, с. 55—56.

[3] *D. F. Fleming*. Op. cit., v. 2, p. 771—772.

[4] Правда, 25 апреля 1953.

[5] Коммунист, 1953, № 12, с. 24—31.

[6] Там же, с. 28—30.

[7] *A. Fontaine*. Op. cit., v. 2, p. 77—78.

[8] The Pentagon Papers. — "The New York Times", New York, 1971, p. 10—13.

[9] Ibid., p. 14.

[10] См. статью в «Жэньминь жибао», перепечатанную в «Правде» 5 июля 1954 г.; Международные отношения.., т. 2, с. 212.

[11] *A. Gambino*. Op. cit., p. 140—141. Там же находятся ссылки на имеющиеся источники.

[12] Известия, 11 марта 1952.

[13] *A. Ulam*. Storia della politica estera sovietica, p. 765—768. Американский историк склоняется к положительному ответу на вопрос.

[14] История внешней политики СССР. 1945—1976 т. 2, с. 182; *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 228—230.

[15] Английский государственный деятель Иден отдает себе отчет в этом: Le memorie di sir Anthony Eden. 1945—1957. Milano, 1960, p. 369.

[16] История внешней политики СССР, т. 2, с. 192—193.

[17] Там же, с. 194—196; Правда, 16 января 1955 г.

[18] Симптомы уже проявились. См. *A. Eden*. Op. cit., p. 99—100.

[19] Правда, 9 февраля 1955 г.

[20] Правда, 13 марта 1954 г.

[21] Коммунист, 1955, № 4, с. 16—20. О последних сталинских годах см. доклад Маленкова на XIX съезде КПСС в: XIX съезд КПСС.., с. 103; *И. В. Сталин*. Соч., т. 16, с. 224, 229, 257.

[22] *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 422.

[23] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 270; Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1959, т. 1, с. 447—448, 517; т. 2, с. 43 (далее: XXI съезд КПСС...).

[24] Правда, 11 февраля и 15 февраля 1955 г. Два других интервью см. Правда, 13 января и 13 февраля 1955.

[25] *Sven Allard*. Russia and the Austrian State Treaty. A Case Study of Soviet Policy in Europa. University Park. Pennsylvania, 1970, p. 170—179; см. также статью Молотова Правда, 2 февраля 1955.

[26] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 270. Так следует н нз цитируемого опнсання переговоров, сделаниого Аллардом, который иепосредственно наблюдал за ннми, будучи шведским послом в Вене.

[27] XXI съезд КПСС.., т. 2, с. 142. О докладе Хрущева (о нем сообщалось в «Правде» 13 мая 1955 г.) говорнтся лишь в: КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 71. Здесь помещена резолюция, одобряющая его содержанне (там же, с. 92).

[28] Документ был представлен иностранными гостямн. См. нитервью П. Буфалиин.

[29] Международиые отиошеиия.., т. 2, с. 648—650. О том, что предшествовало Женевской конференции, см. *D. E. Fleming*. Op. cit., v. 2, p. 737—748; История виешией политики СССР, т. 2, с. 216—218, 231—232.

[30] *A. Eden*. Op. cit., p. 368—369.

[31] Подробности см. *D. F. Fleming*. Op. cit., v. 2, p. 766—770.

[32] *Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев*. Речи во время пребываиия в Индин, Бирме н Афганнстане. Ноябрь — декабрь 1955 г. М., 1955, с. 30—40.

[33] Там же, с. 209—234.

[34] Междуиародные отношения.., т. 2, с. 117—121, 133—134, 143—148, 155—161.

[35] *D. F. Fleming*. Op. cit., v. 2, p. 738—740.

[36] *В. Соколовский, М. Чередниченко*. Указ. соч., с. 8. См. также статью Н. Талеиского (Военная мысль, 1953, № 9).

[37] *И. Коротков*. Указ. соч. 43—44. О первых результатах обсуждения см. статьи П. Ротмнстрова н П. Курочкииа, а также передовые в журнале «Воениая мысль» № 2—5.

[38] *И. Коротков*. Указ. соч., с. 43—44.

[39] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 42; Правда, 17 нюля 1955 г.

[40] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 43.

[41] Правда, 17 июля 1955 г.

[42] Там же; КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 71—91.

[43] *Ж. А. Медведев*. Международное сотруднчество учеиых.., с. 145—146.

[44] *Н. С. Хрущев*. Строительство коммуиизма в СССР.., т. 1, с. 431—432; Правда, 11 февраля 1955 г.

[45] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 77—78. Этой проблеме былв посвящеиа целая резолюция. См. там же, с. 66—70.

[46] *Н. С. Хрущев*. Стронтельство коммунизма в СССР.., т. 1, с. 343; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 66.

[47] *Ж. А. Медведев*. Международное сотрудннчество ученых.., с. 146—147.

[48] *A. Eden*. Op. cit., p. 449—450; Международные отношения.., т. 2, с. 103—114.

[49] История внешней политикн СССР, т. 2, с. 219.

[50] *D. F. Fleming*. Op. cit., v. 2, p. 752—755; Международиые отношения.., т. 2, с. 102—103.

[51] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 308—309.

[52] Историяя КПСС. М., 1962, с. 652.

[53] Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 127.

[54] Правда, 10 июня 1953 г.

[55] Неполное свидетельство об этих иелегких личиых отношеииях см. XXII съезд КПСС.., т. 2, с. 589.

[56] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 268, 270; XXII съезд.., т. 1, с. 448, т. 2, с. 42—43.

[57] Kruscev ricorda, p. 599; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 73.

[58] Ibid., p. 74.

[59] Ibid., p. 74; *S. Alliluieva*. Op. cit., p. 171.

[60] Kruscev ricorda, p. 601—602; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 76—77; Об этих осуждениях 30-х гг. см. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1. О существованни комиссни и доклада Поспелова говорнтся и в: Khrushchev Remembers, v. 1, p. 345.

[61] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 105, т. 2, с. 224, 585.

[62] Сельское хозяйство.., с. 25—26; *М. Л. Богденко*. Указ. соч., с. 136.

[63] *Л. И. Брежнев*. Вопросы аграрной политнки КПСС н освоенне целнниых земель Казахстана. Речи и выступлення. М., 1974, с. 56—57.

[64] Пленум Центрального Комитета, 15—19 декабря 1958, с. 365, 408, 421—422; XXII съезд КПСС.., т. 2, с. 105; *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 2, с. 183—195. Крнтнка шнроко распространялась. Об этом см. *V. Vidali*. Op. cit., p. 83.

III. XX съезд КПСС

[1] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 34—36. (Для более общего анализа см. там же, с. 10—28.)
[2] Там же, с. 36—41.
[3] Там же, с. 22—23.
[4] Там же, с. 455—463. (Сведения о его оппозиции см. XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 447—448).
[5] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 91, 94, 101.
[6] Там же, с. 3, 99.
[7] Правда, 21 декабря 1955 г.
[8] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 101—102.
[9] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 77.
[10] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 301—328. (О знаменитой «клятве» Сталина см. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1. *И. В. Сталин.* Соч., М., 1953, т. 6, с. 46—51.)
[11] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 335—342, 452—468, 550—556.
[12] Там же, с. 618—626.
[13] Там же, т. 2, с. 401—402. (См. также *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 78).
[14] *V. Vidali.* Op. cit., p. 21, 26—27, 32—36.
[15] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 102—103 (Хрущев предпочитал говорить о коллективном решении).
[16] Там же, с. 102—103.
[17] Khrushchev Remembers, v. 1, p. 347—349.
[18] Эти опасения позднее были выражены обеими борющимися сторонами. Важность такого мотива косвенно признавалась в: КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 203; История КПСС, с. 659.
[19] XXII съезд КПСС.., т. 2, с. 583. В книге Khrushchev Remembers (v. 1, p. 346—350) добавляются подробности, что не изменяет сути происходившего.
[20] XX съезд КПСС.., т. 2, с. 498; КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 191; Справочник партийного работника. М., 1957, с. 92. О тексте доклада см. Kruscev ricorda, p. 577—631.
[21] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 396; *Gian Carlo Pajetta.* La lunga marcia dell'internazionalismo. Intervista di Ottavio Cecchi, Roma, 1978, p. 133.
[22] *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 172—174; *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 78.
[23] Свидетельство, подобное многим другим, с которыми автор был прямо ознакомлен, содержится в: *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 174.
[24] Ibid., p. 169—170; *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 79.
[25] XXII съезд КПСС.., т. 2, с. 49—50.
[26] *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 272—273; Новый мир, 1961, № 12, с. 195, и 1964, № 4, с. 232; *E. Markich.* Op. cit., p. 278. Константин Симонов в статье-некрологе («Новый мир», 1956, № 6) пишет о заболевании алкоголизмом, а не об обстоятельствах смерти А. Фадеева.
[27] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 204—209.
[28] Там же, с. 210—214.
[29] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 78—79.
[30] Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Шестая сессия. 5—12 февраля 1957 г. Стенографический отчет. М., 1957, с. 530—532; *A. Nekrič.* Popoli deportati, p. 152—173.
[31] Справочник партийного работника, с. 406; *D. Corneli.* Op. cit., p. 159.
[32] Литературные и документальные свидетельства о возвращении многочисленны. Здесь мы ограничимся указанием на: *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 278; *V. Vidali.* Op. cit., p. 148—152.
[33] См. Вопросы истории, 1956, № 3, с. 8. Письма трех реабилитированных (Бруно Ясенского, Николая Заболоцкого, Михаила Кольцова) появились одновременно в «Новом мире» (1956, № 6). За ними последовали другие. Аналогичные открытия см. в: Литературная Москва. Литературно-художественный сборник московских писателей М., 1956.
[34] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 52—53.
[35] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 264—266. О материальных выгодах см. Сборник законов СССР, т. 2, с. 197—201. Об этом явлении и его последствиях см. *С. Л. Сеня-*

ский, В. Б. Тельпуховский. Рабочий класс СССР. 1938—1965. М., 1966, с. 198—202.

[36] Справочник партийного работника, с. 445—447; Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Шестая сессия. 5—12 февраля 1957, с. 742, 752 (далее: Заседания Верховного Совета 5—12 февраля 1957 г.).

[37] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 219—221; Справочник партийного работника, с. 314—316. О «завещании» Ленина см. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

[38] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 235—236; XX съезд КПСС.., т. 1, с. 621.

[39] Некоторые свидетельства этого см. Всесоюзное совещание историков, с. 149—150; *A. Bek.* La nuova nomina. Milano, 1973, p. 82—83; *Б. Яковлев.* Печатается впервые... — «Новый мир», 1962, с. 4.

[40] См. статью XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии. — «Вопросы истории», 1956, № 3. См. также и последующие номера журнала, в частности отчет о конференции читателей (№ 7 и 8 за тот же год).

[41] См., например, *Н. Хикмет.* А был ли Иван Иванович? — «Новый мир», 1956, № 4; *В. Дудинцев.* Не хлебом единым. — «Новый мир», № 8—10. 1956.

[42] Справочник партийного работника, с. 381—382.

[43] Сельское хозяйство СССР.., с. 25—28; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 436—437; *М. Л. Богденко.* Указ. соч., с. 137—138.

[44] *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 2, с. 271—274; *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 64.

[45] *Н. С. Хрущев.* За прочный мир и мирное сосуществование. М., 1958, с. 12—13, 20—21 (далее: За прочный мир...)

[46] XX съезд КПСС.., т. 2, с. 289—290; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 106, 397.

[47] *A. Bek.* Op. cit., p. 20—21, 104—105. Несмотря на то, что это — литературное произведение, автор использовал документы, касавшиеся последних лет жизни Тевосяна, одного из руководителей советской металлургии при Сталине и в первые годы после его смерти (сравни: Заседания Верховного Совета 5—12 февраля 1957, с. 740).

[48] XXI съезд КПСС.., т. 2, с. 140—142; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 106, 394.

[49] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 249—256; Всесоюзное обсуждение вопроса о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М., 1957, с. 3—46; Правда, 30 марта 1957.

[50] Пленум Центрального Комитета КПСС, 15—19 декабря 1958, с. 338, 350, 365.

[51] Правда, 23 мая 1957 ; *Н. С. Хрущев.* Строительство коммунизма в СССР.., т. 2, с. 441—461. (Эта более поздняя версия одной и той же речи была исправлена, чтобы исключить наиболее опрометчивые обещания Хрущева.) Сравни: *Н. С. Хрущев.* За прочный мир.., с. 53—54.

[52] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 106, т. 2, с. 106—107.

[53] Там же, т. 1, с. 106; т. 2, с. 106—107, 405, 589.

[54] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 89—90.

[55] XXI съезд КПСС.., т. 2, с. 141, 291; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 106, 291, т. 2, с. 43, 107.

[56] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 267—273.

[57] *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 90.

[58] XXII съезд КПСС.., т. 2, с. 390.

[59] Там же, т. 1, с. 446, 449; т. 2, с. 43, 107, 186, 350—355; *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 415—416.

[60] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 107.

[61] *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.

[62] *A. Eden.* Op. cit., p. 367.

[63] XXI съезд КПСС.., т. 2, с. 127; Khrushchev Remembers, v. 2, p. 14—15. (Аналогичные слухи распространялись в этот период и в Москве.)

[64] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 296—297;

IV. Кризис 1956 г. и коммунистическое движение

[1] *F. Fejto.* Op. cit., v. 2, p. 42—44. Процитированный здесь пример равноценен и для Венгрии. Аналогичные советы давались и другим странам.

[2] Пример более общего порядка, касающийся в этом случае Польши, см. VIII Plenum del Comitato centrale del Partito operaio unificato polacco. Milano, 1957, p. 140 (далее: VIII Plenum...)

[3] Il rapporto proibito.., p. 125.

[4] *W. Brus.* Op. cit., parte 2, p. 7—11; *Z. Brzezinski.* Op. cit., p. 159—166.

[5] Il rapporto proibito.., p. 175, 180—189; *F. Fejto.* Op. cit., v. 2, p. 53; *Nicholas Bethell.* Op. cit., p. 295, 315.

[6] История внешней политики СССР, т. 2, с. 189—190.

[7] Подробные факты о событиях см. *M. Kaser.* Op. cit., p. 79.

[8] Ibid., p. 76—89. Советские исследования подтверждают наши положения. Отметим среди прочих советских исследований следующее: *Н. В. Фадеев.* Совет Экономической Взаимопомощи — коллективный орган сотрудничества социалистических стран. — «Вопросы истории», 1971, № 8, с. 8—9.

[9] Правда, 15 мая 1955 г.; История внешней политики СССР, т. 2, с. 196—198.

[10] *A. Ulam.* Op. cit., p. 800—801.

[11] Единственное и неопределенное указание на эту дискуссию см. Khrushchev Remembers, v. 2, p. 194—195. Подтверждение ее существования можно найти в *В. Соколовский, М. Чередниченко.* Указ. соч., с. 9.

[12] Международные отношения.., т. 2, с. 606.

[13] Правда, 10 марта 1953 г.

[14] VIII congresso del Partito comunista cinese. Atti e risoluzioni. Roma, 1956, p. 15.

[15] Ibid., p. 117—118. Documents of the National Conference of the Communist Party of China. March, 1955. Peking, 1955, p. 13—20.

[16] *Mao Tse-tung.* Scritti inediti.., p. 79; Новейшая история Китая, с. 266—268; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 127—128.

[17] *Mao Tse-tung.* Scritti inediti.., p. 78—79.

[18] *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 64—66, 70.

[19] Там же, с. 67—69; Правда, 12 октября 1954 г.

[20] Правда, 9 февраля 1955 г.

[21] Коммунист, 1953, № 12, с. 25—26.

[22] Khrushchev Remembers, v. 1, p. 378.

[23] Peking Review, 1963, № 39, p. 24—25. Из этого же источника можно узнать о советском письме. См. также *G. Seniga.* Op. cit., p. 49—50.

[24] *S. Clissold.* Op. cit., p. 249—250.

[25] Ibid., p. 249; Правда, 29 ноября 1954 г.; История внешней политики СССР, т. 2, с. 231—232.

[26] Правда, 9 февраля 1955 г.; *V. Vidali.* Op. cit., p. 56—57; *S. Clissold.* Op. cit., p. 249—250.

[27] Правда, 27 мая 1955 г.; *S. Clissold.* Op. cit., p. 252—254.

[28] Правда, 2 июня 1955 г.; *S. Clissold.* Op. cit., p. 254—257.

[29] Об этом можно узнать из: Khrushchev Remembers, v. 1, p. 343—344.

[30] *V. Vidali.* Op. cit., p. 69; *F. Fejto.* Op. cit., v. 2, p. 78—80; Правда, 19 февраля 1956 г. Из официального сообщения видно, что и это преступление приписано Берии.

[31] К прямому личному свидетельству можно добавить: *V. Vidali.* Op. cit., p. 58; статью К. Каплана в журнале «Panorama» (17 maggio, 1978, p. 238).

[32] Peking Review, 1963, № 37, p. 8. Итальянский опыт подтверждает, что́ можно извлечь из этого источника.

[33] *J. Pelikan.* Op. cit., p. 111.

[34] VIII congresso del Partito comunista italiano. Atti e risoluzioni. Roma, 1957, p. 540.

[35] *J. R. Starobin.* Op. cit., p. 224—230. Свидетельство об этом см. *Peggy Dennis.* The Autobiography of an American Communist. A Personal View of a Political Life. 1925—1975. Berkeley, 1977, p. 219—236.

[36] *P. Togliatti.* Problemi del movimento operaio internazionale, p. 58, 236. Более широкий анализ итальянских позиций этого периода см. *G. Boffa.* 1956: alcune premesse dell' "eurocomunismo". — "Studi storici", 1976, № 4.

[37] Статья Э. Ходжи в: Albanie aujourd'hui, 1975, № 6, p. 37—38.

[38] *P. Togliatti.* Problemi del movimento operaio internazionale, p. 147; *S. Clissold.* Op. cit., p. 264.

[39] Il rapporto proibito.., p. 112; *N. Oren.* Op. cit., p. 132—138.

[40] VIII Plenum.., p. 22—30, 181—185.

[41] Ibid., p. 238—241, 256—257.

[42] О концепциях Надя см. *F. Fejto*. Op. cit., v. 2, p. 139—140; *Z. Brzezinski*. Op. cit., p. 230—231.
[43] О двух тезисах см. *F. Fejto*. Op. cit., v. 2, p. 143; История КПСС, с. 639.
[44] L'Unitá, 31 octobre 1956; *G. Amendola*. Il rinnovamento del PCI, p. 137.
[45] Эти известия, собранные автором, находят подтверждения в *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 80—81; Khrushchev Remembers, v. 1, p. 417—422.
[46] Статью Э. Ходжи см. в: Albanie aujourd'hui, 1975, № 6, p. 38.
[47] Peking Review, 1963, № 37, p. 10; *Janos Radvanyj*. Hungary and the Superpowers. The 1956 Revolution and the Realpolitik. Stanford 1972, p. 27—28; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 81.
[48] *S. Clissold*. Op. cit., p. 267; Khrushchev Remembers, v. 1, p. 421—422.
[49] *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale, p. 116, 136—137.
[50] *S. Clissold*. Op. cit., p. 261—262.
[51] Ibid., p. 263—266.
[52] Ibid., p. 270—271.
[53] Правда, 18 декабря 1956 г.
[54] *Donald S. Zagoria*. The Sino-Soviet Conflict. 1956—1961. Princeton, 1962, p. 55—58; *Z. Brzezinski*. Op. cit., p. 260.
[55] More on the Historical Experience of the Dictatorship of the Proletariat. Peking, 1957, p. 35.
[56] Эта информация, лично собранная автором, подтверждается в *Baik Bong*. Kim Il Sung. Biography. Tokio, 1970, v. 2, p. 549—550, 553, 558.
[57] Кроме уже цитированной работы More of the Historical Experience... см. *Мао Цзэдун*. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М., 1957; *Mao Tse-tung*. Scritti inediti.., p. 49—66. Официальная версия этой речи появилась в: Pekin Information, 1977, № 1.
[58] *Mao Tse-tung*. Scritti inediti.., p. 81—82; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 87—91.
[59] *Mao Tse-tung*. Scritti inediti.., p. 82; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 103. О «маленьких Венгриях» см. *J. Radvanyj*. Op. cit., p. 29; *G. C. Pajetta*. Op. cit., p. 137.
[60] Peking Review, 1963, № 37, p. 32; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 94.
[61] *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 142—143; *Mikhail A. Kločko*. Un sovietico in Cina. Milano, 1964, p. 16—17.
[62] *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale, p. 134—135, 231; *Z. Brzezinski*. Op. cit., p. 271—279.
[63] История КПСС, с. 676; см. статью П. Инграо в журнале Rinascita, 17 settembre 1976. Тексты см. в: Documenti politici e direttive del Partito comunista italiano dall'VIII al IX Congresso. Roma s. d., p. 178—200 (далее: Documenti politici...).
[64] Peking Review, 1963, n. 37, p. 11; статья П. Инграо в журнале Rinascita, 17 settembre 1976; *V. Vidali*. Op. cit., p. 138—145.
[65] Documenti politici.., p. 185. Китайцы оценили включение этого параграфа; Peking Review, 1963, № 37, p. 11. Советские руководители поддержали эту концепцию с ноября 1956 г.; *М. А. Суслов*. Избранное. Речи и статьи. М., 1972, с. 211.
[66] Documenti politici.., p. 189—190; Peking Review, 1963, № 37, p. 21—22.
[67] Documenti politici.., p. 186—187; статью П. Инграо см. в журнале Rinascita, 17 settembre 1976.
[68] *Mao Tse-tung*. Su Stalin e sull'URSS.., p. 33.
[69] Полный текст речи не опубликован. Ее содержание см. в *V. Vidali*. Op. cit., p. 156—160; см. также *Mao Tse-tung*. Tigri di carta. Roma, 1959, p. 11—12, 39—44 (публикуемые здесь тексты хотя и не были произнесены на совещании, но касаются тех же концепций). Об атомной войне см. *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков*. Указ. соч., с. 92.
[70] *V. Vidali*. Op. cit., p. 160; *N. S. Khrushchov*. For Victory in the Peaceful Competition with Capitalism. Mosca, 1959, p. 570—571.
[71] *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale, p. 253—268.
[72] *V. Vidali*. Op. cit., p. 161—163; см. статью П. Инграо в журнале «Rinascita» 17 settembre 1976.

V. «Космическая эра»

[1] См. *D. F. Fleming*. Op. cit.; *A. Fontaine*. Op. cit.; см. также *A. Gambino*. Op. cit., p. 175.

[2] История внешней полнтнки СССР, т. 2, с. 257.

[3] Там же, с. 263—264.

[4] Советскую версню см. там же, с. 267—268; *Н. И. Лебедев*. Имперналнстнческая агрессня против Египта в 1956 г. — «Вопросы нсторин», 1963, № 9, с. 79—80. Свидетельства западных авторов см. *Anthony Nutting*. No End of a Lesson. The Story of Suez. London, 1967, p. 143—145; *A. Eden*. Op. cit., p. 685—687; *Dwight D. Eisenohower*. La pace incerta. Gli anni della Casa Bianca. 1956—1961. Milano, p. 108—109.

[5] По этому вопросу, кроме официальных утвержденнй, есть свидетельства эмигрантов нз СССР, мало снисходительных к своей родине н режиму. См. *M. A. Kločko*. Op. cit., p. 17—18; *Леонид Владимиров*. Советскнй космическнй блеф. Франкфурт, 1973, с. 43—44 (эту работу нужно рассматрнвать с осторожностью нз-за содержащнхся в ней серьезных ошибок).

[6] *М. Галлай*. Испытано в небе. — «Новый мир», 1963, № 4, с. 84—86.

[7] Официальную бнографию С. П. Королева см. *Петр Асташенков*. Академнк Королев. — «Москва», 1969, № 11, 12. См. также *В. Губарев*. Конструктор. Несколько страннц из жизни Михаила Кузьмича Янгеля. М., 1977, с. 71—72 (Янгель был однин из основных создателей советской ракетной техннкн).

[8] *Петр Асташенков*. Указ. соч., с. 167.

[9] La sfida dell'America. A cura di Giuseppe Boffa. Roma, 1960, p. 40, 46, 93, 99—103, 116—117. Амернканскне оценкн отношенний двух экономнк см. Joint Economic Committee. Congress of the United States. Comparisons of the United States and Soviet Economies. Papers Submitted by Panelists Appearing Before the Subcommittee on Economic Statistics. Washington, 1959, parts 1, 2, 3. (далее: Joint Economic Committee. Congress of the United States. Comparisons of the United States and Soviet Economies...)

[10] *Dwight W. Eisenhower*. Op. cit., p. 610; *Thomas W. Wolfe*. Soviet Power and Europe. 1945—1970. Baltimor 1970, p. 86.

[11] О публичных заявлениях см. *Н. С. Хрущев*. За прочный мнр н мирное сосуществование, с. 262—263; История внешней политикн СССР, т. 2, с. 242. (Утверждения о превосходстве в этой книге были изъяты; см. с. 240 второго нздання 1976 г.) О Московском совещании см. *V. Vidali*. Op. cit., p. 158.

[12] *D. F. Fleming*. Op. cit., v. 2, p. 885—888; Всесоюзное совещание историков.., с. 124.

[13] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 75; Матерналы Совещання Политнческого консультативного комнтета государств — участннков Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве н взаимной помощи. 24 мая 1958. М., 1958, с. 22—23.

[14] *Н. С. Хрущев*. Мир без оружия — мир без войн. М., 1960, т. 1, с. 265; Историн внешней политикн СССР, т. 2, с. 315.

[15] *N. S. Khrushchov*. For Victory, p. 758—784.

[16] *John Dornderg*. La Germania dietro il muro. Anatomia della Republica democratica tedesca. Milano, 1968, p. 3—23.

[17] См. *М. И. Орлов, Н. Ю. Андросов*. Указ. соч., с. 71—105.

[18] О страхе советскнх руководителей см. *N. S. Khrushchov*. For Victory, p. 91.

[19] История внешней полнтнкн СССР, т. 2, с. 245—252; *J. P. Morray*. Op. cit., p. 257—289; *Philip Noel-Baker*. La corsa agri armamenti. Un programma di disarmo mondiale. Bologna, 1961, p. 26—43.

[20] *Н. С. Хрущев*. Мнр без оружия — мнр без войны, т. 2, с. 153—163.

[21] Матерналы Совещания Полнтнческого консультативного комнтета государств — участннков Варшавского Договора. 24 мая 1958 г., с. 20—21.

[22] Заседання Верховного Совета СССР 27—31 марта 1958 г., с. 343—362.

[23] Заседания Верховного Совета СССР 14—15 января 1960 г., с. 33.

[24] Там же, с. 34; Историн внешней полнтнки СССР, т. 2, с. 330.

[25] Заседания Верховного Совета СССР 14—15 января 1960 г., с. 35—37.

[26] Там же, с. 36—83; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 55; *T. W. Wolfe*. Op. cit., p. 146—148; *Michel Tatu*. Le Pouvoir en URSS. Du déclin de Khrouchtctev à la direction collective. Paris, 1967, p. 61, 69, 79.

[27] XXII съезд КПСС.., т. 2, с. 343.

[28] Различные свидетельства этой иллюзии см. *Н. С. Хрущев*. Мир без оружия — мир без войн, т. 2, с. 67; Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США. М., 1960, с. 429; *G. Amendola*. Il rinnovamento del PCI, p. 147.

[29] *Dwight D. Eisenhower*. Op. cit., p. 452—461.

[30] Американская печать того времени дает подробное описание поездки. Оригинальный рассказ об одном из эпизодов поездки см. *John Kenneth Galbraith*. L'economia e la qualità della vita. Milano, 1971, p. 213—222. См. советский пропагандистский официальный отчет «Лицом к лицу с Америкой...» Речи советского руководителя собраны в: *Н. С. Хрущев*. Мир без оружия — мир без войн, т. 2, с. 64—307.

[31] *Н. С. Хрущев*. Мир без оружия — мир без войн, т. 2, с. 292, 303. Критику см. Peking Review, 1965, № 37, p. 13; *M. Tatu*. Op. cit., p. 57, 65—67; Заседания Верховного Совета 5—7 мая 1960 г., с. 59.

[32] Материалы об этом см. L'Affare Powers Roma. 1960; Заседания Верховного Совета 5—7 мая 1960 г., с. 57—63, 247—258; *Dwight D. Eisenhower*. Op. cit., p. 605—616.

[33] Заседания Верховного Совета 5—7 мая 1960 г., с. 55—56.

[34] *D. F. Fleming*. Op. cit., v. 2, p. 857.

[35] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 55. Сравни: *P. Noel-Baker*. Op. cit., p. 136.

[36] *Dwight D. Eisenhower*. Op. cit., p. 202—208; История внешней политики СССР, т. 2, с. 272—275.

[37] Joint Economic Committee. Congress of the United States. Comparisons of the United States and Soviet Economies.., part 2, p. 445—454. Те же утверждения в более пропагандистской форме: История внешней политики СССР, т. 2, с. 304—309.

[38] *Н. С. Хрущев*. За мир, за разоружение, за свободу народов! М., 1960, с. 41 (общую трактовку темы см. там же, с. 36—52, 72—86).

[39] Там же, с. 66—68.

[40] *Theodore C. Sorensen*. Kennedy. Milano, 1966, p. 725—726.

[41] Ibid., p. 727—738 (о письменных контактах см. ibid., p. 738—747). Другое свидетельство о встрече в Вене см. *Arthur M. Schlesinger Jr*. I mille giorni di John F. Kennedy alla Casa Bianca. Milano, 1966, p. 403—425.

[42] История внешней политики СССР, т. 2, с. 361—362. С американской стороны см. мнение бывшего министра обороны Макнамары в предисловии к книге: *Robert F. Kennedy*. I tredici giorni della crisi di Cuba. Milano, 1968, p. 9.

[43] Отклик на этот эпизод см. *A. M. Schlesinger*. Op. cit., p. 264—300. *T. C. Sorensen*. Kennedy, p. 391—415.

[44] Кроме указанной работы Роберта Ф. Кеннеди отметим: *Elie Abel*. La crisi dei missili. Milano, 1966 (на с. 178—181 данной работы имеется анализ никогда не публиковавшегося письма Хрущева); *Herbert S. Dinestein*. The Making of a Missile Crisis: October 1962. Baltimor, 1962. Изложение этих событий имеется у Соренсена и Шлезингера. Советское изложение событий см. *А. А. Громыко*. Карибский кризис. — «Вопросы истории», 1971, № 7, 8 (в № 8 на с. 125 упоминание о письме Хрущева).

[45] *Н. С. Хрущев*. К победе разума над силами войны. М., 1964, с. 137—138. Еще более отрицательное мнение выражено Хрущевым в частном порядке. См. Khruschev Remembers, v. 1, p. 504; v. 2, p. 512.

[46] *M. Tatu*. Op. cit., p. 245—249; *A. Ulam*. Op. cit., p. 957—963.

[47] *T. C. Sorensen*. Kennedy, p. 959—960; *Robert F. Kennedy*. Op. cit., p. 95—98.

[48] *Robert F. Kennedy*. Op. cit., p. 36—37, 64—65, 72—75, 90—91.

VI. Годы реформ

[1] Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 7, 13—25; Перепись населения СССР, 1959, с. 20—29; Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972, т. 1, с. 10—21, 61.

[2] Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 42, 46—47, 117. Сравни: Народное хозяйство СССР в 1973 г., с. 46—47.

[3] Труд в СССР, с. 20; Развитие социалистической экономики.., с. 113.

[4] Труд в СССР, с. 25, 81, 121, 251. О 30-х гг. см. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[5] Эта идея, часто встречающаяся у Хрущева, более четко выражалась частным образом. См. *G. Boffa*. Dopo Krusciov. Torino, 1965, p. 168—169, и рецензию на эту книгу Л. Паволини в: Rinascita, 19 giugno 1965.

[6] *G. Amendola*. Il rinnovamento del PCI, p. 150.

[7] Сравни: *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.; Коммунистический Интернационал, 1941, № 3, с. 74.

[8] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 44, т. 2, с. 11, 417, 434.

[9] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 65; *Н. С. Хрущев*. Мир без оружия — мир без войн, т. 1, с. 289.

[10] Joint Economic Committee. Congress of the United States. Comparisons of the United States and Soviet Economies, v. 2, p. 535—536.

[11] Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 93; Развитие социалистической экономики.., с. 135—136, 161.

[12] Соревнование двух систем. Проблемы экономической науки. М., 1963, с. 9—10.

[13] Труд в СССР, с. 138—139; Сборник законов СССР, т. 2, с. 217—237; *Н. Я. Бромлей*. Уровень жизни в СССР. 1950—1965 гг. — «Вопросы истории», 1966, № 7, с. 12.

[14] Правда, 28 декабря 1944 г.; КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 278—296; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 395; *А. Е. Харитонова*. Основные этапы жилищного строительства в СССР. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 63.

[15] Развитие социалистической экономики.., с. 474—479. Сравни: *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[16] Директивы ЦК КПСС и Советского правительства.., т. 4, с. 746—749; Развитие социалистической экономики.., с. 468—469, 487—492; *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 312—335.

[17] Директивы ЦК КПСС и Советского правительства.., т. 4, с. 697—700.

[18] *В. С. Лельчук*. Индустриальное развитие СССР в годы семилетки, 1959—1965 гг. — «История СССР», 1970, № 5, с. 15—16.

[19] Развитие социалистической экономики.., с. 35—36.

[20] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 224—230; *В. С. Лельчук*. Указ. соч., с. 4.

[21] Об этом инциденте см. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1. *Olberto Ponsi*. Partito unico e democrazia in URSS. La Constituzione del'36. Bari, 1977, p. 139—147.

[22] Всенародное обсуждение вопроса о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций. М., 1958, с. 6—46 (далее: Всенародное обсуждение...); Пленум Центрального Комитета. 19—23 ноября 1962 г., с. 7.

[23] Всенародное обсуждение.., с. 107 (см. там же, с. 82—90, 103—107 и далее).

[24] Директивы ЦК КПСС и Советского правительства.., т. 4, с. 732—738.

[25] КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 52—58; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 395, 446; т. 2, с. 42—43.

[26] *М. Л. Богденко*. Указ. соч., т. 144—171; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 257, 425.

[27] Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 257, 407.

[28] «Тезисы» Хрущева в том виде, как они были приняты ЦК. См. Всенародное обсуждение.., с. 4—44.

[29] Там же, с. 173—175, 183, 187—190 и далее: КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 316—322. См. текст законов в: Заседания Верховного Совета... 27—31 марта 1958 г., с. 394—398 (большая часть дебатов на этой сессии была посвящена реформе).

[30] Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973 гг. М., 1975, с. 189—194; *М. П. Губенко, К. Ольшевская*. Некоторые проблемы развития сельского хозяйства РСФСР в годы семилетки. — «Развитие сельского хозяйства СССР», с. 340—341; *И. М. Волков*. Указ. соч. — «История СССР», 1973, № 1; с. 12.

[31] Народное образование.., с. 68, 93, 246.

[32] «Тезисы» реформы см. Правда, 14 декабря 1958 г.

[33] Текст закона см. в: Заседания Верховного Совета 22—25 декабря 1958 г., с. 602—618. В этой книге приводится и обсуждение законопроекта о системе «трудовых ресурсов»; сравни: *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[34] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 176—177.

[35] Сравни: *Arrigo Levi*. Il potere in Russia. Da Stalin a Brezhnev. Bologna, 1965, p. 120—133. Мнение советских историков см. *И. М. Волков*. Указ. соч., с. 10—11.

[36] *В. С. Лельчук*. Указ. соч., с. 5; Пленум Центрального Комитета. 19—23 ноября 1962, с. 10.

[37] XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1966, т. 1, с. 54 (далее: XXIII съезд КПСС...).

[38] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 38—39.

[39] Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 95—96. Сравни: XXI съезд КПСС.., т. 2, с. 476—485. Сводную таблицу см. *A. Nove*. Storia economica dell'Unione Sovietica, p. 424.

[40] XXIII съезд КПСС.., т. 2, с. 8, 10.

[41] Там же, с. 8. Значительность невыполнения программ роста национального дохода следует из: Развитие социалистической экономики.., с. 469. Оба источника следует сравнить: XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 48. О важности этих мер экономического роста см. *А. Н. Косыгин*. Избранные речи и статьи. М., 1974, с. 263.

[42] Пленум Центрального Комитета. 19—23 ноября 1962 г., с. 9—10, 48—51.

[43] Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 174, 458, 460.

[44] Развитие социалистической экономики.., с. 105; Пленум Центрального Комитета. 24—29 июня 1969, с. 232; *В. С. Лельчук*. Указ. соч., с. 18.

[45] Соревнование двух систем, с. 84—89; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 516. Для аналогичных сравнений см. *Zbigniew Brzezinski*, *S. P. Huntington*. Political Power: USA — USSR. New York, 1972, p. 439—440. О падении темпов развития промышленного производства см. Народное хозяйство СССР в 1922—1972 гг., с. 127—128.

[46] Пленум Центрального Комитета. 19—23 ноября 1962, с. 10—11; XXIII съезд КПСС.., т. 2, с. 10.

[47] Сельское хозяйство СССР.., с. 25—26, 245.

[48] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 34; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 259; Пленум Центрального Комитета. 24—26 марта 1965, с. 6—7.

[49] Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 436—437.

[50] Там же, с. 498; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 414.

[51] *В. О. Морозов*. Совершенствование оплаты труда колхозников. 1953—1958 гг. в: Развитие сельского хозяйства.., с. 287—306. См. также: Развитие социалистической экономики.., с. 287—297.

[52] Эти проблемы деревни были поставлены в некоторых статьях экономистов и писателей. Однако, чтобы они нашли какой-нибудь отклик в руководстве партии, должны были пройти годы. См. об этом: Пленум Центрального Комитета. 24—26 марта 1965, с. 180. О предложениях Бухарина в 30-е гг. см. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[53] Проблемы истории современной советской деревни, с. 186—191; *И. М. Волков*. Указ. соч., «История СССР», 1973, № 1, с. 34—58. *R e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 106—111; *Ж. Лисичкин*. Гектары, центнеры, рубли. — «Новый мир», 1965, № 9, с. 220—222.

[54] Пленум Центрального Комитета. 24—26 марта 1965, с. 9—10, 39—40, 218; *В. Мацкевич*. Экономические проблемы дальнейшего развития сельского хозяйства. — «Вопросы экономики», 1965, № 6, с. 4—5. Сравни: КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 330—338; *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР, т. 3, с. 217—247.

[55] Пленум Центрального Комитета. 24—26 марта 1965 г., с. 97—99; См. там же первый точный анализ в этом аспекте.

[56] Там же, с. 8.

[57] Там же, с. 22, 56, 144; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 353, 401.

[58] Пленум Центрального Комитета. 24—26 марта 1965 г., с. 142—144, 162.

[59] *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР, т. 4, с. 162—165.

[60] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 65—69, 113—118.

[61] Пленум Центрального Комитета. 24—26 марта 1965 г., с. 28. Об обещаниях см. КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 183—190.

[62] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 93—102. *G. Boffa*. Dopo Krusciov, p. 187.

[63] *Z. Medvedev*. Lysenko, p. 207—222.

[64] Пленум Центрального Комитета. 24—26 марта 1965 г., с. 56; *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 3, с. 391—392, т. 4, с. 24—26; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 164—165.

[65] Блестящий анализ см. в: *Ю. Черниченко*. Целинная дорога. — «Новый мир», 1964, № 1, с. 166—185. А также: *Н. Верховский*. Влага и урожай. — «Новый мир», 1966, № 4, с. 199—200; Навстречу новой весне. — «Новый мир», 1964, № 4, с. 219—220.

[66] Пленум Центральиого Комитета. 24—26 марта 1965 г., с. 8—9, 13, 142, 176; *Ю. Черниченко.* Кубань — Вологодчина. — «Новый мир», 1965, № 4, с. 195—199.
[67] *Ю. Черниченко.* Колос юга. — «Новый мир», 1969, № 8, с. 221—222.
[68] Пленум Центрального Комитета. 19—23 ноября 1962, с. 59.
[69] Обширная документация этой дискуссии существует на итальянском языке. См. *V. C. Nemčinov.* Valore sociale e prezzo pianificato. Roma 1977; *Liberman, Nemčinov. Trapeznikov e altri.* Piano e profitto nell'economia sovietica. Roma, 1965; La riforma economica nell'URSS. Roma, 1969, *Oleg Antonov.* La pianificazione sovietica. Firenze, 1968. Снитез двух первых направлений см. *A. Levi.* Op. cit., p. 180—196; *Alec Nove.* Stalinismo e antistalinismo nell'economia sovietica. Torino, 1968, p. 136—158.
[70] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 367—376.

VII. Идеологический реванш

[1] О единоначалии см. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1; *G. Procacci.* Op. cit., p. 122—123.
[2] Наиболее важные из этих работ: *M. Tatu.* Op. cit.; *Carl A. Linden.* Khrushchev and the Soviet Leadership. 1957—1965. Baltimor, 1966; *Robert Conquest.* Power and Policy in the USSR. New York, 1961.
[3] Заседания Верховного Совета СССР 14—15 января 1960 г., с. 51. О прецедентах см. *Дж. Боффа.* Указ. соч., т. 1.
[4] *T. W. Wolfe.* Op. cit., p. 160—194. *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 180. Поскольку речь идет о сочинении, принимаемом с оговорками, некоторые указания на поведение военных кругов можно проследить (опять же подходя критически) в работе: La spia Penkovskij. Milano, 1966, p. 247, 256—257.
[5] *Carl A. Linden.* Op. cit., p. 69—71, 105—108.
[6] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 88—89; Заседания Верховного Совета 5—12 февраля 1957 г., с. 605—616.
[7] *А. Н. Косыгин.* Указ. соч., с. 286—287.
[8] Некоторые примеры можно найти в: Всесоюзное совещание историков, с. 29, 173—174, 312, 335, 338. Об одной из редких открытых дискуссий см. *М. С. Джунусов.* О советской автономии и пережитках национализма. — «История СССР», 1963, № 1. Кроме того, см. *R. e Z. Medvedev.* Krusciov, p. 177.
[9] Справочник партийного работника, с. 532—536.
[10] Там же, с. 533—534; *A. Levi.* Op. cit., p. 378—387.
[11] Заседания Верховного Совета 22—25 декабря 1958 г., с. 638. О тексте новых основ права см. там же, с. 618—688.
[12] Пленум Центрального Комитета. 18—21 июня 1963, с. 40—41; XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы. М., 1962, с. 46—49, 82; Всесоюзное совещание историков, с. 251—252, 349—350.
[13] *П. К. Курочкин.* Эволюция современного русского православия. М., 1971, с. 92—93.
[14] XXII съезд КПСС.., т. 3, с. 317—318.
[15] Развитие социалистической экономики.., с. 61—67.
[16] *A. Gramsci.* Quaderni del carcere. Torino, 1975, v. 3, p. 1939.
[17] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 98; XXII съезд КПСС.., т. 3, с. 5.
[18] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 98; XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 112; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 111; XXIII съезд КПСС.., т. 1, с. 86.
[19] XXIII съезд КПСС.., т. 1, с. 86.
[20] *И. Н. Юдин.* Социально-классовая природа КПСС и закономерности роста ее рядов. — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 4, с. 112—113; XX съезд КПСС.., т. 1, с. 278—279; XXIII съезд КПСС.., т. 1, с. 86; *T. H. Rigby.* Op. cit., p. 325.
[21] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 114. Сравни: Народное хозяйство СССР в 1962 г., с. 225; КПСС в резолюциях.., т. 7, с. 370—371.
[22] XXIII съезд КПСС.., т. 1, с. 86.
[23] *T. H. Rigby.* Op. cit., p. 309, 407, 439, 443—444.
[24] *И. П. Прусанов.* Повышение организационного и направляющего влияния партии в Вооруженных Силах. — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 2, с. 11.

[25] *В. Зазорин*. Приемом в партию надо руководить. — «Партийная жизнь», 1963, № 8, с. 15; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 112; КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 308.

[26] К такой интерпретации ясно призывают следующие авторы, см. *О. К. Антонов*. Указ. соч., с. 177—180. См. также *G. Boffa, Gilles Martinet*. Dialogo sullo stalinismo, p. 196—197.

[27] Типичный пример: XX съезд КПСС.., т. 1, с. 97. Подобные символы звучат не только в речах Хрущева, но и в его частных беседах: *G. Amendola*. Il rinnovamento del PCI, p. 147—148.

[28] *G. C. Pajetta*. Op. cit., p. 125. Его сердечности отдает дань уважения и Улам (*A. Ulam*. Storia della politica estera sovietica, p. 870).

[29] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 117; XXII съезд КПСС.., т. I, с. 119;

[30] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 107—108; XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 113; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 113; КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 11—17.

[31] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 113—114.

[32] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 103—104, 112—114; Пленум Центрального Комитета. 24—29 июня 1959, с. 461—462; Пленум Центрального Комитета. 24—26 марта 1965, с. 83.

[33] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 109.

[34] Всесоюзное совещание историков.., с. 70, 75, 258, 268—275, 361—362, 368—369 и далее.

[35] Лучшее разъяснение см. *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1.

[36] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 107.

[37] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 209—212, т. 3, с. 6.

[38] Там же, т. 1, с. 211.

[39] XX съезд КПСС.., т. 1, с. 98—100.

[40] Там же, с. 99; XXI съезд КПСС.., т. 1, с: 112; XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 16.

[41] КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 306, 312—314.

[42] *M. Ferrara*. Mal di Russia. Bari, 1965, p. 97—99.

[43] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 168—169.

[44] *R. Medvedev*. Dal XX al XXII Congresso del PCUS. — "Dissenso e socialismo", p. 61—62; *M. Tatu*. Op. cit., p. 146—157.

[45] XXII съезд КПСС.., т. 3, с. 362. О выдвижении предложения на съезде и его кратком изучении см. там же, с. 114—123.

[46] Там же, т. 2, с. 587.

[47] *M. Tatu*. Op. cit., p. 152—153.

[48] *R. Medvedev*. Dal XX al XXII Congresso del PCUS. — "Dissenso e socialismo", p. 65.

[49] КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 338—341; *Н. С Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 6, с. 397—422; *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 157—158.

[50] *Н. С. Хрущев*. Строительство коммунизма в СССР.., т. 7, с. 143—162. Пленум Центрального комитета. 19—23 ноября 1962, с. 12—26. Сравни: КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 316.

[51] КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 390—395.

[52] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 58—60.

[53] XXII съезд КПСС.., т. I, с. 253; КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 313.

[54] Пленум Центрального Комитета. 19—23 ноября 1962, с. 83—95; КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 394.

[55] *Z. Medvedev*. 10 anni dopo Ivan Denisovič. Milano, 1974; p. 25—27; *M. Tatu*. Op. cit., p. 33; *G. Boffa*. Dopo Krusciov, p. 134.

[56] *Z. Medvedev*. 10 anni dopo Ivan Denisovič, p. 15—19. Менее точен этот эпизод в передаче А. Солженицына: *A. Solženicyn*. La quercia e il vitello. Saggi di vita letteraria. Milano, 1975, p. 55—60.

[57] *M. Tatu*. Op. cit. p. 262—263; Le Monde, 11 mai 1968.

[58] *M. Tatu*. Op. cit., p. 331—335; 385—386.

[59] *Н. С. Хрущев*. Высокое призвание литературы и искусства, с. 182—190.

[60] Пленум Центрального Комитета. 18—21 июня 1963 г., с. 23.

[61] *Н. С. Хрущев*. Высокое призвание литературы и искусства, с. 204—205.

[62] См. его интересную речь: XXII съезд КПСС.., т. 2, с. 528—539.

VIII. Столкновение с Китаем

[1] См. Programma della Lega dei comunisti della Jugoslavia approvato al VII congresso della LCJ. Lubiana, 22—27 aprile 1958. Milano, 1958.

[2] *П. Федосеев, И. Помелов, В. Чепраков.* О проекте программы Союза коммунистов Югославии. — «Коммунист», 1958, № 6.

[3] Peking Review, 1958, № 11, p. 68; № 15, p. 7—9; № 16, p. 8—12; № 17, p. 6—11; № 18, p. 6—9; *N. S. Khrushchov.* For victory, p. 448—460, 560—579, 599—603.

[4] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 109—110.

[5] Прямое свидетельство о прокитайских настроениях Молотова см. *S. Alliluieva.* Op. cit., p. 416. Подобного рода указания многочисленны.

[6] Peking Review, 1966, № 27, p. 6; *Mao Tse-tung.* Discrosi inediti.., p. 234—235; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 159—160, 196.

[7] *Z. Brzezinski.* Op. cit., p. 364—365. Автор настоящей книги лично был свидетелем многочисленных проявлений недоверия.

[8] Доказательством тому — речи Хрущева (см. выше примечание 3). Красноречивое прямое свидетельство см. *J. Pelikan.* Op. cit., p. 144—149.

[9] *Mao Tse-tung.* Su Stalin e sull'URSS.., p. 4.

[10] Ibid., p. 3—6; *Mao Tse-tung.* Discorsi inediti.., p. 116; Peking Review, 1963, № 38, p. 9—10.

[11] Peking Review, 1958, № 14, p. 10—11; 1959, № 35, p. 19; *Mao Tse-tung.* Discorsi inediti.., p. 104—116, 234—235; Новейшая история Китая, с. 324—325.

[12] Заявление Советского правительства. — «Правда», 21 сентября 1963 г.; *Mao Tse-tung.* Su Stalin e sull'URSS.., p. 102—103.

[13] XXI съезд КПСС.., т. 1, с. 67—69, 109, 153—157.

[14] *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 170.

[15] Эти аргументы содержатся в Заявлении Советского правительства. — «Правда», 21 августа 1963 г. См. также *G. Amendola.* Il rinnovamento del PCI, p. 147.

[16] XXI съезд КПСС.., р. 1, с. 77—78.

[17] Peking Review, 1963, № 37, p. 12; *A. Ulam.* Storia della politica estera sovietica, p. 892—893. О слухах относительно скорого создания китайской атомной бомбы см. *John Gittings.* Survey of the Sino-Soviet Dispute. A Commentary and Extracts from the Recent Polemics. 1963—1967. London, 1962, p. 103. Аналогичные подтверждения еще в то время сделал автору настоящей книги Хо Ши Мин.

[18] *Neville Maxwell.* L'India e la Cina: storia di un conflitto. Milano, 1973, p. 107—116. В этой богато документированной книге рассказано все о китайско-индийском конфликте.

[19] Правда, 10 сентября 1959 г.

[20] Peking Review, 1963, № 45, p. 19—20; Заявление Советского правительства. — Правда, 21 сентября 1963.

[21] Да здравствует ленинизм! Пекин, 1960, с. 81.

[22] Там же, с. 22—23, 33; *G. C. Pajetta.* Op. cit., p. 136—137; его же статья в Rinascita, 17 settembre 1976. Автор мог в этом случае пользоваться и некоторыми личными замечаниями.

[23] Да здравствует ленинизм! С. 32, 43—44, 49—50, 55.

[24] Там же, с. 58.

[25] Albanie aujourd'hui, 1975, № 6, p. 8; *D. Z. Zagoria.* Op. cit., p. 294—297; на это совещание в Варшаве, кажется, ссылается Мао Цзэдун: *Mao Tse-tung.* Discorsi inediti..., p. 151.

[26] *D. Z. Zagoria.* Op. cit., p. 320—325. Свидетельства по большей части исходили от итальянских делегатов.

[27] Albanie aujourd'hui, 1975, № 6, p. 3. Автору говорил об этом итальянский делегат Артуро Коломби (*Edward Crankshaw.* The New Cold War. Moscow v. Pekin, 1963, p. 97).

[28] Текста этой речи не существует. Э. Крэнкшоу (*E. Crankshav.* Op. cit., p. 107—109] был одним из присутствующих, сделавших анализ. [На базе этого источника (*E. Crankshaw.* Op. cit., p. 97—110) сделан отчет о заседании в Бухаресте]. Автор консультировался с А. Коломби.

[29] Peking Review, 1963, № 37, p. 22—23.
[30] *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 180.
[31] Там же, с. 162—166; *Mao Tse-tung.* Discorsi inediti.., p. 77—79, 100—103, 141; *M. A. Kločko.* Op. cit., p. 67—68, 113—114, 152—154.
[32] Ibid., p. 208, 216.
[33] *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 208—216.
[34] Peking Review. 1963, № 37, p. 23.
[35] Ibid., p. 15; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 216—217.
[36] Отчет о совещании см. *E. Crankshaw.* Op. cit., p. 122—125. Свидетельство об этом есть и у Л. Лонго (*L. Longo.* Op. cit., p. 15—83). Разные компартии потом опубликовали некоторые документы, касающиеся их выступлений на совещании. Итальянская компартия: Interventi della dellegazione del PCI alla Conferenze degli 81 partiti comunisti e operai. Mosca, novembre 1960. Roma, 1962. Французская компартия: Problèmes du mouvement communiste internationale, Paris, 1963. Бельгийская компартия: различные статьи в Le Drapeau Rouge, январь, февраль и март 1962. Албанская — уже цитированный специальный номер Albanie aujourd'hui.
[37] См. Interventi della delegazione del PCI, p. 45—48, 75.
[38] *Mao Tse-tung.* Su Stalin e sull'URSS.., p. 34; *E. Crankshaw,* p. 128—129.
[39] Peking Review, 1963, № 37, p. 15, 22; Interventi della delegazione del PCI p. 76—77; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 217.
[40] Documenti politici dal IX al X congresso del Partito comunista italiano. Roma, 1963, p. 167—214.
[41] Interventi della delegazione del PCI, p. 75—76; *L. Longo.* Op. cit., p. 79—80.
[42] XXII съезд КПСС.., т. 1, с. 108—109, 325—326. Реплику Хрущева см. там же, т. 2, с. 577—581.
[43] Там же, т. 1, с. 323.
[44] См. письмо ЦК КПСС Центральному Комитету КПК. — "Sino-Soviet Relations. 1964—1965", analysed and documented by William E. Griffith, Cambridge, Massachusetts, 1967, p. 147.
[45] *J. Gittings.* Op. cit., p. 158—168; *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Указ. соч., с. 272—274.
[46] Sino-Soviet Relations.., p. 365—366.
[47] Peking Review, 1963, № 63, p. 14—15.
[48] Ibid., 1963, № 1, p. 9—11, p. 8—58; Rinascita, 12 gennaio 1963; X congresso del PCI. Atti e risoluzioni, Roma, 1963, p. 41—45, 233—234. 279—284.
[49] Peking Review, 1963, № 25, p. 6—32.
[50] Ibid., 1963, № 31, p. 7.
[51] Данные см. *Z. Brzezinski.* Op. cit., p. 285—286.
[52] *Н. В. Фаддеев.* Указ. соч., с. 10—13; *В. И. Морозов.* Новый этап социалистической интеграции. — «Новая и новейшая история», 1972, № 1, с. 4—5; *M. Kaser.* Op. cit., p. 94—120 (в приложении приводятся документы). Полный текст «принципов» см. Temps nouveaux, 1962, № 27, p. 35—44.
[53] *Н. С. Хрущев.* Насущные вопросы развития мировой социалистической системы. — «Коммунист». 1962, № 12, с. 12—13.
[54] См. документ Румынской рабочей партии: Sino-Soviet Relations.., p. 283—284.
[55] *J. Pelikan.* Op. cit., p. 149—154.
[56] Материалы Совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, 24 мая 1959, с. 25.
[57] Sino-Soviet Relations.., p. 282.
[58] Ibid., p. 281—284.
[59] Ibid., p. 270—273.
[60] Правда, 17 июля 1963 г.
[61] Peking Review, 1964, № 6, p. 8.
[62] Rinascita, 5 sett., 1964.
[63] Правда, 3 апреля 1964 г.; Sino-Soviet Relations, p. 265. Доклад Суслова, из которого взята цитата, полностью опубликован в обоих источниках. Однако эти слова потом исчезли из текста, см. *М. А. Суслов.* Указ. соч., с. 383.
[64] Peking Review, 1963, № 38, p. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Смещение Хрущева

[1] *Z. A. Medvedev*. Lysenko, p. 222—225. О немецкой политике автор имел в свое время личную информацию от политиков. Сравни: *M. Tatu*. Op. cit., p. 435—439.
[2] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 186—187. *M. Tatu*. Op. cit., p. 428—432.
[3] Тольятти был удивлен этим приемом. О своем предчувствии возможного кризиса он сообщил близким ему людям (информация автора).
[4] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 188—189.
[5] Ibid., p. 189—190; *M. Tatu*. Op. cit., p. 443—444.
[6] КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 491.
[7] Информация автора.
[8] Peking Review, 1964, № 48, p. 6.
[9] Информация автора.
[10] КПСС в резолюциях.., т. 8, с. 495—496.
[11] XXIII съезд КПСС.., т. 1, с. 98—99.
[12] *R. e Z. Medvedev*. Krusciov, p. 193.

II. СССР сегодня

[1] Третий всесоюзный съезд колхозников. 25—27 ноября 1969 г. Стенографический отчет. М., 1970, с. 291—309.
[2] Там же, с. 310.
[3] The Soviet Union: Internal Dynamics of Foreign Policy. Present and Future. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee of International Relations. House of Representatives. Washington, 1978, p. 214—215.
[4] *M. Tatu*. Op. cit., p. 567, 571—572.
[5] XXIII съезд КПСС.., т. 1, с. 126; т. 2, с. 319—320.
[6] *Дж. Боффа*. Указ. соч., т. 1; Componente nazionale e componente socialista nella rivoluzione russa e nella esperienza sovietica. — Momenti e problemi della storia dell'URSS. Roma, 1978, p. 21—24.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Монография

Джузеппе Боффа

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Том 2

От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941—1964

Редакторы *Е. Б. Аузан, Т. Б. Романова*
Оформление художника *Ю. С. Саевича*
Художественный редактор *Н. Д. Смольникова*
Технический редактор *Г. В. Лазарева*

ИБ 1876

Подписано в печать 13.12.93. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,5. Усл. кр.-отт. 40,3. Уч.-изд. л. 48,07. Тираж 25 000 экз. Заказ 381. Изд. № 19—н/90.

Издательство «Международные отношения».
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20.

Отпечатано с готовых пленок в Тульской типографии. 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

